

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

**АРМИЯ
И
ОБЩЕСТВО**

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

Москва
Прогресс
1990

АРМИЯ И

**Банерджи Д.
Библер А.
Благоволин С. Е.
Викулов С. Ф.
Владимиров А. И.
о. Владислав (Цыпин В. А.)
Волкогионов Д. А.
Гидиринский В. И.
Дудник В. М.
Ерохин В. А.
Иванов Д. В.
Каневский Б. М.
Кирбасова М. И.
Ковалевский В. Ф.
Козин В. П.
Кокосин А. А.
Кудрявцев В. Н.
Лопатин В. Н.
Мамонтов Ю. В.
Мартыненко В. И.
Москос Ч.
Панкин А. Б.
Посохов С. А.
Потапов В. В.
Пчелинцев А. В.
Рыжов Ю. А.
Савинкин А. Е.
Силласте Г. Г.
Хагена Г.
Хэтчетт Р.
Цалко А. В.
Чалдымов Н. А.
Червов Н. Ф.
Шахназаров Г. Х.
Шлыков В. В.
Эберли Дж.
Юшенков С. Н.**

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

ОБЩЕСТВО

**Новое мышление
и военная политика**

**Армия и безопасность
в современном мире**

**Образ армии
в общественном сознании**

Разоружение и конверсия

**Перспективы
военной реформы**

**Говорят народные
депутаты СССР**

Москва
ПРОГРЕСС
1990

Часть гонорара авторы сборника передали Ордену милосердия и социальной защиты им. А. Д. Сахарова для оказания помощи беженцам из числа семей военнослужащих

ББК 66.3(2)3
А 83

Редактор *Качанов В. Е.*
Младшие редакторы *Глинская И. Ю. Федорова О. А.*

А 83 **Армия и общество/Сост. и общ. ред. Чалдымова Н. А. и Черкасенко А. И.** — М.: Прогресс, 1990. — 432 с.

В сборнике представлены статьи по актуальным проблемам нового мышления в военной политике, соотношения армии и безопасности в современном мире, разоружения и конверсии, реформы в вооруженных силах. Авторы сборника, среди которых известные советские и зарубежные ученые и военнослужащие, размышляют о путях достижения прочного мира, об эволюции военной политики, дискутируют вокруг острых вопросов взаимоотношений армии и общества. В сборник вошли материалы международной научной конференции «Новое мышление и военная политика», которая состоялась в ноябре 1989 г. в Москве.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

А $\frac{0802010202-473}{006(01)-90}$ без объявлений

ББК 66.3(2) + 68.49(2)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемая издательством «Прогресс» серия публицистических сборников «Перестройка: гласность, демократия, социализм» хорошо известна советским и зарубежным читателям. Эти книги — «Иного не дано», «Осмысливая культ Сталина» и другие — стали своеобразным зеркалом перестройки и сыграли большую роль в осмыслении различных проблем мирового общественного развития, тех исторических изменений, которые происходят сегодня в Советском Союзе. Отрадно отметить, что в них присутствуют и военно-политическая проблематика, вопросы безопасности, армейской жизни. Статьи и суждения на эти темы подводили общественное, в том числе и научное, мнение к необходимости пристального рассмотрения проблемы войны и мира, ее отдельных аспектов, связанных прежде всего со взаимоотношениями армии и общества.

Предлагаемый вниманию читателей очередной сборник специально посвящен этим вопросам. В дискуссиях, ведущихся в нашей стране, все чаще речь идет о путях и перспективах развития военной сферы в условиях нового политического мышления, беспрецедентных за послеоктябрьский период перемен в жизни и мироощущении советских людей. Не обходят стороной эти дискуссии и Верховный Совет, его комитеты и комиссии. Особенно остро стоит вопрос о концепции военной реформы. Известно, что Министерство обороны готовит свои предложения на этот счет. Неоднократно он обсуждался и в подкомитете Верховного Совета СССР по Вооруженным Силам.

Проблема, с которой мы постоянно сталкиваемся в ходе работы подкомитета, — отсутствие глубоко продуманных научных подходов к современному развитию Вооруженных Сил, точных и непротиворечивых результатов анализа их нынешнего состояния. Нередко это происходит не из-за того, что предлагаемые варианты изменений военной сферы готовятся самими военными ведомствами (например, Министерством обороны СССР), которые в определенном смысле монополизировали право на ведение исследовательской работы в этой сфере. Поэтому наш подкомитет не всегда получает достаточно информации альтернативного плана. Соответственно сужается возможность принятия всесторонне обоснованных военно-политических решений и осуществления эффективного парламентского контроля за их выполнением.

Впрочем, можно отметить, что в рамках подкомитета активно действует комиссия по военной реформе. Но она делает лишь первые шаги, ищет, образно говоря, парадигму своего действия и сотрудничества с самыми различными организациями и учреждениями, включая, естественно, и МО СССР. Но комиссии становится уже тесно в рамках подкомитета, так как вопрос о военной реформе — комплексный вопрос, который связан не только с преобразованием Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В этой связи очень важно, что наконец-таки появляется книга, в которой предпринимается попытка всесторонне осмыслить проблемы безопасности, военной политики, армии. Составители сборника представили точки зрения известных ученых и народных депутатов СССР, генералов и офицеров, не «сглаживая» ни внутреннюю противоречивость, ни дискуссионность мнений. Авторами сборника стали многие нетрадиционно мыслящие теоретики и практики военного дела и даже священнослужитель. Всех их объединяет стремление радикально улучшить положение дел в военной сфере, привести ее в соответствие с вызовом, который несет в себе грядущий XXI век.

Отрадно, что поиск решений ведется не только на национальном, но и на международном уровне, а среди авторов — известные политологи и специалисты в области военной теории из США, Великобритании, ФРГ, Индии и Югославии. Их материалы подготовлены на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Новое мышление и военная политика», проходившей в Москве 14-16 ноября 1989 г.

Читатель найдет в книге неординарные философские рассуждения о судьбах войны и человечества, о путях построения ненасильственного, демилитаризованного мира. Многие авторы (Ю. Рыжов, В. Кудрявцев, Г. Шахназаров, Д. Волкогонов, Н. Чалдымов, В. Лопатин, С. Благоволитин, Дж. Эберли, Г. Хагена, Ч. Москос) по-новому ставят вопросы, связанные с местом и ролью армии в цивилизованном обществе, отрицающем войну во внешней политике и стремящемся избежать применения насилия при разрешении внутренних конфликтов и противоречий. В этом контексте обращает на себя внимание высказанная некоторыми из них мысль о том, что устранение «образа врага» из международных отношений и наметившаяся тенденция превращения военно-политических блоков НАТО и ОВД в политические союзы создают реальные возможности для расширения контактов между исследователями из различных стран мира в целях системного изучения современной военной политики, разработки универсальной оборонительной военной доктрины.

Ряд авторов, в том числе и народные депутаты СССР, поднимают в своих статьях вопрос о необходимости переосмысления существующего до сих пор подхода к обеспечению безопасности. Речь идет о комплексном понимании этой проблемы, так как обеспечить безопасность в современном мире можно, лишь защитив общество, государство и личность от совокупности экологических, экономических, политических, идеологических, военных и других угроз. Традиционно эта зада-

ча решалась военными средствами, что стало одной из причин милитаризации советского общества и нашло отражение в формировании огромного военно-промышленного комплекса, разбухании военного бюджета, содержании чрезмерно большой армии как элемента административно-командной системы.

Говоря о негативных процессах в функционировании военной системы, практически все авторы отмечают необходимость проведения радикальной военной реформы, в ходе которой последовательно решались бы вопросы разоружения, конверсии, сокращения численности личного состава, социальной защищенности военнослужащих, восстановления доверия общества к армии, изменения форм организации и принципов политического и военного управления и т.д. Учитывая критическое отношение к армии со стороны ряда общественных сил, падение престижа ратного труда среди молодежи, авторы статей предлагают различные варианты оптимального решения назревших проблем. В частности, обосновывается допустимость поэтапного перехода Вооруженных Сил СССР на модель профессиональной армии, с ее более четким правовым регламентом, а также правомочность введения альтернативной службы в условиях всеобщей воинской обязанности. Представлена также точка зрения на взаимоотношения армии и церкви и создание возможности для верующих призывников в условиях армейской службы реализовывать свое конституционное право на свободу совести.

С удовлетворением хочу отметить, что сборник подготовлен по инициативе издательства «Прогресс» и Советской ассоциации «Армия и общество» — новой общественной организации, ставящей своей целью объединение на междисциплинарной основе представителей различных наук, занимающихся изучением ключевых проблем современности — мира и войны, армии и общества.

Академик Е. Велихов, председатель подкомитета Верховного Совета СССР по Вооруженным Силам

**Новое мышление
и военная
политика**

© Перевод статей Дж. Эберли, Г. Хагена — *А. Черкасенко*
Перевод статьи Р. Хэтчетт — *А. Белкина*

СУДЬБЫ ВОЙНЫ И МИРА (СОВЕТСКИЙ ОПЫТ)

Молох войны неоднократно собирал свою кровавую жатву с необозримых пространств Советского Союза. В XX в. ни одно другое государство не заплатило столь высокую цену за свое участие в многочисленных войнах. Их происхождение, характер и последствия различны. Только неполный перечень этих войн говорит о многом: гражданская война, включая сюда борьбу с иностранной военной интервенцией (1918-1922), война с буржуазной Польшей (1920), вооруженные конфликты на КВЖД (1929), с милитаристской Японией в 30-е годы, включая Халхин-Гол (1939), советско-финляндская война (1939-1940), Великая Отечественная война (1941-1945). Нормальное социальное, экономическое и культурное развитие страны многократно прерывалось кровавыми «спазмами», периодами восстановления, напряженными усилиями по ликвидации их негативных последствий в самых различных сферах.

Сегодня можно утверждать, что Великая Отечественная война стоила советскому народу около трети всего национального богатства и 26-27 млн. человеческих жизней. По данным первого варианта Чрезвычайной государственной комиссии, разрушено 1710 городов и поселков городского типа, сожжено более 70 тыс. сел и деревень, взорваны и приведены в негодность 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожных путей, опустошено более 100 тыс. колхозов и совхозов. 25 млн. человек остались без крова...

Лишь сейчас мы стали говорить, что чудовищная цена этой войны — результат не только вероломства фашистской Германии, но и просчетов и тяжелых ошибок советского диктатора. Об этом свидетельствует даже простое сопоставление советских и немецких безвозвратных потерь, которое находится в соотношении 3,2:1.

Существует мнение, что внеэкономическая административно-бюрократическая система сталинской модели «социализма», основанная на сверхцентрализации, может быть эффективной в экстремальных ситуациях. Это не так. Победа советского народа в Великой Отечественной войне была достигнута не благодаря, а вопреки тоталитарному сталинизму, который с безнравственной расточительностью использовал человеческий потенциал для преодоления прямой военной угрозы своему существованию.

Степень и глубина общественного прогресса страны зависели не

только от зрелости программ социального переустройства, исторических условий их реализации, «достоинств» и «промахов» руководства, но и от масштабов участия СССР в различных войнах: вынужденных и невынужденных, неизбежных и явно неоправданных.

Отсутствие демократических традиций гласного принятия важнейших государственных решений в сочетании с непрерывным постулированием идеи о «враждебном окружении» (обращенном попеременно или комплексно то вовнутрь, то вовне страны) позволяло государственному руководству принимать решения, которые в ряде случаев были далеки от интересов народа.

Кроме войн явных, объявленных, в которых участвовал Советский Союз, ему довелось быть причастным, как принято говорить официально, к акциям по выполнению «интернационального долга». Это войны, имеющие в основном идеологическую основу. Наиболее крупные войны этого плана — оказание помощи республиканской Испании (1936-1939), участие в гражданской войне в Афганистане (1979-1989). Нельзя также забывать, что Советский Союз оказывал в разных формах помощь Китаю (40-50-е годы), Северной Корее (1950-1953), Вьетнаму (в 60-е годы).

Сотни и тысячи советских людей участвовали в боевых действиях в ходе почти десятка «малоизвестных» советским людям войн. Для ряда советских семей Алжир, Египет, Йемен, Сирия, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Афганистан — не только географическое название, но и неутихающая боль утрат. И вопрос тут не в абсолютных цифрах потерь, а в их «мирном» качестве: люди погибли или стали инвалидами в ходе боевых действий в других странах, когда на Родине был мир.

Каковы результаты советской политической, технической, советнической помощи развивающимся странам? Каковы ее последствия для самого Советского Союза? Эти вопросы требуют специального анализа. Очевидно одно: хотя идеологические соображения теперь заметно утрачивают свое значение, в прошлом они были едва ли не главным императивом при определении решений об участии в подобных военно-политических акциях. Генезис таких подходов — в расколоте мира, приоритетности классовых, а не общечеловеческих ценностей. То, что мы сегодня называем новым мышлением, могло казаться тогда лишь утопией или ересью. Подходы и критерии политических решений были совсем иными.

Надо признать, что негативную роль в этом вопросе сыграл сталинский жесткий схематизм во взглядах на процессы мирового развития. Черно-белое видение мира после второй мировой войны вылилось в осознанное жесткое противопоставление «лагеря социализма» «лагерю капитализма». Критериями истинности действий и верности идеалам социализма стали не хозяйственные успехи, которые имели место, а прежде всего внешнеполитические аргументы «географического» и «арифметического» свойства, то есть территориальное расширение и численное приумножение группы стран, которые могли бы быть отнесены или к «лагерю социализма», или к антиимпериалистической группе стран.

По мере нарастания застойных тенденций в советском обществе центр тяжести соперничества все более смещался в военно-политическую сферу. Это не только крайне затрудняло реализацию действительных социалистических преимуществ, но в определенной степени отвечало интересам оппонентов из противоположного лагеря, давая очевидные политические и военные дивиденды в виде пресловутой «советской военной угрозы».

Сейчас мало, например, говорить, что война в Афганистане стоила СССР 13 833 жизни, 49 985 искалеченных, 330 пропавших без вести, десятков миллиардов рублей из государственного бюджета. Афганская война — это самая продолжительная война, в которую была втянута Россия после 1812 г., это 9 лет 1 месяц и 18 дней, в течение которых в общей сложности почти полмиллиона советских граждан были вырваны из нормальной человеческой жизни. Плоды участия в «малоизвестной войне», когда соотечественники жили мирно, выражаются в болезненной и длительной адаптации «афганцев» к мирной жизни. Был использован тезис о глобальном советско-американском противоборстве, подкрепленный установками о пролетарском интернационализме, соответствующем долге в отношении соседней страны. Политическая ошибка заключалась не только в действиях брежневского руководства, которое, кстати, и мысли не допускало, что «вожди» могут ошибаться. Ошибка состояла в том, что в целом действительно благие намерения стабилизировать политическую обстановку в соседней дружественной стране изначально были обречены на острейшее противоречие между политической целью и военным методом ее достижения.

В течение многих лет деформаций и искажений представлений о моральной жизни мы отвыкли «видеть себя со стороны». Именно поэтому, хотя были и есть другие факторы (ведь афганская война вступила во второе свое кровавое десятилетие и без советских войск), нам понадобились долгие годы испытаний, чтобы задуматься, почему подавляющее большинство стран мира осуждает наши действия.

Сегодня некоторые специалисты говорят, что вводу советских войск в Афганистан предшествовали внутренняя дестабилизация и внешнее вооруженное вмешательство в дела суверенного государства, что о вводе войск неоднократно просили афганские руководители. Это так, но эти доводы объясняют, но никак не оправдывают действия советского руководства в принципиальном плане. Мы извлекли горький урок из трагического разрыва между целями и намерениями, средствами и методами их осуществления. Идеология оказалась оторванной от действительных интересов людей, а потому бесплодной.

Все «доядерные» войны подтвердили справедливость классической формулы Клаузевица, определившей ее сущность как «продолжение политики насильственными средствами». Самая страшная война, которую пришлось вести Советскому Союзу в 1941-1945 гг., — эта война с немецким фашизмом. Она была ему вероломно навязана — да, навязана, хотя сегодня некоторые историки выражают сомнение: все ли было сделано советским руководством в политической области, чтобы ее избежать.

Но были и войны, возникновение или ход которых зависели в решающей степени от советской стороны. К таковым следует отнести прежде всего советско-финляндскую войну и войну в Афганистане. Если не говорить о политических параметрах отшумевших войн, то следует сказать, что все они были для СССР своеобразной формой отчуждения страны от реализации долгосрочных социальных целей, конкретных планов развития и, что особенно печально, многих миллионов людей — от своей земной сущности.

Мы редко говорим о «цене» минувших войн. Вопрос о политической, исторической и философской цене этих войн представлялся как бы неактуальным. А ведь в этой сфере сложились ужасные исторические тенденции, выражающиеся в устойчивом характере возрастания количества жертв, удельного веса разрушительности и деструктивной масштабности военных конфликтов. За последние три столетия наблюдается увеличение количества войн, в которых в течение года погибло 1000 и более человек. В XVIII в. их было 68, в XIX в. — 205, а в XX в. — 237. В этих войнах соответственно погибло 4,4 млн., 8,3 млн. и 98,8 млн. человек. Кровавая жатва молоха войны возрастает на целый порядок.

Наряду с очевидным ростом количественных показателей этой трагической статистики происходит существенное возрастание удельного веса разрушительности и масштабности войн. В XIX в. велось 14 войн с людскими потерями 100 тыс. человек и более, в XX в. таких войн стало в 3 раза больше. В XIX в. было развязано 2 войны с жертвами более 1 млн. человек, в XX в. их произошло 13. Войны сопровождаются ростом прямых потерь среди гражданского населения относительно общего числа людских потерь. Во время первой мировой войны этот показатель составлял 5%, во вторую мировую войну — 48, во время войны в Корее — 84, во Вьетнаме — 90%.

Особой и малоизученной сферой военно-демографических последствий войн являются косвенные и отдаленные потери. Вследствие мобилизации молодых мужчин происходит резкое падение числа браков и рождаемости, а это в конечном итоге существенно снижает естественный прирост населения; к примеру, его падение в России в 1915 г. составило до 73%.

Значительно возрастает число инвалидов. В результате первой и второй мировых войн более 40 млн. человек стали инвалидами, при этом росло их число среди гражданского населения. На каждых 100 мобилизованных в первую мировую войну учтено 11 инвалидов, а во второй мировой войне — 28.

Происходит существенное снижение качества населения, связанное с ухудшением материальных условий жизни (во вторую мировую войну в Европе 60 млн. человек остались без крова), и как следствие — падение морали, интеллектуального потенциала, появление эпидемий и другие негативные явления. При этом рост расходов на войны в денежном выражении приобрел труднообразимые масштабы.

От созидательной и творческой деятельности отчуждалась наиболее ценная самодеятельная часть общества. В первой мировой войне

непосредственно принимало участие более 1 млрд. человек из 33 государств, т.е. 62% населения планеты, а во второй мировой войне — уже около 2 млрд. человек из 61 государства, или около 80% населения планеты.

Ретроспективный взгляд на международные кризисы, из которых дважды в XX столетии разгорались мировые пожары, наталкивает на некоторые размышления.

Кризисные явления накануне двух мировых войн, развиваясь по схеме «действие — контрдействие», протекали по законам движения «снежного кома». Попытки удержаться на гребне конфронтационного равновесия не только не предотвратили сползание мира к войне, но и в известном смысле способствовали нарастающему «самодвижению» кризисов. Все предварительные расчеты сторон — как жертв, так и агрессоров — были опрокинуты трагической реальностью войн, масштабы, характер, глубина и длительность которых всякий раз превосходили, казалось бы, немыслимое.

Анализ особенностей международных кризисов в предвоенные годы показывает, что если в момент зарождения кризисных явлений в межгосударственных отношениях сохраняется потенциальная возможность их урегулирования, то с переходом к военно-силовой фазе резко возрастает скорость и интенсивность деструктивных процессов, неумолимо нарастают тенденции неадекватной оценки своих действий, замыслов и действий противника. А поскольку война — явление в значительной мере иррациональное, следовательно, ее мировые формы — апофеоз этой иррациональности, если подходить с мерилom общечеловеческих ценностей.

Вердикт истории мировым войнам неумолим: агрессия в XX в., несмотря на все духовные и материальные затраты по ее подготовке, неизбежно трансформируется в свою противоположность — большое поражение, негативные последствия которого глобальны и длительны.

Обе мировые войны завершились появлением «чудо-оружия будущего», крахом планов агрессоров и трагедией миллионов людей. В XX столетии у человечества может быть одна победа на всех — мир для всех. Печальный опыт упущенных возможностей по предотвращению минувших мировых пожаров, а также тщетные попытки одностороннего «умиротворения» агрессора убедительно доказывают, что безопасность может быть или для всех, или ни для кого. И альтернатива миру тут одна — непредсказуемый смерч трагедии войны.

Преодоление в ракурсе нового политического мышления наслоения догм и предрассудков, предвзятости и односторонности трактовки в истории мировых войн позволит вырваться из фатального круга насилия, увидеть путь к выживанию рода человеческого в ядерный век.

Потенциал надежды человечества на рубеже третьего тысячелетия во многом базируется на основании двух моментов: народы и государства с различным социально-политическим устройством способны, отбросив предрассудки, амбиции и преодолев взаимные обиды, сплотиться и совместно действовать перед лицом общей угрозы. Исторический опыт борьбы антигитлеровской коалиции с фашизмом бесценен и

для ныне живущих как материальное доказательство примата общечеловеческого над классовым. Уроки в «классах» мировой истории трудны, но жизненно необходимы всем.

После второй мировой войны Советский Союз, втянувшись в навязанную ему гонку вооружений, обрек себя на изнурительное противоборство. Остается лишь догадываться, какова будет итоговая астрономическая цифра военных расходов, которые, говоря словами Маркса, человечество «выбросило на ветер», какова глубина деформаций в сознании и культуре, происшедших в XX в. по милитаристским причинам. Советский Союз внес свой горестный вклад в эту вынужденную для него гонку. И вероятно, советские руководители раньше, чем их оппоненты из Атлантического союза, поняли, что ядерный «турнир» может вести лишь в исторический тупик, так как пепел капитализма и пепел социализма будут практически неразличимы.

Опыт всех прошлых войн в значительной мере утратил свое значение, ибо победа «исчезла». Средства ведения войны переросли цели войны, возникла обратная ситуация: «кто выстрелит первым — умрет вторым». Стало ясно, что наступил исторический предел, граница, рубеж для войн с применением ядерного оружия. Войны стало возможно предотвратить еще до исчезновения глубинных причин, которые их вызывают. Думаю, что сейчас в СССР более, чем где-либо, существуют и углубляются антивоенные настроения. Этому способствуют два обстоятельства. Первое: в прибыли и сверхприбыли предприятий, работающих в сфере вооружений, не заинтересован никто. Второе: большинство советских людей в сокращении военного бюджета и конверсии оборонных отраслей промышленности видят важное средство выхода из тяжелого экономического положения, в котором находится страна.

Советский опыт войн XX в., которые СССР пришлось вести в силу самых различных причин, однозначно свидетельствует, что вектор прогресса или регресса общества в значительной мере зависел от степени и характера военных усилий государства. Более трети времени существования Советского государства фактически отдано войнам и преодолению их тяжелых экономических и социальных последствий. Этот факт позволил СССР исторически ответственно подойти к оценке перспектив возможного ядерного конфликта. Опыт войн Советского государства и положение «догоняющего» долгие годы в ядерной гонке дают возможность сделать вывод, что на рубеже XX и XXI вв. необходим подлинный исторический компромисс всех идеологий мира. Только на этой основе возможно мышление по-новому. «Дискретное» сознание во взглядах на войну не позволяло раньше оценить ее дальше национальных рамок. Ныне гамлетовский вопрос вышел за национальные границы и приобрел глобальный характер.

С появлением средств массового поражения мировое общественное развитие постепенно переместилось в иную систему координат, которая связана с опасностью кризиса цивилизации и, следовательно, предполагает выработку новых критериев социального прогресса. По-видимому, единственно универсальным критерием социального про-

гресса нового времени является человечность как императив поступательного развития современной цивилизации. В этом случае разговор следует вести не об антагонистическом противоречии двух социальных систем, разрешение которого фатально через столкновение, а о движении двух различных социальных систем к единому, общечеловеческому идеалу по своим специфическим путям. Таким образом, опасное противоречие между системами трансформируется в поддающееся сознательному регулированию противоречие между способами достижения одной общей цели.

А это создает возможность преодоления исторически сложившегося и идеологически обусловленного отчуждения между субъектами межгосударственных отношений на цивилизованном уровне. История не имеет обратного хода. То же можно сказать об исторической эволюции войны как инструмента политики. С момента возникновения государства как социального института и формы организации общества роль военного фактора в обеспечении безопасности государства постоянно и трагически возрастает. Сопряжение военно-силового мышления с научно-техническим прогрессом привело к взаимоотрицанию: был создан мощный потенциал уничтожения, но реализовать его в достаточной для победы мере стало невозможно. И это справедливо не только в отношении давно минувших войн, но и совсем недавних. Не углубляясь в рассмотрение принципиальных различий между войной во Вьетнаме и войной в Афганистане, следует отметить существенное сходство парадокса силы: ни американская, ни советская сторона не могли решить политическую задачу военным методом. Смертоносные арсеналы накапливались, а их применение в полном объеме становилось все менее вероятным.

Достижение военно-стратегического паритета между СССР и США фактически девальвировало военную силу как универсальное орудие политики. Допаритетная симметрия производительного расточительства в гонке вооружений сменилась не менее опасной асимметрией «действие — контрдействие» на узком гребне военно-стратегического паритета. Назрел переход от принципа «сверхвооруженности» к принципу «разумной оборонной достаточности», под которым подразумевается адекватность военных усилий государства степени реальных угроз и минимальным потребностям обороны.

Понятие «оборонной достаточности» — центральный и интегральный компонент современной советской военной доктрины, который пронизывает ее экономические, технические, научные, политические и идеолого-психологические сферы. Вследствие этого политическое признание нецелесообразности и бесперспективности применения военной силы в политике подкрепляется материально, через реализацию принципа «оборонной достаточности» в военно-техническом отношении. В этой связи переход от количественного подхода в решении оборонных задач к качественным параметрам их обеспечения не только снижает порог опасного противостояния, но и в специфически военной форме выражает качественную доминанту современного общечеловеческого движения вперед. Существенно и то, что монополии сверхдер-

жав на ядерное оружие на рубеже XXI столетия приходит конец, ожидается заметное расширение членов «ядерного клуба». А посему тем более необходим строгий и ясный кодекс поведения и межгосударственных отношений во имя сохранения современной цивилизации, основанный на принципах свободы выбора, многовариантности общественного развития различных государств, деидеологизации и демилитаризации их взаимоотношений на основе баланса интересов. А это позволит создать действенный, учитывающий уроки истории механизм предотвращения войн.

Вероятно, все мы стоим перед необходимостью формирования «планетарного» сознания в отношении войны, которое может дать, возможно, единственный шанс ее недопущения. Необходимо осваивать науку «политической профилактики» войн и региональных конфликтов, вырабатывать и твердо следовать кодексу межгосударственных отношений, основанному не на балансе сил, а на балансе интересов, ясно осознавая решающее значение приоритета общечеловеческих интересов и уникальную ценность каждой человеческой жизни, стоящих неизмеримо выше любых иных целей. Период «проб и ошибок» в этой области необратимо завершен.

Исторический опыт СССР убеждает: война, подготовка к ней и преодоление ее последствий переводят страну на нисходящую ветвь развития и, наоборот, мир, мир устойчивый, инициирует прогресс. Социальный прогресс лежит не в плоскости противоборства систем, а в плоскости сотрудничества и многообразия. Советский опыт судеб мира и войны говорит: человечество начало приближаться к пониманию того, что войны должны быть в «ведении» лишь историков...

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

До последнего времени под военной политикой понималась та часть общей политики классов, государств и партий, которая была непосредственно связана с подготовкой и применением средств вооруженного насилия для достижения политических целей¹.

В современных условиях ситуация коренным образом изменилась. Сегодня идея достижения политических целей средствами вооруженного насилия исчерпала себя. Война перестала быть рациональным средством решения экономических, политических, идеологических и других споров. В связи с этим нередко можно услышать рассуждения о том, что сущность войны полностью утратила свои политические характеристики. Иными словами, полностью отрицается формула Клаузевица и Ленина о том, что война есть продолжение политики иными, а именно насильственными, средствами. Так ли это? Думаю, что эта формула полностью своего значения не утратила. Связь войны с политикой можно рассматривать в плане определения причин и истоков войны, ее ведения и результатов. Для всех здравомыслящих людей сегодня становится очевидным, что в ракетно-ядерной войне победителей не будет, что результатом ее может быть только гибель всего человечества. Но что касается причин и истоков войны, то они по-прежнему коренятся в политике, проводимой милитаристскими силами, приверженными авантюристическому способу решения международных споров средствами вооруженного насилия. Полное отрицание связи войны с политикой снимает вопрос об ответственности за международную напряженность и гонку вооружений тех социальных сил, которые не хотят отказываться от догм старого военно-политического мышления.

Не менее важно умение увидеть происшедшие изменения взаимосвязи между сущностью войны и способами достижения военно-политических целей. Сегодня совсем не обязательно начинать мировую ракетно-ядерную войну, чтобы подвести планету к опаснейшей черте глобального катаклизма. Любой локальный вооруженный конфликт, как правило, очень быстро вовлекает в военное участие большое количество малых и крупных государств. И никто не может с уверенностью утверждать, что эскалация применения обычного оружия не приведет

¹ См. Военный энциклопедический словарь. М., Воениздат, 1983, с. 137.

к использованию сначала мощнейшего высокоточного, а затем и ядерного оружия. Вот почему очень важно отказаться не только от ядерных вариантов применения военной силы для решения политических и прочих споров, но и вообще от ориентации на военную силу как фундамент отношений с другими государствами.

Мир меняется, и очень быстро. Причинами этих перемен являются не только процессы, происходящие в каждой отдельной стране. К качественным сдвигам в развитии нашей планеты привели глобальные противоречия, имеющие своим носителем человечество как таковое. Самая главная реальность нашего времени заключается в том, что остановить сползание рода человеческого к самоуничтожению может лишь общечеловеческий разум, способный, поднявшись над частными спорами, обидами и разногласиями, увидеть и разрешить жизненно важные проблемы больших и малых народов. Только коллективный разум, впитывающий в себя новые идеи, рождаемые различными классами и группировками, объективно заинтересованными в прогрессивном развитии общества, способен спасти человечество от экономической, демографической и других глобальных катастроф, только этот разум способен выработать противоядие от самой большой опасности — военного уничтожения человечества.

В современных условиях военная политика любого государства может быть прогрессивной, т.е. соответствующей требованиям нового политического мышления, или реакционной — идущей с ним вразрез. Под прогрессивной военной политикой следует понимать деятельность государства, направленную на предотвращение любых войн с помощью создания военных структур, имеющих сугубо оборонительную направленность и предназначенных для обеспечения национальной безопасности.

Появилось общее содержательное звено в доктринальных положениях как социалистических, так и буржуазных государств. Жизнь показывает, что эти общие звенья рождаются вместе с появлением правильного отражения с той и другой стороны реалий современного «мира». Прав был В. И. Ленин, когда писал, что все теории хороши, если соответствуют объективной действительности.

Реальности сегодняшнего мира таковы, что обеспечение безопасности пока еще немыслимо без средств вооруженного насилия. Весь вопрос состоит в том, какими они должны быть у каждой конкретной страны, чтобы интересы национальной безопасности не подрывали достигнутого уровня стабильности международных отношений. Впрочем, сама по себе стабильность не может быть конечной целью утверждения в мировой политике приоритетов общечеловеческих ценностей. Она может выступать лишь в качестве отправного пункта всеобщей демилитаризации всех сфер международной жизни. Следует сказать, что каждое государство всегда заботилось о своей безопасности, нередко возникали и союзы государств для совместного коллективного решения этой задачи. Но никогда еще человечество не стояло перед выбором — либо всеобщая безопасность, либо конфронтация, чреватая всемирной катастрофой.

Подлинную национальную безопасность можно создать лишь тогда, когда она будет основываться на приоритете общечеловеческих ценностей. Иными словами, национальная безопасность может быть эффективной только в системе всеобщей безопасности, построение которой включает в себя: выработку соответствующей концепции с учетом реальностей времени; пропаганду и внедрение данной концепции на уровне правительства и самых широких масс населения планеты; определение конкретных мер по реализации этой концепции. Суть дела заключается в том, чтобы строить международные отношения не за счет партнеров или соперников, а вместе с ними. Политический курс каждого государства должен сводиться к тому, чтобы вместо конфронтации и безудержной гонки вооружений укреплялось доверие и взаимопонимание, расширялось сотрудничество между государствами, сокращались их вооружения. А для этого надо отрешиться от оставшихся от прошлого взглядов на приоритет национальной безопасности, отказаться от догм «ядерного устрашения», избавиться от взаимной подозрительности и недоверия, накопившихся за многие десятилетия «холодной войны». На язык военной политики приоритет общечеловеческих интересов по отношению к узконациональным может быть переведен в международной военной доктрине, совместно выработанной всеми государствами. Такую доктрину мог бы разработать созданный для этой цели соответствующий международный комитет для принятия ее на специальной сессии ООН.

Возникает вопрос: есть ли предпосылки к созданию такого документа, готов ли Запад к переходу на позиции нового политического мышления?

Ответ на этот вопрос требует очень взвешенного анализа реалий сегодняшней военной политики крупнейших капиталистических государств. Такой анализ должен включать рассмотрение всевозможных теоретических установок, даваемых в письменных и уставных выступлениях тех, кто имеет непосредственное отношение к разработке буржуазной военной идеологии, а также уяснение сути современной военной доктрины США и НАТО (как официально принятых на данное время положений, определяющих характер возможных войн, цели в них, преследуемые определенными государствами, и порядок подготовки вооруженных сил к ведению боевых действий).

Общий политический фон, на котором развиваются сегодня на Западе военные теории, реализуемые впоследствии в доктринальных и стратегических концепциях, говорит о том, что ситуация явно меняется к лучшему. Прежде всего представляют интерес изменения в позиции руководящих деятелей крупнейших капиталистических государств. В их выступлениях звучит понимание необходимости конкретных шагов в направлении сокращения вооруженных сил, снижения уровня противостояния как в Европе, так и в других регионах планеты. Подобные изменения в позиции западных руководителей отражают перемены, происходящие в сознании широкого круга людей, уставших от постоянной международной напряженности. О происшедших переменах говорят и опросы общественного мнения. Очень характерным

является прием в США и Англии, оказанный Д. Т. Язову. Впервые за всю историю советско-американских отношений министр обороны СССР посетил Пентагон.

Такие тенденции в международных отношениях создали реальные предпосылки для отказа от старых представлений об образе врага, противостоящего нашему государству. Этот образ постепенно формировался в сознании людей прежде всего на основе абсолютизации различия социально-политических систем. Признание нами в качестве непрременного постулата развития международных отношений постоянного обострения классовой борьбы с неизбежностью приводило к стремлению навязать идеологическую волю, то есть к идеологическому гегемонизму. Идеологическая нетерпимость была благодатной почвой культивирования образа врага. Уместно вспомнить, что, проповедуя подобные положения, мы ссылались на идеи классиков марксизма-ленинизма, произвольно подгоняя под свою концепцию те или иные цитаты из их произведений. На самом деле общая логика рассуждений выдающихся теоретиков не предполагала неизбежности постоянного возрастания жесткости и нетерпимости классовых отношений.

Достаточно вспомнить слова Ф. Энгельса из его произведения «Положение рабочего класса в Англии». Ф. Энгельс писал: «Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция. По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом: он признает лишь ее историческое значение для настоящего, но отрицает ее необходимость в будущем; он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость... но коммунизм идет дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества»¹.

Реальным возмущением наших теоретических установок к действительно научному подходу явился отказ от понимания мирного сосуществования как формы классовой борьбы. Наши старые позиции по этому поводу не могли быть совместимы с общечеловеческими нормами и права и нравственности. Уместно вспомнить, что еще в 50-е годы были люди, которые предупреждали нас об ошибочности фанатичной преданности идейной нетерпимости.

Интересным документом на эту тему является открытое письмо А. Эйнштейна, обращенное к советским людям. Этот величайший ученый, в частности, писал: «...нам не следует делать ошибку, возлагая на капитализм вину за все существующее социальное и политическое зло, и полагая, что само лишь установление социализма могло бы вылечить все социальные и политические болезни человечества. Опасность такого мнения состоит прежде всего в том, что оно поощряет фанатическую нетерпимость «правоверных», превращая один из возможных социальных методов в подобие церкви, которая клеймит всех

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 516.

тех, кто к ней не принадлежит, как предателей или гнусных злоумышленников. А если уж такое состояние достигнуто, способность понимать убеждения и действия «неправовверных» исчезает полностью»¹.

В современных условиях нежелание понимать друг друга катастрофично по своим последствиям. Вот почему руководство Советского государства решительный поворот в сторону нового мышления прямо связывает с необходимостью отказа от отношений, основанных на несовместимости (национальной, религиозной, идеологической и пр.).

Выбор путей развития человеческого сообщества сегодня немислим без поисков единства и согласия с вынесением за скобки спорных и противоположных позиций. Однако следует отметить, что в области военно-политических отношений труднее всего отказаться от сложившихся стереотипов, по сути своей предполагавших наличие образа конкретного врага и постоянное воспитание ненависти к нему.

Нередко задают вопрос: зачем нужна армия, если нет врага, против которого ей предстоит сражаться? И если есть такая необходимость, то как можно отказываться от понятия «враг»?

Задающие такой вопрос путают два возможных подхода к проблеме. Первый подход — политический. Сегодня только милитаристы-фанатики могут по-прежнему считать войну оптимальным средством достижения различных целей. Цивилизованное государство должно рассматривать свои вооруженные силы не как средство, предназначенное для ведения войн, а как средство предотвращения войны. Это означает, что в основе межгосударственных отношений должна лежать идея добрососедских взаимовыгодных отношений, исключающих применение вооруженного насилия.

Второй подход — собственно военный. И вчера, и сегодня, и до тех пор, пока будет существовать армия, мерилом ее характеристик останется уровень готовности к защите своего государства или союзников в случае возможной агрессии, то есть уровень профессиональной подготовки. А если еще точнее — уровень способности противостоять вероятному противнику в возможном вооруженном конфликте.

Выделение двух таких подходов — политического и собственно военного — позволяет решить противоречие между признанием приоритетов общечеловеческих ценностей и необходимостью военных гарантий национальной безопасности.

В политическом плане размывание образа врага, предполагавшего воспитание не только у солдата, но и у всех членов общества психологии враждебности и ненависти по отношению к другим народам и странам, является процессом благотворным, способствующим утверждению принципов нового политического мышления. Согласно этим принципам, врагом является не американец, не немец, не русский. Враг как потенциальный противник — это агрессор. Непосредственным или потенциально возможным противником следует считать те силы, которые по сей день утверждают возможность достижения пол-

¹ Цит. по: *Новое время*, 1988, №16, с. 23.

итических, экономических, идеологических и других целей с помощью вооруженного насилия.

Все меньше остается оснований предполагать, что США или другие развитые капиталистические страны нападут на Советский Союз с целью его завоевания. Но ни для кого не секрет, что в этих государствах по-прежнему есть очень влиятельные деятели, которых не устраивают позитивные тенденции, набирающие силу в международных делах. Эти люди и даже целые организации еще не отказались от призывов к использованию вооруженного насилия в борьбе против социализма.

Можно назвать и другие примеры, подтверждающие мысль о наличии опасности возникновения вооруженных конфликтов. Где, например, гарантии тому, что в какой-то стране не появится новый религиозный фанатик, нетерпимый к неправованным? И можно ли считать полностью прогнозируемыми процессы, происходящие на Африканском континенте, население которого, как утверждают ученые, к 2000 г. удвоится при остающемся плачевным экономическом состоянии. Оснований для беспокойства за национальную безопасность еще много. Значит, армия остается необходимым элементом политической организации общества. Другой вопрос — какой должна она быть в современных условиях.

Сегодня на страницах печати, в средствах массовой информации появилось много суждений относительно возможности путей развития армии. К сожалению, часто приходится встречаться с очень легковесными предложениями. Нередко авторы выступлений устраивают афронт армии. Такая позиция ошибочна и неконструктивна. Не нужно видеть в человеке, одетом в военную форму, виновника всех финансовых затруднений. Гораздо продуктивнее попытаться дать оценку глубинных экономических и политических просчетов и ошибок. Огульное охаивание военных не ведет к устранению недостатков и отрицательных явлений в армейской жизни. Нужны конструктивные предложения по перестройке в вооруженных силах. Смысл таких выступлений должно быть не развенчивание армейской службы, а поддержание необходимой боеготовности вооруженных сил, приведенных в соответствие с новыми условиями международных и внутригосударственных общественных отношений.

Дальнейшее развитие армии во многом зависит от изменения международной обстановки. Если человечество и дальше будет двигаться по пути мирного сосуществования и разрядки международной напряженности, отказавшись от решения всевозможных споров с помощью вооруженного насилия, то вполне естественной станет трансформация нашей армии, как и армий других государств. В этих условиях вооруженные силы любого современного государства, вставшего на путь цивилизованных отношений, должны обладать высоким уровнем военной защиты от внезапного нападения, включать в себя элементы механизма блокирования действий агрессора на ранней стадии военного конфликта; быть неспособными к ведению агрессивных войн; иметь характеристики экономной и демократической военной организации.

Сегодня же можно привести конкретные примеры, говорящие об

изменениях в Вооруженных Силах СССР, вызванных перестройкой. Начато планомерное сокращение военного бюджета; на 500 тыс. человек сокращается армия; организационно-штатная структура приводится в соответствие с оборонительным характером военной доктрины; начат процесс демократизации межличностных отношений в воинских коллективах; самое серьезное внимание обращается на изжитие позорных явлений, связанных с так называемыми неуставными отношениями.

Важнейшее условие интенсификации перестройки в армии заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций по проведению реформы, позволяющей в конечном итоге решить главную задачу, поставленную сегодня перед армейским коллективом, — превратить советские Вооруженные Силы в хорошо отлаженный и соответствующий всем требованиям современности механизм защиты социалистического отечества от любого возможного посягательства. Во имя решения этой задачи и должны функционировать армия и флот. Сегодня же слышатся сетования со всех сторон по поводу того, что военнослужащие занимаются всем, чем угодно, только не боевой подготовкой. В значительной степени такие жалобы справедливы. Но это не вина, а беда вооруженных сил. Армия сама строит все необходимое для себя. Кроме того, десятки тысяч военных строителей обслуживают различные министерства в самых тяжелых природных районах страны. Во время стихийных бедствий на помощь пострадавшим первыми приходят воины. Реформа в армии теснейшим образом переплетается с труднейшими процессами, происходящими во всем нашем обществе.

Но есть и собственно военная сторона вопроса. Какой по своей структуре должна быть армия в наше время, чтобы функционировать в соответствии с реальностями внутренней и внешнеполитической обстановки? Кто разрабатывает и утверждает ее структуру? В какой мере эта задача ложится на плечи военных ученых?

В Военном энциклопедическом словаре отмечается, что руководство КПСС является основой основ советского военного строительства. За этой фразой очень часто скрывалась возможность монополизации отдельными политическими деятелями принятия решений по конкретным военно-политическим вопросам. Нередко задают вопрос: кто виноват в ошибочности рекомендаций, которые лежали в основе некоторых военно-политических акций, проводимых советскими Вооруженными Силами? Можно ли считать, что советские ученые-теоретики виноваты в допущенных ошибках? Не снимая определенной вины с военных исследователей, нужно отметить, что очень часто в основе разработок военно-доктринальных и военно-стратегических концепций лежало мнение одного или нескольких руководителей, не соответствующее объективным реальностям международных отношений и собственной логике военной политики.

Каким образом сложившиеся международные отношения влияют на характер Вооруженных Сил? Какой должна быть военная мощь в условиях мирного сосуществования и оборонительной военной докт-

рины? Ответы на эти вопросы прежде всего должна дать военная наука.

Роль военной науки, учения о мире и войне проявляется двояко. Во-первых, ведется разработка конкретных рекомендаций по претворению в жизнь положений, составляющих смысл современной военной доктрины. Доктрина представляет собой достаточно стабильную систему взглядов и положений, она не может меняться постоянно. В противном случае практически невозможно наладить функционирование такого сложного организма, как армия. Но жизнь идет вперед, изменяются и объективные, и субъективные условия развития всего общества, следовательно, должна меняться и военная политика. Соответствующие рекомендации по возможному совершенствованию и преобразованию военной доктрины и политики должны давать военная наука, учение о мире и войне. Это второе направление военной науки.

Видимо, нет нужды возвращаться к анализу плачевного опыта, когда военная теория либо выполняла разъяснительную функцию, либо превращалась в служанку сиюминутных потребностей, нередко выражавших устремления чисто субъективного характера. Военно-теоретические исследования могут отличаться друг от друга, более того, они должны вестись в многовариантном спектре, дабы одна и та же проблема получала всестороннее толкование. Военно-политическое руководство страны, опираясь на всю полноту подобных исследований, выбирает оптимальный вариант, который после официального утверждения становится доктринальным положением, обязательным для практических действий всего армейского организма. А военная наука уже снова должна заглядывать в завтрашний день, имея в виду необходимость не упустить, не просмотреть возможность будущих перемен.

Каково возможное направление реформы советских Вооруженных Сил? Сегодня в выступлениях по этому вопросу, как правило, присутствует жесткое противопоставление кадровой и милиционной системы комплектования армии. Причем нередко в одно и то же понятие вкладывается разный смысл, иногда просто искажается действительное понимание того или иного термина. Например, когда встает вопрос о профессиональной армии, можно услышать понимание «профессионала», идентичное «наемнику» — наемному убийце, свергающему прогрессивные правительства и не имеющему ничего святого за душой. Здесь срывает привычный стереотип, хотя человек, пришедший служить в армию по найму, совершенно не обязательно должен оказаться одиозной фигурой.

Должна ли наша армия быть массовой или небольшой по количеству, профессиональной или милиционной; нужно придерживаться принципа всеобщей воинской обязанности или перейти на добровольное комплектование? Небезынтересно вспомнить, что говорили по этому поводу классики марксизма-ленинизма. Ф.Энгельс и В. И. Ленин считали, что в условиях обострения международной обстановки и тем более войны армия должна быть кадровой и массовой. Но в условиях, когда стране не угрожает военная опасность, когда барометр меж-

дународных отношений предвещает улучшение погоды, они считали не только возможным, но и целесообразным снижение общей численности войск и переход на милиционную систему комплектования. Таким образом, они выступали за динамичное приспособление армейской структуры к обстоятельствам реальных отношений, складывающихся между различными государствами.

В современных условиях позитивных международных перемен появилась возможность отказа от многочисленной армии, предполагающей обязательный призыв всех молодых людей на воинскую службу. Этот момент тем более требует своего обсуждения, поскольку вызывает сомнение целесообразность призыва в воинские части тех, чье присутствие там заведомо не только не дает положительного эффекта, но, наоборот, приводит к отрицательным результатам. Имеется в виду ежегодное заполнение штатных единиц бывшими уголовниками, физически нездоровыми людьми, а также теми, кто откровенно заявляет о том, что не возьмет в руки оружия. Подход к определению возможного места молодого человека в системе военной обязанности должен быть дифференцированным.

Сегодня мало кто ставит вопрос о комплектовании армии по принципу профессионально-милиционной системы. Смешанная модель армии в этом случае состояла бы из двух составных компонентов: кадровой, высоко технически оснащенной и профессионально подготовленной военной организации и территориально-милиционной структуры. Комплектование армии могло бы проводиться по принципу воинской обязанности или на смешанной основе.

Кадрово-профессиональное ядро представляло бы собой основной компонент армии и состояло бы из войск постоянной готовности (мобильных и стационарных). Возможность отбора, большой срок службы, профессионализация деятельности личного состава этих войск позволяют иметь высокий уровень боеготовности и боеспособности. Территориально-милиционная часть армии могла бы комплектоваться на основе принципа обязательной государственной службы или на смешанной основе. В ее состав входили бы учебные и вспомогательные части и подразделения, которые в разряд регулярных переводились бы только в чрезвычайной обстановке. Соотношение между кадрово-профессиональной и милиционной частями армии может быть различным в зависимости от характера конкретной военно-политической обстановки.

Формирование кадрово-профессиональной части Вооруженных Сил в нашей стране начинается не на пустом месте. Ни для кого не секрет, что наши летчики — все профессионалы, подводники — почти на 80% профессионалы, в ракетных и некоторых других частях — сходная ситуация. Конечно, не обязательно, чтобы все военнослужащие, включая обслуживающий персонал, получили статус воина-профессионала со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Переход к профессиональной службе не может быть осуществлен поспешно, на скорую руку. Его следовало бы провести поэтапно в течение трех — пяти лет. А в результате две формы, возникшие в наших

Вооруженных Силах, позволили бы четко разграничить функциональные обязанности. Кадрово-профессиональная часть выполняла бы профессиональную боевую работу. Территориально-милиционная часть занималась бы подготовкой резервов, охраной объектов, оказывала бы при необходимости помощь народному хозяйству, ликвидировала бы последствия стихийных бедствий и т.д. Наличие второй части Вооруженных Сил позволило бы решить проблему альтернативной службы.

Наибольшие споры вызывает финансовая сторона перехода армии к профессиональному принципу комплектования. Однако многие придерживаются мнения, согласно которому умелое использование средств, высвобождаемых вследствие сокращения Вооруженных Сил, уменьшения объема закупок оружия и техники, конверсии оборонной промышленности и других резервов, позволило бы установить такое денежное содержание, которое заинтересовало бы людей, склонных к службе в Вооруженных Силах.

Проблема статуса Вооруженных Сил СССР в условиях коренной перестройки советского общества и утверждения нового политического мышления приобрела особое звучание. На различных уровнях развернулась дискуссия о месте и роли армии и обществе. Изучение дискуссионных материалов, их обобщение и публикация объективно необходимы и полезны для более глубокой проработки этой проблемы.

ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА: ОСОБЕННОСТИ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Нарастающая политизация общественной жизни, выдвижение на передний план проблем обеспечения национальной и международной безопасности, предотвращения войны заметно обострили интерес к концептуальным аспектам политики в области обороны. Речь идет прежде всего о таких вопросах, как особенности и сущность этой политики, ее структура и функции. Их выяснение — неперенная теоретико-методологическая предпосылка решения конкретных актуальных проблем оборонной политики, которые ныне активно осмысливаются с учетом современных реалий и с позиций нового политического мышления.

В поисках ответов на поставленные вопросы бесполезно совершить экскурс в историю. Разбег во времени всегда служил надежным способом проникновения в сущность постигаемого предмета.

Военная политика (словом «оборонная» обозначается одна из возможных ее направленностей) выделилась в относительно самостоятельную отрасль политической деятельности на рубеже XVIII-XIX вв. Войны той поры стали отличаться значительно возросшими масштабами, широким вовлечением в них экономических ресурсов и появлением массовых армий. Войны как бы переросли военную стратегию. Руководство ими из рук полководцев-стратегов перешло в ведение специально возникавших для этих целей учреждений более высокого, военно-политического ранга: различного рода государственных военных советов или комитетов, военных министерств, генеральных штабов и т.п. За военной стратегией оставалось руководство вооруженной борьбой в целом. Вновь сформировавшийся уровень руководства войной и всем военным делом стали называть поначалу «стратегией с большой буквы», «большой стратегией», «политической стратегией», а затем утвердилось современное понятие — «военная политика».

Субординацию и координацию этих понятий и обозначаемых ими видов деятельности удачно определил в свое время немецкий военный теоретик Генрих Дитрих Бюлов в следующей формуле: «политическая стратегия относится к военной так, как последняя относится к тактике, и политическая стратегия является наивысшей»¹. Его соотечественник знаменитый Карл Клаузевиц, по существу, впервые раскрыл сложную

¹ Стратегия в трудах военных классиков, т. II. М., 1926, с. 63.

диалектику превращения военной стратегии в военную политику. В работе «О войне» он заметил: «Стратегия граничит с политикой и государствоведением, вернее... сама становится тем и другим»¹.

Этот беглый экскурс в историю становления военной политики как относительно самостоятельной отрасли деятельности хотелось бы завершить провидческой и актуальной для нашего времени мыслью известного русского военного теоретика Г. А. Леера о необходимости подвести под военно-политическую деятельность серьезное научное основание. «Исследование того явления, — писал он, — которое обнаруживают политические условия на ведение военных действий, короче, той связи, которая существует между войной и политикой, должно составить задачу отдельной... науки... именно — военной политики»².

В наше время в международной практике установился довольно устойчивый взгляд на военную политику как на одну из специфических частей (или направлений) в системе общей политики государства. В различных вариациях, не меняющих, однако, существа дела, такого понимания придерживаются авторы многочисленных публикаций на Западе и не столь многочисленных — у нас. Вот, например, как образно определяет место военной политики в системе общенациональной английский военный теоретик Э. Кингстон-Макклори: «Национальная политика — это вершина треугольника, основанием которого служит экономическая политика, внешняя политика и военная политика в их совокупности. Стратегия как таковая оказывает немалое влияние на все эти три вида политики и в свою очередь испытывает влияние с их стороны»³.

Как ни хорош этот геометрический образ, он слишком скупо охватывает систему общегосударственной политики, не отражает всю ее сложность и подлинное место в ней военной политики. Прежде всего в этой системе явственно различаются два наиболее крупных подразделения: внутренняя и внешняя политика. Каждая из них в свою очередь разделяется на составные части или направления в зависимости от того, какую область социальной действительности та или иная часть регулирует и направляет. Так, например, во внутренней политике различают экономическую, социальную, культурную и другие направления.

Об этих общеизвестных вещах можно было бы и не говорить, если бы не одна тонкость, на которую желательно обратить внимание в связи с определением места и особенности военной политики в системе общегосударственной. Военную политику нельзя отнести только к внешней или только к внутренней политике. Она имеет, как говорят в таких случаях, двойное вхождение. Внутренняя сторона военной политики связана с созданием средств вооруженного насилия и их возможным использованием при разрешении внутригосударственных противоречий. Внешняя сто-

¹ Клаузевиц. О войне, М., Воениздат, 1941, с. 160.

² Леер Г. А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны, ч. 1. СПб, 1871, с. 27.

³ Кингстон-Макклори Э. Военная политика и военная стратегия. М., Воениздат, 1963, с. 32-33.

рона охватывает всю деятельность по использованию (военному или не военному) силовых средств в межгосударственных отношениях.

И еще одна особенность. Военная политика, как ни одна иная, тесно взаимодействует со всеми другими разновидностями политики, а в определенных условиях интегрируется с ними. В результате возникают такие гибриды, как военно-экономическая, военно-техническая и другие разновидности политики. Если обобщить отмеченные особенности, то военную политику следует отнести к разряду комплексных (или синтетизированных) разновидностей политики.

Во взаимодействии внешней и внутренней сторон военной политики есть свои закономерности, тенденции развития. Один из еще совсем недавно казавшихся незыблемыми постулатов марксизма гласит: внешняя политика определяется внутренней. Ныне, когда так стремительно нарастает действие факторов целостности, интернационализации человеческого сообщества, в этом вопросе напрашиваются весьма существенные коррективы. Нужда в них появилась также в связи с критическим обострением глобальных проблем, сохраняющейся угрозой ядерной катастрофы. Конечно, в отдельных странах в экстремальной ситуации и сейчас внутренняя сторона военной политики может оказаться приоритетной. В условиях нестабильности, социально-экономической напряженности сила может оказаться предпочтительным средством разрешения внутривосударственных противоречий.

Все это так. Но в глобальном измерении нельзя не видеть, как все отчетливее действует тенденция возрастания роли внешних факторов военной политики относительно внутренних в судьбах как отдельных стран, мировых социальных систем, так и всего мирового сообщества. Достаточно назвать некоторые из них. Скажем, создание механизма международной безопасности, в котором политические средства имели бы примат по отношению к военным. Или проблема перевода военно-стратегического паритета на качественно иной — военно-политический уровень, когда примерное и взаимосогласованное равенство охватило бы весь спектр военно-политических отношений: не только баланс ядерных и обычных сил, но и военно-экономических, научно-технических и других слагаемых военной мощи СССР и США, ОВД и НАТО. Легко заметить, что эти приоритетные проблемы национального и общечеловеческого бытия лежат в плоскости внешней стороны военной политики.

Для понимания сущности и специфики политики в области обороны необходимо преодолеть еще один нередко встречающийся стереотип. Эту политику, как, впрочем, политику вообще, довольно часто сводят лишь к практической деятельности. Такое прагматическое видение политики было ошибочным и в прошлом. В наше же время, в эпоху ответственных и воистину судьбоносных политических решений, это опасный по своим возможным трагическим последствиям анахронизм. Органичный сплав политики и науки — категорический императив нашего времени вообще, в области военной — в особенности. Речь идет о необходимости политики опираться не только на науч-

ные знания, методы, лежащие, так сказать, за пределами самой политики (скажем, философию, политэкономия, социологию или военную науку, военную историю и т.д.). У политики, в том числе военной, давно уже есть своя собственная наука, в ее лоне сформировавшаяся. Для политики в целом — это политология; для военной политики — теория военной политики или военная политология.

О необходимости последней дальновидные умы додумались еще в прошлом веке. Чтобы подкрепить эту мысль, приведем одно малоизвестное свидетельство. В труде русского генерала Н. А. Корфа, опубликованном в 1871 г., говорилось: «Что касается необходимости военной политики как самостоятельной науки, то она доказывается тем, что, с одной стороны, предмет ее не исследуется ни одной из существующих наук; с другой стороны, она будет иметь вполне самостоятельный предмет — изучение значения для войны и ее ведения государственного устройства, государственной деятельности и их эволюции, которые хотя и исследуются, как в социологии, так и в политике, но с совершенно иных точек зрения»¹.

Можно лишь удивляться и огорчаться, что такое понимание приходит к нам со столь значительным запозданием. Надо отдать должное американским политологам и военным теоретикам, которые еще в 60-х годах на волне начавшихся тогда революционных перемен в военном деле приступили к разработке специализированной теории военной политики, удачно назвав ее «теорией национальной безопасности». Предметом этой теории считаются главным образом проблемы внешней, военной и военно-экономической политики, взятые воедино.

Если практическая сторона военной политики охватывает организационно-управленческие проблемы, то ее теоретическая сторона обращена к постижению закономерностей и принципов деятельности в военной области, методов и средств достижения тех или иных целей, которые связаны с обеспечением общенациональных интересов. Итак, военная политика есть органичный сплав или синтез теории и практики. Недооценка теории в этом синтезе чревата бескрылым эмпиризмом. В политике он всегда был вреден, а в наш переполненный грозными опасностями ядерный век, когда многократно возросла цена просчетов в области обороны, такая недооценка гибели подобна.

Не будет, видимо, натяжкой в связи со сказанным утверждать, что возрастание роли и удельного веса теоретического содержания военной политики, военно-политической теории — одна из закономерных тенденций развития этой политики и ее функционирования, особенно в наше переломное время.

Вот так непросто и своеобразно «встроена» военная политика в систему общегосударственной политики. Этим объясняется наличие в ней внешней и внутренней сторон, теоретического и практического содержания, а также фундаментальных тенденций, которые характеризуют взаимодействие указанных сторон и слагаемых этой политики.

Другая узловая проблема такого же концептуального плана —

¹ Корф Н. А. Связь военных наук с общественными. Общее введение в стратегию. Этюды по философии военной науки. СПб, 1897, с. 85.

структура военной политики. Известно марксистское положение о трехчленной структуре надстроечных сфер социального организма. Даже в наше бурное время, когда пересматриваются многие стереотипы мышления и теоретические догмы, это положение, думается, остается в силе. Военная политика по этой марксистской логике есть системное единство определенных взглядов, соответствующих им общественных отношений и закрепляющих, регулирующих их социальных учреждений или институтов.

Военно-политические взгляды. На ранних этапах истории подготовка и ведение войн ограничивались опытно-эмпирическим подходом к решению возникавших военно-стратегических и военно-политических проблем. Подходом, основанным преимущественно на интуиции, методе проб и ошибок. Когда же войны стали предприятием значительно более сложным и опасным с точки зрения возможных последствий, понадобилось принципиально иное — более масштабное, более прогностическое и систематизированное военно-политическое мышление. В ответ на эту объективную потребность в середине прошлого века сначала в Германии, а затем в других европейских странах и США стали формироваться более или менее научно обоснованные национальные военно-политические и военные доктрины.

Россия заметно задержалась с этим. С отсутствием официально признанной национальной доктрины трезвомыслящие отечественные военные теоретики и практики связывали, в частности, поражение России в войне с Японией. Об этом свидетельствует оживленная дискуссия после войны на страницах журнала «Русский инвалид». Николаю II пришлось не по душе слишком темпераментный запал и полемический тон некоторых статей, который перерастал в критику существующего порядка вещей, отставания царизма в военной области. Он пресек дискуссию, повелев «лучше заняться изучением воинских уставов».

Прерванная дискуссия возобновилась вскоре после окончания гражданской войны и, прежде всего стараниями М. В. Фрунзе, завершилась разработкой основ единой советской военной доктрины. В годы сталинщины ей, как, впрочем, и многому другому, серьезно не повезло. Сам термин «военная доктрина» был выведен из обращения. И лишь в начале 60-х годов, под давлением коренных революционных перемен в военном деле, пришло прозрение. Министр обороны СССР того времени маршал Р. Я. Малиновский в одной из своих публикаций¹ поставил вопрос о необходимости восстановления в правах советской военной доктрины, ее глубокой разработки и сформулировал некоторые основополагающие доктринальные установки.

Конечно, военно-политические взгляды, доктринальные установки существовали и тогда, когда о них не принято было говорить, а на сами термины эти было наложено высочайшее табу. То, что входит в понятия «военно-политические взгляды», «военная доктрина», так или иначе отразилось в программных партийных документах, Кон-

¹ М а л и н о в с к и й Р. Я. Бдительно стоять на страже мира. М., Воениздат, 1961.

ституции, военно-правовых актах и военных документах (например, в воинских уставах). Но явная недооценка, слабая научная разработанность и догматическая застылость этой теоретической области военной политики не могли не сказаться. Не здесь ли следует искать одну из причин грубых просчетов, которые у нас допускались в прошлые годы при принятии некоторых ответственных военно-политических решений?

Недооценку основательной научной проработки военно-политических взглядов нельзя допускать хотя бы потому, что в них содержится самое важное, основополагающее для всей военно-политической практики указание на ее цели и задачи, а также на пути и средства их достижения. Эта часть военно-политических взглядов представляет собой, по существу, военно-политическую концепцию государства. В правовом государстве такая концепция разрабатывается на демократической основе и закрепляется юридическими актами высшего законодательного органа страны.

Чем совершеннее, адекватнее реальностям внутренней и международной обстановки военно-политическая концепция, тем эффективнее военная доктрина государства. Попутно заметим, что неправомерно смешивать то и другое. Концепция определяет, как уже говорилось, цели и средства политики в области обороны. Военная же доктрина, или система взглядов на подготовку и ведение возможной войны, конкретизирует пути и методы достижения военно-политических целей. Она переводит военно-политическую концепцию на язык военно-политической практики как в собственно политической, так и в военно-технической областях.

Разработка концептуальных и доктринальных проблем военной политики настолько сложное и ответственное дело, что в наше время оно стало (точнее, должно стать) предметом внимания специализированной отрасли политологии, какой является теория национальной безопасности — иначе говоря, военная политология.

Военно-политические отношения. Они складываются в соответствии с военно-политическими взглядами, в которых отражается международная и внутренняя обстановка, баланс сил и замыслы участников международного процесса. Отличительная особенность военно-политических отношений, их сущность состоит в том, что это — отношения по поводу военного (или невоенного) использования средств вооруженного насилия для разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий.

С развитием исторического процесса видоизменялись масштабы и характер военно-политических отношений. На первых порах они не выходили за рамки отдельных государств, двусторонних, затем многосторонних отношений. С образованием мировых социальных систем военно-политические отношения приобрели блоковый характер. В наше время, в связи с набирающей силу тенденцией движения к взаимосвязанному и целостному миру, речь уже идет о военно-политических отношениях глобального масштаба.

Отчетливо просматриваются две наиболее крупные разновидности

военно-политических отношений — по поводу подготовки и ведения войн, нагнетания военной опасности и полярно противоположная разновидность, направленная на предотвращение войны, обеспечение безопасности. Если следовать логике истории, то можно установить закономерную последовательность в смене ступеней как опасности, так и безопасности.

Первой ступени, когда мир состоял из национально оформившихся государств — аутсайдеров, обособленных отечеств, исторически соответствовали отношения типа национальной опасности (имеется в виду военная угроза, исходящая от одного-двух агрессивных государств) или национальной безопасности. На следующей ступени, связанной с эпохой империализма и мировых войн, возникла новая разновидность — коллективная опасность (угроза со стороны коалиции агрессивных государств) и противостоящая ей коллективная безопасность. На современном этапе опасность и безопасность стали глобальными, в связи с чем остро встал вопрос о создании системы международной безопасности.

Обе диаметрально противоположные разновидности военно-политических отношений имеют определенную градацию состояний.

Градация военно-политических отношений типа нагнетания военной опасности и ее перерастания в открытые военные конфликты или широкомасштабные вооруженные столкновения (вплоть до глобального «спазматического» ядерного конфликта) получила глубокую и детальную разработку в концепции «лестница эскалации» американских военных политологов Г. Кана и Т. Шеллинга. В ней исследуются 44 ступени возможного разрастания военной опасности и разных по масштабу военных событий. В обобщенном виде и с учетом современных реалий эту эскалацию можно представить как дестабилизацию региональной или мировой военно-политической обстановки на различных по степени остроты уровнях конфронтации, вплоть до международной напряженности в форме «холодной войны». Последняя является непосредственной предвестницей возможных военных событий различного масштаба — от военных конфликтов малой интенсивности до мировой ядерной войны.

Военно-политические отношения типа обеспечения международной безопасности имеют противоположную направленную градацию, которую можно назвать дэскалацией. Это отношения стабилизации международной военно-политической обстановки путем преодоления конфронтации, выхода из состояния «холодной войны», смягчения международной напряженности (разрядки), ликвидации региональных конфликтов, предотвращения как ядерной, так и обычных войн, обеспечения длительного мирного периода мирового сообщества на основе надежно действующего и высокоэффективного механизма международной безопасности.

Военно-политические учреждения и институты. В структуре военной политики им отводится ответственная роль связующего звена между военно-политическими взглядами и военно-политическими отношениями. Эти учреждения призваны закреплять и регулировать во-

енно-политические отношения, обеспечивать их соответствие военно-политическим концепциям и доктринам государства (или коалиции государств). Наиболее существенная специфика этого слагаемого в структуре военной политики видится в том, что военно-политические учреждения обеспечивают единство политического и военного руководства всей военной деятельностью в мирное или военное время, в национальном или межгосударственном масштабах.

Об исторической эволюции этой части структуры военной политики уже сказано в самых общих чертах. Основная тенденция развития военно-политических учреждений — их усложнение и дифференциация по мере усложнения войны и всего военного дела. Этот процесс происходил по нескольким сходящимся направлениям.

Во-первых, все большее приближение внутриармейских органов стратегического руководства к уровню политического руководства, их политизация. Именно этим объясняется появление института генеральных штабов как органов, призванных обеспечивать «рабочую» связь между стратегическим и политическим руководством. В России, например, в 1905 г. пошли даже на обособление Генерального штаба от Военного министерства, образовав специальное Главное управление Генерального штаба.

Во-вторых, все большая централизация органов военного управления на правительственном уровне вплоть до создания специализированных министерств. В этих целях в 1718 г. Петр I учредил Военную коллегию, подчинив ее Сенату. А в 1802 г. она была преобразована в Военное министерство.

В-третьих, все большее огосударствление военного управления посредством создания особых органов, призванных объединять и координировать усилия всех военных (а при необходимости и невоенных) ведомств на общегосударственном уровне. Если продолжать примеры из истории военного строительства в России, то такой орган — Совет государственной обороны — был создан в стране впервые в 1906 г.

Органы военно-политического руководства могут быть чрезвычайными, создаваемыми лишь на военное время, или постоянно действующими — в мирное время. В гражданскую войну такими чрезвычайными органами у нас были Совет рабочей и крестьянской обороны, Революционный военный совет Республики, которому подчинялись Всероссийский главный штаб, Полевой штаб РВС Республики и другие органы стратегического управления военного времени; в Великую Отечественную войну — Государственный комитет обороны и Ставка Верховного Главнокомандования.

Постоянно действующим высшим органом по руководству обороной страны до самого последнего времени был Совет Обороны СССР, функции которого перешли сейчас к Президентскому совету. В США с 1947 г. функционирует сходный по рангу Совет национальной безопасности, который выполняет роль консультативного органа лишь по вопросам внешней и военной политики при президенте страны. Подобные высшие государственные органы военно-политического руководства имеются ныне в большинстве стран мира.

Еще одна существенная тенденция в развитии и функционировании этих органов — их интеграция на межгосударственном уровне в период раскола мира на противостоящие социальные системы. Военно-политические органы межгосударственного типа функционируют пока еще в рамках военно-политических союзов. В НАТО, например, это Комитет военного планирования и разрабатывающий для него необходимые рекомендации Военный комитет. В ОВД сходную роль играет объединенный Военный совет, Штаб Объединенных вооруженных сил.

Уникальным проявлением тенденции формирования межгосударственных органов военно-политического управления принципиально нового, внеблокового типа может служить Военно-штабной комитет при Совете Безопасности ООН. Он призван разрабатывать рекомендации и оказывать помощь этому совету в использовании вооруженных сил ООН. Представляется, что за военно-политическими органами подобного неблокового типа большое будущее. Во взаимосвязанном и целостном мировом сообществе они должны быть органично встроены в механизм международной безопасности.

В заключение остановимся еще на одной ключевой концептуальной проблеме военной политики — ее функциях. Среди них хотелось бы в первую очередь выделить и вкратце рассмотреть под углом зрения современных перестроечных подходов такие функции, как программно-теоретическая, плано-аналитическая и организационно-управленческая.

Программно-теоретическая функция. Это деятельность по разработке военно-политической концепции государства, вытекающих из нее программных положений и военно-доктринальных установок.

В течение длительного времени эта основополагающая функция у нас явно недооценивалась. Военно-политическая мысль была скована и деформирована догматизмом и жестко конфронтационным идеологизированием. Разработка военно-программных и военно-доктринальных взглядов была монополизирована узким кругом руководящих лиц. Представительные демократические структуры не оказывали никакого влияния на определение целей и задач политики в области обороны, на поиск наиболее эффективных путей их реализации.

Только этим можно объяснить, что так долго, слишком долго мы руководствовались установкой на возможность победы в ядерной войне. «В будущей войне, — утверждал в 1962 г. министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский, — если ее развяжут империалисты, какой бы всеохватывающей, разрушительной и истребительной она ни была, победу одержим мы — защитники социалистических завоеваний, защитники дела коммунизма»¹. Для достижения и поддержания военно-стратегического паритета был избран наименее эффективный, зеркальный метод механического копирования вероятного противника.

В арсенале средств политики в области обороны приоритет отдавался не политическим, а военным средствам. Вместо ленинского принципа «максимальной экономии народных средств и сил в области

¹ М а л и н о в с к и й Р. Я. Бдительно стоять на страже мира. М., Воениздат, 1961, с. 22.

обороны», провозглашенного им еще в 1918 г., возобладал и действовал до самого последнего времени принцип первоочередности и неограниченности военных расходов, который в условиях отсутствия демократического контроля и гласности создавал благоприятную почву для нерациональной траты, а то и растраниживания народных средств. Долго, слишком долго в нашей военной доктрине допускалось несоответствие между ее политической и военно-технической сторонами. Если в первой провозглашались лишь только оборонительные цели, то вторая была пронизана идеей активных наступательных способов ведения вооруженной борьбы не только в оперативно-тактическом, но и в стратегическом масштабе.

В области военного строительства господствовал эволюционно валиовой подход. Начавшаяся в конце 50-х и начале 60-х годов революция в военном деле поставила, естественно, в повестку дня вопрос о радикальном реформировании Вооруженных Сил, переводе их в качественно новое состояние. Новая, основанная на ракетно-ядерном оружии материально-техническая база обороны требовала и новой высокопрофессиональной армии, поиска иных принципов ее комплектования и функционирования. Однако на практике дело не пошло дальше некоторых организационно-структурных перемен.

Мы дали втянуть себя в изнурительную, обескровливающую экономику страны гонку вооружений. Прозрение наступило в середине 80-х годов, когда в нашей внешней и военной политике стало утверждаться новое политическое мышление. На его основе формируется современная военно-политическая концепция. В переосмыслении нуждаются прежде всего цели нашей политики в области обороны. Их, видимо, неправомерно, как делалось раньше, сводить к защите социалистического Отечества. В таком понимании акцент делается на неизменно конфронтационном прямолинейно идеологизированном характере взаимоотношений со странами иной социальной системы. Оно ориентировано также на преимущественно военные средства политики в области обороны.

Более глубокому пониманию всего спектра реальных угроз и происходящих в мире переломных процессов соответствует более широкое видение целей этой политики. В обобщенном виде они могут быть определены как обеспечение надежной безопасности страны и активное участие в строительстве системы международной безопасности. Следует подчеркнуть, что достижение этих целей не может считаться прерогативой только военной политики. Они находятся также в сфере ответственности внешней политики и ряда направлений внутренней политики. Это объясняется тем, что, помимо сохраняющейся военной опасности, угрозу стране могут представлять и другие «невоенные» виды опасности, и не только внешнего, но и внутреннего порядка. Речь идет о различного рода чрезвычайных социальных и экономических ситуациях. Но они также находятся в ведении военной политики, ибо в ряде случаев не могут быть разрешены без использования военно-силовых средств, в частности армейских подразделений в режиме внутренних войск или средств гражданской обороны.

Современная военно-политическая концепция исключает любую вовлеченность СССР в дела национально-освободительного движения других стран, использование советских Вооруженных Сил для решения возникающих там конфликтов.

В новых подходах нуждается также и та часть военно-политической концепции, которая «ведает» средствами и путями достижения целей в области обороны. Основу безопасности страны составляют Вооруженные Силы. Чтобы быть на высоте современных задач, они нуждаются в радикальном реформировании. Хотя и с большим запозданием, эта идея получила признание на официальном уровне. В платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии говорилось, что в области военного строительства «необходимо вести дело к военной реформе»¹.

Суть такой реформы представляется в поэтапном переходе на регулярную профессиональную армию, основанную на добровольческом принципе ее строительства. Она будет меньшей численности с существенно иными качественными параметрами. Реформа должна предусмотреть также новую систему подготовки резервов с использованием различных территориально-милиционных формирований.

Императивом военной политики при выборе средств достижения ее целей должна быть «максимальная экономия народных сил» (по Ленину), а на современном языке — разумная достаточность.

Пересмотр военно-политической концепции закономерно повлек за собой изменение и военно-доктринальных установок. Приоритетным стало положение о недопущении войны — как ядерной, так и обычной. Дальнейшая разработка нашей военной доктрины видится в последовательном преодолении на оборонительной основе былого дуализма ее сторон — политической и военно-технической.

Планово-аналитическая функция. Само название ее говорит о том, что речь идет об оценке военно-политической обстановки в различных геополитических разрезах и временных масштабах. Оценочно-прогностическая деятельность подводит под военно-политическую концепцию и военную доктрину государства необходимую информационную и аналитическую базу. Она призвана содействовать оптимизации процесса разработки планов военного строительства, обороны и военно-технических программ.

Есть, видимо, необходимость в преодолении ведомственного подхода, известной разобщенности в аналитической деятельности в интересах военной политики. Открывшаяся гласность обнаружила удручающее расхождение в оценках, в частности степени военной опасности, представителями различных ведомств и научно-исследовательских учреждений военно-политического профиля. Разногласица по столь важному вопросу не может обеспечить добротную информационно-аналитическую основу для принятия ответственных военно-политических решений.

Время требует более высокого уровня координации аналитических усилий различных ведомств и учреждений, составляющих оценочно-

¹ Правда, 13 февраля 1990 г.

прогностический потенциал оборонной готовности страны. Такой потенциал понимается как система субординированных и скоординированных специализированных органов и учреждений, основывающих свою оценочно-прогностическую деятельность в интересах безопасности на самых современных научных методах и материально-технической базе.

Нельзя, видимо, считать нормальным такое положение вещей, когда вся плановая деятельность в области обороны узурпируется узким кругом высших политических и военных руководителей. Каждое государство имеет право на военную тайну. Но в этой сфере, как, может быть, ни в одной другой, в силу ее чрезвычайной ответственности нужны и народный совет, и народный контроль со стороны прежде всего высших представителей органов Советской власти, ее демократических структур.

Организационно-управленческая функция. В ней две предыдущие функции интегрируются и переводятся в плоскость непосредственной практики. Эту функцию выполняют органы управления, реализуя положения военно-политической концепции, военной доктрины государства, планы военного строительства и целевых военно-технических программ.

Структура и методы деятельности органов военно-политического управления в течение многих лет и десятилетий приравнивались к потребностям командно-административной системы. Пути перестройки этой деятельности в наше время очевидны. Прежде всего она нуждается в глубокой демократизации. Через гласность, максимально доступную в этой деликатной сфере, открытость в нее должен быть включен главный субъект любой серьезной политики — народ. И здесь, как завещал В. И. Ленин, он должен все знать и обо всем судить сознательно. И здесь через демократические каналы обратной связи народ должен подавать свой веский голос, особенно когда готовятся и принимаются ответственные военно-политические решения.

Другой путь перестройки органов военно-политического управления — четкое размежевание их функций с учетом отечественного и зарубежного опыта, в соответствии с современными требованиями к безопасности страны. Опыт этот и современная ситуация говорят о необходимости сосредоточения законодательной и контрольной функций в руководстве делами обороны в руках высшего представительного органа страны — Верховного Совета СССР.

Функция принятия оперативных решений по вопросам безопасности в рамках конституционных прав и прерогатив отныне принадлежит Президенту страны. А для ее осуществления в Президентский совет включены руководители исполнительных органов, несущих непосредственную ответственность за решение всех вопросов обеспечения безопасности страны (министерств обороны, иностранных дел, внутренних дел, КГБ, военно-промышленного комплекса). Проблемы обеспечения безопасности, надо полагать, будут предметом заботы и внимания также со стороны созданного при Президенте Совета федерации.

Суммируя все сказанное об особенностях, структуре и функциях военной политики, можно сделать следующие общие выводы.

Во-первых, политика в области обороны — специфическая часть общей политики государства внутри страны и на международной арене, синтезирующая в себе научно-теоретическое и организационно-практическое содержание.

Во-вторых, эта политика есть программно-теоретическая, плано-во-аналитическая, организационно-управленческая деятельность определенных социальных сил общества и специально созданных учреждений и институтов, направленная на подготовку средств вооруженного насилия для предотвращения войны, а также возможное вынужденное использование в интересах надежного обеспечения национальной и международной безопасности.

В-третьих, в наш ядерный век рациональная, не противоречащая здравому рассудку военная политика может быть только политикой разумной достаточности для обороны.

ИЗМЕНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИМЕНЕНИЕ ВОЕННОЙ СИЛЫ

Как профессиональный военный руководитель, один из бывших главнокомандующих НАТО, а теперь директор независимого института изучения международной политики, я имею широкие возможности для свободного общения с политическими, военными и академическими кругами как на Востоке, так и на Западе. Все они вносят свой вклад в процесс беспрецедентных изменений, которыми охвачен сегодня весь мир и которые неизбежно несут в себе и благоприятные возможности, и риск. В то же время как Восток, так и Запад стоят сегодня перед общим выбором, обусловленным ростом глобальной угрозы среде обитания, порожденной нашим все возрастающим злоупотреблением природными ресурсами планеты.

Будучи людьми военными, мы должны постоянно напоминать окружающим о лежащем в основе нашей жизни парадоксе. Мы существуем не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы сохранить мир. И поэтому мы должны обладать способностью сражаться и отразить военную агрессию, если мирным способом сделать это не удастся. Наши боевые навыки и мастерство являются важным фактором предотвращения войны. Они составляют сердцевину нашего военного профессионализма. К сожалению, некоторые генералы и адмиралы иногда забывают об этом, уходя в отставку.

Появление ядерного оружия сделало упомянутый парадокс еще более зримым, потому что ядерное оружие стало «последним средством расплаты», потенциальные последствия которой для агрессора окажутся несоизмеримо большими, чем любая достигнутая им политическая цель. Как совершенно справедливо заметил Клаузевиц более ста лет назад, агрессия и войны ведутся для того, чтобы решать политические задачи. Война — это не что иное, как средство достижения политической цели.

Какие же политические цели могут угрожать сегодня миру и могут ли вооруженные силы быть использованы для эффективного противодействия этим целям? Не вызывает сомнений, что идеологическое противоборство было главной причиной взаимных угроз НАТО и Варшавского пакта. Сейчас эта угроза во многом устранена благодаря принятым Горбачевым мерам по деидеологизации отношений Восток — Запад, его желанию путем переговоров устранить асимметрию в уровнях обычных вооружений в Европе. Но советское превосходство

в обычных вооружениях будет сохраняться по крайней мере еще несколько лет. И, как недавно подчеркнул главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Джон Гэлвин, количественное превосходство и наступательная структура обычных сил Варшавского пакта (например, оперативные маневренные группы и крупные группировки танков в непосредственной близости от границы) создают самую большую военную угрозу западным странам. Поэтому очевидно, что с успехом проходившие в Вене переговоры по сокращению обычных вооружений обратили внимание и на эту проблему.

Помимо практических и непосредственных шагов, направленных на сокращение угрозы войны в Центральной Европе, существует ряд более общих факторов, которые также необходимо учитывать.

Первым из них является концепция того, что мы понимаем под «безопасностью». В нашей истории совсем еще недавно был период, когда контроль над территорией означал мощь и благосостояние. На этой основе создавались огромные империи, в число которых входила и Британская империя. Контроль над морскими территориями позволял получать на льготных условиях сырьевые ресурсы, а иногда становился источником военной силы и защиты от агрессии. Сегодня ситуация изменилась, и теперь не столько материалы, сколько технология определяет производственные факторы, ведущие к экономическому успеху. Кроме того, усложнение всемирного рынка значительно изменило подход к безопасности ресурсов. В настоящее время не управление территорией, а владение информацией становится основой мощи и процветания в современном мире.

Наряду с этим мировая экономическая система претерпела фундаментальные изменения в сторону роста экономической взаимозависимости. Более того, торговля сырьевыми ресурсами и готовой продукцией, осуществляемая главным образом при помощи коммерческого флота, беззащитного перед действием ВМС, уже не является единственной жизненной артерией международной экономической системы. Нервную систему международной экономики теперь образует переток капиталов, который ведется круглые сутки между финансовыми центрами и валютными рынками при помощи спутниковой связи.

Таким образом, на наших глазах происходит переход от системы, безопасность которой основывалась на территориальном контроле, к системе, безопасностью которой определяют в первую очередь экономические факторы. Конечно, территориальное единство чьей-либо родины остается жизненным условием ее политической свободы. Однако сегодня все больше и больше людей во всем мире видят, что основная угроза их образу жизни исходит не от захватнических армий, а от безработицы вследствие структурных изменений экономики; от новой технологии; последствий социальных и политических изменений; угрозы, создаваемой человеком для окружающей среды; от риска заболеть СПИДом и роста наркомании, а также в некоторых районах земного шара — от возможности умереть от голода. В силу этого сама концепция безопасности начинает строиться уже не на обороне территории, а на обеспечении нормального функционирования экономики.

Второе фундаментальное изменение можно отнести к обстоятельству, которое я бы назвал «стоимостью войны». Путь к осознанию стоимости войны в ее экономическом, социальном или человеческом измерении был долгим. Человечество пыталось избежать войны, создавая союзы, основанные на балансе военной мощи и имеющие целью с минимальными потерями воспрепятствовать противнику в получении плодов военной победы. Такой союз стал формой сдерживания войны и защитой от влияния противостоящей и более крупной военной мощи. Подобное сдерживание, однако, отличается от того, которое мы имеем сейчас, так как оно не включало в себя элемент неприемлемого наказания. В доядерную эру решение напасть на соседнюю страну могло быть рациональным выбором политики в силу того, что потенциальная цена победы была высокой, а потенциальная стоимость поражения низкой. В ядерную эру, когда существует риск ядерного возмездия, места для такой скрупулезной политической калькуляции не осталось. Последствием неудачного хода войны будет не просто поражение, а, вполне возможно, тотальное уничтожение собственной страны.

Очень важно понять, что, с точки зрения Запада, ядерное оружие предназначено не только для сдерживания другого ядерного оружия. Оно заставляет политических и военных деятелей с осторожностью и предусмотрительностью подходить к использованию любой формы вооруженной силы, с предусмотрительностью, которая полностью отсутствовала в доядерные времена. Поэтому в условиях взаимного сдерживания ядерное оружие хотя и является неприменимым в рациональном смысле, тем не менее служит эффективной гарантией национального суверенитета — как территориальной целостности, так и политической самостоятельности.

Говоря о том, что ядерное оружие подняло «цену» войны до уровня, который не может быть приемлемым для любого цивилизованного правительства, необходимо помнить и о «цене» войны с применением обычных вооружений, которая также многократно возросла после окончания второй мировой войны. Причина этого заключается не только в огромной стоимости современных систем оружия и их невероятно возросшей разрушительной способности, но и в потенциальной стоимости разрушения политической, социальной и материальной инфраструктуры государства, которая в последние годы, по крайней мере в индустриально развитых странах, стала значительно более сложной. Аварии на Чернобыльской АЭС и на химическом комбинате в индийском городе Бхопал со всей очевидностью напомнили нам о последствиях разрушения окружающей среды, к которому может привести случайное воздействие обычного оружия на атомные электростанции или химические заводы. Поэтому не могут быть использованы не только ядерные силы, отличающиеся наибольшей опасностью, но становятся непригодными к применению и обычные вооруженные силы, так как результаты применения как первых, так и вторых будут мало чем отличаться. Тем не менее мы должны реально отдавать себе отчет в том, что стоимость необходимо оценивать по отношению к цели и что в разных странах она может рассчитываться совершенно по-разному. В

конечном счете стоимость осуществления военной акции по-прежнему должна оцениваться по отношению к стоимости неосуществления такой акции.

Третий фактор, на котором следует остановиться, относится к эффективности военной силы. Опыт США во Вьетнаме, Великобритании и Франции в Египте, Советского Союза в Афганистане, Сирии и Ливана на Ближнем Востоке наглядно свидетельствует о том, как трудно военной мощи трансформировать в долговременное политическое влияние. Сделать это не менее трудно, чем надежно изолировать зону конфликта. Один или два примера удачного использования военной силы, когда при ее помощи были достигнуты желаемые политические результаты, связаны с ситуациями быстрого использования ограниченной силы на ограниченной территории в совершенно ясных обстоятельствах — например, действия Великобритании на Фолклендских островах, Франции в Чаде и США в Гренаде.

Означает ли это, что мы, военные люди, являемся исчезающим видом и вскоре все окажемся без работы? Не думаю, что это так. Даже в мрачные времена конфронтации между Востоком и Западом я старался убедить политиков в том, что увеличение военного потенциала необязательно ведет к укреплению безопасности. Напротив, оно лишь усиливает гонку вооружений. Сегодня мы должны сказать то же самое: сокращение военного потенциала само по себе может не прибавить безопасности, хотя стремление сократить обычные войска в Европе до взаимоприемлемых уровней должно стать главным интересом как Востока, так и Запада, ибо в Европе сконцентрирована огромная военная мощь.

В этом процессе на повестку дня должны быть поставлены и военно-морские средства. Но сделать это будет трудно, особенно когда дело коснется больших флотов. Военно-морской баланс нелегко поддается резким изменениям. Глобальная мобильность, внутренне присущая военно-морской мощи, затрудняет использование при ее рассмотрении региональных аргументов. К тому же довольно непросто выработать соответствующую процедуру переговоров по примеру того, что уже существует для переговоров по сухопутным войскам и военно-воздушным силам. Но все эти трудности должны лишь усилить желание более активно вести переговоры, а не быть причиной бездействия.

В последнее время иными предстали перед нашими глазами некоторые проблемы стратегии и положения в Восточной и Западной Европе. Прежде всего эра конфронтации между Востоком и Западом закончилась. Мы уже прошли значительный путь по дороге деидеологизации международных отношений. Теперь нам следует попробовать решить более трудную задачу: демилитаризовать отношения между Востоком и Западом. Попытаюсь проиллюстрировать эту задачу несколькими примерами. Как известно, Великобритания и Франция обладают мощными сухопутными, военно-морскими силами глобальных масштабов, включая ядерные силы. Но ни та, ни другая не выражают беспокойства по поводу того, что оружие одной из них угрожает другой. Причина заключается в том, что отношения между ними демилитари-

зованы. То же можно сказать и обо всей Западной Европе. Ситуация, которая сложилась здесь в настоящее время, была бы просто невыносимой в начале века.

Первым этапом в процессе демилитаризации отношений Восток-Запад должна стать совместная разработка новой стратегии предотвращения войны в Европе. Усилия в этом направлении предпринимаются и на Востоке, и на Западе. Например, в Советском Союзе разрабатывается концепция «разумной достаточности». Запад в свою очередь выдвигает концепцию «минимального сдерживания». Иными словами, каждый из нас ищет ответа на вопрос, который заключается уже не в том, насколько большой должна быть военная мощь, чтобы предотвратить войну, а, напротив, какой минимальной военной мощи достаточно для поддержания мира.

Естественно, процесс быстрых изменений создает необходимость внесения в европейскую безопасность таких элементов, которые были бы взаимоприемлемыми и своим длительным существованием в это время великой неопределенности сохраняли бы стабильность и предсказуемость. Более того, необходимо сохранить, хотя бы временно, оба военных блока: НАТО и Организацию Варшавского Договора. Систему безопасности стран Восточной Европы по-прежнему должен представлять Варшавский Договор так же, как систему безопасности в Западной Европе — Атлантический союз. До тех пор пока советские войска будут в ГДР, а американские и другие союзные войска в ФРГ, не решится и проблема полного объединения Германии.

Что необходимо сделать, чтобы два союза, НАТО и ОВД, стали ближе друг к другу? Прежде всего мы должны совместно приступить к созданию новой системы европейской безопасности, в основу которой должно быть положено осознание того, что разделение Востока и Запада больше не существует в формах, привычных на протяжении последних сорока лет. В любом случае эта система должна быть достаточно предсказуема. Один из способов добиться этого — создать новое Агентство управления безопасностью Востока и Запада, укомплектованное военными служащими и официальными представителями государств — участников НАТО и Варшавского Договора. Такая организация может быть создана на основе Объединенной консультативной группы, которая, согласно внесенному предложению о ее организации, должна «следить» за соблюдением договора о сокращении обычных вооружений в Европе. Местом нахождения новой организации в настоящее время мог бы стать Берлин. Агентству следовало бы взять на себя всю ответственность за соблюдение уже выработанных мер по предотвращению и регулированию кризисов. Агентство должно отвечать за соблюдение и улучшение мер доверия и поддержания безопасности, хотя сам факт его создания станет мерой, обеспечивающей такое доверие. Оно прояснило бы намерения, повысило предсказуемость и в конечном счете настолько сблизило эти два союза, что однажды им стало бы ясно, что для безопасности Европы они больше не нужны.

Что же тогда делать со всеми этими военными? Все мы знаем, что на Востоке и на Западе можно наблюдать одну и ту же картину: когда

нация ощущает опасность, ее военнослужащие становятся самыми уважаемыми людьми. Но когда беда больше не стучится в дверь, с военными начинают обращаться с меньшим восторгом, на них теперь смотрят как на людей, впустую растрачивающих ресурсы общества, которым могли бы найти лучшее применение. В результате военные бюджеты урезаются, новым вооружениям дают отсрочку, личный состав сокращается. Преждевременно заканчивается и карьера многих опытных офицеров. Эти и без того трудные времена еще больше усложняются проблемами внутреннего характера, связанными с разделением населения по расовому, региональному или религиозному принципам, так как все эти проблемы, как правило, неизбежно возрастают по мере уменьшения внешней угрозы. В таких случаях вооруженные силы приходится использовать для поддержания законности и порядка, например в Нагорном Карабахе или, как у нас в Великобритании, в Северной Ирландии. Подобное использование армии в целях укрепления законности и правопорядка внутри страны является задачей, которую отнюдь не приветствуют военнослужащие и которая никак не повышает авторитет военнослужащих в глазах общественности. В такое время особую важность приобретает необходимость поддержания всеми военнослужащими их профессиональных качеств и эффективности.

Процесс перестройки вооруженных сил в соответствии с требованиями современной ситуации как на Востоке, так и на Западе предполагает демонтаж тех элементов их структуры, которые могут быть четко определены как наступательные и представляющие угрозу для обеих сторон. Однако я считаю, что мы должны быть более осторожными в своей реакции на раздающиеся со стороны некоторых гражданских аналитиков чрезмерные призывы к «оборонительной обороне». НАТО, например, может возразить, указав на то, что все его силы предназначены для обороны. Но в Советском Союзе люди искренне считают вооруженные силы НАТО наступательными и представляющими угрозу. В таких случаях мы всегда должны помнить о том, что чувство опасности в оценках противоборствующих сторон может быть одинаково большим. Поэтому главное, что нужно сделать в нашем деле, — это выковать отношения партнерства между военнослужащими Востока и Запада для обеспечения безопасности в Европе.

Военные аналитики провели уже немало дискуссий по проблемам военной доктрины, ядерного оружия, военной стратегии и военной технологии и будущей структуры вооруженных сил. В настоящее время мы ведем конструктивный диалог и вплотную подходим к таким вопросам, как будущая структура и управление системой безопасности в Европе и наши дальнейшие действия после завершения в Вене переговоров по сокращению обычных вооружений в Европе. В ходе предстоящего процесса мы должны достигнуть еще более тесного сотрудничества между военнослужащими обеих сторон, что поможет распространить наши дискуссии на военные аспекты сотрудничества по поддержанию мира во всем мире и на проблемы борьбы с международным терроризмом.

Можно понять позицию высшего советского военного руководства, которое считает, что изменение в подходах к европейской безопасности произошло только в политике Советского Союза и что это изменение не находит должного ответа на Западе. Советская позиция — неизбежный результат существующих диспропорций, хотя я также считаю, что западные правительства могли бы с большим вниманием отнестись к набирающему силу процессу изменений в Восточной Европе и Советском Союзе.

И все же перемены в области военной теории и практики происходят и на Западе. Пересматривается система проведения военных учений. Изучаются последствия серьезного сокращения уровней вооруженных сил НАТО для их будущей структуры. Дух сотрудничества постепенно берет верх над духом конфронтации. Этот дух укрепляет взаимное уважение тех, кто по обе стороны границы профессионально связан с оружием. Военный профессионализм не должен рассматриваться как символ возрождения опасности милитаризма, как вызов политической власти. Напротив, к нему следовало бы относиться как к прочной основе всей структуры безопасности в Европе, благодаря которой разногласия, а они время от времени неизбежно будут обостряться, можно будет разрешать, не прибегая к военным акциям.

Взгляды на применение военной мощи сегодня меняются во всем мире. Тем не менее вооруженные силы сохраняют и сохраняют в будущем свое потенциальное место в международных отношениях. Поэтому только тогда, когда продолжение диалога между профессиональными военными Запада и Востока станет гарантом того, что военная мощь будет силой добра, а не зла, можно будет сказать, что в процессе демилитаризации отношений Восток-Запад пройдена первая веха.

США: ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Новое мышление на Востоке

После вступления в должность в январе 1989 г. Дж. Буш и высшие представители его руководства не раз говорили о том, что новая администрация будет подходить к американско-советским отношениям «более скептически и менее романтически» и что нет необходимости в срочной встрече лидеров двух сверхдержав, в особенности без согласованной повестки дня, гарантирующей результативность такой встречи. Но ближе к концу года президент Буш заявил, что он хочет просто посидеть вместе с Горбачевым и, «положив ноги на стол, обменяться взглядами по широкому кругу вопросов»¹.

Конечно, события на Востоке, происходящие под воздействием политики Горбачева, сыграли важную роль в возникновении нового мышления в Вашингтоне. Однако предоставляю другим возможность обсуждать значение нового мышления на Востоке для международной безопасности. Мне же хотелось бы остановиться на развитии нового мышления в моей части мира и его взаимодействии с тем, которое развивается в СССР. Это взаимодействие создает необходимые условия для того, чтобы мы могли решать не только проблемы, связанные с текущим состоянием дел в области международной безопасности, но и другие глобальные проблемы, грозящие в ближайшем будущем достичь кризисного уровня.

Со времени XXVII съезда КПСС последовал целый ряд заявлений и действий, свидетельствующих о новом мышлении на Востоке. Например:

- предложение М. С. Горбачева о проведении переговоров по проблеме вооруженных сил от Атлантики до Урала (1986 г.);
- декларация Политического консультативного комитета ОВД о разумной достаточности и оборонительном характере обороны как принципах военной доктрины Востока (1987 г.);
- вывод советских войск из Афганистана (1988 г.);
- односторонние сокращения, объявленные президентом Горбачевым в декабре 1988 г. и начатые в 1989 г.;
- исключение президентом Горбачевым в июле 1989 г. самой возможности использования силы или угрозы ее применения — союзом против союзов, внутри союзов или где-либо еще;

¹ *Нью-Йорк таймс*, 1 ноября 1989 г.

— речь министра иностранных дел Э. Шеварднадзе 23 октября 1989 г. в Верховном Совете, в которой было объявлено о решении демонтировать Красноярскую РЛС, о признании «недопустимости никакого вмешательства (в любое государство — член ОВД), признании за каждой стороной права на абсолютную свободу выбора», заявлялось о том, что советские действия в Афганистане «нарушили нормы поведения, пошли против общечеловеческих интересов», содержался призыв содействовать роспуску военно-политических блоков на взаимной основе и, наконец, что я считаю наиболее важным и что по некоторым причинам не было пока отмечено в американской прессе, выдвигалась инициатива по «ликвидации всех иностранных военных баз и военного присутствия на чужих территориях к 2000 году»¹.

Две американские точки зрения на новое мышление

Скептическая точка зрения. В Соединенных Штатах все еще много людей, продолжающих скептически оценивать конечную выгоду для Запада нового мышления на Востоке, и некоторые из них занимают важные правительственные посты, большинство же находится в Пентагоне. Основания для их скептицизма выражены в двух вопросах: намерены ли Советы поступать так, как говорят, и, если это так, не является ли новая политика преходящей. Как заявил генерал Колин Пауэлл, председатель комитета начальников штабов, на сессии НАТО в Брюсселе в октябре 1989 г., «мы должны определиться, что есть новое мышление, что есть старое мышление и что есть просто импровизация. Мы должны различать преходящее, временное и постоянное. Мы должны, как предупреждал Клаузевиц, остерегаться заманчивой яркости скоротечных событий».

Министр обороны Дик Чейни — один из самых настойчивых и влиятельных скептиков. Он особенно серьезно озабочен структурой советских Вооруженных Сил, которая, по его мнению, остается неизменной, несмотря на заявления о мирных намерениях и односторонние действия по разоружению на Востоке. Это также любимая тема генерала Джона Гэлвина, командующего вооруженными силами США в Европе и главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. В последнее время министр Чейни в своих публичных выступлениях заявил следующее:

«Я считаю важным, что мы не позволили тому, что я называю «туманом эйфории», которая, похоже, временами охватывает комментаторов и многих других в связи с событиями в Советском Союзе и Восточном блоке, скрыть тот факт, что Советский Союз все еще обладает огромными военными возможностями, что советская стратегическая мощь сегодня значительно больше, чем она была тогда, когда г-н Горбачев пришел к власти... Сколько бы мы ни надеялись, что г-н Горба-

¹ *Правда*, 24 октября 1989, с. 3.

чев будет действовать так, как он, по его словам, желает, чтобы создать более оборонительную стратегию и доктрину и сократить вооружение, фактом остается то, что наши решения по проблемам стратегии США, систем вооружения и оборонного бюджета должны быть основаны на реальности советской военной мощи. А она сегодня, между прочим, остается весьма и весьма существенной.

Когда г-н Горбачев пришел к власти в 1985 г., ракеты SS-25 еще не были развернуты. Сегодня их 170... Не были развернуты и ракеты SS-24. Сегодня их 40. И сейчас они развертывают пятую модификацию ракет SS-18. Это очень мощная ракета, она по своим основным данным, похоже, будет оружием типа «применяй-или-теряй», которое может быть использовано только для упреждающего первого удара¹.

В настоящее время все советские заявления о сокращении вооруженных сил касаются обычных сил, отметил Чейни. Даже после осуществления объявленных сокращений остающиеся советские войска и войска союзников по ОВД все еще будут превосходить войска НАТО в танках, артиллерии и количестве дивизий в соотношении приблизительно два к одному.

Я думаю, продолжал Чейни, что с позиций министерства обороны и тех из нас, кто несет ответственность за содержание и оснащение наших вооруженных сил, наиболее безопасным является выделение средств, равнозначных советским военным возможностям. Возможно, изменяются очень медленно; намерения могут измениться за одну ночь².

2 ноября 1989 г. помощник министра обороны Поль Вольфовиц в докладе на конференции, организованной Питтсбургским университетом, остановился на проблеме взаимосвязи нового мышления и советской политики в отношении региональных конфликтов. Он упомянул о продолжающейся ширококомандной советской помощи Афганистану, Никарагуа и Северной Корее как свидетельстве того, что «наряду с новым мышлением в Советском Союзе все еще много «старой политики» в отношении региональных конфликтов».

Среди высокопоставленных представителей правительства США есть и такие, кому непонятно, что означает новое политическое мышление на Востоке. Один из них — заместитель советника президента по проблемам национальной безопасности Роберт Гейтс. 27 октября 1989 г. несколько ведущих газет США рассказали о том, что запланированное публичное выступление Р. Гейтса по проблеме нового мышления в СССР было отменено по настоянию госсекретаря Джеймса Бейкера, потому что оно было «чрезмерно пессимистичным» в отношении перспектив успеха президента Горбачева. Но основную идею Р. Гейтса по данному вопросу можно уяснить из его доклада, сделанного 14 октября 1988 г. на заседании Американской ассоциации содействия науке (в то время он был заместителем директора ЦРУ в админи-

¹ Речь на съезде ветеранов войн за рубежами США в Лас-Вегасе 13 августа 1989 г.

² Заявление на брифинге в Пентагоне 27 сентября 1989 г.

страции Рейгана). В том выступлении Р. Гейтс охарактеризовал новое мышление как новейший пример исторической русской тенденции обращаться к Западу в случае экономической или технической необходимости лишь для того, чтобы вновь вернуться к изоляции и недоверию, когда такая необходимость устранена. Он также сказал:

«Наше восприятие Советского Союза должно основываться не на личных качествах его руководителей, а на природе советской системы в целом... Будет ли Горбачеву сопутствовать успех или неудача, уцелет он или нет, но перед нами — реальность соперничества и борьбы с Советским Союзом. Сохранение мира и содействие дальнейшей разрядке напряженности, даже если соперничество продолжится, зависят от ясного понимания этой реальности».

Ознакомление с мнениями скептиков в моей стране поможет избежать того, что министр Чейни назвал «туманом эйфории». Дело в том, что сам я, надо признаться, настроен оптимистично в отношении перспектив постоянного улучшения сотрудничества между США и СССР, и мой оптимизм основан на том, что происходит в Белом доме.

В ходе пресс-конференции, последовавшей за объявлением о декабрьской встрече 1989 г. в верхах, один из журналистов спросил президента Буша об очевидном противоречии в американской внешней политике, вызванном решением Буша встретиться с президентом Горбачевым, в то время как другие высшие представители администрации отрицали такую возможность. Дж. Буш ответил: «Ну что же, они говорили не от имени президента. Я сказал то, что думаю».

Прагматическая точка зрения. То, что думает президент Буш, является и в законодательном, и в практическом плане той точкой зрения, которая определяет американскую политику в отношении Советского Союза, в отличие от иных точек зрения, которые время от времени могут высказываться в правительстве или вне его. У Дж. Буша есть два качества, которые особо выделяют его среди множества предшественников, включая президента Рейгана. Во-первых, ему присущ самостоятельный, инициативный стиль управления, позволяющий держать руку на пульсе событий. Он изучает вопрос в деталях и уверенно принимает решения, основывающиеся на его личном мнении. Он не чувствует себя обязанным искать консенсуса или даже совета всех членов своей команды. Во-вторых, он холодно-прагматичен в своих подходах к проблемам, принимает решения, осторожно взвешивая возможный результат и его цену, а не под воздействием эмоциональной ситуации или настроения.

Точка зрения Дж. Буша на то, как США должны реагировать на новое мышление на Востоке, в общем виде изложена в трех важных выступлениях. Первое — речь, произнесенная президентом в Техасском университете в мае 1989 г., два других — выступления давнего друга и политического доверенного лица президента, госсекретаря Дж. Бейкера, в течение октября 1989 г.

Речь в Техасском университете была первым разъяснением адми-

нистрации Буша своей политики в отношении СССР. Дж. Буш коротко охарактеризовал следующие направления этой политики:

— настало время перейти от сдерживания к новой политике на 90-е годы — такой, которая учитывает изменения, происходящие в СССР;

— администрация стремится к интеграции СССР в мировое сообщество наций;

— администрация будет предпринимать встречные действия в ответ на шаги Советского Союза, направленные на улучшение отношений;

— никто не должен сомневаться в искреннем желании администрации видеть продолжение и успех перестройки;

— администрация надеется на долговременные и глубокие экономические и политические перемены на Востоке.

Реализация такого подхода администрации требует следующих действий:

— сокращения советских Вооруженных Сил, противостоящих Западу, до менее угрожающих уровней;

— поддержки Советским Союзом самоопределения всех народов Европы;

— сотрудничества Советов с Западом в поиске дипломатических решений региональных конфликтов во всем мире;

— поддержки Советами плюрализма и уважения прав человека в странах Востока;

— сотрудничества Советов с Западом в разрешении неотложных глобальных проблем, таких, как наркомания и разрушение окружающей среды.

Основой достижения всех этих целей является простая открытость.

В октябре 1989 г. госсекретарь Дж. Бейкер развил взгляды президента. В своей речи в ассоциации внешней политики Нью-Йорка он подчеркнул, что целью обеих сверхдержав должны быть «поиск долговременных точек соприкосновения взаимных интересов» и обеспечение «более безопасных и менее обратимых» отношений между ними. Он также призвал администрацию играть более активную роль в развитии американо-советских отношений, заявив, что «не меняя своей позиции, мы ничего не выиграем и упустим шанс революционизировать отношения Восток — Запад».

Госсекретарь Бейкер предложил сосредоточить поиск взаимовыгодных аспектов в трех областях: разрешение политических конфликтов в Европе и «третьем мире», снижение опасности войны посредством контроля над вооружениями и содействие перестройке в СССР. Он также предложил, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз более активно сотрудничали в разрешении таких транснациональных экологических проблем, как глобальное потепление.

В Европе, по его словам, нашей целью должна быть целостная и свободная Европа; мы также должны стремиться ускорить проведение переговоров по обычным вооруженным силам. Успех на этих перегово-

рах изменит ситуацию с безопасностью на континенте и, что еще важнее, высвободит миллиарды долларов и рублей на иные нужды. Дж. Бейкер отметил, что в то время, как страны Восточной Европы проводят перестройку, США готовы предложить им помощь в трех областях: краткосрочную — продовольственную и материальную; среднесрочную, через Международный валютный фонд и другие многосторонние финансовые институты — пакеты мер по стабилизации финансов, их структурной реформе и эффективному управлению погашением долгов; наконец, долгосрочную — создание условий для привлечения капиталовложений с Запада. Дж. Бейкер повторил заверение президента Буша о том, что Соединенные Штаты не намерены искать для себя преимущества из меняющегося положения в Восточной Европе, которые могли бы угрожать безопасности Советского Союза. «Никто, — сказал он, — не выиграет, если тенденция к благоприятным экономическим и политическим переменам будет поглощена насилием».

Госсекретарь Бейкер призвал к улучшению сотрудничества в решении региональных конфликтов с тем, чтобы добиваться взаимовыгодной экономии огромных средств, которые сверхдержавы тратят на военную помощь в этой области, а также чтобы предотвратить опасность распространения ракетного и химического оружия. В области контроля над вооружениями, по его словам, главное внимание должно быть уделено устранению побудительных мотивов для внезапного нападения. А в содействии перестройке Соединенные Штаты готовы оказать техническую помощь при проведении советских экономических реформ.

Центральный вопрос нынешнего американо-советского диалога — подход администрации Буша к контролю над вооружениями — получил отражение в речи госсекретаря Бейкера в Сан-Франциско 23 октября. Он выделил следующие моменты:

— Советское новое мышление во внешней и оборонной политике открывает возможности, которые были немыслимы 10 лет назад.

— В то время, как реформы, проводимые в соответствии с новым мышлением, требуют развития, законодательного и организационного оформления, а также адаптации к ним народа, политическое лицо Советской власти уже изменилось.

— Восток и Запад в равной мере нуждаются в сокращении расходов на оборону, и США планируют устанавливать оборонные бюджеты на договорной основе.

— Основной целью контроля над вооружениями является снижение риска войны — как ядерной, так и обычной.

— США стремятся к прочным стратегическим взаимоотношениям и руководствуются при этом четырьмя признаками:

а) сокращение потенциалов первого удара и внезапного нападения (т.е. МБР в шахтах, БРПЛ, танков, артиллерии и БТР);

б) предсказуемость через большую открытость информации о военной деятельности;

в) включение в повестку дня контроля над вооружениями проблем глобального контроля, таких, как распространение ракетного и хими-

ческого оружия, поставки оружия участникам региональных конфликтов;

г) институционализация более безопасного мира. США хотят видеть новое мышление конкретно воплощенным в структуре советских Вооруженных Сил.

В интервью журналистам, данном приблизительно в то же время, Дж. Бейкер обобщил подход администрации Буша к отношениям с Советским Союзом следующим образом: «Мы движемся от соперничества к диалогу и сотрудничеству».

Сближение двух подходов

Было бы упрощением утверждать, что уже не существует различий в подходах к международному положению со стороны США и СССР, но я уверен, что эти подходы сближаются. Очевидно, что обе стороны хотят видеть Советский Союз более интегрированным в систему мировой торговли. США предлагают технические консультации для реформирования советской экономики и облегчения такого интегрирования. Советское правительство сделало совместное предпринимательство более привлекательным для западных фирм, приблизило рубль к его потенциальной стоимости на международном валютном рынке и открывает отделение московского Внешэкономбанка в Нью-Йорке и нескольких крупнейших городах Европы. Президент Горбачев направил письмо главам семи ведущих государств мира, встречавшимся в июле 1989 г. в Париже, в котором указал, что «мир может только выиграть от открытия такого большого рынка, как Советский Союз»¹. Это письмо сразу же получило поддержку президента Буша и других участников встречи.

Обе сверхдержавы желают также сократить свои военные арсеналы, и каждая из них в последние месяцы пошла на уступки, чтобы содействовать достижению соглашений по контролю над вооружениями. США сняли свои возражения против мобильных ракетных систем на переговорах по сокращению стратегических вооружений, а Советы согласились демонтировать вызывавшую споры Красноярскую РЛС и не настаивать на ограничении крылатых ракет морского базирования в обычном снаряжении. На переговорах по обычным вооруженным силам в Европе именно по инициативе Буша НАТО согласилась включить авиацию в контекст переговоров для достижения соглашения на первом этапе, и именно Советский Союз побудил ОВД ответить согласием на рассмотрение всей, а не только тактической ударной авиации. Сближаются наши позиции по проблеме химического оружия — сверхдержавы достигли согласия по основным позициям проекта договора о его запрещении. В сентябре 1989 г. они в принципе согласились на крупномасштабное сокращение существующих запасов химического оружия США и СССР.

¹ *Хьюстон пост*, 19 июля 1989 г.

Соединенные Штаты и Советский Союз предприняли еще один символический шаг, чтобы показать свою готовность к дальнейшему сотрудничеству друг с другом. В августе 1989 г. они согласились признать обязательным арбитраж Международного суда в спорах по проблемам, касающимся семи договоров о борьбе с терроризмом и торговлей наркотиками, и начали прямые переговоры с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН, чтобы убедить их подписать эти соглашения. А вскоре США и СССР выступили с совместной резолюцией в ООН, призывающей все страны уважать права человека и запретить применение силы, за исключением случаев самообороны. В совместном заявлении представители обеих стран отметили: «Пожалуй, самое важное в этой резолюции — не ее специфический язык, а то, что она символизирует новое начинание в ООН — дух конструктивного сотрудничества»¹.

Общее значение всех приведенных мною примеров сближения в политике заключается в том, что они говорят об умонастроениях лидеров обеих сверхдержав. Я воспринимаю их как свидетельство того, что президент Буш и президент Горбачев настроены изменить военно-политическую структуру мира. Различия все еще существуют, но поиск общих подходов пришел на смену конфронтации как методу разрешения разногласий. Понятия «империя зла» и «империалистический эксплуататор» в новых условиях кажутся неуместными.

Новые приоритеты

Вместе с другими оптимистами я полагаю, что существующие разногласия, например на переговорах о сокращении стратегических вооружений, об обычных вооруженных силах в Европе, о двустороннем сокращении химического оружия, будут преодолены в ближайшем будущем — прежде всего благодаря решимости наших президентов. Поэтому мы, оптимисты, уже сейчас рассматриваем вопросы, на которых нашим лидерам предстоит сосредоточить свое внимание. Дальнейшее сокращение военных потенциалов представляет обширное поле деятельности, но успех на первом этапе снизит в определенной мере срочность достижения последующих сокращений тех же видов вооружения. Другие виды — ядерное оружие ТВД и морского базирования — выйдут, скорее всего, на первый план процесса контроля над вооружениями. Но если стратегические арсеналы будут сокращены на 50%, как намечается, а численность обычных сил, противостоящих друг другу в Европе, будет снижена до уровней, рассматриваемых сегодня на переговорах, то, возможно, наступит такое время, когда другие неотложные глобальные проблемы получат приоритетное рассмотрение наравне с контролем над вооружениями. В таком случае, я думаю, первоочередное

¹ Хьюстон кроникл, 6 ноября 1989 г.

внимание будет уделено транснациональным экологическим проблемам.

Человечество неожиданно вступило в новые отношения с планетой Земля. Лесные массивы и южные приполярные океанические районы, которые служат легкими планеты, очищая атмосферу от двуокиси углерода и пополняя ее кислородом, сегодня находятся под угрозой истощения и загрязнения; огромная дыра открывается в озоновом слое, защищающем нас от вредных солнечных лучей; химические отходы просачиваются под землю во все увеличивающемся объеме, угрожая отравлением подпочвенных вод; колоссальные массы двуокиси углерода, метана и хлорофторуглерода накапливаются в атмосфере, задерживая тепло и повышая температуру на планете, что может привести к появлению новой климатической модели, где будут разрушены традиционные продуктивные сельхозугодья либо возникнут значительные наводнения вдоль берегов вследствие таяния полярных льдов. Кризис еще не набрал полной силы, но надвигается все быстрее, и требуется международное сотрудничество для того, чтобы предотвратить его. Советский Союз и Соединенные Штаты как индустриально развитые страны с большим населением и обширной территорией должны возглавить организацию этих международных усилий. Наша помощь особенно нужна странам «третьего мира». Вопрос стоит так: сумеет ли мировая политическая система найти новое равновесие прежде, чем мировая экологическая система утратит нынешнее равновесие?

Многие народы тревожат признаки приближающегося экологического кризиса, и их озабоченность нашла свое отражение в повестке дня 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. На открытии сессии генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр сказал, что происходит «необычайное улучшение международного политического климата, поскольку два ведущих блока начали настойчивый поиск основ для прочного мира между ними». В то же время он выразил опасения в связи с нарастающим экологическим кризисом, начиная от истощения озонового слоя вплоть до проблемы распространения опасных отходов за пределы национальных границ.

Руководители других стран разделили эту озабоченность с трибуны ООН. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер призвала ООН заключить к 1992 г. договор о мерах по стабилизации глобального климата, таких, например, как принудительное ограничение производства газов, задерживающих тепло в атмосфере. Многие руководители стран «третьего мира» признали вредное влияние определенной деятельности в их странах на экологическую систему, однако для исправления положения настаивали на увеличении помощи со стороны развитых стран.

Президент Буш часть своего выступления в ООН 25 сентября 1989 г. также посвятил необходимости развития совместных подходов к решению насущных экологических проблем, заявив, что «окружающая среда принадлежит всем нам, и граждане мира должны

быть способны разделить эту общую веру во имя грядущих поколений».

Озабоченность была выражена и советской стороной. Ф. Моргун, председатель Госкомитета по охране окружающей среды, сказал в интервью «Известиям», что природа сегодня находится в прединфарктном состоянии всюду вокруг нас.

Для решения проблемы окружающей среды потребуются большие технологические и финансовые затраты. Новые военно-политические условия, создаваемые слиянием нового мышления Востока и Запада, надеемся, позволят США и СССР внести свой вклад в это дело. Новый дух сотрудничества уже привел к широким научным контактам на конференциях и в небольших рабочих группах. На таких встречах может отработываться технология для разрешения экологических проблем. Часть средств, сэкономленных на сокращении вооружений, можно направить на финансирование экологических исследований и осуществления практических мер. Потенциально это большие суммы — по некоторым расчетам, прямые и косвенные расходы на содержание войск США в Европе составляют около половины оборонного бюджета. По оценкам бюджетного бюро конгресса, принятые предложения НАТО на переговорах по обычным вооруженным силам в Европе о сокращении американских и советских войск, размещенных за пределами национальных территорий в Европе, до 275 тыс. человек (на 30 тыс. человек для США) позволят сэкономить Соединенным Штатам 2 млрд. долларов в год.

Заключение

Дж. Кеннан, отставной американский дипломат, долгое время занимающийся изучением проблем, связанных с Советским Союзом, всегда оказывался провидцем в оценках американско-советских отношений. В интервью в сентябре 1988 г. он сказал: «Горбачев видит сам и стремится объяснить своему народу, что война более не является разумной альтернативой в отношениях между великими индустриальными державами, что в ней не может быть победителей, что она была бы просто бедствием для каждого в той или иной степени... Понимание этого рано или поздно должно стать достоянием всех ведущих держав. И не только это, но и кризис окружающей среды, думаю, постепенно вытеснят военное соперничество как основное занятие всех нас; и тогда идея массовых постоянных армий перестанет быть столь привлекательной, как раньше»¹.

В заключение хочу привести цитату из книги президента Горбачева, которая, по-моему, одинаково хорошо объясняет и важность содействия сближению нового мышления Востока и Запада по современным проблемам контроля над вооружениями, и значимость та-

¹ Дж. Кеннан. О кризисе советской системы. — *Армс кроникл тудей*, сентябрь 1989 г., с. 3 — 9.

ких грядущих проблем, как экологическая. Вот что пишет М. С. Горбачев: народы мира «подобны связке альпинистов, на горном склоне. Они могут либо вместе взбираться дальше, к вершине, либо вместе сорваться в пропасть»¹.

Давайте приложим все силы к тому, чтобы нацелить наши народы на покорение вершины.

¹ М. Г о р б а ч е в. Перестройка. Нью-Йорк, Харпер энд Роу, 1987, с. 126.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КОНЦЕПЦИЕЙ НАТО

На встрече в Брюсселе 29-30 мая 1989 г. главы государств и правительств Североатлантического союза приняли «Всеобъемлющую концепцию по контролю над вооружениями и разоружению». Одновременно подписана «Декларация глав государств и правительств»¹. Оглядываясь назад, не приходится сомневаться в необходимости выработки заключенных в них политических принципов. Тому есть несколько причин. Это необходимо не столько для ведущихся в Вене переговоров, мандат которых согласован, сколько для урегулирования разногласий, возникших между членами НАТО, относительно организации контроля над вооружениями. Другой важной задачей является внедрение в сознание общества убежденности в том, что НАТО знает, куда идет, и контролирует ход событий, несмотря на то что, казалось, инициативу перехватила другая сторона.

Идея принятия Концепции принадлежит ФРГ. Канцлер Коль постарался путем личных контактов с главами государств и правительств обеспечить принятие этого документа. Ввиду того, что мало кто любит читать столь пространные материалы, а также учитывая, что даже журналисты, специализирующиеся по проблемам безопасности, в условиях дефицита времени почти не использовали 17-страничный документ, содержащий 65 параграфов, возникает вопрос: не был бы более эффективным прагматичный подход и не затрачен ли большой и добросовестный труд впустую? Однако нам могут резонно возразить, что мы стоим перед выбором дальнейшего пути и вопросы, с которыми мы сталкиваемся в нашей деятельности, заслуживают того, чтобы их рассматривали более перспективно.

Оценка ситуации странами НАТО

Нет ничего удивительного в том, что НАТО принимает на себя большую часть заслуг в деле защиты мира, стабильности и процветания в течение последних сорока лет, а также по обеспечению благоприятной эволюции в отношениях Восток — Запад. НАТО, конечно,

¹ См. НАТО пресс-сервис. М-1 (89). Брюссель, 30 мая 1989 г., №20, 21. В дальнейшем упоминаются как Концепция и Декларация.

не считает все это лишь своей заслугой и отмечает готовность Востока к диалогу и наличие явных признаков перемен во внутренней и внешней политике Советского Союза и его союзников. Обращает на себя внимание заявление советского руководства о том, что недопустимо идеологическое соревнование в международных отношениях, а также признание им серьезных недостатков во внешней и внутренней политике в прошлом. Все это, по оценке НАТО, создает возможность для дальнейшего прогресса в международных отношениях. Отмечается конструктивная позиция Советского Союза при выработке Стокгольмских соглашений, которые создали новую систему мер доверия и укрепления безопасности, договора о РСМД, при создании центра по снижению ядерной опасности и по другим вопросам. Достигнут прогресс на переговорах в Женеве, завершён вывод советских войск из Афганистана, заметен вклад СССР в разрешение многих, если не всех, региональных конфликтов. Новое качество диалога Восток — Запад, его интенсивность открывают новые возможности для решения остающихся проблем.

Вместе с тем НАТО не находит ситуацию полностью благоприятной. Сохраняются препятствия на пути реализации программы решительной перестройки в СССР, неровный характер носят реформы в Восточной Европе, НАТО приветствует значительное одностороннее сокращение советских Вооруженных Сил как шаг в правильном направлении, но у нее сохраняется озабоченность в связи с тем, что производство военной продукции в СССР все еще превышает разумные потребности обороны.

В Концепции отмечается, что советские стратегические ядерные силы все еще представляют собой главную угрозу для союзников. Наконец, в НАТО существует твердое мнение, что Советский Союз продолжает стремиться к своей цели — ослаблению связей между североамериканскими и западноевропейскими участниками союза, и это еще больше настораживает в связи с тем, что геостратегическая реальность заключается в сохранении преимущества на стороне ОВД даже после устранения имеющихся диспропорций в силах и средствах, по которым сейчас ведутся переговоры. Количественный паритет, как учит история, не обязательно гарантирует стабильность или безопасность¹. Несмотря на эти опасения, НАТО рассматривает ближайшее будущее как обнадеживающее, но все еще неопределенное, и эта оценка не может считаться крайне пессимистичной.

Наряду с еще заметным преобладанием в военных оценках осторожности значительно изменились их язык и стиль. Приведу в качестве примера официальный американский документ «Советская военная мощь». Если в издании 1988 г. подзаголовок гласил «Оценка угрозы», то нынешняя публикация имеет новый — «Перспективы перемен».

¹ Аналогичное мнение выражено в работе А. К о к о ш и н а и др. «Проблемы обеспечения стабильности через радикальные сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе». М., 1989, с. 7. См. также: Г. Х а г е н а. Догма о возможности вторжения Варшавского пакта; Новая стратегия после разоружения? — *Ойропешше веркунде*, 1989, №8, с. 484.

Первая глава, прежде называвшаяся «Советская угроза», стала «Советским вызовом». На титульном листе помещена фотография организованно уходящей из Афганистана колонны боевых машин. И если разведывательные сообщества все еще должны делать свое дело, плоды своих усилий они преподносят более спокойным, аргументированным языком¹.

Краткосрочные и долгосрочные цели НАТО

Основной и превалирующей целью НАТО остается сохранение мира и свободы, предотвращение войны и установление справедливого и мирного порядка в Европе. Для этого необходимо поддерживать безопасность и стабильность в Европе и по возможности укреплять их. Поддерживая мощь, достаточную для сдерживания возможной агрессии, союзники стремятся к «развитию более устойчивых отношений, которые позволят решать политические проблемы». Эта политика была выдвинута еще в докладе Хармеля в 1967 г. и по существу не изменилась.

И Концепция и Декларация содержат ряд дополнительных целей, которые более подробно характеризуют политические отношения. Я постарался сгруппировать эти цели в таком порядке, в каком они могут быть достигнуты:

— Укрепление роли ООН в поддержании мира и урегулировании конфликтов.

— Реализация всех положений, содержащихся в решениях и документах СБСЕ.

— Преодоление естественного разделения Европы, и в частности Германии. (Здесь очень важна терминологическая точность. Употребляется не понятие «воссоединение», а «право народов на самоопределение», как записано в Хельсинкском Заключительном акте.)

— Установление нового типа отношений между странами Востока и Запада, при котором на место антагонизма придет сотрудничество, доверие и мирное соревнование, права человека и политические свободы станут достоянием всего человечества, все народы объединят усилия для мирного урегулирования возникающих споров и поиска решений волнующих всех нас проблем, таких, как бедность, социальная несправедливость и сохранение окружающей среды.

Пути и средства

Сравнительно легко достичь согласия относительно целей как между союзниками, так и в диалоге с оппонентами: кто, в конце концов, выступит против мира, процветания и верховенства закона? Кому

¹ «Советская военная мощь». Вашингтон, 1989, с. 44.

нужно, чтобы продолжались голод, болезни и бедность в странах «третьего мира»? Вопрос, на который Концепция должна дать ответ, звучит так: как мы намерены достигнуть наших целей? Каким путем пойдем мы к ним?

Прежде всего союзники подтверждают свою твердую приверженность контролю над вооружениями. Высокие уровни вооружений и военной силы сами по себе не только не гарантируют мир и безопасность, но, напротив, порождают дестабилизирующую тенденцию. При высоких уровнях вооружений любое, реализованное или ожидаемое, техническое новшество одной стороны чаще всего приводит к чрезвычайным усилиям другой стороны. Можно без преувеличения сказать, что расходуемые таким образом дорогостоящие ресурсы не смогут быть использованы для удовлетворения более насущных общественных нужд. Поэтому НАТО вынуждена поддерживать (и по возможности укреплять) безопасность и стабильность на возможно более низком уровне, определяемом потребностями обороны. С этой точки зрения, дестабилизирующая асимметрия в силах и средствах должна быть устранена прежде всего — либо в результате переговоров, либо путем односторонних действий. Союзники обеспокоены наличием таких сил, которые способны осуществить внезапное нападение или широкомасштабное наступление. Признано, что по мере прогресса на переговорах по данной проблеме и реализации достигнутых договоренностей возможно дальнейшее снижение уровня сил и средств союзников.

Контроль над вооружениями должен быть дополнен мерами укрепления доверия. Каждое соглашение по контролю над вооружениями, которое успешно реализовано, вносит вклад в укрепление взаимного доверия.

Исходя из предположения, что проблемы стран ОВД должны решаться путем внутренних реформ, НАТО тем не менее считает, что может оказать помощь процессу перемен, и поэтому согласилась на включение в повестку дня семи пунктов. В частности, НАТО предполагает:

- 1) расширить контакты и сотрудничество в областях, одинаково важных для Востока и Запада;
- 2) развивать контакты между их гражданами, в особенности между молодежью;
- 3) добиваться расширения торговых отношений для обеспечения процесса более полной интеграции восточных стран в систему международной торговли;
- 4) продемонстрировать посредством расширившегося сотрудничества, что западная система экономического выбора создает лучшие условия для экономического и социального прогресса;
- 5) найти способы внедрения западного «ноу-хау» в восточных странах для содействия позитивным переменам (например, через обучающие программы и обмен студентами);
- б) сотрудничать в таких областях, как экология, борьба с терроризмом и наркоманией;

7) содействовать ученым из СССР и других стран Востока в проведении исследований в университетах Запада, а также приглашать студентов из восточных стран для обучения в западных университетах.

Этот подход отражает понимание того, что укрепление доверия в военной области полезно, но недостаточно. Чтобы доверие было действенным, оно должно включать культурные, экономические и политические аспекты, и процесс этот должен быть взаимным.

Условия достижения целей

С проблемой путей и способов достижения наших целей тесно связан комплекс правил, рекомендаций, принципов и условий, которые мы должны выполнять, следуя по намеченному пути к лучшему миру и большей безопасности. Причина такого набора условий заключается в том, что мы не хотим подвергнуться чрезмерному риску в процессе контроля над вооружениями и хотели бы сохранить как можно больше преимуществ, которыми ныне обладаем.

Первый и основной принцип процесса контроля над вооружениями — солидарность. Союзники согласились, что будут и впредь разделять бремя и риск общих усилий. А это означает, что никто не будет уклоняться от такого совместного бремени. Как специфическое выражение солидарности первостепенная важность придается присутствию обычных и ядерных сил США в Европе.

НАТО останется оборонительным союзом. Это будет отражено в его стратегии и исключит любые варианты наступательной обороны, а также явится основой для определения минимально необходимого уровня обычных сил.

Сдерживание — или предотвращение — любой войны остается краеугольным камнем НАТО. В обозримом будущем это потребует соответствующего сочетания обычного и ядерного оружия, которое «будет храниться до необходимого срока». Именно эта компромиссная формулировка позволила принять Концепцию и отразила подход НАТО к проблеме контроля над вооружениями — во всяком случае, на обозримое будущее¹.

Из сказанного следует, что ядерное оружие будет необходимо для сдерживания даже после устранения асимметрий в обычных силах. НАТО намерена использовать его для сдерживания в ходе войны (если она начнется) и подчеркивает, что потенциальный агрессор не должен рассчитывать на то, что обычное оружие будет использоваться раздельно от «достратегического» ядерного и стратегического ядерного оружия. Подтверждена независимая роль ядерных сил Великобритании и Франции, которые призваны осложнить вероятному противнику оценку степени риска.

В заключение данного раздела Концепции говорится, что принци-

¹ Концепция, 20, 21.

пы, лежащие в основе стратегии сдерживания (лишь в общих чертах рассмотренной здесь), сохранятся длительное время, но только в пределах обозримого будущего, что системы наземного, морского и воздушного базирования нужны лишь до тех пор, пока существующие обстоятельства будут сохраняться.

Задачей обычных сил остается немедленное противодействие агрессору всеми необходимыми средствами на передних рубежах. Для обеспечения переброски подкреплений из Северной Америки в Европу должны сохраняться морские и воздушные коммуникации. Это означает потребность в поддержании полностью укомплектованных и достаточно крупных сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. В связи с этим подчеркнута необходимость добиваться максимальной эффективности в использовании привлекаемых средств и разработке оборонных программ.

Не без гордости НАТО отмечает, что большая часть намеченных к реализации мер по контролю над вооружениями была вдохновлена Западом: Концепция достаточности, необходимость асимметричных сокращений, сосредоточение наступательных средств, более строгий характер проверки и др.

Вместе с тем авторы Концепции понимают, что все рассмотренные условия весьма ограничивают круг мер по контролю над вооружениями после достижения паритета. Поэтому, указав условия, которые будут затруднять для НАТО будущие крупномасштабные сокращения, авторы предлагают продолжить разработку Концепции с тем, чтобы прийти к удовлетворяющим всех выводам.

О дефинициях

Одна из проблем диалога между Востоком и Западом заключается в том, что, используя одни и те же слова и понятия, мы часто понимаем их по-разному. В меньшей степени это относится даже к дискуссиям внутри НАТО. При подготовке соглашений значительные усилия затрачиваются на уточнение дефиниций (например, по категориям вооружений).

Для понимания Концепции следует рассмотреть ключевые понятия: безопасность, стабильность и низший уровень вооруженности, соответствующий требованиям обороны и сдерживания. Есть и другие важные понятия, но названные, думается, представляют особый интерес для исследователя.

Уже при беглом прочтении документа обнаруживается, что нет четкого определения ни безопасности, ни стабильности. Очевидно, что это не абсолютные понятия, иначе невозможно было бы укреплять или ослаблять безопасность или стабильность. К тому же в документе безопасность и стабильность рассматриваются и как цели, и как принципы. В трех случаях в Концепции говорится, что безопасность и стабильность должны быть укреплены, столько же раз — что их следует поддерживать в процессе контроля над вооружениями. Напрашивается

ся мысль, что существует некоторая неопределенность в вопросе о том, можно ли считать нынешнюю ситуацию стабильной и безопасной¹.

Не дано, как того можно было бы ожидать, и точного определения уровню сил и вооружений, которого мы должны достичь путем контроля над вооружениями. С удивлением обнаруживаешь большое число различных определений. Например: «низший сбалансированный уровень», «минимально необходимый уровень», «низший возможный уровень». Непонятно, подразумевается ли под разными словами различное содержание, но объективная интерпретация позволяет предположить, что «низшие возможные» ограничения не столь категоричны, как «минимально необходимые». Небольшим утешением может служить то, что наши оппоненты испытывают аналогичные трудности с точным определением понятия «разумная достаточность».

Дискуссия

Концепция и Декларация являются заслуживающими изучения документами. Наверное, в них есть недостатки, вполне допустимые в документах, которые разрабатывались в условиях значительного нажима и должны были включать достигнутые в последний момент компромиссные положения, а также удовлетворять все шестнадцать суверенных государств. Это документы, в основу которых положена трезвая оценка ситуации, они выражают должное доверие оппоненту, и в них в большей мере проработаны цели, нежели пути и средства их достижения. Наиболее сложный раздел — об условиях достижения целей, и даже при таком подходе в нем отсутствуют важные аспекты, например вопрос о военно-воздушном компоненте и его роли в укреплении оборонительной структуры.

Некоторые формальные слабости этих документов могут, однако, иметь и позитивную сторону. Так, ранее уже упоминалось, что их авторы как будто колеблются между «укреплением» и «поддержанием» безопасности. Это можно было бы объяснить недостаточной проработанностью документа. Мне между тем кажется, что данное обстоятельство отражает постепенный и трудный переход от старого к новому мышлению. Первое выражение отражает традиционный подход: давайте укреплять нашу безопасность, а другая сторона пусть остерегается! Переход к поддержанию безопасности означает, что безопасность нельзя приобрести за счет другой стороны, что она имеет обоюдный характер, и поэтому достижения или потери в безопасности или стабильности должны быть, в сущности, взаимными.

Авторы Концепции, кажется, испытывали затруднения и в описа-

¹ По моему мнению, ситуацию следует считать стабильной с военной точки зрения, и, хотя считается, что контроль над обычными вооружениями повышает в некоторой степени стабильность, его главное значение состоит в высвобождении ресурсов и улучшении политического климата.

нии уровней вооруженных сил, которых они надеялись достигнуть в процессе контроля над вооружениями. Это, возможно, свидетельствует о достойной сожаления двусмысленности в такой ключевой области, где руководящие принципы необходимы. С моей точки зрения, более вероятным объяснением является то, что в настоящий момент никто не знает, как далеко мы уйдем по пути контроля над вооружениями, и поэтому наиболее разумным является использование такого языка, который не слишком бы обязывал какую-либо из сторон.

Можно критически заметить, что союзники намечают цели — например, преодоление разделения Европы и Германии, — не указывая при этом путей их достижения и одновременно ставя условия, которые делают эти цели недостижимыми. Однако следует помнить, что концепцию приняли в то время, когда планирующие органы НАТО даже в самых смелых мечтах не могли предвидеть события, случившиеся в течение последующих месяцев в Польше, Венгрии и ГДР.

Самой большой опасностью в процессе контроля над вооружениями является искушение вложить высвободившиеся средства при сокращении войск и вооружений в качественное и технологическое совершенствование обороны. Подобная практика, очевидно, не в состоянии принести экономического выигрыша от контроля над вооружениями, особенно с учетом стоимости современных систем оружия: бомбардировщик В-2 «Стелс» стоит около 1 млрд. западногерманских марок, и если произвести 132 таких бомбардировщика, то их стоимость превысит двухлетний бюджет бундсвера. Можно с уверенностью предсказать, что проблема «модернизации» уже в ближайшем будущем должна быть серьезно изучена, если Восток и Запад действительно хотят высвободить ресурсы в процессе контроля над вооружениями.

Сессия НАТО, конечно, запомнится в большей степени не благодаря принятой Концепции, а в связи с дискуссией вокруг тактической ядерной ракеты «Ланс». Кое-кто может отозваться об этой дискуссии как о замечательном примере игры в синонимы, однако следует заметить, что термин «модернизация» в документах сессии не упоминается. К тому же большая часть из того, что было сказано о ядерной стратегии и сдерживании, относится к обозримому будущему. Это не означает, что НАТО готова отбросить доктрину сдерживания, но является отражением той точки зрения, что значение и этой доктрины, и соответствующей ей структуры вооруженных сил будет уменьшаться по мере того, как реально существующие сегодня элементы военной опасности нашему обществу будут отмирать, а на смену конфронтации будет приходиться сотрудничество.

Заключение

Концепция, которую я попытался проанализировать, может справедливо называться всеобъемлющей, ввиду того, что в ней объединены многие аспекты процесса контроля над вооружениями и предпринята попытка взглянуть на обе стороны медали. Авторы Концепции воздер-

живаются — и поступают, на мой взгляд, мудро — от детализации тех вопросов, где слишком подробные инструкции участникам переговоров принесут больше вреда, чем пользы. В Концепции подчеркнута необходимость ее дальнейшего развития и совершенствования по мере получения первых результатов процесса контроля над вооружениями.

Это — осторожный документ. Он построен на предположении, что ситуация в основном будет стабильной, хотя и могут возникнуть неприятные моменты, а поэтому было бы неразумно выбрасывать за борт концепции, доказавшие свою надежность в прошлом. В то же время документ допускает, что практическое выражение сдерживания, проявляющееся в размерах, структуре и размещении вооруженных сил, будет меняться.

Но, пожалуй, самое важное то, что Концепция — прогрессивный документ. В нем отражено стремление к тому, чтобы стороны могли узнать больше друг о друге во многих невоенных областях. В нем признается, что у Востока и Запада есть общая обязанность обратиться к проблемам, которые касаются нас всех, — борьбе против социальной несправедливости, наркомании, терроризма, а также срочному принятию мер по сохранению окружающей среды.

Нам предстоит долгий путь, прежде чем мы создадим международное сообщество, основанное на верховенстве закона. До тех пор нам придется жить с доставшимся в наследство ядерным оружием. Но если очень постараться, то есть надежда, что настанет день, когда мы похороним «холодную войну» и когда безопасность, по словам Дж. Бейкера, не будет более «здоровым ребенком ужаса, а выживание — близнецом истребления»¹.

o

¹ Выступление по проблемам политики США в области контроля над вооружениями в Сан-Франциско 23 октября 1989 г.

**Армия
и безопасность
в современном
мире**

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Сердцевиной проблемы безопасности является вопрос физического выживания общества и государства, их соответствующих структур в определенных национальных границах, обеспечения их дееспособности перед лицом угрозы применения вооруженного насилия со стороны других субъектов международных отношений. В современных условиях эта задача означает в первую очередь предотвращение войны — как ядерной, так и обычной.

Сама по себе задача предотвращения войны, сдерживания агрессии против СССР и его союзников имеет не только военное, но и политическое измерение. Понимание приоритетности политических мер и средств в деле обеспечения безопасности страны все глубже укореняется в сознании нашего народа.

Обеспечение безопасности не сводится лишь к нейтрализации военной угрозы. Для того чтобы общество развивалось динамично в экономической, социальной и духовной сферах, обеспечение физического выживания общества и государства является условием необходимым, но недостаточным. Наиболее полное понимание безопасности включает доступное, надежное предоставление гражданам необходимых условий для развития и самовыражения, для сохранения и преумножения основных духовных и моральных ценностей нации и общества. Поэтому социальные, экономические и экологические аспекты безопасности, наличие оптимальных условий, обеспечивающих развитие гражданского общества и демократических государственных структур, представляют собой ее существеннейшие компоненты.

Наше отставание от капиталистических стран в научно-техническом развитии, в экономической и социальной сфере становится по ряду параметров большей угрозой для сохранения СССР как великой державы, чем опасность прямой агрессии в условиях меняющегося характера силы на международной арене, растущей взаимозависимости и взаимосвязанности народов и государств. Это отставание становится настолько угрожающим, что уже сказывается не только на нашем престиже, внешнеэкономических возможностях, но и на способности должным образом обеспечивать развитие наших Вооруженных Сил.

Нарастает угроза безопасности страны из-за ухудшения экологической обстановки в результате неконтролируемого и непродуманного развития промышленности и сельского хозяйства, отсутствия необхо-

димых вложений в средства предотвращения разрушения окружающей среды. Надвигающаяся экологическая катастрофа несет прямую угрозу физическому уничтожению народов Советского Союза; одновременно она порождает дополнительные конфликты внутри СССР и с нашими соседями, особенно в Европе.

В последнее время угроза территориальной целостности и внутреннему единству Советского государства возникла в результате обострения межнациональных отношений, имеющих под собой в том числе и экологическую подоплеку.

Рассматривая собственно военную составляющую безопасности страны, необходимо различать военную угрозу и непосредственную опасность войны. Военная угроза на протяжении ряда послевоенных десятилетий остается одним из важнейших элементов нашего международного положения — прежде всего как следствие наличия у ряда государств крупных, отлаженных военных машин и оружия массового поражения, которые угрожают или могут угрожать национальной безопасности СССР.

Что касается непосредственной опасности войны, то она существенно ниже, чем была, благодаря огромной мощи советского военного потенциала и энергичной и конструктивной внешней политике СССР, позволившей улучшить отношения со многими государствами.

К оценке военной угрозы и степени непосредственной опасности войны (вероятности агрессии) необходимо подходить творчески, учитывать все оттенки как политической, так и военно-стратегической ситуации, не огрубляя картины, не сводя ее к элементарным характеристикам. Исключительно важна всесторонне взвешенная, ответственная оценка военно-политических намерений и уровней военных приготовлений другой стороны, в том числе конкретных направлений ее военно-технического развития — без занижения, но и без завышения имеющихся и потенциальных угроз. Во многих случаях завышение военной угрозы в конечном итоге сказывается не менее негативно на безопасности страны, чем ее занижение, оно ведет к дополнительному неоправданному отвлечению ресурсов от других приоритетных направлений деятельности общества и государства. В этом плане нельзя проходить мимо тех весьма важных изменений в военной политике США и НАТО, которые наметились в 1990 г. Если же завышение угроз происходит по конкретным видам вооруженных сил и родам войск, направлениям развития военной техники и создания систем оружия, то оно ведет к перекосам в строительстве наших Вооруженных Сил, к крупным ошибкам, которые невозможно быстро исправить в той или иной кризисной ситуации.

Не следует забывать и о том, что в политике США и НАТО все еще присутствуют элементы, ориентированные на экономическое изматывание СССР в гонке вооружений.

В свою очередь занижение военной угрозы, а тем более ее полное отрицание будет способствовать дезинтеграции нашего многонационального государства, падению престижа Вооруженных Сил, являющихся одним из важнейших институтов государства и компонентов

общества. А в кризисной ситуации это может привести к самым катастрофическим последствиям.

Одно из основных условий оптимизации роли Вооруженных Сил в системе средств обеспечения национальной безопасности — более четкое определение долгосрочных и среднесрочных внешнеполитических целей СССР, наших внешнеполитических приоритетов. Необходимость такого определения в современных условиях диктуется все более очевидной ограниченностью материальных ресурсов нашего государства, которые могут выделяться для решения внешнеполитических и оборонных задач, а также ограниченностью такого главнейшего ресурса высшего политического руководства страны, как время, которое оно может использовать для решения внешнеполитических задач. Вот почему в нашей системе внешнеполитических приоритетов необходимо постоянно ориентироваться на содействие решению острейших внутренних проблем советского общества.

Анализ истории международных отношений показывает, что система внешнеполитических приоритетов государства должна регулярно обновляться, менять свою структуру и иерархию, в ее рамках акценты должны переноситься с одной проблемы на другую. В частности, ныне важнейшими для нас являются отношения с теми государствами, политическими партиями, группировками, организациями, которые могут оказывать как стабилизирующее, так и дестабилизирующее воздействие на обстановку в различных регионах СССР. Тем самым повышается значение традиционных приоритетов безопасности России и СССР на Евразийском континенте. Наряду с ориентацией на развитие взаимовыгодных и конструктивных отношений с государствами, представляющими наибольший интерес с точки зрения обеспечения безопасности СССР, перед нами стоит задача значительного сокращения своих внешних обязательств, более четкого и строгого определения своих основных партнеров с учетом наших скромных экономических возможностей. Отсюда — требование умеренности наших внешнеполитических целей и обязательств и — как одно из следствий этого — снижение затратности нашей внешней и, соответственно, оборонной политики.

На изменениях в системе внешнеполитических приоритетов и соответствующих функциях и объеме задач Вооруженных Сил должны в полной мере сказаться перемены в «третьем мире», завершение периода национально-освободительного движения в его традиционном понимании. А ведь до сих пор весьма значительная часть наших внешнеполитических и оборонных усилий ориентирована именно в этом направлении. Речь идет о необходимости пересмотра сложившихся в период «холодной войны» отношений между СССР и рядом стран «третьего мира», в том числе и тех, которые связаны с нашей страной союзническими обязательствами. СССР необходимо не только пересмотреть список этих стран, но и изменить характер своих связей, в том числе союзнических, с некоторыми из них, радикально снизив уровень затратности для нашей экономики.

Что касается большинства стран «третьего мира», с которыми

СССР поддерживает дружественные отношения, то их значение, с точки зрения обеспечения интересов безопасности СССР, вероятнее всего, должно уменьшаться. Это не будет, однако, означать полного «ухода» СССР из тех стран, в которые нами вложены большие средства и где имеется определенный уровень политического влияния Советского Союза. СССР будет, несомненно, продолжать поддерживать либо устанавливать стабильные и взаимовыгодные отношения с новыми региональными центрами силы, которые появились ныне в мировой политике. Это весьма важно для укрепления международных позиций Советского Союза в условиях трансформации международных отношений, складывающегося нового мирового баланса сил.

Оптимизация политики Советского Союза в зоне развивающихся стран позволит в большей мере сконцентрироваться на традиционных с точки зрения обеспечения национальной безопасности СССР регионах, какими являются Европа, Центральная Азия, Ближний и Средний Восток, Дальний Восток и частично АТР.

До сих пор по большинству параметров своего политического влияния и могущества СССР и США оставались непревзойденными. В целом ряде конфликтных и кризисных ситуаций ни Западная Европа, ни Япония, ни Китай не пытались взять на себя в должной мере инициативу по их разрешению. В то же время постоянно, шаг за шагом роль этих центров силы, особенно Японии и ЕЭС, возрастает, причем в основном по политико-экономическому параметру, поскольку в военном отношении СССР и США остаются наиболее могущественными государствами. Это происходит в условиях трансформации роли военной силы, относительного уменьшения веса военного фактора в современной системе международных отношений — по крайней мере во взаимоотношениях между развитыми государствами. Такое изменение роли военного фактора является в значительной степени результатом продолжающегося на протяжении ряда десятилетий противостояния СССР и США, достижения Советским Союзом военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами. В целом процесс уменьшения военной силы в ее традиционном выражении еще нельзя считать необратимым.

В зоне же «третьего мира» по многим параметрам падение роли военного фактора не наблюдается, хотя уровень военно-политического соперничества там между сверхдержавами в последнее время имеет тенденцию к снижению. Динамика событий последних лет показывает, что темпы милитаризации развивающихся стран, приобретения ими оружия, развития их вооруженных сил намного превышают аналогичные показатели в развитых странах. Во многих государствах «третьего мира» интенсивно создается и собственная индустрия вооружений.

Все это образует совершенно новый ландшафт мировой политики. Все более очевидным становится тот факт, что обновленная система международных отношений будет куда более сложной, чем та, в которой приходилось оперировать государственным руководителям и дипломатам в недалеком прошлом. Она будет менее однозначной, менее

жесткой, со значительно большей степенью свободы, возникающими альтернативами, вариантами действий для политических руководителей. Такая система создает как новые возможности, так и новые опасности, на которые ни в коем случае нельзя закрывать глаза. Неоднозначным для интересов безопасности СССР может оказаться развитие событий в Восточной Европе, процесс объединения Германии. Интересы безопасности Советского Союза требуют твердых, надежно «задублированных» гарантий нерушимости послевоенных границ в Европе, невозможности возрождения германского реваншизма и милитаризма, а также претензий на гегемонию в тех или иных районах Европы. В этих условиях военная сила, в том числе ядерное оружие, будет оставаться одним из важнейших инструментов обеспечения интересов безопасности нашего общества в меняющемся мире, средством, страхующим от всякого рода неожиданностей.

Обеспечение стоящих перед нами задач требует искуснейшей дипломатии, способности создавать двусторонние и многосторонние коалиции, эффективно использовать международные органы. Следует ожидать, что многие новые коалиции, квазисоюзы в системе международных отношений будут так же быстро возникать, как и распадаться в течение ближайших лет. Различные государства будут обладать различным весом и разными степенями участия в решении международных проблем. Поэтому неизбежно формирование новых иерархических структур. Ряд государств в этих структурах всегда будут играть более видную роль по отношению к другим. Их роль станет определяться не только весом в мировой экономике, военной мощью, научно-техническим потенциалом и тем более размерами территорий или людскими ресурсами, но и наличием лидеров, готовых брать на себя инициативу и ответственность.

Достижение Советским Союзом военно-стратегического равновесия с Соединенными Штатами Америки, а также паритета между ОВД и НАТО явилось одним из основных гарантов обеспечения военной безопасности народов СССР и наших союзников. Одновременно военно-стратегический паритет СССР и США явился крупным фактором структурного порядка во всей системе международных отношений, привнеся в нее немаловажные элементы устойчивости и предсказуемости. Достижение такого положения стоило нам немалых затрат и даже жертв, поскольку мы оказались втянутыми в гонку вооружений с США, более разорительную для нас, чем для Соединенных Штатов. При этом далеко не всегда принимались оптимальные решения о структуре и составе наших стратегических ядерных сил. Тем не менее нельзя отрицать общего стабилизирующего значения военно-стратегического паритета — как с точки зрения интересов национальной безопасности СССР и наших союзников, так и международного сообщества в целом.

Сохранение такого паритета при осуществлении радикальных ограничений и сокращений ядерного оружия (с учетом позиций других ядерных государств) — одно из основных условий обеспечения общей и равной безопасности во взаимозависимом мире. Огромная разруши-

тельная мощь накопленного в мире ядерного оружия нивелирует до определенных пределов различия в размерах и характеристиках арсеналов СЯС сторон. За счет этого и в стратегическом ядерном равновесии, и в военном равновесии в целом имеется определенный динамический диапазон, который поддается и количественной оценке¹. Существование такого диапазона позволило, в частности, СССР при заключении Договора по РСМД пойти на уничтожение значительно большего числа ракет и боеголовок, чем ликвидировали США.

Наличие динамического диапазона наряду с улучшением международной обстановки является одним из основных факторов, позволяющих Советскому Союзу начать реализацию принципа разумной оборонной достаточности в одностороннем порядке, сокращать расходы на оборону. Однако возможность действий в одностороннем порядке имеет свои пределы, определяемые поведением других государств, действительность которых затрагивает жизненно важные интересы национальной безопасности СССР.

Советскому Союзу необходимо иметь достаточно мощные и эффективные Вооруженные Силы, соответствующую оборонную промышленность, опирающиеся на обширный резервуар идей и достижений науки и техники в целом, без излишних барьеров секретности между гражданскими и военными сферами деятельности.

Акцент на качественные параметры развития Вооруженных Сил означает прежде всего обеспечение высокого профессионального уровня личного состава, и в первую очередь офицерского корпуса и сержантов, их преданности Родине, верности Конституции страны. При сокращении расходов на армию и флот, при уменьшении численности личного состава вложения на каждого солдата, сержанта, прапорщика и офицера должны значительно увеличиваться. Вооруженные Силы не должны быть обременительны для общества, но они не могут быть дешевыми, ибо тогда они не в состоянии будут выполнить свое основное предназначение.

Общепринятой становится необходимость глубокой военной реформы, о которой 2-3 года назад говорили сравнительно немногие специалисты. Эта реформа должна охватывать систему комплектования Вооруженных Сил, вопросы их административного и оперативного управления, систему подготовки офицерских и сержантских кадров и ряд других вопросов. Базой для такой реформы должны быть как анализ новейших тенденций в развитии нашего общества, государства и армии, так и учет исторического опыта военных реформ, проводившихся в России и Советском Союзе Василием Голицыным, Петром Великим, Г. А. Потемкиным, Д. А. Милютинным, М. В. Фрунзе и другими выдающимися деятелями.

Среди ключевых вопросов военной реформы на ближайшие годы — создание оптимального сочетания высокопрофессионального кадрового состава (не только офицеров и прапорщиков, но и сержантов, а отчасти и рядового состава) с сохранением усовершенствованной

¹ См. подробнее: К о к о ш и н А., Л о б о в В. Предвидение. — «Знамя», №2, 1990.

системы призыва на основе Закона о всеобщей воинской повинности. Преданность Родине, верность своему гражданскому и воинскому долгу должны воспитываться не на мифах, которые еще весьма живучи, а на действительно лучших традициях российской армии и флота, Красной Армии, Вооруженных Сил СССР, ярко проявившихся в годы гражданской войны и отражения иностранной интервенции, в период Великой Отечественной войны.

Одна из настоятельнейших задач — интеллектуализация офицерского корпуса наших Вооруженных Сил, причем не только за счет повышения уровня знаний, скажем, в технической сфере, но и путем освоения всего творческого наследия крупнейших российских и советских военачальников и военных теоретиков, повышения его общеобразовательной подготовки. Среди русских и советских военных теоретиков особо выделяется фигура Александра Андреевича Свечина (1878–1938), чьи труды «Стратегия» и «Эволюция военного искусства» остаются во многом непревзойденными в мировой науке.

Еще одна важная задача преобразований в Вооруженных Силах — создание условий службы, исключающих унижение человеческого достоинства, протекционизм, коррупцию.

Наличие достаточно мощных, гармонично развитых Вооруженных Сил СССР — не только гарант предотвращения как ядерной, так и обычной войны, но и один из факторов достижения договоренностей по ограничению вооружений и разоружению, успешного проведения динамичной и конструктивной внешней политики, отвечающей интересам как СССР, так и международного сообщества.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ В «ОБЩЕСТВЕ ОТРИЦАНИЯ ВОЙНЫ»

Довольно старая мысль о том, что отвращение к войне является признаком упадка в обществе, была пересмотрена основоположниками современного обществоведения. И. Кант, А. Смит, О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс и многие другие пришли к единому мнению (пожалуй, единственному общему, что могла иметь группа столь различных людей) о том, что индустриальные общества эволюционируют к более стабильным мирным отношениям и даже к миру без войн. События следующего века опровергли прогнозы этих ученых, однако в наше время вновь наблюдается возрождение идеи о будущем без войн.

Ни один серьезный наблюдатель, конечно, не предвидит конца крупномасштабного насилия в ближайшем будущем. Люди, ведущие широкую дискуссию об окончании «холодной войны», о безъядерной Европе, о значительных сокращениях обычных вооруженных сил и даже о конце истории в смысле окончания глобальных идеологических конфликтов, не настолько наивны, чтобы подразумевать буквальный конец всех войн. Будущее не свободно от региональных конфликтов, гражданских войн, этнических раздоров и даже интервенций крупных держав в сферы влияния. Однако события, быстро разворачивающиеся в Европе и в отношениях между двумя сверхдержавами, предвещают реальные и значительные перемены.

Уже длительное время отмечается отсутствие войн между парламентскими буржуазными демократиями. Новой тенденцией является то, что войны между развитыми странами, социалистическими или капиталистическими, сегодня, пожалуй, также уходят в область маловероятного. Полагаю, что мы являемся свидетелями рождения эры, в которой война — во всяком случае, между сверхдержавами — больше не будет основным, а тем более неизбежным способом разрешения конфликтов. Мы также отмечаем явное нежелание американского (и, по-видимому, советского) общества быть втянутым в длительные войны сомнительного характера во второстепенных регионах мира. Я называю эту новую эру для краткости «обществом отрицания войны».

Как все это повлияет на центральный общественный институт, получивший развитие за время существования современного военного дела, — вооруженные силы — и, что еще более важно, какое влияние последние окажут на ход событий? На первый взгляд подключение вооруженных сил к контролю над вооружениями и разоружению вряд ли покажется спорным моментом. Исследователь вооруженных сил обнаружит,

что выходит на арену, уже переполненную тысячами книг и устоявшихся точек зрения. Удивительно, однако, что до сих пор не предпринималось попыток систематического и сравнительного социологического исследования роли вооруженных сил в процессе контроля над вооружениями.

Даже сегодня, уже не в первый день новой эры добрых чувств, роль вооруженных сил в деле разоружения часто страдает от позиции двух теоретических школ, которые преуменьшают роль армии как общественного института. Одна из них особо выделяет тенденции в развитии стратегической доктрины, военной технологии и «соотношения сил». Другая придает особое значение источникам конфликтов и делает в соответствии с этим акцент на теории и практике мира. Обе школы обычно почти совсем не рассматривают роль военных в контроле над вооружениями как содействующей или противодействующей силы.

Социальный состав армии, а тем более вероятную реакцию военных на происходящие вне вооруженных сил перемены выяснить весьма трудно. До последнего времени лишь относительно небольшое число ученых профессионально занимались постоянными исследованиями вооруженных сил и общества, часто рискуя при этом оказаться отлученными от своих пользующихся уважением академических дисциплин. Но для того, чтобы преодолеть игнорирование роли вооруженных сил в обществе, необходим плацдарм.

Не претендуя на детальное описание «общества отрицания войны», попытаюсь уяснить возможную структуру и функции в нем вооруженных сил. Рассматриваемые под таким углом зрения вооруженные силы в зарождающемся «обществе отрицания войны» являются одновременно и независимой и зависимой переменной.

Выдвигается аргумент: отношения между вооруженными силами и обществом определяются вероятностью войны. Я предлагаю тройную типологию общества и соответствующих ему вооруженных сил: «общество готовности к войне», «общество сдерживания войны» и «общество отрицания войны». Различия между этими типами общества легко преувеличить, однако исследователь-обществовед должен использовать чистые типы, чтобы добиваться понимания концепции. Типу «общества готовности к войне» соответствует по своим характеристикам большинство стран НАТО и ОВД 50 — 60-х годов: большие постоянные армии, строящиеся, как правило, по принципу воинской повинности и высококомобильные. «Общество сдерживания войны» более характерно для США, Канады и Великобритании 70 — 80-х годов с их вооруженными силами: уменьшаются размеры армий по мере перехода от массовых к высокооплачиваемым и высокотехничным профессиональным вооруженным силам. «Обществом отрицания войны» могут статьдвигающиеся в этом направлении западноевропейские и североатлантические страны и их вооруженные силы — такие, например, как Швеция, Швейцария и Канада, — с переходом от существующих больших армий к малочисленным кадровым вооруженным силам при наличии подготовленного резерва.

Еще раз повторяю: любая типология всегда неполно отражает действительность. Однако наша задача — охватить явление в целом, сделать факт выпуклым и получить структуру оценки контроля над вооружениями и разоружения. И хотя данная типология выведена на ос-

новании опыта развития стран Европы и Северной Атлантики после второй мировой войны, существенные различия между вооруженными силами трех типов общества выражены в понятиях, пригодных для более широкого международного исследования. Эти различия обобщены в табл. Основная гипотеза состоит в том, что по мере эволюции современных государств от «общества готовности к войне» к «обществу сдерживания войн» и к «обществу отрицания войны» соответственно изменяются общественный статус и функции военных.

Таблица

Вооруженные силы и общество

Вооруженные силы	Общество		
	Тип общества		
	готовности к войне	сдерживания войны	отрицания войны
Общая организация	массовая армия	профессиональная армия	кадровая армия
Основные вопросы военного бюджета	общие расходы на личный состав, оружие низкой технологии	расходы на одного военнослужащего, оружие высокой технологии	боевая подготовка и инфраструктура резерва
Отношение к военной службе	воинская повинность	добровольный найм	гражданская обязанность
Основные спорные проблемы	место и роль видов вооруженных сил	бюджетные ассигнования	изменение целей и основных задач
Отказ от военной службы по религиозным или политическим мотивам	ограничен или запрещен	разрешен в соответствии с законом	предполагает прохождение альтернативной гражданской службы
Набор на службу	юношей	в соответствии с социальным составом общества	молодых людей
Отношение общества к военным	поддерживающее	спокойное	поддерживающее
Отношение интеллигенции к военным	враждебное	скептическое	спокойное
Преобладающий тип профессионального военного	боевой командир	специалист-управленец	военнослужащий-исследователь
Отношение военных к контролю над вооружениями и разоружению	враждебное	скептическое	спокойное

Пожалуй, наиболее простыми показателями, позволяющими различать типы вооруженных сил и общества, являются бюджетные данные. Доля военных бюджетов в ВВП «общества готовности к войне» и «общества сдерживания войны» высока. Предполагаю, что в условиях «общества отрицания войны» военный бюджет сократится, хотя известно, что военные ассигнования продолжают оставаться в числе основных расходов таких «обществ отрицания войны», как Швеция и Швейцария (Канада в этом случае является исключением).

Что, однако, действительно изменяется, так это то, как военные расходуют свои средства. В «обществе готовности к войне» ассигнования идут в основном на содержание массовой армии и на закупку большого количества оружия низкой технологии. В «обществе сдерживания войны» из-за более высоких расходов на одного военнослужащего общие затраты на содержание личного состава остаются на том же уровне даже при сокращении численности вооруженных сил; индивидуальные системы оружия также дорожают ввиду их более высокой технологичности. В «обществе отрицания войны» большую часть военного бюджета составляют расходы на обучение и содержание инфраструктуры резерва. Усложнение оружия в «обществе отрицания войны», полагаю, будет происходить как на уровне низкой, так и на уровне высокой технологий.

Изменяется организационная структура и предмет основных споров внутри вооруженных сил. Военная организация «общества готовности к войне» формируется в основном по принципу всеобщей воинской повинности и сильно отличается в этом отношении от гражданских структур. В «обществе сдерживания войны» на смену приходит принцип добровольного найма, более сходный с гражданскими структурами. В вооруженных силах «общества готовности к войне» основные споры ведутся вокруг выяснения роли каждого из трех видов вооруженных сил — сухопутных, воздушных и морских. В условиях «общества сдерживания войны» для министерства обороны более характерны внутренние раздоры по проблеме бюджетных ассигнований, нежели споры о роли видов вооруженных сил. В «обществе отрицания войны» армия комплектуется по принципу гражданской обязанности, преодолевающему дихотомию принципов всеобщей повинности и добровольного найма и включающему альтернативные виды службы. Основным предметом споров и дискуссий становится тема: должны ли военные задачи ведения боевых действий совмещать или заменять другими задачами?

Важные изменения происходят также в отношениях между гражданским обществом и военными, хотя эти изменения и не поддаются простому измерению. В массовых армиях отказ от военной службы по религиозным или политическим мотивам либо запрещен (как это было в средиземноморской Европе и странах ОВД до 80-х годов), либо ограниченно разрешен лишь для традиционно пацифистских церквей (как в США и Северной Европе в 60-х годах). С переходом к добровольческой и высокотехничной армии такой отказ становится общепризнанной и широко распространенной правовой нормой, зачастую предполагающей прохождение альтернативной общенациональной службы.

Эти тенденции наиболее очевидны в странах Северной Европы, а в настоящее время проявляются в средиземноморских странах НАТО и даже в восточноевропейских странах. В «обществе отрицания войны» собственно военная и альтернативная гражданская служба, полагаю, станут функционально эквивалентными.

Система призыва, существующая в «обществе готовности к войне», предполагает, во всяком случае теоретически, комплектование армии преимущественно юношами. Система пополнения, учитывающая рыночные условия, характерна для профессиональной армии, что в свою очередь ведет к такому социальному составу вооруженных сил, который отражает социальную стратификацию общества в целом: хорошо оплачиваемая профессиональная часть армии сосуществует с низшими чинами, получающими жалование на уровне заработной платы рабочего. В «обществе отрицания войны» личный состав действительной службы существенно сократится до небольшого числа хорошо оплачиваемых кадровых военнослужащих, обучающих долгосрочных резервистов, которые будут получать умеренную компенсацию. Будет развиваться миллионно-территориальная система обороны. В «обществе отрицания войны», кроме того, гражданская служба (включающая большое число женщин) становится обычной альтернативой военной службе.

Оценка вооруженных сил общественностью неоднозначна. (Железным правилом, похоже, является более негативная оценка военных интеллигенцией по сравнению с остальным обществом.) В условиях преобладания готовности к войне поддержка вооруженных сил обществом высока. В «обществе сдерживания войны» с переходом к рыночной системе пополнения вооруженных сил у публики обнаруживается тенденция более спокойного отношения к военной службе. В «обществе отрицания войны», очевидно, общественность снова станет поддерживать военных, особенно в том случае, когда большая часть населения будет включена в милиционную систему. Эта поддержка будет еще сильнее, если военная служба будет предполагать решение, наряду с собственно военными, и насущных задач гражданского общества.

Пожалуй, наиболее убедительными данными военной социологии являются сведения о том, как основной тип военного профессионала превращается из боевого командира в «обществе готовности к войне» в специалиста по управлению в армии «общества сдерживания войны». Я выдвигаю гипотезу, отчасти неожиданную, что ведущим типом военного в «обществе отрицания войны» будет военнослужащий-исследователь, чем-то напоминающий кадрового офицера западных стран периода между двумя мировыми войнами. Вместе с тем следует ожидать, что остатки воинственного духа сохранятся у офицерского корпуса на неопределенное время в будущем.

Каково отношение военных к проблемам контроля над вооружениями и разоружения? В эру «готовности к войне» большинство профессиональных военных выступает против любой подобной идеи и проявляет весьма враждебное отношение к пацифистам. В «обществе сдерживания войны» в наше время преобладает более или менее скептическое отношение к контролю над вооружениями, но уже не полное его

неприятие. И хотя мы можем лишь догадываться, как будет обстоять дело в «обществе отрицания войны», предполагаю, что профессиональные военные будут спокойно относиться к пацифистам и тем, кто предпочтет альтернативную службу. Подобные перемены неизбежны в начинающейся эре.

Гипотеза «общества отрицания войны» стремится отразить всеобщую тенденцию. Конечно, некоторые черты «общества готовности к войне» и «общества сдерживания войны» сохранятся и в «обществе отрицания войны». Однако концепция континуума выдвигает на первый план постоянно изменяющийся характер взаимосвязи армии и общества. Это также вынуждает нас внимательно следить за тенденциями, возникающими внутри военных институтов. Накапливаясь годами, эти тенденции приводят к коренным переменам. Эволюция к «обществу отрицания войны» означает глубокие организационные последствия для контроля над вооружениями и разоружения и для военной социологии.

Приведенная здесь парадигма служит исходным принципом для последующей систематизации результатов исследований. Однако подобная типология и ее относительные переменные не должны механически переноситься на изучаемые вооруженные силы. Следует прежде всего убедиться, работает ли подобная общая схема при рассмотрении военных систем, строящихся по различным организационным принципам в зависимости от гражданской и военной истории данной страны и ее геополитического положения.

Поскольку перед военными организациями встает проблема изменения задач в «обществе отрицания войны», становится существенно важным выяснение вероятности появления новых задач и их характера. Кто-то может спекулировать на подобных новых целях исследований, однако на память приходят конкретные примеры: многонациональные силы по поддержанию мира в «горячих точках», освоение полюсов и космоса, борьба с торговлей наркотиками, иммиграционный контроль, образование и профессиональная подготовка детей из нуждающихся семей, ликвидация последствий стихийных бедствий и многое другое. Какие именно новые функции вооруженных сил возникнут — зависит от национальных особенностей данной страны, однако переход к «обществу отрицания войны» обязательно предполагает изменение приоритетов целей. Необходимо также уделять внимание анализу политических и социальных последствий для увольняемого личного состава — теме, крайне редко рассматриваемой в дискуссиях о переходе от военного к мирному обществу.

Наша цель — уяснить не то, как конкретно будет выглядеть «общество отрицания войны», а то, какова возможная роль в нем вооруженных сил. Вместе с тем описанные мной тенденции не являются точным прогнозом. Многое из того, что высказано на предыдущих страницах, уже произошло — либо частично, либо только в странах — участницах «холодной войны». Полномасштабное воздействие «общества отрицания войны» еще впереди.

ОБОРОННАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ ИЛИ ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ?

Отвечая на вопрос в ходе пресс-конференции по итогам советско-американской встречи на высшем уровне у берегов Мальты, М. С. Горбачев отметил важность обновления военной доктрины Запада, имеющей наступательный характер¹.

Специалисты, занимающиеся проблемами безопасности, обращают внимание на актуальность решения этого вопроса. Они считают, что для установления стабильных и предсказуемых отношений между ОВД и НАТО большое значение имели бы не только результативный разоруженческий процесс как таковой, но и принятие Западом военной доктрины, основывающейся на принципах обороны и оборонной достаточности. После принятия оборонительной военной доктрины государствами—участниками ОВД в мае 1987 г. и начавшегося процесса ядерного разоружения, а также благоприятных перспектив достижения договоренности о сокращении обычных вооружений трансформация военной доктрины Североатлантического союза в оборонительную становится естественной логической необходимостью.

Собравшись в мае 1987 г. в Берлине, высшие партийные и государственные деятели ОВД договорились о том, что в нынешних условиях применение военного пути для решения любого спорного вопроса является недопустимым. В принятом документе «О военной доктрине государств—участников Варшавского Договора» они указали на основные положения их военной доктрины: они никогда, ни при каких обстоятельствах не начнут военных действий против какого бы то ни было государства или союза государств, если сами не станут объектом вооруженного нападения; они никогда не применяют первыми ядерное оружие; они не имеют территориальных претензий ни к какому государству ни в Европе, ни вне Европы; они не относятся ни к одному народу как к своему врагу².

Содержание советской военной доктрины было дополнено новыми положениями в 1990 г., изложенными в ходе Венского семинара по военным доктринам 35 государств — участников Совещания по без-

¹ См.: Ответы М. С. Горбачева и Дж. Буша на вопросы журналистов. — *Правда*, 1989, 5 декабря.

² См.: О военной доктрине государств—участников Варшавского Договора. Берлин, 29 мая 1987 года. — *Правда*, 1987, 30 мая.

опасности и сотрудничеству в Европе начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генералом армии М. Моисеевым. Выступая 16 января во дворце Хофбург, он отметил, что положения советской военной доктрины и практические действия советских Вооруженных Сил направлены не на подготовку к войне, а на ее предотвращение, на упрочение международной безопасности. В военной доктрине СССР соседствуют две органически взаимосвязанные стороны — политическая и военно-техническая. Во-первых, Советский Союз не связывает свое настоящее и будущее с военным решением международных проблем и безоговорочно отвергает войны как средство разрешения межгосударственных споров и противоречий какого бы то ни было вида и содержания. Во-вторых, Советский Союз, считая сохранение мира высшей общечеловеческой задачей, никогда ни при каких обстоятельствах не начнет первым военных действий против какого-либо государства. В-третьих, СССР никому не угрожает, ни на кого не собирается нападать, не имеет территориальных притязаний ни к одному государству ни в Европе, ни в других регионах и ни к одному народу не относится как к своему врагу. В-четвертых, исходя из того, что примерное военное равновесие между двумя военно-политическими союзами остается пока решающим фактором недопущения войны, СССР будет прилагать усилия для его поддержания, но на все более низком уровне, не стремясь к военному превосходству и рассматривая взаимное сокращение ядерных и обычных вооружений как задачу огромного исторического значения.

Что касается военно-технической стороны советской военной доктрины, то она охватывает вопросы оборонного строительства, технического оснащения вооруженных сил, определения форм и способов отражения возможной агрессии и подготовки войск и сил флота к решению этой задачи. Она имеет дело с комплексом таких вопросов, как: 1) характер военной угрозы и вероятный противник; 2) к отражению какой агрессии готовить государство и вооруженные силы; 3) какие вооруженные силы необходимо иметь государству; 4) к каким способам военных действий следует готовиться вооруженным силам при отражении агрессии.

В современной советской военной доктрине разработан новый подход к определению состава вооруженных сил, их структуры, военному строительству в целом. При решении этих вопросов СССР исходит из принципа разумной достаточности для обороны. В советской военной доктрине отражен и новый подход к вопросу о направленности оперативной и боевой подготовки вооруженных сил. Советский Союз пересмотрел свою стратегию: в случае агрессии основным видом действий его вооруженных сил будут оборонительные операции. Новая доктрина не предусматривает нанесения Советским Союзом каких-либо превентивных, упреждающих ударов по территории вероятного противника где бы то ни было¹.

Специалисты, анализирующие характер развития Вооруженных

¹ См.: Снизить военные потенциалы. — *Красная звезда*, 1990, 18 января; Снимаемая подозрительность (интервью М. Моисеева). — *Правда*, 1990, 21 января.

Сил СССР в период перестройки, обращают внимание на то, что его политические заявления о сокращении армии, авиации и флота не являются декларациями, а подкрепляются практическими делами. В течение 1989—1990 г. советские Вооруженные Силы сокращаются в одностороннем порядке на полмиллиона человек, в том числе в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше и в европейской части СССР — на 240 тыс. человек, 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских систем, 800 боевых самолетов. На востоке страны — на 200 тыс. человек, на юге — на 60 тыс. За этот же период советский ВМФ будет сокращен на 71 корабль. Советские войска уже покидают Венгрию и Чехословакию. СССР заявил о готовности вывести свои войска из Польши, если ее правительство выразит соответствующее пожелание. Сокращая группу советских войск в ГДР, Советский Союз полагает, что дальнейшие шаги в этом направлении будут возможны в рамках достижения договоренностей на венских переговорах, где рассматриваются все аспекты сокращения обычных вооруженных сил в Европе. В опубликованном 12 февраля 1990 г. заявлении Советское правительство подтвердило приверженность ранее заявленной позиции — к 1995—1996 г. вывести все иностранные войска с чужих территорий в Европе, а к 2000 г. ликвидировать все иностранные военные базы в других странах¹.

В оборонительном духе преобразуется структура советских Вооруженных Сил. Уменьшается число военных округов, армий, общевойсковых дивизий. Изменяется соотношение между наступательными и оборонительными средствами в пользу последних. Ликвидированы оперативные маневренные группы, так называемые танковые кулаки. Предельно ограничиваются ударные системы, изменяется дислокация вооруженных сил в расчете на выполнение строго оборонительных задач, снижаются параметры мобилизационного развертывания вооруженных сил. Существенные изменения вносятся в направленность оперативной и боевой подготовки армии, авиации и флота. Уточняется подготовка войск и сил флота, перерабатываются и все соответствующие основополагающие документы, в том числе боевые уставы.

В течение 1989-1991 г. затраты на закупки вооружения и военной техники сократятся на 19,5%². Снижается уровень военных расходов: с 77,3 млрд. руб. в 1989 г. до 70,9 млрд. руб. в 1990 г., или на 8,2% по сравнению с 1989 г. Примечательно, что в 1987—1988 г. военные расходы СССР были заморожены, что дало экономию в бюджете по сравнению с тем, что предусматривалось в пятилетнем плане социально-экономического развития, в размере 10 млрд. руб. СССР объявил, что готов и дальше идти по пути сокращения вооружений и боевой техники, чтобы сократить к 1995 г. удельный вес расходов на оборону в национальном доходе в 1,5 — 2 раза³.

¹ См.: Заявление Советского правительства. — *Правда*, 1990, 12 февраля.

² См.: М о и с е е в М. (начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, генерал армии). Оборонный бюджет СССР. — *Правда*, 1989, 11 июня.

³ См.: К новой модели безопасности (беседа с министром обороны СССР Д. Язовым). — *Правда*, 1989, 20 июня.

С сокращением вооружений непосредственно связана возможность широкой конверсии предприятий оборонных отраслей промышленности. В соответствии с новой советской военной доктриной рассматривается ряд военно-технических программ. В военной науке и в конструкторских бюро исключены из планов многие технически перспективные разработки, связанные с использованием ударных систем вооружений.

Все это конкретные шаги, придающие военной доктрине Советского Союза четко выраженный оборонительный характер. Это обстоятельство все шире признается на Западе, который начинает убеждаться в том, что советская оборонительная военная доктрина не пропаганда и не декларация, а серьезное реальное дело.

Советские представители, выступавшие на Венском семинаре по военным доктринам, разъяснили понятие «разумная достаточность вооружений», которое используется в советских военно-политических документах. В частности, генерал-лейтенант Ф. М. Марковский сказал, что под ним понимается минимальный уровень возможностей страны или коалиции стран, обеспечивающий надежную защиту государства и его союзников. Принцип разумной достаточности предусматривает полную ликвидацию ядерного, химического и других видов оружия массового уничтожения. В отношении стратегических наступательных вооружений принцип оборонной достаточности означает примерное равновесие между СССР и США. Их структура может быть различна, но потенциальные возможности на любом уровне должны быть равноценны по эффективности применения. Для обычных вооружений оборонная достаточность означает такой их боевой состав, при котором стороны обладают способностью отразить возможную агрессию, но вместе с тем не располагают средствами для внезапного нападения и ведения крупномасштабных операций и наступательных действий. В практическом плане это требует придания вооруженным силам ненаступательной структуры, ограничения состава ударных систем вооружений, изменения группировки вооруженных сил и их дислокации с учетом оборонительных задач. Полная реализация принципа разумной достаточности возможна лишь на взаимной основе, на базе принципа равенства и одинаковой безопасности.

Как уже отмечалось, военно-техническая часть советской военной доктрины связана с определением, к отражению какой агрессии следует готовиться советским Вооруженным Силам. Не является секретом, что СССР приходится сталкиваться с конкретными реальностями: вооруженные силы США и НАТО готовятся как к ядерной, так и к обычной войне. И на словах, и на деле Североатлантический союз по-прежнему привержен доктрине «ядерного сдерживания», имеющей наступательный характер и предусматривающей совершенствование средств нанесения первого ядерного удара. В отличие от СССР и КНР ни США, ни Великобритания, ни Франция не взяли на себя обязательства не применять первым ядерное оружие. «Мы не можем объявить ядерное оружие несуществующим или отка-

заться от необходимости сдерживания», — заявил государственный секретарь США Дж. Бейкер в Сан-Франциско 23 октября 1989 г. В предсказуемом будущем, говорится в декларации, принятой на состоявшемся в конце ноября 1989 г. в Брюсселе заседании Еврогруппы НАТО, «не существует альтернативы стратегии сдерживания».

«Ядерное сдерживание», согласно взглядам военно-политического руководства НАТО, сводится к предупреждению вероятного противника: расплата за любое посягательство на жизненно важные интересы союза превысит те преимущества, которые он рассчитывает получить в результате такой акции. По мнению экспертов стран Североатлантического союза, участвовавших в подготовке исследования ООН о сдерживании в 1986 г., военное содержание сдерживания в широком смысле означает удержание одного противника другим от враждебных действий путем убеждения его в том, что такие действия будут безуспешны или обойдутся слишком дорого, поскольку вызовут военное противодействие¹.

Выступая на Венском семинаре по военным доктринам, заместитель начальника штаба обороны Великобритании генерал Р. Винсент заявил, что его страна руководствуется стратегией «ядерного сдерживания», связанной со стратегией НАТО. Английский представитель пояснил, что вооруженные силы Великобритании предназначены для реализации этой стратегии в рамках четырех аспектов одинаковой важности: предоставление своих стратегических и достратегических ядерных сил в качестве конечной основы стратегии сдерживания, обеспечение непосредственной обороны страны, обеспечение обороны Европейского континента на передовых рубежах, а также направление военно-морских сил в районы Восточной Атлантики. По заявлению Р. Винсента, ядерное оружие будет оставаться важнейшим элементом стратегии сдерживания. «Сохранение Францией обороноспособности на должном уровне, основанной на ядерном сдерживании, остается сегодня основой ее безопасности, сохранения ее свободы и независимости и в будущем может содействовать строительству европейской обороны», — говорится в законопроекте о военных программах Франции на 1990—1993 гг.

Короче говоря, главный смысл сдерживания состоит в том, как указывается в коллективной монографии, подготовленной в СИПРИ в 1990 г., чтобы «убедить потенциального противника, что военная акция будет ему невыгодна»².

Многие специалисты, однако, отмечают, что при всей безобидности формулировок о ядерном сдерживании под них подводится внушительный военный потенциал, призванный обеспечить эффективность «устрашения». Ключевыми элементами стратегии сдерживания, ее материальным содержанием военно-политическое руководство США считает наиболее совершенные системы первого удара. Среди них баллистические ракеты подводных лодок «Трайдент-1» и «Трайдент-2», меж-

¹ См.: Исследование о сдерживании. Компиляция мнений. *Фактологический бюллетень № 51*. Нью-Йорк, ООН, 1987, с. 5.

² Security at Sea: Naval Forces and Arms Control. Ed. by R. Fieldhouse. SIPRI, New York, 1990, p. 120.

континентальные ракеты «МХ» и «Миджитмен», тяжелые бомбардировщики В-1 и В-2, а также крылатые ракеты морского и воздушного базирования большой дальности в ядерном снаряжении.

Примечательно, что НАТО примерно в полтора раза превосходит ОВД по боезарядам традиционной стратегической триады (МБР, БРПЛ и ТБ) и в 7,6 раза по надводным кораблям с крылатыми ракетами. У НАТО наблюдается высокая доля суммарной численности таких наступательных компонентов вооруженных сил, как ВВС и ВМС. Ни в какое сравнение с ОВД не идут ни базовая структура, ни средства передового базирования Североатлантического союза. Еще более резкая асимметрия наблюдается в военно-морских вооружениях двух союзов: из тринадцати компонентов, характеризующих военно-морскую мощь, страны ОВД лидируют в трех случаях, в то время как НАТО — в десяти. У НАТО имеются преимущества по производственным мощностям военной промышленности, в общей сумме военных расходов, по общей численности вооруженных сил, включая резервные части. Кроме того, США, в частности, не прочь создать новую асимметрию — в космическом пространстве — путем развертывания ударных космических вооружений, что, по словам вице-президента Д. Куэйла, призвано «укрепить сдерживание». Примерно такой же точки зрения придерживается и президент США Дж. Буш, что подтвердило его выступление в Ливерморской лаборатории радиации им. Лоуренса в феврале 1990 г.

Советский Союз однозначно негативно относится к стратегии сдерживания, рассматривая ее в качестве концепции времен «холодной войны». Советское военно-политическое руководство не скрывает, что до тех пор, пока идеи ядерного сдерживания будут материализовываться в строительстве и подготовке вооруженных сил НАТО, пока будет допускаться сама возможность применения ядерного оружия, Советскому Союзу придется поддерживать свои вооруженные силы в готовности к выполнению оборонительных задач при любом варианте возможного развития ситуации. «Что касается доктрины «сдерживания», — отмечал во время визита в Великобританию в апреле 1989 г. М. С. Горбачев, — то, полагаю, пора уже говорить не о «сдерживании» с помощью ядерного оружия, а о сдерживании самого ядерного оружия. Это означает: отказ от его накопления и усовершенствования, постепенное, но неуклонное уничтожение его запасов вплоть до полной ликвидации и запрещения производства¹. До тех пор пока доктрина «ядерного сдерживания» действует, армиям двух ведущих военно-политических союзов приходится готовиться к ведению войны с применением ядерного оружия, считает Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев. По его мнению, в этой области «необходимо изменение политики и стратегии со стороны блока НАТО»².

Такое изменение, как полагают советские военные эксперты и специалисты в области безопасности, позволило бы устранить два парадокса, связанных с доктриной «ядерного сдерживания».

¹ Растет потенциал доверия. — *Правда*, 1989, 8 апреля.

² *За рубежом*, 1989, № 46, ноябрь, 10—16, с. 3.

Парадокс первый состоит в том, что эта доктрина, принятая в НАТО более сорока лет назад, практически остается неизменной в своем первоначальном виде, несмотря на то что новое политическое мышление становится господствующей тенденцией современного мирового развития. Как заявил в преддверии советско-американской встречи на высшем уровне у берегов Мальты министр обороны США Р. Чейни, «ядерное оружие — потенциал ядерного сдерживания — сорок лет служило ключевым элементом нашей успешной стратегии». Традиции в международной политике — немаловажный фактор, однако то обстоятельство, что Вашингтон 40 лет упорно рассматривал ядерное оружие как ключевой элемент в стратегии сдерживания потенциального противника, — «отнюдь не аргумент в пользу вечности такого курса, особенно в нашу эпоху с быстро меняющейся ситуацией»¹.

Парадокс второй заключается в том, что процесс ограничения вооружений продолжается без параллельного двустороннего пересмотра наступательных военных доктрин, в частности при сохранении неизменной доктрины «сдерживания», предполагающей наращивание и совершенствование вооружений, особенно ядерных систем первого удара.

Политическая и философская мысль не терпит застоя. Появляются признаки того, что концепция сдерживания постепенно становится объектом пересмысления на Западе, несмотря на приверженность Североатлантического союза этой «сверхпрочной» доктрине. Обозначились меняющиеся подходы как к самой концепции, так и к ее материальному обрамлению. Об этом говорят возникшие в последние годы теоретические модификации доктрины: «верификационное сдерживание» (то есть поддающееся проверке и контролю), «оборонное транспарентное сдерживание» (то есть строящееся на принципах обороны и большей открытости в военной области), «минимальное сдерживание» (то есть базирующееся на низких уровнях вооружений и вооруженных сил).

Термин «оборонительное сдерживание» впервые употребил Р. Рейган. Выступая в Лос-Анджелесе в августе 1987 г., он, будучи президентом США, предложил Советскому Союзу «присоединиться к дискуссии с целью выработки совместного подхода к переходу на оборонительное сдерживание, которое никому не угрожает»². Несколько ранее, в 1986 г., в этом же примерно ключе высказывался бывший министр обороны США Р. Макнамара. В книге, получившей широкую известность, «Путем ошибок — к катастрофе», он указывал: «Конечной целью должно быть поддержание взаимного сдерживания на максимально низком уровне, отвечающем требованиям сохранения стабильности»³.

Обнадеживающие нюансы появились и в последнее время. В этой

¹ Чернышев В. Не сдерживание, а сдержанность — *Правда*, 1989, 1 декабря.

² *The New York Times*, 1987, August 27.

³ Макнамара Р. Путем ошибок — к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры. М., 1988, с. 108.

связи можно напомнить выступление государственного секретаря США Дж. Бейкера 23 октября 1989 г. в Сан-Франциско, где он высказал идею воспользоваться новой политической атмосферой «для консолидации сдерживания на более низком уровне риска». Интересным представляется и его суждение о том, что «сдерживание вовсе не обязательно должно опираться лишь на непрочное техническое равновесие страха». Оптимистично прозвучал один из разделов коммюнике Группы ядерного планирования НАТО, принятого в конце октября 1989 г. в Альмансиле (Португалия), в котором была зафиксирована готовность Североатлантического союза пойти на сокращение ядерных и обычных вооружений «до самого низкого уровня». В заключительном коммюнике декабрьской сессии Совета НАТО (1989) твердо заявлялось о необходимости обеспечения жизнеспособности сил сдерживания «на минимальном уровне, совместимом с потребностями безопасности».

С еще более многообещающими заявлениями накануне советско-американской встречи у берегов Мальты выступил президент США Дж. Буш. Мимо многих государственных и политических деятелей как на Востоке, так и на Западе не прошло незамеченным его весьма примечательное высказывание, сделанное сначала на съезде АФТ—КПП и несколько позднее в обращении к нации по случаю Дня благодарения (ноябрь 1989 г.), ключевым элементом которого стало предложение «выйти за рамки сдерживания». «Мы находимся сейчас на пороге 90-х годов, — сказал президент. — И на рубеже нового десятилетия я обращаюсь к президенту Горбачеву и предлагаю ему совместно устранить последние препятствия на пути к новому миру свободы. Давайте выйдем за рамки политики сдерживания и раз и навсегда покончим с «холодной войной»¹. Позитивный элемент содержался и в выступлении председателя комитета начальников штабов вооруженных сил США генерала К. Пауэлла, сделанное на Венском семинаре по военным доктринам, о том, что Североатлантический союз не намерен вторгаться и захватывать чужие территории. Примечательно также, что, сославшись на упоминавшееся высказывание президента Дж. Буша, генерал К. Пауэлл подчеркнул, что США будут выходить за рамки политики сдерживания.

В Советском Союзе положительно расценили заявление государственного секретаря США Дж. Бейкера на конференции «по открытому небу» в Оттаве 12 февраля 1990 г., в котором он указал, что «для обеспечения стабильности необходимы такие вооруженные силы и политика, чтобы ни одно государство не могло извлечь преимущества из нанесения удара первым». Признаки здравого подхода прозвучали в его словах о том, что для обеспечения стабильной безопасности необходимо равновесие потенциалов, с тем чтобы предотвратить неожиданные нападения типа блиц-крига, а также что для обеспечения предсказуемости необходима достаточная открытость, транспарентность и даже откровенность, чтобы предотвратить неверное истолкова-

¹ Цит. по: Покончить с «холодной войной». Выступление президента США. — *Красная звезда*, 1989, 24 ноября.

ние, ошибочные расчеты и военную близорукость. В ногу со временем идут и высказывания государственного секретаря США за создание «нового и более совершенного мира... стабильных и предсказуемых условий в области безопасности, позволяющих каждой стране идти своим путем в условиях мира, не опасаясь агрессии или утраты».

Немаловажно и то, что в результате намечаемых сокращений военного бюджета США в 1990—1994 гг. (если они состоятся) может быть несколько ослаблен и наступательный потенциал американских вооруженных сил, составляющий материальную основу стратегии ядерного сдерживания. Средства массовой информации США предполагают, ссылаясь на представителей высших эшелонов военной и политической власти, что в этот период вероятно ожидать изменений в американской военной стратегии и в глобальном развертывании американских сухопутных сил (регулярных армейских дивизий — на 16%), военно-воздушных сил (количества авиакрыльев истребительной авиации — на 20%) и военно-морских сил (числа боевых кораблей — на 11%). В частности, предполагаемые сокращения в военно-морских вооружениях могут затронуть часть авианосцев, линкоров и других боевых единиц флота (называлась общая цифра 62 единицы), имеющих на борту ядерное оружие и используемых в качестве компонента стратегии морского ядерного сдерживания. Имеются признаки того, что руководство ВМС США не исключает возможности более широкого участия Вашингтона в реализации мер доверия на морях и океанах. Это подтвердил состоявшийся в феврале 1990 г. в Москве первый международный семинар по проблемам обуздания гонки военно-морских вооружений и ограничения военно-морской деятельности, в работе которого приняла участие довольно представительная делегация США.

Изменение материальной основы стратегии сдерживания от сверхвооруженности к уровню достаточности создало бы более благоприятные возможности для укрепления гарантированной безопасности и поиска более стабильных и предсказуемых отношений между Востоком и Западом на рубеже третьего тысячелетия. Разумеется, практическое значение имеют не столько словесные обрамления меняющихся подходов к военным доктринам, сколько конкретные дела, которые могут за ними последовать.

Наиболее радикальным шагом мог бы стать отказ ядерных держав Запада от доктрины ядерного сдерживания еще до полной ликвидации оружия массового уничтожения. Если же Запад пока не готов к этому, то альтернативным вариантом мог бы стать переход Североатлантического союза на промежуточную позицию минимального или оборонительного сдерживания, которое никому бы не угрожало. Такой переход позволил бы устранить существующий дисбаланс в военных доктринах ОВД и НАТО и расчистил бы пути к быстрее и контролируемой ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Решать эту проблему возможно уже сейчас, когда начался про-

цесс двустороннего ядерного разоружения (ликвидация советских и американских ракет средней и меньшей дальности), когда осуществляются односторонние меры в этой сфере (бескомпенсационная ликвидация ядерных боезарядов баллистических ракет уничтожаемых советских подводных лодок класса «Гольф» и некоторых видов тактического ядерного оружия морского базирования США), когда в результате мальтийской встречи М. С. Горбачева и Дж. Буша значительно возросли возможности достичь договоренностей относительно сокращения ядерных и обычных вооружений, а также ликвидации химического оружия.

Шанс договориться о максимальном сближении военных доктрин ОВД и НАТО возрастает и в свете достигнутого между СССР и США согласия не размещать в центральной зоне Европы более чем по 195 тыс. человек личного состава сухопутных войск и военно-воздушных сил. По общему мнению участников Оттавской конференции «по открытому небу», данная договоренность устраняет одно из самых серьезных препятствий на пути заключения договора по обычным вооруженным силам в Европе в 1990 г.

Некоторые западные политологи в противовес потенциальному переходу НАТО на оборонительную военную доктрину предлагают Советскому Союзу самому принять доктрину ядерного сдерживания на минимальных уровнях вооружений. При этом они ссылаются на совместную советско-финляндскую декларацию «Новое мышление в действии» от 26 октября 1989 г., где стороны зафиксировали позицию в отношении «минимального ядерного сдерживания»¹. Это обстоятельство западные аналитики используют в качестве основания для утверждений о том, что СССР якобы отказался от программы построения безъядерного мира к 2000 г. и принял доктрину «минимального ядерного сдерживания» в качестве своей национальной военной доктрины.

Ни то, ни другое мнение не является верным. Советский Союз был и остается твердым сторонником полной ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения на земном шаре к началу следующего века. Об этом говорят его конкретные акции в данном направлении. Что же касается гипотетической возможности принятия им доктрины «минимального ядерного сдерживания», то Советский Союз не может пойти на это ни по военным, ни по политическим, ни по чисто моральным соображениям. Вряд ли и Запад согласился бы с таким выбором СССР.

Во-первых, потому, что страны—участницы Варшавского Договора уже приняли оборонную доктрину, которая пока не имеет лучших

¹ В этом документе СССР и Финляндия заявили о своей решимости укоренять в европейской и международной практике ряд принципов и приоритетов, в частности: «Обеспечение международной безопасности путем поэтапного ядерного разоружения при надежных политических и правовых гарантиях и строгом учете интересов всех государств. Эти усилия должны включать в себя безотлагательное определение конкретных параметров минимального ядерного сдерживания, включая тактическое ядерное оружие, как одного из промежуточных этапов на этом пути». — *Правда*, 1989, 27 октября.

конкурентоспособных вариантов. Во-вторых, дело в том, что сдерживание, в особенности на ядерной основе, объективно:

1) ведет к дальнейшему развитию и совершенствованию наступательных вооружений первого удара, средств преодоления противоракетной обороны вероятного противника;

2) не может существовать вне все возрастающих арсеналов обычного оружия; оно не исключает, а прямо подразумевает «обычную войну», всегда способную разрастись в мировую;

3) предполагает постоянное повышение готовности к нанесению первого обезоруживающего ядерного удара, для чего в соответствии с концепцией передового базирования ядерные и обычные средства концентрируются буквально у порога вероятного противника;

4) предусматривает достижение и сохранение над ним военного превосходства;

5) не может существовать без постоянной или довольно частой демонстрации военной мощи вдали от своих рубежей;

6) заставляет другую сторону изыскивать и разрабатывать средства противодействия ядерной угрозе извне, что ведет к перманентному процессу гонки вооружений с бессмысленными расходами, которые могли бы быть с большей пользой использованы на цели социально-экономического развития;

7) дестабилизирует региональную и глобальную обстановку;

8) негативно влияет на продуктивность переговоров по проблемам сокращения вооружений¹, создает концептуальные преграды, которые впоследствии выстраиваются в практические препятствия на пути достижения договоренностей;

9) приводит к застою и консервации военно-политического мышления и содействует закреплению националистических и милитаристских настроений в обществе;

10) постоянно ищет и культивирует символ и образ врага, которого необходимо постоянно устрашать и держать в напряжении, что ведет к подозрительности и недоверию;

11) наконец, сдерживание резко сужает возможности других стран осуществлять неотъемлемое право на свободу выбора и на естественное человеческое общение.

По этим мотивам Советский Союз не может принять доктрину сдерживания, даже «минимального», в качестве своей национальной военной доктрины. Выступая в Вене на международном семинаре по военным доктринам, советские военные эксперты и дипломаты изложили свою точку зрения по этому поводу следующим образом.

Ядерное оружие, хотя и может быть применено в ответном ударе, по своей сути является наступательным: оно не в состоянии выполнить функцию обороны, то есть отразить наступление противника и защитить от него свою территорию, население, экономические и политические центры. Как бы мало ни оставалось ядерного оружия в мире, его

¹ См.: Третья специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Выступление Э. А. Шеварднадзе 8 июня 1988 года. — Известия, 1988, 9 июня.

² См.: Исследование о сдерживании..., с. 20.

все равно будет «слишком много», поскольку в лучшем случае оно обеспечило бы равную опасность — взаимное гарантированное уничтожение, то есть опасность, которая является не чем иным, как суррогатом подлинной безопасности. Кроме того, в доктрине сдерживания имманентно заложены идея конфронтационного запугивания, взаимное недоверие и вражда. Хотя возможности ее преодоления нельзя понимать упрощенно, будущего за этой доктриной нет. Что касается уровня «минимального сдерживания», которого можно было бы достичь в результате сокращений ядерных вооружений, то его не следует, видимо, рассматривать как некую постоянную величину. Скорее всего, этот уровень будет меняться по мере укрепления взаимного доверия в ходе радикального сокращения обычных вооруженных сил в Европе, решения других проблем разоружения.

Временный переход Запада на позиции минимального или оборонительного сдерживания отвечал бы интересам многих государств. «На наш взгляд, — заявил министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, — это хоть и робкий, но шаг вперед, и его можно сделать». Выступая в политической комиссии Европейского парламента в декабре 1989 г., он в принципе согласился начать переговоры по проблеме «минимальных средств сдерживания», перейдя впоследствии к следующему этапу¹.

Конечно, важно определить совместно, что понимать под минимальным или оборонительным сдерживанием и какие его потенциалы следовало бы считать достаточными. Советский Союз и Финляндия, как это следует из упоминавшейся совместной декларации, признали определение параметров минимального ядерного сдерживания «безотлагательным». В выступлении Э. А. Шеварднадзе в ООН в сентябре 1989 г. было заявлено о возможности обсуждения этих вопросов на встрече представителей ядерных держав, а также тех стран, на территории которых размещено ядерное оружие.

Обмен мнениями по этой проблеме представляется важным и полезным многим государственным и политическим деятелям, экспертам в области безопасности и представителям общественности. В одобренной подавляющим большинством государств (свыше 100) на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции об оборонительных концепциях и политике в области безопасности отмечается, что развитие международного диалога по этой тематике имеет чрезвычайно важное значение для содействия процессу достижения разоружения и укрепления международной безопасности. Исходя из этого, сессия предложила государствам—членам мирового сообщества наций начать и активизировать диалог об оборонительных концепциях и политике в области безопасности на двустороннем, региональном и многостороннем уровнях². Переход на оборонительные военные доктрины

¹ Судьбы мира неотделимы от судеб нашей перестройки. Выступление главы советской делегации Э. А. Шеварднадзе на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. — *Правда*, 1989, 27 сентября.

² См.: Европа: время перемен. — *Правда*, 1989, 20 декабря.

³ См.: Doc. U.N A/C. 1/44/L.45/Rev.2, 1989, November 9.

должен распространяться на все виды вооруженных сил и вооружений, в том числе и те, которые пока не охвачены разоруженческим процессом, например военно-морские силы. Учитывая это обстоятельство, участники первого международного семинара по проблемам ограничения гонки военно-морских вооружений и сокращения военно-морской деятельности, проходившего в Москве 6—10 февраля 1990 г., в принятом итоговом документе предложили обратиться к правительствам с просьбой «переориентировать военно-морскую стратегию на сугубо оборонительные цели»¹.

В этом смысле Венский семинар по военным доктринам представляет собой хорошее начало. Советское руководство считает это мероприятие полезным, предлагая двигаться от обсуждений к конкретным делам. Именно такое мнение было высказано министром иностранных дел СССР во время визита в Канаду в феврале 1990 г. Выдвигается предложение о том, чтобы пять ядерных держав провели в Москве или в каком-то другом городе мира, скажем, в 1991 г. специальный форум на достаточно высоком военнополитическом уровне с целью поиска общих точек соприкосновения их военных доктрин и их военно-технического содержания. Рекомендации такого форума могли бы лечь в основу итогового документа совещания пяти ядерных держав на высшем уровне или нового Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — «Хельсинки-2».

Интересам дальнейшего развития советско-американских отношений на принципах равенства и одинаковой безопасности, большего доверия и перманентной стабильности отвечало бы подписание на одной из встреч на высшем уровне какого-то совместного политического документа об оборонительных военных доктринах². Следовало бы изучить предложение, высказанное в ходе состоявшейся в Москве в ноябре 1989 г. международной конференции по проблеме нового мышления и военной политики, — создать в СССР международный институт по исследованию проблем мира и безопасности. Такой институт, укомплектованный на паритетных началах военными и гражданскими специалистами первоначально из стран ОВД и НАТО, занимался бы разработкой научно-практических рекомендаций по реализации оборонительных военных доктрин двух военно-политических союзов, а также изучением военно-технических и социально-экономических последствий сокращений их вооруженных сил и вооружений в глобальном масштабе.

¹ Conclusions and Recommendations of the First International Seminar on Naval Arms Limitation and Naval Activities Reduction in the World Ocean. Moscow, 1990, February 10, item 6.

² В этой связи нельзя не согласиться с суждением видного политического деятеля США, эксперта по контролю над вооружениями П. Уорнке, заявившего в интервью корреспонденту ТАСС, что США и СССР «необходимо на всех уровнях обмениваться мнениями по вопросу понимания концепции взаимной безопасности, которая должна строиться на полном доверии, а не на таких постулатах послевоенного периода «холодной войны», как ядерное сдерживание и безудержное накопление арсеналов ядерного оружия, подрывающих международную стабильность». — *Известия*, 1990, 2 января.

Открывающиеся новые возможности строительства более безопасного и стабильного мира делают все более актуальным вопрос о переходе ведущих стран Запада, в первую очередь ядерных держав, на оборонительные военные доктрины. Выступая 15 февраля 1990 г. в парламенте Канады, Э. А. Шеварднадзе довольно четко выразился по этому поводу: «Думаю, должен состояться серьезный разговор по военным доктринам. В них корень военных структур. Нужно однозначно высказаться за переход всех крупных государств—участников общеевропейского процесса на принцип минимальной достаточности для нужд обороны»¹.

Ничто не мешает этому. Нужны только добрая воля и политическое решение тех, кто отвечает за формирование и реализацию политики, в том числе и военной, в НАТО.

¹ Выступление в канадском парламенте. — *Правда*, 1990, 17 февраля.

ВОЕННАЯ МОЩЬ — КАКАЯ, ЗАЧЕМ?

Среди бесконечного множества проблем, одолевающих нас сегодня, особое место занимает переоценка того, что сделано и что делается нами в сфере военных приготовлений. Эта переоценка особенно сложна, а порою и мучительна еще и потому, что совсем недавно нас убеждали: чем больше военная мощь, тем лучше, тем спокойнее, тем надежнее. Сколько бы ни стоила она нам, любая цена несопоставима с создаваемым ею «продуктом» — безопасностью в мире, где у нас так много врагов, для которых к тому же военная победа — чуть ли не единственный шанс на выживание их социальной системы. Все это накладывалось и на сохраняющиеся в памяти исторические реминисценции.

Конечно, и раньше возникали вопросы: почему не напали на нас империалисты, имея монополию на ядерное оружие, и почему не сделали они этого, когда монополия была ими утеряна, но еще сохранилось подавляющее превосходство в ядерных средствах, почему не воспользовались подоспевшим к этому же времени резким сокращением наших обычных вооруженных сил, проведенным Н. С. Хрущевым? Почему, наконец, получилось так, что больше оружия совсем не означает больше безопасности, что конца этой безумной гонки не видно? Начинали мы понимать и то, что экономика Запада не спешит рушиться «под бременем непосильных военных расходов» (как было принято выражаться), а вот с нашей дела обстоят чем дальше, тем хуже. Но говорить обо всем этом открыто, ставить саму проблему анализа наших военных приготовлений, параметров нашей военной мощи мы смогли только начиная с 1985 г.

Новое политическое мышление потребовало новых подходов к проблеме безопасности, критического взгляда на то, что делаем мы в этой области, как учитываем реальности современного мира. Именно реальности, а не ту, созданную совместными усилиями целого ряда политических деятелей, ученых, журналистов и военных, далекую от истины картину победоносного шествия наших идей, несокрушимой мощи вооруженных сил, непревзойденного качества оружия на фоне очередного этапа общего кризиса империализма и полного духовного и материального развала в стане противника, который от полной безысходности вполне способен искать спасения на пути военных авантур. Начавшаяся переоценка, естественно, включает в себя и весь комп-

лекс проблем, связанных с определением роли и места военного фактора во всем комплексе внешней и внутренней политики.

Теперь уже ни у кого, казалось бы, не вызывает сомнения, что только политический подход к разрешению противоречий мирового развития открывает для СССР возможность сыграть предназначенную ему историей роль в обеспечении выживания человечества, в его дальнейшем прогрессе, что внешнеполитическая деятельность должна вносить все больший вклад в высвобождение ресурсов страны для нужд мирного строительства, а оборонное строительство должно осуществляться в строгом соответствии с нашей оборонительной доктриной, до чего все еще довольно далеко. В связи с этим возникает много вопросов о военной мощи вообще и конкретно о том, какой должна быть военная мощь нашей страны. Оценка того, что же нужно нам, не может, естественно, делаться в отрыве от оценки происходящего вовне.

Цель этой статьи и заключается в том, чтобы наряду со многими хорошо известными публикациями специалистов внести хотя бы небольшой вклад в рассмотрение некоторых актуальных вопросов оценки состояния и перспектив развития военной мощи.

На наш взгляд, целесообразно выделить три основных направления анализа: военная мощь и безопасность (точнее, та ее часть, которая обеспечивается военными средствами); военная мощь и экономика; военная мощь и внешнеполитическая ситуация. Конечно, это деление в значительной мере условно, существуют значительные зоны их взаимного «перекрывтия», но тем не менее есть, как представляется, и специфика, свойственная каждому из этих направлений.

Военная мощь и безопасность

Итак, попытаемся вначале ответить на вопрос, в какой мере наша военная мощь обеспечивает безопасность страны, ее жизненные интересы, в какой мере соответствует сложившейся в мире ситуации. Количественные ее параметры весьма внушительны: у нас в строю танков, БТР и БМП примерно столько же, сколько во всем остальном мире, вместе взятом; втрое больше, чем в США (и больше, чем у НАТО в целом), многоцелевых подводных лодок; в два с лишним раза — самолетов ПВО и тактической авиации и т. п.¹ Наконец, у нас — и это особенно важно — устойчивый ракетно-ядерный паритет с США. Ни одна страна в мире не имеет в целом ничего подобного, да, честно говоря, и не может иметь. Полагаем, что и мы не являемся исключением, имея то, что иметь не в состоянии и что в значительной своей части уже не связано с задачей обеспечения безопасности страны. Получилось так, что мы, решая в военном строительстве важнейшую задачу обеспечения безопасности страны, как-то «незаметно» для себя давно

¹ По данным *Military Balance 1988—1989*.

ее решили и продолжали следовать дальше, по пути наращивания военной мощи, которая, по моему глубокому убеждению, давно уже «оторвалась» от своей первоизданной задачи.

Сразу же следует подчеркнуть, что ни у кого из серьезных специалистов нет ни малейших сомнений в том, что военная мощь еще весьма долгое время останется необходимым элементом, жизненно важным для обеспечения национальных интересов нашей страны. Но военная мощь эффективная, приспособленная и приспособляемая к стремительно меняющимся условиям. Наша же военная мощь в значительной мере неповоротлива, не отвечает новым условиям, и есть основания серьезно беспокоиться о том, сможет ли она решать свои основные задачи завтра.

Попробуем показать, почему это так. Здесь есть несколько «срезов». Один из них — масштабы и структура наших приготовлений. Пока не было ракетно-ядерного паритета, у СССР не было полной гарантии безопасности на высшем, стратегическом уровне вне зависимости от осуществления планов нападения на нас. В тот период можно было по крайней мере найти оправдания нашему лидерству в производстве малых видов вооружения. Но паритет был достигнут, и это, действительно, стало очень важной вехой во всей международной ситуации. Стало ли это переломным этапом в наших военных приготовлениях? Увы, нет. Они продолжались в неослабевающем темпе по тем же направлениям, что и в «допаритетный» период, как будто ничего не изменилось. И это было, на наш взгляд, тактическим просчетом — и экономическим, и политическим. Кстати говоря, все политическое руководство нашей страны было милитаризовано, видело все проблемы через «прорезь прицела». Беда этого руководства, а в еще большей мере — всей страны, в том, что, как правило, его мышление не поднималось до необходимого политического уровня, до способности увидеть те взаимосвязи и взаимозависимости, которые, как оказалось, в очень большой мере и определяют всю ситуацию. По существу, продолжалась гонка танкового, артиллерийского, химического и т. п. «вала», уже ненужная с точки зрения обеспечения безопасности страны, но чреватая и тяжелыми последствиями для экономики, и, что не менее важно, негативным восприятием на Западе и Востоке смысла и сути наших приготовлений, растущим страхом перед советской военной мощью.

Едва ли теперь кто-нибудь будет отрицать наличие в течение долгих лет огромных асимметрий в нашу пользу, включая не только те или иные количественные показатели, но и наступательную структуру вооруженных сил ОВД, их дислокацию и ряд других факторов. Не будем здесь касаться истории с ракетами «СС-20», еще одной иллюстрации все тех же представлений о путях и принципах наращивания мощи.

В эти же «послепаритетные» годы особый размах приобрело строительство военно-морского флота — фактор, сыгравший, на наш взгляд, весьма существенную роль в том, что можно назвать развитием событий на геополитическом уровне. За десятилетие 1978—1987 гг. мы даже крупных надводных кораблей построили столько же, сколько США, а многоцелевых подлодок — в два раза больше. Началось стро-

ительство новых типов особо крупных кораблей — авианосцев, атомных крейсеров¹.

Флот — особый вид вооруженных сил, с наиболее ярко выраженными политическими, «демонстрационными» функциями, идеальное средство того, что на Западе называется «power projection» (проецирование мощи). При этом не вызывает сомнений, что речь шла о создании флота, способного в океанах противостоять ВМС США и их союзников, действовать на их коммуникациях, а кроме того, успешно оперировать в отдаленных районах мира с целью решения ряда политических задач. Иными словами, строился флот, нацеленный на обеспечение нашего глобального военного присутствия, строился вне зависимости от того, насколько эта цель была реально достижима. Именно об этом говорили отнюдь не только наши недоброжелатели в странах НАТО, Японии и т. д.

Адмирал С. Г. Горшков характеризовал ситуацию так: «Военно-морской флот обрел способность открыть новые направления борьбы для вооруженных сил, причем те, которые с давних времен считались для нас недоступными»². Далее он писал, что создание советского океанского флота сопоставимо по значению с важнейшими событиями недалекого прошлого, оказавшими решающее влияние на мировую политику, такими, как создание СССР ядерного оружия³.

Упорно утверждалось, что мы стали самой влиятельной мировой державой, и поэтому совершенно естественно наше стремление вести внешнюю политику, в том числе и военную, на всех направлениях мирового развития.

Спору нет, СССР — огромная страна, и вряд ли нужно доказывать, что мы имеем и будем иметь экономические и политические интересы в самых разных частях мира. Но каковы эти интересы и как соотносятся с ними то, о чем говорилось выше? Ведь не зря наши крупнейшие военные деятели — А. А. Свечин, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский — подчеркивали, что нам необходим флот, нацеленный на оборону, учитывающий специфику географического положения страны и ее экономической ситуации. Можно возразить, что ведь прошло более полувека и многое за это время изменилось. Да, это так, но одно принципиальное положение сохранилось: мы остались в первую очередь континентальной державой и не обрели таких трансокеанских политических и экономических интересов, которые требовали бы глобализации нашего военного присутствия и создания флота, его обеспечивающего (тем более, что это, видимо, и самая дорогостоящая часть военных приготовлений).

Очевидно, не надо долго доказывать, что американская политика в целом ряде случаев бывает и эгоистичной и довольно жесткой. Все это бесспорно. Но тем не менее американская глобализация военного присутствия отражает существующие реальности, соответствует всей си-

¹ См.: *Soviet Military Power*, 1988, p. 34, 38.

² Горшков С. Г. Морская мощь государства. М., Воениздат, 1979, с. 276.

³ См.: Там же, с. 411—412.

стеме экономических и политических ценностей Запада. А вот Советский Союз, к сожалению, так и не стал державой с глобальными экономическими связями. Объем внешней торговли СССР многократно уступает соответствующим показателям ведущих стран Запада, не говоря уже о других формах экономического сотрудничества. Что же касается США, их союзников по НАТО, Японии и многих других развитых и развивающихся государств, то их взаимозависимость огромна и постоянно увеличивается, а океанские коммуникации действительно представляют собой жизненно важные артерии. Любая, пусть гипотетическая угроза им весьма резонно воспринимается не только США, но и другими упомянутыми странами как угроза своему существованию.

Это обстоятельство просто не могло не использоваться США для создания того, что было названо в свое время «совокупной военной мощью» (СВМ). Происходило парадоксальное явление: чем сильнее становился Советский Союз в военном отношении, тем интенсивнее развивались центростремительные процессы внутри СВМ, тем больше и больше потенциальных противников появлялось на горизонте. Бессспорно, найдется достаточно аргументов, чтобы рассматривать советскую военную мощь как наступательную, нацеленную не столько на защиту собственных глобальных интересов (имея в виду их весьма ограниченный характер), сколько на обретение возможности воздействовать на чужие. И, честно говоря, использование советской военной мощи (непосредственно или через «представителей») только укрепляло такое восприятие. Достаточно вспомнить Афганистан, да и не только его.

Но давайте зададимся вопросом: а что же происходило в это время с военной угрозой нам со стороны Запада и вообще с ролью и местом военной силы? Может быть, усилия по созданию такой колоссальной военной мощи были оправданы и в послепаритетный период? Может быть, действительно следовало, «не жалея живота своего», продолжать этот курс? Может быть, следовало опасаться военной катастрофы по образцу 1941 г. и поэтому, в частности, раздвинуть периметр своей обороны до глобальных масштабов? Думается, ответ на все эти вопросы уже нельзя искать на пути традиционных решений. Произошли глубочайшие, кардинальные сдвиги во всех сферах жизни, в корне изменившие привычные представления и о характере военной угрозы, и о роли военной мощи в обеспечении безопасности.

Основное, что необходимо отметить, — война между Востоком и Западом стала немыслима как сознательный акт. Неотвратимость гибельных последствий ядерного конфликта, собственно говоря, и лежит в основе так называемого ядерного сдерживания. Но с течением времени ряд регионов и стран земного шара — Западная и Восточная Европа, европейская территория СССР, США, Япония, Китай и т. д. — по мере развития производительных сил, углубления всей системы хозяйственных связей и т. п. и т. д., совершенствования «обычных» вооружений оказался в ситуации, при которой массированное применение неядерного оружия также неминуемо приведет к глобальной катастрофе.

Другим важным фактором, определяющим растущее понимание

опасности военного конфликта, бессмысленности гонки вооружений, стала проявляющаяся во все большей степени целостность мира, в котором мы живем. Экологические и медицинские проблемы не знают границ. В относительно недалекой перспективе неизбежно возникновение и других проблем — сырьевой, энергетической и т. п. Все они, не говоря уже о сохранении жизни на планете, могут быть решены только общими усилиями. И все это, так же как и понимание недопустимости военного конфликта, теперь уже отнюдь не удел только интеллектуальной элиты. По существу, весь цивилизованный мир глубоко осознал новые реальности. Именно способность понять их и действовать в соответствии с ними в огромной степени становится мерилom цивилизованности.

За послевоенные десятилетия произошли глубочайшие изменения в уровне и качестве жизни самых широких слоев населения на Западе. Хорошо известно, что раньше агрессивные войны начинались, как правило, при поддержке значительной части общества, будучи в его глазах средством обретения жизненного пространства, ресурсов и тем самым решения собственных острых проблем. Теперь научно-техническая революция в сочетании с гибкой социальной политикой позволила решать большую часть проблем совершенно иначе. Никому уже не приходит в голову ставить знак равенства между размерами территории, наличием ресурсов и благополучием, процветанием государства (увы, во многом в связи с нашим опытом). И уж тем более ни в одной развитой стране нет сколько-нибудь прочной социальной базы для осуществления агрессивных акций, направленных против СССР, вообще для проведения такой политики, которая могла бы привести к большой войне. Здесь сочетание причин — и жесткий контроль законодательных органов над исполнительными, и развитое «гражданское общество», поставившее милитаризм под чрезвычайно прочный контроль, и осознание смертельной опасности конфликта. Да и, честно говоря, никак не просматриваются мотивы, которые могли бы толкнуть кого-то на военный конфликт с нами, представляющий в качестве своего рода последнего, отчаянного шага проигрывающей страны — «пропадать, так с музыкой!» Как видим, такого рода ситуация нереальна.

Именно в силу всего сказанного война для западных стран сейчас политически однозначно возможна лишь как оборонительная. Значит ли это, что нам вообще не нужна военная мощь, не противоречит ли это тому, что говорится в начале статьи? Отнюдь нет, ибо для исключения случайностей, неожиданностей, связанных либо с техническими, либо с политическими, либо с иными причинами, мы должны обладать гарантированной способностью нанесения нападающей стороне неприемлемого ущерба.

Совершенно ясно, что мы обладаем этой способностью, и поэтому до той поры, пока «действуют» технические принципы, на базе которых создано все существующее вооружение — и ядерное, и обычное, — пока не настал век принципиально иного оружия, СССР имеет гарантированное «окно неуязвимости» или «период гарантированной

военной безопасности». Его протяженность по времени составляет примерно 10—15 лет, после чего может возникнуть ситуация, требующая уже иных критериев оценки.

Не вызывает сомнений — и это ежедневно подтверждается практикой, — что и на Западе исходят из такой же примерно оценки ситуации. Там, как уже говорилось, не ищут безвыигрышного, губительного конфликта. Поэтому непонятно, в силу какой логики можно придерживаться той точки зрения, что осуждение ядерной войны в политическом лексиконе и военных доктринах Запада не больше чем декларация для успокоения общественности, что никакой сдерживающей роли в военной деятельности НАТО оно не играло и не играет¹, что нам сейчас нужно готовиться к отражению возможной агрессии со стороны НАТО с применением как ядерного, так и обычного оружия. Конечно, профессиональная ноша военных руководителей очень нелегка. Но, говоря откровенно, в такого рода оценках просматривается прежде всего желание использовать старые критерии в новой ситуации. А это может оказаться крайне неблагоприятным с точки зрения как использования появляющихся возможностей решительного улучшения всей международной ситуации, так и решения конкретных задач обеспечения безопасности страны. Очевидно, что наличие такого, подаренного нам историей, логикой мирового развития «периода безопасности», должно быть максимально эффективно использовано во всех сферах, включая военную, о которой сейчас идет речь.

Представляется особенно важным обеспечить такие изменения в масштабах и структуре нашей военной мощи, которые привели бы ее в соответствие с ситуацией, реально существующей сегодня, и подготовили бы ее эволюцию в будущем. Прежде всего необходимо продолжать перестройку наших вооруженных сил в соответствии с концепцией оборонительной достаточности, о чем очень много говорится в последнее время и кое-что начинает делаться. Одностороннее сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, осуществляемое СССР, бесспорно, приближает нас именно к такому характеру военной мощи. Но это отнюдь не достаточно для действительного приведения наших военных приготовлений в соответствие с реальностью. Конечно, переговоры в Вене и все другие переговоры имеют очень большое значение. Но несомненно, что Советскому Союзу не следует связывать только с ними свои шаги по оптимизации военной мощи. Многие мы не только можем, но и должны осуществить в одностороннем порядке, с тем чтобы сделать нашу «грандиозную военную машину» (по выражению члена-корреспондента АН СССР О. Н. Быкова) более компактной и подвижной, чтобы спасти от краха экономику и перестать пугать соседей себе на беду. В первую очередь речь идет о тех ее явно гипертрофированных элементах, которые и создают асимметрии, ничего не добавляя к нашей безопасности, а в долгосрочном, стратегическом плане — серьезно от нее «убавляя». Имеются в виду те ее элементы (и тенденции их

¹ См.: *Правда*, 1989, 13 марта.

развития), которые, пусть даже не создавая асимметрии в физическом смысле, серьезно уступая объединенной мощи Запада, тем не менее создают опасную «асимметрию» военно-политического характера, вольно или невольно придают советской военной деятельности весьма нежелательные для нас черты. Это прежде всего флот, точнее, часть его состава и оперативной деятельности, ориентированная на выполнение тех функций, которые «по значению сопоставимы» с созданием ядерного оружия, но в отличие от него лишь множат и экономические, и политические трудности.

Наконец, в структуре нашей военной мощи имеются и такие «экзотические», по современным понятиям, элементы, как огромная система ПВО страны. Расходы на нее составляют, опять же по западным оценкам, до 15% военного бюджета¹, а эффективность, как показывает опыт, не слишком велика. Вместе с тем даже ее текущая модернизация поглощает десятки миллиардов рублей. Разумеется, необходимо трезво оценить, в какой же системе ПВО мы сегодня нуждаемся, с учетом решающей роли ракетно-ядерного оружия. Но то обстоятельство, что ракет «земля—воздух» мы производим в семь раз больше, чем США, и имеем в 30 раз больше истребителей ПВО, чем страны НАТО, наверное, само по себе уже говорит о многом. Да к тому же все это вооружение и несколько тысяч радаров обслуживает 0,5 млн. военнослужащих.

Оптимизация непосредственно связана и с принципами комплектования вооруженных сил и уровнем боевой подготовки. Вряд ли можно отрицать, что современная, а тем более перспективная техника требует растущего профессионализма. Сейчас же, по западным оценкам, наш танкист получает в год почти в 10 раз меньший объем боевой подготовки, чем американский (зато танков у нас в 5 раз больше), летчик — почти втрое меньший налет² (зато самолетов тактической авиации почти втрое больше) и т. п. Если это так, то положение надо менять, начав с самой системы комплектования вооруженных сил и кончая их численностью и структурой. Эффективность — и военная и экономическая — призывной системы неуклонно снижается. Добавлю, что «двухразовый» ежегодный призыв, ведущий каждый раз к перемещению почти миллиона человек, сам по себе — с учетом национальных проблем — весьма сложное и спорное мероприятие. Можно, конечно, заменить анализ ситуации заявлениями в печати, что к защите Родины должны готовиться все граждане, а иначе будет нарушена социальная справедливость (как утверждали Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев и генерал-полковник Г. Кривошеев)³. Но от этого острота проблемы не снижается.

¹ См.: *Armed Forces Journal International*, October 1988, p. 30—32.

² См.: *1987 JCS Net Military Assessment; Beyond the Bean Count*, Wash. D. C. January 20, p. 24, 25.

³ См.: *Советская Россия* 1989, 14 января. *Красная звезда*, 1989, 31 августа.

Детальный ее разбор не является задачей данной статьи. Но как бы то ни было, надо иметь в виду следующее: в США при переходе к профессиональной армии расходы на содержание личного состава не увеличились: в постоянных ценах 1987 г. они составляли в 1968 фин. г. 79 млрд. долл., в 1988-м — 72 млрд.¹ Что же касается совокупных реальных экономических издержек, то они, несомненно, стали ниже² прежде всего благодаря более высокой квалификации профессиональной армии. Поэтому совершенно непонятно, откуда появились оценки, согласно которым профессиональная армия будет стоить нам в 5—8 раз дороже призывной. Эта оценка, возможно, окажется верной, если оставить неизменной структуру и масштабы вооруженных сил, количество техники, а заработную плату довести до уровня если не США, то, во всяком случае, западноевропейских стран.

Суть всего сказанного сводится к тому, что нужна глубокая военная реформа, начиная с гласной разработки концепции национальной безопасности, роли и места военной мощи в ее обеспечении, оценки реальных угроз сегодня и завтра, выявления того, что в военных приготовлениях Запада связано с «Востоком», а что — с проблемами отношений Север — Юг и т. д. и т. п. Как и во всех развитых странах, военная деятельность в нашей стране — органическая часть всей экономической и политической деятельности, и, как во всех этих странах, определение ее масштабов, структуры, тенденций развития должно быть прерогативой соответствующих институтов.

Речь идет не о роспуске или сокращении на 50% (как, впрочем, и на 30 или 70) наших вооруженных сил, не о «моральной демобилизации». Все гораздо серьезнее и сложнее: речь идет о том, чтобы наша военная мощь обеспечивала безопасность страны с минимальными издержками, чтобы ее параметры соответствовали тому новому облику Советского Союза, без которого нам довольно сложно найти себе достойное место в современном мире.

Определение этих параметров — одна из важнейших задач военных, и политиков, и экономистов. Новое политическое мышление — в том числе и в военной сфере — это не маниловщина и не прекраснодушие, не принятие желаемого за действительное. Совсем наоборот: это, к сожалению, на долгие годы запоздавший «час истины», позволивший нам осознать более или менее точно всю глубину проблем, всю тяжесть их решения. И военная мощь, которая в любом случае будет стоить не дешево, должна стать одним из тех ярко выраженных признаков нашего общества, которые свидетельствуют и о силе, и о разуме, и о четком осознании своих интересов, и о понимании того, что не тупая вражда движет нами, а стремление вместе с другими решать мировые проблемы огромной сложности, не забывая, конечно, о тех задачах, которые накопились дома.

¹ Рассчитано по данным *The Budget of the U. S. Government* за соответствующие годы.

² См.: *U. S. News & World Report*, 1984, April 12, p. 67.

Военная мощь и экономика

Вряд ли есть сейчас задача более сложная, чем выход страны из экономического кризиса. Поэтому взаимоотношения между военной мощью и экономикой, всегда острые и противоречивые, в последнее время приобрели новые тревожные черты. В этих взаимоотношениях важны две стороны — как воздействует военная мощь на экономику и как экономика воздействует на военную мощь.

Во что же обошлось нам создание той мощи, которую мы имеем сейчас? Какова плата за то, что мы в одиночку пытались соревноваться чуть ли не со всем миром? Вначале несколько цифр. Валовой национальный продукт Советского Союза примерно в семь раз меньше ВВП США, европейских стран НАТО и Японии. Добавим сюда Канаду, Австралию, Южную Корею и некоторые другие страны, имеющие весьма прочные военные связи с Соединенными Штатами, Великобританией и т. п. Попытаемся ввести качественный коэффициент, учитывающий наше угрожающее научно-техническое отставание. По американским оценкам, из 20 наиболее важных базовых областей технологии мы отстаем от США в 14 и лишь в 6 имеем приблизительное равенство, нигде их не опережая¹. А ведь есть еще Япония и Западная Европа...

Таким предстает реальное соотношение экономической мощи. Полагаю, трудно сомневаться, что речь идет о разрыве, измеряемом порядковой величиной. Здесь следует искать один из ответов на вопрос, который миллионы людей задают себе каждый день: как могло получиться, что десятки и сотни миллиардов рублей недоложены буквально во все отрасли — от железных дорог до здравоохранения? При таком удручающем соотношении экономических потенциалов мы произвели за последние десятилетия танков в 2,2 раза больше, чем все страны НАТО и Япония (и более чем в 3 раза больше, чем США), в 2 раза больше БМП и БТ (и в 4,5 больше, чем США), в 4 раза больше артиллерийских орудий (в 8 больше, чем США), на 20% больше самолетов тактической авиации (в 2,3 раза больше, чем США). Выше уже писалось о подводных лодках, зенитных управляемых ракетах (ЗУР), и лишь надводных кораблей основных классов мы построили столько же, сколько США, и меньше, чем все упомянутые страны, вместе взятые². Конечно, хотелось бы видеть сведения «отечественного» происхождения, опровергающие эти цифры, дающие принципиально иную картину. Но их нет, а весь опыт прошлого показывает, что при современных технических средствах разведки и анализа ошибки в такого рода оценках, делаемых на Западе, бывают довольно незначительны.

Иные, принципиально иные цифры хотелось бы видеть потому, что, честно говоря, эти просто ошеломляют! Что ж, попробуем представить себе, что они означают.

По наиболее распространенным западным оценкам, военные расходы поглощают 15—17% нашего ВВП (для сравнения: менее 6% в

¹ См.: *American Defense Annual, 1987—1988*. Lexington Books, 1988, p. 65.

² По данным: *Soviet Military Power, 1988*, p. 34.

США, примерно 3 — в Западной Европе, 1% — в Японии). По оценкам, приводившимся в ходе работы нашего парламента, доля военных расходов в ВВП СССР — около 8%. Однако эта цифра получена на основании той совершенно несостоятельной с экономической точки зрения посылки, что наше вооружение где-то в 9—10 раз дешевле американского.

Поэтому не сомневаюсь — даже абстрагируясь от всех условностей подсчета ВВП, сопоставления рубля и доллара и т. п., — что ни приведенные цифры, ни даже данные, еще менее благоприятные для нас, на самом деле не дают полной картины того бремени, которое лежит на народном хозяйстве СССР. В самом деле, на военные нужды идут лучшие ресурсы, лучшее оборудование, лучшие кадры. Мало того, военный сектор нашей экономики привык жить как бы «вне экономики»: материалы «фондируются», оборудование делается или «достается» за рубежом любой ценой, зарплата тоже весьма отличается от «общепринятых» в народном хозяйстве норм. А устоявшаяся у нашей военной промышленности, да, очевидно, и у потребителей ее продукции, привычка практически никогда не заканчивать развертывание одной системы оружия без того, чтобы немедленно не приступить к созданию системы следующего поколения¹ (в отличие от США и других стран Запада, не поступающих так из соображений экономии), тоже стоит огромных дополнительных средств, которые, очевидно, до последнего времени никто и не пытался сосчитать.

Попробуем решить простую арифметическую задачу. В США в 1987 г. производством вооружения и военной техники было занято примерно 3,2 — 3,4 млн. человек. Предположим, что «на круг» Советский Союз делает всего в два раза больше, чем США, и производительность труда составляет примерно половину американской. Всего в СССР в обрабатывающей и добывающей промышленности трудятся 38,2 млн. человек². Получается, что около 1/3 из них заняты выпуском вооружения и военной техники. Вычтем работающих в добывающей, легкой, пищевой, местной, полиграфической и т. п. отраслях промышленности, не связанных серьезно с военной сферой. И представим себе, что же в машиностроительном комплексе и химии — основе основ всей экономики, без решительной перестройки которых ничего реально сделать попросту нельзя, — останется на долю «невоенного» сектора! Вот уж действительно остаточный принцип, только в каком-то неожиданном ракурсе, в до предела гипертрофированном, уродливом виде. Неужели все, что делали эти миллионы людей, было нужно для безопасности, для обороны и после достижения ракетно-ядерного паритета?

Я полностью согласен с теми, кто говорит, что конверсия военного производства сама по себе может и не дать желанного экономического эффекта, если будет проходить как политическая кампания и если ее составной частью будет поглощение гражданских отраслей военными. Действительно, нужен точный анализ, какие заводы на выпуск какой

¹ См.: *Pacific Defence Report*, December 1987/January 1988, p. 52.

² См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 412.

продукции переводить, а какие лучше законсервировать, как быть с возможным появлением избытков рабочей силы и как обеспечивать ее мобильность, хотя бы отдаленно напоминающую американскую, как не вызвать дополнительной социальной напряженности и т. д., и т. п.

Но еще более ясно и то, что без существенного сокращения военного сектора экономики, без внедрения и здесь нормальных экономических отношений, какие бы гениальные люди ни проводили хозяйственную реформу и какими бы благоприятными ни были условия для ее проведения, они вряд ли смогут преуспеть в своей деятельности. Следовательно, осуществляя военное строительство, необходимо в полной мере учитывать общее состояние экономики. Начинаящееся сокращение военного производства почти на 20% — это, бесспорно, важный шаг в правильном направлении. Но это только первый шаг. Необходим кардинальный пересмотр приоритетов, возможный только в ходе военной реформы. Лишь это позволит создать условия для глубоких структурных изменений в народном хозяйстве, для экономической реформы.

Новый этап научно-технической революции напроць разрушает сложившуюся «анклавную» систему функционирования военной экономики, включая прежде всего производство вооружения и военной техники и, конечно, НИОКР. Есть все основания утверждать, что именно достижения, полученные в «гражданской» сфере, способны существенно изменить качественные характеристики обычного вооружения, повысить его эффективность в 10—20 раз. Новые области науки — биотехнология, сверхпроводимость, дальнейшие прорывы в создании ЭВМ — открывают такие перспективные направления в области создания средств вооруженной борьбы, потенциал которых сейчас едва ли возможно оценить. Стремительное воздействие НТР на все без исключения сферы деятельности человека неизбежно ведет к тому, что и в военной сфере уже нельзя будет компенсировать качество количеством, а общую отсталость — невероятными организационными усилиями по концентрации материальных и интеллектуальных ресурсов на одном-двух направлениях, как это было сделано в СССР при создании сначала ядерного оружия, а затем — ракетно-космической техники. Вопрос ставится теперь так: либо страна обладает способностью «идти в ногу» с достижениями НТР, либо не обладает. Если нет, то нечего и думать о поддержании военной мощи на уровне, требуемом в перспективе даже для обеспечения оборонительной достаточности.

Очень важно ощутить это новое качество сложившейся ситуации. Наш самоотверженный народ и сейчас привычно готов к любым материальным жертвам, чтобы обеспечить обороноспособность страны. Однако всем необходимо понять, что никакие жертвы уже ничего не способны изменить. Более того, академик Л. И. Абалкин совершенно справедливо отмечал, что без повышения общей культуры — человеческого общения, бытовой, инженерной и т. п. — весьма затруднительно получить кадровый состав, обеспечивающий современный уровень технологии¹. Естественно, это относится и к военной промышлен-

¹ См.: Интервью Л. И. Абалкина. — *Огонек*, №13, 1989, с. 12.

ности, и к самим Вооруженным Силам. Поэтому низкий жизненный уровень в каком-то смысле уже начинает сам себя воспроизводить и становится серьезным препятствием на пути решения возникших проблем, а поиск выхода на «экстенсивном пути» развития — бесперспективным.

Словом, сейчас окончательно сложилось положение, когда экономика стала важнейшей составляющей стратегического баланса. Речь идет не просто о зависимости вооруженных сил от экономики, о чем писал еще Ф. Энгельс, а о том, что возникает некомпенсируемая ситуация, при которой — без резкого ускорения научно-технического развития страны в целом, серьезных позитивных сдвигов в экономике — вооруженные силы рискуют оказаться в положении, когда они не смогут эффективно выполнять свои функции. Поэтому период «гарантированной безопасности» следует использовать и таким образом, чтобы, осуществив глубокий маневр ресурсами, постоянно отодвигать его границу до тех пор, пока в такой «военной» гарантии сохранится необходимость.

У кого-то может создаться впечатление, что это призыв к гонке вооружений, только в новом качестве, на новом технологическом уровне. Хотел бы четко и внятно пояснить свою позицию. Речь идет о том, что нам надо обеспечить такие качественные и количественные параметры военной мощи, которые вписываются в концепцию оборонительной достаточности — и не более!

И если пройдет время и кто-то решит, что обстановка изменилась, что приведенная в порядок экономика позволяет снова создать нечто «сопоставимое по значению» (как говорил адмирал Горшков о флоте), — это будет непоправимой ошибкой. Результатом может стать лишь новый цикл формирования противостоящей нам совокупной военной мощи — гораздо более «совокупной» и гораздо более «мощной», чем сейчас, так как постоянно возрастает степень взаимосвязи между ее потенциальными участниками и увеличивается число тех, кто способен вносить довольно существенный самостоятельный вклад в ее функционирование. Для нас это означало бы отказ от столь долгожданного и необходимого повышения жизненного уровня населения ради целей, прежде всего ненужных, не говоря уже о том, что и совершенно недостижимых. Это означало бы, наконец, изоляцию в политическом плане, причем гораздо более жесткую, чем та, с которой приходилось сталкиваться до сих пор.

Военная мощь и внешняя политика

Проблема пропорциональности развития военного компонента, одного из трех (экономический, политический и военный), определяющих роль и место отдельных стран и их объединений в мире¹, носит отнюдь не теоретический характер. Пропорциональность или целесо-

¹ См. об этом подробнее: военно-экономические связи стран НАТО: цели, масштабы, формы реализации. М., ИМЭМО, 1988, с. 222—224.

образность уровня развития военного компонента определяется тем, насколько масштабы и структура военной мощи соответствуют долгосрочным политическим интересам государства, насколько способствуют (или препятствуют) созданию максимально благоприятствующей «окружающей среды».

Японский исследователь Х. Сэки отмечает, что «глобальная милитаризация фокусируется на международной «силовой структуре», в которой враждебность сверхдержав является преобладающей и распространяется на горизонтальные и вертикальные формы борьбы между государствами, охватывая как промежуточные, так и периферийные части мира»¹. Это, к сожалению, довольно точная картина, и место в ней советской военной мощи четко просматривается. Думаю, что военная мощь должна соответствовать геополитическим реальностям. Иными словами, на мой взгляд, советская военная мощь не должна быть направлена априори против кого-то и плечом к плечу с кем-то, а должна стать полноправным элементом нашей новой внешней политики, нацеленной на снижение уровня военной угрозы и создание по-настоящему конструктивных международных отношений.

Очевидно, по-новому следует рассматривать и проблему союзов. Военная мощь никак не заменяет «естественных» союзов, то есть построенных на долгосрочной заинтересованности в стабильности и процветании друг друга вне зависимости от степени внешней угрозы. До сих пор все послевоенные союзы, в первую очередь НАТО и ОВД, создавались как раз под воздействием внешней угрозы. Но не надо делать вывод о том, что оба последние — «противоестественные». Это покажет только жизнь, ибо, если позитивные процессы будут продолжаться, а уровень военного противостояния в Европе существенно уменьшится, неизбежны глубокие перемены в иерархии задач блоков, которые могут сказаться и на их структуре, характере функционирования, конфигурации. Скажем, в НАТО существует общая точка зрения, что по мере уменьшения роли военного фактора будет возрастать политическое значение этого союза. Судьба Варшавского Договора весьма неопределенна. Но ясно, что даже тот недолгий срок, который, по моему мнению, ему отпущен, он уже не будет выполнять реальных военных функций, сосредоточившись на согласовании политических подходов к новой ситуации в Европе.

Хотелось бы заметить, что и на Востоке, и на Западе Европы пора перестать пугаться термина «финляндизация». Каким-то странам подобный путь сотрудничества подходит, каким-то — нет, но опыт Финляндии — и политический, и экономический — представляется, бесспорно, положительным и заслуживающим самого внимательного анализа. А нам не надо забывать и про надежность границы с Финляндией, и про отсутствие целого ряда мучительных проблем в отношениях с этой страной.

Последние события в Восточной Европе подтверждают эту точку зрения. Полностью независимые восточноевропейские страны, вы-

¹ S e k i H. The Asia-Pacific in the Global Transformation. University of Tokyo, Institute of Oriental Culture, 1987, p. 35.

бравшие свою экономическую и политическую ориентацию, определившие свое место в Европе, не угроза нашим интересам, а, напротив, весьма положительный фактор. Уводя отсюда свои войска, мы лишь укрепляем реально свою безопасность.

Новая структура международных отношений может привести к формированию новых альянсов «де-юре» или «де-факто», совершенно не обязательно изменяя при этом «композицию» военной мощи. Поэтому далеко не каждая возникающая тенденция такого рода должна немедленно отзываться на военной деятельности Советского Союза.

Отнюдь не все, что делается в мире в военной сфере, направлено против нас, в расчете на нас или связано только с нами. Такое представление — своего рода анахронизм, рудимент двухполюсного мира, который безвозвратно канул в прошлое. Тогда действительно было так — всегда или почти всегда. Воспринимать же ситуацию подобным образом сейчас — значит игнорировать многие очевидные реальности.

Например, уже совершенно справедливо отмечалось, что западноевропейская военная интеграция связана не только с отношениями Восток — Запад, но и Запад — Запад и во все возрастающей степени — Север — Юг. Именно последними будет определяться в перспективе возможный нижний предел военной деятельности стран Западной Европы¹.

Серьезной переоценки требует и положение в АТР. Разумеется, в американском военном присутствии в этом регионе есть определенные элементы, могущие — если мерять старыми мерками — нас тревожить. Но, на мой взгляд, они вполне «покрываются» теми сдерживающими факторами, о которых уже говорилось. Надо учитывать и другое. Совершенно прав Я. Накасоне, когда в отличие от четко сформировавшейся ситуации в Европе он определяет военный баланс в АТР как восточную миниатюру — «несколько тонких и неопределенных штрихов с пустым пространством между ними»². По мере стремительного развития многих стран в АТР может возникнуть множество разных вариантов для заполнения этих пустот. Важно ли здесь поддержание стабильности? Крайне важно. Но ведь очень важные функции в этом плане как раз и выполняет американское военное присутствие. Об этом прямо говорит, например, премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю.

Нельзя игнорировать и ту точку зрения, согласно которой образование «вакуума» в АТР могло бы означать быстрое удвоение и даже утроение военных расходов Японии. А это в свою очередь с учетом общей картины в регионе означало бы нарастание нестабильности. Так что же для СССР опаснее? Где угроза реальнее? И главное, надо ли нам бесперспективно пытаться заполнить пустоты в военном балансе?

Берусь утверждать, что наша военная мощь в АТР должна в гораздо большей степени соответствовать тем реальным позициям, которые мы занимаем в этой части света. Вообще, не следует сопоставлять ее с мощью США, с учетом совершенно разных интересов.

¹ См.: *Мировая экономика и международные отношения*, 1989, №2, с. 106—107.

² *Economist*, 1988, December 24.

Конечно, приведенными примерами список ситуаций, требующих нового подхода к оценке воздействия «внешнего развития» на военные приготовления СССР, отнюдь не исчерпывается.

Наш опыт 70-х годов создал весьма искаженное представление о возможностях военной мощи компенсировать другие «компоненты влияния» и служить основой для долгосрочного укрепления позиций в мире. Урок нужно запомнить — военная мощь никак не заменяет экономические и политические средства и в наше время обладает весьма ограниченными возможностями на внешнеполитической арене.

Изучая проблему «военная мощь и внешняя политика», необходимо учитывать, что послевоенная эра закончилась. Признанием этого очевидного факта должно определяться и отношение к объединению Германии и ее военно-политическому статусу при соблюдении таких условий, как неизменность границ и учет законных интересов безопасности СССР. В наше время создалось принципиально иное экономическое, политическое и военное «пространство», в котором деление на победителей и побежденных имеет весьма условный характер хотя бы потому, что оно неадекватно более понятиям «сильный» и «слабый» в их современной интерпретации, включающей в себя категории экономического процветания и научно-технического лидерства. Полагаю, что «точка отсчета» окончания послевоенной эры приходится именно на тот период, когда появилась и закрепилась эта «неадекватность» в сочетании с необратимостью западноевропейской интеграции и появлением в мире новых полюсов роста.

Поэтому и военная мощь, в течение десятилетий формировавшаяся у нас — да и на Западе — по «послевоенной» схеме, неминуемо должна претерпеть серьезные структурные и векторные изменения, чтобы стать органичным элементом нового пространства.

Каковы главные свойства этой мощи, что нужно ей для обретения такой органичности? Думаю, ответ уже существует: оборонительная достаточность. Причем оборонительная достаточность, построенная не только на новых оценках требуемого числа дивизий, техники и т. п. Это, конечно, очень важно. Но, как показывает исторический опыт, ни одно правительство, ни один генеральный штаб с начала века не сумели ни правильно подсчитать, какие силы действительно требуются, ни правильно оценить, как «вписываются» в политическую ситуацию и как влияют на нее военные приготовления. Поэтому речь должна идти об оборонительной достаточности, в которой перестроение вооруженных сил находится в полном единстве с важнейшей реальностью нашего времени — невозможностью, бессмысленностью, преступностью военного конфликта между Востоком и Западом.

Я не принадлежу к числу оптимистов, считающих, что в обозримой перспективе на земном шаре воцарится мир и покой. До этого, вероятно, еще долгий и извилистый путь. Поэтому так важно, чтобы и при решении уже существующих острых глобальных проблем, и при возможных обострениях ситуации наша страна выступала в качестве полноправного, активного участника сообщества высокоразвитых стран, включая и военные аспекты его деятельности. Внешняя полити-

ка СССР в послеапрельский период нацелена на достижение и этой без преувеличения исторической цели. Неудача же на этом направлении не оставляет нам шансов на выживание.

Период гарантированной безопасности необходимо использовать во внешнеполитической сфере, для того чтобы осуществить это решительное изменение характера взаимоотношений. Тогда расширять границы безопасности будут не только те наши внутренние усилия, о которых говорилось выше, но и общее изменение нашего международного статуса. Военная мощь будет способствовать, а не препятствовать достижению этой цели. Отсюда можно сделать вывод, что характеристики мощи, содержание и форма принятия решений, связанных с военной сферой, — все это должно способствовать целям и задачам внешнеполитической деятельности, ее приоритетам. Иначе может создаваться впечатление, пусть и ошибочное, о некоей самостоятельной политической функции военной мощи, что, конечно же, недопустимо.

Еще сравнительно недавно борьба двух систем считалась основным содержанием эпохи, а классовый характер внешней политики заводил нас в непролазные джунгли. Довольно скоро оказалось, что главным, а потом и практически единственным инструментом этой борьбы и этой внешней политики являлась военная мощь. К счастью, мы успели понять, что это путь в никуда, что и наша страна, и наши цели заслуживают лучшей участи и аргументации. Так мы получили еще одно подтверждение того, что необходима глубокая военная реформа.

* * *

Итак, военная мощь — сколько, какая, зачем? понимая, что ответы будут, конечно, неполными и далеко не все согласятся с ними, предложу все же свой вариант. Сколько? Не более уровня, необходимого для защиты жизненных интересов страны в соответствии с характером реальных угроз и экономических возможностей в условиях перехода к принципам оборонительной достаточности и отсутствия и у Запада и у Востока политических, экономических и иных возможностей и мотивов для вступления в конфликт — не только самоубийственный, но и бессмысленный. Какая? Гибкая, мобильная, с четко выраженными приоритетными направлениями развития, способная быстро реагировать на изменения ситуации. Зачем? Для обеспечения всестороннего участия страны в процессах мирового развития, поддержки основных направлений внешнеполитической деятельности.

Бесспорно, осуществить военную реформу непросто. Но и не сложнее, чем реформы политической системы и экономики. Для нее складываются благоприятные внешние условия — кроме тех долгосрочных обстоятельств и причин, о которых говорилось выше, нельзя не видеть и другие. Шестой год подряд сокращаются военные расходы США, меняется вся ориентация американских военных приготовлений — с подготовки к конфликту с СССР на решение иных задач. Постепенно множатся признаки благоприятных изменений в Европе и Азии. Все в этом

мире неоднозначно, но дальнейшие шаги СССР по избранному уже направлению резко ускорят позитивные изменения сегодня и обеспечат нам достойные позиции завтра.

Самый большой риск сейчас — это ничего не менять, остановиться, решив, что сделано уже достаточно (ведь есть и такая точка зрения). Кто-то из великих политиков прошлого века сказал, что самое неприятное — это принимать решения, а самое опасное — не принимать их. Сейчас наша страна сама, своими руками создала себе шанс для кардинальных изменений к лучшему — везде, в том числе и в военной сфере. Надо использовать его полностью.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ И СОВЕТСКАЯ АРМИЯ

Заголовок предлагаемой статьи может показаться странным. Действительно, говоря о европейской безопасности, мы делали упор на политические средства и методы, призванные снизить уровень военного противостояния на нашем западном фланге. Об армии в этом контексте упоминалось большей частью в связи с сокращением численности вооружений и вооруженных сил и необходимостью уменьшения вероятности военного конфликта в Европе. Советская Армия до самого последнего времени рассматривалась как сила одновременно национальная (защитница Отечества) и интернациональная (надежный страж мира и социализма), но в обоих случаях — и это основное — как сила, идеологически ориентированная («служим делу партии, делу коммунизма»). Разрядка 70-х годов оказалась непрочной, в частности из-за «кризиса доверия», вызванного несоответствием между ее политической стороной и реальностями идеологического и военного характера. Этот неудачный опыт следует непременно учитывать, разрабатывая наш «путь в Европу» как специфический вклад нашей страны в строительство общего дома для всех европейцев.

Еще более непривычным является сочетание слов, вынесенное в заголовок, с точки зрения Запада. Многие европейцы склонны усматривать обратную зависимость между безопасностью континента и ролью, которую играет в делах Европы Советская Армия. Если смотреть с «той стороны», то наше военное присутствие и размеры нашей военной мощи представляются скорее угрозой, чем гарантом европейской безопасности.

Как преодолеть эту очевидную «нестыковку»? Если Европа будет изменяться в направлении формирования здесь новой — единой — системы международных отношений, то какие задачи в этой Европе останутся на долю нашей армии? Какой должна стать эта армия, чтобы быть в состоянии решать новые для себя задачи? Какие, наконец, условия должны быть выполнены, прежде чем необходимые изменения станут возможны?

Совершенно очевидно, что грядущие перемены актуальны не только для наших Вооруженных Сил, но и для армий всех европейских государств, а также для США и Канады. Каждой из них предстоит пройти собственный специфический путь, и ясно, что без встречного

движения хотя бы основных участников обоих союзов новая модель европейской безопасности не сможет начать функционировать.

Мы обращаемся к роли Вооруженных Сил СССР еще и потому, что в нашей стране проблемы, связанные с использованием военной силы в советской внешней политике, вопросы советского военного присутствия за рубежом до самого последнего времени открыто не обсуждались и не подвергались объективному анализу. Осмысление нашего опыта в этой сфере международных отношений — настоятельная потребность.

* * *

Когда Красная Армия, тесня вермахт, пересекла государственную границу СССР, она повсеместно встречалась народами как освободительница Европы от фашизма. В качестве оккупантов красноармейцы выступали только в Германии и в Австрии, но даже там поначалу их присутствие воспринималось как гарантия окончательности краха тоталитарного режима, залог демократических преобразований. Красная Армия перенесла свой огромный авторитет и на страну, стоявшую за ней, — Советский Союз. Европейцы понимали, что своим освобождением, выживанием и национальной независимостью они были обязаны союзникам и их армиям.

Такое отношение, однако, длилось недолго. Буржуазная демократия и социалистический тоталитаризм не сумели достичь соглашения об организации послевоенного мира, об устройстве новой Европы и о будущем Германии. Главной осью мировой политики стала конфронтация Советского Союза и Запада во главе с США. Милитаризация международных отношений привела к существенному росту фактора военной силы и, соответственно, к расширению роли вооруженных сил как инструмента внешней политики государства.

С окончанием боевых действий в Европе Советская Армия стала использоваться Сталиным для целей проводившейся им великодержавной политики — создания того, что получило на Западе название «внешней империи» Советского Союза. Диктатор, очевидно, исходил из пессимистического взгляда на перспективы сохранения мира на сколько-нибудь длительный период. Во всяком случае, такой вывод можно сделать, размышляя над одной из его последних работ — «Экономические проблемы социализма в СССР».

Сталин готовился к вероятной, как представлялось ему, войне и практически. Важнейшей задачей виделось в этой связи «правильное» проведение границ в Европе. В середине 1945 г. западные рубежи СССР не только были восстановлены по состоянию на июнь 1941 г., но и произошло дальнейшее расширение государственной территории Советского Союза, прежде всего за счет ликвидации германской Восточной Пруссии и присоединения ее северной части с г. Кёнигсбергом к СССР. Была изменена и западная граница Польши, вышедшая теперь на линию Одер — Западная Нейсе. Сто четыре тысячи квадратных километров должны были не только компенсировать польское государство за потери и жертвы, понесенные польским народом в годы

войны, но и, очевидно, уравновесить утрату Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края. «Сильная Польша» становилась, таким образом, автоматическим союзником СССР на случай новой германской агрессии.

Сталин, по всей вероятности, серьезно относился к подобной возможности. Германию он считал постоянным фактором европейской политики, лишь временно выведенным из строя. Восстановление Германии и обретение ею свободы действий на международной арене представлялись ему закономерными. Этот новый германский вызов нужно было встретить в наиболее благоприятной для СССР военно-политической обстановке.

Наряду с восстановлением госграниц 1941 г., передачей германских территорий к востоку от линии Одер — Нейсе Польше и СССР (что сопровождалось насильственным выселением нескольких миллионов проживавших там немцев) новая концепция безопасности Советского Союза включала еще два элемента: размещение советских войск в Центральной и Юго-Восточной Европе и создание к западу от границ СССР пояса, как говорил Сталин, «дружественных государств». Периметр безопасности страны, таким образом, был очерчен на расстоянии 700 — 800 км от ее рубежей, а внутри этого периметра оказалось стратегическое «предполье» Советского Союза, его своеобразный «пояс безопасности».

Не исключено, что поначалу этот «пояс» рассматривался прежде всего как преимущественно военно-политическая конструкция без явной идеологической «подкладки». Логика конфронтации, однако, уже вскоре привела к преобразованию «дружественных государств» в монолит «социалистического лагеря». Для Советской Армии это означало значительное расширение ее задач: если в первоначальном варианте наличие «пояса» обеспечивало ей более выгодные стратегические позиции, то в последующем мощь советских Вооруженных Сил должна была обеспечивать беспрепятственное строительство социализма в регионе. «Обеспечивать», добавим, имея в виду не только внешнего противника — Запад, — но и «внутреннего врага». Постепенно эта вторая задача становилась если не основной, то более актуальной для советских войск, дислоцированных в зарубежной Европе.

События в Восточной Европе 1947 — 1948 гг. вызвали резкую, но предсказуемую реакцию на Западе. В 1945 г. у США не было намерения размещать на постоянной основе свои войска в Европе. Ни сенат, ни американская общественность не поддержали бы в тех условиях подобные планы. Спустя три года Соединенные Штаты столкнулись уже с реальной попыткой, как считали на Западе, нарушить европейское равновесие.

Поворотным моментом стал здесь, по-видимому, чехословацкий февраль 1948 г., но этот поворот был закреплен по-настоящему несколькими месяцами позже, когда Сталин решил впервые открыто использовать военную силу для достижения политических сдвигов в послевоенной Европе. Бесплодная для СССР десятимесячная блокада Западного Берлина (первый берлинский кризис) привела к консолидации Западной Европы вокруг США, закреплению американского при-

сутствия в Европе, образованию Североатлантического союза. «Блокада Берлина» считается событием, приведшим к образованию «союза внутри союза» — политическому, военному и широкому идеологическому альянсу между американцами и западными немцами. Тезис о «советской военной угрозе» получил, как утверждалось, наглядное подтверждение.

Хотя Н. С. Хрущев и его окружение придерживались в отличие от Сталина более оптимистического взгляда на перспективы «мира и социализма», военно-политическое наследие сталинизма в Европе не только не было демонтировано, но, наоборот, все попытки его демонтажа буквально встречались в штыки: июнь 1953 г. — Берлин; осень 1956 г. — Познань и Варшава; наконец, октябрь — ноябрь того же года — Будапешт...

Догматический оптимизм Хрущева относительно значения и перспектив «мировой системы социализма» мешал ему трезво оценить реальные интересы безопасности Советского Союза — так, как это было сделано советским правительством при принятии решения об эвакуации войск из Австрии и прекращении аренды базы Порккала-Удд в Финляндии.

«Дух Женева» 1955 г. оказался, таким образом, непрочным, возможности для поиска новых основ отношений между Востоком и Западом — упущенными. Знаменитое хрущевское словесное бряцание оружием, его политика ультиматумов в германском вопросе укрепили представление Запада о Советской Армии как об источнике военной опасности в Европе.

Брежневский период советской истории характеризовался беспрецедентной для мирного времени степенью милитаризации внешней политики СССР. Если «оптимист» Хрущев рассчитывал одержать победу над капитализмом в мирном экономическом соревновании, то «реалист» Брежнев делал ставку на достижение паритета с Соединенными Штатами всего лишь в одной области, которая представлялась ключевой, определяющей для статуса мировой сверхдержавы, — военной. Это имело серьезные последствия и для Европы.

То, что получило впоследствии название «доктрины Брежнева», несомненно, присутствовало в советской внешней политике и раньше. Новым было теоретическое обоснование этой политики, новым был ввод советских войск в страну, где прежде они никогда не размещались на постоянной основе; новым, наконец, было участие в интернациональной акции вооруженных сил других государств — членов Варшавского Договора. Так этот Договор, созданный в 1955 г. в качестве ответа на ремилитаризацию Западной Германии и вступление ФРГ в НАТО, стал основным инструментом, обеспечивающим «необратимость социалистических завоеваний народов стран Восточной Европы».

Таким образом, советское военное присутствие в зарубежной Европе претерпело причудливую эволюцию. Имевшее первоначально целью создание «пояса безопасности» СССР на Западе — традиционного щита от традиционной угрозы, — оно быстро превратилось в условиях наступления ракетно-ядерного века в современный вариант ли-

нии Мажино. Основное предназначение групп советских войск отступило на второй план. Обеспечение дружественного Советскому Союзу характера режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе трансформировалось в гарантию необратимости установления там экономических, политических и идеологических структур сталинского типа.

Усилившаяся с 70-х годов милитаризация внешней политики СССР имела следствием попытки использования возросшей военной мощи страны для достижения повышенного статуса Советского Союза в системе международных отношений, в том числе по отношению к Западной Европе.

Все это привело к самым отрицательным последствиям для нашей страны, ее безопасности. Народы стран, еще недавно приветствовавшие Красную Армию — освободительницу, стали видеть в советских войсках гарант не столько их национальной безопасности (призрак германской угрозы все больше уходил в прошлое), сколько неприкосновенности общественных структур, воспринимавшихся как навязанные извне. Довольно широкое распространение приобрел в массовом сознании тезис о Советской Армии как об «оккупационной армии».

Традиционно Россия и Советский Союз смотрели на Запад как на наиболее вероятное направление, откуда исходила угроза безопасности нашей страны. Времена, однако, изменились, и после окончания второй мировой войны ни одно европейское государство или даже их коалиция не были уже способны создать подобную угрозу нашей стране.

С другой стороны, европейская система международных отношений с самого образования на континенте национальных государств основывалась на действии механизма «баланса сил», обеспечивавшего ее внутреннее равновесие и выживание входивших в нее государств-членов. До первой и в известной степени до второй мировой войны Россия и СССР с их вооруженными силами были «вписаны» в эту систему, «балансиrowались» сами и «балансиrowали» других. После 1945 г. положение изменилось кардинальным образом, и не столько благодаря приобретению Советским Союзом ядерного оружия и средств его доставки, сколько в результате выдвижения Советской Армии на рубежи в центре Европы, откуда до Парижа оставалось 600 км, до Брюсселя — 400, а до Гамбурга — всего 60. Новая ситуация заставила западноевропейцев искать «балансир» в лице США. Практические действия Советского Союза на протяжении послевоенных лет в ряде случаев прямо способствовали образованию самой широкой в истории коалиции государств, направленной против нашей страны. Таким образом, в результате, кроме ненадежных союзников, Советский Союз получил весьма сплоченных оппонентов, все попытки посорить которых заканчивались, как правило, безуспешно.

* * *

Середина 80-х годов сделала очевидным то, что постепенно накапливалось в мировой системе: начавшиеся еще в 60 — 70-е годы структурные сдвиги свидетельствовали о переходе к новой системе между-

народных отношений, то есть о конце послевоенной эпохи. Кажущийся теперь уже довольно кратким период «единой абсолютной конфронтации» уступает место сложному взаимодействию многочисленных совпадающих и конкурентных интересов участников международного общения. Противостояние двух военных лагерей в Европе сменяется более привычной полицентрической конфигурацией. Это порождает огромные надежды, но одновременно таит некоторые опасности.

Происходящий на наших глазах ускоренный распад биполярной системы международных отношений возвращает европейцев, по образному выражению французского философа Андре Глюксмана, в их историю. Не в том смысле, конечно, что Европа оказывается отброшенной на пятьдесят-шестьдесят лет назад, а в связи с восстановлением того «европейского политического континуума», который был прерван второй мировой войной и установившейся после ее окончания американско-советской бигегемонией.

В европейской политической истории 1945—1989 гг. выглядят очевидной аберрацией. В этот период, по существу, прекратила свое автономное существование европейская система международных отношений: утратившие свою внешнеполитическую независимость государства Европы были включены в глобальные военно-политико-экономические системы, возглавлявшиеся соответственно Соединенными Штатами и Советским Союзом. Каждая из этих систем исповедовала также свою систему ценностей и идеологических установок.

Советско-американский дуализм стал для европейцев (наряду со всеми его отрицательными последствиями) периодом своеобразного «отдыха» от старых проблем и многочисленных «вопросов» — от виленского и данцигского до бессарабского и македонского. Был заморожен и «вопрос вопросов» — германский. Конец «холодной войны» должен был означать «размораживание» многих из них.

Нынешняя послевоенная Европа, таким образом, готова олицетворять прообраз будущего мирового сообщества, но прежде ей предстоит подвести наконец черту под нерешенными проблемами ее не всегда мирного прошлого.

«Европейская Европа» представляется многим политическим силам как континент, эмансипированный от советско-американской бигегемонии. Вывод вооруженных сил СССР и США из тех стран Европы, где они размещены, считается важной конечной целью «европеизации». Голоса, требующие ухода советских дивизий, звучат при этом громче. Причины этого феномена мы уже пытались вскрыть. Здесь уместно напомнить, что в принципе советское правительство готово — при соблюдении определенных условий — вернуть свои войска, размещенные в зарубежной Европе, в пределы наших государственных границ. Замена конфронтации вовне и колоссального взрывного потенциала внутри так называемого пояса безопасности общеевропейской системой означала бы радикальное изменение к лучшему геополитической среды, в которой находится наша страна.

Вместе с тем нам представляются недостаточными как требования ухода советских войск, так и готовность сократить наше присутствие

или даже отказаться от него. Требования «уйти» не учитывают, во-первых, того, что СССР и в будущем останется в ней: европейская часть Советского Союза и есть та подлинная Восточная Европа, название которой было перенесено на то, что в действительности является Европой Центральной или Юго-Восточной.

Во-вторых, отрицание конструктивной роли Советской Армии в Европе кажется нам излишне категоричным. В реальности гораздо больше диалектики, чем иногда принято считать; к примеру, участие ФРГ в НАТО и присутствие на ее территории двух армейских корпусов сухопутных войск США нам представляется не менее важным для безопасности СССР, чем членство восточногерманского государства в Варшавском Договоре и даже размещение на земле ГДР 18 советских дивизий. Зависимости действуют, однако, в обоих направлениях.

Наряду с германским вопросом есть и другие, где советское присутствие способно оказать стабилизирующее воздействие, даже с точки зрения Запада. Конечно, с весьма важной оговоркой: при условии продолжения нынешнего внешнеполитического курса Москвы и углубления его европейской «колеи».

Что касается нашей готовности к сокращениям, выводу войск и т. п., то здесь смущает отсутствие развернутых авторитетных заявлений о тех структурных изменениях в военной политике, доктрине и строительстве вооруженных сил, которые логически должны последовать за соответствующим принципиальным политическим решением.

Наконец — и это, как нам кажется, основное, — ни в нашей стране, ни за ее пределами не дебатруется вопрос о том, какими должны быть Вооруженные Силы СССР, включенные в общеевропейскую систему безопасности. На наш взгляд, интеграция нашей военной машины в «Европу» является задачей не менее важной, чем налаживание новой системы экономических связей или институализация политического диалога.

В дальнейшем мы попытаемся изложить некоторые соображения о том, каким может стать путь наших вооруженных сил в послеконфронтационную, послеблоковую Европу. Они не претендуют, разумеется, на законченность, равно как и на полный охват проблемы. Нас, напомним, интересовали в первую очередь следующие вопросы:

— Какие задачи будет призвана выполнять Советская Армия в переходный период и вскоре после его окончания?

— Какие условия должны быть выполнены нами, чтобы наша армия была действительно способна решать эти задачи?

* * *

Какие же новые задачи встают перед советскими Вооруженными Силами в период перехода к новой системе международных отношений в Европе?

Очевидно, что эти задачи могут быть условно сгруппированы, в зависимости от их объема, в несколько групп. К первой относятся задачи по обеспечению национальной безопасности нашей страны, ко

второй — относящиеся к Европе в целом или ее отдельным регионам, к последней, третьей группе — задачи внеевропейского или глобального характера.

Обеспечение национальной безопасности — задача и актуальная, и перспективная. Пока национальные государства будут сохранять свою роль ведущих элементов международной системы, на армии будет возложена обязанность защищать нацию и страну от внешних угроз. Кроме того, вооруженные силы будут оставаться последним гарантом внутренней безопасности граждан и стабильности политического режима от посягательств со стороны экстремистски настроенных групп.

Советская Армия в этой связи будет по-прежнему обязана осуществлять свою нынешнюю миссию сдерживания потенциальной угрозы, исходящей извне. Важным при этом представляется, чтобы средства были адекватны угрозе и не воспринимались как выходящие за разумные рамки сдерживания.

С другой стороны, в новой геостратегической среде сценарии, основанные на базовой концепции конфронтации Восток — Запад, могут оказаться непригодными. В этой связи Вооруженные Силы СССР должны быть в состоянии реагировать на гораздо более широкий спектр потенциальных угроз, возникающих на различных уровнях и с нетрадиционных для ядерно-ракетного века направлений.

Решение задачи обеспечения внутренней безопасности СССР будет во многом зависеть от будущего устройства Союза. Унитарная модель, применительно к которой были созданы и развивались наши Вооруженные Силы, отходит в прошлое. Федеративное устройство, которое еще только предстоит создать, потребует совершенно иной модели организации системы безопасности — возможно, на двух уровнях: союзном (в первую очередь — стратегические ядерные силы, другие регулярные компоненты) и республиканском (резервы, милиционные формирования типа сил территориальной обороны, национальной гвардии и т. п.).

В рамках будущей Европы Советская Армия станет выступать как инструмент общеевропейской системы безопасности. Это новая роль для любой армии современного мира. Некоторую аналогию этому можно усмотреть в той роли, которую играют в мирное время вооруженные силы стран — членов одной коалиции. Есть, конечно, и принципиальные отличия. Во-первых, новая система безопасности будет лишена явного внешнего врага; традиционный силовой вызов, на противодействие которому поныне ориентированы вооруженные силы всех стран мира, также будет отсутствовать. Во-вторых, появится новая задача — поддерживать равновесие в Европе не на блоковой, а на многосторонней основе. Само равновесие при этом не будет тождественно военному паритету, а станет означать безусловное превосходство обороны над нападением, формирование структуры вооруженных сил всех стран — участниц системы, которая исключала бы способность какой-либо из стран к внезапному нападению, иначе говоря — баланс оборонительных сил.

В течение переходного периода от нынешней системы противостояния и раскола к будущей системе совместной безопасности и интеграции Советская Армия вместе с вооруженными силами США призвана обеспечивать равновесие и предсказуемость в процессе сокращения военного противостояния на Европейском континенте.

Особой задачей Советской Армии (наряду с армиями США, Великобритании и Франции) является сохранение мира и стабильности в центре Европы, где уже идет процесс объединения Германии. Это предстоящее объединение ставит вопрос о месте объединенной Германии в военно-политической структуре Европы. Вопрос тем более актуален, что сближение ФРГ и ГДР набрало уже такой темп, что нельзя исходить из предположения, что их объединение произойдет уже в рамках новой общеевропейской структуры. Среди высказываемых в настоящее время соображений — варианты с размещением союзных войск в течение какого-то периода времени на территории объединенной Германии.

Важно, что вплоть до заключения германского мирного договора или его юридического эквивалента войска четырех держав будут продолжать оставаться в своих соответствующих зонах ответственности, причем Советская Армия располагается в наиболее нестабильной части Германии — ГДР. Можно предположить, что и после объединения двух германских государств на войска держав—победительниц во второй мировой войне будет возложена реализация определенных гарантий на случай (гипотетический) рецидива германского реваншизма и экспансионизма.

Наконец, Советская Армия вместе с ее союзниками по Организации Варшавского Договора ответственна за стабильность и предсказуемость обстановки в потенциально наиболее конфликтоопасном регионе Европы — центральной и юго-восточной ее части.

В отличие от других европейских армий Вооруженные Силы нашей страны имеют не только национальную и региональную, но и глобальную функцию. Соответственно, как и США, наша страна несет особую ответственность за стабильность мирового стратегического баланса. Это разделение бремени должно вести к практическому сотрудничеству, в том числе и в рамках общеевропейской системы безопасности, в которую войдут четыре из пяти «официальных» ядерных держав.

Советский Союз имеет самую протяженную сухопутную границу в мире. Его территория непосредственно примыкает к регионам Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Дальнего Востока, в связи с чем наша армия призвана играть роль стабилизатора военно-политических балансов в целом ряде регионов, где обстановка сложнее и опаснее, чем в Европе.

При каких же условиях Советская Армия будет способна решать перечисленные задачи? Очевидно, что существующая армия Советского Союза (как, впрочем, ни одна из нынешних армий НАТО или ОВД) выполнять их не в состоянии. Для того чтобы интегрироваться в будущую систему безопасности Европы, наши вооруженные силы дол-

жны существенно измениться. Эти изменения будут касаться военной политики, военной доктрины, принципов и практики военного строительства в СССР.

Военная политика СССР на Европейском континенте будет ориентироваться не только на решение задачи внешней безопасности страны, но и на укрепление безопасности общего дома всех европейцев. Соответственно, элементы противостояния в рамках такой политики будут все более вытесняться элементами взаимодействия. Блоковая политика сменится политикой, направленной на постепенное преодоление блоков и замену их общеевропейской системой безопасности.

При этом советская политика безопасности в Европе не должна противоречить общей политике безопасности СССР или военно-политическим акциям нашей страны в любом другом районе мира — от близлежащего региона Ближнего Востока до далекого Тихоокеанского бассейна. В 70-е годы руководство Советского Союза, на наш взгляд, ошибочно полагало возможным одновременно выступать за углубление разрядки в Европе и осуществлять в глобальном масштабе акции по «оказанию интернациональной помощи народам, борющимся против империализма».

Военная политика новой Советской Федерации должна будет определяться не только центром. Расположенные в Европе советские республики имеют свои специфические интересы безопасности, которые должны будут обязательно учитываться в процессе выработки решений.

Уже на протяжении нескольких лет контроль над вооружениями является неотъемлемым элементом политики безопасности. Переговоры по этим вопросам превратились, по существу, в постоянно действующий межгосударственный институт. В перспективе роль этого института будет повышаться. Политика контроля над вооружениями постепенно станет ведущим направлением политики безопасности, а собственно военная политика (политика сдерживания) будет играть роль своего рода гарантии на случай непредвиденного развития событий.

Новым направлением политики безопасности станет политика профилактики конфликтов и поддержания мира там, где профилактические мероприятия по тем или иным причинам не дали желаемых результатов. Возможно, на европейском региональном уровне окажется целесообразным иметь силы поддержания мира, аналогичные соответствующим силам ООН. У нашей страны есть опыт участия в структурах этой организации на Ближнем Востоке. Он должен быть критически проанализирован и дополнен опытом других стран.

Советская военная доктрина в последнее время уже подвергалась серьезному переосмыслению. Ее оборонительная сущность становится более явной; приобретает конкретное содержание и концепция достаточности. Эти доктринальные новации применимы в первую очередь, разумеется, к Европе. Важно, чтобы дискуссии вокруг современных военных доктрин европейских государств продолжались в максимально открытой обстановке как в международном, так и в национальном масштабе. Советская общественность, проявляющая интерес к про-

блемам национальной безопасности, должна получить доступ не только к трудам западных специалистов, но и к работам советских военных теоретиков. Большую помощь в этом отношении могли бы оказать независимые институты стратегических исследований, возможности для создания которых в нашей стране имеются. Деятельность этих неправительственных учреждений, несомненно, способствовала бы расширению области доверия между СССР и европейскими странами в военной сфере.

Большие перемены ожидают Советскую Армию и в области военного строительства. Интегрироваться в европейскую систему безопасности сможет только армия, прочно ставшая институтом демократического государства. Запаздывание с трансформацией военной структуры может иметь самые негативные последствия для всего процесса демократизации страны, затруднить или даже заблокировать наш путь в Европу.

В этой связи важнейшей задачей (не менее актуальной, чем сокращение вооруженных сил и вооружений, а также разработка новой военной доктрины) является, на наш взгляд, установление новых связей между армией, государством и обществом в СССР. В результате строительства правового демократического государства вооруженные силы, ранее являвшиеся инструментом политики одной партии, неизбежно будут «возвращены» государству, поставлены под контроль избираемой гражданской власти в лице парламента и правительства, а через них — под контроль избирателей, то есть гражданского общества.

Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что создание в СССР Вооруженных Сил, верных демократическому строю, закреплённому в реально действующей Конституции, и открытых парламентскому и общественному контролю хотя бы в такой же степени, как в большинстве стран Западной Европы и Северной Америки, явится самым важным шагом на пути интеграции нашей армии в общеевропейскую систему безопасности.

Другим направлением военного строительства становится превращение Советской Армии в современную военную организацию — высокопрофессиональную, способную решать новые задачи, которые отчасти уже были нами перечислены. Такая трансформация, по нашему убеждению, возможна в результате радикальной военной реформы, в рамках которой Вооруженные Силы нашей страны перешли бы, в частности, на новую модель комплектования. Заслуживают в этой связи серьезного внимания предложения о том, чтобы регулярный компонент будущих Вооруженных Сил СССР состоял в значительной мере (на 50—60%) из профессионалов-добровольцев, в то время как оставшаяся часть регулярных войск, а также вооруженных сил (милиция, территориальные войска) комплектовалась бы на основе принципа всеобщей воинской обязанности. Составной частью этой модели являлась бы альтернативная служба.

Чрезвычайно велико значение того, каким духом будут пропитаны советские Вооруженные Силы, которые станут элементом европей-

ской системы безопасности. Для нашей армии — в прошлом Красной, революционной, пролетарской, воспитанной на идеалах мировой революции, коммунистического мессианства, интернационального долга, — осознание себя как силы по-новому интернациональной не может быть легким или быстрым делом. Впрочем, для всех без исключения армий обоих европейских союзов реидентификация обещает стать сложным и трудным процессом. До сих пор все армии мира во все времена имели перед глазами более или менее четкий образ врага. Именно наличие врага рассматривалось в качестве основной причины существования армии. В попытке отказаться от образа врага не только в обществе, но и в вооруженных силах ярче всего, пожалуй, проявляется пионерская роль Европы в решении проблемы безопасности.

На пути к этой цели лежит целый ряд этапов, наполненных конкретными программами и отдельными шагами. Ключевым звеном здесь должно стать воспитание нового офицерского корпуса Советской Армии, состоящего из людей, имеющих высокую профессиональную подготовку, соответствующие ей уровень общей культуры и, что особенно важно, развитое политическое мышление, иными словами — современных профессионалов в области обеспечения безопасности. Невозможно добиться этого без максимальной «открытости» офицерства по отношению к проблемам внутренней и международной политики, без регулярных обменов: внутри страны — между гражданскими и военными экспертами, в масштабах Европы — между «сообществами безопасности» различных стран.

Разумеется, ничто так не размывает образ врага, как практическое сотрудничество по выполнению общей задачи. Участие подразделений и частей Советской Армии в международных военно-политических структурах способствовало бы созданию в нашей армии совершенно новой военно-политической культуры.

* * *

Итак, путь Советской Армии в новую Европу не может рассматриваться как автоматический результат одних лишь соглашений по контролю над вооружениями. Отсутствие ясной перспективы на этом направлении может затормозить процесс объединения Европы, стать причиной новой напряженности в наших отношениях с Западом, источником нестабильности и, следовательно, существенных потерь для безопасности СССР. Военная реформа, логически вытекающая из характера происходящих в обществе кардинальных перемен, давно стала настоятельной необходимостью — для нашей страны, для Европы и всего остального мира.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

Мир меняется

Мировой истории свойственны изменения. И хотя перемены происходят регулярно и зачастую оказывают революционизирующее воздействие на исторический процесс, народы и их лидеры не имеют точного представления о том, как к ним готовиться и как на них реагировать. В последние десятилетия процесс перемен особенно ускорился, серьезно влияет на международные отношения и, как никогда ранее, вынуждает нас задуматься над поиском новых путей и подходов к проблемам международной безопасности.

При рассмотрении этих проблем выделяются три области перемен во второй половине XX в. Первая — область технологии средств коммуникации. Сегодня стал возможен практически постоянный обмен устной, визуальной и документальной информацией, которая пересекает национальные границы и соединяет людей друг с другом. В сочетании с массовыми перемещениями людей и товаров этот процесс привел к тому, что наша планета будто и впрямь стала меньше.

Революция в области обмена информацией в свою очередь привела ко второй группе крупных перемен — усилению взаимозависимости мировой экономики. Вместе со свободным потоком международных финансов, капиталовложений и даже технологии (в основном через многонациональные корпорации) мировое товарное производство стало более взаимосвязанным.

Третье важное изменение произошло в области военной технологии и ее воздействия на ведение войны. Символом XX в., несомненно, останется «ядерный гриб». Наряду с другими факторами ядерное оружие разрушило концепцию войны как продолжения политики. Эта мысль фон Клаузевица, высказанная им в начале XIX в., была воплощением западного стратегического мышления и подвела под войну философские основания. Во-первых, она узаконила войну как рациональный политический выбор для нации. Во-вторых, подготовка к войне стала рассматриваться как логический и неизбежный шаг. Дипломатия была низведена до положения необходимой прелюдии к конфликту, средства создания более благоприятных условий для сражений.

Появление средств массового уничтожения, причем не только ядерных, подрывает упомянутую концепцию. Огромный разрушительный потенциал современного оружия можно представить себе на таком примере: одна стратегическая атомная подводная лодка несет

заряд большей мощности, чем все боеприпасы, примененные во второй мировой войне. Победа более не обусловлена способностью нанести поражение. Прежде для наказания противника необходима была военная победа над ним. Сегодня великая держава, даже находясь на грани поражения, обладает достаточным потенциалом для уничтожения значительной части территории противника. Терпящая поражение сверхдержава может уничтожить вместе с собой весь мир. В мировом ядерном арсенале уже накоплено около 500 кг тринитротолуола на каждого жителя Земли. Всеобщая война в современных условиях бросает вызов бессмертию человечества. Как следствие, даже само понятие «военная сила» претерпело изменения. Оно нацелено сегодня на самоотрицание: не военные средства для достижения политических целей, а политические меры для достижения общечеловеческой цели — выживания.

Другой важный аспект данной проблемы заключается в осознании того, что современные военные разрушения подрывают экологическое равновесие в мире. Мы еще не осознали до конца ни масштаба того ущерба, который уже причинен глобальной экологической системе, ни возможных размеров такого ущерба в будущей войне. Но у нас уже имеется понимание хрупкости существующего равновесия.

Таким образом, коренное изменение в современной обстановке заключается в полной бесполезности всеобщей войны, как ядерной, так и обычной, в качестве способа разрешения споров между народами. Даже небольшие страны не могут себе позволить роскошь конфликта. Но если этот вывод является важной реалией нашего времени, то мы еще недостаточно уяснили его возможные последствия. Как следует разрешать международные споры или исправлять все еще существующие в мире несправедливости? Будущее человечества зависит от ответа на этот вопрос. Чтобы сохранить нашу планету, мы должны предложить новые и альтернативные подходы к проблемам безопасности.

Изменить подходы

Существует два различных подхода к проблеме военных конфликтов. В доминирующем сегодня западном подходе война рассматривается как естественно-исторический процесс. Согласно концепции Гоббса, человек находится в состоянии постоянного конфликта. В соответствии с таким подходом борьба и конфликты суть основной закон природы и, следовательно, они неизбежны. Эволюционная теория Дарвина подтверждала это положение на биологическом уровне, но она была распространена и на область человеческих отношений. С созданием колониальных империй эта идея получила дальнейшее развитие в виде неотъемлемого права белого человека оказывать цивилизующее воздействие на остальной мир — в качестве расширенного толкования концепции выживания наиболее приспособившихся. Следуя этому образу мышления, войну рассматривали как облагораживающий акт, оправданный и по моральным, и по социально-экономическим мотивам.

Сказанное не относится к традициям Востока. Не касаясь специфики других цивилизаций, проследим подходы Индии к данной проблеме. В прошлом в Индии существовало множество точек зрения на проблему конфликтов, что свидетельствовало о влиянии различных цивилизаций. Среди наиболее ранних — «Арташастра» Каутильи, которая предшествовала Макиавеллиевой традиции и служила оправданием законности конфликта¹. В ней теория войны толкуется в манере, очень близкой к западному подходу. На практике эти принципы редко применялись. Как до появления вышеупомянутого трактата, так и после него преобладали взгляды, сохранившиеся в индийской душе до возникновения гандийской традиции; они были выражены в ранних религиозных и философских трудах индийских мудрецов. Эти взгляды предусматривали весьма специфические условия ведения войны; некоторые из них можно обозначить следующим образом:

— война не являлась первейшим средством расширения влияния и владений короля. Предусматривались иные способы, позволявшие менее влиятельному правителю сохранять себя и свое королевство путем подчинения своих интересов более влиятельному правителю без войны;

— война никогда не оправдывалась как продолжение государственной политики, но санкционировалась как средство исправления ошибок. По сути она являлась средством восстановления справедливости;

— самое значительное расширение влияния Индии относится к временам правления Ашоки, когда моральный авторитет короля — а не военные победы — способствовал укреплению индийского королевства, мира и дружбы путем распространения буддизма;

— велись серьезные дебаты относительно уровня сил, которые могли быть использованы, и целей войны. Было достигнуто согласие о том, что силы должны быть ограничены до минимально необходимых, что слабые и нерешительные не должны участвовать в войне, что разрушения должны быть как можно меньшими, а сам конфликт — прекращен при первой же возможности.

Конечно, в прошлом существовали различные подходы к проблеме безопасности, сменявшие друг друга. Не является истинным и утверждение, что конфликт соответствует естественному состоянию человека. Исследуя древние общества, Маргарет Мид пришла к заключению, что «война не была характерным признаком всех обществ и не должна быть особенностью нашего общества вопреки тому, что утверждается в некоторых доктринах о человеческой природе... Война является всего лишь изобретением и, как всякое изобретение, будет заменена более совершенным изобретением»².

Возникает вопрос: можем ли мы избавиться от войны? Здравый смысл подсказывает утвердительный ответ. Ничто не мешает нам от-

¹ Трактат, написанный в III в. до н. э. премьер-министром и религиозным главой при короле Маурья Чандрагунта. В английском переводе известен как «Арташастра», переводчик Р. П. Кэмбл.

² Мид М. Война — всего лишь изобретение, а не биологическая необходимость. — *Эйша*, т. 40, 1950, №8, с. 402—405.

бросить концепцию неизбежных и перманентных конфликтов и вступить в эру мира. Вместе с тем следует учитывать фактор времени. Было бы утопией вообразить возможность выполнения этой задачи сегодня и даже до конца нынешнего века. Сотрудничество не придет на смену соперничеству в один день. Потребуется время, чтобы народы привыкли к мирным отношениям и не искали решений посредством войны. Конфликты между народами будут происходить до тех пор, пока существует несправедливость и не найдены способы ее устранения невоенным путем. Но уже пришло время покончить с большими войнами и способствовать процессу ограничения масштабов насилия в ходе конфликтов. Это — непереносимое условие выживания человечества и самая грандиозная задача, стоящая сегодня перед миром.

Первым шагом должны стать перестройка нашего сознания и отказ от рассмотрения войны как приемлемого способа разрешения межгосударственных споров. Народам надо научиться рассматривать проблему безопасности не только на национальном уровне, но все более — как глобальную проблему. Задача заключается в более широком подходе к вопросам безопасности — не только военной, но всеобъемлющей глобальной безопасности, которая «должна основываться на приверженности идее сохранения жизни друг друга, а не на угрозе взаимного уничтожения». Необходимо активнее переходить от военных способов разрешения конфликтов к альтернативным политическим и дипломатическим.

Эти проблемы неоднократно поднимались Президентом М. С. Горбачевым в его книгах и выступлениях. Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов безопасности в АТР, необходимо ознакомиться с основными чертами нового мышления.

Новое мышление и военные доктрины

Новое политическое мышление не является догмой или доктриной, оно не есть нечто неизменное и постоянное. Как считает М. Горбачев, это — приглашение к диалогу, в котором каждый должен стремиться понять оппонента. Таким образом, это развивающийся процесс, в основе которого лежат три центральные идеи.

Первая: «Ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей... Ядерная же война — бессмысленна, иррациональна... Это, собственно, даже и не война в привычном понимании, а самоубийство»². Проблема выживания является решающей среди всех глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Существует лишь один путь разрешения споров между государствами — путь политического и дипло-

¹ Мир в условиях мира. Доклад Комиссии Пальме по проблемам разоружения и безопасности. Стокгольм, 1989.

² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988, с. 143.

матического диалога. Американские исследователи, разрабатывавшие в 1987 г. рекомендации для ответа США на вызов М. Горбачева, признали, что «Москва и Запад должны вместе вести поиск такого типа международных отношений, который каждый партнер хотел бы иметь на протяжении десятилетий... Следовательно, обе стороны должны начать постоянный политический диалог на высшем уровне»¹.

Вторая идея — неделимость безопасности. В наш век безопасность может быть только всеобщей и равной для всех. Не может быть большей безопасности у одного народа за счет другого. Если какой-то народ будет обеспокоен недостаточной безопасностью своего существования, он предпримет соответствующие меры, что в свою очередь может вызвать гонку вооружений. Так же как и в ядерной войне, в гонке вооружений не может быть победителей. Характеристики современного оружия не оставляют ни у одного государства надежд на возможность защитить себя лишь военно-техническими средствами, даже с помощью самой мощной системы обороны. Не может более оставаться основой международной безопасности военный паритет, поддерживаемый на высоком уровне. Поэтому следует сократить вооружения до уровня «разумной достаточности» и снизить уровень военного противостояния.

Наконец, третья идея состоит в том, что основой международных отношений является мирное сосуществование. «Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск общечеловеческого консенсуса в движении к новому мировому порядку»². В поисках решения мировых проблем нужны усилия многих стран и включение в этот процесс международных организаций. М. Горбачев особо подчеркнул, что сегодня лишь с помощью ООН можно вести поиски «баланса интересов государств, без чего не будет стабильности в мире»³. Следовательно, нужно укреплять ООН, усиливать и расширять ее влияние, ее юридические права. С этой целью США и СССР выступили 3 ноября 1989 г. с совместным предложением об усилении миротворческой роли ООН.

Новое политическое мышление самым непосредственным образом влияет на военные доктрины. До сих пор военную доктрину понимали как систему взглядов на подготовку и ведение войны. Теперь главное внимание в военной доктрине должно быть сосредоточено на предотвращении войны. Этого нельзя достичь посредством политики взаимного недоверия и страха, которая является сутью «ядерного сдерживания». Такая политика гарантирует не прочный и длительный мир, а лишь хрупкое перемирие, прекращение огня в условиях, когда конфликт не урегулирован. Вместо нее Советский Союз предложил добиваться в военной области «взаимной оборонной достаточности». М. Горбачев предлагает осуществить ряд мероприятий с целью установления всестороннего равновесия сил оппонентов на минимально возможном уровне.

¹ Най Дж. С., Макмиллан В. Как Америка должна ответить на вызов Горбачева? — Нью-Йорк, Институт изучения проблем безопасности Восток—Запад, 1987, с. 32.

² Горбачев М. С. Речь на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1988 г.

³ Горбачев М. С. Перестройка..., с. 142.

Эта оборонительная стратегия получила дальнейшее развитие в исследовании советских ученых. Ее компонентами являются:

- ограничение масштабов и характера военных учений до уровня, необходимого для решения только оборонительных задач;
- стабилизация положения в мировом океане путем ограничения военно-морских операций;
- ограничение численности войск, привлекаемых к крупным учениям, в особенности ВМС и ВВС;
- сокращение числа кораблей, в особенности носителей ядерного оружия, до уровня, который не противоречит оборонительной стратегии;
- предотвращение гонки вооружений, особенно в области ударного оружия космического базирования;
- сокращение военных бюджетов;
- постепенное снижение объемов военного производства до минимально возможного уровня.

Вместе с тем советские военные специалисты настаивают на том, что проблема оборонной достаточности не может быть решена в одностороннем порядке. В этом проявляется основное различие между данной доктриной и пацифистскими предложениями об одностороннем разоружении и пассивной защите своей территории, которые выдвигаются теоретиками «оборонительной обороны» в Западной Европе.

Стратегическое значение АТР

Международные отношения в Азии не ограничиваются двусторонними рамками, как, например, в Европе, где НАТО и ОВД противостоят друг другу. Здесь преобладают более разнообразные отношения. Центральное место занимает конфронтация США и СССР, в которой Китай играет независимую роль, несмотря на то что США склонны видеть в нем союзника. Это придает стратегической ситуации в АТР форму «треугольника», в котором Китай заметно усилил свое стратегическое положение и получил чуть ли не роль арбитра. С другой стороны, Япония, являясь стратегическим протекторатом США, одновременно выступает в роли их главного экономического конкурента. В отношениях со странами Юго-Восточной Азии Япония играет явно независимую роль.

Безопасность в регионе в значительной мере определяется характером этих многосторонних отношений. Помимо отношений между США и СССР и этих двух стран с Китаем, важную роль в регионе играют отношения между Японией и Индией, а также между Индией и Китаем. Для поддержания прочной безопасности в Азии необходим учет и уравнивание законных интересов всех стран. Попытки укрепления позиций одной из них за счет других нарушат это равновесие и приведут к дестабилизации. Фактически большинство конфликтов в Азии в прошлом было прямым следствием попыток усиления влияния либо за счет стран «третьего мира», либо за счет других держав.

Один из ведущих советских ученых сформулировал недавно двенадцать причин, объясняющих, почему азиатско-тихоокеанский регион приобрел все более возрастающее стратегическое значение¹. Вот некоторые из них:

здесь сейчас самые высокие темпы развития в мире. Многие страны, помимо Японии, показали грандиозный экономический рост. Для четырех новых индустриальных стран и Китая темпы роста в последние годы составили около 10% в год;

регион занимает ведущие позиции в современном мире по разработке и внедрению новейших технологий;

четыре из пяти ведущих центров силы современного мира взаимодействуют в регионе (США, СССР, Китай и Япония);

в регионе находятся наиболее населенные страны мира, в которых проживает три четверти человечества. Здесь самые высокие темпы роста населения;

моря и океаны играют важную роль в жизни этих стран. Соответственно и некоторые наиболее важные вопросы их безопасности связаны с безопасностью на море;

после второй мировой войны в этом регионе произошел ряд опасных военных конфликтов, более масштабных, чем где-либо. И даже в настоящее время из всех военных конфликтов на планете почти половина происходит именно здесь.

США также рассматривают зону Тихого океана как стратегический регион. Ведущий американский исследователь выделил в нем два отличительных фактора, помимо быстрого экономического роста. Первый: в этом регионе Советский Союз может совершить прямое нападение на Соединенные Штаты и их союзников. Второй: США могут здесь с успехом осуществить эскалацию конфликта в случае неуспеха в Европе². И хотя такая оценка была дана два года назад, она все еще остается преобладающей. США рассматривают свое положение в Европе как весьма уязвимое. В то же время в АТР, с учетом сил союзников и собственного военно-морского перевеса, они считают свои позиции прочными и обеспечивающими превосходство над СССР. США намерены сохранять здесь свое преимущество.

Районы потенциальных конфликтов

В отличие от позитивных тенденций в отношениях Восток—Запад в Европе конфронтация США и СССР в АТР остается высокой. Тихоокеанское командование США — одно из самых крупных, в зону его ответственности входят Тихий и Индийский океаны, а также весь Азиатский материк.

¹ См.: Трофименко Г. Долгосрочные тенденции в АТР: советская оценка. — *Эйшн сервей*, т. XXIX, 1989, № 3, с. 233—242.

² См.: Фукуяма Ф. Азия в глобальной войне. — *Comparative Strategy*, V. 6, 1987, № 4, p. 387—413.

В Азии существует шесть основных районов потенциальных конфликтов, имеющих свои особенности. Их характеризует прежде всего военно-морское противостояние США и СССР. Военно-морские силы вообще не рассматривались на переговорах по ограничению и сокращению вооружений, что привело к дальнейшему распространению ядерного и обычного оружия в Мировом океане. Дополнительным фактором, обостряющим военное соперничество на море, являются ВМС Китая и Японии. В этих условиях возможность случайного, непреднамеренного конфликта весьма высока.

В двух районах потенциальных конфликтов происходит заметное улучшение положения; это пограничные районы Советского Союза и Китая, а также Китая и Индии. Китайско-советские отношения занимают второе место по стратегической важности в современном мире, и всякое их улучшение оказывает значительное положительное влияние на ситуацию в мире в целом. Сегодня состояние этих отношений обнадеживает. Произошло также улучшение китайско-индийских отношений, состоялись переговоры на высоком уровне по пограничным вопросам. Предстоит еще многое обсудить и улучшить политический климат в обеих странах, чтобы добиться дальнейшего прогресса в их отношениях.

Чреваты конфликтами китайско-тайваньские отношения, а также отношения Китая со странами ЮВА. Есть надежда, что не будет предприниматься попытки разрешить тайваньскую проблему с помощью военной силы и продолжится поиск ее политического решения. Что же касается стран ЮВА, то ситуация здесь не столь обнадеживающая. В последнее время два фактора накалили обстановку в этом районе. Во-первых, притязания Китая на акваторию Южно-Китайского моря вплоть до территориальных вод стран ЮВА. Заявления китайских руководителей о намерении отложить политическое решение данной проблемы на будущее недостаточно убедительны для народов стран ЮВА. Вторым моментом является камбоджийский конфликт. Поддержка Китая «красных кхмеров» на парижской конференции препятствует урегулированию конфликта. Все это опасные признаки возможных интервенций в районах, которые Китай продолжает рассматривать как зону своих интересов.

Еще одним опасным районом является Корейский полуостров, в конфликтную ситуацию вокруг которого вовлечены США, СССР и Китай. Этот район продолжает оставаться одной из самых горячих точек в мире с очень высокой концентрацией войск и вооружений, находящихся в состоянии боевой готовности по обе стороны демаркационной линии. Существует как стремление к объединению Кореи, так и нежелание идти на уступки или выдвигать какие-либо смелые инициативы. Учитывая враждебность сторон, здесь вряд ли возможно быстрое улучшение положения, хотя ослабление напряженности вполне достижимо.

Существуют и другие тревожные моменты, связанные с безопасностью в регионе. Один из них — отсутствие нормальных отношений между Японией и Советским Союзом. Сегодня, в период улучшения

отношений двух сверхдержав, советско-японские отношения также могут и должны быть улучшены. Пора прекратить формально существующее состояние войны. Приведет ли это к участию Японии в освоении Сибири — другой вопрос. Важно улучшить политический климат путем нормализации советско-японских отношений, что непременно положительно скажется на всей обстановке в регионе. Так же как нормализация советско-китайских отношений позволила снизить напряженность на Корейском полуострове, советско-японская разрядка может способствовать вовлечению Северной Кореи и Вьетнама в бурно развивающееся экономическое сотрудничество в АТР.

Другой областью соревнования и, следовательно, напряженности является экономика. Мировое развитие в последнее десятилетие уходящего века и в первые годы грядущего будет в значительной степени определяться экономическими факторами. Невоенные аспекты безопасности уже сейчас привлекают пристальное внимание во всем мире, приобретая все более важное значение. Так, по данным опросов, проведенных в США, американцы видят сегодня главную угрозу для себя не в советской военной мощи, а в японском экономическом могуществе и считают, что главное внимание следует сосредоточить не на проблеме обычной или ядерной войны, а на войне с наркобизнесом.

Перед странами АТР стоит задача перевести потенциально конфликтное положение в обстановку гармонии и сотрудничества. Для этого необходимо развивать концепцию «предотвращения войны и всеобъемлющего подхода к миру во всем мире, социальной справедливости, экономического развития и защиты окружающей среды»¹.

Путь к безопасности

Первый вопрос, который следует рассмотреть, — о механизме переговоров и региональных консультаций. Должна ли быть созвана азиатско-тихоокеанская региональная конференция, или встреча на высшем уровне руководителей двух либо более ведущих держав региона, или же все вопросы должны рассматриваться на региональном уровне? Достаточно убедительные аргументы имеются в пользу каждого из предложенных вариантов.

Ограничивать участие в конференции сверхдержавами или постоянными членами Совета Безопасности ООН было бы нежелательно. В регионе есть такие страны, как Япония, Австралия, Индия, Индонезия и др., которые играют достаточно важную роль, обладают значительным влиянием в своих районах, и с их точкой зрения нельзя не считаться.

Следующий вопрос: должны ли переговоры вестись на субрегиональном или региональном уровне? Следует признать, что большинство проблем безопасности имеет, по существу, двусторонний либо субрегиональный характер. Для рассмотрения специальных вопросов, та-

¹ Мир в условиях мира..., с.7.

ких, как снижение уровня военного противостояния, обсуждение оперативных вопросов или развития доверия в отношениях между государствами, наиболее удобным является субрегиональный или двусторонний уровень. Но есть и другие проблемы, скажем ограничение военно-морских сил, безопасность морских коммуникаций, ядерное разоружение, сокращение потенциала вторжения и т. п., которые требуют более широкого консенсуса, что в свою очередь вызывает необходимость проведения регионального обсуждения. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе — пример успешного форума, который может быть применен и в Азии. Такая форма переговоров позволит проявиться всему многообразию и многополярности отношений и интересов в Азии и обеспечит проведение открытого и серьезного обсуждения основных проблем, стоящих перед регионом.

К сожалению, многочисленные инициативы Советского Союза в этом плане не получили пока поддержки ни со стороны стран АТР, ни со стороны США. Продолжает доминировать теория «советского экспансионизма» и боязнь попасть в «ловушку». Так, наиболее распространенным является мнение, что посредством инициатив Советский Союз стремится укрепить свое влияние в Азии. Предпринимаются также попытки навязать предварительные условия еще до начала какого-либо взаимодействия. Вот пример из статьи В. Жискара д'Эстена, Я. Накасоне и Г. Киссинджера, опубликованной в американском журнале «Форин афферс»:

«Не должно быть никаких помех тому, чтобы Советский Союз мог стать хорошим партнером азиатско-тихоокеанского сообщества, при условии, что советские войска в регионе будут сокращены, неурегулированные вопросы постепенно разрешены и устранены барьеры, которые сегодня мешают азиатским районам Советского Союза сотрудничать со своими соседями»¹.

Эти барьеры уже устранены. Советские войска выведены из Афганистана. В Камбодже больше нет вьетнамских войск. Происходит нормализация советско-китайских отношений и демилитаризация их границы. Советский Союз в одностороннем порядке сократил свои вооруженные силы в регионе и уничтожил ядерное оружие средней и меньшей дальности в своей азиатской части. Что же остается?

Один из советских исследователей отметил, что не могло состояться серьезных переговоров в Хельсинки, пока Советский Союз не предложил взаимовыгодную повестку дня. Поэтому он считает, что точно так же Москве следует предложить Вашингтону «корзину, содержащую интересы и приоритеты обеих сторон»: систему кризисного урегулирования в регионе, безопасность морских коммуникаций, культурный и гуманитарный обмен. «Поиск взаимных уступок в военной сфере является прерогативой военных экспертов, но, не остановив роста вооружений в регионе, мы не сможем подобрать ключ к гарантиям безопасности»². Запад уже начинает осознавать, что дальнейшее про-

¹ *Форин афферс*, т. 68, 1989, № 3, с. 16.

² Носо в М. Г. СССР и безопасность в АТР. — *Asian Survey*, V. XXIX, 1989, № 3, p. 255—256.

медление с ответом на советские инициативы может привести к тому, что он останется за бортом этого процесса.

Далее, не менее важно договориться о принципах международных отношений в АТР. Азиатские государства и в прошлом выдвигали многие важные предложения. Наиболее значительным из них является «панча шила», или пять принципов мирного сосуществования, провозглашенных в Бангкоке в 1955 г. Следующим кульминационным моментом стала Делийская декларация «Принципы свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира», подписанная в ноябре 1986 г. М. Горбачевым и премьер-министром Индии Р. Ганди. Ее десять статей — это не только принципы мирного сосуществования, но уже готовая повестка дня для первой конференции АТР, которая, конечно, может быть уточнена и дополнена.

Действия по снижению военной напряженности должны осуществляться по двум параллельным направлениям, главным из которых является процесс контроля над вооружениями и разоружения. В то же время благоприятная обстановка для него должна обеспечиваться мерами по укреплению доверия. Но и сам процесс укрепления доверия требует определенных исходных условий, одним из которых является тот механизм доверия в отношениях сторон, который позволит начать диалог. Так, серьезные переговоры могут начаться лишь в том случае, если между сторонами не существует территориальных проблем либо когда эти проблемы разрешены к удовлетворению обеих сторон. Затем необходимо устранить диспропорции в вооруженных силах и вооружениях сторон, которые весьма значительно влияют на восприятие народами степени угрозы, исходящей от других стран. Наконец, последнее предварительное условие — оценка существующей угрозы и ее характера — политического, экономического, идеологического или религиозного. Выражает ли она стремление к гегемонии или к контролю над сырьевыми ресурсами и торговлей в регионе? Лишь уяснив характер угрозы, можно добиваться ее устранения.

Когда эти предварительные условия выполнены, можно начинать реализацию мер доверия в следующей последовательности:

обмен делегациями на политическом и военном уровнях, а также расширение народной дипломатии. Неофициальные контакты в социальной, культурной и спортивной областях. Обмен информацией, книжный обмен и т. д.;

обмен информацией по военным организациям, военному строительству и доктринам;

обмен на регулярной основе визитами представителей командования противостоящих сторон. Приглашение наблюдателей на военные учения. Интенсификация контактов между военными;

обсуждение проблемы перестройки вооруженных сил в соответствии с оборонительными доктринами;

большая открытость во всех аспектах военных приготовлений; перестройка сил в соответствии с принятой концепцией «оборонной достаточности».

Что касается указанной концепции и переориентации военных

доктрин, то здесь еще предстоит приложить немало усилий. Должны быть обсуждены на многосторонней основе и учтены региональные и другие особенности. Основные положения концепции и оборонительных доктрин могут быть сформулированы лишь в результате их активного обсуждения всеми заинтересованными сторонами и, на мой взгляд, должны исходить из следующего:

— вооруженные силы ни одной из сторон не должны обладать возможностями для ведения широкомасштабных наступательных операций, что само по себе исключает возможность развязывания войны;

— необходимо устранить всякие стимулы — военные, политические и психологические — для гонки вооружений, как качественной, так и количественной, одновременно с устранением военной угрозы;

— при отсутствии внешней опасности откроются все двери для многостороннего взаимовыгодного диалога между всеми заинтересованными странами.

Заключение

Динамичные изменения, происшедшие на нашей планете в последние годы, предоставляют «историческую возможность для создания жизни более безопасной, гуманной и мирной»¹. В то же время технологические возможности позволяют уничтожить планету вместе со всеми ее обитателями такими способами, которые несколько лет назад трудно было даже предвидеть. Новые военные технологии сделали границы непрочными и лишили все государства возможности гарантировать безопасность своих граждан одними лишь военными средствами. Поэтому сегодня, как никогда ранее, проявилась необходимость безотлагательного утверждения нового мышления, способного найти способы разрешения возникающих проблем.

И если в Европе движение в этом направлении уже началось, то в АТР все еще впереди. Здесь необходимо создать организационные структуры для изучения и разрешения существующих проблем справедливым и взаимоприемлемым образом. Ядерное оружие необходимо уничтожать постепенно, но все без исключения. Нужно ограничить ВМС, причем оставшиеся силы должны действовать лишь у своих берегов. Следует выработать принципы межгосударственных отношений, которые утверждали бы ненасильственный мир, а вооруженные силы перестроить в соответствии с принципом «оборонной достаточности». Наконец, каждое государство должно быть уверено не только в своей безопасности, но и в лучшем завтрашнем дне для нынешнего и грядущих поколений.

¹ Мир в условиях мира..., с. 67.

**Образ армии
в общественном
сознании**

СТАРЫЕ ДОГМЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

В последние годы, после апреля 1985-го, весьма часто употребляется понятие «новое политическое мышление». Оно возникло прежде всего в границах внешней политики нашего государства, ибо это была прямая реакция, с одной стороны, на беспрецедентные реалии ядерного века, а с другой — на догматизм, наложивший отпечаток на внешнюю политику, на недопустимое ее отставание от фундаментальных изменений в мире, что привело к втягиванию нашей страны в гонку вооружений с соответствующими последствиями, к падению международного престижа Советского государства, снижению доверия к его внешней и внутренней политике. Как отмечал М. С. Горбачев, «командно-административные методы не обошли и внешнеполитическую область. Случалось, даже важнейшие решения принимались узким кругом лиц, без коллективного, всестороннего рассмотрения и анализа, а иногда и без должного совета с друзьями. Это приводило к неадекватной реакции на международные события и политику других государств, а то и к ошибочным решениям»¹.

Апрель 1985 г. положил начало коренной переоценке ценностей во внешнеполитическом мышлении. Во главу угла был положен гуманистический принцип общественного прогресса: интересы спасения человеческой цивилизации от ядерного уничтожения стоят выше любых классовых, идеологических, материальных, личных и прочих интересов. Можно сказать, что новое политическое мышление, возникнув в лоне внешней политики, охватывает сегодня и внутреннюю политику, ее магистральные направления. По своей глубинной сути это новая специфическая мировоззренческая ориентация.

Сообразуясь прежде всего со степенью обобщенности, масштабно-сти знаний-убеждений и сферой приложения их социально-ориентационных возможностей, правомерно, на мой взгляд, условно выделить два взаимосвязанных основных уровня мировоззренческой ориентации различных субъектов: а) уровень общемировоззренческой ориентации, позволяющий субъектам осуществлять макродифференциацию действительности, оптимизировать баланс между миром человека и миром его окружения, природным и социальным, определять свое

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., Политиздат, 1988, с. 28.

место в нем, находить смысл жизни, моральный и эстетический идеалы. Этот уровень ориентации «обеспечивают» преимущественно философские, философско-этические и эстетические знания-убеждения; б) уровень специфической мировоззренческой ориентации, выводящий субъект на специальный дифференцированный, ценностный подход, способствующий выработке определенного отношения, позиции в различных областях общественной жизни. Здесь речь может идти о таких видах специфической мировоззренческой ориентации, как социально-экономическая, социально-экологическая, социально-политическая, в том числе военно-политическая, правовая, социально-историческая, естественнонаучная, и некоторых других. Этот уровень «обеспечивается» философскими (включая военно-философские) знаниями-убеждениями, а также знаниями-убеждениями, связанными с фундаментальным обществознанием и естествознанием, а также военно-специальными знаниями. Относительность такого разграничения очевидна, уровни ориентации глубоко взаимопроникают, однако оно позволяет конкретизировать, целенаправленно формировать научное мировоззрение советских людей, воинов армии и флота в современных условиях.

Каково же соотношение новой мировоззренческой ориентации и нового политического мышления?

Базовым понятием здесь можно считать «социальное мышление». Имеется в виду способность личности к анализу и обобщениям, творческому целеполаганию и социальному предвидению, к мысленному построению социальных моделей и проигрыванию в сознании социальных ситуаций. Соответственно, политическое мышление можно квалифицировать как высший уровень социального мышления, заключающийся в творческом анализе внутренних и внешних политических ситуаций и мысленном моделировании социально-политических процессов, связанных прежде всего с проблемами власти, государственно-го управления, классовых, национальных и межгосударственных отношений, войны и мира. Новое политическое, в том числе военно-политическое, мышление — это по своей глубинной сути перестройка ценностно-смысловых структур сознания, это новое видение мира, принципиально новаторская военно-политическая ориентация. Речь, видимо, должна идти, если иметь в виду логико-методологические предпосылки построения военной политики, об определенной переоценке ценностей концептуального характера по ряду фундаментальных проблем общественного развития.

Таким образом, новое политическое, в том числе военно-политическое, мышление можно квалифицировать как новую политическую мировоззренческую ориентацию (ориентации) и вместе с тем как ее (их) определенную предпосылку. Глубинной сутью и нового мышления, и новой мировоззренческой ориентации (ориентаций) является диалектика, а точнее, диалектическое мышление. Поэтому некорректной представляется трактовка нового мышления как «новой формы диалектического мышления». Если следовать логике рассуждений одного из авторов весьма солидной монографии, то качественно новый

подход к проблемам, т. е. отказ от целого ряда прежних формул и выводов во имя новых, т. е. «самоочищение теории и ее обновленное формирование» — это и есть «новая форма диалектического мышления»¹. Но ведь диалектическое мышление как таковое имманентно предполагает и «самоочищение», и «обновление». Без этого мышление просто перестает быть диалектическим. При чем же здесь какая-то его «новая форма»? Диалектичность должна означать прежде всего отказ от тех или иных догм и на Востоке, и на Западе, и в Советском Союзе, и в Соединенных Штатах Америки. Ведь новое политическое, в том числе и военно-политическое, мышление — антидогматическое мышление. Оно не означает перехода в другую «идеологическую веру» (хотя наступила пора отказа от идеологического экстремизма), но свидетельствует о раскрепощении общественного и индивидуального сознания, его освобождении от закостеневших догм и стереотипов мышления, не подтвержденных жизнью и не адекватных беспрецедентным реалиям современного мира.

В этой связи подчеркнем, что политика всегда идеологически мотивирована, как, впрочем, и любая практическая человеческая деятельность, которая не может не быть материализацией определенных идей. Мы знаем, какое значение «производству идей» придается в США и насколько фундаментально обосновывалась американская военная политика после второй мировой войны теоретико-идеологическими концепциями, разрабатывавшимися соответствующими центрами типа «Рэнд корпорейшн», советологическими исследовательскими центрами при крупнейших университетах США. Военно-политические идеи разрабатываются и в нашей стране, и я не думаю, что деидеологизация межгосударственных отношений, приверженность к которой мы связываем с новым политическим мышлением, тождественна освобождению военной политики от теоретико-идеологической детерминации, в которой, к сожалению, остается немало места для догм и предрассудков. Таким образом, и у нас и на Западе имеется значительное поле деятельности по их преодолению, без чего невозможно построение современной системы международных военно-политических отношений.

Сейчас мне хочется упомянуть о некоторых наших догмах, т. е. о наших «болевых точках» в политическом мышлении, причем не столько в аспекте благих намерений, сколько в плане начавшегося реально процесса обоснования теоретико-логических и методологических новаций.

Догма первая: о всемирности процесса формационного (коммунистического) развития человечества. Сегодня мы понимаем неправомерность абсолютизации и тем более навязывания другим народам сложившейся социальной модели не только в силу имевших место деформаций гуманного, научного социализма, но и потому, что, устранив их, мы находимся пока на исходных, стартовых позициях в отношении к высокоразвитым цивилизациям. Это, естественно, не означа-

¹ См.: Маркс. К. Философия. Современность. М., 1988, с. 367—368.

ет принижения огромных усилий и затрат нашего народа, а также исключения возможности восприятия в принципе подлинно социалистического идеала другими общественными структурами.

Отмеченная выше догма отрицательно повлияла на выработку ряда аспектов советской военной политики, о чем мы искренне сожалеем. Выступая перед китайской общественностью в мае 1989 г., М. С. Горбачев говорил: «Именно навязывание или копирование одной модели, к тому же отнюдь не безупречной, явилось в прошлом причиной многих осложнений в развитии мирового социализма. Урок этот мы усвоили твердо»¹.

Догма вторая: абсолютизация противоположности капитализма и социализма, видение их только в черно-белых красках, категорическое отрицание любых конвергентных аспектов вопреки, во-первых, объективному нарастанию взаимозависимости мировых сообществ перед лицом ядерных и экологических угроз и, во-вторых, ряду общих черт, обусловленных тем, что различные социальные системы — это общественные организмы, объединенные одной планетарной судьбой и общей принадлежностью к роду человеческому и, конечно, к Космосу.

Мы преодолеваем эту догму, также наложившую печать на военную политику прежде всего в плане придания ей чрезмерной жесткости, недоверия к оппонентам, конструирования «образа врага», конфронтационного характера и апологетики военно-силовых приемов разрешения международных споров и проблем. Но, конечно же, наше военно-политическое обновление не локальный процесс. Он будет идти тем успешнее, чем лучше нас будут понимать наши оппоненты на Западе, чем глубже они проникнутся сознанием, что наше обновление и возрождение, которым мы не видим альтернативы, необходимы для мира и прогресса человечества и что наши усилия не должны быть односторонними, тем более что усложнение международной ситуации в минувшие годы было связано отнюдь не только с догмами и предрассудками одного лишь Востока.

Сегодня мы лучше, чем когда бы то ни было, сознаем абсолютную необходимость новых подходов, новой методологии в оценке соотношения приоритетов обеспечения национальной безопасности. Да, мы добились в 70—80-х годах военно-стратегической мощи, способной достойно ответить на любую агрессию. Да, мы обеспечили принципиальный паритет с США по темпам роста валового национального продукта и производительности труда, а по уровню жизни населения, по средней продолжительности жизни и по детской смертности занимаем тревожные места в мире. В этом смысле наши национальные интересы находятся под угрозой, которая является следствием внутренних деформаций социализма. Их устранение, перестройка — важнейшие факторы упрочения нашей национальной безопасности в системе ее приоритетов.

Третья догма. Она связана с оценкой перспектив общественного прогресса, который рассматривался нами крайне зауженно, лишь под

¹ *Правда*, 1989, 18 мая.

углом зрения ликвидации капитализма и непосредственного перехода к социализму во всемирном масштабе. Необоснованно уверовав в триумфальное шествие мирового революционного процесса, жестко абсолютизовав феномен социалистической ориентации в ряде развивающихся стран, мы с начала 60-х годов впали в безудержную военно-политическую эйфорию. Был выдвинут самонадеянный прогноз о безальтернативном движении ряда стран, обретших политическую независимость в итоге национально-освободительных революций, к политической, а затем экономической независимости с последующим однозначным социалистическим финалом в течение одного-двух поколений.

Отсюда догматический вывод о неуклонном изменении соотношения противоборствующих сил в мире в пользу мирового социализма. Не проявилась ли в этой догме ностальгия части политических деятелей времен застоя о не состоявшейся в свое время мировой социалистической революции? Как бы там ни было, но эта догма идеологически питала силовую и в определенной мере авантюристическую ориентацию; полное отрезвление пришло только с Афганистаном.

Наконец, еще об одной догме (в принципе их, конечно, больше), затрагивающей собственно идеологическую сферу и обусловившей в значительной мере предыдущие. Давно выработанный, устоявшийся постулат гласит: мирное сосуществование не распространяется на область идеологии, никаких компромиссов здесь быть не может, любой компромисс в этой области квалифицируется как отступление от марксизма-ленинизма, как измена нашему идеологическому кредо, принципу классового подхода. Между тем позволительно поставить чисто теоретические вопросы, не затрагивая даже новых беспрецедентных реалий нашего времени: возможно ли жестко локализовать, автономизировать, изолировать, отгородить «китайской стеной» идеологическую сферу от практически-политической, экономической, культурной? Ведь именно в марксизме доказана глубокая системность, целостность общественного организма, недопустимость метафизического отрыва каких-то сторон, граней социальной реальности, жесткого обособления их в теоретико-методологическом анализе. В социальной практике неправомерность жесткого градуирования еще более очевидна: ведь практическая политика, в том числе военная, более того, любая социально значимая человеческая деятельность — это всегда материализация тех или иных идей, а применительно к политике — идеологических установок, воззрений, концепций, доктрин, о чем упоминалось выше.

Уже сегодня анахронизмом выглядит недавняя догма о том, что мирное сосуществование — это форма классовой борьбы и что оно проводится в межгосударственных отношениях, затрагивающих любые области, кроме идеологической.

Иногда, стремясь обосновать недопустимость мирного сосуществования в идеологической области, ссылаются на В. И. Ленина, на его знаменитые положения из книги «Что делать?» и других работ. Но разве из этих положений вытекает запрет на мирное сосуществование

в идеологической области, тем более на все исторические времена? Разве мирное сосуществование исключает соперничество, а в определенных случаях и борьбу социалистической и буржуазной идеологий по главным, основополагающим проблемам? И почему мирное сосуществование в сфере идеологии должно исключать идеологическую принципиальность, приверженность сути и основам идеологии гуманного, демократического социализма и вместе с тем компромиссы, не затрагивающие этих основ? Почему ленинская дифференциация компромиссов, представленная в его книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», не может быть распространена на область идеологии? Разве Брестский мир не был также идеологическим компромиссом?

И что такое вообще, в принципе идеологический компромисс? Прежде всего, как и любой другой, он может быть двоякого рода, если абстрагироваться от частных: либо отказ от основ исповедуемой человеком, классом, обществом идеологии — и в этом случае речь, строго говоря, должна идти о капитуляции, сдаче позиций и, скорее всего, обращении в другую «идеологическую веру». Либо отказа и отстранения от своей идеологии, ее коренных положений, принципов и основ нет, но зато предполагается пересмотр ряда устаревших, не отвечающих новым историческим условиям идеологических положений, ошибочных суждений, стереотипов мышления, заблуждений и, соответственно, творческое переосмысление и корректирование определенных идеологических концепций.

Наконец — и это сегодня чрезвычайно важно, — видимо, необходим отказ от некоторых идеологических догм во имя сохранения человеческой цивилизации, трудящихся классов и их идеалов. В этом смысле изменения взглядов на соотношение ракетно-ядерной войны и политики, на систему безопасности в мире, на характер военно-стратегического паритета между СССР и США, другие новые повороты в идеологических аспектах внешней и военной политики — не есть ли это примеры подвижек в идеологической области, своего рода идеологические компромиссы? Не являются ли своеобразными взаимными компромиссами идеологические установки, лежавшие в основе встреч на высшем уровне в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, Москве и на Мальте? Не случайно М. С. Горбачев развязку рейкьявикского пакета, выделение из него проблемы ракет средней дальности в Европе квалифицировал как «новый крупный, компромиссный шаг»² (выделено мной. — В. Г.). То, что этот шаг имеет идеологический характер, не вызывает сомнений хотя бы потому, что идеология, как известно, — это система политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и других идей, теорий, установок, выражающих интересы определенных классов, а также различных социальных групп.

Научная социалистическая идеология, следовательно, не исчерпывается коренными положениями марксизма-ленинизма, а включа-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 111.

² См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988, с. 158.

ет в себя наряду с другими взгляды и установки по важнейшим текущим проблемам мировой политики. То, что рейкьявикский пакет выражал такие, т. е. политико-идеологические, установки, совершенно очевидно. Если так — а для этого, как видим, имеются достаточные основания, — то можно в целом заключить, что мирное сосуществование в идеологической сфере и заключается, с одной стороны, в соперничестве различных идеологий, а с другой — в возможности и необходимости специфических, частных идеологических компромиссов, а также духовных взаимообогащений.

Термин «взаимообогащение» не должен вызывать отрицательные эмоции. Ведь речь идет прежде всего о познании определенных идей и концепций — философских, социологических, политологических, политэкономических, эстетических, юридических, — разрабатываемых буржуазными теоретиками. Они весьма неоднозначны с точки зрения политической ориентации и степени адекватности жизненным реалиям. Но их познание необходимо, во-первых, в целях овладения духовными ценностями человеческой цивилизации; не случайно издаются в нашей стране забытые, а точнее, почти неизвестные советским читателям творения В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и других мыслителей России, переводятся на русский язык произведения Ф. Ницше, З. Фрейда, Э. Фромма, А. Камю, Ж. П. Сартра и некоторых других. Конечно, философия не тождественна идеологии, но и отрицать идеологичность как имманентное качество философских доктрин невозможно.

Во-вторых, современные буржуазные теоретико-идеологические концепции содержат такие конструктивные идеи, которые могут быть учтены в ходе нашей перестройки (например, некоторые положения западной политологии, юриспруденции, политэкономических, социологических, в том числе военно-социологических, искусствоведческих теорий).

В-третьих, нам необходимо обогащаться знаниями буржуазной идеологии в целях ее взвешенной и аргументированной критики.

Наконец, в-четвертых, целесообразно изучать и «взгляд на нас со стороны» для лучшего познания самих себя. Как справедливо отмечается в современной публицистике, общество, не прислушивающееся к аналитическому мнению извне, по существу, лишается важного дополнительного источника самопознания.

Одним из таких источников является тот весьма внушительный по объему комплекс идей и концепций, который функционирует в крупнейших капиталистических странах под именем советологии и по отношению к которому у нас сегодня произошли определенные изменения. Их суть в том, что, хотя советологические концепции, несомненно, участвуют в борьбе идей и «психологической войне» против социализма, советология как научная дисциплина по своим задачам, средствам и формам деятельности не тождественна средствам и формам антисоциалистической пропаганды. Поэтому неправомерно полагать, что вся советологическая продукция однозначно «завязана» на фальсификацию и извращение реального положения в Советском Союзе.

Поскольку мы живем во взаимосвязанном мире, аналитический «взгляд со стороны» не может нам быть безразличен.

Сказанное позволяет подчеркнуть: мирное сосуществование в ракетно-ядерную эру и в обстановке назревающих глобальных экологических кризисов, выводящее за свой порог идеологическую область, оставляет открытой «дверь» в непредсказуемые трагические последствия для судеб человечества. Такой подход тормозит развитие нового военно-политического мышления, в целом перестройку международных военно-политических отношений.

Сосуществовая в целом, нельзя не сосуществовать в какой-то части целого. В таком плане, как нам представляется, мыслит и М. С. Горбачев, когда пишет: «Экономическое, политическое, идеологическое соревнование между капиталистическими и социалистическими странами неизбежно. Но его можно и нужно удержать в рамках мирного соперничества, обязательно предполагающего сотрудничество. Пусть каждый народ разбирается, какой строй лучше, какая идеология лучше»¹.

Сосуществовать — это вовсе не означает примирять различные идеологии, тем более сближать и сливать их. Многих гипнотизирует «мир». Полагают, что в этом случае речь идет об идеологическом мире вместо идеологического соперничества. Но почему-то допускают «примирение» в политической области, «забывая», что последняя связана с системой государственной власти, принципами политического устройства, самими основами общественного строя и, казалось бы, никакого примирения здесь также быть не может. Главное же заключается в том, что мирное сосуществование различных систем, как это всем давно и хорошо известно, предполагает, в главном и основном, исключение войны как средства разрешения социально-политических противоречий.

Поэтому борьба (не вооруженная, не война) сохраняется и ведется во всех областях, в том числе, как было подчеркнуто выше, идеологической, с учетом, конечно, специфики последней. Термины «война» и «борьба» принципиально различны. Жесткая конкурентная борьба ведется и между идеологически однотипными государствами. Более того, даже ограниченное вооруженное насилие пока, к сожалению, используется в экономической, политической борьбе между государствами идентичных и различных социальных типов. О каком же мире в идеологической области можно говорить в условиях мирного сосуществования в целом?

Иное дело, что непримиримость буржуазной и социалистической идеологий трактовалась в недалеком прошлом однозначно жестко, примитивно недиалектично. Мы, например, много лет твердили, что в гносеологическом аспекте непримиримость буржуазной и социалистической идеологий обусловлена несовместимостью лжи и истины. Но ведь это не что иное, как непреодоленный еще комплекс теоретико-идеологической непогрешимости и претензий на пальму первенства в

¹ Горбачев М. С. Перестройка..., с. 151—152.

достижении истины в социальной теории, исключающих саму мысль о способности буржуазных идеологов адекватно отражать те или иные реальные процессы. В теоретическом плане еще Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» подчеркивал недопустимость жесткого противопоставления истинного и ложного, откровений и заблуждений. Практика же показала, что деформированный социализм подчас продуцировал ложь, фальсификацию, а капитализму оказались нечужды поиски и нахождение истины. Не отнесем же мы теперь ко лжи, к идеологическим диверсиям сообщения буржуазных средств массовой информации о хроническом дефиците и плохом качестве наших товаров и услуг, коррупции и мафии, нарушении прав и свобод в СССР, росте алкоголизма, проституции и наркомании, бюрократизме и волоките и т. д., т. е. то, о чем мы сами сообщаем сегодня с гораздо большей силой и достоверностью.

Таким образом, сам принцип мирного сосуществования противоположных систем не допускает пренебрежения коренными классовыми, государственно-политическими интересами в любой области. Тем более он недопустим в идеологической, но, конечно, не в противоречии с истиной. Почему же, «спокойно» принимая сосуществование в целом, твердо зная, что оно базируется на соблюдении и сохранении наших коренных интересов, мы немедленно восклицаем о нанесении им ущерба, как только речь заходит о мирном сосуществовании в области идеологии? Ни чем иным, как устаревшим стереотипом мышления это не назовешь, ибо тезис о мирном сосуществовании в идеологической области оказался весьма жестко сцепленным в общественном сознании с любым идеологическим компромиссом, а более всего с отступничеством от наших идеалов и принципов, сдачей идейных позиций.

Кто же нам мешает в условиях мирного сосуществования во всех областях отстаивать твердо и последовательно наши гуманные, демократические идейные позиции и соответственно формировать идейную убежденность у советских людей, воинов армии и флота, аргументированно спорить с нашими оппонентами? Если мы верим в притягательную силу научно-социалистических идей, нам нечего бояться мирного сосуществования (в плане соревнования, соперничества) и в этой области.

Думается, «табу», наложенное на него в свое время, было следствием четырех главных причин: а) консервативного, догматического мышления; б) определенных деформаций ряда основополагающих идей и положений марксистской теории; в) недооценки беспрецедентных реалий второй половины XX в. и недопонимания существенного изменения в соотношении классового и общечеловеческого в условиях нарастания ядерно-экологических угроз для судеб человеческой цивилизации; г) серьезного отставания от главных капиталистических государств в экономической области, усугубленного застойными 70-ми и 80-ми годами. Именно это прежде всего обусловило своеобразный идеологический экстремизм как своего рода реакцию на невозможность осуществления на определенном историческом этапе важнейшей ле-

нинской идеи о том, что социализм может победить капитализм прежде всего более высокой производительностью труда и что наше идеологическое превосходство мы должны утверждать нашими хозяйственными успехами.

Своими глубокими корнями идеологический экстремизм уходит в прошлое, особенно в период культа личности Сталина. Идеологический экстремизм приобрел наиболее развитые формы тогда, когда под борьбу идейных течений внутри партии и ее руководящего ядра стали подводить практически-политическую платформу, когда идейная позиция, не совпадающая со сталинской, квалифицировалась не как возможная либо ошибочная, но искренняя, лежащая в сфере идей, а как обязательно и только враждебная социализму, выходящая якобы за рамки идей, в область диверсионных, контрреволюционных и даже агентурных практических действий.

Конечно, идеологический экстремизм эволюционировал, меняя свое обличье и формы проявления. Сегодня, как представляется, он «получил прописку» в концепции недопустимости распространения мирного сосуществования на идеологическую область. В этой связи не сближается ли набившее оскомину расхожее положение части обществоведов и идеологических работников о постоянном обострении идеологической борьбы с тезисом И. В. Сталина об обострении классово-борьбы по мере строительства социализма? Похоже, что сближается, являясь еще одним проявлением идеологического экстремизма, который в принципе несовместим с концепцией деидеологизации межгосударственных отношений.

Все эти и другие догмы не могли не затронуть и общественное сознание военных кадров. Осуществляемая ими на различных уровнях военно-политическая деятельность остро нуждается в новом политическом мышлении, в революционизировании сознания, освобождении его от застарелых догм. Нельзя не признать, что военные кадры оказались в наиболее сложной и, я бы сказал, противоречивой идеолого-психологической ситуации. Здесь можно было бы выделить по меньшей мере две группы противоречий.

Первая состоит в том, что, с одной стороны, характер, природа воинской деятельности имманентно предполагают регламентацию, особый тип единоначалия (даже с учетом высокоразвитых демократических основ), высшие формы дисциплины, порядка, организованности, сплоченности и даже относительное однообразие в образе мыслей и действий членов воинского коллектива. Отсюда определенный консерватизм мышления, который вполне совместим с инициативой и творчеством в военном деле; ведь последние касаются преимущественно военно-технических и организационно-воспитательных аспектов воинской деятельности, осуществляемой на основе жестко стабилизированных принципов и норм, определяемых присягой, уставами, наставлениями и инструкциями.

С другой стороны, при сохранении и, более того, укреплении оправдавших себя форм традиционного уклада воинской жизни совершенно необходима сегодня перестройка ряда ее сторон, прежде всего

революционизация мышления военных кадров в целях выработки новых подходов, установок, методов работы с людьми в условиях демократизации и гласности, в том числе и в армии. Негативные социальные процессы последних десятилетий с неизбежностью спроецировались на армию, породив в ней острые и сложные проблемы. Их решение возможно только на путях нового мышления.

Вторая группа противоречий, характеризующая сложную для военных кадров теоретико-идеологическую и психологическую ситуацию, обусловлена неумолимой логикой мирового общественного развития в ядерную эру. С одной стороны, сознание, мышление военных кадров запрограммировано, традиционно нацелено на такую подготовку людей и военной техники, которая должна обеспечивать успешное достижение определенных политических целей и задач, в конечном счете достижение военной победы. Именно в этом всегда, и еще в недалеком прошлом, видели смысл своей жизни и деятельности военные кадры. С другой стороны, сегодня объективное положение армии, ее функции и задачи претерпели изменения. Соответственно, в определенной мере меняется характер и направленность деятельности военных кадров. Поскольку достижение военной победы в ядерной войне стало утопией, а в соотношении политических и военных средств реализации тех или иных государственных целей и задач доминантное положение заняли политические средства, поскольку армия, как никогда раньше, должна стать гарантом мира в условиях не только сокращения вооружений, но и сохранения международного милитаризма, постольку от военных кадров требуются принципиально новые подходы (в сочетании, естественно, с традиционными) в военном строительстве, особенно в обучении и воспитании воинов.

Сегодня необходима радикальная переориентация в самой методологии обучения и особенно воспитания личного состава Вооруженных Сил. Речь идет прежде всего о создании существенно обновленной системы обоснования, аргументации, стимулирования деятельности различных категорий военнослужащих по обеспечению высокого уровня боевой готовности армии и флота в новых исторических условиях. На протяжении десятилетий личный состав воспитывался на ряде догматических постулатов: империализм — единственный источник войн, и, чтобы покончить с ними, необходимо «похоронить империализм»; Советская Армия — орган общенародного государства, инструмент и средство реализации справедливой, гуманной, безошибочной политики; если империализм развяжет войну, священный долг социалистической армии — ответить сокрушительным ударом, осуществить возмездие, продолжив и реализовав в этой войне справедливые политические цели; несмотря на чудовищные разрушения, прогресс в конечном счете будет сбалансирован гибелью империализма и торжеством социализма во всемирном масштабе; Советский Союз и его Вооруженные Силы — главные гаранты успешного развития мирового революционного процесса, их обязанность пресекать экспорт контрреволюции, выполняя этим свой интернациональный долг; поскольку мирное сосуществование — это специфическая форма

классовой борьбы, вооруженные силы социалистических и развивающихся по социалистическому пути стран способны выступать в классовой борьбе и революционных преобразованиях как эффективный, а подчас и единственный фактор социального прогресса.

В свете нового политического мышления, особенно под углом изменившегося соотношения между общечеловеческими и классовыми интересами, одни из этих постулатов не «работают», другие могут сохранять свое значение частично и в течение лишь определенного времени, третьи хотя и остаются в силе, но нуждаются в определенной теоретико-методологической и идеологической корректировке. Главное же состоит в том, что нужны принципиально новые обоснования не только необходимости, но и методов эффективного военного строительства, подготовки личного состава, обеспечивающих высокий качественный уровень боевой готовности армии и флота в условиях их количественного сокращения, изменений в содержании, а возможно, и в составе функций и задач, в условиях динамики военно-доктринальных положений в эпоху сохраняющейся поляризации различных политических систем и одновременно углубления их взаимозависимости, сближения планетарных судеб мировых сообществ.

Известно, что традиционные постулаты, посредством которых осуществлялась идеологическая подготовка воинов, частично базировались на учении о войне и армии, которое наряду с важными теоретическими положениями и конструктивными разработками военных ученых включает в себе немало идеологических деформаций и наслонений, догматических и субъективных трактовок, отражавших политическую конъюнктуру и отставание всего общественнознания в так называемые застойные годы. Поэтому, как представляется, качественное обновление всей военно-политической теории должно состоять прежде всего в военно-социологических исследованиях проблем войны и мира, армии под углом зрения методологии нового военно-политического мышления.

Такие исследования набирают силу. Однако главная работа впереди. Для того чтобы снять указанные противоречия, необходимо оснастить военные кадры новаторскими военно-социологическими концепциями, способными революционизировать их сознание, освободив его от некоторых отмеченных выше догматических постулатов, негодных ныне стереотипов мышления и вооружив новыми подходами и методологическими установками. Без них — и это органически вытекает из самой сути нового военно-политического мышления — трудно рассчитывать на эффективную перестройку в армии и на флоте.

В ряду назревших концептуальных разработок назовем некоторые направления. Во-первых, более глубокое обоснование возможности обеспечения безопасности страны преимущественно политическими средствами в сочетании с военными, определение в этой связи места, роли, функций армии социалистического государства. Во-вторых, дальнейшая разработка концепции оборонной достаточности и ненаступательной доктрины с учетом поэтапной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. и в органическом единстве с фундаментальным обоснова-

нием системы всеобъемлющей безопасности, свободы выбора и путей перестройки военно-политических отношений в различных регионах мира. В-третьих, существенное обновление концепции генезиса войны. Здесь, видимо, наиболее актуальными становятся исследования в двух аспектах: а) глобальный аспект заключается в исследовании специфики и диалектики новых условий, социальных сил и факторов мирового общественного развития, которые способны блокировать развитие современных милитаристских тенденций; б) локальный, т. е. связанный с анализом природы капитализма, аспект должен быть нацелен на выяснение жизненно важных вопросов: может ли капитализм, его экономика развиваться без милитаризации? Если да, то насколько реалистичной и обоснованной является гипотеза относительной переориентации ВПК с военных отраслей материального производства на гражданские и оттеснения в перспективе военно-промышленного комплекса из центра системы реальной власти в странах империализма на ее периферию?

Помимо этих аспектов, весьма актуальными становятся исследования перспектив дальнейшего уменьшения угрозы войны под воздействием революционной перестройки и идеологического обновления в Советском Союзе, повышения международного доверия к его внутренней и внешней политике.

В-четвертых, дальнейшая разработка научной концепции мира под углом зрения обоснования системы международных и внутренних политических, экономических, правовых, военных средств его обеспечения, в условиях объективного углубления взаимозависимости мировых сообществ, обострения глобальных экологических и региональных социально-экономических и политических проблем.

В связи с разработкой концепции мира выдвигается на авансцену научных исследований проблема дифференциации места и роли политики по отношению к «обычной» и ядерной войнам и к справедливому, безъядерному миру. Здесь должны быть выявлены тенденции изменения характера связей между политикой, войной и миром в современную эпоху: от разрушения функциональных связей между политикой и ядерной войной (при относительном сохранении связей генетического характера) к углублению и упрочению генетических и функциональных связей между политикой и миром на основе гуманизации политики, совершенствования ее моральных и правовых аспектов.

В-пятых, обоснование объективной необходимости, сущности, содержания, направлений перестройки в Вооруженных Силах. Здесь на первый план выдвигаются исследования основных тенденций радикальной профессионализации Вооруженных Сил; специфики и путей демократизации в армии и на флоте, своеобразия развития гласности; механизма и особенностей развертывания самоуправленческих тенденций в жизнедеятельности воинских коллективов; возможностей и способов сокращения управленческих звеньев; реформирования структуры военно-социальных отношений на различных уровнях военной организации в целях подготовки условий для перехода к профессиональной армии; путей преобразования содержания и методов

воспитания воинов; возможностей создания правовых механизмов защиты чести и личного достоинства военнослужащих; способов повышения самостоятельности командиров и политработников ротного, батальонного и полкового звеньев; методов эффективного изучения и использования руководящими военными кадрами общественного мнения военнослужащих.

В-шестых, дальнейшее творческое развитие теории и практики военной политики социалистического государства в целях ее дальнейшей демократизации и повышения международного авторитета: а) разработка способов принятия ответственных военно-политических решений на основе их всенародного обсуждения; б) обоснование путей реального включения в процесс создания и конструирования военно-программных и военно-доктринальных положений широкой общественности, гражданских и военных исследователей различного профиля, исходя из идеи непосредственного включения авторитета науки в мировую политику; в) теоретическое обоснование реформы оборонного строительства под углом зрения обеспечения его эффективности преимущественно качественными параметрами как в отношении техники, так и личного состава, перемещения обеспечения безопасности государства из сферы соотношения военных потенциалов в сферу политики, примата права, общечеловеческой морали в выполнении международных обязательств; г) исследования новых приоритетных и перспективных направлений в системе военно-политических отношений Советского государства с государствами различных социальных типов; д) обновление процесса перестройки военно-политического сознания гражданских и военных кадров, исходя из новых аспектов трактовки соотношения войны и политики, войны и революции, политики и армии, политики и мира в ядерную эру, изменений в оценке принципа мирного сосуществования различных социальных систем, соотношения классового и общечеловеческого, места, роли и функций социалистической армии в обеспечении мира.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что выход военных кадров из сложной, противоречивой идеологической ситуации возможен только на путях нового (антидогматического) военно-политического мышления, овладение которым создает реальные возможности интенсификации начавшегося процесса перестройки в советских Вооруженных Силах.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И АРМИЯ

Фирменный поезд «Эстония» мерно постукивал колесами. Я вошла и оглядела купе: молодой моряк с живыми глазами; угрюмый, с застывшей на губах иронической усмешкой мужчина. И — давно отвыкла от этого — пустая полка. Молчание.

«Можно к вам подселиться? — открылась дверь и раздался усталораздраженный голос пожилой женщины. — В моем купе шумная мужская компания. Говорят на своем языке. Тяжело как-то, ничего не понимаю. Совсем лишняя. Проводница сказала, что у вас тут местечко свободное. Разрешите?» Естественно, возражений не последовало.

Поезд набрал скорость. Началась беседа. Вскоре мы уже знали, что моряк родом из Подмосковья, возвращается на таллиннскую базу Балтийского флота. Серьезный мужчина оказался эстонским кооператором. А наша новая соседка из Баку ехала в Таллинн в надежде найти покой в семье своей племянницы. «А ведь и в Эстонии национальные страсти разыгрались», — заметил моряк. Кооператор тут же парировал: «Но у нас ведь не стреляют, не убивают». Женщина, а вслед за ней и все мы дружно согласились, что обстановка действительно разная и, наверное, то, что «не убивают, не стреляют», — главное. Правда, как выяснилось, женщина выехала из Азербайджана до введения чрезвычайного положения.

Спросили и меня о моей профессии. Когда я ответила, что я социолог, посыпались вопросы: «Что думают люди о положении в стране? О национальных конфликтах? Об армии?» В голову тут же пришла мысль: «На поезд спешила с конференции по проблемам «Личность — нация — политика», а попала на дискуссию в микрогруппе. Какие только случайности не приносит нам судьба!» И использованные мною в ходе дискуссии цифры недавно проводившегося Академией общественных наук при ЦК КПСС опроса общественного мнения прочно сидели в голове. Привела их заинтересованным слушателям по памяти.

В самом деле, что сейчас советские люди считают для себя самым главным?

«Участие в принятии политических решений, в общественном самоуправлении» (17,5%). Разумеется, «достичь более высокого жизненного уровня» (45% респондентов). Высказываются за дальнейшее «расширение свободы слова и гласности» (46%). Но самым главным

опрошенные считают «обеспечение порядка и законности по месту работы и жительства каждого» (59%!). А ведь всего еще пять месяцев назад это стремление, как показывали опросы, стояло у людей на четвертом месте. «Вы видите, как изменилась обстановка?» — спросила я. В ответ все дружно закивали головами.

Порядок. Законность. Охрана жизни и конституционных прав граждан. Внутренняя и внешняя безопасность государства. Все эти общечеловеческие ценности надо беречь и охранять. И не кто иной, как моряк, поставил вопрос об армии. Не буду утомлять читателя дальнейшим пересказом этой живой человеческой дискуссии, затянувшейся за полночь. А вот свои размышления по ее поводу позволю себе привести.

С молоком матери впитываем мы уважение к армии как к детищу и защитнице народа, связанной с ним неразрывными узами. Армии многонационального Советского Союза, формируемой и развиваемой каждой нацией в отдельности и всеми нациями и народностями вместе. Мы не можем упрекнуть ни одну из составляющих Советское государство республик, что она стояла или стоит вне армии, оторвана от нее. Недавно отмечалось 45-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 26 миллионов советских людей отдали за нашу Победу жизнь. Среди них представители всех наций и народностей СССР.

Вероятно, найдутся читатели, которые скажут, что автор мыслит банальными, прописными истинами. Но все сказанное выше отнюдь не означает желания закрыть глаза на то, что до перестройки мы мало знали о реальном положении дел в Вооруженных Силах, об их профессиональной выучке, о состоянии дисциплины и военного мастерства.

До самого последнего времени наша страна была одной из немногих, если не единственной в мире, где не публиковались обобщенные данные о военном бюджете. Плотная завеса секретности скрывала Вооруженные Силы (как и органы государственной безопасности, дипломатическую службу) от взоров миллионов людей, которых власть имущие упрекали в праздном любопытстве и даже в опасном стремлении разглашать государственные тайны. Армия росла и болела своими болезнями, подчас тяжелыми и нелегко излечимыми. А народ оставался в полном неведении. Нужно ли говорить, что такая ситуация опасна и даже трагична для каждого здорового, нормально развивающегося государства.

Перестройка действительно революционным образом изменила и каждодневно меняет всю общественную жизнь. Вначале многие из нас весьма скептически относились к словам советских руководителей, утверждавших, что перестройка глубоко и всесторонне затронет жизнь общества в целом и каждого из его членов в отдельности. Но люди, говорившие это, оказались правы. Гласность впервые вторглась и в сложную, ранее для нас непознаваемую армейскую жизнь. Появились многочисленные материалы, в том числе и выступления на Съезде народных депутатов СССР, на сессии Верховного Совета СССР, свидетельствующие о том, что обстановку в наших Вооруженных Силах нельзя считать нормальной.

Я не специалист по военным вопросам и поэтому опираюсь лишь на известные мне опубликованные материалы. Они говорят о том, что назрела необходимость в глубокой военной реформе. Недостаточно высок профессиональный уровень рядового и командного состава армии и флота. Общественность неоднократно высказывалась по поводу такого негативного явления, как дедовщина. В связи с сокращением Вооруженных Сил возникли сложные проблемы жилья, занятости, переквалификации многих тысяч офицеров, увольняющихся из армии. И наконец, появилось совершенно новое и крайне негативное явление в жизни нашего общества — искусственно стал создаваться в лице советского солдата и офицера «образ врага».

Эта сложнейшая проблема имеет свою историю. Если попытаться проследить генезис образа армии в общественном сознании, то можно выделить четыре основных этапа.

На первом этапе исторический и политический фон составляли события от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны. Целями армии были защита Отечества от порабощения, борьба за независимость страны, за достоинство народа и государства, за мирное сосуществование двух социально-экономических систем. Таким образом, в единое целое слились интересы народа, армии, государства и правящей коммунистической партии.

В этих условиях у советских людей сформировалось устойчивое восприятие армии как «опоры революции», «защитницы народа и его интересов», «коплота государственного и политического режима». Этот образ в массовом сознании выражался в чувствах уважения, доброжелательности, любви и заботы; он подкреплялся позитивными оценками общественного мнения других социалистических стран, всей демократической мировой общественностью.

Второй этап связан с кризисной ситуацией в Чехословакии в 1968 г. Социально-политический фон — массовое движение за коренные реформы социально-экономического и общественного строя в Чехословакии и вступление на ее территорию войск пяти стран Организации Варшавского Договора. Однако в Советском Союзе в принятии решения о вооруженной интервенции не принимали участия ни органы государственной власти, ни народные массы, ни партия в целом. Это было решение верхушки партийного аппарата во главе с Л. И. Брежневым. Армию использовали в качестве орудия вмешательства во внутренние дела независимого государства. Была грубо нарушена взаимосвязь между официальной политикой партийного руководства и подлинными интересами государства, народа, партии, армии.

Именно в эти годы произошел глубокий надлом в общественном сознании, в котором возник образ «армии-агрессора», «армии-захватчика». Менялись поведенческие установки у больших групп людей, особенно среди интеллигенции, деятелей науки, культуры, литературы, искусства, студенчества в отношении армии. Имели место публичные антиармейские выступления. Появились листовки, осуждавшие вооруженное вторжение в Чехословакию. В условиях антидемократи-

ческого режима в нашей стране были использованы насилие и судебные преследования инакомыслящих.

В Прибалтике современные антиармейские настроения, принимающие в ряде случаев уродливые формы, имеют одним из своих источников события 1968 г. в Чехословакии. Оценки общественного мнения русскоязычного населения и представителей коренной национальности (эстонцев, литовцев, латышей) различались весьма существенно. Если жители коренной национальности в значительной своей части резко отрицательно отнеслись к вводу войск в Чехословакию, то русскоязычная часть населения — более спокойно, сдержанно, отчасти настороженно. В некоторых республиках (особенно Прибалтийских) образ армии стал ассоциироваться с образом «врага-оккупанта», а само вступление войск в Чехословакию рассматривалось как «иностранный оккупация чужой территории». Действия Вооруженных Сил и решения центральных властей откровенно осуждались.

Основой для подобной реакции в Прибалтике явился ряд факторов, и прежде всего исторических: пребывание Прибалтийских республик в составе СССР в течение исторически непродолжительного времени; отсутствие сформировавшегося интернационалистского сознания; обостренное отношение к армии как к якобы чужеродной силе, насильственно насадившей, по мнению значительной части коренного населения, советский строй в Эстонии, Латвии, Литве; ностальгия по существовавшим в недалеком прошлом буржуазным республикам как самостоятельным национальным государствам; идеализация в массовом сознании буржуазного образа жизни; устойчивый стереотип глубинного недовольства советской властью и партией, обвиняемых во всех трудностях материального существования и духовной жизни с 1940 г.

Итак, в 70-е годы вскрылась зависимость образа армии в общественном сознании от национальной принадлежности тех или иных социальных групп. В республиках Прибалтики это был, несомненно, серьезный и тревожный сигнал для партийных организаций. Но они заняли позицию неслышащих и невидящих. В целом в общественном мнении наметился крен в сторону формирования отрицательных установок в отношении Советской Армии. Положительный облик советского военнослужащего стал тускнеть. Все чаще высказывалось мнение о том, что во многих случаях интересы народа вступают в противоречие с интересами партийного руководства, использующего армию в чуждых ей целях.

Все эти противоречия резко обострились на третьем этапе — в начале 80-х годов, после вступления советских войск в Афганистан. Социально-политический фон: ошибочная оценка группой членов Политбюро характера и целей афганской революции, настроений и патриотизма народа Афганистана и принятие решения о вооруженной интервенции без консультаций с высшими органами государственной власти, с Пленумом ЦК КПСС, без учета общественного мнения и настроений в армии. Началась крайне непопулярная в советском обществе, длительная, кровавая и разорительная война, грубо искажившая

образ армии в общественном сознании. Армия, фактически явившаяся жертвой ошибочных политических решений, не имевших под собой иных обоснований, кроме искусственных идеологических конструкций, стала, по существу, без вины виноватой, превратилась в объект незаслуженных укоров и обвинений.

Сложилась парадоксальная ситуация, не имеющая прецедентов в истории, ответственность за которую полностью несет тогдашнее политическое руководство партии и страны. На протяжении десяти лет «ограниченный контингент» советских войск (между тем численность советских Вооруженных Сил в Афганистане значительно превышала сто тысяч человек — боевая армия полного состава!) участвовал в боевых операциях. Вплоть до начала перестройки это была, по сути, «тайная война». Установки руководящих органов состояли в том, чтобы систематически, из года в год скрывать от народа реальное положение дел. Средства массовой информации не рассказывали об участии советских войск в афганской войне или рисовали искаженную, приукрашенную картину, пытались успокоить, дезориентировать народ. А между тем тысячи семей получали извещения военкоматов о гибели своих близких — отцов, сыновей, мужей. Длительное время родственники не имели возможности даже похоронить убитых. А потом «тайная война» породила «тайные похороны», запреты на публичные похоронные обряды и даже на установку памятников.

Чем же обернулись подобные, по существу, антинародные методы формирования общественного мнения для участников войны — воинов-афганцев, демобилизованных или вернувшихся инвалидами, калеками? Совершенно неожиданными результатами. Официальная политика привела к тому, что в общественном сознании сформировался устойчивый социальный стереотип «лжеветерана», «лжегероя», неизвестно куда и кем посланного и неизвестно что в далеком Афганистане делавшего. На руководящих этажах исполнительной власти сложился образ «лишнего», «обременительного» для общества человека, «ненужного героя». Ведь война не объявлена, а значит, она и не ведется, следовательно, и ее ветеранов и инвалидов в обществе не должно быть: «Ты жив, но для власти не существуешь; она смотрит на тебя в упор, но не видит». Именно об этом ярко рассказал фильм «Легко ли быть молодым?». В годы афганской войны и стали созреть все новые и новые очаги социального напряжения среди молодежи, обостряться в ее среде настроения агрессивности и даже мстительности.

Армия вынуждена была нести ответственность за глубоко чуждый ей, навязанный сверху и, по существу, антинародный политический курс, основанный на безжалостной эксплуатации патриотических и интернационалистских чувств воинов Советской Армии. И им же пришлось расплачиваться перед общественным мнением за чужие, верхушечно-аппаратные решения и ошибки.

Для советских Вооруженных Сил война в Афганистане — это уже история. Перестройка, породив огромные трудности, внесла много нового в нашу жизнь. Советские войска полностью выведены из Афганистана. Съезд народных депутатов СССР дал негативную политиче-

скую оценку нашему участию в необъявленной войне в Афганистане. Эта оценка имеет важную морально-психологическую сторону. Она способствует реабилитации образа армии как подлинно народной в массовом сознании. Идет, хотя и недостаточно быстро и эффективно, процесс восстановления законных прав воинов-афганцев, исторической и социальной справедливости.

Таким образом, в современных условиях проблема армии — это проблема комплексная, всеобъемлющая, всенародная. Но из всего многообразия поставленных мною вопросов (даже скупое их перечисление не может претендовать на полноту) хотелось бы коснуться лишь одного: Вооруженные Силы и межнациональные конфликты, вспыхивающие то с большей, то с меньшей силой в отдельных республиках Советского Союза и неизменно отдающиеся тревогой и болью в наших сердцах.

Нет необходимости доказывать, что армия — многонациональная среда. Она представляет собой своеобразное зеркало советской федерации, отражающее как ее интернациональные устои, так и современные трудности, все чаще принимающие националистическую окраску. Армия интернациональна как по формам и методам своего формирования, так и по своей организации, структуре, патриотическому и интернационалистскому сознанию. И вместе с тем армию можно уподобить чуткому термометру, отражающему малейшие изменения и колебания в сфере межнациональных отношений. Эта формула особенно справедлива применительно к периоду перестройки, совершенно неожиданно и непредвиденно оказавшемуся для большинства из нас временем межнациональных трений и конфликтов, сепаратистских и националистических проявлений, создающих угрозу самому существованию Советского федеративного государства.

Исследования, проведенные социологами Военно-политической академии им. В. И. Ленина в ряде частей и соединений, свидетельствуют о резком обострении межнациональных отношений и в Вооруженных Силах. Еще в 1986 г., называя при социологическом опросе наиболее беспокоящие проблемы жизни воинских коллективов, эксперты из числа политработников не выделяли отдельно позицию, связанную со сложностями во взаимоотношениях между воинами различных национальностей. В 1989 г. она не только выделена, но, по данным военного социолога Ю. Чернавина, занимает одно из первых мест в списке самых «горячих», обогнав кое-где пресловутую дедовщину. Кстати, и сама дедовщина во все большей степени приобретает национальную окраску. Впервые за много лет воинские коллективы в ряде частей раскололись по национальному признаку.

Да, армия живет не в изолированном мире. Наш общий советский дом населен так плотно и столь разными по национальному и психологическому складу, историческому прошлому и традициям «семьями», имеет такие легко проницаемые стены-перегородки, что национальные трения или беды на одном этаже будируют эмоции сразу повсюду в обществе, в том числе и в армии. Все тесно переплетено. Вот и социологический опрос подтвердил прямую, непосредственную связь оце-

нок общественного мнения о состоянии межнациональных отношений с оценками общей ситуации в стране, положения в армии.

Люди в подавляющем своем большинстве, как доказывают результаты опроса, выражают неудовлетворенность политикой, проводимой партийными органами в национальной сфере. Группировка оценок, высказанных по данному вопросу, следующая. По мнению подавляющего большинства — $\frac{2}{3}$ опрошенных, — проводимая партией национальная политика — «непоследовательная и непродуманная». Считают, что реализуемый в национальной сфере курс «не соответствует ленинским принципам», не учитывает интересы национальных меньшинств, не способствует развитию суверенитета республик, укреплению основ федеративного государства, не учитывает уроки прошлого и в конечном счете «не способствует укреплению дружбы народов, населяющих нашу страну». В этих оценках отражена позиция второй по многочисленности группы опрошенных (40—48%).

Третья группа объединила мнения тех 32—38% респондентов, которые считают, что национальная политика, проводимая в русле перестройки, ущемляет суверенные права союзных республик, ведет к возникновению конфликтов на национальной почве.

И наконец, четвертая группа отражает убеждения каждого четвертого из респондентов в том, что национальная политика не считается с местными социальными и экономическими условиями, а защищает в основном интересы центральных ведомств.

Каковы мотивы столь критической оценки партийной политики в сфере межнациональных отношений? Прежде всего, все усиливающееся недовольство многих людей изменениями, происходящими в межнациональных отношениях за последние два-три года. Свыше 86% единодушны в том, что положение дел в этой сфере общественной жизни ухудшилось. В том числе каждый второй оценивает эти негативные перемены как значительные. Характерная деталь: лишь 2% опрошенных не сочли возможным оценить состояние межнациональных отношений. Они в нашей стране настолько глубоко пронизывают политическую, духовную, производственную, семейно-бытовую жизнь каждого, что людям не составило труда дать однозначную оценку протекающим процессам.

Конечно, было бы неверным утверждать, что во всех регионах страны межнациональные отношения характеризуются крайней напряженностью или конфликтностью. Хотя и небольшая группа (всего 5% опрошенных), но дала весьма позитивную оценку развитию этих отношений в своих городах, районах, республиках. Эти люди не только не считают ситуацию в межнациональной сфере ухудшающейся, но, напротив, отмечают значительное ее улучшение. Наиболее часто такие мнения высказывались в Российской Федерации.

Наш опрос, как и многие другие, проведенные АОН при ЦК КПСС, фиксирует все возрастающее недовольство, разочарование трудящихся тем, как осуществляется перестройка. Наметилась устойчивая тенденция к снижению социального оптимизма. Преобразования в обществе далеко не однозначно сказываются на личном благопо-

лучии каждого человека. Углубляется процесс социального и национального расслоения. Растет группа тех, кому, говоря словами поэта, «живется весело, вольготно на Руси». Но еще стремительнее увеличивается число людей, реально ощущающих неудовлетворительные результаты экономических реформ на личном кошельке, безошибочно фиксирующем обострение дефицита в домашнем бюджете. Правда, значительная часть опрошенных (42%) особых изменений в своей жизни по сравнению с периодом двух-трехлетней давности не отмечает. Каждый пятый стал жить лучше. Но для каждого третьего жизнь стала хуже, работать стало труднее.

Особенно большое воздействие оказывает на общественную жизнь в целом и на армию в частности обстановка обостряющихся межнациональных трений и прямых конфликтов. Естественно, что это воздействие возрастает многократно в тех случаях, когда соединения армии и флота оказываются в республиках, ставших очагами межнациональной вражды.

Национальные конфликты как один из видов социальных конфликтов в том случае, когда они носят затяжной характер, связанный с тем, что назревшие противоречия долгое время не устраняются или загоняются вглубь, неминуемо ведут к крайним формам обострения отношений между группами людей, почти всегда в таких случаях раслаивающихся по национальному признаку.

Экстремальная ситуация в отличие от конфликтной — это уже крайность, предел, взрыв, переход в новое качество. Иллюстрация — события в Закавказье. Увы, стала привычной фраза из официальных и неофициальных сообщений: «Обострение ситуации может привести к непредсказуемым последствиям». Зачем обезоруживать людей, возбуждать у них фатализм? Если что-то непредсказуемо, то человеку уже делать нечего, значит, от него ничего не зависит. Но ведь это не так. Для науки в жизни общества в принципе нет непредсказуемых ситуаций, как не может быть и непредсказуемых последствий. Непредсказуемы (и то относительно) стихийные бедствия, которые тоже вызывают экстремальную ситуацию. Жизнь же цивилизованного общества предсказуема. Причем чем компетентнее, профессиональнее действует политик, тем точнее может быть прогноз перехода одной общественной ситуации в другую, социальных последствий принимаемых решений.

Поэтому перестанем лукавить, удивляясь якобы неожиданности межнациональных конфликтов в стране. Признаем тот факт, что резкое обострение межнациональных отношений в конце 80-х годов закономерно, а потому для подлинной науки было предсказуемым. Убеждена, что кропотливая аналитическая работа по научному прогнозированию и упреждению конфликтов на национальной почве, подлинное политическое руководство национальной политикой — прямая задача партийных комитетов и организаций, одна из самых ответственных и сложных в период крупных политических и экономических преобразований в стране. Однако в стратегии перестройки эта сторона вопроса вообще не была продумана. Предложенный обществу курс, его реали-

зация не моделировались применительно к национальным условиям и сфере национальной политики. А именно эта сфера была и, как доказала практика, остается политически самой взрывоопасной.

Партийные комитеты оказались застигнутыми врасплох усиливающимися, с одной стороны, процессами развития национального самосознания, с другой — националистическими выходками, сепаратистскими настроениями, вооруженными вылазками террористов. В результате партийные комитеты в большинстве случаев находились в состоянии политического и организационного паралича. Своим попустительством, самоустраненностью от своевременного решения назревших национальных проблем они, по существу, открыли «шлюзы» для разгула стихии национальных страстей в республиках, прежде всего в Прибалтике, Закавказье, Молдавии, Узбекистане, и тем самым способствовали возникновению экстремальных ситуаций. Оценки общественного мнения полностью подтверждают этот вывод, имеющий первостепенное значение и для положения в армии, и для понимания положения самой армии в быстро обновляющемся обществе.

Две трети опрошенных считают, что позиция партийных органов в решении межнациональных конфликтов пассивная, выжидательная, а зачастую вообще отсутствует. Вряд ли можно к такой оценке не прислушаться, хотя и допускаю, что некоторые партийные лидеры в порядке контрдоводов приведут данные о том, сколько и каких мероприятий проведено для «повышения эффективности интернационального воспитания». Но люди судят о боеспособности партии в такой тонкой сфере, как отношения между различными национальностями, по единственно верному критерию: уровню стабильности, своей социальной защищенности и душевному спокойствию. И как бы ни пытались сегодня на все, что было сделано партией в 60—70-е годы для укрепления дружеских контактов и взаимоуважения между людьми различных национальностей, поставить ставшее позорным клеймо «сделано в период застоя», невозможно отрицать наличие в те годы известной социальной защищенности людей независимо от их национальности и района проживания.

В условиях обострения межнациональных конфликтов, возникновения в некоторых национальных республиках экстремальных ситуаций в 1988 г. начинается современный, по нашей периодизации — четвертый этап в генезисе образа армии в общественном сознании. Чем он характеризуется? Армия впервые за многие десятилетия стала самостоятельным объектом общественного мнения, вызывающим крайне противоречивые оценки и отношения различных групп населения. Происходит интенсивная трансформация положительного образа армии в массовом сознании, переходящая в ее очернительство, отрицание потребности государства и демократии в этом институте. Становится все жестче требование различных экстремистских и националистических групп: «Демократия — без армии!» Налицо сильнейшая политизация проблем, связанных с армией, что таит в себе серьезную опасность для демократизации и стабильности в обществе.

Если исходить из анализа экстремальных ситуаций, возникших

или возникающих в сфере межнациональных отношений, то приходишь к выводу: опять складывается парадоксальная ситуация — вновь армия, но на этот раз уже в некоторых национальных республиках, становится наиболее незащищенной — и в социальном, и в материальном, и в правовом отношении — общностью. Пример — положение армии в республиках Прибалтики.

В межнациональных отношениях в этом регионе пока не создавалось экстремальных или чрезвычайных ситуаций. Напротив, они характеризуются длительным, устойчивым и нарастающим по накалу противостоянием интересов двух национальных общностей: населения коренной и некоренной (преимущественно русской) национальностей.

Для решения межнациональных споров и конфликтов в Прибалтийских республиках в основном используются открытые парламентские формы достижения своих целей, избегается применение какого бы то ни было физического насилия. Образ армии в общественном сознании этих двух больших групп населения неадекватный.

Когда внимательно изучаешь процессы перестройки в Прибалтийских союзных республиках, то бросаются в глаза по крайней мере две их особенности. Первая: возрастающая, охватывающая все без исключения сферы общественной жизни активность новых общественных движений — Народных фронтов Эстонии и Латвии и «Саюдиса» в Литве, — претендующих на политическое лидерство, а по существу, на захват политической власти за счет подрыва авторитета республиканских коммунистических партий. Вторая особенность состоит в том, что новые лидеры, вырвавшиеся на авансцену общественной жизни, с удивительной, иногда просто вызывающей откровенностью уже давно изложили свое далеко идущее политическое кредо. Оно предусматривает: переоценку важнейших международных событий кануна второй мировой войны; признание вступления Прибалтийских республик в состав Советского Союза в 1940 г. незаконным с самого начала, осуществленным якобы вопреки народной воле; на этой основе провозглашается, что Прибалтика была оккупирована Советским Союзом и находящиеся сейчас на ее территории советские войска являются «захватническими», «оккупационными». И наконец, делается вывод, что Эстония, Латвия, Литва намерены мирным, парламентским путем добиваться выхода из состава федерального Советского государства. Если раньше у многих наивных людей оставались сомнения в истинных намерениях сепаратистских сил в Прибалтийских республиках, то сейчас только слепой не видит того, что реально происходит, а глухой не слышит сепаратистских речей депутатов Прибалтийских республик, раздающихся с трибуны Верховного Совета СССР, еще откровеннее — с трибуны своих парламентов.

Фактически в общественном сознании коренных народов Прибалтики уже сформирован образ «армии-врага», «армии-оккупанта», и на основе так называемой национальной идеологии он активно пропагандируется средствами массовой информации, прежде всего на нацио-

нальных языках. В соответствии с этими политическими установками разжигаются антиармейские настроения, причем они зачастую паразитируют на спекуляциях вокруг действительно имеющихся в армии недостатках, особенно дедовщины. Принят ряд антиармейских законов и административных актов. Шаг за шагом, упорно и настойчиво, невзирая на протесты советской и международной общественности, ограничиваются гражданские права военнослужащих. Они лишаются избирательных прав. Им отказывают в гражданстве, в жилье, прописке, работе в случае увольнения. Применяются различные методы, для того чтобы офицеры, уходящие в запас или отставку, и их семьи вынуждены были в кратчайшие сроки покинуть ту или иную Прибалтийскую республику.

Многочисленные негативные факты приведены в выступлениях народных депутатов СССР. Без преувеличения можно сказать, что ведется четко спланированная и последовательно осуществляемая психологическая атака на военнослужащих Вооруженных Сил. Участилось оскорбления в адрес военных. Сознательно нагнетается напряженность в межнациональных отношениях, повсеместно противопоставляется демократия и армия.

В крупной политической игре, осуществляемой националистически настроенными «фронтами» (или группами в них) для раздувания националистического ажиотажа и даже психоза, в ход пущена сильнейшая «козырная карта» — армия как образ, сконцентрировавший в массовом сознании значительной части населения этих республик (особенно коренной национальности) недовольство советской властью, коммунистической теорией, коммунистами.

Цель ясна: активизировать в национальном сознании антиармейские настроения, добиться конфронтации армии и местного населения и, призывая «изгнать оккупантов», расчистить путь к смене политической власти, прикрываясь лозунгом «Вся власть Советам!», а в конечном счете — добиться восстановления независимых буржуазных республик. Что, собственно, и было сделано в Литве, затем в Эстонии, а позже в Латвии, продекларировавших в марте — мае 1990 г. независимость и государственную самостоятельность республик, выход из Союза ССР.

Вокруг военнослужащих искусственно создается обстановка психологической изоляции, морального осуждения и нравственной нетерпимости. Многие солдаты и офицеры откровенно говорят о том, что чувствуют себя в Прибалтике как во враждебной стране. Военных обвиняют во всех смертных грехах: в нарушении экологического равновесия, порче водных источников, нанесении вреда лесам и земельным угодьям, в экономических потерях, являющихся следствием размещения воинских частей и их техники. Принятие законов о государственных языках, в которых провозглашается приоритет национальных языков и полностью игнорируется русский язык как средство межнационального общения, также неизбежно ведет к усилению психологической изоляции военнослужащих, вызывая у них комплекс неполноценности в окружающей их местной среде.

Парадоксы перестройки! Как часто сталкиваемся мы с ними в последнее время в самых различных условиях. И вот еще один. Во всем мире ослабевает, затухает миф о советской военной угрозе, усердно распространявшийся десятилетиями. А в Прибалтике его пытаются восстановить в национальном сознании. И скажем прямо — не без успеха. Под этим прикрытием разрываются связи между Вооруженными Силами СССР и прибалтийской молодежью. Факты? Их много.

Вопреки исторической правде государственные органы Эстонии, Латвии, Литвы признали вступление этих трех республик в состав СССР аннексией, оккупацией. На этом основании национальная молодежь стала активно выступать против службы в советских Вооруженных Силах, в массовом количестве сдавать в так называемые общественные комитеты содействия военные билеты. Как показало Ленинградское телевидение в своей февральской передаче, военные билеты выбрасывались прибалтами в специально сколоченные для этих целей гробы. Это открытый публичный вызов Закону СССР о всеобщей воинской обязанности.

Сугубо негативное отношение к армии в массовом сознании воспитывается по разным направлениям. В некоторых республиках обсуждается (а в Прибалтийских уже принят) закон об альтернативной (трудовой) службе. Это совершенно новое явление в нашем законодательстве. Усиленно выдвигается идея создания национальных воинских соединений, исключающих для молодых людей коренной национальности службу в советских Вооруженных Силах. Этот проект был уже подвергнут серьезной и обстоятельной критике со стороны государственных, военных и общественных деятелей, средств массовой информации страны. Они убедительно доказали, что в современных условиях ни одна из Прибалтийских республик не в состоянии решить — ни материально, ни с точки зрения наличия профессионально подготовленных кадров — задачи обеспечения как собственной безопасности, так и национальных интересов Советского Союза. Но идея тем не менее упорно утверждается в общественном сознании.

Невольно возникает вопрос: чем объяснить такое непоколебимое упрямство? Не необходимостью ли иметь «своих парней» с автоматами в руках на случай межнациональных конфликтов? И наконец, отметим, что именно государственные органы и общественные движения Прибалтики уже добились расширения квоты Министерства обороны СССР на службу национальной молодежи в Прибалтийском военном округе. Но на достигнутом не останавливаются. В общественном сознании все время будируется мысль о том, что неплохо бы довести квоту на прохождение воинской службы в родных местах до ста процентов!

Как же понимается правовое государство в Прибалтике? Одни могут служить на Камчатке, а другие поближе к маме и папе — в Таллинне, или на Рижском взморье, или в Паланге. По такой аналогии украинцы вполне могут отказаться от службы на Балтийском флоте, грузины — не покидать район Черного моря, волжане — предпочитать Волжскую речную флотилию, а новобранцы Средней Азии с полным

основанием заявить, что не хотят покидать благодатный район Амударьи.

Так не разумнее ли направить общественную активность и женских, и прочих антивоенных движений на создание глубоко продуманной современной системы профессиональной, физической и морально-психологической подготовки молодых людей к воинской службе, нормальных человеческих и гуманных отношений в самой армии, проявить конструктивную заботу о повышении ее профессионализма, улучшении социальных условий?

И наконец, о национальных и государственных языках. Законы о языках будут приниматься и в других республиках (хотя в каждой по-своему, с разной степенью разумности). Вместо того чтобы вбивать клин к межличностные отношения между военнослужащими и местным населением республик, надо бы местным властям совместно с армейским командованием организовывать для солдат и офицеров курсы обучения национальному языку. Способность элементарно понять собеседника всегда помогает снять национально-психологическую напряженность в контактах с коренным населением.

Итак, обострение межнациональных отношений в республиках Советской Прибалтики привело к серьезным отрицательным деформациям образа Советской Армии в массовом сознании прежде всего коренного населения. И этот процесс не является стихийным. Он осуществляется сугубо сознательно, открыто, в соответствии с конкретными политическими установками и стратегическими целями местных республиканских властей.

Другой пример связан с состоянием межнациональных отношений в экстремальной ситуации, что характерно, в частности, для районов Закавказья.

В экстремальной ситуации межнациональные споры и конфликты, как показала жизнь, переходят из парламентских форм решения в насильственные, сопровождающиеся как открытым физическим насилием над личностью, группами населения, так и над институтами местной власти, массовым террором в общественной жизни, осуществляемым прежде всего в отношении национальных групп в республиках.

Образ армии в общественном сознании формируется уже не столько по национальному признаку, сколько по уровню доверия к армии со стороны различных социальных и национальных групп населения, особенно пострадавших, в ее способность защитить от террора и восстановить гражданский порядок. Однако определенная часть населения, заинтересованная в сохранении напряженности, хаоса и беспорядков, стремится активно подогревать антиармейские настроения и распространять образ «армии—национального врага», «армии-окупанта».

Поэтому при экстремальных ситуациях в массовом сознании могут активно функционировать несколько образов армии: армии-врага, армии-защитницы, армии-опоры, армии насилия, армии-виновницы и даже захватнической армии. Наконец, еще одна отличительная особенность формирования образа армии в общественном сознании при

возникновении экстремальных ситуаций в межнациональных отношениях: сама армия становится мишенью негативных настроений и эмоций больших национальных групп населения. На армию в связи с ее вынужденным вводом на территорию, на которой объявляется чрезвычайное положение, как бы перекладывается вся ответственность за межнациональный конфликт, за последствия экстремальной ситуации, и она зачастую становится концентрированной мишенью для выражения общественного недовольства в самых развязных формах. В массовом сознании при таких ситуациях армия стала выступать в нескольких не свойственных ей ролях: армии-мишени, армии-оккупанта, армии-буфера (между враждебными группами населения), армии—опоры и стабилизатора.

Обратимся к конкретному примеру — к событиям в Закавказье, в частности в Баку, где Президиум Верховного Совета СССР был вынужден ввести чрезвычайное положение.

Как известно, существуют различные подходы к межнациональным конфликтам и экстремальным ситуациям. Согласно одному из них, энергично поддерживаемому экстремистами из Народного фронта Азербайджана, надо было предоставить местным, республиканским властям возможность самим решить азербайджано-армянский конфликт, не допуская вмешательства центра. С таких позиций ввод войск в Баку осуждается, а солдаты и офицеры советских Вооруженных Сил объявляются «оккупантами», «захватчиками», враждебными азербайджанскому народу. Здесь мы опять сталкиваемся в экстремальных условиях межнационального конфликта со стереотипом «армии-врага».

Я не претендую на всестороннее освещение и анализ трагической реальности в Азербайджане, но некоторыми размышлениями позволю себе поделиться. Прежде всего, существуют бесспорные факты, характеризующие социально-политический фон событий: кровавые армянские погромы в Баку в январе 1990 г., шантаж, угрозы и подстрекательство в отношении русского населения, захват власти вооруженными террористами в городах и селах. Их запланированные и хорошо подготовленные попытки насильственного свержения существующего в Азербайджанской ССР конституционного режима. Вооруженные выступления националистических групп в Нахичевани, уничтоживших на протяжении нескольких сот километров защитные сооружения на границе с Ираном и Турцией, фактически взломавших государственную границу. Армейские части, пограничные войска до последней возможности пытались вести политический диалог с экстремистами. Избегали применения оружия, хотя это и создавало угрозу для жизни самих военнослужащих, их семей.

Опять «армия-враг»? И в данном случае этот активно пропагандируемый и насаждаемый в национальном и массовом сознании националистическими группами стереотип мне представляется ошибочным и несправедливым. Общественное мнение должно его отвергнуть, а для этого нужна оперативная объективная, не замалчиваемая ни центром, ни на местах систематическая информация. Зажим гласности в

такой информации лишь гипертрофирует в общественном сознании образ «армии-защитницы», доводя его до своей противоположности.

Конечно, Вооруженные Силы созданы не для гашения пожаров межнациональных конфликтов. Защита внутренней безопасности государства — это в первую очередь дело пограничных и внутренних войск. Но вместе с тем и Вооруженные Силы — оплот конституционного режима, прав граждан, и прежде всего их святого права на жизнь. Армия — последний аргумент демократии, попираемой и уничтожаемой националистическими силами, особенно если они пытаются добиться своих эгоистических, властных интересов насильственными средствами. Нельзя забывать и о том, что нас за годы перестройки можно скорее упрекнуть в своеобразном «армейском пацифизме», чем в злоупотреблении силой.

События в Закавказье, Узбекистане, Таджикистане показывают, что в сознании значительной части населения различных национальностей нашей страны, несмотря на усилия националистских групп, сохраняется позитивный образ армии — «защитницы народа»; «надежной опоры государственного режима и спокойствия». Именно к военным обращаются люди, ставшие жертвой насилия и произвола в национальных регионах, в поисках последней защиты от посягательств на жизнь и человеческое достоинство. Там, где людям становится крайне тяжело и опасно жить, нет в массовом сознании образа «армии-оккупанта», «армии-врага». Напротив, подсознательно регенерируется традиционный положительный образ армии как защитницы народа. Усиливаются социальные ожидания от армии возможности быстро восстановить справедливость и порядок.

Ничего в природе не бывает окрашенным только в один цвет, и перестройка вскрывает многообразные, как позитивные, так и негативные, процессы, происходящие в Советской Армии. Вывод воинских соединений из стран Центральной и Восточной Европы, значительное сокращение численности наших Вооруженных Сил выдвинули на первый план вопросы обеспечения социальной защищенности военнослужащих, которые, как это ни странно, стали сегодня одной из самых социально незащищенных общественных групп. Вопросы жилья и труда уволившихся из Вооруженных Сил офицеров, защита их гражданских прав, их моральных и нравственных устоев — вопросы болезненные. Пока же принятые на высоком уровне законы, политические и военные решения в целом ряде случаев не учитывают их социальных последствий для огромного количества военнослужащих и сопряженных с ними гражданских служб и групп населения.

А это чревато созданием новых очагов социального напряжения, причем как в самой армейской среде, так и между группами гражданского населения и военнослужащими. Первые симптомы этого мы уже имеем. Пренебрежение нуждами армии, настроениями, формирующимися в ее среде, более того, армейским общественным мнением, которое сейчас складывается очень динамично, неординарно и которое раньше, как правило, не полагалось ни изучать, ни тем паче прини-

мать во внимание, чревато для общества лишь новыми осложнениями и социальными конфликтами.

Нужны крутые, принципиальные перемены в армии. Именно так и поставила вопрос Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду КПСС: «Партия считает своим долгом заботиться о том, чтобы наши армия и флот, имеющие столь большие заслуги перед Родиной, могли успешно решать задачи, стоящие перед ними в современных условиях. Для этого необходимо вести дело к военной реформе — на основе новой оборонительной доктрины и принципа разумной достаточности. Поскольку военное строительство ориентировано на качественные показатели, надо всемерно повышать профессионализм кадрового состава, поднять на уровень, достойный славных традиций нашей армии, кодекс чести тех, кто связал с нею свою судьбу. Партия будет добиваться повышения престижа воинской службы, упрочения социальной защищенности и улучшения бытовых условий военнослужащих и их семей»¹.

Таковы благородные цели партии, отвечающие интересам народа, его армии, государства.

¹ *Правда*, 1990, 13 февраля.

АРМИЯ ГЛАЗАМИ НЕФОРМАЛОВ

Бум самодеятельной инициативы, возникший в середине 80-х годов, не мог обойти стороной проблемы развития армии. С одной стороны, среди военнослужащих есть немало участников различных направлений самодеятельного движения, а с другой — практически ни одна неформальная организация общественно-политической направленности не обходится без того, чтобы не сформулировать в своих программных установках отношения к проблемам войны и мира, армии и защиты Отечества.

Следует оговориться, что неформальные, т. е. официально не зарегистрированные, организации существовали практически всегда. Даже нынешняя официальная власть в нашей стране — Советы — возникла, с точки зрения самодержавия, как неформальная организация. «По существу дела, — писал В. И. Ленин, — Совет рабочих депутатов является н е о ф о р м л е н н ы м (выделено мной. — С. Ю.), широким боевым союзом социалистов и революционных демократов...»¹

Даже в самые мрачные времена массовых репрессий, когда в общественно-политической жизни беспощадно подавлялась любая инициатива, могущая покуситься на всевластие административной системы, даже тогда существовали организации, оппозиционно настроенные по отношению к правящей верхушке. Наиболее ныне известными были в свое время группа Рютина и Коммунистическая партия молодежи в Воронеже.

В годы Великой Отечественной войны самодеятельная инициатива народных масс особенно отчетливо проявилась в широком партизанском движении, в других формах активного сопротивления фашизму.

Поэтому когда приходится читать в прессе о том, что многие самодеятельные движения «иницируются западными спецслужбами», стремящимися направить усилия неформалов на проведение тайных операций, нацеленных на формирование в СССР политической оппозиции социализму, или о том, что «неформалитет» формируется из лиц социально ущербных, вынашивающих коварные замыслы самоутверждения путем «прорыва к власти», или другие подобные откровения социально благополучных апологетов официальных структур власти, то становится как-то не по себе. Ибо в таком случае возникнове-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 130.

ние любой инициативы, в том числе и самих Советов, можно объяснить весьма примитивными причинами.

К счастью, руководители КПСС отмежевываются от подобных подходов. «Когда говорят о противоречиях перестройки, о нерешенных задачах, о еще не сбывшихся надеждах, — писал А. Н. Яковлев, — то члены правящей партии обязаны спросить прежде всего с себя. И безнравственно, равно как и ошибочно политически, делать заложниками неудач кого бы то ни было — молодежь или интеллигенцию, газеты или неформалов, мировую буржуазию или политических демагогов и фазанов, тещащих свое честолюбие»¹.

В том-то и дело, что самостоятельные инициативы имеют гораздо более фундаментальные причины своего появления. Отдавая дань традиции, выделим общие (постоянно действующие) и специфические (временные) причины возникновения и существования самостоятельной общественно-политической активности современного этапа развития нашего общества.

Общие причины: 1. Плюрализм интересов как у каждой отдельной личности, так и у различных социальных групп. Саморазвитие и реализация интересов возможны только в процессе общения. Многообразие интересов порождает множество всевозможных связей и отношений, которые могут носить устойчивый, фиксированный или случайный характер. Речь идет прежде всего о социально-экономических интересах, хотя на первый взгляд при образовании неформальных групп главенствующее значение приобретают духовные интересы. Впрочем, здесь ничего удивительного нет, ибо осознавать свои подлинные интересы человек может, только занимаясь духовной деятельностью. Однако для того, чтобы иметь возможность полностью реализовать свои интересы в экономической, социальной и духовной сферах, каждый человек, каждая отдельная группа должны иметь определенные политические гарантии, которые без справедливой системы полномочного представительства в государственных органах — лишь видимость. Отсюда возникает необходимость в предоставлении каждой отдельной личности, каждой отдельной группе права на свободную политическую деятельность. Наличие спонтанных социальных инициатив и определяется степенью такой свободы.

То, что наше общество отнюдь не однородно, каждый из нас осознает достаточно четко. А исследования, например, академика Т. Заславской говорят об этом более чем убедительно².

2. Многовариантность направлений общественного развития. Социальная реальность содержит множество различных возможностей, каждая из которых может превратиться в действительность лишь при наличии определенных условий. Условия, как известно, в немалой степени зависят от деятельности людей, объединяющих свои усилия по воплощению в жизнь возможностей, соответствующих их представлениям о будущем.

¹ Яковлев А. Н. Ответ — в нас самих. — *Вопросы экономики*, 1989, №2, с. 11.

² См.: Заславская Т. О стратегии социального управления. — В кн.: Иного не дано. М., 1988, с. 9—50.

3. Наличие различных путей достижения любой цели, реализации любого интереса, любой возможности общественного развития. А это обстоятельство способствует образованию различных группировок даже в рамках существования единой целевой установки. Кроме того, осознание целей и путей не дается в виде готовой истины в последней инстанции, что также является причиной образования всевозможных самостоятельных инициатив.

4. Общей для исторического развития нашей страны причиной существования различных самостоятельных общественно-политических движений и организаций является многонациональный состав и союзно-федералистский принцип устройства государства. Нет необходимости говорить, что это, пожалуй, самая сложная и легкоуязвимая область политической жизни, постоянно вызывающая весьма острые противоречия на национальной почве.

Помимо постоянно действующих причин, имеется множество других, определяющих характерные особенности каждого конкретного периода в развитии самостоятельного движения. В 80-е годы важное значение имеют следующие специфические причины:

1. Кризис веры в могущество командно-административной системы, являющийся отражением кризиса самой системы. Причину эту можно в известной мере отнести и к характеристике движения 60-х годов, хотя в этот период наблюдался кризис веры в отдельных личностей, но отнюдь не системы.

2. Утверждение принципа социалистического плюрализма не только на словах, но и на деле. Конечно, между утверждением на словах и конкретной практикой порой существует острое противоречие, которое, кстати говоря, выступает в качестве дополнительного стимула, усиливающего данную причину.

3. Важная роль в формировании самостоятельных инициатив принадлежит причинам, обусловленным состоянием современной глобальной обстановки. Это прежде всего острота главных проблем современности: войны и мира и экологических.

4. Высокий уровень гражданственности современной публицистики, побуждающей каждого человека к активным формам деятельности.

Можно назвать и другие причины, но их «калибр» уступает перечисленным выше. Однако дело не в том, чтобы перечислить все причины. Гораздо важнее показать их объективность, а следовательно, реальность как самих социальных инициатив, так и тех проблем, к решению которых постоянно призывают неформалы.

Для того чтобы понять основные закономерности развития современного самостоятельного движения общественно-политической ориентации, необходимо хотя бы в общих чертах дать характеристику основных его направлений.

Заниматься анализом всех неформальных организаций — чрезвычайно трудоемкая задача. Дело даже не в огромном их количестве (по некоторым данным, оно достигает 60 тысяч), а в динамике их образования и изменения целевых, стратегических и тактических установок.

Отсюда возникает потребность в осуществлении их классификации. С точки зрения общественно-политической ориентации можно выделить следующие направления в неформальном движении: «почвенники», «западники» и социалисты. Конечно, такое разделение носит условный характер, но тем не менее оно имеет объективные основания. Рассмотрим специфику каждого из направлений.

«Западники». К ним прежде всего относится скандально знаменитая партия Демократический союз (ДС). В нашей прессе она чаще всего обозначается многозначительным «так называемая партия». Впрочем, данное словосочетание применяется к ДС не только у нас, но и на Западе. Такая единодушная оценка имеет под собой реальные основания.

Итак, партия Демократический союз была образована на Учредительном съезде 7—9 мая 1988 г. на базе семинара «Демократия и гуманизм», группы «Доверие», юридической комиссии клуба «Перестройка-88», общества «младомарксистов» и еще нескольких мелких групп западническо-либерального толка. На ее съезде были приняты в качестве основных следующие документы: декларация, программа и уставные принципы. Они получили довольно широкое распространение в неформальном движении страны. А если учитывать тот факт, что с идеями новой партии познакомились и продолжают знакомиться очень многие люди, иногда не имеющие к неформальному движению никакого отношения, то можно сказать, что многие программные положения ДС получили прописку в общественном сознании. Что они собой представляют?

Давая характеристику более чем семидесятилетнему периоду развития нашего общества, ДС оценивает его как «путь трагических ошибок и кровавых преступлений». По мнению ДС, в октябре 1917 г. произошел антидемократический переворот и большевики узурпировали власть, установив жесточайшую диктатуру. Под руководством большевистской партии в нашей стране якобы последовательно складывался тоталитаризм. В «Основных программных принципах, объединяющих членов ДС» читаем: «Послеоктябрьские обещания большевиков (передать власть многопартийным Советам, заводы рабочим, землю крестьянам, отказаться от тайной дипломатии и т. п.) оказались на поверку циничным обманом народа, они не реализованы до сих пор».

Свои исторические изыскания лидеры и активисты ДС ограничивают анализом деятельности различных политических партий в период с февраля по октябрь 1917 г., а после октября их занимают вопросы, связанные с Учредительным собранием и установлением «красного террора». При этом все события рассматриваются ими главным образом с позиций абстрактного гуманизма¹, но лишь по отношению к деятельности большевиков. Они видят только «красный террор», но за-

¹ Автор ничего не имеет против «абстрактного гуманизма» и считает, что данное понятие очень часто использовалось в нашей истории для обозначения подлинного гуманизма; здесь под абстрактным гуманизмом мы понимаем систему взглядов, в основе которой лежит понимание абсолютности общечеловеческих норм нравственности вне зависимости от исторических и социальных условий.

бывают о «белом терроре»; они говорят о незаконности со стороны Советской власти разгона Учредительного собрания, но забывают, что само Учредительное собрание отказалось признать Советы законным органом власти.

Поскольку история для ДС прервалась в октябре 1917 г., то его приверженцы не особенно утруждают себя изучением и анализом всех последующих лет, малюя их одной краской. Что же предлагает ДС для преодоления пороков «тоталитаризма»? В самом общем виде они предлагают создать в нашей стране условия, которые фактически не препятствовали бы развитию капитализма. В экономике это свобода предпринимательства, рынка на базе всех форм собственности, включая и частную собственность без каких-либо ограничений. В политической сфере — установление многопартийной системы. В духовной — деидеологизация, «отрицание не только сталинизма, но и культа Ленина, идеологии ленинизма, являющихся фундаментом идеологии тоталитарного строя»; «равноправие всех идеологий, кроме призывающих к насилию или национальной розни или оправдывающих их, безусловное обеспечение гражданских свобод: слова, печати, ассоциаций, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций — вне зависимости от «целей коммунистического строительства» или «интересов государства»; «подлинная свобода вероисповедания, свобода не только атеистической, но и религиозной пропаганды, религиозного образования и воспитания». В области внешнеполитической и военной деятельности — «отказ от военной, политической и идеологической экспансии. Возвращение на территорию страны всех советских войск, размещенных за рубежом». «Радикальное сокращение военно-промышленного комплекса и численности армии до подлинно оборонных нужд, использование высвобожденных средств на социальные программы. Введение права на альтернативную гражданскую службу и сокращение срока службы с последующей отменой всеобщей воинской повинности и переходом к профессиональной армии». «Ликвидация КГБ как политической полиции; упразднение политорганов в МВД и армии».

Надо признать, что некоторые идеи ДС действительно имеют притягательную силу для различных слоев нашего общества, ибо они основаны на критическом осмыслении сложившегося положения вещей. Критичность — вообще отличительная черта неформального движения. Однако лидеры ДС фактически монополизировали право на критику, считая критический анализ КПСС современным и историческим этапом общественного развития, нынешнюю политику партии, основанную на этом анализе, очередным обманом. И если раньше они призывали солидаризоваться с прогрессивными силами КПСС, то после своего второго съезда об этом, как заявляет Новодворская, и речи быть не может, так как, по ее мнению, не может быть прогрессивным человек, являющийся членом КПСС. Такой подход иначе, как экстремистским, трудно назвать.

Все программные положения ДС просто декларируются. Практически ни одно из них не обосновывается, и потому все они носят легкий характер. Это относится и к военной части программы. Сужде-

ниям ДС, на взгляд профессионалов, недостает компетентности, глубокого знания такой сложнейшей сферы деятельности, какой является военная политика. Впрочем, отмахиваться от любых рассуждений на том основании, что они носят дилетантский характер, было бы ошибкой.

На иных позициях стоят «почвенники», хотя многие их оценки совпадают с оценками ДС. К «почвенникам» относятся всевозможные организации под названиями «Память», «Патриот», «Родина», «Отчизна», «Отечество», «Молодая Россия», «Русь», «Русский культурный центр» и т. д., а также разнообразные структуры формирующихся российских народных фронтов. Самым «знаменитым» среди них является национально-патриотический фронт «Память». Сам фронт был образован на основе патриотического объединения под тем же названием недавно, хотя само движение существует давно.

Таких четких программных положений, какие есть у ДС, у «Памяти» нет, но совокупность «воззваний», «обращений», «заявлений», а также записей на магнитную ленту речей лидеров движения дает достаточно четкое представление об идеологических воззрениях фронта.

По мнению «Памяти», наша страна превращена в «испытательный полигон для жидомасонских кругов», пытающихся воплотить в жизнь социалистическое учение — «выдумку сионистов». В октябре 1917 г. был совершен «жидомасонский переворот», так как в руководящих органах сразу после Октября оказались в основном лица еврейской национальности. В настоящее время евреи преобладают в средствах массовой информации, в науке и в искусстве. Они разрушают традиции, духовную культуру всех наций, и особенно русской.

Какими бы смехотворными нам ни казались подобные теоретические и исторические «открытия», поданные в соответствующей упаковке, они имеют определенный успех у довольно значительной части населения. Вообще массовое сознание удивительно легко усваивает самое что ни на есть вульгарные идеи.

А нужно ли открыто полемизировать с антинаучными взглядами, обладающими определенной привлекательностью для отдельных социальных групп населения? Ведь, критикуя, мы часто просто распространяем вредные идеи... Вопрос, конечно, во многом риторический. Можно привести десятки примеров из жизни К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, которые не боялись вести открытую полемику по любому вопросу. Увы, эта чрезвычайно важная традиция во многом утеряна и только в последнее время начинает возрождаться.

Что же предлагает «Память»? Активно бороться против врагов. А кто враги? Приведу выдержку из соответствующего документа.

«Враг — тот, кто, брызжа слюной, доказывает, что история нашего государства для всех началась только после 1917 года, и сбрасывает со счетов исторический опыт народов!

Враг — тот, кто вопит об антисемитизме, о славянофильстве, шовинизме, как только речь заходит о национальной культуре, истории, традициях, исконных обычаях народов!

Враг — тот, кто, используя интернационализм, протаскивает в образе жизни каждого народа, каждой нации космополитический бред и

отбросы западной массовой «культуры». Только презирающие народ могут кормить его такой гнилой идеологией!

Враг — тот, кто злорадно стравливает верующих с неверующими, народ одной нации с другой, сея между ними рознь и подозрительность.

Враг — тот, кто, кичась учеными званиями, навязывает народам антиприродные и античеловеческие теории и проекты, считая, что только он, специалист, знает, что есть истина, а что — ложь.

Враг — тот, кто проблему сионизма и мASONства считает досужей выдумкой!

Итак, теперь мы знаем истину! Вместо жалобщиков мы должны стать борцами! Вспомним наших героических предков, и всякие колебания и сомнения будут постыдными, недостойными звания Человека!

Обречем единство под флагом «Памяти!»

В другом документе лидеры «Памяти» выражаются более четко:

«В стране произошел раскол!

Два лагеря противостоят друг другу уже открыто:

Национально-патриотический фронт

и

Сиономасонская космополитическая группировка.

С кем вы, соотечественники? Вас сегодня пытаются заставить слушать не Отечеству, а идеям циничных космополитов! Сбросьте пелену с глаз! Встряхните паралич безволия!»

Итак, враг обнаружен. И в полном соответствии с принципами военного (точнее, полицейско-сыского) искусства — вперед, на врага, славные сыны Отечества! Впрочем, здесь не до иронии. И вот почему. Активисты «Памяти» стараются внушить мысль, что они борются не против евреев, а против сионизма, злейшего врага прежде всего еврейского народа. Вроде все логично, и непонятно, почему вдруг средства массовой информации набросились на «истинных защитников мировой цивилизации». Представляется, что во многом виноваты сами... средства массовой информации, которые правильно поняли истинное лицо отдельных экстремистов «Памяти», но повели против них борьбу теми же средствами. Допустимо ли это? Конечно, нет.

«Почвенники», включая и экстремистское направление, получили мощную поддержку в лице журналов «Наш современник», «Молодая гвардия» и других изданий. В развернувшейся окололитературной полемике главным стало подспудное выявление врагов в духе тех призывов и воззваний, которые были приведены в данной статье. Нет худа без добра. В оборот было пущено множество цитат, фактов, комментариев, позволяющих массовому читателю увидеть все убожество представлений «Краткого курса...». Правда, создавалось такое впечатление, что «противостоящие» друг другу группировки прибегали к весьма странному способу аргументации: кто быстрее приведет соответствующую цитату, тот и прав.

В одном из воззваний «Памяти» есть обращение к «патриотам в Комитете государственной безопасности, Министерстве внутренних дел, армии»: «Требуйте открытой встречи с руководителями «Памя-

ти!»! Ведь может прийти день, когда враг (он может быть на любом посту!) даст вам приказ уничтожать патриотические силы страны, назвав их шовинистами, черносотенцами, антисемитами и антисоветчиками! И вы снова прольете невинную кровь? Поймите, что это именно враг делает сейчас все, чтобы вновь натравить брата на брата! Чтобы свои же соотечественники унижали и избивали себе подобных! Знайте! Вас первых пошлют на расправу с народом! Вы первые станете орудием в руках темной силы! И ни «приказ», ни «незнание» не будут вам оправданием».

Все тот же знакомый мотив поиска врага. Следует все же отметить, что к Вооруженным Силам «Память» относится с особым пиететом. «Мы требуем укрепления армии, — читаем в Манифесте «Памяти», — оплота нашей безопасности, и категорически возражаем против ее сокращения и превращения Народной армии в наемную банду профессиональных убийц. Мы требуем страхования жизни солдат, участвующих в военных действиях в мирное время на чужой территории, на сумму не менее 100 тысяч рублей».

Почему все-таки так живучи в массовом сознании идеи поиска врага? Почему массы дают легко увлечь себя очередной охотой на очередных ведьм? Великие мыслители прошлого не раз пытались дать ответ на эти непростые вопросы. Приведу несколько высказываний замечательного русского философа Н. Бердяева из его небольшой работы «Христианство и антисемитизм (религиозная судьба еврейства)», изданной в Париже в 1938 г.:

«Ненависть к евреям часто бывает исканием козла отпущений. Когда люди чувствуют себя несчастными и связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими, то они ищут виновника, на которого можно было бы все несчастья свалить»¹.

«Нет ничего легче, как убедить людей низкого уровня сознания, что во всем виноваты евреи»².

Совершенно убийственными для любителей искать врагов в лице других народов являются следующие суждения Н. Бердяева:

«Есть что-то унижительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же очень слабыми, неспособными выдержать свободной борьбы с евреями...»

В основе антисемитизма лежит бездарность...

Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте великие открытия, будьте великими учеными и философами. Борьтесь с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унижительно думать, что свобода всегда оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для не евреев»³.

¹ Бердяев Н. Христианство и антисемитизм (религиозная судьба еврейства). Париж, 1938, с. 12.

² Там же, с. 13.

³ Там же, с. 14—15.

Сторонники «Памяти» могут возразить, что в данном случае речь идет об антисемитизме, который они тоже осуждают. Действительно, члены «Памяти» всячески пытаются подчеркнуть направленность своей борьбы против сионизма, а не против евреев. Правда, когда они начинают доказывать опасность сионизма в нашей стране, то в качестве аргументов почему-то приводят данные о «засилье»... евреев, оправдываясь тем, что только евреи составляют базу сионизма. Логика, основу которой составляет допущение «любой еврей есть потенциальный сионист», неизменно приводит к отождествлению антисионизма и антиеврейства. Иного на этом пути просто не дано.

К счастью, в самом неформальном движении имеются силы, успешно противостоящие экстремистским идеям как со стороны «западников», так и со стороны «почвенников». Речь идет о социалистически ориентированном движении. Оно весьма разнообразно как по количеству различных клубов и других объединений, так и по «качеству» разрабатываемых идей. Ниже будет дана лишь общая характеристика этих взглядов.

В движении преобладает мнение о том, что в октябре 1917 г. была совершена именно социалистическая революция. Большевики выражали подлинные интересы трудящихся масс и воплотили в жизнь все свои обещания. Будь по-другому, «небольшая горстка» людей не смогла бы выдержать тяжелейшего испытания гражданской войны и иностранной интервенции. Обманывать народ длительное время в условиях труднейших испытаний, когда перед ним открывались и другие перспективы, невозможно. Другое дело, что в конце 20-х годов, когда Сталин и его подручные фактически узурпировали власть, многие завоевания революции были деформированы, а некоторые и вовсе ликвидированы. В результате до настоящего времени мы все еще не можем решить задачи переходного периода.

Есть и другие суждения. Например: в нашей стране построен социализм, но социализм бюрократический. Исходя из такой оценки, предлагаются возможные варианты очищения социализма, его большей демократизации на основе демонополизации власти и вовлечения широких народных масс в дела управления государством.

В настоящее время происходит процесс объединения различных клубов и организаций социалистической направленности во всевозможные народные фронты. Обобщающая характеристика их программных положений содержится в принципах, выработанных клубом «Демократическая перестройка» и получивших название трех «нет» и одного «да»:

- нет насилию и пропаганде насилия;
- нет идеям национальной и расовой исключительности;
- нет претензии на монопольное обладание истиной в ущерб праву других на самостоятельный поиск;
- да социализму.

В неформальном движении активную роль играют и коммунисты, которые объединяются в партклубы и партгруппы. В Москве, например, незадолго до XIX Всесоюзной партийной конференции образова-

лась Межклубная партгруппа, которая в 1989 г. разделилась на Московский партийный клуб и Межклубную партийную организацию. Разногласия между ними обусловлены главным образом различным пониманием тактических задач. Свою главную цель они видят в скорейшей демократизации партийной жизни, а для этого считают необходимым существенным образом пересмотреть концепцию партии на основе общепартийной дискуссии, итоги которой должен подвести внеочередной съезд партии¹.

О зрелости военной программы социалистического движения можно судить по разделу «Демилитаризация и военное строительство» из Хартии Московского народного фронта. Приведем некоторые положения оттуда:

«МНФ добивается демилитаризации среднего и высшего образования. Срок действительной воинской службы для лиц, имеющих высшее образование, должен быть сокращен. Перспективой советского военного строительства должна стать профессиональная наемная армия, достаточная для обороны, при сохранении всеобщей воинской обязанности на случай военной угрозы».

«Необходимо законодательно закрепить право военнослужащих не выполнять приказы, противоречащие закону или международному праву, являющиеся преступлением против человечности».

«Необходимо ликвидировать сложившийся в стране военно-идеологический комплекс, ответственный за бюрократизацию и застойные явления в армии; заменить институт назначаемых замполитов институтом комиссаров, выбираемых личным составом свободно, тайно и на конкурсной основе. Мы будем добиваться того, чтобы армейские части и подразделения находились под контролем Советов, на территории которых они дислоцируются».

И здесь мы сталкиваемся чаще с декларированием, а не с серьезным анализом. Этим же недостатком страдают и специальные организации, занимающиеся сугубо военно-политической проблематикой. К ним относятся различные пацифистские клубы, группа «Доверие», союз социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей «Щит» и др.

Полностью сформировавшейся организацией является «Щит», который провел свой съезд, принял Устав и Программные принципы. «Союз «Щит», — читаем в Программных принципах, — самостоятельная, независимая общественная организация граждан СССР, созданная 29 марта 1989 г. в целях обеспечения и защиты прав военнослужащих, военнообязанных и членов их семей от произвола властей и сложившейся порочной системы командно-бюрократического диктата в Вооруженных Силах СССР».

В этом же документе сформулированы три главных принципа, на основе которых, по мнению союза, должна строиться оборонная политика нашей страны:

1. Принцип разумной достаточности.

¹ Содержание документов Московского партклуба см. в журнале *Горизонт*, 1989, №9, а Межклубной парторганизации — в том же журнале, №10.

2. Подготовка к постепенному переходу к армии нового типа — армии правового социалистического государства, с существенным сокращением ее численности.

3. Единоначалие на партийной основе как не оправдавшее себя должно быть заменено единоначалием на правовой основе.

К сожалению, рамки статьи не позволяют подробнее рассмотреть все аспекты самостоятельного движения, в том числе и тех организаций, которые специализируются на военно-политической проблематике. Тем не менее и на основе приведенных выше положений можно сделать вывод о том, что многие идеи о развитии армии, разрабатываемые в неформальном движении, могут служить основой некоторых направлений реформы ВС СССР.

ЦЕРКОВЬ И АРМИЯ

Наша страна, оказавшись в состоянии жестокого кризиса, на который она была обречена протянувшейся на десятилетия цепью ошибок и преступлений, предательских ударов по своему народу — крестьянству, военным кадрам, духовенству, интеллигенции, — вступила в полосу глубоких реформ. Тяжелый недуг поразил духовную жизнь общества, хозяйственную структуру, сферу государственного управления. Советская федерация, которая еще недавно казалась на века «нерушимым союзом», теперь под угрозой распада, чреватого гражданской войной. И дай Бог, чтобы болезнь, поразившая нас, была не к смерти, а к исцелению.

В сложившейся обстановке на армию, по природе своей предназначенную для защиты внешней безопасности страны, ее суверенитета, ее границ, по совершенно неизбежному, вынужденному решению правительства была возложена ответственность и за наведение порядка внутри государства — в охваченном междоусобицей многонациональном Закавказье. Надежда на сохранение целостности советской федерации обусловлена надеждой на то, что сама армия не будет охвачена разбродом, что она не повторит губительного опыта старой русской армии на исходе первой мировой войны.

Кризис официальной идеологической доктрины, когда-то увлекавшей миллионы, потом канонизированной и ритуализированной, а в наши дни откровенно дискредитируемой, кризис, создавший вакуум в умах и сердцах многих людей, подтолкнул духовно ищущих к вековым нетленным ценностям — к учению Христа, проповедуемому церковью, которая тысячу лет назад, на заре нашей государственности, стала высшей святыней русского народа. Влияние православной церкви на духовную и нравственную жизнь общества в наши дни заметно усилилось.

В сложившихся обстоятельствах вопрос об отношении церкви и армии не надуманная, беспредметная тема, он вполне актуален.

Широко известно толстовское учение о непротивлении злу силой, которое он доводил до осуждения всякой войны, не разделяя войны на справедливые и несправедливые, и до отвержения всякого государства как орудия насилия. Распространено представление, что толстовство совпадает с Евангельским учением. Но великий писатель был великим упростиателем в философии и религии. Строя свою крайне пацифист-

скую доктрину, Л. Н. Толстой опирался на собственную редакцию Евангельского текста, на своего рода монтаж из Евангельских цитат, подобранных так, что безмерно сложная и глубокая книга низведена была у него до сборника азбучных моральных прописей.

Православная церковь в своем отношении к войне далека от прямолинейной толстовской односторонности. Да, по учению Иисуса Христа, не только убийство человека — зло, греховен и самый гнев на ближнего: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5. 21, 22). Но церковь в своем отношении к войне и воинам помнит и иное место из Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Война — бедствие и несомненное зло, но грех за человеческие страдания, причиняемые войной, ложится прежде всего на тех, кто ее развязал, — на честолюбивых политиков, неудачливых дипломатов, корыстных собственников, жаждущих наживы, а не на тех, кто на полях сражения расплачивается головой за чужие ошибки и преступления, не на воинов, «полагающих души свои» за ближних. Погибающие на войне в защиту Отечества совершают подвиг жертвенной любви.

По словам учителя церкви св. Афанасия Великого (IV в.), «неповолятельно убивать, но убивать врагов на брани и законно и похвалы достойно»¹. И эти его слова стали каноном — законом церковным. Православная церковь, не расходясь в этом со здравым смыслом народа, никогда не приравнивала, подобно Л. Толстому, убийство на поле брани к убийству, совершаемому злоумышленником из преступных побуждений. «Зачем считать имеющими нечистые руки тех, — пишет византийский канонист XII столетия Зонара, — которые подвизаются за государство и за братьев, чтобы они не были захвачены неприятелями или чтобы освободить тех, которые находятся в плену. Ибо если они будут бояться убивать варваров, чтобы чрез это не осквернить своих рук, то все погибнет и варвары всеми овладеют. Ввиду этого и древние отцы... не причисляли к убийцам тех, которые убивают на войне, извиняя их как поборников целомудрия и благочестия; ибо если будут господствовать варвары, то не будет ни благочестия, ни целомудрия»². В авторитетной вероучительной книге «Пространный христианский Катехизис», составленный Митрополитом Московским Филаретом, сказано недвусмысленно: «Вопрос. Всякое ли отнятие жизни есть законопреступное убийство? Ответ. Не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь по должности, как-то:

- 1) когда преступника наказывают смертью по правосудию;
- 2) когда убивают неприятеля на войне за Отечество»³.

Слово «воин» — высокое слово в церковном языке. Нет более вы-

¹ Правила Святых отец с толкованиями. М., 1984, с. 114.

² Там же, с. 211.

³ Митрополит Ф и л а р е т. Пространный христианский Катехизис. Варшава, 1931, с. 115—116.

сокого имени для истинного ученика Спасителя, чем «воин Христов». Среди святых, почитаемых церковью, — целый сонм воинов-мучеников — римских легионеров и военачальников, убиенных за веру во Христа. Это Феодор Стратилат и Димитрий Солунский; это один из самых любимых святых православной Руси — великомученик Георгий Победоносец — покровитель воинов. Орден св. Георгия был высшей наградой в Российской империи. Среди святых русского происхождения — великие князья полководцы Александр Невский и Димитрий Донской. Да и сам креститель Руси святой равноапостольный Владимир — князем, а значит, воином и полководцем. Князьями и воинами были и его сыновья — святые страстотерпцы Борис и Глеб, первыми на Руси причисленные к лику святых.

Особое уважение церкви к солдатской профессии, обусловленное жертвенным характером служения воина, проявляется среди прочего и в том, что, когда за богослужением поминаются живые и усопшие, то из всех мирян только к именам военнслужащих прилагается их звание — воин. А в заупокойной ектении непременно поминаются «вожди (полководцы) и воины, на поле брани за веру и Отечество живот свой положившие».

В самом строе церковной жизни, подчиненном идее служения, есть черты, роднящие его с основными началами военного строительства. Это подчеркнутая иерархичность и послушание старшим — как высшая доблесть и как закон. Характерно, что и на церковном, и на военном языке высшее проявление жертвенного служения, в одном случае Богу, в другом — своему Отечеству, именуется одинаково — подвигом.

На протяжении многих столетий истории нашего государства православная церковь являлась духовной наставницей и вдохновительницей русских воинов—защитников родной земли. Перед сражением на Куликовом поле преподобный Сергий благословил великого князя Московского Димитрия на брань за православную веру и русскую землю с нечестивым Мамаем. Священномученик Патриарх Ермоген, возглавлявший русскую церковь в лихолетье первой российской смуты и польско-литовской интервенции, плененный поляками, захватившими сердце России — Москву, рассылал по русским городам послания с призывом встать на защиту православной веры и Отечества. Вдохновляемые его призывом, нижегородский гражданин Козьма Минин и князь Дмитрий Пожарский собрали ополчение, изгнавшее захватчиков из священной Москвы.

В канун Бородинской битвы главнокомандующий князь М. И. Кутузов-Смоленский вместе с офицерами и солдатами усердно молился перед Смоленской иконой Божией Матери. По воспоминаниям очевидцев, во время этого молебна воздух оглашался пением, свечи теплились, дымились кадила. Стотысячная армия падала на колени с молитвой к Царице Небесной о защите и покровительстве. А во французском лагере в это время раздавалась бойкая, веселая музыка. Там заранее праздновали победу.

Церковь была со своим борющимся, сражающимся народом, с рус-

ской армией в лихолетье военных испытаний, в войнах победоносных и неудачных для России. Она благословляла воинов на брань в защиту Отечества, воодушевляла и ободряла малодушных, утешала раненых, возносила молитву о спасении душ убиенных на полях сражения, благотворительствовала сиротам и вдовам погибших.

И уже на закате существования Российской империи, когда первая мировая война вступила в крайне опасную для нашего государства фазу, когда враг продвинулся далеко в глубь страны, а в России началась новая смута и междоусобица и армия, покидаемая шайками дезертиров, разлагалась, православная церковь, преданная интересам Отечества, призвала воинов хранить верность своему дому, защищать родную землю.

24 августа 1917 г., за два месяца до падения Временного правительства, созданный тогда Поместный Собор русской церкви обратился с воззванием к армии, в котором нашел самые суровые слова для обличения дезертиров и их подстрекателей: «За ваше безумие Родина уже заплатила врагу теми ужасными поражениями, которые он так легко, без жертв и усилий, нанес нам на нескольких фронтах. Вы виновники тех бесчисленных жертв, которые в последние времена бесплодно принесены лучшими сынами Родины, павшими не только от вражеских, но и от своих мечей и пуль... Вы будете виновны, если сраженная Россия склонит свою голову, лишенная своей свободы, и подпадет под немецкое рабство, которое сильнее татарского придушит народ, вас же и ваших детей и внуков.

...Кровь бесчисленных мучеников наших, воинов, пролитая в эту войну, падет на вашу голову. Опомнитесь! Ведь и вы сыны России. Ужель мучения и смерть матери не трогает вас?.. Ужель вы хотите свое благополучие построить на развалинах и пожарище Святой Руси?.. Не может быть счастья изменнику, предателю. Ужасно каиново счастье! «Нет мира нечестивым, говорит Бог мой» (Ис. VII, 21). Молим вас: вернитесь к Богу, к правде, к своему великому долгу!»¹

Попытки Поместного Собора удержать своими призывами армию от ставшего необратимым разложения успехом не увенчались. Но церковь видела свой долг в том, чтобы верно стоять на страже до последнего часа.

И когда после Октябрьской революции государственный строй радикально изменился во второй раз в одном и том же 1917 г., когда церковь была отделена от государства, ее охранительная, патриотическая позиция в канун революции стала одной из самых серьезных причин, трагически омрачавших взаимоотношения между православной церковью и Советским государством, выросшим из политической борьбы тех сил, которые стремились любой ценой вырвать Россию из окопов мировой войны, даже ценой превращения войны народов в гражданскую войну.

И гражданская война началась. С самого начала междоусобицы избранный тогда Патриархом Московским и всея Руси святитель Ти-

¹ *Церковные ведомости*, 1917, №38—39.

хон, канонизированный на Архиерейском Соборе 1989 г., пытался своими первосвятительскими воззваниями к народу противостоять кровавой братоубийственной междоусобице.

2 (15) марта 1918 г. св. Тихон обращается к всероссийской пастве с посланием, в котором призывает к прекращению братоубийственной розни и к единому отпору Германии, захватившей западные земли России: «К ужасам жизни, полной бедствий, когда голод, холод и страх за свою жизнь сковали помыслы всех одной заботой о нуждах земных, когда в междоусобной кровавой борьбе земля наша, по слову Псалмопевца, «упоена кровью неповинными сынов и дочерей наших» (Пс. 105, 32), прибавилось ныне еще новое, тягчайшее для любящего Родину сердца русского горе: тот сильнейший враг, с которым уже более трех лет вел русский народ кровавую брань, в борьбе с которым погибли целые миллионы лучших сынов Русской земли, ныне устремляется с своей боевой силой в глубину нашей Родины... с неслыханной дерзостью шлет нам свои требования и предписывает принять самые позорные условия мира»¹.

Это послание составлено 2 (15) марта, а на следующий день в Бресте был подписан мирный договор, который глава Советского правительства метко назвал «похабным». По этому договору от России отторгались Польша, Финляндия, Прибалтика, Украина, часть Белоруссии, Крым, Закавказье. Советское правительство перед лицом развала армии и превосходящей силы врага вынуждено было подписать этот договор, хотя он и вызвал разногласие и резкие споры в руководстве страны. 5 (18) марта Патриарх Тихон обратился к пастве с посланием, в котором осудил подписание Брестско-Литовского договора: «Благословен мир между народами, ибо все братия, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимые блага... и несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждет мира, но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?... Мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и славный город Киев, мать городов, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской... Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может остаться равнодушной при виде его гибели и разложения... Этот мир, подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожительству народов... В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества»².

Гражданская война осложнилась вмешательством иностранных государств. Антанты поддерживала белые армии, предводители которых изъявляли готовность в случае свержения Советской власти продолжать вести войну против Германии и ее союзников. Некоторые из белых генералов в борьбе с Советской властью сделали ставку на немецкие оккупационные войска. Русскую землю разделили линии

¹ *Церковные ведомости*, 1918, №7—8.

² *Церковные ведомости*, 1918, №9—10.

фронтов на севере и юге, на западе и востоке. По всей стране вспыхивали восстания и мятежи, помимо основных противостоящих друг другу сил — Красной и Белой армий, — возникли национальные сепаратистские движения, всюду во множестве появлялись анархические бандитские формирования; русские города и села по несколько раз переходили из одних рук в другие.

Православные люди жили на территориях, контролируемых и красными, и белыми, и сепаратистами. К православной церкви принадлежали воины, сражавшиеся друг против друга в братоубийственной бойне. Патриарх Тихон, верховный пастырь русской церкви, считаясь с этим обстоятельством, избегал всякой политической вовлеченности в происходящие события.

Весной 1918 г., перед отъездом на юг к Деникину, патриарха посетил известный церковный деятель князь Г. И. Трубецкой. Впоследствии он вспоминал: «Я не просил разрешения Патриарха передать благословение его войскам Добровольческой армии, и Святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Его Святейшества передать от его имени благословение лично одному из видных участников белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не считал и это для себя возможным»¹.

В огне гражданской войны погибали не только военные люди, но и мирные обыватели. Жертвой междоусобицы пали и многие священнослужители, часто подвергавшиеся репрессиям по обвинению в контрреволюционной агитации или в поддержке белого движения.

Страшные испытания выпали на долю православной церкви в тяжелые 20-е и 30-е годы. К концу 30-х годов почти все епископы были либо убиты, либо скончались в лагерях. В тюрьмах, лагерях и ссылках томилась тысяча священников. Церковная организация была разгромлена. В 1939 г. во всей России осталось около 100 соборных и приходских храмов, главным образом в крупных городах.

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз, и началась Великая Отечественная война. Вожди и идеологи нацистской партии, открыто отвергавшие христианские нравственные ценности, в своих пропагандистских обращениях к русскому народу, спекулируя на печальных страницах в советской истории, пытались предстать перед ним в облике защитников религии. Но их идеология не вела в заблуждение ни главу русской церкви — Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Сергия, — ни духовенство, ни православный народ.

Митрополит Сергей в первый же день войны написал и собственноручно на машинке отпечатал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором, памятуя заветы великих московских первосвятителей, призвал народ на защиту отечества: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас; и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена

¹ Цит. по: Валентинов А. А. Черная книга. Париж, 1925, с. 160—161.

Батя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона... Но не первый раз приходилось русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя...» Нам, пастырям Церкви, в то время, когда Отечество призывает всех на подвиги, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Дмитрий Ростовский... Положим же души свои вместе с нашей паствой... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу»¹.

В первосвятительских посланиях к пастве, которые Митрополит Сергей рассылал из Ульяновска, куда он был эвакуирован в начале войны, по церквам России, он обличал оккупантов за их злодеяния, за пролитие невинной крови, за осквернение и разорение религиозных и национальных святынь. Предстоятель русской церкви призывал жителей областей, захваченных врагом, к мужеству и терпению.

С патриотическими посланиями к пастве обращались ближайшие сподвижники Местоблюстителя Митрополиты Алексей и Николай. Все страшные дни блокады Митрополит Ленинградский Алексей оставался со своей паствой в голодном и холодном вымирающем городе на Неве. Своими проповедями и посланиями он вливал в души истстрадавших ленинградцев мужество и надежду. В своих архипастырских посланиях он призывал верующих самоотверженно помогать воинам честной работой в тылу.

По всей стране в православных храмах служились молебны о даровании победы. Ежедневно за богослужением возносилась молитва «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...».

В приходах проводился сбор средств на нужды обороны, на подарки бойцам, на содержание раненых в госпиталях и сирот в детских

¹ Правда о религии. М., 1942, с. 15.

домах. 30 декабря 1942 г. Митрополит Сергей обратился к пастве с призывом собрать средства на сооружение колонны имени Димитрия Донского. В ответ на призыв Первоиерарха в московском Богоявленском соборе духовенством и мирянами собрано было более 400 тыс. рублей. Церковная Москва собрала свыше 2 млн.; в блокадном голодном Ленинграде православные собрали 1 млн. рублей на нужды духовенства; в Куйбышеве стариками и женщинами было пожертвовано 650 тыс. В Тобольске один из жертвователей принес 12 тыс. рублей и пожелал остаться неизвестным. Заштатный священник Калининской епархии Михаил Михайлович Колоколов пожертвовал на танковую колонну священнический крест, 4 серебряные ризы с икон, серебряную ложку и все свои облигации. Всего на танковую колонну собрано было более 8 млн. рублей. В Новосибирске православные клирики и миряне отдали 110 тыс. на строительство самолетов Сибирской эскадрильи «За Родину». В один ленинградский храм неизвестные богомольцы принесли пакет и положили его у иконы святителя Николая. В пакете оказалось 150 золотых десятирублевых монет царской чеканки. Всего за войну по приходам собрано было более 200 млн. рублей на нужды фронта. Кроме денег, верующие собирали также теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, телогрейки.

Грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы над врагом, патриотическая позиция русской церкви побудили Советское правительство к изменению религиозной политики. Начали открываться приходы, закрытые в 30-е годы, многие из оставшихся в живых священнослужителей были освобождены из лагерей, они смогли возобновить служение в храмах. Возобновились архиерейские хиротонии. В советской печати практически прекратилась антирелигиозная полемика. Журналы, издаваемые Союзом воинствующих безбожников, перестали выходить за недостатком бумаги, и даже сам союз прекратил свое существование без его официального роспуска. Были закрыты и некоторые антирелигиозные музеи.

8 сентября 1943 г. в Москве состоялся Архиерейский Собор, на котором Местоблюститель Митрополит Сергей был избран Патриархом Московским и всея Руси. Так произошла нормализация отношений между церковью и государством.

В послевоенные годы участие русской церкви в миротворчестве было единственной формой ее патриотического служения, которое пользовалось поддержкой со стороны государства и официальных общественных организаций. Миротворческая деятельность Патриархов послевоенной эпохи — Алексия и Пимена — снискала широкое общественное признание.

Для православной церкви традиционно уважительное отношение к армии, к ратному труду воина. Армия как гарант национальной независимости и государственной целостности; армия как школа долга, верности, мужества, стойкости заслуживает всяческого уважения.

Но до сих пор не рассеялась еще тень, омрачающая отношения между церковью и армией, тень, нависшая в годы гражданской войны,

когда православная церковь занимала единственно возможную для нее нейтральную позицию; эта тень сгустилась в предвоенные десятилетия беспощадных гонений на церковь. Патриотическое служение церкви своему Отечеству в великой войне с фашистской Германией не устранило ее до конца.

Атеистическое воспитание солдат и офицеров остается реальностью в жизни Советской Армии. А в армии, с ее дисциплиной, с обязанностью беспрекословного повиновения, больше возможностей для давления на совесть человека, чем в гражданской организации. Верующий офицер, открыто проявляющий свои религиозные убеждения, — большая редкость, исключение. Верующие солдаты становятся объектами не особенно деликатного перевоспитания. Многие из новобранцев-христиан направляются на действительную службу не в боевые части, а в стройбаты, где они служат рядом с бывшими уголовниками, с солдатами, не получившими среднего образования или плохо владеющими русским языком. Налицо явное недоверие командования к верующему солдату.

Чем объяснить это недоверие? Ведь православная церковь, как, впрочем, и другие христианские церкви, за исключением некоторых сектантских общин, не возбраняет ни службу в армии, ни участие в боевых действиях ради защиты Отечества. Причина атеистической нетерпимости к верующим солдатам, конечно, не в самом христианском вероучении, которое только по большой наивности можно заподозрить в пацифизме, она в естественной для командования заботе об идейном единстве армии; а идеология, которая используется как интегрирующая сила, на которой строится политическое воспитание военнослужащих, носит атеистический характер. Но достичь идейного единства путем совершенного искоренения религиозных убеждений нереально. Изжить христианство с его двухтысячелетней историей — это иллюзорная цель, ведущая в тупик.

Мировоззренческий плюрализм общества — сейчас общепризнанная реальность. Существует он и в армейской среде. Нет поэтому никаких разумных оснований стремиться к вытеснению влияния церкви на умы и сердца военнослужащих, к морально-психологической изоляции верующих солдат в своего рода идеологический карантин. Было бы, напротив, вполне разумно, патриотично и в духе времени в религиозных убеждениях военнослужащих находить дополнительный гарант их верности Отечеству, долгу, присяге.

Более того, настало время поставить вопрос о создании в самой структуре военных органов института, который бы помогал верующим солдатам и офицерам жить в соответствии со своей религиозной совестью. В современных иностранных армиях это капелланы.

В старой русской армии военное духовенство как особое ведомство появилось при Петре I, когда проводилась военная реформа и строилось регулярное войско. Во главе военного духовенства, по воинскому уставу, изданному 30 марта 1716 г., стоял полевой обер-священник. Полковые священники на время войны изымались из ведения епархиальных архиереев и переходили в подчинение обер-священника. Во

флоте корабельными священниками служили иеромонахи, а во главе их стоял обер-монах флота. На протяжении XVIII и XIX столетий ведомство военного духовенства неоднократно реформировалось. С конца XIX в. до самой гибели старой армии высшее должностное лицо в военном духовенстве носило звание протопресвитера армии и флота. Опыт, накопленный военным духовенством, заслуживает изучения. А вопрос о воссоздании этого института приобрел актуальность.

Ведь не только атеистическое рвение иных начальников, но и сами условия военной службы затрудняют верующим воинам посещение церквей, расположенных часто за десятки, а то и сотни километров от военных городков. Между тем целесообразность воссоздания института военного духовенства заключается не только в том, что солдаты и офицеры, как и все граждане СССР, в соответствии с Конституцией имеют право «отправлять религиозные культы» (статья 52 Конституции СССР). Военное духовенство могло бы взять на себя долю ответственности за патриотическое воспитание верующих солдат. В старой русской армии на полковых священниках лежал основной груз обязанностей по духовному и нравственному воспитанию воинов.

Одним из возражений против воссоздания военного духовенства могла бы быть ссылка на конституционное отделение церкви от государства. Но церковь отделена от государства не только у нас, но и в Соединенных Штатах, в Польше, во Франции и во многих других странах. Там, однако, это не служит препятствием для присутствия в вооруженных силах военных капелланов, и нет никаких признаков того, что боеспособность армий от этого снижается.

И вот еще какое соображение представляется не лишенным значения. Мировоззренческий плюрализм в армии, как и во всем нашем обществе, — это реальность. А вот политический плюрализм и, следовательно, политическая борьба, которые вскоре, вероятно, получат у нас легальный характер, для армии были бы губительны. Армию не разрушает присутствие в ней одной правящей партии; но многопартийность в армии, которую Россия хорошо знает по опыту Февральской революции, ведет ее к распаду и гибели.

В случае появления у нас многопартийной системы политические органы в войсках должны будут, вероятно, приобрести иной, чем ныне, характер, не связанный с партийностью, потому что многопартийными они быть не должны и не могут. Не возникнет ли тогда особенно острой нужды в военных священниках, которые, не агитируя за ту или иную партию, занимались бы, помимо своего главного дела — религиозного окормления верующих солдат, — еще и их патриотическим воспитанием.

Православная церковь имеет в этом деле безмерно богатые традиции.

АРМИЯ И РЕЛИГИЯ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ДИАЛОГУ

Задача построения социалистического правового государства предполагает совершенствование механизма правовой защищенности личности, упрочение гарантий осуществления политических, экономических, социальных прав и свобод. В этой связи следует по-новому посмотреть на правовой статус гражданина СССР, критически переосмыслить сложившиеся в нашей стране социальные и правовые стереотипы, в том числе по вопросу о конституционном праве свободы совести.

Объективная потребность в этом очевидна. В правовом государстве невозможно всеобъемлющее осуществление права свободы совести без четкого определения социальных форм и содержания этого права, правовых гарантий его осуществления.

Необходимость изменения действующего законодательства, регулиющего правовое положение верующих, вытекает и из содержания подписанного нашей страной в январе 1989 г. Итогового документа Венской встречи представителей государств—участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В этом документе закрепляется наряду с другими обязательствами стран-участниц «обеспечивать в своих законах и административных правилах и при их применении полное и эффективное осуществление свободы мысли, свободы совести, религии и убеждений»¹.

Признавая примат норм международного права над внутренним законодательством как одного из условий гармоничного существования мирового сообщества, наше государство обязалось привести свое законодательство в соответствие с положениями международно-правовых документов. Из многообразия возникающих отсюда проблем в последнее время все большую актуальность приобретает вопрос об отношениях армии и религии, о реализации религиозных убеждений в условиях военной организации.

Во времена тоталитарного военно-бюрократического режима, когда атеизм был возведен в ранг государственной политики, что на прак-

¹ Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. М., 1989, с. 14.

тике означало объявление войны религии, упомянутых проблем как будто и не существовало. Армия традиционно рассматривалась партийными идеологами как школа мужества и воспитания, а также атеистического перевоспитания отдельных «малосознательных и заблудших» молодых граждан. Причем «перевоспитание» на практике принимало нередко примитивные, грубые формы, осуществлялось на грани административного произвола и беззакония. Была нарушена известная истина марксизма, которую Ф. Энгельс сформулировал так: «Единая истина услуга, которую в наше время можно еще оказать богу, — это провозгласить атеизм принудительным символом веры...»¹

Определенную лепту в научное обеспечение подобной практики внесла и военно-философская наука, выводы которой сводились в основном к обоснованию негативного влияния религии на функционирование армии. Как ни грустно, но приходится констатировать тот факт, что и в условиях перестройки в военной печати появляются статьи и книги, в которых пропагандируются те же силовые методы атеистического воспитания, а религия представляется исключительно в черном цвете.

Между тем существуют весьма серьезные проблемы, связанные с армией и религией, которые в теоретическом плане в последние десятилетия почти не рассматривались и ныне настоятельно требуют своего решения. Остановимся на некоторых из них.

В последнее время все чаще ставится вопрос о необходимости закрепления в советском законодательстве норм, представляющих возможность верующим призванным, которые по религиозным убеждениям отказываются нести военную службу, имея дело с оружием, проходить так называемую альтернативную гражданскую службу. Сегодня отечественное законодательство такой замены не предусматривает. Более того, отказ либо уклонение от несения военной службы по религиозным убеждениям рассматривается как грубейшее нарушение гражданского и воинского долга и образует состав преступления, наказуемого лишением свободы.

Безусловно, осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданами своих обязанностей, а использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства. Однако практика свидетельствует о том, что верующие граждане, отказываясь в силу религиозных нравственно-этических правил брать в руки оружие, готовы добросовестно выполнять любую другую, самую непрестижную и тяжелую работу.

Возникает справедливый вопрос: насколько в таком случае оправданно иметь в уголовном законе суровые санкции? Становится все более очевидным и то, что отсутствие в советском законодательстве права на альтернативную гражданскую службу не согласуется с потребностями дальнейшей гуманизации и демократизации нашего общества, не способствует усилению гарантий прав и свобод граждан. И в этом плане история Советского государства хранит поучительные примеры.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 514.

Сегодня, когда мы все чаще возвращаемся к ленинским идеям построения социализма, весьма полезно ознакомиться с конкретными историческими документами, к подготовке которых В. И. Ленин имел непосредственное отношение.

Как известно, в числе первых законодательных актов молодой республики был декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Пункт 6 декрета гласил: «Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою (подчеркнуто мной. — А. П.), в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда»¹.

В развитие этих положений в декрете ВЦИК республики от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» предусматривалось, что лица, религиозные убеждения которых не допускают применения оружия, могут привлекаться к обучению лишь обязательно, не связанным с употреблением оружия².

4 января 1919 г. В. И. Ленин подписал Декрет об освобождении от воинской повинности. Согласно декрету, лицам, «не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставлялось право по решению народного суда заменить таковую на определенный срок санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользуемой работой по выбору самого призванного»³. Что на практике и делалось.

Как видим, в тяжелейший для Советской республики период — в разгар гражданской войны, когда решалась судьба России и армия остро нуждалась в людском пополнении, — были приняты весьма гуманные законодательные акты. При этом не следует забывать высокого уровня религиозного сознания среди населения того времени, а следовательно, и большого числа верующих, чьи религиозные убеждения не допускали взятия в руки оружия. Тем не менее такие решения состоялись, и они органически вытекали из провозглашенных Октябрем принципов уважения прав и свобод граждан.

Объективности ради следует заметить, что институт альтернативной гражданской службы в истории нашего Отечества существовал еще до революции. Согласно Уставу о воинской повинности, верующие-менониты с 1885 г. освобождались от ношения оружия и отбывали службу в мастерских морского ведомства, а также в пожарных и лесных командах (в последних — в качестве лесников, объездчиков и надсмотрщиков)⁴.

К сожалению, во второй половине 20-х годов в условиях четко обозначившегося отхода от ленинской концепции построения социализма упомянутые декреты ВЦИК от 22 апреля 1918 г. и СНК от 4 ян-

¹ «СУ РСФСР», 1918, №18, ст. 263.

² См.: Декреты Советской власти. М., 1959., т. 2, с. 151—152.

³ «СУ РСФСР», 1919, №17, ст. 192.

⁴ См.: Свод законов, 1890, т. VIII, ст. 18, приложение к ст. 26 (прим.).

варя 1919 г., а также изданные на их основе приказы Реввоенсовета и Наркомюста были отменены. И хотя законы об обязательной военной службе 1925 и 1930 гг. формально допускали альтернативную службу, фактически она была сведена на нет. Этому в немалой степени способствовало Положение о воинских преступлениях 1927 г., в котором предусматривалась уголовная ответственность «за уклонение от военной службы под предлогом религиозных убеждений». Термин «под предлогом» означал фактическое отсутствие религиозных взглядов у лица, пытавшегося освободиться от военной службы по религиозным мотивам. Однако не надо обладать богатой фантазией, чтобы понять значение такой формулировки в законодательстве того времени, когда искренне верующий человек нередко рассматривался как скрытый враг социализма со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Легально альтернативная служба была отменена несколько позже — в 1939 г. — в Законе СССР «О всеобщей воинской обязанности». И это несмотря на то, что Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви никто не отменял и он действует по сей день, однако заложенные в нем нормы и идеи оказались дискредитированными и преданными забвению.

Пока мы громко говорим об ущемлении в капиталистическом мире прав человека, почти во всех странах Запада для лиц, которые по религиозным мотивам отказывались от призыва на военную службу, была предусмотрена возможность проходить альтернативную службу в гражданском секторе — здравоохранении, благотворительных обществах и т. д. Порядок освобождения от военной службы и замены ее альтернативной гражданской подробно регламентирован в национальном законодательстве большинства западных стран. Разумеется, в странах, где комплектование армии осуществляется на профессиональной основе (по контракту), подобных проблем не существует.

Положительно, хотя и в нескольких иных формах, этот вопрос был решен в некоторых странах Восточной Европы. Например, в Венгрии в 1977 г. верующие — адвентисты, иеговисты и назарейцы — были освобождены от обязанности нести военную службу с оружием, получили право не проходить военную подготовку, а отслужить положенный срок в строительных войсках.

Новое политическое мышление, выдвинувшее на первый план общечеловеческие ценности, не могло обойти стороной вопрос альтернативной службы. Тем более что (не говоря уже об упомянутых венских обязательствах) в марте 1988 г. Комиссия ООН по правам человека в своей резолюции признала возможность прохождения альтернативной гражданской службы, сославшись при этом на свободу совести как на законное право человека. Комиссия рекомендовала государствам не подвергать лиц, отказавшихся от военной службы по соображениям совести, тюремному заключению и рекомендовала также рассмотреть вопрос об учреждении беспристрастной процедуры определения обоснованности отказа от военной службы по упомянутым соображениям.

В июне 1989 г. на сессии венгерского парламента в Закон о национальной обороне были внесены поправки, которыми введена альтерна-

тивная гражданская служба. Теперь в Венгрии по мотивам свободы совести предоставляется право на прохождение службы не только в строительных войсках, но и в других государственных и общественных гражданских организациях.

В июле 1988 г. новую форму прохождения военной службы, получившей название «замещающая служба», ввел также сейм Польши. Замещающая служба применяется только в мирное время и по двум основаниям: религиозное убеждение и пацифистские принципы призывника. Срок прохождения замещающей службы — 36 месяцев, а для лиц с высшим образованием — 24 месяца. Этот срок необходимо отработать на предприятиях по охране окружающей среды, социальной опеки, коммунального или водного хозяйства¹.

В стадии обновления находится законодательство по данному вопросу и в других странах — участницах Варшавского Договора. Таким образом, вопрос этот в современном мире перестал быть дискуссионным и перешел в плоскость практического решения. Возможность альтернативной службы сегодня рассматривается как международный гуманитарный эталон, показатель цивилизованности общества. И не признавать этого — значит сознательно обрекать страну на отставание в области гуманитарного социального прогресса.

В настоящее время идет интенсивная переработка советского законодательства. Подготовлен проект закона СССР «О свободе совести и религиозных убеждений». В стадии разработки находятся законы «Об обороне СССР», «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», «Об основах государственной молодежной политики в СССР» и др. Очевидно, в них найдет развитие забытое положение Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви — о возможности замены по религиозным мотивам военной службы альтернативной гражданской службой.

Какие в этой связи могут возникнуть проблемы? Похоже, что самая серьезная — выработка эффективного механизма замены воинской обязанности альтернативной гражданской. Если этот механизм не будет достаточно надежным, то возможны уклонения от военной службы несознательной части молодежи, а также иные злоупотребления. При решении этой проблемы следует учитывать прошлый отечественный опыт.

В начале 20-х годов процедура замены военной службы альтернативной была довольно хорошо отработана и всесторонне регламентирована с указанием источников доказательств, сроков их предоставления и рассмотрения в народном суде. Например, постановлением СНК РСФСР от 14 декабря 1920 г. предусматривалось, что суд при рассмотрении дел подобного рода должен руководствоваться: а) свидетельскими показаниями и другими данными об образе жизни лица, удостоверяющими степень искренности и последовательность в проведении им своего религиозного учения в жизни; б) заключением экспертизы как по вопросу о том, действительно ли

¹ См.: Законодательство зарубежных стран. Реферативный сборник ВНИИ СГСИЗ, 1989, №2.

данное религиозное учение исключает для последовательного его сторонника участие в какой бы то ни было военной службе, так и по вопросу о том, действительно ли данное лицо принадлежит именно к этой секте или религиозному учению и практически следует ему в своей жизни. В этом же постановлении оговаривалось, что для проведения экспертизы в народный суд приглашаются сведущие и внушающие доверие представители соответствующих религиозных вероучений, преимущественно из числа живущих в данной местности и близко знакомых с учением и укладом жизни последователей этого вероучения¹.

Ныне, учитывая современный уровень общественного развития, представляется целесообразным вопрос о замене военной службы альтернативной гражданской передать на рассмотрение призывных комиссий, в состав которых следует включать и служителей религиозного культа, разумеется, при наличии заблаговременно поданных соответствующих письменных заявлений призывников. Поскольку свобода совести — категория морально-этическая, которая трудно поддается объективному контролю, то, помимо заявления призывника, необходимо принимать во внимание весь образ его жизни, насколько строго соблюдает он религиозные заповеди и каноны, на которые ссылается. Одним из объективных показателей могло бы быть членство молодого человека в религиозной организации и ее письменное ходатайство.

В дальнейшем по мере углубления судебно-правовой реформы и повышения роли и авторитета судебных органов в жизни общества вопрос о замене военной службы альтернативной гражданской целесообразно передать на рассмотрение народных судов. Подобный порядок, кстати, предусмотрен упомянутым декретом от 23 января 1918 г., который оправдал себя в 20-е годы. Аналогичная практика сложилась сегодня и в некоторых западных странах.

Не менее важная проблема состоит в том, чтобы создать альтернативную гражданскую службу, приблизительно адекватную по сложности военной. Поскольку тяготы военной службы, как правило, трудно сопоставимы с гражданской, то альтернативная служба, чтобы стать соразмерным эквивалентом, очевидно, должна быть более длительной, скажем в пределах 36 месяцев. Такая служба могла бы проходить в военных совхозах и животноводческих комплексах, которых в армии более 160, в госпиталях и стационарных диспансерах, в пожарных частях и т. п., причем, как и срочная военная служба, безвозмездно, за исключением установленного минимума материального обеспечения. Время прохождения альтернативной службы должно засчитываться в трудовой стаж и выслугу лет для назначения пенсии. Уклонение же от нее следует рассматривать как общественно опасное, наказуемое деяние.

После окончания срока альтернативной гражданской службы было бы оправданным зачислять лиц, прошедших ее, в резерв сроком на 20—25 лет. В этот период они могут призываться для оказания помощи

¹ См.: «СУ РСФСР», 1920, №99, ст. 527.

в случае стихийных бедствий и крупных катастроф (подобно тому как военнотруженики запаса могут призываться на учебно-поверочные сборы).

Есть все основания полагать, что альтернативная гражданская служба, более длительная по срокам, не очень-то большая поощровка, и не у многих малосознательных и избалованных молодых людей появится желание проходить ее вместо военной службы под надуманными предложениями. К этому надо добавить, что далеко не всякая вера осуждает защиту Отечества с оружием в руках, и, на мой взгляд, нет оснований опасаться того, что под предлогом религиозных убеждений резко снизится количество призывников в ряды Вооруженных Сил. В 1989 г., например, по религиозным убеждениям отказались принимать присягу 300 баптистов. Это совсем немного, даже если приплюсовать сюда другие вероисповедания, которые запрещают принимать военную присягу и брать в руки оружие.

По мере создания достаточно эффективного механизма замены военной службы альтернативной гражданской по религиозным мотивам можно будет уже в недалеком будущем рассмотреть вопрос о такой же замене по пацифистским мотивам. Требование свободы убеждений также вытекает из положений Итогового документа Венской встречи. В ряде стран Восточной Европы это требование уже нашло законодательное закрепление применительно к военной службе. С законодательной инициативой по этому вопросу, как известно, выступили и Прибалтийские союзные республики. Однако для его положительного решения необходимо создание некоторых предпосылок как в обществе в целом, так и в армии в частности. Речь в первую очередь идет о необходимости гуманизации военной службы, повышении престижа армии в обществе. В противном случае можно «наломать дров» и породить новые серьезные проблемы.

Как сказано выше, далеко не всякое вероучение рассматривает защиту Отечества с оружием в руках как противоречащее религиозным нормам. Более того, такие вероучения — исключение. И если вопросу альтернативной службы было посвящено пристальное внимание в настоящей статье, то только потому, что все граждане требуют уважительного отношения к своим религиозным чувствам и убеждениям. Свобода личности — высшая ценность на Земле, и общество обязано создавать все условия для удовлетворения духовных потребностей человека.

Советские люди проявляют все больший интерес к истории Отечества и роли православной церкви, к месту религии в современной духовной жизни нашего общества. Этому в немалой степени способствовало празднование в 1988 г. 1000-летия введения христианства на Руси. Представители духовенства ныне нередко выступают в средствах массовой информации, в том числе военных. Их выступления несут в себе немалый патристический и нравственный заряд.

Наблюдения показывают, что религия не препятствует добросовестному выполнению воинского долга. Верующие военнотруженики более дисциплинированы, исполнительны, законопослушны. Для

них защита Отечества — святой долг. Именно как священный долг рассматривается военная служба и в Конституции СССР.

Очевидно, роль религии и церкви в нравственном и патриотическом воспитании граждан, в том числе в духе уважительного отношения к армии, еще должным образом не оценена. В печати на сей счет приводятся большей частью негативные примеры. Но это однобокий подход и отнюдь не вся правда. Разве можно вычеркнуть из истории имени Александра Невского, Дмитрия Донского, монахов Троице-Сергиева монастыря Родиона Осляби и Александра Пересвета — истинных патриотов Отечества, которых церковь глубоко чтит за ратные подвиги. Святыми на Руси назывались и считались ордена Андрея Первозванного, Георгия, Владимира, Александра Невского.

Религиозные учения порицают безнравственность и прививают любовь к Отечеству, внося существенный вклад в воспитание молодых людей, которым предстоит служба в армии, и тех, кто уже проходит военную службу. Вот почему церковь нужно сделать нашим союзником; многолетнюю конфронтацию с нею следует прекратить, заменив ее диалогом.

Воспитательную роль религии можно проиллюстрировать на таком историческом примере. В 1876 г. во многих российских газетах было напечатано известие о мученической смерти унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фомы Данилова. Он был захвачен в плен кипчаками и после изощренных истязаний варварски умерщвлен ими за то, что не захотел принять магометанство и перейти к ним на службу. Сам хан обещал ему помилование и награду, если он согласится отречься от Христа. Данилов отвечал, что изменить он кресту не может и как русский подданный должен и в плену исполнить свою обязанность по отношению к царю и к христианству. Мучители, забив Данилова до смерти, поразились силе его духа и назвали его «батырем», то есть богатырем.

Ф. М. Достоевский, прочитав в газетах о Данилове, посвятил размышлениям о нравственном и духовном источниках его подвига более десяти страниц своего дневника. Эти размышления он озаглавил «Фома Данилов, замученный русский герой».

«...Для народа нашего, — писал Достоевский, — подвиг Данилова, может быть, даже и не удивителен. В том-то и дело, что тут именно — как бы портрет, как бы всецелое изображение народа русского, тем-то все это и дорого для меня, и для вас, разумеется. Именно народ наш любит точно так же правду для правды, а не для красоты. И пусть он груб, и безобразен, и грешен, и неприметен, но приди его срок и начнись дело всеобщей всенародной правды, и вас изумит та степень свободы духа, которую проявит он перед гнетом материализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже перед страхом самой жестокой мученической смерти. И все это он сделает и проявит просто, твердо, не требуя ни наград, ни похвал, собою не красуясь: «Во что верую, то и исповедую»»¹.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Т. 25 (Дневник Фисателя за 1877 г., январь — август). Л., 1983, с. 15.

Народ наш за истекшее столетие, видимо, хуже не стал. Но вот пример наших дней. В конце ноября 1989 г. сообщалось, что в пакистанском городе Пешаваре афганская оппозиция освободила двух советских военнопленных родом с Украины и из Белоруссии. При этом умалчивалось, что они приняли мусульманскую веру и на встрече с премьер-министром Пакистана Беназир Бхутто наизусть читали фрагменты из Корана. Пишу об этом не ради осуждения молодых ребят — чтобы иметь на это моральное право, надо самому пережить то, что пережили они в плену. Речь о другом. За этим частным случаем кроется нечто большее — утрата духовной связи с Отечеством.

Роль религии в патриотическом воспитании требует не только объективной оценки, но и определенных действий. Недавно в одной из газет сообщалось, что в Ленинграде на бывшей Английской набережной стоит церковь — Спас на водах. В начале 30-х годов церковь была закрыта, ее имущество разграблено, и теперь она используется под склад. Церковь эта была построена в начале века в честь и память военных моряков, погибших в русско-японской войне, на пожертвования прихожан, родственников и близких погибших. Внутри церкви на специальных плитах были выбиты имена моряков — славных сынов Отечества, сложивших головы в этой войне, — от матроса до адмирала.

Однако, как выяснилось, церковь эта не сохранилась, и, очевидно, вопрос о ее восстановлении как храма и музея военно-морской славы проблематичен. Вместе с тем в сегодняшних условиях заслуживает внимания предложение народного депутата СССР, председателя Издательского отдела Московского Патриархата митрополита Волоколамского и Юрьевского ПИТИРИМА об открытии в г. Москве и в городах-центрах военных округов общевойсковых гарнизонных церквей — как действующих храмов и одновременно музеев. Чтобы в них хранились бесценные свидетельства подвига многих поколений защитников Родины. Чтобы под сенью овеянных славой боевых знамен каждый военнотружущий, не стесняясь своего мундира, мог бы возжечь свечу и помолиться.

С сожалением приходится говорить, что сегодня верующие военнотружущие нередко поставлены в такие условия, которые фактически не позволяют им свободно реализовать конституционное право свободы совести. Существовавший в 30-е годы Союз воинствующих безбожников сохранил в своих рядах среди воинских должностных лиц немало приверженцев. Их методы атеистической работы сводятся к запретительству и недопущению. Уже не раз сообщалось о фактах, когда военнотружущим запрещалось носить нательные крестики, иметь религиозную литературу, другие религиозные атрибуты под предлогом, что это не предусмотрено общевойсковыми уставами. Известны случаи, когда офицерам не присваивались очередные воинские звания по причине их религиозности. Все это, безусловно, не может не задевать честь и достоинство верующего человека и является примером

казенного, бездушного отношения к людям некоторых ретивых начальников.

Артем Боровик в опубликованных письмах с афганской войны приводит пример, когда воин-десантник перед выходом в боевой рейд вынужден молиться в туалете — подальше от глаз начальников и сослуживцев...

«Принято считать, — пишет известный военный политолог генерал-майор В. М. Дудник, — что верующих в армии не преследуют. Это полуправда. Да, действительно, к воинам, находящимся на срочной службе, никаких открытых силовых методов «атеистического перевоспитания» не применяется. Но что делать офицеру, если от него требуют регулярных отчетов «о сокращении числа верующих солдат»¹?

Есть примеры и другого рода. В связи с известным Указом о предоставлении отсрочки от призыва студентам дневных высших учебных заведений в печати было опубликовано разъяснение следующего содержания: «Отсрочка воспитанникам духовных семинарий и академий, согласно Закону СССР о всеобщей воинской обязанности, не предоставляется. Ввиду того что декретом 1918 г. у нас церковь отделена от государства, данные учебные заведения не приравниваются к светским высшим учебным заведениям»². Если следовать логике, то из данного разъяснения вытекает совершенно противоположный вывод — воспитанники духовных семинарий и академий вообще не должны призываться в ряды Вооруженных Сил, поскольку у нас действительно церковь отделена от государства. Однако вопрос так не ставится. Очевидно, было бы справедливо распространить на данную категорию советских граждан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1989 г. о предоставлении отсрочки студентам дневных высших учебных заведений.

Вопросы, поднятые в этой статье, — звенья одной цепи. То, что они требуют правового регулирования, сомнений не вызывает. Число верующих в обществе увеличивается, растет их число и в армии. Официальных данных на этот счет нет. Но по сведениям, например, одной из крупных строительных частей, 12% военных строителей призыва 1988—1989 гг. заявили, что являются верующими. Конечно, строительные части не показатель для Вооруженных Сил в целом, однако в любом случае можно утверждать, что верующие в армии — явление не столь редкое и представляют они различные конфессии — православие, ислам, иудаизм, католичество и др. И с этим надо считаться.

Обратимся опять же к историческому опыту — к началу 20-х годов. Приказом Реввоенсовета республики №1 от 3 января 1919 г. занятия в воинских частях и учреждениях с сочельника и праздника Рождества Христова переносились на другие дни³.

¹ Священник и армия. — *Московский церковный вестник*, №13, 1989, октябрь.

² Устав — не ширма. — *Красная звезда*, 1989, 8 июля.

³ См.: Сборник приказов РВСР, 1919, т. 3, ч. I.

Приказом РВСР №590 от 7 марта 1922 г. в частях Красной Армии военнослужащим различных национальностей предоставлялось право, помимо декретированных общих праздников, отмечать еще 11 религиозных дней. К приказу прилагался календарь религиозных празднований, утвержденный коллегией Наркомата по делам национальностей¹.

Возможно, не все в этой статье бесспорно, но сегодня совершенно очевидно, что затронутые проблемы требуют самого серьезного и глубокого осмысления. Известно, что в разрабатываемых Основах уголовно-воспитательного законодательства предусмотрена специальная статья, гарантирующая свободу совести в местах заключения. Конечно же, военнослужащие не могут находиться в более ущемленных условиях, чем осужденные. И это должно найти отражение в проекте нового Устава внутренней службы Вооруженных Сил СССР, который сейчас разрабатывается. Естественно, вера военнослужащих и связанные с ней атрибуты не должны нарушать воинский порядок, препятствовать нормальному процессу боевой учебы или ущемлять права других военнослужащих.

Справедливое решение вопросов, связанных со свободой совести военнослужащих, явится пусть небольшим, но по-своему немаловажным вкладом в построение гуманного, правового государства в СССР.

¹ См.: Сборник приказов РВСР, 1922, ч. I.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ПРОБЛЕМА ОТКАЗА ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Проблема отказа от военной службы по религиозным и иным убеждениям характерна для многих государств Восточной Европы, включая Советский Союз. В большинстве указанных стран уже длительное время наблюдается этот феномен, различаясь лишь по количеству случаев отказа и по социально-политическому значению, которое придается этой проблеме. Наибольшее число таких лиц — назовем их отказчиками — составляют верующие: толстовцы и адвентисты в Болгарии, свидетели Иеговы в ГДР, назарейцы и свидетели Иеговы в Венгрии, толстовцы и свидетели Иеговы в Польше, назарейцы и адвентисты седьмого дня в Румынии, баптисты, православные фундаменталисты, пятидесятники и другие евангельские христиане в СССР, назарейцы и свидетели Иеговы в Югославии¹. Отказчики по нерелигиозным мотивам состоят преимущественно из пацифистов, анархистов и политических диссидентов. Заманчиво было бы предположить, что абсолютное число и доля этих отказчиков возрастают. Однако имеющиеся данные не позволяют сделать такого вывода.

В большинстве социалистических стран почти все время с момента их возникновения эмпирические данные о феномене отказа от всякой службы скрывались от общественности, проблема эта никогда официально не признавалась и публично не обсуждалась. В СССР с середины 30-х годов, в других социалистических странах — с конца 40-х годов общим правилом стало непризнание данной проблемы, грубое подавление радикальных отказчиков в сочетании с редкими случаями послаблений в отношении некоторых «мягких» противников военной службы. Подобная практика являлась одним из проявлений сталинизма, а затем была заимствована руководством стран «народной демократии» либо навязана ему и сохранилась в большинстве социалистических стран приблизительно до середины 80-х годов, а в некоторых (в основном в Азии) и до настоящего времени.

Наличие естественных связей между казарменным социализмом и сталинской практикой в отношении отказчиков по религиозным мотивам подтверждается фактами. Так, совершенно одинаковое либо весь-

¹ См.: *Conscientious Objection to Military Service*, UN Document E/ON. 4/Sub. 2/1983/30/Rev.1, p. 25—26.

ма сходное отношение к проблеме отказа было присуще многие годы всем странам, где у власти стояли коммунистические партии. Все социалистические государства ввели у себя всеобщую воинскую обязанность для мужского населения (а некоторые — также ограниченную обязанность для женщин), провозгласив ее «высшим» (Чехословакия, Болгария), «священным» (СССР, Венгрия, Румыния), «наисвятейшим» (Польша) или «почетным» (ГДР) долгом. Под таким углом зрения, сильно окрашенным марксистскими идеологическими догмами, любой отказ от участия в «справедливой защите отечества» рассматривался как «предательство» и уголовно наказуемое деяние. Такая официальная позиция в сочетании с подготовкой к военной конфронтации с империализмом исключала возможность какой-либо альтернативной гражданской службы.

Подобное отношение к отказчикам внедрялось наряду с иными проявлениями авторитарной сталинистской системы, такими, как ликвидация политического соперничества и подавление оппозиции, репрессии в отношении любых форм политического и парapolитического плюрализма, широкомасштабное нарушение прав человека. Не случайно в двух довольно различных многонациональных государствах — СССР и Югославии — и в разные периоды их истории уголовное преследование отказчиков по мотивам свободы совести было установлено одновременно с отменой территориальной милиции — размещенных вблизи мест проживания и сравнительно однородных по национальному составу частей, военных командований и школ, в которых использовались национальные, а не государственные языки; одновременно с запрещением употребления языков национальных меньшинств в армии в качестве командных и административных; одновременно с полной политической унификацией (*Gleichschaltung*) и культурной ассимиляцией, официальной целью которых провозглашалось сотворение «нового социалистического человека».

С другой стороны, исторические факты не подтверждают, что социалистический политический строй по своей природе враждебен и репрессивен по отношению к отказчикам по мотивам совести. Во всех социалистических странах были периоды, когда проявлялась терпимость, «не замечались» или даже законодательно защищались отказчики, — они пришли в первых социалистических государствах — СССР и Монголии — на первое десятилетие их существования.

Основатель Советской России В. И. Ульянов-Ленин уже 23 января 1918 г. подписал декрет, разрешающий по мотивам религиозных убеждений заменять одну гражданскую обязанность другой. 4 января 1919 г. все отказчики по религиозным мотивам были освобождены от призыва. 14 декабря 1920 г. вступила в действие детально разработанная юридическая процедура реализации права на такой отказ. Советский Закон о военной обязанности, принятый 18 ноября 1925 г., в VIII главе оговаривал право на отказ по мотивам совести. Эта практика, основанная на духе терпимости, была прекращена в середине 30-х годов и в конечном счете законодательно запрещена в 1939 г.

В Монголии традиционное освобождение от военной службы буд-

дистских монахов, которые составляли значительную часть мужского населения, сохранялось с 1922 г. до начала 30-х годов. Его отмена сошла и была тесно связана с насильственной коллективизацией в сельском хозяйстве, роспуском и разрушением большинства монастырей при сталинском режиме. С тех пор ни одно социалистическое государство не освобождало священников или монахов от военной службы. (С другой стороны, советская система предполагала освобождение или отсрочку от военной службы для нескольких профессиональных групп, имевших критически важное значение для режима и его военно-промышленного комплекса.)

Между тем сталинские методы подавления и наказания отказчиков по мотивам совести не были ни оригинальными, ни специфически социалистическими. Они фактически представляли собой возврат к традиционным репрессивным методам, давно известным во многих не социалистических странах. Основное различие между сталинскими методами и практикой в дореволюционной России заключалось в тоталитарной тщательности и жестокости наказания. Сталинская система фактически была весьма сходна с более поздними системами в Испании при генералиссимусе Франко или в Турции.

С середины 50-х годов в СССР и с середины 60-х годов в Восточной Европе сталинская практика в отношении отказа от военной службы по религиозным мотивам претерпела значительные эволюционные изменения. Стали допускаться некоторые формы альтернативной службы внутри вооруженных сил, реже — вне армии. Эти уступки были сделаны без всяких конституционных оснований и даже вопреки ясным конституционным нормам, исключавшим возможность отказа как на религиозной, так и нерелигиозной почве.

До 1988 г. ни в одном социалистическом государстве отказ от военной службы по мотивам совести законодательно не признавался правом каждого гражданина, а имевшие место уступки сопровождались соответствующими судебными постановлениями. До того времени, а в некоторых странах и до сих пор все решения по данному вопросу произвольно принимались и принимаются чиновниками, занимающимися призывом на военную службу. Так, в социалистической сверхдержаве — Советском Союзе, почти три десятилетия практикующем уступки отказчикам, все еще не имеется законодательных положений и не установлен административный порядок для рассмотрения таких случаев. В Китае не ощущается особой надобности в рассмотрении данной проблемы властями, поскольку отсрочки от призыва носят столь массовый характер, что военная служба стала почти добровольным делом.

Первым социалистическим государством, где была официально признана возможность отказа от военной службы по мотивам совести, была Германская Демократическая Республика. На протяжении более двух десятилетий она оставалась единственной социалистической страной, в которой имелись официальные установления на этот счет, обладавшие двумя либеральными особенностями: а) они относились в равной степени к отказу как по религиозным, так и по нерелигиозным

мотивам; б) влекли за собой увеличение срока альтернативной службы. Однако и восточногерманский порядок урегулирования подобных вопросов не имел никаких основ ни в Конституции, ни в законе о военной обязанности. Вместо этого он был введен постановлением Совета национальной обороны¹. Отказчики проходили службу в военно-строительных частях (Baueinheiten) без оружия в военной форме, должны были принимать присягу, заниматься военной подготовкой (без оружия) и обеспечением боевых действий (строительство, маскировка, медицинская помощь и т. д.). Число отказчиков, надевших форму военного строителя (Bausoldaten), по официальным данным, составляло ежегодно около 500—600 человек².

Вслед за Советским Союзом наиболее распространенной в других странах Варшавского Договора практикой использования отказчиков стало создание военно-строительных частей. Это компромиссное решение имело двойной эффект: во-первых, удовлетворялась потребность в дешевой рабочей силе; во-вторых, устранился источник социально-политического конфликта. Последняя особенность была весьма важна для ГДР, населению которой из средств массовой информации ФРГ становилось известно о принятой там либеральной практике решения проблемы отказа по мотивам совести.

В Польше без особого шума была введена альтернативная гражданская служба без оружия в гражданской обороне, профессиональных пожарных частях, а также в сфере гуманитарной помощи (в больницах, социальном обеспечении, коммунальных службах). Отказчики проходили службу, не надевая военную униформу и не получая жалованья. Работа им предоставлялась местными властями и проверялась в масштабах всей страны сотрудниками министерства труда и социальных дел. Кроме отказчиков, к этому виду альтернативной службы допускались лица, негодные по состоянию здоровья для военной службы³.

В Болгарии отсрочку от призыва на военную службу предоставляли молодым людям, занятым на тяжелых физических или непривлекательных работах свыше пяти лет, а также работающим в отраслях, считавшихся особо важными или испытывавших нехватку кадров (металлургия, кораблестроение, горнодобывающая промышленность, геологоразведочные работы и т. п.).

Существовал еще один метод, но уже административного устранения проблемы отказа — признание отказчиков умственно неполноценными или душевнобольными и исключение их из призывных списков. Такие лица в дальнейшем подвергались дискриминации, зачастую лишались доступа к высшему образованию, продвижения по службе и т. д. Этот метод, по некоторым данным, широко применялся в Чехословакии.

¹ См.: Постановление Совета национальной обороны ГДР о создании военно-строительных частей в системе Министерства обороны от 7 сентября 1964 г.

² См.: Цайт, 1988, 30 сентября.

³ См.: *Тросуна моду*, 1987, 17—18 января.

В начале 80-х годов в большинстве стран Восточной Европы, СССР и Китае, несмотря на репрессии, наблюдался рост оппозиционных движений. Во многих случаях политическая оппозиция включала в свои платформы критику военной политики своих правительств, защиту прав человека, а некоторые из них — и нерелигиозный пацифизм. Во многих восточноевропейских странах — участницах Организации Варшавского Договора (ОВД) члены оппозиционных групп отказывались от военной службы, связанной с ОВД или советским военным присутствием. Известно по крайней мере несколько десятков случаев подобного отказа по нерелигиозным мотивам совести. В Чехословакии это сторонники «Хартии-77», в Польше — «Солидарности», протестовавшие против клятвы верности ОВД, содержащейся в присяге, в ГДР — пацифисты из числа сторонников Евангелической церкви. В ГДР и СССР одним из политических мотивов отказа от военной службы было стремление выехать на Запад (в СССР прежде всего среди евреев и немцев). В Советском Союзе отказ по политическим убеждениям был также связан с войной в Афганистане и национальными движениями в некоторых республиках (например, Прибалтийских).

В некоторых восточноевропейских странах политическая оппозиция выдвинула проблему отказа по мотивам совести в качестве принципиального требования. Правозащитные группы трактовали его как выражение права на свободу совести и требовали исключения отказа из уголовно наказуемых деяний и законодательного признания его в рамках обеспечения прав человека. Политическая оппозиция использовала известные случаи гонений на отказчиков (в основном по религиозным убеждениям) для подчеркивания деспотической и репрессивной природы режима. Однако радикальные пацифистские секты, из которых вышло большинство отказчиков, не пошли на активное сотрудничество с группами политической оппозиции, предпочтя негласное регулирование своих проблем с правительством.

Наиболее активными участниками оппозиционных групп и движений были представители интеллигенции (в том числе священники), учащиеся старших классов школ и студенты, частично — представители средних слоев, занятые в индивидуальном секторе. В состав оппозиции в Польше входили квалифицированные рабочие и крестьяне, в Чехословакии — также небольшое число рабочих. Пацифизм, поддержка требования о легализации права на отказ по мотивам совести и о введении альтернативной службы получили развитие в социалистических странах отчасти под влиянием примера Запада, в первую очередь ФРГ, Нидерландов, Австрии и Скандинавских стран. Их пример гуманного отношения к отказчикам в осознанном или неосознанном виде повлиял на активистов-правозащитников в Восточной Европе и Советском Союзе. В целях публичной дискредитации диссидентов и пацифистов правящие режимы этих стран активно эксплуатировали идеологические догмы, национализм и ксенофобию для противодействия иностранному влиянию.

Однако некоторые режимы сочли более благоразумным пойти на определенные уступки. В 1977 г. в Венгрии вслед за ГДР позволили

своим назарейцам, свидетелям Иеговы и адвентистам седьмого дня служить в армии без оружия и без продления срока службы. Вместе с тем эта уступка не получила законодательного закрепления и не касалась членов более многочисленной религиозной общины католиков, а также нерелигиозных отказчиков. В ней также не были учтены требования радикальных религиозных пацифистов из числа свидетелей Иеговы. Таким образом, власти продолжали преследования большей части отказчиков, многие из которых оказывались в тюрьме. Так, число отказчиков, отбывавших наказание в тюрьме Барачка (Baraczka), составило около 150 человек.

Важный прорыв в смягчившейся практике обращения с отказчиками в Восточной Европе произошел летом 1988 г. в Польше. Он последовал за многочисленными протестами и требованиями со стороны оппозиционных групп и юристов об исключении из текста военной присяги клятвы на верность Советской Армии и другим союзникам по ОВД. Особенно активно против этого места в военной присяге выступала пацифистская группа «Мир и свобода». Несколько десятков ее членов было осуждено за отказ от военной службы. И все же правящий режим в конце концов учел их требование. В июне 1988 г. сейм Польши принял закон об изменении текста военной присяги, согласно которому изъяты упоминания о Советской Армии и империализме, но сохранена клятва верности союзникам, впрочем, неназванным.

Спустя месяц власти приняли еще более радикальные меры в отношении проблемы отказа: в июле 1988 г. введена трехлетняя альтернативная гражданская служба вместо двух лет в армии. Выпускники вузов могли вместо военной службы в течение одного года выбрать двухгодичную гражданскую¹. Польское правительство, в то время все еще подконтрольное военным, стало первым коммунистическим правительством после 1945 г., которое ввело в законодательном порядке альтернативную гражданскую службу вне вооруженных сил для отказчиков как по религиозным, так и по нерелигиозным («моральным») убеждениям. Вместе с тем действующая в Польше система предполагает наказание отказчикам в виде продления срока службы. Она также не обеспечивает рассмотрения дел об отказе в беспристрастных и независимых органах, предоставляя заниматься этим полиции, и тогда, и сегодня контролируемой военными. В настоящее время большинство отказчиков занято тяжелой, плохо оплачиваемой и малопривлекательной работой в больницах, коммунальных службах, учреждениях социального обеспечения и контроля за окружающей средой. В течение трех месяцев после принятия упомянутого закона 764 человека заявили об отказе от военной службы по мотивам совести, но лишь 482 заявления было удовлетворено, в том числе 168 — по религиозным мотивам и 314 — по иным основаниям².

Венгрия и Югославия последовали за Польшей в 1989 г. Но если Югославия продвинулась лишь на полшага, то Венгрия пошла дальше

¹ См.: *Жолнеж вольности*, 1988, 14 июля.

² См.: *Жолнеж вольности*, 1988, 10 октября.

Польши. Вслед за реформой внутри правящей партии весной 1988 г. и смещением с высших партийных постов старой олигархии венгерское правительство впервые раскрыло число отказчиков - 158 человек, из которых четверо — по нерелигиозным мотивам.

Стремясь «вступить в Европу», Венгрия в числе прочих реформ ввела в январе 1989 г. пункт об альтернативной гражданской службе в измененную ст. 70 Конституции. Закон, принятый после этого парламентом, соответствует всем рекомендациям Комиссии ООН по правам человека и закрепляет всеобщее право на отказ по мотивам совести на основании ст. 8 Международного соглашения о гражданских и политических правах; альтернативную службу, приемлемую для отказчиков, и немедленное освобождение их из заключения; некомбатантный и невоенный характер альтернативной службы, отсутствие в ней элементов наказания; независимые и беспристрастные органы для рассмотрения случаев отказа (Резолюция №46/87). Венгрия явилась соавтором данной резолюции ООН и стала единственной социалистической страной, которая полностью соблюдает высокие требования рекомендаций Организации Объединенных Наций.

Югославия изменила федеративный закон о военной службе в апреле 1989 г., предоставив возможность служить в армии без оружия лишь отказчикам по религиозным основаниям. Таким образом, югославский вариант не полностью соответствует рекомендациям ООН, поскольку содержит явный карательный элемент (двойной срок службы); не обеспечивает прохождения альтернативной службы вне вооруженных сил; не признает права на нерелигиозный отказ; не предусматривает рассмотрения дел отказчиков независимыми и беспристрастными органами; наделяет командиров неограниченной властью предоставлять статус отказчика по мотивам совести или лишать его, сокращать или продлевать срок службы на 24 месяца; не предоставляет возможности обжалования вне армии. Согласно официальному заявлению, число отказчиков, осужденных югославскими военными трибуналами, составляло с начала 70-х годов около 10 человек в год. В 1988 г. в тюрьмах находилось 14 отказчиков.

Эти изменения в трех восточноевропейских странах, переживающих период реформ, расширили географию регулируемого права на отказ от военной службы по мотивам совести. Социалистические страны Азии, Румыния и Албания все еще не признают права на отказ и преследуют отказчиков в уголовном порядке. СССР, ГДР, Чехословакия, Болгария и Куба допускают некоторые виды альтернативной военной службы для религиозных отказчиков либо службу без оружия, но они не имеют законодательного закрепления. Югославия легализовала «мягкий» религиозный отказ, Польша признала это право также за радикальными религиозными и нерелигиозными отказчиками. В то же время Венгрия присоединилась к государствам (в основном западным) с наиболее либеральным и терпимым отношением к отказу. Резкое различие, существовавшее в 70-х годах между промышленно развитыми либеральными государствами Запада и всеми социалистическими странами, а также многими странами «третьего мира», сегодня

преодолено. Революционные перемены в Чехословакии и ГДР, похоже, приведут к дальнейшим сдвигам в направлении либерализации и увеличат число стран Центральной и Восточной Европы с легальной системой отказа от военной службы по мотивам совести.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ АРМИИ

В условиях обострения социально-политических и национальных противоречий в обществе нельзя не задуматься над некоторыми парадоксами. В самом деле, почему так неоднозначно отражаются в общественном мнении такие события, как использование воинских подразделений для поддержания общественного порядка и осуществление чрезвычайных мер в ряде районов закавказских республик? С одной стороны, часть населения высказывалась за принятие серьезных практических шагов по стабилизации обстановки в Азербайджане и Армении, а медлительность в этом вопросе вызывала у них недовольство. Решительно отвергалась ставка экстремистских сил на конфронтацию и насилие, предлагалось принять меры по пресечению нарастающих противоправных действий, обостряющих межнациональные отношения. С другой стороны, велась антиармейская пропаганда, звучали призывы к скорейшему выводу войск, требования об уходе офицеров Советской Армии в отставку, появлялись угрозы в адрес военнослужащих и членов их семей, чинились препятствия действиям воинских подразделений, вводилась блокада воинских городков, прекращалась подача туда воды и тепла, не завозился хлеб в места дислокации военнослужащих.

Можно ли отмеченные факты объяснить тем, что, принимая участие в примирении сторон, мы чаще всего пытаемся разделить вину за разжигание страстей поровну? Надо ли закрывать глаза на то, что, скажем, по конституциям республик и Союза ССР НКАО входит в состав Азербайджанской ССР? И не наша ли двойственная позиция привела к тому, что мероприятия по вводу воинских подразделений встретили организованное сопротивление, а по военнослужащим открывали огонь боевики народных фронтов обеих сторон?

Видимо, тем, кто участвует в принятии решений о привлечении Вооруженных Сил для разрешения гражданских конфликтов, следует сопоставлять, во что обходится обществу в целом использование армии внутри страны и как оно отражается на статусе военнослужащих.

Комиссия Съезда народных депутатов СССР дала справедливую оценку трагическим последствиям привлечения военнослужащих для разгона несанкционированного митинга в Тбилиси. Она отметила, что «операция» войск в столице Грузии противоречит действующему законодательству, поскольку не санкционировалась высшими государст-

венными органами. Общественным же мнением осуждается не столько сам факт привлечения армии для поддержания общественного порядка, сколько формы и способы использования штатного снаряжения, примененного военнослужащими для отражения нападения со стороны отдельных экстремистов. Именно это характеризуется как нарушение правовых норм, как совершение уголовного акта, основанного на приказе.

И все же представлять действия военнослужащих в черно-белом цвете ошибочно. И вот почему. С мнением военных о том, что охрану правительственных зданий должны осуществлять не армейские части, не посчитались. Необходимость организации спецпостов, застав, комендатур в местах межнациональных конфликтов объясняли обстоятельствами, которые якобы вышли из-под контроля местных властей, а не самоизоляцией руководства республики и недоверием к нему со стороны населения — результатом многолетнего попрания элементарных нравственных норм и неспособности воздействия на обстановку мирными политическими методами. В республике росла настороженность населения, а порой и враждебность со стороны отдельных лиц к армии. Круглосуточные дежурства на въездах и выездах из городов, многомесячная охрана общественных и государственных объектов, учащающиеся нападения на военнослужащих приводили к усталости личного состава, к раздражительности людей. Нельзя не учитывать и того, что в армию призываются лица с различным уровнем образования и воспитания. Поэтому в происшедшем в Тбилиси антигуманном акте я вижу не противостояние Советской Армии и народа, а результат проявления психического состояния молодых людей в экстремальной обстановке. Вмешательство армии рассматривалось, с одной стороны, как посягательство на национальные чувства и гражданское достоинство, а с другой — как выполнение приказа в условиях, когда некоторые военнослужащие еще на подходе к площади были травмированы. Тем самым в Тбилиси произошло столкновение факторов скорее социально-психологических, чем идеологических.

Безусловно, каждый должен заниматься своим делом. Одни — поддерживать общественный порядок, другие — укреплять боевую готовность. Тем не менее государство правомочно использовать армию для решения неотложных проблем, ставящих под угрозу общественное развитие. Разве не создают, например, опасность для перестройки и обновления нашего общества антигосударственные и антинародные, националистические и сепаратистские устремления коррумпированных сил? Стремление различных группировок населения Азербайджана и Армении под лозунгом национального возрождения силой отстранить от исполнения своих функций законные органы власти, изменить государственный и общественный строй, а также неспособность руководства республик преломить ход событий вынудили Президиум Верховного Совета СССР использовать крайнюю меру, предусмотренную законом, — объявить чрезвычайное положение в НКАО, прилегающих к ней районах, в Баку и зоне вдоль государственной границы

СССР на территории Азербайджанской ССР. На этой правовой основе вновь были привлечены воинские части. Но на этот раз их действия не могли рассматриваться как оскорбление национальных чувств или вызов политической власти, они объяснялись стремлением обеспечить целостность социалистического государства, не допустить гражданской войны между народами двух республик. Так была предотвращена попытка, как отметил на февральском (1990) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев, насильственного государственного переворота, опирающегося на подготовленные специальные военные организации и структуры. Ситуация стала столь напряженной, что выход из нее союзное правительство нашло в использовании законных возможностей государства для защиты прав своих граждан.

В этих условиях военнотружущие, проявив высокое чувство ответственности перед народом, предотвратили эскалацию кровопролития, защитили жизнь многих тысяч людей, обеспечили восстановление общественного порядка, образумили экстремистов, свергших собственные народы в пучину кровавой национальной распри, и создали условия для перелома возникшей ситуации, ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств и восстановления правопорядка на государственной границе СССР.

Анализ событий в Закавказье и Таджикистане вскрывает некоторые противоречия на нынешнем этапе развития советского общества. С одной стороны, происходит становление правового государства, а с другой — налицо использование силовых методов. В чем причина такого несоответствия? Демократия оказалась несостоятельной или нет опыта работы в новых условиях и над многими еще довлеют методы командно-административного управления? Видимо, и то и другое. Накладывается свой отпечаток и деморализация многих государственно-правовых структур. На наш взгляд, необходимо однозначно выбрать путь права, когда на защиту интересов и целей людей в случае конфликта встает закон. Демократия и свобода — это условие и цель перестройки. Но у демократии есть свои границы — право, закон, государственная воля.

Советская Армия не имеет права не выступить на защиту целостности государства, общенародных интересов, когда формируются отряды боевиков, осуществляются преступные нападения на склады вооружений и боеприпасов, минируются дороги и мосты, захватываются заложники, физически уничтожаются инакомыслящие и члены их семей. В таких обстоятельствах отсутствие твердости и последовательности в действиях властей порождает у части людей, особенно у молодежи, мнение, что свои интересы можно обеспечить, оказывая давление, предъявляя ультиматумы, а то и провоцируя беспорядки. Примером тому служат события в Сумгаите. Если бы решительные меры были приняты вовремя, кровавый погром и изгнание из республики ни в чем не повинных людей можно было бы предотвратить. Поэтому обострение межнациональных отношений в ряде регионов страны требует безотлагательного создания специального государственного органа, способного оперативно решать назревающие проблемы, гасить пожар до

того, как он запылает, не допускать превращения в заложников и народ, и солдат.

Итак, общественная полезность армии состоит прежде всего в обеспечении государственного суверенитета и национального достоинства страны, мирного труда советского народа и народов союзных стран. Внутри страны Вооруженные Силы гарантируют право на жизнь и безопасность советских людей при уважении их конституционных прав, ограничивают круг взаимной враждебности, национальной розни и кровавой междоусобицы.

Ценность армии обусловлена:

— в социальном аспекте — тем, насколько она, участвуя в регуляции общественных отношений, примиряет и объединяет всех членов общества, сохраняет баланс между классовыми, национальными и общечеловеческими ценностями, баланс, затрагивающий жизненные интересы трудящихся и воплощающий высшие цели социализма;

— в политическом плане — тем, насколько она способна обеспечить мирное развитие страны, стабилизировать обстановку, выступить на защиту конституционных органов государственной власти, быть надежным инструментом военной деятельности трудящихся;

— в духовной сфере — тем, насколько она представляется необходимой для решения социально-политических конфликтов, то есть ее способностью увидеть возникающую конфликтную ситуацию глазами оппонента, пониманием того, что в современную эпоху силовые приемы с чьей бы то ни было стороны бессмысленны, а остановить братоубийство способны лишь мир и согласие.

Верная оценка конкретных событий служит важным критерием для выбора форм деятельности армии. А на основе оценок возникают определенные социальные нормы, в которых отражаются требования к характеру деятельности армии в соответствии с объективными условиями и фиксируются пределы допустимого в использовании сил и средств. Поэтому социальные нормы являются средством контроля за деятельностью армии со стороны трудящихся. Последние, сопоставляя тот или иной вариант деятельности армии с господствующими в обществе нормативными установками, определяют общественную значимость каждого вида и способа деятельности армии и регулируют меру выполнения ею своей социальной роли. За нарушение норм в деятельности Вооруженных Сил и отдельных военнослужащих предусматриваются конкретные санкции. Так обеспечивается устойчивость роли армии как специфического орудия государства.

Ныне, пожалуй, все признают взаимосвязанность двух факторов. С одной стороны, ясно, что силой возникающие конфликты не уладить. Крайние меры способны на время утихомирить страсти, стабилизировать обстановку. Но разрешить тупиковые конфликты могут только человечность, отказ от мести, взаимное уважение, разум и добрая воля. Путь взаимных упреков и претензий, попытки действовать си-

лой, методами террора и запугивания — прямой путь к хаосу, в пропасть. Только переговоры, диалог противоборствующих сторон, контакты патриотических сил народных фронтов позволят избежать дальнейшей эскалации конфликта и вывести из пограничных районов вооруженных боевиков.

С другой стороны, демократии угрожает не твердость, а, наоборот, вседозволенность. И когда льется кровь, когда гибнут люди, государство обязано защищать своих граждан. Причем ему не следует бояться обвинений в возврате к сталинским методам, поскольку социальную болезнь, чтобы ее течение не стало необратимым, надо остановить как можно раньше, в том числе и радикальными методами. Пассивности в действиях, беспомощности в пресечении антигосударственных, антиобщественных акций должна быть противопоставлена решительность в целях стабилизации обстановки и предотвращения дальнейшей эскалации насилия, ведущей к национальной катастрофе.

В предшествующие годы и десятилетия произошло огосударствление общественных отношений. На этой почве государственно-партийный аппарат, присвоив себе право быть субъектом оценок и рассматривая государственные интересы как общественные, стал действовать, не считаясь с интересами народа.

Постепенно выработанные им нормы отстали от изменений, происходящих в обществе. Не осталась в стороне и армия. По решению аппарата она стала подменять собой другие учреждения и организации, участвуя в освоении целины, сельскохозяйственном и промышленном строительстве и т. д.

Демократизация советского общества требует гуманизации социальных норм. Она призвана закрепить в них оптимальное воздействие армии на человека и условия его жизнедеятельности. Это влечет за собой пересмотр норм, их тесную увязку с вопросами социальной ответственности и социальных санкций. Для этого необходимо прежде всего четко провести грань между произвольным и вынужденным. Использование армии должно быть соизмеримо с законностью. Только когда исчерпаны все иные возможности пресечения бесчинств и террора, только тогда применение силы становится прямой обязанностью государственной власти.

Вместе с тем если привлечение армии для ограничения националистического разгула, сохранения жизни людей и обеспечения целостности государства в экстремальной ситуации оправданно, то выбор методов, форм и средств требует предвидения как результатов, так и последствий адекватной оценки конкретной ситуации, способности принимать решения морального плана. Чтобы не было сомнений в том, что искаженная информация о целях экстремистских действий используется для оправдания применения силы, необходим критерий правомочности деятельности неформальных движений. Представляется, что им может служить соблюдение Конституции СССР, уважение законопорядка в республике. Ведь только стремлением властей достичь скорейшего «результата» любой ценой можно объяснить тот факт, что в обстановке ожесточенного сопротивления пикетчиков, общей нераз-

берихи и ночной паники в Баку не были подготовлены к событиям резервисты. Многие из них были даже без бронжилетов. Следовательно, без прогностической оценки того, сумеет ли армия удовлетворить общественные интересы граждан и восстановить гражданский мир, без понимания, во что обойдется искомая целостность общества и как это отразится на статусе армии, привлекать воинские подразделения к урегулированию гражданских конфликтов нецелесообразно.

При использовании армии внутри страны следует учитывать общий стратегический замысел перестройки, ориентироваться на высшую цель — ускорение преобразований в советском обществе, то есть подниматься выше сиюминутных задач. Такое понимание цели — сохранение целостности общественного устройства, восстановление добрососедских отношений — позволяет сформулировать конкретный критерий выбора армии в качестве средства достижения политических целей: использование Вооруженных Сил для стабилизации общества целесообразно лишь тогда, когда оно не изменяет нравственным устоям перестройки. Без тщательной проработки необходимости привлечения армии к поддержанию гражданского мира в федерации социалистических республик обеспечить ее высокий социальный статус невозможно.

Накопленный опыт показывает, что необходим решительный пересмотр ценностей — отказ от сомнительных и приобретение ценностей подлинных. Советская Армия, являясь народной, должна находиться под контролем всего общества. Улаживать гражданские распри — задача сил правопорядка. Возложение на армию обязанностей, противоречащих ее историческому предназначению, не свойственных ей по сути, способно в значительной мере подорвать то доброе отношение населения к военным, которое проявлялось и умножалось не один десяток лет.

Следует также учитывать, что без правовой ответственности лиц, непосредственно отдающих распоряжения об использовании армии, за последствия применения силы и без строгого соблюдения правовых норм самими военнослужащими общественная ценность армии снизится, ее легко будет обвинить в удушении демократических преобразований в обществе.

Нельзя исключать из правовой и нравственной оценок и факты дезертирства лиц закавказских национальностей из воинских частей, их участие в бандитских акциях экстремистов. Вместе с тем ныне нельзя не считаться с общечеловеческими ценностями и интересами всего советского народа, что предполагает утверждение общенационального согласия в качестве высшей ценности общественных отношений. А отсюда — требования высокого профессионализма политиков, их способности избегать неоправданных жестокостей, осуществления научного прогноза взрывоопасных процессов, выбора методов, адекватных мере опасности для общества.

Итак, общественная ценность армии складывается из функционирования внутри страны и вне ее. Внутри страны социалистическая армия может применяться против социальных сил, враждебно настроен-

ных к прогрессивному развитию общества, когда с ними не могут справиться органы обеспечения внутреннего порядка. Ее функции проявляются в конкретных акциях, обеспечивающих целостность общественного устройства и политическую стабильность. Для того чтобы исключить из жизни нашего общества использование Вооруженных Сил вопреки правовым нормам, необходимы неукоснительное соблюдение закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», а также дальнейшая разработка конкретных правовых механизмов. Вопросы функционирования армии должны стать предметом широкого демократического обсуждения в обществе.

ГРАНИ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ: ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

«Возможны варианты» — так называлась опубликованная в ноябре 1989 года в журнале «Новое время» моя статья о подготовке независимой общественной экспертизы состояния военной опасности и деятельности Вооруженных Сил СССР. Речь в ней шла о том, что вопросы обороны и безопасности оказались в последние годы в центре внимания общественности, но неконструктивный характер их обсуждения превратился в один из источников общественной напряженности. Стремление перевести дебаты в более деловое русло и стало одним из главных побудительных мотивов при подготовке экспертизы, которую организовал журнал «Международная жизнь» при содействии Фонда социальных изобретений СССР, Казахского республиканского отделения этого фонда и Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники.

Ставилось несколько задач. Прежде всего, создать прецедент — феномен независимой, общественной, то есть проводимой вне государственных структур, экспертизы по вопросам обороны и безопасности. Далее, разумеется, обсудить тему по существу и — в случае успешной работы — представить доклад в Верховный Совет СССР. Вместе с тем мы понимали, что проблемы слишком сложны для того, чтобы с первого раза и всего за три дня можно было дать исчерпывающие экспертные оценки, и поэтому ставили перед собой также задачу отработать формы и методы проведения независимых экспертных работ, накопить опыт.

И наконец, поскольку речь шла об общественной экспертизе, в наши задачи входило изучение общественного мнения, выявление точек соприкосновения и расхождения между различными общественными позициями, а также поиск способов налаживания конструктивного взаимодействия между ними. Образно говоря, мы хотели создать форум, на котором дипломат, ведущий переговоры по сокращению вооружений, имел бы возможность пообщаться с офицером, которому грозит увольнение из Вооруженных Сил, а военачальник, рассуждающий с высоких трибун об армии как школе воспитания, мог бы выслушать самих воспитуемых или их родителей.

В качестве формы работы была избрана экспертная игра с использованием опыта организационно-деятельностных игр.

Исходя из замысла подбирались и состав участников. Он сложился из трех категорий: из специалистов, приглашенных персонально членами оргкомитета (в состав которого, в частности, входили члены Верховного Совета СССР Николай Нейланд и Виктор Минин, народный депутат СССР академик Виталий Гольданский, ученые-политологи Сергей Благоволин и Андрей Кортуннов, конструктор-энергетик Евгений Адамов, генералы Гелий Батенин, Владимир Дудник, Никита Чалдымов); из тех, кого делегировали официальные ведомства в ответ на наше обращение (лишь Генштаб не счел нужным никого выделять, хотя в личном качестве его работники присутствовали); из представителей общественности.

О последней категории стоит сказать особо. Десятки писем со всех концов страны — от Балтики до Тихого океана — пришли в ответ на статью в «Новом времени» от офицеров, служащих в отдаленных гарнизонах, журналистов, врачей, экологов, педагогов, юристов, инженеров, представителей неформальных организаций. Вопреки ожиданиям в них было не так много личных жалоб, зато обнаружился целый пласт ценных идей, идущих от *нашей* жизни, *отечественной* практики, а не от зарубежного опыта. К сожалению, до сих пор этот интеллектуальный потенциал оставался невостребованным. Для участия в экспертизе было приглашено более 30 авторов писем с тем расчетом, чтобы были представлены разные регионы, профессиональные интересы, взгляды.

Таким образом, под крышей пансионата «Планерная», где проводилась экспертиза, было смоделировано как бы общество в миниатюре — собрались люди, каждый из которых вносит свой вклад в политику безопасности (даже если это только вклад налогоплательщика), но которые в обычной жизни разделены тысячами километров, профессиональными и ведомственными перегородками, находятся на разных ступенях социальной лестницы.

Игра, программа которой была подготовлена ростовской школой стратегий социоинтеллектуального предпринимательства под руководством подполковника Григория Алимурзаева, строилась следующим образом. Экспертам была предоставлена полная свобода самоопределения. Они могли работать в предложенных организаторами тематических или профессиональных группах, создавать новые рабочие группы либо, если чувствовали, что их интересы никак не учитываются, выступать от своего имени. В первой половине дня каждая группа обсуждала под своим углом зрения общую для всех тему и готовила доклад, который выносился на обсуждение пленарного заседания. Содержательных параметров оргкомитетом не вносилось — никак не определялось, например, из чего должно складываться понятие военной опасности, не обнаруживалось отношение к состоянию Вооруженных Сил. Все идеи должны были родиться из самой игры. Игротехники же призваны были создавать ситуации, в которых участники выступали бы носителями не только знаний, но и общественной позиции.

Экспертиза состоялась в середине января 1990 года. За время, прошедшее после ее окончания, интерес государственных органов и обще-

ственности к проблеме безопасности заметно вырос. Все острее становятся споры, все более широкий круг проблем вовлекается в них. Наблюдая за разворачивающимися дебатами, я вижу, как в реальной жизни воспроизводятся ситуации, которые мы моделировали в игре и выходить из которых учились с наименьшими потерями.

Может быть, рассказ об экспертизе будет кому-то полезен именно сейчас.

Экспертиза экспертизы

Уже на старте у меня возникло ощущение, что происходящее действо напоминает все, что угодно, только не экспертизу. Ведь эксперт, берясь за дело, сознательно старается отрешиться от всех посторонних интересов, будь они личные, политические, ведомственные или какие-то иные. У нас же собралось немало людей знающих, но вот по части независимости дело обстоит похуже. И это постоянно выявлялось игрой.

Она, по существу, началась с инцидента. В первый же день работы ленинградский неформал капитан II ранга бросил обвинение: у организаторов заранее подготовлен заключительный документ, отражающий официальную позицию Министерства обороны, который и будет представлен в Верховный Совет «от имени общественности».

Эта позиция хоть и в карикатурной форме, но довольно точно отразила ту настороженность в отношении «верхов», с которой приехали на экспертизу люди, не обремененные чинами. Официальные мнения, позиции, учреждения подвергались тотальной критике часто на том лишь основании, что «это идет сверху». Участники с генеральскими погонами вызывали чуть ли не автоматическую неприязнь. Пропагандистские пресс-конференции устраивал союз «Щит». Иные реформаторы стремились не столько проэкспертировать свои идеи, сколько найти дополнительную аргументацию под априорно сложившиеся у них представления, так сказать, подогнать получше решение под готовый ответ.

Упаси бог говорить об этом с осуждением — я беседовал со многими из этих людей, знаю, какое сопротивление они встречали в жизни, пытаюсь доказать часто самые очевидные вещи, и мне понятно их стремление выговориться, выкричаться, что не мешает, однако, констатировать: к экспертной работе все это не имеет отношения.

Впрочем, *независимую* экспертную позицию не выдерживали и многие чиновные эксперты-профессионалы. Работа групп, в которых предпочли сконцентрироваться официальные лица, больше походила на межведомственные согласования, чем на вневедомственную экспертизу, и там все время незримо витала тень начальства. Представители высоких военных ведомств полемизировали, порой весьма остро, с дипломатами и политологами, при этом многих из них объединяло неумение, да и нежелание разговаривать с непрофессионалами, которые, мол, «ничего в этих делах не понимают». «Куда мы попали?» —

такое удивление я читал время от времени на лицах некоторых работников ведомств, когда приходилось отвечать на наивные вопросы «простых людей», тех самых, о безопасности которых все дружно прилегают.

Но надо было видеть растерянность специалистов, если вдруг стихийно или усилиями игротехников открывалась возможность выйти из панциря профессиональной ограниченности. «Вооруженные Силы предназначены для предотвращения внешней угрозы и не должны использоваться внутри страны». Целый ряд прогрессивно настроенных участников строил всю работу на этой посылке, совершенно забывая о том, что задача экспертизы — оценивать то, что есть, а не то, что хотелось бы видеть.

Временами нежелание рассмотреть предложенную тему принимало почти агрессивный характер. Форменный бунт вызвала, например, попытка обсуждения темы «Концепция и системы общественной безопасности». «Происходит подмена предмета экспертизы, — зашумели некоторые эксперты, — мы собрались для обсуждения внешней опасности, а нам навязывают совсем другую тему!»

...Это было 17 января. Гремели выстрелы на азербайджанско-армянской границе, через два дня войскам предстояло войти в Баку, государственная граница была взломана изнутри...

У читателя может создаться впечатление, что я дискредитирую собственное детище. Это не так. Напомню, что, собрав представителей многих позиций, реально представленных в общественных дискуссиях по проблемам безопасности, мы сознательно не стремились ввести обсуждение в какие-то жесткие рамки, поэтому люди работали так, как они привыкли работать. И тот хаос, непонимание, взаимная раздраженность, которые царили в первый день, достаточно точно отражают атмосферу дебатов в обществе. Так что не на зеркало нужно пенять.

Пожоже, у нас просто нет неполитизированной, неидеологизированной экспертизы в области политики безопасности, более того, нет и серьезного государственного спроса на нее. По крайней мере его не выявила наша игра. И это не вина отдельных людей, это порок сложившегося механизма принятия решений в области безопасности и беда нашего «взвинченного» общества.

Между тем пока такой — повторю, неидеологизированной, неполитизированной — экспертизы не будет, все обсуждения обречены оставаться борьбой между символами веры. Пока обеспечение безопасности растащено по ведомствам — одни отвечают за внутреннюю безопасность, другие за внешнюю, — а общественность отстранена от этого процесса, любые самые прогрессивные решения останутся половинчатыми и, устраняя одну проблему, будут усугублять другие или создавать новые. И экстремизм будет нарастать — ведомственный и общественный.

Впрочем, обо всем этом организаторы и так догадывались, и городить огород только ради того, чтобы проэкспертировать собственные представления, не стоило бы. Другое дело, удалось ли хоть на шагок приблизиться к формированию действительно экспертных подходов?

Социальный заказ

«Порой обсуждения были несколько сумбурными, но на удивление конструктивными и приводили к серьезному сближению взглядов», — сказал по окончании работы в интервью газете «Красная звезда» заместитель директора Института Европы АН СССР Сергей Караганов. С подобным настроением, как мне показалось, разъезжались многие участники — военные и гражданские, формалы и неформалы.

Почему же так получилось? Как могла масса подозрительно относящихся друг к другу людей превратиться в дружно работающие группы, которым не хватало дневного времени и которые засиживались за полночь, изумляя даже ко всему привыкших администраторов пансионата поголовной трезвостью?

Мне кажется, это происходило по мере того, как участники убеждались в «немыслимом»: «президиум» никого не водит за нос. Последовательно, не вмешиваясь в содержание обсуждений, мы как бы деполитизировали обстановку и сформировали социальный заказ на действительно независимую, неангажированную экспертизу. Люди «растормозились», им стало интересно. И наиболее полезной работа оказалась, на мой взгляд, для тех участников, которые больше других тяготели к собственной экспертной позиции, т.е. готовы были принимать во внимание многообразие взглядов, искали выход в смежные области, учились.

Позволю себе привести мнение Виктора Смолина, первого заместителя начальника Управления оценок и планирования МИД СССР, которого мы попросили «отрецензировать» экспертизу: «Участниками группы высказывались суждения и предложения, которые заставляли задуматься о справедливости некоторых тезисов, которые на основании предшествующего опыта я считал бесспорными, о причинах невосприимчивости собеседников в отношении аргументации, которая до сих пор широко использовалась как внутри страны, так и на зарубежную аудиторию. Видимо, как минимум эта аргументация расходится с жизненным опытом и представлениями других участников и, соответственно, нуждается в корректировке».

В конечном счете в результате работы появился итоговый документ. Группа участников экспертизы без всякого вмешательства оргкомитета сама избрала его форму: не сводить материалы в общий текст, а составить его из докладов рабочих групп, с которыми они выступили на заключительном общем заседании. Таким образом, в документе оказался отраженным широкий спектр мнений и представлены действительно альтернативные оценки.

Отечество в опасности!

Военная опасность растет — так я интерпретирую пафос обсуждений и докладов.

«Как же так, — говорили мне многие участники экспертизы, в том

числе и народные депутаты, когда я делился с ними этим своим наблюдением. — Разве не следует из докладов, что угроза войны в последние годы сведена практически к нулю?» Конечно, следует, и я не собираюсь с этим спорить. Но правильно ли сводить военную опасность лишь к угрозе вторжения на нашу территорию «натовских орд»? Обозленность упомянутого ленинградского кавторанга, с моей точки зрения, куда более реальная угроза общественной безопасности. Ведь по данным, которые привел на экспертизе обозреватель журнала «Век XX и мир» Симон Кордонский, 17% опрошенных на учредительной конференции союза «Щит» считают, что в сегодняшних условиях эффективным способом политического действия могут быть крайние меры, в том числе и насильственные. Но разве в свою очередь истоки этой опасности не в состоянии военной системы, принадлежность к которой доводит людей бесспорно умных, равнодушных до последней черты?

Вообще одним из главных достижений экспертизы мне представляется то, что на ней был если не всегда проанализирован, то по крайней мере назван и описан целый спектр военных опасностей и взаимосвязей между ними. «Деление на внешнюю и внутреннюю безопасность с определенной точки зрения условно. Есть опасность вообще», — говорится в докладе, представленном С. Кордонским и заместителем начальника отдела Главного управления внутренних войск МВД Вячеславом Сироткиным. И эта опасность связана не только с применением вооруженной силы, но и с многообразными последствиями военной и оборонной деятельности в широком понимании.

Действительно, разве политическая нестабильность, национальная рознь, организованная преступность не превратились в фактор увеличивающейся военной опасности для всего нашего общества, отдельных его групп и членов? Тбилиси, Фергана, Абхазия, Армения и Азербайджан, Душанбе — все чаще вооруженная сила (и не только государственная) становится аргументом политики. Но так ли трудно вообразить, что если не остановить развитие этой тенденции, то страна превратится в фактор международной нестабильности? И можно не сомневаться, что тогда Запад заговорит с нами совсем иным языком, чем сейчас.

А часто ли мы ставим в контекст военной опасности состояние Советской Армии?

Проявляющаяся время от времени то в прессе, то в выступлениях народных депутатов тревога о неблагоприятном положении в советских Вооруженных Силах здесь, на экспертизе, достигла предельной концентрации.

Формализм в боевой подготовке и перегруженность хозяйственными работами, рабский труд в стройбатах, коррупция, воровство, бытовая неустроенность и социальная незащищенность офицеров и их семей, низкая оплата их труда, противоречия, по существу, раскол между офицерским корпусом и верхушкой военного руководства, пресловутая «дедовщина», принимающая страшные формы и проявления...

Вот выдержка из доклада группы «Проблемы переменного состава Вооруженных Сил СССР»: «После довольно длительного обсуждения

мы отвергли тезис о том, что искаженные формы межличностных и групповых отношений среди военнослужащих срочной службы имеют своей первопричиной привнесение тюремных нравов в солдатскую среду вследствие призыва на военную службу лиц, ранее отбывавших наказание. На основании следующих моментов:

— во-первых, имеются свидетельства, что активными действующими лицами таких «искаженных» отношений часто бывают военнослужащие, никогда ранее не сталкивавшиеся в гражданской жизни с криминальной и криминогенной средой, т.е. дети из так называемых приличных семей. И действительно, приличные люди в гражданской жизни;

— во-вторых, аналогичные же проблемы наблюдаются и в частях, куда вообще не призываются лица, ранее судимые».

Но допустим, группа ошибается и армию действительно разлагают солдаты, имевшие конфликты с законом. Так не безответственно ли обучать владению оружием людей с уголовным прошлым? Неужели задача армии — готовить кадры для организованной преступности? И разве те, кто стреляет сегодня друг в друга в Армении и Азербайджане, не учились военному делу настоящим образом в годы армейской службы? А появление черных рынков оружия, на которых можно найти все — от пистолетов и автоматов до бронетранспортеров и артиллерийских орудий?

Еще пример. Врач из Биробиджана Виктор Акименко познакомил со своим небольшим исследованием. Он сопоставил описанные в любом медицинском учебнике методы лечения заболеваний средней тяжести (гипертоническая болезнь, хронические гастриты, близорукость средней степени и т.д.), страдающие которыми не освобождаются от призыва, с условиями солдатского быта. И сделал вывод, что сотням тысяч молодых людей грозит перспектива сделаться в армии инвалидами.

Все это не выдумки пацифистов и не антиармейская пропаганда. Это боль, принесенная на экспертизу простыми людьми, которые хотят быть уверены в том, что они надежно защищены офицерами, пришедшими в армию по призыванию. Их нетрудно понять: разве можно положиться на армию, в которую солдат загоняют по принуждению, где служат уголовники и инвалиды, а офицеры не доверяют генералам?

Но и это еще не все. Армия — лишь часть военной системы.

Десятилетиями общество выделяло на оборону гигантские средства, ресурсы, лучшие умы. И получило взамен милитаризованную экономику, засекреченную науку, разваленное непомерным бременем народное хозяйство. Нетерпимость такого положения вроде бы признана, и начались сокращение военных расходов и конверсия.

Но работавшая на экспертизе соответствующая группа фактически сделала иной вывод: то, что у нас называют конверсией, превратилось в дополнительный источник подрыва общественной безопасности. Ведь под видом конверсии военно-промышленному комплексу передаются остатки и без того хилой гражданской экономики. А классовых

ученых, конструкторов, инженеров заставляют работать на нехитрый ширпотреб, т.е. идет разбазаривание высококачественного интеллектуального потенциала. Запад же тем временем, как отмечалось в группах, рассматривавших военно-технические аспекты безопасности, уходит вперед по качеству вооружений.

Одним из видов опасности, связанной с военной и оборонной деятельностью, можно считать и абсурдный, ничем не оправданный режим секретности. Охраняя келейные, ведомственные интересы, он, по существу, блокирует любые честные поиски путей обеспечения подлинной безопасности. Как может быть серьезным подход к этим вопросам, если деятельность всей нашей гигантской военной машины отражена в пяти строчках бюджета (в тех же США это тысячи страниц текста и цифр), а попытки законодателей расшифровать, что же за ними стоит, оканчиваются ничем?

А разве не оборачивается растущей военной опасностью правовая неотрегулированность принятия решений о применении силы — за рубежом ли, внутри ли страны? Печальные иллюстрации — Афганистан в застойное время, Тбилиси в перестроечное — у всех перед глазами.

Нужно ли множить примеры? По крайней мере, как бы мы на экспертизе ни пытались уйти от понимания безопасности в узком, военном смысле, неизменно оказывалось, что военный компонент присутствует в любой угрозе — социальной, экономической, политической, экологической — какой угодно. Иначе говоря, при внимательном анализе работы экспертизы приходишь к парадоксальному выводу: военная опасность — внутренняя и внешняя — для нашего общества исходит прежде всего от сложившейся у нас системы обеспечения безопасности.

Ситуация, прямо скажем, драматическая и нетривиальная. Да, отечество в опасности. Но простых, скорых, привычных способов выхода из этой ситуации нам не дано. Ведь если опасна существующая система безопасности, то и совершенствовать ее — безнадежное дело. Более того, не годятся и частичные, пусть самые прогрессивные меры типа реформы армии.

Что завтра?

Пять лет мы бредем в тумане половинчатых реформ, мелких усовершенствований. Порознь большинство из них вполне благонамеренны, а в комплексе они привели к хозяйственному кризису, дискредитации власти, кануну гражданской войны. Безопасность становится ключевым словом общественных отношений. Сегодня это емкое понятие, кажется, остается тем самым наименьшим общим знаменателем, на основе которого еще возможна консолидация.

Для этого нужна трансформация всей системы общественной безопасности — даже не перестройка, под которой у нас все еще понимается перестраивание каждого отдельно взятого общественного и политического института безотносительно к тому, нужен он кому-ни-

будь или нет, а именно глубочайшее преобразование всего нашего общества.

Ясны и основные направления этого преобразования. Здесь и реалистическая оценка места нашей страны в мире и ее международных интересов, и решение на демократической основе проблем национально-государственного устройства, и создание политического и правового механизма обеспечения безопасности, и демилитаризация и переориентация на нужды человека экономики и научно-технической сферы, и демилитаризация мышления и, наконец, собственно комплексная военная реформа и реформа армии как ее составная часть.

Введение президентской формы правления — это шанс преодолеть политический паралич, приступить к преобразованиям, начать консолидацию. Но нужно понимать, что делать это приходится в условиях, когда авторитет любой власти в глазах общества подорван, что мы перешли черту, за которой любые самые удачные политические манипуляции «вверху» чреваты взрывом «внизу». Кредит доверия можно завоевать только принципиально новой политикой. Стратегию безопасности невозможно придумать сверху. Нужно создавать принципиально новую систему гражданского контроля за безопасностью, которая охватывала бы все общество.

Задумывая экспертизу, мы хотели, пусть и на очень несовершенной модели общества, проверить, реально ли это, возможна ли еще консолидация. Работа началась с таких конфликтов, что казалось, вот-вот загремят выстрелы. Но методом честного диалога, где не было верхов и низов, где никто не создавал агрессивно-послушного большинства, а следовательно, сама собой отмерла и позиция агрессивно бунтующего меньшинства, где ответы рождались в процессе совместного поиска, а не были даны заранее, — так вот при этих условиях ситуацию удалось стабилизировать всего за три дня. Не расширить ли эксперимент до масштабов страны?

«МЫ ЗАЩИЩАЕМ ПРАВА СЫНОВЕЙ»

Беседа с председателем Комитета солдатских матерей (г. Москва) Марией Кирбасовой (в беседе принимала участие сопредседатель координационного совета комитета Наталья Шелудякова)

— Как возникла идея создания вашего комитета и каковы его цели?

— Я человек гражданский. А отец моего мужа воевал. Прошел всю Великую Отечественную войну и одно время был даже помощником коменданта Берлина. Он-то и привил в моей семье уважение к армии. С этим чувством я прожила многие годы, нисколько не задумываясь над тем, что представляют собой наши Вооруженные Силы. Вернее, будучи уверенной, что уж где-где, а в армии полный порядок и ею можно гордиться. Так было до тех пор, пока не призвали моего сына.

Конечно, сомнения в целесообразности его скорой службы у меня возникли, так как призывали его после первого курса института. Я собралась было сходить в военкомат с ходатайством об отсрочке до окончания вуза, но муж сказал: «А кто будет служить в армии, если каждая мать будет просить об отсрочке для своего сына?»

И вот мой сын попал в армию. Сначала он изучал радиолокационную станцию, которую более 15 лет назад сняли с вооружения. Затем — служба в части по специальности, далекой от той, которой его будут учить в институте.

Солдатская служба никогда не была и не будет легкой. И долг матери так подготовить своего сына к защите Отечества, чтобы он служил честно. Но что она должна отвечать своему сыну, когда в письмах из армии он рассказывает ей о «дедовщине», о «неуставных взаимоотношениях»? Нет, мой сын не жаловался, но из его писем я поняла, что у него не все в порядке, и самая главная проблема, как мне показалось, заключалась в том, что он не мог работать по специальности, был оторван от своего любимого дела, которым бредил с детства, — от программирования. Странное дело, подумала я. Неужели Вооруженным Силам не нужны программисты — ведь мой сын отлично учился и уже на первом курсе вместе с другом сделал для НИИ вычислительной техники интересную разработку. Я решила ему помочь и начала ходить по инстанциям, вплоть до приемной Совета Министров.

— Вы пытались подыскать работу по специальности для своего сына?

— В конце концов мне это удалось. Сына перевели служить в Вычислительный центр, расположенный в Куйбышеве. Тамошний начальник сказал мне с гордостью, что у него служат только офицеры с

высшим образованием. Но это оказалось не совсем так. Вместе с моим сыном служили еще три солдатика. Правда, работы в Центре едва хватало для офицеров, основная же обязанность солдат заключалась в том, чтобы по очереди нести дежурство и, извините, мыть туалет.

— *В общем, вместо работы Вы нашли для своего сына теплое местечко?*

— Получается, что так. Я попыталась еще что-то предпринять, но вскоре поняла тщетность этих попыток. А в это время вышел Указ Президиума Верховного Совета об отсрочке от службы в армии для студентов дневных факультетов вузов. Ранее в «Аргументах и фактах» появилось интервью с академиком Б. Раушенбахом, где говорилось, что студентов, изучающих точные науки, ни в коем случае нельзя призывать в эти годы в армию, так как мышление формируется до 20 лет. О том, что такое мышление не формируется в армии и почему, я, как Вы можете догадаться, уже имела некоторое представление. Кроме того, в институте, где учился сын, была военная кафедра, а следовательно, согласно упомянутому Указу, он вообще не должен был служить в армии. Своими сомнениями на этот счет я решила поделиться с матерями однокурсников моего сына, чьи дети также надели военную форму. Поэтому я пошла в деканат, выписала их телефоны, и буквально на следующий день мы собрались в комитете ВЛКСМ МЭИ. Произошло это потому, что каждая из пришедших прошла аналогичный путь и нам не нужно было что-либо друг другу объяснять. Так родились наш комитет и его первое обращение с просьбой о досрочной демобилизации всех студентов.

Это обращение мы послали в разные газеты, но откликнулся на него только «Московский комсомолец» и, что было полной неожиданностью, каким-то образом прослышавшие о нем корреспонденты Биби-си. Они-то и взяли у нас интервью и, кстати, довольно скептически оценили наши шансы на успех.

Все это происходило в июне 1989 г. Как раз приближался ежегодный праздник «Московского комсомольца», который намечалось провести в Парке культуры им. М. Горького. По согласованию с редакцией газеты в ходе праздника мы провели свой первый митинг. Завершился он довольно неожиданно для его организаторов. Причем все произошло так стремительно, что о санкционированности наших действий никто не подумал. А именно: участники митинга, что-то около трехсот женщин, чьи дети служили в армии, построились в колонну и под транспарантом, на котором было написано «Комитет солдатских матерей», по Садовому кольцу и ул. Горького прошли к гостинице «Москва», где живут народные депутаты СССР. У этой гостиницы мы оставались в течение трех недель, вновь и вновь собираясь каждый вечер. Мы стояли у входа и обращались к каждому депутату с просьбой рассмотреть вопрос о досрочной демобилизации студентов... И наш голос был услышан.

— *Все это так. Но, к сожалению, не все студенты из более чем 170 тыс. демобилизованных вернулись в институты. Кроме того, судя по откликам на это решение, до сих пор появляющимся на*

страницах военной печати, Вооруженные Силы отнесли к нему без особого восторга.

— Мне это, конечно, известно. Иногда возникает ощущение, что некоторые военные не могут простить нам этой акции. Ряд военачальников обвиняет нас в том, что армия в лице студентов потеряла свой «интеллектуальный потенциал». Такое мнение кажется особенно странным, если вспомнить, что 15 сентября 1943 г. Совнарком принял постановление № 996, по которому студенты получили отсрочку, а затем многие вернулись в аудитории не откуда-то, а с фронтов Великой Отечественной войны. Комментарики здесь, я думаю, излишни.

Что касается тех юношей, которые в силу ряда обстоятельств и вполне возможно, что временно, решили не продолжать учебу в вузах, то вопрос можно поставить и иначе. Не повлияло ли на это решение пребывание в армии? К тому же я уверена, что прослужив они еще год, и желающих получить высшее образование было бы еще меньше.

И это не просто предположение. Мы провели анкетирование около пятисот демобилизованных московских студентов, опросили их родителей, многих преподавателей, и все они практически в один голос утверждают, что творческий потенциал и инициативность бывших солдат-студентов в той или иной степени снижены. С другой стороны, между ними и их сверстниками, не прерывавшими учебу, образовался своеобразный интеллектуальный разрыв, преодолеть который в условиях насыщенной учебной программы очень не просто, в том числе и в психологическом отношении. Насколько я знаю, есть случаи, когда «демобилизованные» студенты вынуждены оставаться на «второй год», повторно проходить курс наук. Кому это выгодно?

Не думаю, что мои размышления оригинальны и будут в диковинку для Министерства обороны, тем не менее позволю себе по-дилетантски предположить, что Вооруженные Силы только выиграют, если в них будет служить люди с нормальным, а не «дискретным» образованием. Причем речь должна идти не о механическом призыве в армию выпускников вузов, хотя бы и в офицерском звании, а о контрактах, которые Министерство обороны уже и в студенческие годы могло подписывать с теми, чьи интересы, личные качества, будущая профессия могли бы найти применение в Вооруженных Силах.

— *Вы затронули сложную проблему, решение которой требует проведения глубоких преобразований в Вооруженных Силах, — военной реформы. Значит ли это, что Комитет солдатских матерей готовится к штурму святая святых нашей многомиллионной армии — принципа ее комплектования?*

— Понимаю Вашу иронию, но хотим мы этого или нет, а те противоречия современной армейской действительности, которые делают проведение военной реформы необходимостью, как раз и являются главной причиной образования нашего комитета. Дело в том, что, добиваясь демобилизации студентов-военнослужащих, мы настолько глубоко погрузились в армейские проблемы, что сумели понять по крайней мере три вещи.

Во-первых, в советских Вооруженных Силах за последние десяти-

летия накопилось столько негативных явлений, что о них опасно молчать. В ряде воинских частей сегодня сложилась ненормальная обстановка, чреватая тем, что для десятков тысяч молодых граждан нашей страны армия из школы подготовки защитников Родины все чаще превращается в школу жестокости и безнравственности. Условия жизни в этих частях представляют угрозу для физического, психического и морального здоровья военнослужащих срочной службы. По нашему глубокому убеждению, ныне действующие уставы и в целом нынешнее законодательное регулирование армейской жизни допускают бессмысленное расходование времени и сил солдат, не создают надежного задела «неуставным взаимоотношениям», не обеспечивают социальную защиту военнослужащих.

Во-вторых, армейские проблемы во многом порождены обществом, а потому и решаться должны сообща. Особую роль в этом должны играть матери, чьи сыновья призваны на службу в армию или ждут призыва. Хватит лить слезы, нужно начинать реально помогать армии. Дети многих женщин — членов нашего комитета, как и мой сын, уже дома, но, столкнувшись с солдатскими проблемами, мы почувствовали, что уже не можем оставаться в стороне, не можем закрыть на них глаза, не назвав себя при этом дезертирами. Поэтому комитет продолжает работу, объединяя все большее число матерей, не удовлетворенных условиями жизни и правовым положением своих сыновей — военнослужащих срочной службы, и считает своей основной задачей обеспечение их социальной защиты.

Мы не боремся с армией, как нас в этом иногда обвиняют. Борьба с армией — это абсурд. Сегодня армия все еще необходима. Наоборот, мы выступаем за повышение престижа армии, мы хотим поднять уважение к ней до уровня армии-победительницы, армии-освободительницы, какой и была она после окончания второй мировой войны.

В-третьих, гуманизация современной военной службы в СССР, приведение ее в соответствие с Всеобщей декларацией прав человека, нормами международного права требуют пересмотра Закона о всеобщей воинской повинности, введения при ее сохранности альтернативной гражданской службы с последующим переходом в перспективе к комплектованию Вооруженных Сил на профессиональной основе.

— Не могу не согласиться с Вами. Конечно, для профессиональной армии проблемы свободы совести и свободы выбора не стоят так остро, как для армии, аналогичной нашей. Трудно представить, чтобы профессиональный солдат первого года службы стоял «на тумбочке» вместо профессионального солдата второго года службы, мыл за него пол и пришивал ему чистый подворотничок. Профессионального солдата не нужно сторожить, чтобы он не ушел в «самоволку», учить его на политзанятиях «сознательности», беречь от него во избежание поломки боевую технику. Но путь к такому солдату, как, впрочем, и к сержанту, и офицеру, будет нелегким, и против него вряд ли удастся даже за несколько лет. Нужна глубокая программа переходного периода. Есть ли она у вашего комитета?

— Такая программа у нас есть, хотя и нельзя сказать, что она пол-

ностью завершена. Она состоит из ряда предложений, требующих безотлагательного либо перспективного решения. В первую очередь Комитет солдатских матерей выступает за скорейшее принятие Закона о правовом статусе военнослужащего, включающего обязательное страхование жизни и здоровья солдат и матросов из средств Министерства обороны в размере до ста тысяч рублей. Если военные руководители не видят моральных преград, бросая армейские части в кровавую бойню национальных конфликтов, если они не торопятся выполнять постановления Второго съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. «Об усилении борьбы с организованной преступностью», то есть с распространением «носящих преступный характер неуставных взаимоотношений в армии», то, может быть, финансовые потери заставят их обратить наконец в реальность слова министра обороны о том, что в армии нет «запланированных» потерь.

Мы предлагаем обсудить вопрос о выделении части средств, полученных от сокращения армии и конверсии, на улучшение питания и быта солдат. В условиях инфляции на 1,06 рубля в день невозможно прокормить взрослого юношу. Нас очень беспокоят многочисленные письма матерей, в которых они сообщают, что их дети в армии голодают. Если наш голос не будет услышан, комитет обратится ко всем матерям Советского Союза с предложением создать денежный фонд, из которого мы будем доплачивать за питание сыновей. Почему, собственно говоря, наша армия должна обладать такой же боеготовностью, как и американская, а кормить ее солдат должны хуже? Может быть, это происходит оттого, что в США генералы сидят за одним столом с рядовыми, а у нас даже безусые лейтенанты брезгают ходить в солдатскую столовую?

— *В порядке ремарки скажу, что наши офицеры питаться в солдатской столовой не могут, так как рядовой и сержантский состав Советской Армии в отличие от армии США кормят бесплатно. Другое дело, что тратят на это указанную Вами «сумму». Кроме того, думаю, что меню американского военнослужащего вполне устроило бы и советского офицера, а также, наверное, и генерала, который вместе с другими представителями комсостава сегодня предпочитает обедать отдельно от своих подчиненных.*

— Тем не менее я считаю, что подобная «градация» не украшает наши Вооруженные Силы. Чего стоит, например, форма одежды солдат и матросов, также имеющая отличия от офицерской и остающаяся в большинстве своем неизменной со времен второй мировой войны. Насколько я знаю, наша армия едва ли не единственная в мире, в которой рядовые занимаются физической подготовкой не в спортивной одежде, а в своем повседневном обмундировании. И никому в Министерстве обороны не приходит в голову, что в конце XX века не иметь в казармах душа просто стыдно.

Мне кажется, что демократизация армии, о которой сегодня так много говорится, на деле должна означать допустимое сближение качества военной и гражданской жизни. Поэтому мы выступаем за предоставление рядовому составу гарантированного ежегодного отпуска и

еженедельных увольнений, за строгое соблюдение распорядка дня, введение в Вооруженных Силах службы «психологической разгрузки», укрепление их правоохранительных органов.

Хотелось бы также остановиться на предлагаемом нашим комитетом комплексе мер по совершенствованию ныне действующей системы призыва. Он включает следующие принципиальные предложения:

— провести компьютеризацию набора новобранцев, сделав его открытым для контроля со стороны общественности. Это позволит исключить случаи взяточничества и протекционизма в военкоматах, уклонения от службы в армии, направления новобранцев не по специальности;

— дополнить список болезней, наличие которых исключает прохождение срочной службы в армии и на флоте, заболеваниями, которые в условиях армейской службы могут прогрессировать;

— ввести альтернативную гражданскую службу, ликвидировав при этом военно-строительные отряды и другие формирования военно-промышленных министерств; решить вопрос о привлечении ранее осужденных лиц вместо военной службы к определенным видам гражданских работ;

— при размещении призывников по военным базам придерживаться преимущественно территориального принципа; для тех же, кто будет выполнять свой воинский долг вдали от дома или в экстремальных условиях, сократить срок воинской службы и ввести дополнительные льготы.

Особенно хочу подчеркнуть, что последний пункт — это не какая-то материнская прихоть. Современная реальность, к сожалению, такова, что серьезные экологические проблемы в нашей стране уже обернулись хроническими болезнями ее молодых граждан. На упоминавшемся митинге в парке Горького полковник-политработник сердито выговаривал нам за то, что 80% москвичей приходят в армию с теми или иными заболеваниями. Это нас, матерей, обвиняют в том, что мы рождаем больных детей?.. На самом деле резкая смена климата, и это доказано учеными, негативно сказывается на здоровье солдат, поэтому мы и выступаем за то, чтобы они, как правило, служили в привычном для себя климатическом поясе.

— С подобной инициативой выступили и многие неформальные организации в союзных республиках. Например, действующие в Прибалтике «Женева-49», «Лига женщин», а также «Союз независимой украинской молодежи», молдавская «Национальная гвардия» и другие выдвигают требования об обязательной службе молодежи по месту жительства в составе «воссозданных национальных вооруженных сил». Что Вы думаете об этом?

— Вопрос о национальных вооруженных силах чрезвычайно сложен, и думаю, что последнее слово здесь должно быть сказано при подписании нового союзного договора. В то же время мы за возрождение русской гвардии и уже в ближайшее время намерены обратиться в Верховный Совет РСФСР с предложением о восстановлении московских гвардейских полков. Вообще я считаю, если в основу концепции

реформы нашей армии будет положена кадрово-милиционная система, то проблема создавать или не создавать национальные военные формирования решится сама собой.

— *Как складываются отношения Комитета солдатских матерей с Министерством обороны, главной военной прокуратурой и другими органами военной администрации?*

— Мы неплохо контактируем. Они оказывают нам посильную помощь. Перестройка в их связях с общественностью налицо. Однако наши контакты ограничены единичными случаями помощи и защиты военнослужащих срочной службы, а к нам очень многие обращаются с просьбой разобраться в делах своих сыновей, служащих в армии.

— *Сможете ли Вы помочь офицеру, если он обратится к Вам за помощью? Будете ли Вы ходатайствовать за него перед Генштабом или Министерством обороны так, как Вы это делаете, ходатайствуя за солдат?*

— Об офицерах хотелось бы сказать отдельно. Сегодня они не в состоянии по-настоящему защищать своих подчиненных, потому что не защищены сами, а в ряде ситуаций, по существу, бесправны. Поэтому без кардинального решения проблем социальной защищенности офицерского корпуса мы не можем ожидать улучшения морального климата и укрепления законности в армии. Конечно, нам потребовалось время, чтобы понять эту диалектику. И большую помощь в этом нам оказали публикации в «Огоньке», «Московских новостях», бюллетене «Век XX и мир».

Честь и хвала тем офицерам, которые первыми рискнули открыто написать о проблемах армии, не побоявшись попасть в опалу к начальству. Об этих людях мне бы хотелось сказать словами Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». К счастью, в наших Вооруженных Силах честных, умных и принципиальных офицеров большинство. В этом мы еще раз убедились, побывав на первой «Независимой общественной экспертизе состояния военной опасности и деятельности Вооруженных Сил СССР», проходившей в январе 1990 г. в Москве. Выступая на ней, я не удержалась и пожелала всем офицерам, принимавшим участие в ее работе, обязательно стать генералами.

Да, комитет готов защищать социальные права офицеров. Уже в ближайшее время мы хотим создать Лигу матерей России, куда наверняка вступят многие жены и матери офицеров. Думаю, что вместе мы добьемся гораздо большего.

— *Лига будет ориентирована на проблемы Вооруженных Сил?*

— Не совсем так. Комитет солдатских матерей или, вернее сказать, комитет матерей, жен и сестер военнослужащих образует одну из структур Лиги. Главной целью Лиги матерей России будет объединение женского движения за демократизацию и гуманизацию общества, за здоровый образ жизни, за мир без войн и насилия.

Беседу вел Андрей Черкасенко

Разоружение и конверсия

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОПРОСЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

Встреча руководителей СССР и США в Вашингтоне (30 мая — 4 июня 1990 г.) может войти в историю как такое рубежное событие, с которого начнется отсчет новой эры в области реального сокращения стратегических ядерных вооружений, ликвидации химического оружия, разоружения на других направлениях, откроется путь к безопасному будущему.

Вашингтонская встреча в верхах убедительно подтвердила, что реальные предпосылки для прогресса и выживания человечества могут быть обеспечены только на основе разоружения. Советский Союз уже встал на путь разоружения, выдвинув ряд крупных инициатив и предприняв практические шаги, в том числе в одностороннем порядке. Мы пошли на асимметричное сокращение ракет средней и меньшей дальности, а сейчас в одностороннем порядке сокращаем свои Вооруженные Силы на полмиллиона человек.

Что уже сделано? К 1 января 1990 г. численность Вооруженных Сил уменьшена более чем на 270 тыс. человек. В Европе мы сократили: танков — 9320, артиллерийских систем — 5050, боевых самолетов — 835, боевых кораблей — 40 (в том числе 12 подводных лодок). Из указанного количества танков физически ликвидированы более 2000 единиц, переделаны во вспомогательную технику и мишени — свыше 500.

Из групп войск в Европе и МНР выведено 50 320 чел., 3118 танков, 768 орудий, 350 боевых самолетов. Территорию стран Варшавского Договора покинули три танковые дивизии (из шести запланированных к выводу), части ударной авиации, десантно-штурмовые, десантно-переправочные и другие части с вооружением и боевой техникой, а также вывезено 500 тактических ядерных зарядов (авиационных — 166, ракетных — 284, артиллерийских — 60). СССР готов убрать с территории своих союзников все ядерные боеприпасы при условии аналогичного шага со стороны США.

В настоящее время полностью выводятся советские войска из Чехословакии, Венгрии, Монголии. В Вооруженных Силах проводится глубокая военная реформа, итогом которой должно стать вытекающее из политики перестройки и нового мышления эффективное оборонное строительство, ориентированное на разумную достаточность и качественные параметры и обеспечивающее надежную безопасность страны. С этой целью в оборонительном духе преобразуется структура Воору-

женных Сил, уменьшается число военных округов, армий, общевойсковых дивизий, изменяется соотношение между наступательными и оборонительными средствами в пользу последних. Ликвидированы оперативные маневренные группы и так называемые «танковые кулаки». Остающиеся дивизии переформируются на оборонительных началах.

Таким образом, СССР подал пример первым, начал сокращать в одностороннем порядке Вооруженные Силы и перестраивать их на оборонительную структуру. Своими практическими делами мы приглашаем страны НАТО последовать нашему примеру, чего, к сожалению, пока мы не видим. На этот счет есть хорошие заявления многих правительств Запада, но практических дел нет. А между тем в военной области нужна взаимность, и мы хотели бы ее видеть в самое ближайшее время.

Требуется осознать, что в одностороннем порядке страны Варшавского Договора не могут полностью перестроить свои вооруженные силы на строго оборонительных началах, как и коренным образом изменить их структуру и построение без ущерба для своей безопасности. В военном строительстве и военной политике мы вынуждены учитывать основные доктринальные установки США и НАТО, уровень обученности, построение и структуру вооруженных сил другой стороны, оснащенность их новейшим вооружением и техникой.

Советский Союз готов на взаимной основе иметь обычные вооруженные силы в том минимальном составе, который необходим для надежного отражения возможной агрессии. Примером такого подхода могут служить наши предложения на Венских переговорах о составе вооруженных сил двух союзов в Европе. Этими предложениями предусматривается радикальное сокращение войск каждой стороны. После сокращений стороны могли бы иметь в основном одинаковое количество вооружений.

Кроме того, предлагается преобразовать структуру вооруженных сил сторон в чисто оборонительную. Аналогичным образом мы готовы действовать на всех других направлениях.

Мы сократили военный бюджет в 1990 г. на 8,2% (с 77,3 до 70,9 млрд. рублей). В предстоящие два года он будет уменьшен более чем на 14% (на 10 млрд. рублей). Советский Союз собирается, если позволит обстановка, уже к 1996 г. резко — в 1,5—2 раза — сократить удельный вес своих расходов на оборону в национальном бюджете.

Нельзя отрицать, что показателем нового политического мышления является наполнение конкретным содержанием советской оборонительной доктрины. А она такова, что оба военно-политических союза создали огромную обоюдную угрозу. В Европе противостоят друг другу трехмиллионные группировки вооруженных сил ОВД и НАТО. На объекты СССР нацелены тысячи американских ядерных ракет, так же как и на объекты США нацелено примерно столько же советских.

Сегодня благодаря позитивным изменениям напряженность в мире уменьшилась. Но военная опасность не исчезла, так как не устранены причины, ее порождающие. Скажу прямо: причину военной опас-

ности мы видим в политике с позиции силы, которую пытаются проводить США и НАТО по отношению к Советскому Союзу и ОВД.

У нас вызывает особую озабоченность мощный военно-морской потенциал США, отказ Вашингтона вести переговоры о сокращении военно-морских сил, о полной ликвидации тактического ядерного оружия ВМС. Причины своей позиции Вашингтон объясняет невнятно, но нам они ясны: США отвергают какие-либо переговоры о сокращении американских и советских военно-морских сил потому, что имеют над нами на море значительное превосходство: по крупным надводным кораблям (линкоры, крейсеры, эсминцы, ракетные фрегаты) — в 2,5 раза; по количеству кораблей океанской зоны — в 7,6 раза; по ударным авианосцам — абсолютное (США — 15, СССР — не имеет); по самолетам морской авиации — в 2,5 раза; по общему тоннажу — в 2 раза; по численности морской пехоты — в 12 раз.

Мы расцениваем позицию США в этом вопросе как стремление, договорившись с нами о сокращении сухопутных войск и одновременно бесконтрольно развивая военно-морские силы, добиться военного превосходства и с позиции силы диктовать Советскому Союзу свои условия.

Трудно идти на глубокие сокращения обычных вооружений в Европе, если нет уверенности, что не будет встречного движения США по ограничению и сокращению ВМС.

Нас беспокоят многие сотни американских военных баз, которые окружают Советский Союз огромным кольцом. На них — 500-тысячная группировка войск, крупные силы авиации и флота. В таком окружении мы живем более 40 лет.

В настоящее время четко просматриваются планы создания Соединенными Штатами крупной группировки неядерных стратегических наступательных вооружений (многие тысячи КРВБ большой дальности, КРВБ «Тэсит Рейнбоу», КРМБ), которые не ограничиваются будущим договором по СНВ; стремление во что бы то ни стало сохранить американские войска в Европе, модернизировать тактический ядерный потенциал за счет развертывания по всей Европе крылатых ракет воздушного базирования взамен атомной артиллерии и тактических ракет «Лэнс»; стремление сохранить в неприкосновенности мощный наступательный потенциал ВМС. Добавьте к этому планы «звездных войн», от которых никак не могут отрешиться в Вашингтоне, новые стратегические «самолеты-невидимки» Б-2 — средство первого ядерного удара; отказ от прекращения ядерных испытаний; ставку на удержание, на ядерное оружие.

Все это никак нельзя отнести к разряду мирных устремлений. Законно возникают вопросы: что кроется за всеми этими действиями США? Почему военная мощь США, частично планируемая к сокращению на одном направлении, в то же время многократно увеличивается на других?

Совершенно очевидно, что сложившуюся обстановку надо учитывать и соответствующим образом строить свою оборону. Но почему бы и в военной области не постараться понять друг друга, почему бы не

отойти не только от «образа врага», но и от «образа противника»? На мальтийской встрече в верхах М. С. Горбачев заявил, что СССР готов не рассматривать США в качестве противника. Эта историческая фраза — подтверждение не только того, что мы не начнем войны, но и того, что мы готовы к совместному устранению угрозы друг другу.

Военная угроза — это источник недоверия. Пока она существует, будут оставаться подозрительность, нестабильность, попытки обрести односторонние преимущества. Единственный путь покончить с военной угрозой — сократить запасы накопленных вооружений, создать систему всеобщей безопасности, и в первую очередь механизм по предотвращению развязывания ядерного конфликта.

В этой связи можно утверждать, что на Вашингтонской встрече достигнуты крупнейшие решения на пути ликвидации накопленных потенциалов уничтожения человечества.

Важнейшим из них является достижение в принципе соглашения о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. В совместном заявлении президентов М. С. Горбачева и Дж. Буша констатируется, что найдены взаимоприемлемые решения наиболее важных проблем, служивших предметом разногласий между сторонами, и, таким образом, согласованы ключевые элементы договора, определяющие его содержание.

Положения подготавливаемого договора будут распространяться на МБР и пусковые установки МБР, БРПЛ и пусковые установки БРПЛ, тяжелые бомбардировщики и их вооружения. Через семь лет после вступления в силу договора и в дальнейшем суммарные количества стратегических наступательных вооружений, подсчитываемые в соответствии с согласованными правилами, составят у каждой из них:

— 1600 единиц для развернутых МБР и связанных с ними пусковых установок, развернутых БРПЛ и связанных с ними пусковых установок и тяжелых бомбардировщиков, в том числе 154 единицы развернутых тяжелых МБР и связанных с ними пусковых установок;

— 6000 единиц для боезарядов, которые числятся за развернутыми МБР, развернутыми БРПЛ и тяжелыми бомбардировщиками; в том числе не более 4900 единиц для боезарядов, которые числятся за развернутыми МБР и БРПЛ; не более 1540 боезарядов, которые числятся за развернутыми тяжелыми МБР и не более 1100 боезарядов для мобильных МБР.

Будет ограничен суммарный забрасываемый вес развернутых баллистических ракет сторон уровнем, составляющим примерно 50 процентов от уровня суммарного забрасываемого веса развернутых баллистических ракет Советского Союза на дату подписания договора, и не будет превышать этот уровень в течение всего срока действия договора.

Достигнута договоренность о порядке развертывания мобильных пусковых установок МБР и соответствующих ограничениях на их передвижения таким образом, чтобы был обеспечен эффективный контроль за соблюдением количественных ограничений, устанавливаемых по договору, а также об установлении запрета на новые типы тяжелых

МБР, на тяжелые БРПЛ, на мобильные пусковые установки тяжелых МБР и на пусковые установки тяжелых БРПЛ.

Стороны договорились о правилах засчета ядерных КРВБ на тяжелых бомбардировщиках:

— за каждым тяжелым бомбардировщиком СССР, оснащенным для ядерных КРВБ, будет числиться 8 боезарядов; они могут оснащаться не более чем для 12 КРВБ;

— за каждым тяжелым бомбардировщиком США, оснащенным для ядерных КРВБ, будет числиться 10 боезарядов; они могут оснащаться не более чем для 20 КРВБ;

США смогут иметь в пределах суммарного уровня 1600 носителей не более 150 тяжелых бомбардировщиков, оснащенных ядерными КРВБ; СССР может иметь на 40 процентов больше этого количества (210 ед.). В случае если США превысят уровень в 150 единиц, то за такими ТБ будет засчитываться то количество ядерных КРВБ, для которого они реально оснащены.

Тяжелые бомбардировщики, оснащенные для ядерных КРВБ, будут согласованным образом отличаться от тяжелых бомбардировщиков, не оснащенных для таких вооружений; ядерные КРВБ будут отличаться от неядерных КРВБ.

В целом предстоящие сокращения СНВ СССР и США являются равноценными. Что касается соотношения носителей и боезарядов по будущему договору, то США могут иметь примерно на 800-900 ядерных КРВБ больше, чем СССР. Внешне это выглядит как уступка, но за нее мы отстояли важный для нас параметр — рубеж дальности ядерных КРВБ в 600 км и более (США настаивали на 1500 км, потом 800 км).

В целях обеспечения контроля каждая из сторон будет использовать имеющиеся в ее распоряжении национальные технические средства контроля таким образом, чтобы это соответствовало общепризнанным нормам международного права. В соответствии с согласованными процедурами будут проводиться на основе взаимности инспекции на местах и осуществляться непрерывное наблюдение за объектами по производству, в том числе инспекции с коротким сроком предупреждения на связанных с СНВ объектах, включая инспекции по проверке числа боеголовок на развернутых баллистических ракетах, инспекции по подтверждению факта ликвидации стратегических наступательных вооружений и связанных с ними объектов и инспекции «по подозрению».

Для содействия осуществлению целей договора создается совместная комиссия по соблюдению и инспекциям.

Достигнута договоренность о том, что в течение всего срока действия договора стороны ежегодно будут обмениваться односторонними политическими обязывающими заявлениями, касающимися планируемого каждой из них развертывания ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности. В этих заявлениях будет указываться максимальное количество развернутых ядерных КРМБ на каждый из последующих пяти лет действия договора при том, что заявля-

емое количество таких средств не превысит 880 единиц. Будет продолжен поиск взаимоприемлемых и эффективных методов контроля за ядерными КРМБ.

Анализ достигнутого на встрече в верхах в Вашингтоне показывает, что теперь налицо все возможности до конца 1990 года представить текст договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений для подписания.

Конечно, еще не все вопросы решены. Предстоит кропотливая работа по подготовке к подписанию договора, в том числе необходимо найти взаимоприемлемые решения по вопросам, которые еще не полностью согласованы, например о предотвращении обхода планируемого договора путем продажи американских стратегических ракет (БРПЛ, КРВБ, КРМБ и даже МБР) Великобритании, а также, что особенно важно, — о сохранении взаимосвязи ядерных и космических вооружений, СНВ — ПРО.

Американская сторона, начиная с администрации Рейгана, ведет дело к тому, чтобы сорвать объективно существующую взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными силами. Она пытается получить право без каких-либо ограничений вести любые работы по СОИ, включая испытания компонентов ПРО в космосе и даже развертывание системы ПРО страны (как будто бессрочного Договора по ПРО 1972 года и не существует). Об этом свидетельствует внесенный делегацией США 7 декабря 1989 г. проект договора «О мерах, содействующих переходу на основе сотрудничества к развертыванию будущей обороны против стратегических баллистических ракет», а также протокол к нему о мерах предсказуемости. Как заявили американцы, эти документы являются ответом на новый советский подход по проблеме ПРО и космоса, изложенный на встрече в Вайоминге, и основная цель, которую США ставят на переговорах, остается неизменной — обеспечить «переход на основе сотрудничества к развертыванию эффективной обороны против стратегических баллистических ракет».

В проекте американского договора четко проводится линия на обеспечение права США принять решение о развертывании «обороны против стратегических баллистических ракет» в любой момент, когда они сочтут это необходимым. В случае принятия такого решения предусматриваются обсуждения в течение трехлетнего периода конкретных мер по осуществлению совместного перехода к развертыванию такой обороны. Если договоренность не будет достигнута, то сторона, которая намерена развернуть такую оборону, может уведомить другую сторону о своем решении и через шесть месяцев приступить к его осуществлению.

Проектом договора предусматривается, что каждая из сторон может создавать, испытывать и развертывать без каких-либо ограничений радиолокационные станции ПРО космического базирования и датчики, способные заменить РЛС ПРО, а также создавать и испытывать в космосе другие компоненты систем ПРО, основанные на иных физических принципах. Снято положение вашингтонской договорен-

ности о соблюдении Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 году.

Американцы отказываются каким-либо образом определить границу запрещенной и разрешенной Договором по ПРО деятельности. В то же время в положении о проведении относящихся к ПРО испытаний в космосе с использованием испытательных спутников ПРО эта граница разрешенной деятельности фактически определяется ими на уровне одновременно находящихся на орбитах пятнадцати испытательных спутников ПРО, с которых могли бы проводиться испытания компонентов систем ПРО.

Таким образом, выдвигаются фактически ультимативные требования беспрепятственного проведения всех работ по программе СОИ.

Однако мы не согласны с оценкой последствий создания системы противоракетной обороны страны, которую дают некоторые представители Вашингтона. Если система ПРО США, особенно ее ударный космический эшелон, будет создана, то стратегическая стабильность будет подорвана. Может начаться гонка вооружений в области стратегических средств с непредсказуемыми последствиями.

В целях поиска развязки по этой проблеме советское руководство заявило о своей готовности пойти на подписание и ратификацию договора по СНВ, если даже к завершению его выработки сторонами не будет достигнута договоренность по проблеме ПРО, но стороны продолжали бы соблюдать Договор по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 году. Мы предлагаем также выработать согласованное понимание того, что содержащееся в проекте договора по СНВ положение о праве сторон выйти из него в случае угрозы их высшим интересам означало бы и право на выход из этого договора при нарушении одной из сторон Договора по ПРО.

Как будут развиваться события по решению данной проблемы, мы, очевидно, узнаем в ближайшее время.

Сокращение обычных вооруженных сил и вооружений в Европе. Целью переговоров, согласно мандату, является укрепление стабильности и безопасности в Европе путем установления стабильного и безопасного баланса обычных вооруженных сил на более низких уровнях, ликвидации неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности, ликвидации потенциала для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий. Район, на который распространяются договоренности, — вся сухопутная территория государств-участников, включая европейские островные территории, от Атлантики до Урала.

Прошло больше года с начала Венских переговоров. За это время сделано немало. Фактически создан каркас будущей договоренности. Его основу составляют: согласованные категории сокращаемых вооружений — танки, бронемшины, артиллерия, боевые самолеты и боевые вертолеты, а также внесенные сторонами проекты договоров и других основополагающих документов — по обмену информацией и контролю, стабилизирующим мерам, процедурам ликвидации. В настоящее время близка к завершению разработка согласованных опре-

делений сокращаемых категорий вооружений и их перечень, а по артиллерии осуществлен обмен данными о наличии артиллерийских систем у каждого из участников переговоров.

Вместе с тем выраженная политическим руководством решимость сделать все возможное, чтобы первоначальное соглашение было подписано уже в нынешнем году, а в последующие 2—3 года был существенно снижен уровень военного противостояния в Европе, ставит нас в жесткие рамки дефицита времени.

Положение осложняется и тем, что процессы, происходящие сейчас в Европе, в том числе объединение двух германских государств, требуют переосмысливания реальностей, чтобы обеспечить надежную безопасность своих стран в новых условиях. Это с одной стороны.

С другой, развитие событий в Европе, по нашему мнению, диктует необходимость консолидации нашего союза, укрепления межсоюзнических связей на всех уровнях на основе сбалансированного учета интересов государств Варшавского Договора. Разумеется, между друзьями могут не всегда совпадать интересы. Но следует не драматизировать плюрализм мнений, а исходить из того, что Варшавский Договор продолжает оставаться важным фактором на Венских переговорах, а также в создании будущих европейских структур и новой системы безопасности.

В настоящее время на переговорах определены предполагаемые уровни ограничения вооружений. Каждый союз будет иметь не более 20000 танков, 30000 бронемашин, 20000 артсистем (НАТО предлагает 16500), 4700 боевых самолетов, 1900 боевых вертолетов.

Что касается личного состава, то с началом переговоров мы выдвигали требования ограничить общую численность войск у каждого союза. Натовцы не приняли наше предложение. Мы сочли целесообразным перенести это важное требование на следующий этап переговоров.

Сейчас работа сконцентрирована на проблеме сокращения иностранных войск за пределами национальных территорий. Учитывая особую важность Центральной Европы (от ОВД — Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия; от НАТО — ФРГ, Дания, страны Бенилюкс), мы выступаем за то, чтобы численность личного состава была сокращена именно в этом регионе.

Наша позиция по этому вопросу включает два независимых друг от друга элемента:

первый — ограничение советских и американских войск в Центральной Европе уровнем по 195 тыс.чел. При этом США разрешалось бы иметь в других районах Европы еще 30 тыс.чел.;

второй — ограничение численности войск Варшавского Договора и НАТО в Центральной Европе. Проблему ограничения численности войск ОВД и НАТО в Центральной Европе мы считаем чрезвычайно важной, особенно в связи с процессом объединения двух германских государств. Нельзя отрицать того очевидного факта, что объединение двух Германий и разоруженческий процесс в Европе тесно связаны. В результате объединения Германии, если не предусмотреть ограничи-

тельных мер, мы не только не устраним дисбалансы в Европе, как это предписано мандатом, но придем к новым, еще более опасным диспропорциям не в нашу пользу. Например, в районе Центральной Европы НАТО может иметь более чем двукратное превосходство по численности вооруженных сил, по количеству вооружений за счет неучитываемых здесь складских запасов. Такой перекося в соотношении сил наносит ущерб нашей безопасности.

В то же время, чтобы требование об ограничении численности войск ОВД и НАТО в Центральной Европе не стало препятствием на переговорах, для развязки этой проблемы предлагается следующее.

Во-первых, договориться о форме и незамедлительно приступить на переговорах к юридическому закреплению оттавской договоренности об ограничении численности личного состава войск СССР и США в Центральной Европе.

Во-вторых, иметь в виду, что ограничение численности войск ОВД и НАТО в Центральной Европе должно осуществляться вне зависимости от оттавской договоренности. Можно было бы даже перенести этот вопрос на следующий этап переговоров, если будет выработана договоренность об ограничении вооруженных сил объединенной Германии.

Вопрос об авиации — он остается самым сложным на переговорах. Стороны сходятся в количественном значении уровня ограничения для боевых самолетов (4700 ед.), однако наполняют этот уровень принципиально разным содержанием.

Мы предлагаем ограничить уровнем 4700 единиц только наиболее опасные самолеты — бомбардировщики, истребители-бомбардировщики, штурмовики, фронтовые истребители, самолеты ПА и РЭБ. Согласились включить в указанный уровень дальнюю авиацию (более 300 ед. Ту-22 и Ту-16). Однако настаиваем на установлении отдельного уровня для самолетов-перехватчиков ПВО страны (1500 ед.) и учебно-боевых самолетов (1500 ед.). Требуем, чтобы не охватывалась переговорами, согласно венскому мандату, морская авиация, которая является неотъемлемой частью ВМС и должна рассматриваться на других переговорах.

Страны НАТО в уровень 4700 единиц включают все самолеты постоянного наземного базирования — фронтовую авиацию, средние бомбардировщики, перехватчики ПВО, самолеты морской авиации, учебно-боевые самолеты. Они согласны установить отдельный уровень для самолетов-перехватчиков ПВО (500 ед.), имея в виду, что у нас это будут специализированные самолеты, не способные действовать по наземным целям, а у НАТО — многоцелевые ударные самолеты.

Короче говоря, разрыв в позициях сторон по авиации очень велик. Натовцы пытаются, используя различия в структуре авиации, в геостратегическом положении союзов, добиться в этом виде вооружения односторонних преимуществ.

Наша истребительная авиация ПВО — сугубо оборонительное средство. Перехватчики действуют в сфере «воздух-воздух» и не способны наносить удары по наземным целям. Они предназначены только

для прикрытия важных объектов страны от возможных ударов стратегической и палубной авиации, а также крылатых ракет США. Мы готовы установить на перехватчики ПВО не только количественный уровень (1500 ед.), но и поставить их под контроль.

Наша позиция по учебно-боевым самолетам исходит из того, что подготовка всех американских летчиков и большинства пилотов стран НАТО осуществляется на континенте США. В Европе НАТО имеет меньше учебно-боевых самолетов, чем ОВД. У нас же почти все авиационные училища расположены в европейской части страны. Здесь готовят летчиков и для азиатской части страны, и для стран ОВД, и для третьих стран. Всего в Европе в ОВД около 1900 учебно-боевых самолетов. Несмотря на различия в позициях сторон, думаю, что по учебно-боевым самолетам развязка будет найдена, если эта проблема станет единственным препятствием на переговорах.

Что касается морской авиации, то у нас она практически вся сидит на земле, а у Запада, особенно у США, — на авианосцах. Требование натовцев включить в переговоры только нашу морскую авиацию неправомерно.

Таким образом, если мы согласимся по авиации с предложением стран НАТО, то боевой потенциал их авиационной группировки существенно возрастет за счет увеличения числа ударных самолетов и замены устаревших самолетов новейшими. А нам, если включить в уровень 4700 единиц самолеты флота, ПВО и учебно-боевые, предлагается остаться практически без фронтовой авиации или без авиации ПВО страны. Любая уступка с нашей стороны по авиации привела бы к ущербу для нашей безопасности.

По танкам и бронемашинам имеется возможность достижения согласованного решения в ближайшее время.

Страны НАТО предлагают засчитывать в категорию танков гусеничные машины весом 13 т и колесные боевые машины весом 20 т и выше. Однако они готовы рассмотреть вопрос понижения параметра для колесных танков в пределах 16—18 т. Основным калибром танкового вооружения являются орудия 75 мм и выше. Примерно такой же подход и у стран ОВД.

Об уровнях вооружений для одной страны. Натовцы предлагают ограничить количество вооружений для одной страны, остающихся после сокращений, уровнем в 30% от суммарного количества вооружений 23 стран. Наше предложение — 35-40%, исходя из минимально необходимой потребности в вооружениях для обеспечения обороны страны и нашего союза в целом.

Меньшее количество вооружений приведет к ослаблению наших оборонительных возможностей, к дисбалансу в пользу НАТО, особенно в связи с объединением двух германских государств.

Проблемы контроля. Основное расхождение между сторонами заключается в подходах к определению квот инспекций. При определении количества инспекций мы исходим из количества объектов типа полк — отдельный батальон и им равных; страны НАТО — из количества вооружений и размеров территории. При этом они стремятся ох-

ватить проверкой практически 100 процентов наших объектов. Например, за 120 дней, отводимых на проверку исходных данных, при намечаемой Западом интенсивности контроля для нашей страны — в среднем 5 инспекционных групп в сутки и проверке каждой группой 2-3 объектов в сутки — можно проверить 1200—1800 объектов. В дополнение к наземным инспекциям будут проводиться воздушные, что еще больше повысит интенсивность контроля.

Спрашивается, нужен ли 100-процентный охват контролем всех объектов государства-участника? По нашему мнению, это нецелесообразно ни с точки зрения достоверности контроля, ни с экономической стороны. Чтобы надежно убедиться в достоверности предоставленных данных, достаточно проверить какую-то часть объектов (скажем, 10—15 процентов) при условии, что право выбора будет принадлежать инспектирующему государству. Такой подход при высокой надежности контроля позволит значительно понизить расходы на его осуществление. А 100-процентный охват, к которому стремится НАТО, необходим лишь в разведывательных целях.

В целом переговоры о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе вышли на ответственный этап. Сейчас на Западе раздаются заявления о том, что СССР якобы снизил свою заинтересованность в достижении соглашения по этому вопросу. Такие заявления не имеют под собой основания. Москва стремится к достижению такого соглашения, причем чем быстрее, тем лучше, понимая, в частности, что с его заключением связано проведение общеевропейской встречи на высшем уровне.

Говорят, что мы увязываем Венские переговоры с объединением Германии. Разумеется, существует логическая связь между сокращением обычных вооруженных сил в Европе и тем, что происходит в межгерманских делах. Однако заключение соглашения в Вене не является заложником процесса объединения двух германских государств, тем более что этот процесс довольно длительный.

Кonstruktivную позицию занимает СССР и на переговорах 35 стран-участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Мы выступаем за выработку нового поколения всеобъемлющих мер укрепления доверия и безопасности, которые охватывали бы военную деятельность не только сухопутных войск, но и военно-воздушных и военно-морских сил, повышали бы степень открытости и предсказуемости намерений государств в военной области.

Упорное стремление США и НАТО вывести свои военно-морские силы из-под контроля, не допустить не только их сокращения, но даже распространения на эти силы мер доверия вызывает у нас озабоченность. Такая позиция не соответствует сегодняшней ситуации в мире. Она направлена на достижение военного преимущества и противоречит заявлениям официальных представителей США и НАТО об оборотительном характере их военной доктрины.

О проблеме ядерных испытаний. На переговорах в Женеве завершена работа над протоколом к Договору 1974 г. об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и протоколом к Договору 1976 г. о

мирных ядерных взрывах. Оба протокола подписаны во время советско-американской встречи на высшем уровне.

Таким образом, устранены разногласия по одному из основных вопросов переговоров — о механизме контроля. Достигнута договоренность о пакетном подходе, который включает три метода контроля: гидродинамические измерения мощности взрыва на месте; сейсмические измерения; инспекции на местах. Достигнуто также полное согласие в отношении уровней мощности взрывов, выше которых будут применяться соответствующие методы контроля: гидродинамический и сейсмический — ко всем испытаниям, — планируемая мощность которых превышает 50 килотонн, а право на инспекцию на месте — ко всем испытаниям, планируемая мощность которых превышает 35 килотонн.

Эти договоренности открывают реальные пути для безотлагательного перехода к новому этапу полномасштабных переговоров, которые можно было бы провести, не дожидаясь завершения ратификации указанных выше договоров, — этапу дальнейших ограничений количества ядерных испытаний и снижения мощности этих взрывов.

СССР считает, что давно назрела необходимость начать конкретные переговоры о полном запрещении испытаний ядерного оружия. А на период ведения таких переговоров следовало бы объявить взаимный советско-американский мораторий на любые ядерные взрывы. Мы пересмотрели свою программу ядерных испытаний, уменьшив количество взрывов и их мощность. И хотели бы надеяться, что США и другие ядерные государства присоединятся к СССР в этом деле. Однако США категорически отказываются от моратория и полного запрета на ядерные испытания.

О тактическом ядерном оружии. Советский Союз готов незамедлительно, без увязок с решением других проблем разоружения, приступить к переговорам или для начала провести консультацию по этому вопросу на уровне экспертов. Мы исходим из возможности поэтапного сокращения всех категорий тактического ядерного оружия до уровней, которые были бы ниже ныне существующих у любой из сторон. США и НАТО отказываются от нашего предложения, увязывая этот вопрос с достижением соглашения на переговорах в Вене и началом сокращения обычных вооруженных сил.

О химических вооружениях. Мы — за их полную ликвидацию в самое ближайшее время и уничтожение производственной базы по созданию такого оружия. С этой целью мы участвуем в переговорах по разработке глобальной конвенции о запрещении химического оружия, а также ведем консультации с США.

К настоящему времени в проекте конвенции практически согласованы следующие вопросы:

запрет разработки, производства и накопления химического оружия; полное уничтожение его запасов и объектов по производству (начать через год и завершить не позднее 10 лет после вступления конвенции в силу); создание международной контрольной организации; фор-

мат системы контроля, предусматривающий широкий перечень мер от представления данных до инспекций по запросу любого места без права отказа в случае подозрений в нарушении конвенции.

Основные расхождения обусловлены позицией США и реакцией на эту позицию других стран.

США выступают против запрета на применение химоружия в первые 10 лет действия конвенции; пересматривают подход к инспекциям по запросу с целью изъятия части объектов из-под контроля; хотят сохранить 2 процента запасов химоружия на срок свыше 10 лет, пока к конвенции не присоединятся все государства, способные обладать химоружием.

СССР выступает за охват контролем всех без изъятия объектов государств-участников конвенции, подпадающих под подозрение, независимо от того, в чьей собственности (государственной или частной) они находятся и где расположены, в том числе и на территориях третьих стран; полную ликвидацию запасов в течение первых 10 лет действия конвенции; запрет применения химоружия после вступления конвенции в силу.

По результатам советско-американских консультаций на встрече в верхах в Вашингтоне подписано поистине эпохальное Соглашение между СССР и США по уничтожению и непроизводству химического оружия. Согласно этой договоренности, США прекращают производство химического оружия сразу после вступления в силу Соглашения. Между сторонами согласованы основные сроки графика двустороннего уничтожения своих запасов химоружия до вступления в силу многосторонней конвенции. При этом каждая сторона поэтапно в течение 12 лет сократит и ограничит свое химическое оружие таким образом, чтобы не позднее 31 декабря 2002 года суммарное количество ее химического оружия не превышало 5000 тонн химикатов. По вопросу о возможности сохранения двух процентов запасов химоружия (500 тонн ОВ) достигнуто компромиссное решение о том, что этот вопрос мог бы быть решен в конце восьмого года действия многосторонней конвенции ее участниками на специальной конференции.

СССР и США, учитывая продвинутый характер многосторонних переговоров на Конференции по разоружению относительно подготовки всеобъемлющей, эффективно контролируемой конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об уничтожении его запасов, призывают участников переговоров приложить все усилия для того, чтобы завершить разработку текста конвенции в течение 1-2 лет. Со своей стороны СССР и США будут делать все возможное для того, чтобы содействовать достижению этой цели.

О космическом оружии. Мы против создания любых его видов. В космосе сейчас нет оружия и его не должно там быть. СССР заявил, что он не шагнет первым с оружием в космос. Это наше обязательство. Советский Союз будет и впредь прилагать все усилия, чтобы убедить США не делать подобного рокового шага. Любые ударные космические вооружения (УКВ), появившись они в космосе, сделали бы невозможным

сокращение СНВ. Более того, начался бы новый виток бесконтрольной гонки вооружений на многие десятилетия, возросла бы угроза войны.

Так ли это? — может усомниться кое-кто в нашем прогнозе. Именно так, потому что УКВ — наступательное оружие: оно может уничтожать как искусственные спутники Земли, так и объекты на самой Земле. Это глобальное оружие мгновенного действия. Оно может обрушиться на любую страну. Оружие в космосе в сочетании с СНВ — это готовый плацдарм для агрессии.

Администрация США заявляет, что СОИ гуманна, что она предназначена для уничтожения ядерных ракет, то есть для обороны. Все это — фикция, игра слов, попытка прикрыть истинные цели мнимым миролюбием. Если СОИ будет реализована, то космическое оружие как дамочков меч повиснет над головами людей. Все мы будем смотреть на небо, начиненное страшным оружием, и ожидать, что оно может быть пущено в ход.

США не хотят ограничивать работы в области ПРО космического базирования рамками лабораторий на Земле. Они требуют разрешить им уже теперь проводить любые работы, включая испытания, а по мере готовности — и развертывание «космического щита». Легко себе представить, что нас ждет через несколько лет, когда СНВ будут сокращены, а США начнут развертывать СОИ и отбросят Договор по ПРО.

В свое время бывший министр обороны К. Уайнбергер откровенно заявил: «Если мы (т.е. США) получим эффективную систему ПРО, которая была бы способна сделать оружие СССР бессильным, то мы вернулись бы к положению, существовавшему, например, в те времена, когда США были единственной страной, обладающей атомным оружием».

* * *

Важную роль в странах НАТО играют довлеющие на позиции Запада в области разоружения концепции и доктрины, рожденные еще во времена «холодной войны». Они построены на заблуждениях кратковременного периода атомной монополии и ракетно-ядерного превосходства США. Запад никак не может освободиться от мифа о ядерном оружии как гарантии мира, хотя этот «гарант» обладает способностью уничтожить все живое на Земле.

На Западе считают, что «ядерное устрашение» незаменимо. Но, на наш взгляд, концепция «ядерного устрашения» давно устарела и по своей сути противоречива и опасна. Ведь нельзя же, заявляя о том, что ядерный конфликт обернется катастрофой для всех, одновременно выступать за сохранение ядерного оружия как средства обеспечения мира. Никто до сих пор не доказал, да и не может доказать, что, не будь ядерного оружия, третья мировая война обязательно бы разразилась. Логичнее выглядит другое допущение: если бы не было ядерного оружия, то человечество не оказалось бы в определенные моменты на грани катастрофы. А такие моменты были. Кроме того, без ядерного ору-

зия народы имели бы куда больше шансов на претворение в жизнь положений Устава ООН о создании системы коллективной безопасности, и в результате мир был бы намного прочнее, чем сейчас.

Если до сих пор третья мировая война не разразилась, то можно ли сегодня дать гарантии, что и в дальнейшем этого не случится и ядерное оружие не будет применено, — мы ведь знаем, что США и НАТО не исключают его применения первыми. Можно ли мириться с любой, пусть даже самой ничтожной, вероятностью самоуничтожения человечества?

Приверженность к «ядерному устрашению» не позволяет Западу искать решения ядерной проблемы, ведет к дальнейшему накоплению смертоносного оружия, делает военное равновесие шатким, увеличивает риск возникновения ядерной войны. Наступательная направленность этой концепции четко просматривается в боевых уставах, наставлениях, в других основополагающих документах по строительству вооруженных сил США и НАТО.

Концепция «ядерного устрашения» подталкивает некоторых наших партнеров по переговорам к укреплению своей безопасности за счет других. Отсюда попытки выторговать себе на переговорах односторонние выгоды, обеспечить безопасность не политическими, а военно-техническими средствами, т.е. на путях гонки вооружений, открытия новых ее направлений.

В этих условиях логично поставить вопрос: реальна ли вообще цель построения безъядерного мира, за которую выступает Советский Союз? Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Неядерное обеспечение безопасности возможно. Оно возможно на началах разумной достаточности, под которой мы понимаем не только определенный уровень вооружений, но и определенное состояние доверия, психологический и политический настрой на возможно меньшее количество оружия — достаточное для обороны, но никак не достаточное для нападения.

* * *

В последние годы, особенно под воздействием советско-американских встреч на высшем уровне, удалось добиться существенных позитивных сдвигов в международных делах, снизить напряженность и конфронтацию. Растет доверие, развивается политический диалог. Важным фактором благоприятных изменений на мировой арене стали перемены в Советском Союзе, ответственная и динамичная внешняя политика, осуществляемая руководством страны во главе с М. С. Горбачевым. В основе нашей внешней политики лежит новое политическое мышление, осознание и учет реалий конца XX века.

Мы исходим из того, что мир стал взаимозависимым и целостным экономически и политически. Это диктует необходимость решительно повернуть от конфронтационного противостояния к сотрудничеству. Если говорить о важнейшей области, где соприкасаются интересы Востока и Запада — обеспечении безопасности, — то новое политическое

мышление диктует нам необходимость признать, что безопасность, основанная на попытках обеспечить ее за счет другой стороны, создать перевес сил, хрупка и ненадежна. В наше время безопасность может быть лишь взаимной.

Характерная черта наших дней — интенсивные контакты между государствами, которые позволяют провести обмен мнениями по фундаментальным вопросам, в том числе о возможности улучшения отношений Восток-Запад. СССР исходит из убеждения, что эти отношения могут быть существенно улучшены, поскольку объективно имеется много общих интересов, и прежде всего — не допустить войны, обеспечить выживание человечества. Долгое время мы как бы вели диалог глухих, идеологические споры затрудняли поиск общих интересов. Новое политическое мышление означает, в частности, отказ от идеологизированного подхода к межгосударственным отношениям, выдвижение на первый план общечеловеческих интересов.

Мы убеждены, что преодолению разобщенности Европы способствовала бы ликвидация военно-политических группировок — ОВД и НАТО, начиная с демонтажа их военных механизмов. Однако уже до того, как эта цель будет достигнута, имеется возможность использовать расширившееся взаимопонимание для того, чтобы приступить к налаживанию политического диалога и практического сотрудничества между обоими союзами по многим направлениям.

Ключевое место в этом диалоге, по нашему мнению, занимают вопросы разоружения, по которым в последние годы достигнуты крупные успехи. Заключено соглашение о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, существенно понижающее уровень ядерного противостояния в Европе. Отработана система контроля за этим соглашением, уникальная по своей природе и представляющая собой подлинный прорыв в формировании доверия между Востоком и Западом. Обнадеживают переговоры в Вене по сокращению обычных вооружений и вооруженных сил, где с обеих сторон внесены конструктивные предложения. Хотя у нас сохраняется немало вопросов по предложениям натовских государств, не вызывает сомнения, что, если тот деловой и конструктивный настрой, который характеризовал предыдущие раунды переговоров, будет превалировать и впредь, стороны сумеют энергично продвигаться к взаимоприемлемому решению.

Прорывом в области разоружения является встреча руководителей СССР и США в Вашингтоне. Достигнутые на этой встрече результаты создают уникальные возможности для перехода к следующему качественно новому этапу разоружения. Стремление к этому руководители СССР и США выразили в совместных заявлениях по следующему этапу переговоров по СНВ, а также о переговорах по обычным вооружениям в Вене.

Все это дает основание утверждать, что наметился решительный демонтаж структур военного противостояния. Он ставит перед нами в практическую плоскость необходимость незамедлительного начала переговоров по сокращению и ликвидации тактического ядерного оружия в Европе, по военно-морским силам и мерам доверия в этой обла-

сти. Мы ожидаем в ближайшее время эволюции военных доктрин и стратегических концепций стран НАТО в оборонительном направлении.

Первостепенное значение мы придаем развитию общеевропейского процесса во всех сферах, выводу нашего континента на новый уровень безопасности, продвижению по пути строительства общего европейского дома. Для этого, разумеется, требуется строгое взаимное уважение разнообразия социального и государственного строя европейских стран, сложившихся на континенте территориально-политических реальностей, существующих границ, суверенитета, права каждого народа свободно определять свою судьбу. Со своей стороны, СССР намерен всемерно способствовать реализации в полном объеме достигнутых на Венской встрече договоренностей в целях укрепления мира и безопасности в Европе, лучшего взаимопонимания и сотрудничества на континенте.

В Советском Союзе активно ведется строительство социалистического правового государства. И мы хотим видеть будущую Европу, общий европейский дом единым правовым пространством.

«Перестройка, — указал М. С. Горбачев на обеде в посольстве СССР в США 2 июня 1990 г., — это и вклад в создание нового мира: ведь мы ищем ответы на вопросы, которые в той или иной форме, с большей или меньшей остротой встали перед всеми народами, перед всем человечеством. И мы считаем, что, пройдя через тернии на избранном пути, мы выйдем не только на новые рубежи в нашей отечественной истории, но и поможем созиданию новой мирной цивилизации».

Принадлежность государств Востока и Запада к различным социальным системам — реальность. Признание этой исторической реальности, уважение суверенного права каждого народа выбирать социальный строй по своему усмотрению — важнейшая предпосылка нормального развития мирового процесса. Менять социальные и политические порядки в тех или иных странах — исключительное право самих народов. Любое вмешательство во внутренние дела, любые попытки ограничить суверенитет государств недопустимы — они привели бы к возобновлению острейшей конфронтации, расколу Европы и мира.

Нельзя не видеть, что хотя в мире произошли существенные сдвиги к лучшему, положение все еще остается сложным и противоречивым, благоприятные процессы не стали необратимыми. Не прекращаются наращивание и модернизация вооружений, ядерные испытания, работы в целях милитаризации космоса. С трудом преодолеваются сложившиеся в годы «холодной войны» концепции противоборства, опоры на силу, устрашение. Новое мышление не стало пока универсальной философией и практикой сотрудничества между Востоком и Западом.

Однако несмотря на все это, сегодня в Европе создается совершенно иная ситуация, чем 2-3 года назад. Так называемая «советская военная угроза» даже в области пропаганды снята с повестки дня. При решении проблемы объединения Германии на условиях создания твер-

дых гарантий безопасности СССР, других европейских государств, учета интересов и опасений советского народа, а также при достижении венских договоренностей уже невозможно будет представить себе, чтобы в Европе совершалась крупная агрессия. Вся военная деятельность сухопутных войск и ВВС от Атлантики до Урала сейчас видна как на ладони. Она жестко ограничена и контролируется.

Наступает время жить без страха, без постоянного ощущения нависшей над нами ядерной угрозы. На смену «образа врага» приходит образ партнера. Конфронтация сменяется сотрудничеством. Мы глубоко убеждены: эпоха мира возможна и она приближается. Так думают в Советском Союзе, в дружественных нам странах и предпринимают все усилия к тому, чтобы 1990-й и последующие за ним годы открыли перед нами подлинно мирный период.

КОНВЕРСИЯ И ОБЩЕСТВО

У критического порога

Нет никакого сомнения, что из-за недооценки важности поиска политических подходов к решению международных проблем, особенно характерной для позднего периода брежневского руководства, Советскому Союзу пришлось участвовать в новом витке гонки вооружений на равных с США, опираясь при этом на более слабую, чем у американцев, производственную базу.

Ориентация на силовую политику как основное средство противодействия американским военным усилиям потребовала наращивания военного потенциала ценой серьезного напряжения сил, что в значительной степени сковывало производительные возможности нашей страны. Печальный парадокс «гонки за лидером» состоит в том, что, увлекшись созданием мощной военной машины и действительно построив ее, мы стали все больше отставать в тех областях, которые обеспечивают экономическое процветание страны, и не заметили, как оказались перед реальной угрозой превращения во второстепенную державу.

Итогом нашей социальной эволюции, упорного следования по экстенсивному пути экономического развития и гигантского военного строительства стало опасное приближение к критическому порогу милитаризации. Проводить далее прежнюю политику «и пушки, и масло», нести непосильное бремя военных расходов оказалось невозможным. Страна вступила в полосу тяжелого и затяжного социально-экономического кризиса.

Программа «скорой помощи»

Именно так я назвал бы широкомасштабную программу демилитаризации экономики и общества, о намерении разработать и осуществить которую объявил с трибуны ООН в декабре 1988 г. глава Советского государства. Что сделано с тех пор?

Во-первых, стихийно сформировалась концепция конверсии. У нас в это понятие оказались включены пять направлений хозяйственной политики: конверсия вооруженных сил, распродажа военного имущества, уничтожение вооружений, увеличение выпуска товаров народного потребления оборонной промышленностью и собственно конверсия — перестройка военного производства для изготовления гражданской продукции.

Во-вторых, с учетом наиболее острых социальных нужд и возможностей оборонной промышленности были определены главные направления конверсии на период 1989—1995 гг. Ими стали: обеспечение оборудованием по переработке сельхозсырья аграрно-промышленного комплекса; производство медицинской техники; выпуск товаров народного потребления, особенно технически сложных — компьютеров, радио- и видеосаппаратуры и т.д.; обеспечение передовой техникой научных исследований, экологических и промышленных испытаний; развитие экологически чистого, экономичного и комфортабельного транспорта.

В-третьих, определились ответственные лица, которым поручено заниматься конверсией. Это военно-промышленная комиссия Совета Министров СССР, министерства обороны и оборонной промышленности и под их эгидой ряд отраслевых министерств, крупных поставщиков вооружений. В то же время из-за отсутствия информации совершенно неясно, как продвигается разработка общесоюзного плана конверсии. Где находится тот национальный центр, объединяющий наших специалистов из Вооруженных Сил, оборонной промышленности, отраслевой и академической науки, которые совместным мозговым штурмом решают проблему? Неужели и конверсия будет проходить в той же обстановке строжайшей секретности, что и гонка вооружений? И имена ее гениев мы будем узнавать так же, как и имена наших ракетостроителей, после их смерти?

В-четвертых, в газетах и журналах идет поток отрывочной информации (особенно со второй половины 1989 г.) о попытках проведения конверсии на ряде предприятий страны, об объективных и субъективных трудностях, возникающих вследствие плохой организации перестройки военного производства, обусловленных во многом отсутствием общесоюзной программы и закона о конверсии. Что только ни пытаются производить несчастные «оборонщики», которым выпал жребий перековывать мечи на орала! Детские коляски, кастрюли, упаковочные коробки, меховые шапки и даже, как сообщил журнал «Огонек»... гробы. Недовольство тем, как решается проблема конверсии, выражают практически все стороны: армия, оборонная промышленность, научные круги, общественность. И это при том, что всем в общем-то ясно: нельзя допустить, чтобы кризис гражданского хозяйства перекинулся и на военную экономику.

Мирная профессия оружия

Выше было показано, что конверсия — процесс многоплановый, сложный. Уже сегодня в нем более или менее четко обозначились два автономных направления. В первое — под эгидой Министерства обороны — попадают конверсия вооруженных сил, распродажа военного имущества, уничтожение боевой техники. Во второе — в ведение Министерства оборонной промышленности и причастных к производству оружия министерств нашей индустрии — оказываются включенными

расширение выпуска товаров народного потребления и перестройка военного производства.

В первом случае стоит вопрос о том, как с минимальным ущербом для общества (а если возможно, то и с выгодой) использовать территорию ликвидированных военных баз, оставшиеся на ней здания и сооружения, дороги и т.п.; как распорядиться боевой техникой, снятой с вооружения; как трудоустроить демобилизуемых в массовых масштабах солдат и офицеров.

Во втором случае перестроить или найти новые сферы применения нужно не для уже созданных систем вооружений или боевой техники, а для производящих их предприятий.

Армейская конверсия — это прежде всего распродажа военной техники. Согласно решению правительства, наше военное ведомство должно было до конца 1989 г. поделиться с гражданской экономикой излишками на сумму в 500 млн. рублей. В минувшем 1989 г. одним из последних мероприятий по выполнению этой задачи стала проходившая 11—17 декабря в Москве на ВДНХ первая Всесоюзная ярмарка-продажа имущества и техники Министерства обороны. Покупателями были все желающие: предприятия, организации, кооперативы, отдельные граждане.

По оценке министра финансов СССР В. С. Павлова, в ближайшее время за счет экономии горючего, расходов по эксплуатации, довольствия сокращаемой части армии, распродажи военного имущества может быть получено более 1,7 млрд. руб.¹ А сколько еще денег могло быть выручено, если бы боевая техника не взрывалась, не резалась на куски автогенном, не шла в металлолом, а по продуманному плану использовалась в гражданском секторе хозяйства в качестве блоков, деталей, приборов и т.п.? К сожалению, многое просто разрушается, и это формирует целое направление в рамках текущей программы разоружения — уничтожение боевой техники.

Пока еще нет опубликованных данных о том, какую часть экономленных средств поглощает эта деятельность, во что обходится она стране, но и без них ясно — в круглую сумму. Яркий тому пример — уничтожение химического оружия, для чего под Чапаевском пришлось построить целый завод. Показательно, что в США при обсуждении бюджета Пентагона на 1988/89 г. военные запросили 87,4 млн. долл. на уничтожение устаревшего химического оружия и организацию хранения полученных в результате отходов — их общий вес составит 56 440 т.²

Существует еще одна проблема, касающаяся перспектив гражданского использования военной техники, — ее нестандартность. И вновь из-за отсутствия данных я вынужден признать, что не знаю, какая часть ее по различным параметрам может сразу быть пущена в дело, а какая потребует переналадки, подгонки и т.п. А главное — каково будущее этой техники? Будет ли она побочным продуктом конверсии и исчезнет, отслужив свой срок, или предприятия и организации могут

¹ *Экономическая газета*, 1989, № 44, с. 6.

² Department of defense authorization for appropriations for fiscal years 1988 and 1989. Wash.: Gov. print, off., 1987, Pt. 4, p. 2087, 2134.

всерьез рассчитывать на нее в своих производственных планах? Ответ на этот вопрос зависит от планов «оборонщиков». Если производство техники, о которой идет речь, будет полностью прекращено, перспективы эти сведутся к нулю; если продолжится, у бывшей армейской техники есть шансы просуществовать долго и постепенно эволюционировать в сторону гражданской.

Следующим гордым узлом армейской конверсии является «проблема 500 тысяч». С чисто экономической точки зрения это задача организации переобучения и трудоустройства пятисот тысяч человек. Когда встает вопрос о сокращении вооруженных сил, главный аргумент противников разоружения на Западе заключается в том, что конверсия приведет к существенному росту безработицы. До недавнего времени казалось, что для советской экономики этот вопрос чисто теоретический. Что стоит хозяйству с существующим и прогнозируемым в будущем дефицитом трудовых ресурсов (как утверждалось еще недавно), работающему преимущественно в экстенсивном режиме, проглотить за несколько лет полмиллиона молодых здоровых людей?

Вспоминается сразу же наш единственный опыт конверсии вооруженных сил в мирное (не послевоенное) время — опыт хрущевского периода. Тогда в 1955 г. численность вооруженных сил была уменьшена на 640 тыс. человек, в 1956-м — на 1,84 млн., а в 1960-м — на 1,2 млн. человек. Народное хозяйство выиграло от этого немало: удалось удвоить жилищное строительство, возвести более 100 домостроительных комбинатов, провести культивацию обширных площадей неиспользуемых земель и таким образом увеличить производство сельхозпродукции, почти в два раза повысить уровень пенсий и сократить рабочий день без снижения заработной платы¹.

В связи с нынешними планами конверсии в печати вспоминают преимущественно об этом. А те, на чьей памяти проходили хрущевские военные реформы, кого они непосредственно коснулись, вспоминают иное: как пострадал престиж армии в те годы, как мыкались военнослужащие — и солдаты, и офицеры — в поисках жилья и работы. В наши дни эта проблема вновь встает в полный рост. Ведь утверждение о том, что хозяйство СССР испытывает абсолютный дефицит рабочих рук, — это миф административной системы. Занятость и безработица в СССР — это жуткое сплетение проблем, болезнь, дающая осложнения в самых неожиданных на первый взгляд сферах жизни общества. До сих пор официально считается, что безработных у нас нет и быть не может, потому что безработица полностью ликвидирована. Но ликвидирована она характерным для административно-командной системы путем — путем формального запрета. Безработица уголовно и административно наказуема и к тому же экономически невозможна, так как советский человек лишен социальной помощи даже тогда, когда вынужденно не имеет работы. При этом избыточное количество рабочих мест в промышленности (скрытая безработица) при-

¹ *Огонек*, 1989, № 19. с.8.

ближается, по оценке доктора экономических наук В. Фальцмана (Институт экономики АН СССР), к 20 миллионам!¹

Недаром газеты публикуют заметки то о прекращении набора в летные училища в связи с тем, что ожидается приток демобилизованных специалистов в гражданский воздушный флот, то о том, что бывшие военнослужащие не могут найти работу, так как училища различного профиля продолжают планировать и выпускать специалистов без учета «проблемы 500 тысяч». Значит, уже началась неразбериха, столкнулись два направления экономической политики. Какое из них следует предпочесть? Очевидно, что никакое. Нельзя оставить без работы бывших военнослужащих и нельзя закрыть дорогу молодежи. Нужен синтез кадровой политики.

Еще один важный момент. По оценкам группы сотрудников ЦЭМИ АН СССР (члена-корреспондента Д. С. Львова, С. Ю. Глазьева, И. А. Каримова, Е. Н. Кузнецова), треть экономической деятельности в Советском Союзе является избыточной². Что это означает? А то, что на треть наше хозяйство работает вхолостую. Предприятия и отрасли поглощают всевозможные ресурсы и не создают нужной обществу продукции. Существование этого огромного гражданского ВПК, который ничем не лучше военного, так как не рождает даже вооружений, которые могут быть использованы в целях обороны, ничем не оправданно, но является фактом. И очень опасным. Потому что быстро ликвидировать ненужные предприятия или их подразделения невозможно. В первую очередь из-за неразрешимости проблемы трудоустройства занятых на них людей. Сделать это — значит сознательно спровоцировать социальный взрыв. А не сделать — значит продолжать кидать ресурсы, в которых отчаянно нуждается страна, в бездонную «черную дыру».

И вряд ли кто может сегодня сказать, в какой степени их деятельность можно изменить так, чтобы результаты ее стали общественно полезными, а в какой нельзя. Во всяком случае, здесь тоже скопился резерв рабочей силы, которая может и пополнить ряды безработных, и претендовать на открывающиеся в результате конверсии вакантные рабочие места. Все зависит от того, какова будет экономическая политика государства.

Сегодня, может быть, дико прозвучит мысль, что наша экстенсивная раздутая армия — большое благо. Но это именно так, и прежде всего для республик Средней Азии и Закавказья. Ведь в них до 15-20% трудоспособного населения не могут найти работу. В одной Фергане насчитывается 200 тыс. безработных³. Журналисты и ученые уже подметили эту тенденцию — национальные конфликты происходят чаще там, где высок уровень избыточной рабочей силы. Экономическая про-

¹ *Вопросы экономики*, 1989, № 9, с. 91.

² Львов Д. С., Глазьев С. Ю., Каримов И. А., Кузнецов Е. Н. Стратегия распространения перспективных технологий (Препринт). М., ЦЭМИ АН СССР, 1989, с. 15.

³ *Новый мир*, 1989, № 11, с. 187.

блема безработицы смыкается с проблемой национальных отношений, приводит к социальным взрывам, насилию, садизму, убийствам.

Нужны нам еще 500 тыс. недовольных, озлобленных людей, при том не штатских, а военных? А о том, какими будут их настроения, по-моему, иллюзий строить не стоит.

В последнее время общество все больше узнает о социально-бытовой неустроенности нашей армии, прежде всего ее костяка — офицеров и прапорщиков. Достаточно взять жилищную проблему. Расчеты доктора экономических наук И. Юдина показали, что ежегодно Министерство обороны строит 86 тыс. квартир. Кроме того, до недавнего времени оно получало из местного жилого фонда в среднем еще 14 тыс. квартир. Казалось бы, немало. Но, как выяснилось, из этих 100 тыс. квартир ежегодно около 70 тыс. «уходят в отставку» из армии вместе со своими хозяевами. Итого: реальный прирост жилого фонда Вооруженных Сил оказывается равным всего 30 тыс. квартир.

Цифры свидетельствуют: сегодня в армии и на флоте 150 тыс. офицеров и прапорщиков не имеют жилья. Более того, проблема обостряется в связи с переходом предприятий и регионов на хозрасчет. Получение жилья из местных фондов становится практически невозможным. «Огромный на первый взгляд жилой фонд Министерства обороны, — пишет Юдин, — на самом деле ежегодно тает, как лед на летнем солнце, и для обеспечения квартирами офицеров и прапорщиков до 2000 г. потребуется утроить объем строительства в Вооруженных Силах. Нетрудно понять: это из области утопий»¹.

Очевидно, что необходима общесоюзная программа переобучения, трудового и бытового устройства: нужно максимально эффективно использовать профессионально-квалификационный потенциал сокращаемой части армии; продумать, какие знания и навыки сотен тысяч этих людей могут быть использованы в мирной жизни; следует вести поиск рабочих мест для обладателей редких профессий, в которых гражданское хозяйство не испытывает особой необходимости; создать специальный фонд, из которого будут производиться выплаты (типа пособий по безработице) для поддержания уровня доходов, для покрытия расходов семей военных, связанных с переездом и трудоустройством на новых местах и т.д. Всего не перечислишь.

Боюсь, однако, что развернуть достаточно быстро и в нужном объеме такую программу не удастся как из-за нехватки ресурсов, которые спешно бросаются на заделку все новых и новых брешей, так и из-за нестабильности социальной ситуации, экономической политики и прочих недугов и неурядиц нашего общества. Следует также иметь в виду, что практически все западные исследователи с настойчивостью повторяют: наибольшие трудности возникнут с поисками рабочих мест для кадрового офицерского состава. Большая часть его имеет специфически военные профессии, у которых нет близких аналогов в гражданском секторе.

Очень не хотелось бы, чтобы наши военные пополняли ряды вое-

¹ Экономика и жизнь, 1990, № 1, с. 11.

низированной охраны, штата гражданской обороны, швейцаров, а то и рэкетиров, как нередко случается с бывшими спортсменами.

Может быть, разумно было бы просчитать компромиссный вариант: притормозить процесс сокращения армии и провести его не за два года, а в течение более длительного времени. Какого конкретно? Без специальных расчетов ответить невозможно. Дело в том, что в данный момент неясная картина занятости в гражданской экономике — какие тенденции породит в этой сфере экономическая политика правительства. Неясно также, сколько новых рабочих мест будет создано в результате конверсии военной промышленности и какова будет их структура. Лишь имея надежный прогноз в области занятости, можно без боязни делать нашему хозяйству инъекции в виде новых трудовых резервов. Упаси нас бог и мы сами от чего-нибудь вроде пресловутой антиалкогольной кампании.

И еще одна крамольная мысль. Может быть, стоит также уменьшить масштабы сокращения бюджета обороны, направив часть высвобождающихся средств на лечение социальных недугов Вооруженных Сил? Ведь какие-то деньги все равно в ближайшее время придется выделить на армейские проблемы. Этого не избежать — с армией в перестройку не играют.

Предлагаю широко и оперативно обсудить все «за» и «против».

От экономики вооружений к экономике разоружения

«Отдача от конверсии начнется где-то после 1990 г. и пойдет по нарастающей, — утверждает министр финансов СССР Павлов. — Но пока, для того чтобы совершить переход военной промышленности на гражданские рельсы, нужно вкладывать. Скажу вам, что пришлось немедленно вложить дополнительно более 3,5 млрд. руб., чтобы сделать новую оснастку, новые штампы, подготовить новые чертежи, техдокументацию. Это же не просто кран на кухне: холодную закрыл, горячую пустил...»

Из данного высказывания ясно, что конверсия, увы, внесет свой вклад в рост дефицита госбюджета СССР. Обязателен ли этот рост? Западные исследования показывают, что нет. В частности, в законопроекте, подготовленном известным американским специалистом в области военной экономики и конверсии С. Мелманом и представленном в 1987 г. на обсуждение в конгресс членом палаты представителей Т. Вайсом, высказано категорическое возражение против каких-либо субсидий из госбюджета военным корпорациям. Различные формы гарантирования рынков сбыта или прибылей, поясняют авторы проекта, будут лишь способствовать сохранению парниковых условий, обычной практики увеличения издержек (т.е. затратного механизма), порождающих производственную неэффективность и некомпетентность, что

¹ *Экономическая газета*, 1989, № 44, с. 6.

противоречит задаче повышения конкурентоспособности конверсируемых предприятий¹.

По-видимому, проблема, которую приходится решать нам, — это проблема соответствия масштабов сокращения военно-промышленной и расширения гражданской деятельности предприятиями оборонного сектора. И здесь я уже вступаю, за отсутствием данных, в область гипотез. Либо военное производство сократится в меньшей степени, чем расширится гражданское, и тогда потребуются новые капиталовложения, чтобы покрыть разницу, которую в принципе следовало бы покрывать за счет экономики. Либо из-за той срочности, с которой мы осуществляем конверсию, стремясь ослабить кризис экономики, и из-за объединения под общим понятием «конверсия» двух направлений хозяйственной политики — собственно конверсии и расширения производства товаров народного потребления военными заводами — мы вынуждены будем подстегивать перестройку оборонного сектора новыми инвестициями.

Кроме того, ставя перед Министерством оборонной промышленности задачу возрождения пришедших в упадок отраслей легкой и пищевой промышленности, а также целого ряда других, переводя на его баланс десятки нерентабельных предприятий, мы вынуждены увеличивать взносы в военный бюджет страны.

Как остановить этот рост, который является — внешне это выглядит парадоксальным — следствием наших мирных инициатив? Один вариант предложили шведские профсоюзы. Он прост: ввести однопроцентный конверсионный налог от общей стоимости контрактов для всех военных предприятий. А к тем, кто будет отказываться проводить конверсию или осуществлять ее замедленными темпами, в малом объеме, применять драконовские меры — лишать всяческих льгот и субсидий, а в крайнем случае аннулировать военные заказы². Можно представить, какой переворот произвело бы это в психологии «оборонщиков», которые вдруг осознают, что производить вооружения в условиях максимального благоприятствования — не наследственное право, а привилегия, которую нужно заслужить, иначе она будет отдана другим, более гибким и поворотливым.

Аналогичное предложение сделано в американском проекте закона Дж. Макговерном, Ч. Матиасом и Т. Вайсом. Дополнительные средства на конверсию они предлагают получить за счет создания фонда экономического регулирования, в который должны отчисляться 1,25% дохода всех военных предприятий³.

Загвоздка не только в том, где изыскать дополнительные деньги на конверсию и как сократить расходы на нее. Даже если наше правительство сможет выстроить свою экономическую политику таким образом, что и бюджетный дефицит станет сокращаться заданными тем-

¹ *Journal of peace proposals*. Oslo, 1988, Vol. 19, № 1, p. 143–147.

² Трудящиеся и гонка вооружений. Дублин, Международный профсоюзный комитет за мир и разоружение, 1986, с. 47–49.

³ *Working papers for a new society*. Cambridge, 1979, Vol. 7, № 1, p. 54.

пами, и средства на демилитаризацию хозяйства найдутся, перед «конверсионщиками» мощным бастионом встанет проблема ресурсного обеспечения. Западные ученые видят сложность в сбыте гражданской продукции конвертируемых предприятий, в поисках ими своего рынка, на котором оборонная промышленность сможет доказать превосходство выпускаемой ею мирной продукции. Но для СССР вопросом первостепенной важности является не поиск рынков сбыта для конвертируемых заводов, а обеспечение перестройки всевозможными ресурсами, потому что ахиллесова пята дефицитной экономики — это снабжение, а не реализация. С последней, думается, при практически бездонном спросе на товары народного потребления затруднений не будет (по крайней мере в первое время).

Другая проблема — внутрихозяйственная неконвертируемость рубля, утратившего свойство всеобщего эквивалента, свободно обмениваемого на любые товары. В условиях централизованного распределения и тотального дефицита деньги не приманивают материальные ресурсы, последние живут обособленной жизнью, по своим собственным законам. В такой системе перераспределение бюджетных средств, то есть увеличение ассигнований на гражданские нужды за счет отчислений на военные, существенно ограничено возможностями перераспределения ресурсов в их натуральном выражении. Если бюджетные реформы не будут обеспечены техникой, материалами, продуктами, стройматериалами и т.д., то планы конверсии либо вообще не будут реализованы, либо окажутся осуществлены частично, во многом оставаясь бумажными проектами. Подобный результат неизбежно вызовет дополнительный хаос в экономике и обществе.

Кроме того, значительная, я бы сказал, преобладающая часть экономики финансовых ресурсов в оборонном секторе неизбежно будет чисто условной. Высвободившиеся средства пойдут на реконструкцию заводских мощностей, на приспособление их к производству гражданских товаров, на кардинальное перевооружение предприятий машиностроения, выпускающих оборудование для легкой, пищевой и других отраслей промышленности.

Перепрофилирование предприятий

Следующий блок проблем связан с задачами перепрофилирования военных заводов на производство гражданских изделий, налаживание постоянного канала передачи передовой технологии из военного сектора в гражданский.

Достаточно сказать, что в военном производстве во всем мире занято примерно 10% всех промышленных рабочих (в том числе 20% квалифицированных рабочих) и 40—50% ученых и инженеров; гонка вооружений поглощает в ведущих капиталистических странах от 30 до 70% ресурсов, выделяемых на научные исследования и разработки. Наукоемкость военной продукции в 20 раз выше, чем гражданской. В

то же время лишь от 5 до 20% результатов военных НИОКР используются впоследствии в мирных целях¹.

Но ни в одной из промышленно развитых стран оборонный сектор не пользуется такими исключительными приоритетами в получении различных ресурсов, как у нас, где он целиком подчинен государству, значительно обгоняет по уровню гражданский сектор.

Поэтому не случайно в разработанной, точнее, сметанной на живую нитку программе производства и создания оборонной индустрией новых товаров народного потребления на 1989—1995 гг. предусмотрено освоение и производство сотен видов сложной бытовой техники, в том числе изделий, ранее не выпускавшихся в Советском Союзе. Утверждается, что для этого имеются необходимые мощности и возможности. Например, И. С. Белоусов, заместитель Председателя Совмина СССР и Председатель Государственной военно-промышленной комиссии, считает: «Разумеется, на военных заводах есть такое оборудование, применяются такие технологические процессы, которые присущи только военному производству, например, нанесение теплозащитных покрытий на корпус ракет, технологические линии для производства боеприпасов. Но это, скорее, исключение, чем правило. В большинстве же случаев одни и те же машины... позволяют выпускать и оружие, и сугубо мирную продукцию»².

Если это так на самом деле, то неясно, каким образом на отсталом оборудовании мы умудряемся производить вооружения, обеспечивающие паритет с США? Хочется верить, что И. С. Белоусов несколько преувеличил близость уровней военной и гражданской технологий. Ведь качеством холодильников, телевизоров, пылесосов и других видов товаров, выпускаемых преимущественно заводами оборонной промышленности, недоволен и непритязательный советский потребитель. Трудно представить, что мощь наших Вооруженных Сил опирается на такую несовершенную производственную базу.

Повсеместно в капиталистических странах ученые пишут о тенденции ко все большему увеличению разрыва в характере технического развития военного и гражданского секторов. Это во времена послевоенной реконверсии можно было говорить, что танк и трактор почти близнецы. Сними с первого башню, надень кабину и айда в поле. Теперь же, как утверждают конструкторы, между ними нет ничего общего, кроме того что оба они на гусеничном ходу.

В США, Великобритании, ряде других стран в системе министерств обороны постоянно функционируют специальные управления, занимающиеся проблемами передачи военной технологии в частный сектор. Действуют специальные программы технологического развития, работают конструкторские бюро и научные лаборатории, изыскиваются сферы применения результатов военных НИОКР в мирной жизни, сотрудничающим с Пентагоном

¹ Veselovsky S., Potapov V., Salkovsky O. *Insane squandering*. М., Progress publishers, 1988, p. 21—22.

² *Правда*, 10 февраля 1989 г.

фирмам выделяются специальные субсидии, организуется реклама новых образцов техники.

Необходимо также учитывать, что западные компании широко диверсифицированы, многолики. Они одновременно производители и военной и мирной продукции. Причем объем выпуска той и другой определяется исключительно конъюнктурой рынка. Поэтому для них проблема передачи технологии значительно менее сложна, чем для СССР, где более жестки барьеры секретности, более высоки межведомственные заборы, отсутствует свободный рынок.

Несмотря на имеющиеся у него преимущества, Запад постоянно ставит вопрос о сложности конверсии. Во-первых, как уже говорилось, из-за действия в оборонном секторе затратного механизма; во-вторых, из-за непригодных для гражданской фирмы методов организации НИОКР. Известно, что военные подрядчики ориентированы в первую очередь не на снижение издержек производства, а на выполнение заказов в указанные сроки и создание образцов вооружений с заданными характеристиками. В результате у администрации сложились свои особые методы управления, а у научного персонала — специфический тип мышления. Конструктору, бившемуся всю жизнь над созданием, скажем, суперистребителя, трудно переключиться на разработку сосисочных линий.

Если, с одной стороны, длительная гонка вооружений создает серьезные трудности на пути конверсии, многими своими негативными последствиями препятствуя быстрому повороту военных НИОКР в мирную сторону, то, с другой, оказывается, что конверсия озадачивает нашу оборонную промышленность. Дело в том, что свертывание военного производства не означает параллельного свертывания военных исследований и разработок. Поддержание равенства сил требует конструирования новых видов вооружений. Если раньше после окончания цикла НИОКР они поступали в производство и затем на вооружение в армию, то ныне судьба части из них — пылиться в сейфах до тех пор, пока изменение международной обстановки не сделает их производство необходимым. Создается своеобразный банк военно-технических изобретений, которые, дай бог, навсегда останутся в чертежах.

Проблема научно-технического развития, передачи технологии — это проблема будущего, которая решается сегодня. Есть еще одна важнейшая задача — текущего дня. Заводы, производящие военную супертехнику, также существенно отличаются от гражданских предприятий. Именно поэтому сторонники конверсии на Западе выделяют конверсию оборудования в отдельную проблему. Существуют три типа оборудования на предприятиях, выпускающих оборонную продукцию:

- 1) оборудование предприятий, работающих на военные цели, но производящих товары, ничем не отличающиеся от гражданских (электроника, медикаменты, стройматериалы и др.);
- 2) оборудование, на котором изготавливается специфически во-

енная продукция, но которое может быть приспособлено для производства мирных товаров (разного рода станки, прессы и т.п.);

3) оборудование, которое крайне трудно или невозможно приспособить для гражданских нужд.

Какой процент в СССР составляет оборудование второго и третьего типа, неизвестно. Но повторю то, что говорил выше: тенденция расхождения двух ветвей научно-технического прогресса общая.

Конверсия и занятость

Ряд важных зависимостей, уже существующих и тех, что неизбежно возникнут в ближайшем будущем, был рассмотрен в разделе «Мирная профессия оружия» в связи с конверсией Вооруженных Сил. Напомню вкратце, о чем шла речь, чтобы читателю была видна полная картина, складывающаяся с сфере занятости. Во-первых, армия «отсасывает» массу молодежи из районов, в которых существует дефицит рабочих мест. Во-вторых, увольнение из рядов Вооруженных Сил 500 тыс. человек в короткие сроки обострит проблему занятости и поэтому необходима общесоюзная программа переобучения, трудового и бытового устройства. В-третьих, возможно, следует растянуть процесс демобилизации на более длительный срок, чтобы не провоцировать обострение проблемы занятости. В-четвертых, неясна ситуация с гражданским промышленным комплексом и соответственно с трудящимися, занятыми на работающих вхолостую заводах.

Пятый момент. Во всех странах военное производство сконцентрировано в определенных регионах. В США — в четырех штатах, в Великобритании — в юго-западной Англии, в ФРГ — в трех землях, в Швеции — в трех провинциях¹. Нет сомнения, так обстоит дело и в Советском Союзе, хотя география размещения оборонной промышленности остается пока тайной за семью печатями. Перепрофилирование предприятий оборонной промышленности может оказать дестабилизирующее воздействие на экономику отдельных регионов, нарушая сложившуюся структуру, во многом меняя их хозяйственную жизнь, а значит, и прочие параметры существования. Опыт капиталистических стран показывает, что, как правило, закрытие военных объектов означает прекращение финансовой помощи из государственного бюджета, резкое сокращение потребностей в деятельности сферы услуг, медицинской помощи, жилищном строительстве и т.п. И как следствие — снижение темпов экономического роста, повышение уровня безработицы и падение уровня доходов.

Хуже всего придется тем регионам, в которых предприятия оборонной промышленности будут полностью закрываться. По расчетам американских ученых, ликвидация последствий свертывания военного производства занимает порой несколько лет. Понятно, что в таком случае всегда существует опасность смыкания проблемы безработицы с проблемой национальных отношений. Поэтому необходимо сопоставить географию военного производства и конверсии с географией наи-

¹ Veselovsky, Potapov, Salkovsky. Op. cit., p. 19.

более горячих точек нашей страны в области занятости. Иначе непродуманные шаги могут вызвать новые взрывы.

И последнее замечание по вопросу о занятости. СССР находится в состоянии перехода от экстенсивной к интенсивной модели развития. А это везде — и при социализме, и при капитализме — означает все большую замену живого труда машинным. Таким образом, перестройка сама является новым источником роста избытка рабочей силы и причиной сокращения рабочих мест, прирост которых может дать конверсия. По некоторым оценкам, если бы предприятия нашей страны смогли поднять производительность труда до мирового уровня (при том же объеме продукции и услуг), то мы имели бы 32 млн. безработных. В то же время утверждается, что сейчас у нас около 16 млн. свободных рабочих мест. Каков вывод?.. Неопределенность...

В этом бесконечном нагромождении проблем, взявших нас в кольцо, есть все-таки и просвет. Согласно многочисленным расчетам западных ученых, гражданское производство всегда создает рабочих мест больше, чем военное. Объясняется это высокой механизацией и автоматизацией последнего, ориентацией на передовую технологию, а как следствие, большим использованием техники и меньшим — живого труда, чем в мирных отраслях хозяйства. В среднем соотношение количества рабочих мест, создаваемых одной и той же суммой капиталовложений, скажем 1 млрд. долл., составляет 1:2. Особо весомый прирост — в 2-3 раза — дает непроезженная сфера (услуги, образование, здравоохранение и т.д.). Значит, есть надежда на то, что конверсия поможет рассосать скрытую безработицу в стране и таким образом снизить социальную напряженность.

Конкретный ответ, насколько демилитаризация экономики поможет нам реально приблизиться к одному из главных завоеваний социализма — полной занятости, — покажут только исследования. Необходимы сведения об общей численности занятых в военной промышленности, о профессиональной структуре рабочей силы, отраслевые и сводные показатели созидательной способности в сфере рабочих мест отечественного оборонного производства; нужны такие же расчеты по гражданским отраслям. Лишь узнав все это, экономисты смогут однозначно ответить на вопрос, как связаны конверсия и занятость в СССР. До тех пор пока такой шаг не сделан, ученые будут продолжать блуждать в тумане догадок и полужнания, как бы их ни ругали и как бы настойчиво от них ни требовали ответов.

Механизм конверсии

Важнейшим с экономической точки зрения вопросом является вопрос о хозяйственном механизме конверсии. Перестройка оборонных предприятий сопряжена с существенными изменениями в их хозяйственных связях. Ясно, что наладить эти связи, учитывая высокий уровень требований к качеству поставляемых материалов и изделий у военных заводов, достаточно нелегко.

Нет сомнения, оптимальным вариантом хозяйственных отношений с партнерами, обеспечения ресурсами является рыночная конкуренция. Однако в настоящее время быстрый переход к рыночному механизму представляется невозможным. Судя по всему, он займет довольно длительный период. Поэтому следует использовать сегодняшнее преимущество оборонного сектора: все лучшее и дефицитное отдастся прежде всего ему. Тогда в ближайшем будущем, пока приоритетность сохранится, мы можем рассчитывать на то, что отданные в ведение Министерства оборонной промышленности заводы действительно возродятся. Кроме того, чтобы преимущества не обратились в фикцию, следует разработать систему мер по техническому перевооружению поставщиков силами оборонных предприятий, выделять им средства на премирование работников, на решение социальных вопросов и т.д. Такая политика укрепит вновь создающиеся производственные цепочки, обеспечивающие производство конверсионных товаров.

Но эта тактика может быть рассчитана только на непродолжительный период. Наш родной затратный способ хозяйствования знаком практически всем странам, имеющим развитый военный сектор. Для их оборонной промышленности это такая же проблема, как для советской экономики в целом. Следовательно, принадлежать оборонному сектору нашим гражданским предприятиям выгодно только до тех пор, пока они будут пользоваться его исключительными преимуществами.

В критической ситуации это допустимо. Но когда «оборонка» выйдет из кризиса отрасли, связанные с производством товаров народного потребления, они должны вновь выйти из-под руки могущественного военного ведомства. Это диктуется жесткой логикой экономического развития. В то время как в гражданском секторе будут развиваться рыночные отношения, а значит, будет объявлен бой затратному методу хозяйствования, предприятия военной экономики будут продолжать работать по прежней схеме. Чисто военному производству это не нанесет вреда, так как оно всегда останется в числе сфер хозяйственной деятельности, которые существуют на средства госбюджета. Но для гражданских предприятий, чем дольше это будет продолжаться, тем катастрофичней окажутся последствия. Им опять придется серьезно перестраиваться, подстраиваться под рынок. Вновь встанут проблемы непомерно высоких затрат и цен, несоответствия методов управления, отсутствия развитой системы маркетинга, психологической неподготовленности инженерных, научных, рабочих кадров.

Возможен и другой вариант развития событий. Предположим, что по мере повышения доли гражданского производства на военных предприятиях в равной степени будет снижаться уровень приоритетности в снабжении. Соответственно станут сокращаться возможности заводов выпускать продукцию повышенного качества. В итоге «оборонщики» столкнутся с проблемами, от которых стонут их собратья в гражданском секторе, — с дефицитом в снабжении, отсутствием новой техники, недисциплинированностью смежников и прочими. Что произойдет тогда? «Оборонщики» быстро утратят свои нынешние достоинства — все сведется к среднему уровню нашей экономической жизни.

Чтобы этого не произошло, чтобы в экономический механизм нашей страны из-за недостаточно продуманной политики не были вмонтированы такие детали, которые в будущем неизбежно приведут к сбоям, а может быть, и более серьезным неполадкам, требуется следующее. По мере возрождения предприятий легкой, пищевой и других отраслей промышленности выводить их из состава оборонного сектора, чтобы достоинства не успели превратиться в недостатки. «О том, что произойдет именно это, — совершенно справедливо замечает сотрудник Института США и Канады АН СССР А. Изюмов, — говорит опыт военно-промышленного комплекса в странах Запада. Многочисленные исследования свидетельствуют, что по всем показателям эффективности (производительность труда, фондоотдача, материалоемкость) военные предприятия значительно уступают своим гражданским собратьям»¹.

Итоги

Осталась, как говорится, «самая малость» — создать механизм конверсии с высоким коэффициентом полезного действия и, запустив его, заставить работать в оптимальном режиме. Начать, как представляется мне, следует с создания специальной комиссии по конверсии в Верховном Совете СССР. Ее главной задачей должна стать разработка Закона о конверсии. Для ускорения его подготовки нужно использовать опыт американского конгресса, в котором законопроекты о конверсии обсуждаются (но до сих пор не утверждены) с начала 60-х годов. Известны программы Вайса, Гейденсона, Додда, Маврулиса, Макговерна, Матиса и др. В них отражены ключевые проблемы, предложены конкретные меры социально-экономической политики, определены необходимые статьи, даны отточенные формулировки. Параллельно следует образовать государственную комиссию по конверсии в Совмине. Как в высшем законодательном, так и в высшем исполнительном органах власти страны должны быть представлены все заинтересованные стороны. Причем ни она из них (в том числе и военные) не должна иметь численного преимущества. Задачей этой комиссии будет планирование конверсии и контроль за ее осуществлением.

Аналогичные органы нужно сформировать на уровне отраслей, подотраслей, производственных объединений, предприятий, республиканских, областных, районных, городских органов власти. Низовые комитеты альтернативного использования ресурсов (КАИР) займутся разработкой конкретных планов перевода военного производства на выпуск гражданской продукции.

После того как будет создана институциональная структура конверсии, следует перейти к разработке общесоюзного плана-прогноза, в котором будут определены общие задачи и круг предприятий, подлежащих частичной или полной конверсии. Учитывая, что о намерении

¹ Veselovsky, Potapov, Salkovsky. Op. cit., p. 19.

СССР приступить к демилитаризации экономики было объявлено во всеуслышание более года назад, срок подготовки плана-прогноза можно определить в один год.

На базе общих ориентиров конкретные заводы начнут разрабатывать свои планы конверсии. Время выполнения этого задания — два года (по С. Мелману). Затем планы будут передаваться по инстанциям, оцениваться, корректироваться. Итогом станет общесоюзный государственный план-закон о конверсии. Определить сразу время, в течение которого он должен быть претворен в жизнь, мне не представляется сегодня возможным. Думается, что некий общий срок — вроде пятилеток — вряд ли может быть назначен.

Чтобы во всеоружии встретить трудности конверсии, следует создать Финансовый фонд конверсии и Резервный фонд ресурсов, задачей которых будет поддержка предприятий, выплата пособий трудящимся и т. п.

В рамках государственного плана конверсии должны действовать по меньшей мере две крупные программы: общесоюзная программа переобучения, трудового и бытового устройства; общесоюзная программа передачи технологии.

Большую пользу делу конверсии принесло бы создание вневедомственного Института конверсии, финансируемого заинтересованными сторонами и ведущего политические, экономические, социологические и другие исследования и разработки.

Наконец, немаловажное значение имеет широкая пропаганда идей и целей конверсии. Таковую задачу могла бы взять на себя общественная комиссия по конверсии, в которую вошли бы представители науки, общественных организаций, прессы.

Постскрипtum

Нередко слух режет подчеркнуто оптимистический тон высказываний о перспективах конверсии и ее вкладе в перестройку. Звучат они так, будто буквально в ближайшие годы «оборонка» вытянет нас из пропасти, завалит дефицитными промышленными товарами, обеспечит линиями для производства пищевых продуктов. Этого не будет потому, что, если верить официальным данным, при 866-миллиардном ВВП в 1988 г. военные расходы были равны 77,3 млрд. руб., или около 9% его суммы. На 1990 г. запланировано сокращение оборонных расходов до 70,9 млрд. руб., что предположительно составит 8% ВВП. При завершении одностороннего сокращения Вооруженных Сил и вооружений в 1991 г. существует перспектива снизить уровень военных ассигнований до 7% ВВП. Если международная обстановка будет и далее благоприятствовать частичному разоружению, то в середине следующей пятилетки мы сможем достичь среднемирового уровня в 6% ВВП. Итак, резерв конверсии составляет всего 3% ВВП, или приблизительно 26 млрд. руб. (от ВВП 1988 г.). Очевидно, что эта сумма в краткосрочной перспективе не позволит решить наши трудности,

тем более что она не обеспечена полностью материальными ресурсами. Остается сделать вывод, что реально конверсия может только ослабить текущий кризис и способствовать ускорению перестройки. Нам бы эти 26 миллиардов ежегодно да на протяжении всех 80-х!

ПРИОРИТЕТЫ КОНВЕРСИИ

Конверсия военного производства является следствием практического проявления нового мышления во внешней и внутренней политике. Проблема конверсии со всей остротой была поставлена на первом и втором Съездах народных депутатов СССР. В переводе части военного потенциала на мирные рельсы делегаты увидели один из реальных путей быстрого вывода страны из экономического кризиса. Однако в отличие от многих стран, которые уже длительное время разрабатывают экономические, правовые, социальные и собственно военные аспекты конверсии, мы приступили к ней, не имея ни серьезного теоретического фундамента, ни обоснованных планов и программ. Практика конверсии стремительно шагает впереди теории, с одной пока лишь целью: как можно быстрее, «любой ценой» закрыть зияющие бреши в экономике.

«Детская болезнь» конверсии

Сейчас в сфере нашей экономики разоружения наступает новый этап, который характеризуется постепенным переходом от всеобщей эйфории по поводу социально-экономических возможностей конверсии к более взвешенным оценкам затрат на ее проведение, быстрого действия и оптимальной глубины перевода военной экономики на гражданские рельсы. Расчеты показывают, что в ближайшие 2-3 года маловероятно ожидать серьезную отдачу от конверсии. Затраты на реконструкцию и переоборудование предприятий будут во многих случаях значительно превышать реально получаемую отдачу. Не удастся и выйти из кризиса, добиться ликвидации дефицита потребительских товаров за счет лишь экономики разоружения.

Так, по данным Государственной военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР, стоимость основных фондов оборонного комплекса составляет всего 6% стоимости производственных фондов народного хозяйства в целом. Уже предварительные разработки показывают, что значительная часть ресурсов, которые будут высвободаться в процессе конверсии, должны быть затрачены на перестройку технологии, переделку оснастки, инструмента, переподготовку произ-

водства, переквалификацию кадров. Из-за сбоев в работе транспорта, недостатков в материально-техническом снабжении и капитальном строительстве испытывают серьезные трудности даже такие предприятия, как Юрюзанский и Йошкар-Олинский механические заводы. А ведь об их первоочередном перепрофилировании на выпуск гражданской продукции объявлено на весь мир¹.

Не так просто обстоит дело и с оценкой возможной глубины конверсии. Если представить предельно возможную ситуацию — прекратить производство и продажу армии всех видов вооружения, — то за год, по мнению секретаря ЦК КПСС О. Д. Бакланова, эта сумма составит около 30 млрд. рублей. «Сумма, конечно, немалая, но и не такая, — подчеркивает он при этом, — чтобы с ее помощью можно было залатать все «дырки» в экономике, как это иногда приходится слышать в некоторых выступлениях»². Кстати, для сравнения вспомним о наших официально учитываемых потерях в народном хозяйстве — их около 36 млрд. рублей в год.

С такой оценкой глубины конверсии в корне не согласен председатель Советской национальной комиссии содействия конверсии академик В. Адуевский. Он считает, что мы в очередной раз имеем дело с «лукавыми» цифрами, разными методиками расчетов. Сетуя на то, что даже национальная комиссия не может получить достоверной информации о положении дел в военно-промышленном комплексе страны, академик полагает возможной революционную роль конверсии при выходе из кризиса.

По его мнению, официальные данные о том, что военно-промышленный комплекс потребляет 44 млрд. рублей в год (в 1990 г.: 31 млрд. — закупки вооружения и военной техники; 13,2 млрд. — ассигнования на НИОКР)³, не в полной мере отвечают действительности. Согласно таким подсчетам, при конверсии военно-промышленного комплекса на 50% страна получит лишь около 20 млрд. рублей. Более реальными являются методики расчета Международного института стратегических исследований в Лондоне, который оценивает наши военные расходы в объеме 17,6% валового национального продукта. Это около 200 млрд. рублей⁴.

Не менее острым является вопрос о быстродействии конверсии. Понятно, что переориентацию производства на выпуск новой продукции в мгновение ока не совершить. Военные заводы существенно отличаются от гражданских предприятий. Необходимо учитывать специфику каждого из них, состояние и типы оборудования, особенности подготовки производства и технологии выпускаемой продукции. Анализ показывает, что на передовых предприятиях оборонного комплек-

¹ См.: Комаров В. Конверсии — действие. — *Правительственный вестник*, № 18.

² Бакланов О. Д. Все начинается с человека. — *Правда*, 9 декабря 1989 г.

³ См.: Бабье в В. Н. Расходы СССР на оборону. — *Красная звезда*, 1 февраля 1990 г.

⁴ См.: Адуевский В. Поражение милитаризованной экономики. — *Известия*, 7 февраля 1990 г.

са на подготовку производства идет 20—30% общих мощностей. Это создает фундамент для гибкой перестройки, когда на освоение выпуска сложной и совершенной продукции требуется 2—3 года.

Но есть и такие военные заводы, где подготовка производства занимает лишь 6—8% мощностей, а остальные затраты направлены на то, чтобы гнать на конвейере давным-давно освоенную продукцию. Таким предприятиям требуется лет 5—7 на переналадку, к которой они не очень-то и стремятся. Экономический механизм стимулирования конверсии там еще не отработан. Они подвластны лишь командно-административным методам управления, да и то с большим трудом.

Если действовать достаточно энергично и вместе с тем взвешенно, то намеченный перевод оборонной промышленности на выпуск народнохозяйственной продукции займет 5—6 лет. Причем, как показывает предварительный анализ перспектив конверсии, за это время придется пройти три этапа. Первый этап относительно непродолжителен и займет 1,5—2 года. За этот период необходимо осуществить ряд крупнейших организационных мер, в частности принять закон о конверсии, объединить усилия академической гражданской и военной науки для обоснования Государственной программы конверсии, в соответствии с радикальной экономической реформой создать нетрадиционные структуры управления конверсией на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях.

Кроме того, на том же этапе необходимо провести четкую классификацию оборудования, учесть перспективные потребности обороны. Ни в коем случае нельзя согласиться с теми авторами, которые, опираясь на послевоенный опыт, утверждают, что одни и те же машины в подавляющем большинстве случаев позволяют выпускать и оружие, и сугубо мирную продукцию. Два последних десятилетия особенно интенсивно возрастал разрыв в характере технического развития военно- и гражданского секторов.

Именно из этих соображений конверсия оборудования на Западе выделяется в отдельную проблему.

Длительность второго этапа конверсии во многом зависит от успехов и неудач первого. Он связан с практической отработкой экономического механизма конверсии. Вместе с тем именно на этом этапе необходимо отработать механизм обеспечения экономической мобилизации на случай возрастания военной опасности. И лишь на третьем этапе можно получить реальную экономическую и социальную отдачу от конверсируемых предприятий.

В годы застоя бюрократия препятствовала передаче новейших технологий из «оборонки» в другие отрасли промышленности. Надо отметить, что в ту пору высшая стратегическая цель — военный паритет — была достигнута. Но какой ценой? Расплатой стала стагнация практически всей экономики страны. Вот почему в ряде гражданских отраслей до сих пор используется довоенная технология, а кое-где эксплуатируют оборудование начала века. В результате этой нерасчетливой и недалеконвидной политики наши основные фонды стали самыми устаревшими среди высокоразвитых стран.

Вот почему оборонный комплекс страны, создание которого в свое время потребовало огромных усилий и затрат, должен возвращать долги народу. И он начинает это постепенно делать. Уже сегодня на военных предприятиях выпускается около 22% всех непродовольственных потребительских товаров, производимых в стране (без продукции легкой промышленности). Из них — 100% телевизоров, видеомангитонов, швейных машин, радиоприемников, более 97% холодильников, свыше половины мотоциклов. Предполагается, что в 1990 г. оборонный комплекс увеличит изготовление, например, стиральных машин на 36%, пылесосов — на 25%, а производство телевизоров превзойдет 11 млн. штук¹. Путем расширения и углубления конверсии намечается решить следующие задачи:

- существенно сократить дефицит госбюджета;
- насытить рынок товарами народного потребления;
- улучшить материально-техническое обеспечение непродовольственной сферы;
- повысить научно-технический уровень гражданского производства;
- провести реконструкцию предприятий всего машиностроительного комплекса;
- значительно расширить экспорт.

По мнению советских военных экономистов, часть средств, высвобождающихся в результате конверсии, необходимо целевым назначением передать Вооруженным Силам для решения накопившихся внутренних проблем, таких, как строительство жилья для семей военнослужащих; повышение денежного содержания; улучшение социально-бытовых условий войск; улучшение медицинского обеспечения личного состава.

Первоочередное внимание уделяется вопросам, которые являются угрозами для ослабления социально-экономической напряженности в стране. К ним относятся: создание высокопроизводительного оборудования для агропромышленного комплекса; создание новейшего оборудования для легкой промышленности, торговли и общественного питания, производство высококачественных товаров народного потребления, медицинской техники, соответствующей мировым стандартам; развитие электроники, вычислительной техники, средств связи, выпуск новых, более экономичных и комфортабельных самолетов следующего поколения, значительное увеличение гражданского и рыболовного морского флота².

Вместе с тем конверсия ни в коей мере не ведет автоматически к позитивным социально-экономическим результатам. Только разумная, экономически обоснованная организация конверсии с учетом долговременных целей и народнохозяйственных приоритетов, общих и особенных черт военного и гражданского хозяйства может действи-

¹ См.: Комаров В. Конверсии — действие! — *Правительственный вестник*, 1989, № 18.

² См.: Белоусов И. С. Конверсия. Что это значит? — *Правда*, 28 августа 1989 г.

тельно принести немалую пользу и снизить издержки трудной ломки сложившихся структур в экономике.

Таким образом, конверсия стала настоятельной необходимостью в современных условиях. При ее проведении на всех этапах важно обеспечить социальную защищенность высвобождаемых кадров армии и оборонной промышленности. При решении проблем трудоустройства и переподготовки кадров необходимо учитывать те негативные моменты, с которыми мы столкнулись в конце 50-х и начале 60-х годов, когда увольнение из армии почти 4 млн. военнослужащих больно сказалось на судьбах многих людей, способствовало развитию антисоциальных процессов, падению престижа военных профессий.

Необходимо как можно быстрее избавиться от «детской болезни» конверсии переходного периода. Поверхностные симптомы этой «болезни» появляются в наших магазинах в виде лопат из титана, вызывающих изумление даже у бывалых огородников, в виде машин для мойки бутылок, за которые военные заводы «дерут» 50 тыс. рублей вместо прежних 11 тыс. Удивлены рабочие и инженеры Енакиевского металлургического завода, которым поручено изготавливать арматуру, балки, уголки из высоколегированной танковой брони. Раньше эти изделия производились из металлолома, а теперь заводу выделено на переработку 400 танков по 35 рублей за тонну¹.

Есть серьезные основания опасаться, что вирусы этой «болезни» могут надолго поразить основное содержание конверсии, которое объединяет весь комплекс финансовых, экономических, организационных, технических мер по переводу военной промышленности и иных форм военной деятельности на гражданское использование, весь процесс изменения пропорций распределения ресурсов между военной и гражданской сферами в пользу последней. Чтобы этого не произошло, необходимы, во-первых, обоснованная государственная программа конверсии; во-вторых, правовое обеспечение конверсии в соответствии с ее принципами; в-третьих, прогнозирование социальных последствий конверсии; в-четвертых, обеспечение мобилизационной готовности экономики в соответствии с оборонительным характером военной доктрины.

Анализ практических мер по осуществлению конверсионных мероприятий, начавшихся в нашей стране, позволяет сгруппировать все их многообразие по трем основным направлениям: перевод военной промышленности на выпуск народнохозяйственной продукции; передача вооружения и военной техники, высвобождающейся в результате сокращения армии, в народное хозяйство; использование в интересах народного хозяйства научно-технического потенциала оборонного комплекса.

В публикациях, посвященных формированию концепции конверсии военного производства, довольно четко начинают просматриваться следующие основные принципы:

1. Целесообразность конверсии как способа приспособления эко-

¹ Островский А. Танки — на арматуру. — *Правда*, 31 октября 1989 г.; Киреев А. Оборонка в роли пожарного? — *Новое время*, 1989, № 36, с. 39.

номики и социальной сферы к условиям сокращения военного производства.

2. Параллельность усилий в переговорах о разоружении и разработке соответствующих программ конверсии.

3. Ответственность страны за принятие мер, компенсирующих социальные потери трудящихся и способствующих минимизации экономических издержек предприятий при переходе на выпуск гражданской продукции.

4. Сочетание активной общегосударственной роли в выработке стратегии и ориентиров конверсии с централизацией практической деятельности по ее осуществлению.

5. Демократизация процесса подготовки и принятия решений по вопросам конверсии.

Четкая научная обоснованность конверсии военного производства — вот что требуется сегодня. Сама практика объективно требует выделения в военно-экономической науке нового направления, связанного с анализом экономического механизма и эффективности конверсии военного производства. Первоочередными задачами этого научного направления, на наш взгляд, должны стать: обоснование военно-экономических принципов конверсии; комплексный анализ ее социально-экономических и военно-экономических последствий; разработка актуальных перспективных проблем строительства Вооруженных Сил в условиях конверсии.

Процесс конверсии может быть эффективным лишь в том случае, если он явится логическим следствием и последовательным выполнением целостной, научно обоснованной концепции разоружения. Только комплексный анализ прогнозов мирового развития, реальной военной угрозы, перспектив развития народного хозяйства страны и ее Вооруженных Сил позволит реально обосновать необходимый уровень военно-экономической достаточности, перевести его из теоретической в практическую плоскость.

Когда процесс разоружения начал разворачиваться, стали поступать, как отмечалось на декабрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, «лихие предложения» — вплоть до того, чтобы ликвидировать армию, весь оборонный сектор. Однако анализ военно-политической обстановки показывает, что влиятельные круги на Западе все еще не отказались от политики с позиции силы. Это, конечно, не означает, что мы должны отказаться от сокращения Вооруженных Сил, расширения и углубления конверсии военного производства. Экономике страны нужно освободить от деформаций, обусловленных гонкой вооружений. Ведь даже на 12-ю пятилетку рост военных расходов намечался на 40 с лишним процентов при росте национального дохода в пределах 22%. «От этих крайностей надо освободиться, — подчеркнул М. С. Горбачев. — Но не может быть предметом дискуссий надежная безопасность страны»¹.

Анализ многочисленных публикаций по проблемам конверсии, проектов планов и программ ее реализации, проекта Закона СССР о

¹ *Правда*, 10 декабря 1989 г.

конверсии военного производства показывает, что абсолютное большинство авторов основное внимание уделяет разработке социально-экономических принципов конверсии, о которых говорилось выше. Однако нельзя игнорировать и задачу обеспечения мобилизационной готовности экономики. Напротив, в условиях сокращения и качественного совершенствования Вооруженных Сил, уменьшения объемов и мощностей военного производства она приобретает еще большую значимость. С военно-экономической точки зрения эффективность конверсии может быть достигнута лишь в том случае, когда при ее осуществлении, наряду с социально-экономическими, будут реализованы военно-экономические принципы, которые во многом определяют уровень мобилизационной готовности экономики, ее устойчивость и мобильность. основополагающими военно-экономическими принципами конверсии, по нашему мнению, должны быть:

— обеспечение достаточного уровня мобилизационной готовности на конверсируемых предприятиях, в отдельных оборонных отраслях и военной экономике государства в целом;

— определенная гибкость программы и планов конверсии, позволяющая осуществить конверсионный маневр в соответствии с изменениями обстановки в стране и на международной арене;

— оптимальное сочетание интересов социально-экономического развития страны и обеспечения качественных параметров в строительстве Вооруженных Сил;

— приоритетная ориентация конверсируемых предприятий производственного сектора экономики Вооруженных Сил на социально-экономические нужды личного состава, офицеров и членов их семей, улучшение материальных условий боевой учебы, службы и быта.

Причем особого внимания требует анализ влияния конверсии военного производства на процесс строительства Вооруженных Сил, его ориентации на качественные параметры. «Детская болезнь» конверсии и в Вооруженных Силах находит свое специфическое отражение, принимая самые разнообразные формы. Особенно трудно поставить ее «диагноз» и «лечить» в социальной сфере Вооруженных Сил и военной науке.

Вооруженные Силы в условиях конверсии

Осуществление конверсии на практике без целостной научно обоснованной концепции во многом определяет появление ряда противоречий, негативных тенденций, которые могут повлиять на решение задачи обеспечения качественных параметров военного строительства. Так, опасная тенденция распыления военно-экономического потенциала и растаскивания высвобождающихся материальных средств по разным министерствам в настоящее время может даже усилиться. Объясняется это тем, что в связи с переходом на территориальный хозяйственный расчет конверсией начинают активно, но не всегда грамотно, заниматься местные партийные, советские и хозяйственные органы, кото-

рые нередко акцентируют все внимание на социально-экономических аспектах деятельности предприятий оборонной промышленности. Государственные оборонные интересы при этом считаются чем-то второстепенным и остаются на заднем плане.

Так, на совещании партийно-хозяйственного актива Москвы отмечалось, что «горком партии вопрос ставит так: на каждом предприятии, что бы оно ни выпускало (выделено автором) — то ли боевые самолеты, то ли радиолокационные станции, — должно быть специализированное производство товаров». И тут же намечен критерий объема выпуска продукции ширпотреба оборонными предприятиями: не менее одного рубля на каждый рубль фонда заработной платы всего коллектива. На совещании было также отмечено, что виновные в отклонении от «генеральной линии проведения конверсии» будут привлечены к строгой ответственности¹.

По-видимому, применение принципа «с миру по нитке — голому рубашка» не всегда может быть оправдано с точки зрения общегосударственных интересов, даже в условиях чрезвычайно трудного положения в экономике страны. Очевидно, следует учитывать и то, что в войсках ПВО, Военно-Морском Флоте и в других видах Вооруженных Сил есть еще немало морально и физически устаревших систем вооружения выпуска 60-х, а то и 50-х годов. В связи с принятием оборонительной доктрины некоторые из них требуют особо срочной и качественной замены.

Как известно, немало лучших типов самолетов и радиолокационных станций выпускается именно московскими предприятиями и КБ, обладающими наиболее высоким интеллектуальным и технологическим потенциалом. Поэтому к конверсии оборонных предприятий необходимо подходить строго дифференцированно с учетом результатов не только социально-экономического, но и военно-экономического анализа. По результатам анализа можно принимать более рациональные решения, осуществлять широкий конверсионный маневр по отраслям оборонной промышленности, по регионам и военной экономике государства в целом.

Министерство обороны при решении этих вопросов не должно послушно плестись на поводу у оборонной промышленности, как это часто бывает, а с учетом мнения людей, которые занимаются непосредственной эксплуатацией боевой техники и вооружения, четко определить свои позиции по важнейшим положениям конверсионного маневра. На основе анализа рекламаций, обобщения опыта войск целесообразно рекомендовать правительству в более высоких темпах и масштабах проводить конверсию худших по качеству выпускаемой военной продукции предприятий с учетом оптимальных мобилизационных потребностей. Тогда будет и конкуренция, и социальный эффект, а также качественные параметры техники.

У многих военнослужащих возникает естественный вопрос: какое

¹ См.: Конверсия: московский радиус действий. — *Московская правда*, 24 октября 1989 г.

влияние окажет конверсия на материально-бытовые условия жизни офицеров и членов их семей?

Согласно постановлению I Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», прямого влияния конверсии на материально-бытовые условия военнослужащих и членов их семей не предусматривается. Все высвобождающиеся при проведении конверсии ресурсы планируется направить на увеличение выпуска товаров народного потребления, оборудования для легкой промышленности, АПК, совершенствование торговли, общественного питания, здравоохранения. А военнослужащие и члены их семей, как, очевидно, рассуждали депутаты, смогут наравне с другими гражданами страны в полной мере воспользоваться результатами повышения эффективности функционирования этих сфер народного хозяйства.

Вместе с тем Съезд постановил «часть средств, высвобождаемых в связи с сокращением Вооруженных Сил, использовать на улучшение материально-бытовых условий военнослужащих и членов их семей»¹. Определить, какую именно «часть», было поручено Верховному Совету СССР, который принял ряд предложений Министерства обороны о повышении денежного содержания, введения доплат за классность, несение боевого дежурства, о порядке компенсации расходов по найму жилой площади и др. Следует отметить, что многие депутаты и руководители государства были буквально поражены, узнав о том, что немало офицерских семей живет за чертой бедности. У нас всегда считалось, что труд военных — один из самых высокооплачиваемых. И такое мнение поддерживали вплоть до недавнего времени средства массовой информации.

Однако за последние 20—25 лет уровень жизни офицерских кадров снизился как в абсолютном выражении, с точки зрения объема потребляемых материальных благ, так и в относительном — по сравнению с уровнем жизни гражданского населения. К таким несколько неожиданным выводам пришла группа ученых Военно-политической академии им. В. И. Ленина, которая приступила к изучению уровня жизни офицерского состава с конца 1988 г.

Первые трудности, с которыми мы столкнулись, были связаны с тем, что с начала 60-х годов не проводилось ни одного достаточно серьезного и глубокого исследования этого вопроса. Эмпирическим путем были определены надбавки к воинскому званию, частичное освобождение от подоходного налога. А наряду с этим постепенно отменялись некоторые льготы летчикам, морякам, специалистам высокого класса других родов войск.

Первый же анализ уровня жизни офицеров полкового звена даже по методике Госкомстата СССР, согласно которой постоянно изучаются бюджеты 90 тыс. семей граждан нашей страны, показал, что семьи младших офицеров с учетом выплат и льгот получают в месяц примерно на 120 рублей меньше среднестатистической советской семьи. Кро-

¹ *Правда*, 25 июля 1989 г.

ме того, потери, связанные со служебной миграцией офицеров и обострением жилищной проблемы, превышают в среднем за год 600 рублей¹.

В частности, на одного жителя нашей страны приходится в среднем 15,2 кв. м жилья, а на каждого члена семьи офицеров — 6,7 кв. м (расчет на тысячу обследованных семей в четырех различных гарнизонах войск ПВО, ВВС, сухопутных войск). Если в целом по стране удельный вес квартир, обеспеченных водопроводом, канализацией, центральным отоплением, газом, горячим водоснабжением и ваннами, превышает 80% от общего фонда, то в подавляющем большинстве гарнизонов он составляет примерно 50%. Положение усугубляется тем, что значительная часть жилого фонда Министерства обороны безнадежно устарела и обветшала.

Если брать за основу уровня жизни объем потребительских благ, которые может приобрести офицер, то для основной массы офицеров полкового звена он за последние 25 лет уменьшился на 15—19%. Нынешняя надбавка, принятая Верховным Советом СССР, для большинства офицеров лишь частично компенсирует инфляцию, рост цен, усложнение жилищной проблемы за последние год-полтора, не более.

Однако уповать только на увеличение бюджетных ассигнований для решения этой острой проблемы в условиях сложнейшей экономической ситуации в стране было бы не совсем верно. В Вооруженных Силах в условиях их сокращения и конверсии имеются немалые резервы, которые при разумном подходе могут быть использованы для материального стимулирования воинского труда, улучшения материально-бытовых условий военнослужащих и членов их семей.

Большие резервы заложены в конверсии предприятий Министерства обороны. Они должны выпускать на высвобождающихся производственных мощностях в первую очередь те виды продукции, которые позволяют улучшить полевой и казарменный быт военнослужащих, материально-бытовые условия несения боевого дежурства и караульной службы. И лишь во вторую очередь выпускать ширпотреб, реализуя его через систему военторга. Ведь бытовые условия у наших солдат и офицеров — «как при царе Горохе»². С такой оценкой английского советолога Брайена Мойнахена, думаю, согласятся и солдаты, и офицеры многих воинских частей.

Следует внимательно изучить, куда расходуются средства различными ведомствами. Численность бесквартирных семей военнослужащих на 1 января 1990 г. составила 170,5 тыс., ожидающих жилья после увольнения в запас 29,8 тыс.³ А из фондов Министерства обороны в это время выделяется 40 млн. рублей для строительства домов в колхозе «Заря коммунизма» Ярославской области, спорткомплекса с бассей-

¹ Расчет по сообщениям Госкомстата СССР за 1-е полугодие и 9 мес. 1989 г. Мартыненко И. И. Кажется ли служба медом? — *Красная звезда*, 10 ноября 1988 г.

² *Красная звезда*, 1 февраля 1990 г.

³ *Аргументы и факты*, 1989, № 40.

ном и прочих сооружений, выплачивается колхозный долг — 3,5 млн. рублей¹. На эти деньги можно было бы обеспечить жильем как минимум четыре тысячи семей офицеров и прапорщиков.

Приведенные примеры свидетельствуют о появлении противоречий, без разрешения которых просто невозможно эффективно осуществлять дальнейшее военное строительство. Следствием создавшегося положения являются значительные издержки, бремя которых вынуждены нести общество и государство при решении таких особенно важных в настоящее время задач военного строительства, как экономическое обеспечение обороны, использование в интересах ее укрепления достижений науки и техники, морально-политическая подготовка призывных контингентов к военной службе, а всего населения — к возможной войне. Положение усложняется тем, что строительство Вооруженных Сил начинает серьезно отставать от общего процесса социалистического строительства в стране.

Отсутствие гибкости, косность в управлении военно-экономическими и военно-социальными процессами в армии и на флоте, которые пока еще можно прикрыть «глухой защитой» от прогрессивных социально-экономических преобразований в обществе, может привести к нарушению основного принципа военного строительства, сформулированного В. И. Лениным с предельной ясностью: «Строительство нашей армии только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства...»²

Нельзя сказать, что работа в данном направлении не ведется. Однако ее темпы и результативность не отвечают назревшим потребностям, поставленной партией задаче качественного совершенствования Вооруженных Сил. Это обусловлено, на наш взгляд, рядом обстоятельств.

Во-первых, нет целостной концепции развития (перестройки) Вооруженных Сил, которая комплексно учитывала бы не только изменения военной доктрины, но и новые тенденции в социально-экономическом развитии страны, мировой экономике и политике в военном деле. Замечу, что для создания такой концепции имеются все необходимые предпосылки. В частности, разработаны основы проекта Концепции экономического и социального развития СССР на период до 2005 г. За последние два года проведена большая работа по моделированию баланса военной мощи на ЭВМ и анализу различных вариантов сокращения стратегических наступательных вооружений сторон на 50, 75 и 95% на компьютерной модели «АС» в Комитете советских ученых. Кроме того, имеется немало прогнозов ведущих тенденций мирового развития. Завершается работа над государственной программой конверсии военного производства.

Во-вторых, возникло немало серьезных противоречий и диспропорций между Вооруженными Силами и оборонной промышленностью, а также связанными с ней отраслями народного хозяйства, кото-

¹ Там же.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 76—77.

рые ни те, ни другие сами успешно разрешить не могут. Сложившийся в Вооруженных Силах громоздкий, негибкий затратный военно-хозяйственный механизм не только не способствует сглаживанию этих противоречий, но в ряде случаев их усугубляет. Так, например, фондодержателями промышленной продукции, поступающей в войска из народного хозяйства (без оборонных отраслей), являются более двадцати главных и центральных управлений Министерства обороны. Они централизованно распределяют около тысячи наименований продукции, среди которых есть спички, перчатки, бутылки, ножи и топоры. Это отрицательно отражается на системе комплектования Вооруженных Сил, которая наряду с удовлетворением потребностей армии и флота в личном составе включает обеспечение войск оружием, военной техникой и другими материальными средствами.

В-третьих, из-за ведомственной разобщенности, которая нередко приводит к проявлениям ведомственного и группового эгоизма, довольно скудного взаимного обмена информацией о фактическом положении дел и результатах исследований усложняется целенаправленная фундаментальная проработка целых блоков современных социально-экономических проблем. Такое положение затрудняет научное обеспечение директивных органов качественным обобщенным материалом для принятия эффективных решений.

Монопольное владение информацией о важнейших сферах деятельности Вооруженных Сил и оборонной промышленности приводит к нивелировке статистических данных, а иногда и к их искажению. Режим секретности в этих случаях используется не в государственных, а в узковедомственных и даже групповых целях. Он дает возможность в ряде случаев устранять конкуренцию со стороны, объявлять любое мнение «посторонних» некомпетентным из-за недостатка информации. Вот и получается, что самим бюрократам поручают бороться с бюрократизмом и бумаготворчеством.

Многочисленные предложения из войск при таком механизме «исследований» аккуратно регистрируются, подшиваются и... в подавляющем большинстве случаев просто забываются и теряются в лабиринтах ведомственных хранилищ. Ученых из военных вузов и научных организаций привлекать к этой работе, как правило, никому не хочется: ведь это лишние хлопоты, в которых мало кто заинтересован лично, и к тому же заранее неизвестно, будут ли соответствовать результаты их деятельности интересам данного ведомства.

В-четвертых, нужна большая целенаправленность в работе по координации деятельности средств массовой информации, военкоматов, ДОСААФ, учреждений гражданской обороны и других организаций в интересах качественного решения вопросов комплектования Вооруженных Сил. Падение престижности военной профессии, снижение конкурсов в военные училища, трудности в подборе кандидатов в прапорщики, ослабление активности и интереса к службе у ряда молодых офицеров, появление в курсантской среде лиц, которые не желают стать офицерами, — вот далеко не полный перечень отрицательных для Вооруженных Сил последствий новой социально-экономической

обстановки в стране. К ним по-настоящему еще не готовы многие военные руководители, работники кадровых органов и военкоматов, армейских средств массовой информации, военные ученые, поскольку нет серьезных теоретических и прикладных разработок проблемы.

Армейские органы печати лишь иногда «огрызаются» на публикации гражданских изданий, а чаще кротко молчат, хотя многие статьи не отличаются компетентностью, а иногда и доброжелательностью. Испытанный в прошлом метод «глухой защиты» да грозное прикрикивание на отдельных авторов и редакторов уже не дают желаемых результатов. Что касается деятельности военных ученых и публицистов, то в лучшем случае они выступают лишь на страницах армейской печати, которую гражданская молодежь и большая часть населения страны не читают. Также нуждаются в серьезном осмысливании проблемы военно-патриотического воспитания студентов и школьников, их военная подготовка — как правило, они ведутся дедовскими методами.

Безусловно, отмеченные обстоятельства не охватывают всего спектра социально-экономических проблем строительства Вооруженных Сил, не в полной мере учитывают воздействие конверсии и других факторов, влияющих на его качество. Однако даже беглое ознакомление с ними позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что в этой сфере нужны незамедлительные, но вместе с тем научно обоснованные решения и практические меры.

**Перспективы
военной
реформы**

ПЕРЕД ВОЕННОЙ РЕФОРМОЙ

О перестройке в обществе говорят и пишут как о революции. И, кажется, уже все, даже самые осторожные люди понимают, что сама история подвела нашу страну к такому перелому, без которого будущее страны и народа видится неясным. Однако есть одна сфера общества — Вооруженные Силы, где этому глубокому, затрагивающему сами основы общественного устройства процессу настойчиво, на протяжении всех послеапрельских лет придается несколько иной, нарочито облегченный смысл. Разыгрывается некий «уцененный» вариант перестройки, сводящий все к частичным, традиционным усовершенствованиям той сложившейся десятками лет практики, которую надо основательно менять.

Возьмите в руки военные газеты, журналы, послушайте выступления иных нынешних военачальников — все они проникнуты духом олимпийского спокойствия, солидной уверенности. Если и говорят о перестройке, то — «в деятельности военных кадров», «в жизни воинских коллективов». Предлог «в» используется в качестве громоотвода. Он отводит от необходимости поставить вопрос о преобразовании самих Вооруженных Сил и, что еще важнее, о соответствии всей нынешней военной организации общества новым условиям международной обстановки и внутренней жизни страны. Нужна ли армии, как и всему обществу, подлинная перестройка или здесь «почти все хорошо»?

Для тех, кто злоупотребляет вышеупомянутым предлогом «в», такого вопроса, видимо, не существует. Но его ставит жизнь, ставит народ. Надо отвечать народу, которого уверяют, что перестройка — дело его ума и рук и что только ему она по плечу. Да и без этих уверений наш народ, кажется, теперь-то ясно понял: что бы там, «наверху», ни делали, доделывать и переделывать приходится ему. Какую бы там кашу ни заварили — в обычном котле или в военно-полевой кухне, — расхлебывать опять же ему.

Если бы тогда, в декабре 79-го, четверо принимавших решение за закрытыми дверьми вопреки своей привычке спросили мнения простых людей и поступили в соответствии с их «некомпетентным» мнением, не было бы жертв и позора несправедливой войны в Афганистане. А если бы спрашивали совета «простого человека» в других случаях, не было бы Чехословакии 1968 года и не пришлось бы теперь извиняться перед всем миром. Не было бы ни «Новочеркаска», ни «Тбилиси».

Лукавить с народом накладно и опасно. Особенно когда речь идет о сокровенном — об обороне и армии, ибо Советская Армия — это армия народа, она для него существует, и в ней содержится и строится. В конце концов это сам народ, отложивший на время мастерок строителя и взявший в руки оружие.

Поэтому думать о судьбе и перспективах наших Вооруженных Сил, их современной форме, путях обеспечения безопасности страны надо всем — и гражданским, и военным, всему обществу. Это вопрос не частный, не профессиональный, ибо «оборона СССР — дело всего народа». Обеспечить реальное участие всего общества в разработке и осуществлении военной политики, принципов и способов оборонного строительства — именно таким должен быть первый и самый важный шаг военной реформы, самый надежный гарант от ошибок и злоупотреблений в этой сфере.

А для этого нужна гласность. Сформулированное министром обороны СССР Д. Т. Язовым важное положение о транспарентности¹ как максимально возможной открытости, прозрачности взаимоотношений между СССР и США, ОВД и НАТО хорошо бы повернуть, прежде всего, к своему обществу, сделав оборону и Вооруженные Силы зоной, четко просматриваемой своим народом. К примеру, каждый гражданин вправе детально знать, как и на что расходуется самая большая, поистине львиная часть госбюджета, выделяемая на оборону. Отдавая «льву львиное», народ определяет не только степень безопасности страны, но и уровень жизни, качество всего человеческого существования: первое со вторым, мы это хорошо знаем, находится в обратном пропорциональной зависимости.

Истерзанный хроническим дефицитом самого необходимого для жизни, одолеваемый нескончаемыми социально-бытовыми, межнациональными, экологическими и природно-стихийными напастями народ быстро освобождается от идеологического угара и начинает рассуждать как трезвый налогоплательщик. Прикидывает: а стоит ли мое, наше нерадостное социальное бытие тех гигантских средств и усилий, которые поглощаются его охраной и обороной? Не стал ли забор выше колокольни? Слышу строгие возражения и заранее согласен с ними: так рассуждать может только обыватель. Но кто считал, сколько этих «только обывателей» у нас? Миллионы. А разве не они, не простые люди — «настоящие хозяева жизни»?

Формируется понимание, что кроме внешней опасности, которая сохраняется, но все-таки идет на убыль, существует и нарастает внутренняя — опасность обесценивания самой социальной действительности и человеческой жизни, процесс вырождения той совокупности природных, социальных и культурных ценностей, которые составляют понятие Родины, смысл нашей жизни.

Конечно, святое это понятие ни к какой «совокупности» не сводимо. Его нельзя «высчитать». Мать любят не за «что-то», а за то, что она мать. Так и Родину. Но речь идет не о той любви, которую развенчал

¹ Язов Д. Новая модель безопасности и Вооруженные Силы. — *Коммунист*, 1989, № 18, с. 68.

еще П. Я. Чаадаев, — «с закрытыми глазами, запертými устами и преклоненной головой». Ведь если родители третируют своих детей, теряя любви к себе ценой полного самоотречения... может дать трещину даже сокровенное сыновнее чувство. Слепое чувство деструктивно, оно, в конечном счете, становится непатриотичным.

Кинем взгляд на обратную сторону этой «непатриотичной» любви и увидим нравственный цинизм и озлобление, непобедимое пьянство, социальную апатию в сочетании с болезненным политическим и национальным возбуждением общества. Физическое вырождение и духовное оскудение русского народа, высохшие моря и «рукотворные» пустыни. Удлиняющиеся очереди на выезд за границу... Что это, как не пятна опасного заболевания?

По мере развития на просторах Отечества нового акта нашей исторической драмы — крушения тоталитаризма — становятся поистине спасительными настойчивые внешнеполитические усилия М. С. Горбачева, его стремление уйти от конфронтации, создать условия для межгосударственных мирных отношений. Это позволило бы добиться ядерного разоружения, сокращения численности вооруженных сил и военных расходов, роспуска военных блоков и значительного ограничения масштабов военной деятельности. А главное, это дало бы возможность нашей стране перевести дух и полностью отказаться от азартной игры в «догнать и перегнать», от конвульсивных усилий сохранить любовь ценой манеры великодержавности, от командорской поступи «гегемона социалистического лагеря».

Лучшие люди Отечества не раз пытались предостеречь правительство от попыток осчастливливать другие народы, предупреждали о той непосильно большой цене, которую придется заплатить за соблазны мессианства и великодержавности. «Положим, мы и есть великая держава, — писал Ф. М. Достоевский более 100 лет назад, — но я только хочу сказать, что это нам слишком дорого стоит — гораздо дороже, чем другим великим державам, а это предурной признак»¹.

К сожалению, предостережения эти не пошли впрок. Но может быть, сегодня, прижатые к крайней черте, мы наконец-то образумимся и, ухватившись за последнюю возможность, предоставленную нам историей, полностью сосредоточимся на созидательной работе в своем доме, на терпеливом и покаянном возрождении культуры, обретении социальной полноценности, возвращении в общее русло мирового цивилизационного процесса. Не этой ли цели должна быть подчинена и наша современная оборонная политика и предстоящая военная реформа? Реформа все громче стучится в двери, и это уже понимают политические и военные руководители.

Почему же она необходима? На этом вопросе стоит остановиться. Он не такой уж самоочевидный, как кажется.

Разговор о реформе, будем справедливы, начала не военная, а «широкая» общественность: родители проходящих службу ребят, писатели, инженеры, социологи, политические деятели. Озабоченность

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт., М., Наука, 1972—1987, т. 21, с. 91.

проблемами армейской жизни стала постоянной и тревожной темой публикаций центральных, особенно молодежных, газет и журналов. Трудности комплектования, самовольное оставление части, казарменное хулиганство («дедовщина»), многочисленные аварии на технике, снижающаяся служебно-трудовая активность личного состава, разочарование офицеров своей профессией — все это и многое другое подошло к такой черте, когда положение может быть изменено не частичными воспитательными и мобилизационными мерами, не призывными директивами, а путем глубокого, комплексного преобразования всей военной организации.

Лучше всех это сознают и своей кожей чувствуют офицеры младшего и среднего звена — те, благодаря самоотверженной работе которых поддерживается нужный уровень боевой готовности, сохраняется цельность и нерушимость армейских и флотских рядов. Не случайно вопрос о военной реформе был поставлен на Втором Съезде народных депутатов СССР не маршалом, а майором. И только после этого выступления депутата В. Н. Лопатина что-то наметилось. По крайней мере понятие «военная реформа» стало проникать в лексику руководителей Министерства обороны.

Однако диалог между военной общественностью и руководством Министерства обороны по-прежнему остается монотонным. Снизу в один голос требуют: «Нужна реформа армии!» Сверху, «ставя на место крикунов», неизменно отвечают: «Не нужна. Нам лучше знать». Кстати, офицерская общественность не только взывает к вышестоящим, но и весьма конструктивно обсуждает возможные варианты перемен в Вооруженных Силах. Все убедительнее выглядит позиция тех, кто предлагает переход к профессиональной армии, комплектуемой путем добровольного поступления на военную службу. Обсуждаются и иные, смешанные варианты... Однако погружаться в анализ этих проектов и подходов не входит в задачу данной статьи.

Как бы то ни было, всем ясно одно: без радикальной военной реформы армия — как бы это сказать помягче — начнет утрачивать предназначенную ей роль. Вместо того чтобы беречь покой граждан, она может стать объектом постоянного их беспокойства. Этого общество, конечно, не допустит. Реформа нужна прежде всего как средство самосохранения армии и повышения ее боеспособности. Но она будет иметь не только чисто оборонное, а гораздо более широкое социальное значение.

Вот об этом и хотелось бы поразмышлять, попытаться сделать более ясной истину: «Без военной реформы невозможна успешная перестройка в обществе».

Какое место занимают Вооруженные Силы в обществе, что они реально для него значат?

Утверждают: армия есть слепок, сколок с общества. В целом правильно. Но можно и поспорить. Уж очень многое в гражданском мире слеплено по армейским образцам. Я имею в виду не только страсть к униформе, в которую облачены представители многих сугубо мирных профессий. И не только военную лексику и фольклор, буквально про-

питавшие нашу словесность. Или привычку переносить армейские понятия и каноны воинской жизни в производственную, общественно-политическую и культурную деятельность.

Давайте лучше присмотримся к методам работы партийных организаций. С их строжайшей — хоть и часто внешней, формальной — дисциплиной. (Можно не выйти на смену, но не на партийное собрание!) С их бесчисленными директивами, письмами-предписаниями и указаниями по телефону, засекреченным и спрятанным, как в Генштабе, в металлургические сейфы партийного делопроизводства. А партазвонсы? Здесь и слов нет: святое дело! А откуда у нас в партии рядовые бойцы и руководящие творцы? И почему до сих пор у нас все битвы да фронты — идеологический, хозяйственный.

А трудно ли разглядеть военную служебность, глухую замундиренность иного комсомольского работника, требующего к себе от «рядовых» комсомольцев подхода чуть ли не строевым шагом? А в недавнем прошлом — торжественные рапорты о славных делах и победах.

А как живут наши пионеры? Известно как: форма, линейка, отряд, строй и хождение под барабан, военные игры. Одним словом — лагерь. Пионерский лагерь! А в какие забавы и игры мы вовлекаем самых маленьких — дошколят? Нет, не «в кооператоры», не «в арендаторы и фермеры». Нет, детские сады — это арсеналы боевой техники и оружия малого формата. Несмышлениши «штурмуют Зимний», получая соответствующий настрой, «трудовую» ориентацию.

Но даже не в этом суть, а в том, как мы работаем, как налажена хозяйственная жизнь страны, на чем стоит и чем движима наша экономика. А движима она теми же методами, которыми в армии управляют личным составом: силой приказа, директивы, плана-закона, учета и контроля, угрозой административных и партийных санкций. Общая характеристика этой определяющей сферы схвачена понятием «административно-командная система». (Предполагал ли Гавриил Попов, каким популярным окажется данное им название нашего типа хозяйствования и, в целом, управления обществом?) Это возвращенное десятилетиями чудище, Левиафан, подмяло под себя общество, естественное течение жизни.

И здесь нетрудно разглядеть его прообраз — военную организацию. Вооруженные Силы — это такой элемент политической системы, государственной власти, который не только сам испытывает на себе состояние общества, но и активно влияет на него. На армию равнялись и равняются, ее делами восхищались и еще восхищаются. Жизнь и могучее дыхание армии, ее спокойный и сильный пульс ощущает весь советский народ, который не отделяет себя от нее.

Воздействие армии на общество определяется не только теми четырьмя миллионами солдат и офицеров, которые состоят на действительной военной службе. Это еще десятки миллионов, прошедшие воинскую службу и принесшие на производство дух армии: чувство долга, ответственности, порядок и дисциплину, техническую грамотность. Мы говорим: Вооруженные Силы — это школа героизма и мужества, воспитания профессионально обученных, идейно закаленных,

физически развитых людей. Несмотря на довольно многочисленные исключения, в целом все это верно. Но у каждого значительного влечения есть не только светлая сторона, но и отбрасываемая им тень. Есть своя тень и у Вооруженных Сил.

Не будем забывать, что строй и порядок нашей армии, способы комплектования, методы обучения и воспитания личного состава формировались в сталинские времена, а приобретали свое завершение в период застоя. И все деформации того времени, все болячки общества восприняты, конечно, и армией.

Более того, армия в силу своих свойств как образцового, безупречно действующего и абсолютно послушного механизма в руках партии и государства была прямо-таки обречена на роль самого первого, самого лучшего ученика административно-командной системы. Она просто не могла не стать великолепным слепком с этой системы, ее своеобразным двойником, в котором черты системы были доведены до полного совершенства. И это естественно, ведь любая армия — царство начальников и подчиненных, господство административных, недемократических методов управления.

Присущий любой армии организационный антидемократизм имел в наших Вооруженных Силах во времена сталинизма и застоя самую благодатную почву. В их строительстве воплотился сталинский идеал военной (да и всякой!) организации. Сталин «указывал»: «Армия есть замкнутая организация, строящаяся сверху. Существо армии предполагает, что во главе армии стоит штаб, назначенный сверху и формирующий армию на началах принудительности»¹.

Можно не сомневаться в том, что армия именно так и строилась: «сверху», т.е. по велению вождя, указаниям его доверенных лиц; «назначениями» — об альтернативных вариантах, демократическом обсуждении и выборе не могло быть и речи; «на началах принудительности» — и никаких разговоров! Видимо, вождю и в голову не приходило, что армию можно строить на иных началах: научной обоснованности, демократизма, добровольности, личной и общественной инициативы, уважения прав и достоинства личности.

В первое послесталинское десятилетие в результате укрепления правовых основ воинской службы, повышения роли политорганов и парторганизаций, ограничения единоначалия партийной ответственностью обстановка в армии и на флоте стала значительно здоровее. Однако в последующие десятилетия застоя начатые преобразования были законсервированы, армейский механизм стала разъедать ржавчина показухи, приписок, протекционизма и других негативных явлений. Правда, многие лучшие достоинства Вооруженных Сил тщательно сохранялись и приумножались наиболее здоровой, патриотично настроенной частью офицерского корпуса.

Но вместе с тем никуда не денешься от признания, что воинская служба давала и дает и другие уроки — чинопочитания, протекционизма, угодничества перед начальниками, бесправности. Консерва-

¹ Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 375.

тивная по своей природе и впитавшая в себя наиболее отталкивающие, грубые черты авторитарного общества, военная организация стала всесоюзной лабораторией, в которой оттачиваются новейшие методы администрирования, командно-нажимного управления, насаждается соответствующая им психология. Эти методы, своеобразная субкультура осваиваются миллионами проходящих через армию людей и переносятся в огромных дозах в народное хозяйство, общественную жизнь, формируют общественные нравы.

Вооруженные Силы — настоящий оплот административно-командной системы, ее укрепрайон и заповедник. Как жестко централизованная структура, армия вместе с работающей на нее оборонной промышленностью, вместе со всеми атрибутами оборонной идеологии и военной политики образуют стеной хребет административно-командной системы. К сожалению, на эту зловещую спайку общество до сих пор мало обращало внимания, хотя и пыталось по-разному объяснить неспехи перестройки. А не здесь ли главный тормоз?

Во всяком случае, должно быть понятно: демонтаж административно-командной системы невозможен без радикальных преобразований всей военной организации на единых для общества основаниях — демократизме, гласности, подконтрольности выборным государственным органам власти. Ведь многие неудачи нашей экономической реформы, системы управления, кадровой работы напрямую или косвенно связаны с обстановкой в Вооруженных Силах.

Динамика преобразований в обществе нарастает, в то время как Вооруженные Силы все еще остаются «зоной спокойствия», напоминающая каменный остров, над которым кружат бумажные вихри призывных директив, писем, обращений, начинающих словом «перестройка».

Конечно, столь важная для судеб страны — к тому же громоздкая, инертная — организация, как Вооруженные Силы, являющиеся гарантом не только внешней безопасности, но и символом внутренней стабильности, не может забегать далеко вперед по части радикальных перемен. Хотя бы потому, что для этих перемен она должна иметь не конъюнктурные, а надежные, устоявшиеся общегосударственные ориентиры.

Однако сохраняя целостность, обеспечивая постоянную боевую готовность и следуя в своем развитии за общегосударственными преобразованиями, Вооруженные Силы могут отставать от общества лишь на определенную дистанцию. Нельзя допустить сколько-нибудь значительного отставания перестроечных процессов в армии, ибо такое отставание может объективно поставить ее в оппозицию к ушедшему вперед обществу. Затянувшаяся консервация сложившихся и во многом отживших порядков в армии может привести к тому, что рутинная, антидемократичная идейно-политическая обстановка в Вооруженных Силах станет несовместимой с революционно-демократической обстановкой в обществе.

Уже сейчас имеются, на наш взгляд, симптомы такого отставания: поощряемые известной прослойкой офицеров старших возрастов анти-

перестроечные, даже престалинские настроения, кабинетное выжидание, усилившиеся преследования со стороны вышестоящих за критику, за «излишнюю» общественную и гражданскую активность.

Всякие же попытки извне, со стороны общественности, печати вмешаться, стать на защиту прав и достоинства человека в военной форме встречают хорошо организованный взрыв «благородного негодования» генералитета. В этих массивных контратаках используются подчас довольно крупные силы, применяется все, что есть в старом арсенале борьбы с инакомыслящими, — от обвинений в очернении армии («любимого детища советского народа») до навешивания ярлыков и оскорблений. Впрочем, любого «неудобного» можно без труда подвести под сокращение. Способов, как это сделать, — не счесть, а сколько-нибудь эффективного правового или партийного наблюдения за таким «сокращением», к сожалению, нет.

Можно догадываться, какое восхищение вызывают эти доблестные военные действия против инакомыслящих у всех гражданских противников перестройки, как приободряются они, видя на своем правом фланге людей в генеральской форме. А сколько надежд связывает все-союзная бюрократия с Вооруженными Силами! Тщетных надежд! Ибо кто знает обстановку в армии, в офицерской среде и судит о ней не по телевизионным выступлениям работников Главного политуправления, тот может сказать твердо: весь полуторамиллионный корпус офицеров и прапорщиков, масса солдат и сержантов — за перестройку, за демократизацию. Они хотят видеть свою армию обновленной, могучей, современной. Они хотят изменить свое положение к лучшему, как того желает и весь наш народ. И не надо иллюзий! Ибо эти иллюзии могут увести тех, кто их питает, на дорогу ошибочных решений и действий.

Нужна военная реформа! Реформа на основе демократизации всей оборонной сферы. Не для расшатывания армии, как это иногда утврждают люди, преследующие свои личные или корпоративные цели, а для ее укрепления в качестве: 1) силы, обеспечивающей суверенитет государства и его мирное будущее; 2) силы, гарантирующей социальную стабильность на сложном этапе перестроечных процессов, способной отвести угрозу, с одной стороны, массовых, прежде всего межнациональных беспорядков, с другой — возможных (разве есть стопроцентная гарантия!) организованных, неконституционных действий со стороны правых, консервативных кругов.

Вооруженные Силы любого государства не могут быть вне политики, ибо они — орудие политики, государственной власти. В революционные же периоды сама история, логика событий подвигают армию вплотную к политике, и все, что бы ни происходило в обществе в это время, гласно или негласно, прямо или косвенно соразмеряется с наличием вооруженной силы, позицией армии.

Читатель спросит: а что, разве есть какие-то сомнения на этот счет? Ведь автор только что заверил в революционно-демократическом, здоровом настрое офицерского и всего личного состава. Нет, в настроениях, в позиции сомнений нет. Но Вооруженные Силы — это

сложная, своеобразная структура власти, учреждений, это гигантская иерархия должностных лиц и военно-административных подразделений, связанная строжайшей субординацией, силой приказа и беспрекословного подчинения. То, что в гражданских условиях называют аппаратом, в армии и на флоте действует особенно «аппаратно» — жестко, механически безжалостно. Так что настроения — это одно, а аппарат — другое. Он продолжает функционировать, навязывая свой, бюрократический вариант перестройки в армии.

Все это надо учитывать. Демократизировать армию — значит не только формировать сознание военнослужащих в духе нового политического мышления, в духе той перестройки, которая идет «где-то там» в обществе. Это важно, но, кроме того, означает — для начала — избавление хотя бы от крайних проявлений военного бюрократизма — самого грубого и циничного, от корпоративной психологии аппарата, от амбициозности военной номенклатуры.

Так долго и тщательно выводимый военной бюрократией образ воначальника-сатрапа, увешанного несметным количеством звезд и орденов и служившего как бы живой иллюстрацией сталинского и брежневского неофеодалных режимов, в глазах внезапно осмелевшей общественности блекнет и обретает черты обыкновенного провинциального льва. Лев старается быть все еще грозным, но уже старомоден и немного смешон. Общество хотело бы видеть в современных военных руководителях не строгих назидателей, а скромных солдат Отечества, своих сограждан, разделяющих с народом все невзгоды нашего времени, сотрудников и единомышленников. И это должно проявиться и в их внешнем виде, в служебном и общественном поведении — более демократичном и простом.

Демократическая перестройка Вооруженных Сил предполагает изменение принципов комплектования армии, преобразование структуры Вооруженных Сил, перегруппировку видов и родов войск, ограничение военной деятельности национальной территорией в соответствии с оборонительным характером советской военной доктрины и принципом оборонной достаточности.

Не могут не претерпеть существенных изменений стиль деятельности военных кадров, политорганов и парторганизаций, формы и методы обучения личного состава.

Время требует безотлагательного изменения социального положения военнослужащих, создания механизма социальной защищенности, утверждения правовых отношений в армии, повышения роли закона, права во взаимоотношениях между военнослужащими с одновременным ограничением властных функций начальников всех степеней. Военная общественность ставит вопрос об охране гражданских прав воина, его человеческого достоинства. Нужен надежный заслон произволу должностных лиц, «дедовщине», националистическому экстремизму, всем формам глумления над личностью.

Особенно большие изменения, на наш взгляд, предстоят в военно-кадровой работе: введение конкурсного замещения должностей, а также такого порядка аттестования и служебного продвижения, который

исключал бы возможность протекционизма... И многое, многое другое, о чем надо вести особый разговор.

А сейчас хотелось бы подчеркнуть, что только в результате глубоких демократических преобразований в армии, которые будут идти вслед за перестройкой в обществе и вместе с ней, Вооруженные Силы смогут обрести подлинно современное, цивилизованное состояние. Обновится их боеспособность, четче станет их строй, лучше порядок и дисциплина. И что особенно важно: Вооруженные Силы и по своей внешней форме, и по содержанию происходящих в них процессов, по функционированию учреждений и систем управления, положению человека в военной организации — короче говоря, по всем своим показателям станут абсолютно совместимыми с обновленным обществом. Единство армии и народа, общества наполнится новым, демократическим и гуманистическим содержанием.

Есть и другие, не менее важные обстоятельства, делающие демократические перемены в армии безотлагательными.

В стране началась экономическая реформа, утверждается принципиально новая, во многом противоположная прежней социально-экономическая и хозяйственная ситуация. В основу этого процесса кладется материальный интерес труженика, его личный выбор не только профессии, но и форм трудового участия, способов получения доходов. Приобретают позитивный смысл те принципы деловой жизни, которые были у нас предметом общего зубоскальства. Даже кощунственно звучавшее когда-то «время — деньги» постепенно утрачивает былой порочный смысл. В этих словах теперь слышится отказ от идеологии «борьбы, битв и побед», решимость научиться жить нормально, т.е. безбедно, свободно. А прекрасный принцип «каждому по труду» теперь означает нечто иное: не по субъективным энергетическим затратам, а по реальному вкладу в общественное производство, по конечному результату.

Вместе с новыми формами экономической жизни по законам материалистической диалектики изменяется и общественное сознание. Оно интенсивно экономизируется. Анонимный, абстрактный «интерес общества» вытесняется конкретным интересом общественных групп, производственных и деловых коллективов, граждан. Мы становимся прагматичнее и с наивным удивлением видим, что от этого общество, государство только выигрывают.

А как же армия? Разве она безразлична ко всему этому? Конечно, нет. Уже сейчас все сильнее ощущается нарушение бывшей «гармонии», которую составляли, дополняя друг друга, с одной стороны, административно-командная система управления обществом, с другой — командно-административная система армии.

Переход к рыночным хозяйственным отношениям, экономической самостоятельности республик и регионов страны рождает проблему материально-технического и хозяйственно-тылового обеспечения войск. Например, ставится вопрос об оплате Министерством обороны используемых им земель. Уже называют примерную сумму — около 40 млрд. рублей, более половины всего оборонного бюджета! Эти и

другие обстоятельства, появляющиеся в ходе экономической реформы, часто неожиданные, неординарные, побуждают и общество, и само военное ведомство считать деньги на оборону. Придется думать о новой структуре Вооруженных Сил, более компактном размещении войск и сил флота, об избавлении от нерациональных трат. Только на этом пути можно выполнить важнейшую заповедь военной реформы — обеспечить надежную оборону страны при минимальных расходах на нее.

Коммерциализация хозяйственной жизни, строгий расчет, соображения экономической целесообразности заставляют общество и граждан по-иному смотреть на вопросы содержания Вооруженных Сил. До сих пор слова «оборона», «армия», «воинская служба» воспринимались как строго идеологические, героико-патриотические понятия. Теперь даже им подыскивается экономический эквивалент. Причем если общество вправе считать расходы на оборону, военную деятельность государства, то гражданин при всех его гражданских достоинствах, готовности к защите страны в мирное время вправе прикидывать, во что обойдется ему в житейском плане срочная воинская служба и какие социальные преимущества получают лица, «не подлежащие призыву» в армию.

Да, конечно, в армии распорядок, подъем, отбой, строевая подготовка... Но приглядимся получше. После некоторого шока, который испытывают молодые солдаты в первые недели службы, они довольно быстро осваивают армейский быт и начинают смотреть на все вполне осмысленно. И частенько, особенно в технических войсках, разочаровываются. Вместо сложившегося еще в школе образа воинской службы: боевая учеба, стрельбы, марш-броски по тревоге, опасные и трудные походы, рискованные рейды «в тыл противника» — солдат вдруг видит всю прозу казарменного бытия. Обнаруживает, что его дни наполнены сидением в классах над схемами, а также нарядами, хозяйственными и самыми разными текущими работами, бесконечными чистками, уборками. Политзанятиями с конспектированием первоисточников. Собраними, инструктажами, проработками и назидательными чтениями приказов. Подготовкой к почти непрерывным проверкам... Иной, подчас бессмысленной, рутинной суетой.

И не от пустоты ли и подневольности такой жизни солдат уже после года службы переводит себя в категорию уставшего ветерана-старослужащего, а за «сто дней до приказа» начинает своей «дембельский» отчет? Строгая «торжественность» и почти мистический характер этого обычая выдают его подлинный горький смысл: солдат сознательно вычеркивает вместе с каждым днем службы день из своей жизни.

Многочисленные приготовления к «дембелю» превращаются в какой-то экзотический антиармейский ритуал, со своей замысловатой символикой и жесткими причудами «дедовщины». Причем в эти «дембельские игры» солдат вкладывает массу изобретательности, энергии и эстетического вкуса — те качества, которые оказались невостребованными самой службой.

Так какую же «зарядку» на всю остальную трудовую жизнь по-

лучает молодой человек за два года казармы? Какой тип труда, производственного поведения формирует сложившийся порядок службы в армии, куда приходят служить по обязанности? Ответ один: тип труда пассивного, выполняемого в силу приказа, труда, не имеющего для солдата экономической ценности, ибо он не оплачивается. И поэтому не развивающего личность экономически, а наоборот, атрофирующего естественный материальный интерес трудящегося. Труда, строящегося исключительно на коллективистских началах и в соответствующих формах, не способствующего развитию профессиональной гордости и чести, личной ответственности и самодеятельности. Наконец, труда, не развивающего черт «гражданина в военной форме», но зато надежно и почти механически штампуемого психологию безгласного, не рассуждающего, а подчас и безответственного исполнителя.

Надо ли говорить, как все это дисгармонизирует со складывающейся в стране новой производственно-экономической обстановкой, требующей от человека качеств, противоположных тем, какие культивировала административно-командная система — гражданская и военная. И разве непонятно, что, независимо от нашего субъективного отношения к происходящим в обществе переменам, от ввевшегося в наш характер отращения к прагматическим оценкам, воинская служба — порядок ее прохождения, формы организации воинского труда, система обучения и воспитания, — вся атмосфера в Вооруженных Силах подлежат неизбежной перестройке.

Военная организация должна гармонизировать с формирующимися новыми хозяйственно-экономическими структурами, способствовать проведению экономической реформы, а не противостоять ей.

Чем дальше, тем яснее необходимость соединить человека, гражданина с военной организацией не только узами долга, патриотизма и правовой обязанности, как это было до сих пор. Эти узы священны, имеют непреходящий характер, и их надо всемерно укреплять, повышая моральный авторитет защитника Отечества и его труда. Однако в современных условиях назрела и другая необходимость: опираясь на идейно-политические, духовно-нравственные качества и оборонные традиции нашего народа, укрепить связь граждан с армией также силой профессионального призвания и материальной заинтересованности. В этом нет никакого «святотатства», как любят представлять противники подлинных перемен в армии. Речь идет лишь о распространении универсального принципа стимулирования всякой трудовой деятельности на солдат и сержантов, об устранении той прижившейся социальной несправедливости, когда этот принцип применялся ко всем советским людям, в том числе к офицерам и прапорщикам, но всегда обходил единственную социальную группу — солдат и сержантов.

Симптоматично, что негативное отношение к переходу на профессиональную армию, к оплате труда солдат и сержантов высказывают, конечно, не военнослужащие срочной службы, у них по-прежнему об этом никто не спрашивает. Негативной позиции твердо придерживаются должностные лица, получающие от государства весомое (и по заслугам) денежное вознаграждение, а также иные, «натуральные» со-

циальные блага в виде дач, охотничьих угодий, больших гонораров за многочисленные статьи и книги. Интересно, чувствуют ли себя эти лица наемниками? Вряд ли! Да это и справедливо. Никто не станет называть заслуженных, почтенных людей словом, имеющим столь отрицательную эмоциональную окраску. (Хотя это удивительно в стране сплошного наемничества.) Наши офицеры, генералы, маршалы — и с этим, уверен, согласны все — не наемники, а профессионалы. Это люди, в юности добровольно пришедшие в военные училища и служащие не только по долгу, но и по призванию. Так зачем же так нажимать на слово «наемник», «наемная армия», когда речь заходит о переходе к профессиональной армии?

Да и уместны ли эмоции и всякие словесные приемы, когда идет серьезный разговор о будущем Вооруженных Сил? Когда само общество, опережая военных, — и на это больше нельзя закрывать глаза — заинтересованно обсуждает вопрос о переходе к профессиональной армии как о вполне реальной возможности и, более того, как о необходимости в недалекой перспективе. Включиться бы и военным руководителям в эту дискуссию, но не с выпадами и ярлыками в адрес «некомпетентных штатских», а с конструктивными, профессиональными суждениями.

Впрочем, дискуссия дискуссией, а жизнь Вооруженных Сил не может замереть в ожидании ее результатов. Между тем напряжение этой жизни все растет: учеба, боевое дежурство, борьба (!) за дисциплину, поддержание которой становится делом все более трудным. А тут еще проникающие в офицерскую и солдатскую среду как отклик на бурные события в стране политические страсти, кипение которых порой способно сбить нормальный, твердый ритм армейской жизни.

Осложняет внутриармейскую обстановку и участие войск в непривычной для них роли — гашении межнациональных конфликтов. Ведь в армии служат и армяне, и азербайджанцы, представители других национальностей.

В этих условиях офицерскому составу приходится, действительно, «задействовать все резервы» для поддержания боевой готовности войск. Задача эта, безусловно, решается. Но какой ценой?! Ценой постоянного пребывания в казарме, отказа от личной жизни, культурного досуга, общения с семьей, ценой все большего нервного напряжения... Не всем этот режим по плечу... Все больше рапортов: «Прошу уволить из рядов...»

Пора признать печальные факты жизни: растущее падение престижа офицерской профессии и в целом воинской службы, отношение к ней многих молодых людей не как к романтически-возвышенному радению, а как к подневольному двухгодичному прозябанию в казарме. Попытки уклонения от призыва в армию становятся чуть ли не массовым явлением. Осенью 1989 г. на призывной пункт из Черемушкинского района г. Москвы не явилось более 70% призывников. Раньше проводы в армию были праздником, звучали напутствия, песни, гремел марш «Прощание славянки». Теперь же все чаще приходится доставлять новобранцев на призывные пункты с помощью милиции.

Комплектование Вооруженных Сил с каждым годом становится все более сложной проблемой. «Так дальше продолжаться не может, — в один голос заявляют работники военкоматов. — Надо что-то делать!»

Так что же и впрямь делать? Конечно, если кому-то из молодежи недостает сознательности, надо решительнее применять силу закона. А что еще? Можно предложить известный перечень мер: резко улучшить идеологическую работу среди молодежи, усилить допризывную подготовку, поднять ответственность военкоматов и т.д. и т.п. Но беда в том, что трудно найти того, кому адресовать все эти «усилить-улучшить-поднять». И не этот ли бумажный, беспомощно-декларативный «стиль деятельности» привел к кризису государственного управления многими сферами? Отразился он и на оборонных делах, в частности, на комплектовании армии и флота. Такой все еще господствующий «стиль», опирающийся больше на иллюзии, чем на трезвый анализ обстановки, уверенно приближает ситуацию с призывом молодежи в армию к черте кризиса.

Впрочем, в отдельных регионах кризис уже разразился. В Прибалтийских республиках, Закавказье, ряде районов Средней Азии участились попытки сорвать призыв. Проводятся антиармейские митинги, пикетирование военкоматов и сборных пунктов, распространяются листовки, призывающие уклоняться от призыва. Бойкот воинской службы приобретает все большие масштабы. И более всего настораживает то, что эти массовые антиармейские акции нередко поощряются бездействием местных советских, партийных, правоохранительных органов. Так, первый секретарь Тианетского райкома Компартии Грузии Н. Мгелиашвили прямо заявил: «Я как народ. А народ служить не хочет». Совершено покушение на военкома Армении генерал-майора А. Арутюняна — он был избит толпой.

В период призывов резко возрастает активность экстремистских, националистических сил, которые используют призыв в целях разжигания антирусских, сепаратистских настроений. Ради достижения своих политических целей они стремятся раздуть вопрос об отношении к воинской службе до невероятных размеров, представить ее как какую-то кару для молодежи. Призывник оказывается в трудном положении: за одну руку его влечет в Советскую Армию военкомат, за другую — «тащат» в ряды активистов «Саюдиса» или закавказских боевиков.

Но вот перетянул тот, на чьей стороне сила закона, и юноша попал в воинскую часть, принял присягу, взял в руки боевое оружие. Как, с какими чувствами он будет держать это оружие? Какие намерения могут вырваться в его голове? И вообще, как могут пополняться и что представлять собой Вооруженные Силы, комплектование которых превращается в крупную политическую и межнациональную проблему?

Но дело не только в комплектовании. В ходе обсуждения вопроса «какая армия нам нужна?» редко в поле зрения — и это достойно удивления — попадает самый, пожалуй, большой, самый трудноразрешимый вопрос — национальный.

Когда-то А. В. Суворов объяснял непобедимость своей армии тем,

что он «командовал русскими». Однонациональность — символ сплоченности, монолитности, кровного единства. Но давно уже не сыщешь в мире этнически «чистой» армии. Современные советские Вооруженные Силы имеют сложнейшую национально-этническую структуру. Они многонациональны и иными быть не могут. Однако само понятие «многонациональность» не может быть поводом для эйфории, ибо оно означает объективную реальность, а не какую-то заслугу Вооруженных Сил, ибо фактором боевой мощи является не сама разнонациональность, а только то ее состояние, которое мы обозначаем понятиями «дружба народов, братство, интернационализм». В многонациональности может быть заложена огромная сила. Но в ней же заложена, как не раз показывала жизнь, и другая возможность — переход от едва заметных трений к открытой межнациональной вражде. Возможность наиболее опасная в армии в силу того, что здесь «носители» этих отношений вооружены не только запасом обидных слов, амбициозных требований и претензий, но и автоматами Калашникова, другим «материальным» оружием.

Насколько серьезны опасения на этот счет, показали события в Баку и Нагорном Карабахе, когда в ход пошло боевое оружие, оказавшееся в большом количестве в руках экстремистов. Здесь мы столкнулись с беспрецедентной ситуацией: бывшие воины, резервисты, забыв о своей присяге, пополняли ряды боевиков и вели боевые действия против той армии, которая научила их владеть оружием. Установлены факты подготовки боевиков местными школами ДОСААФ.

Вооруженные столкновения в Закавказье осветили безжалостно ярким светом всю глубину опасности, которая подстерегает нашу армию. Возникли вопросы. Что означает многонациональность Вооруженных Сил в современных условиях? Не побуждает ли складывающаяся в стране новая межнациональная обстановка и возрождающаяся подлинная советская федерация осмыслить заново содержание и роль многонациональности, интернационализма применительно к армии? Не исчерпал ли себя уравнилельно-распределительный принцип размещения представителей разных национальностей в Вооруженных Силах?

Это большие, очень важные вопросы. Между тем именно о них чаще всего умалчивают, когда обсуждают современные оборонные проблемы. А подумать есть о чем. В результате крупных демографических процессов, дальнейшего роста населения Средней Азии и Закавказья при одновременной депопуляции русского за последние 15—20 лет изменился внешний облик наших Вооруженных Сил. В портрете и характере сегодняшнего советского солдата уже сейчас преобладают восточные черты. Это видно, как говорится, невооруженным глазом.

Уже сейчас в большинстве воинских коллективов более 50% составляют юноши названных регионов. Русский язык они знают плохо. Митинги-встречи новобранцев в частях все чаще приходится проводить с помощью переводчиков. И как можно обучать, воспитывать и управлять войсками, личный состав которых плохо понимает своих

командиров? Знание или незнание языка межнационального общения становится фактором стратегического значения. Слаба общеобразовательная подготовка солдат, и довольно устойчивы их антиармейские национальные и религиозные традиции и предрассудки. В большинстве случаев они индифферентно относятся к воинской службе, недостаточно физически развиты, неприспособлены к службе в северных и средних широтах страны.

Для миллионов юношей из Средней Азии служба на Северном флоте или где-нибудь в Сибири, на востоке России превращается в сущее наказание, тяжелую драму, сознательная воинская дисциплина — в бессмысленно жестокий, принудительный режим, а боеготовность таким образом укомплектованных частей становится абстракцией. Какой полководец, будь он сам Суворов, может быть уверенным в таком войске?

Положение осложняется тем, что офицерский корпус остается в своем абсолютном большинстве однонациональным — русским, российским. Все старания военного руководства увеличить прослойку в нем представителей коренных национальностей союзных республик ощутимых результатов не имеют. Этот национальный контраст между офицерским составом и солдатской массой постепенно вырастает в барьер и все заметнее отражается на боевой готовности, дисциплине и моральном климате воинских коллективов.

Предлагают создавать национальные формирования. Министерство обороны уже сейчас оставляет около трети призывников в своих республиках. Но дальше идти по этому пути — значит, поступившись оборонной целесообразностью, сосредоточить нашу боевую мощь в густозаселенных регионах. А кем комплектовать Военно-Морской Флот? Неприемлемость или недостаточность такого подхода стала особенно очевидной сейчас, после вспышек вооруженных конфликтов между Арменией и Азербайджаном, в ходе которых были попытки создания «неформальных» воинских структур.

Возникшие в стране национальные, сепаратистские движения резко изменили ситуацию и в обществе, и в армии, рассеяли многие наши иллюзии. А если заглянуть немного вперед? Динамика демографических процессов и самые простые подсчеты показывают, что при сохранении существующего порядка комплектования через 5—10 лет в составе Вооруженных Сил будет уже явное, перевешивающее большинство воинов нероссийских национальностей. Кто может предсказать масштабы и характер проблемы, а может быть, и опасностей, которые появятся на этой почве?

И это обстоятельство, пожалуй, — самый веский аргумент в пользу коренного пересмотра концепции строительства Вооруженных Сил и, прежде всего, принципов их комплектования.

Конечно, прямая экстраполяция нынешней экстремальной межнациональной ситуации в будущее — не лучший способ прогнозирования судеб нашей федерации. Но пора, хоть и с большим опозданием, признать: в республиках начались глубокие, протекающие в силу объективных закономерностей, а не только из-за политических ошибок

прошлого, национальные движения со всем, что им сопутствует: с желанием иметь «все свое», стремлением к суверенитету, возрождению национальных культур, с обострением национальных чувств, недоверчивостью к центру. Идет формирование подлинной федерации — по существу, нового национально-государственного устройства. И этот процесс, конечно же, коснется и военной организации. И уже теперь, в ходе подготовки к принятию нового закона о федерации, целесообразно здраво, не закрывая глаза на факты и жестокие уроки жизни, а ориентируясь лишь на трезвый прогноз, обстоятельно обсудить военные, оборонные аспекты строительства новой федерации. Уклоняться от этого, ограничиваясь строгими «внушениями» или «предупреждениями о недопущении», — значит идти вперед с закрытыми глазами, всякий раз оказываясь в хвосте событий, добровольно отказаться от участия в созидании обновленного общества.

Мы рассмотрели здесь лишь некоторые, но, на наш взгляд, важные предпосылки предстоящих преобразований нашей военной организации, не касаясь содержания этих преобразований. На самом же деле теория военной реформы охватывает изучение огромного диапазона проблем — международных, внутривнутриполитических, национальных, оборонно-промышленных, собственно армейских — и широчайшего спектра аспектов — от философско-социологических, политологических до специальных военных. Вся эта работа — впереди!

АРМИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Безопасность общества в переломные периоды его развития в значительной степени зависит от качественного состояния армии. В условиях перестройки необходимо думать и о безопасности армии, не допускать ее разложения, как это случилось, например, в 1917 г.¹ А для этого, естественно, следует четко определить те силы и угрозы, которые представляют реальную и потенциальную опасность для прогрессивного развития военной организации общества. Сделать это требуется для того, чтобы затем, в ходе военной реформы, устранить их или в значительной степени нейтрализовать.

Длительное время консервативно настроенные круги из политического и военного руководства считали, что основная угроза армии исходит со стороны «антиармейски» настроенного общества, его отдельных, но достаточно широких слоев. Фактически к ним принято было относить всех тех, кто не придерживался официальной точки зрения на перестройку военной сферы или выступал за радикальные преобразования советских Вооруженных Сил. Такое положение нельзя было назвать нормальным. Оно порождало противостояние армии и общества, снижало авторитет воинской службы. В конечном счете создавалась благоприятная почва для проведения акций, направленных против армии в целом.

Надо было «вести дело к военной реформе»², но военное руководство в 1985—1989 гг. много внимания уделяло борьбе с «нападками на армию». Эта позиция исключала компромиссы, аналитическую критику армии (важнейший источник развития), альтернативные взгляды. Ситуация напоминала чем-то контрпропаганду начала 80-х годов. Ведь она сама усугубляла кризис общества, объявляя существовавшие проблемы «идеологическими диверсиями империализма».

В этой связи принципиальные общие вопросы военного строительства не решались, а усилия сосредоточивались на отслеживании «антиармейских высказываний», борьбе с ними в духовной сфере. Образ внешнего врага дополнялся образом врага внутреннего, который раздваивался, существуя в двух ипостасях: армии как консервативной си-

¹ См.: Разложение армии в 1917 году. М. — Л., Госиздат, 1925.

² Именно в таком контексте упоминание о военной реформе впервые появилось в официальном партийном документе. То, что это произошло после пяти лет перестройки, вряд ли можно считать нормальным.

лы и общественных групп, выступающих с критикой армии, как антиармейской силы. В результате противостояние общества и армии начало принимать не только пропагандистский, но и реальный конфронтационный характер. Соответственно уменьшалась безопасность и общества и армии.

Если и дальше расширять практику «борьбы с нападками на армию», не работая серьезно над решением военно-политических и армейских проблем, то она сама по себе может выступить серьезным фактором угрозы безопасности армии. Это не означает, что не существует опасности для армии со стороны действий и пропаганды отдельных политических сил, носящих антиперестроечный консервативный или экстремистский характер, но она, думается, не носит первичного характера. Ее легко можно снять новой военной политикой, законодательными мерами и разъяснительной работой в ходе военной реформы.

Сегодня, на мой взгляд, разлагающе действуют (или могут действовать) на армию следующие факторы: ошибки политического и военного руководства в определении характера, способов и темпов перестройки военной сферы; негативные проявления во взаимоотношениях «правительство — армия — народ»; целенаправленные шаги (включая пропаганду) различных партий и движений по привлечению армии на свою сторону, ее дестабилизации или нейтрализации в ходе борьбы за власть; усиление противоречий внутри армейской системы, особенно в связи с различной социальной, политической и национальной ориентацией личного состава; сохранение всеобщей воинской обязанности при сложившихся обстоятельствах в неизменной форме (казарменность, экстерриториальность, длительный срок службы, несправедливость льгот и распределения и т.д.); монополия военного руководства на истину и отсутствие постоянной аналитической критики внутри армейской системы; игнорирование общественного мнения при принятии военно-политических решений и другие.

Учитывая комплексность отмеченных опасностей и их постоянное накопление, можно прийти к выводу, что только радикальная военная реформа способна их устранить. Другими словами, военная реформа должна иметь одной из своих главных целей обеспечение безопасности не только общества, но и самой армии.

* * *

Отсутствие концепции и серьезного процесса военной реформы, непоследовательность, медлительность и поверхностный характер изменений военной сферы порождали и будут порождать опасность, которую сегодня вряд ли можно по-настоящему осознать. В то же время конкретно сформулированная концепция военной реформы, одобренная большинством населения, способна, при ее последовательном и неуклонном претворении в жизнь, вывести страну и армию из кризисного состояния.

Политическое руководство страны стимулировало процесс принятия новой доктрины стран—участниц ОВД. Правда, официально при-

нятый текст военной доктрины страны до сих пор отсутствует. Кто и на каком уровне его принимал, до сих пор неизвестно. Тем не менее в соответствии с «новой военной доктриной» (общей или нашей?) происходят изменения в Вооруженных Силах СССР. Произведены были замены и перестановки в высшем военном эшелоне власти. Односторонне сокращаются 500 тыс. военнослужащих и соответствующая техника. Постоянно уменьшается военный бюджет. Осуществляется конверсия военного производства. Меняется организационно-штатная структура частей и соединений. Начался вывод наших войск с территорий союзных государств. Ведутся переговоры о сокращении стратегических и обычных вооруженных сил СССР и США. При этом говорится о необходимости, по словам М. С. Горбачева, иметь современную, оснащенную новейшим оружием, способную обеспечить безопасность страны армию. Первоначально предполагалось, что данную цель можно достичь путем реализации существующих принципов военного строительства. Затем, с начала 1990 г., была признана целесообразность проведения военной реформы.

Таким образом, политическое руководство приступило к преобразованию военной сферы, давая общие установки для военно-политического развития. От военного руководства требовалась конкретность замыслов и действий. Она проявилась своеобразно. Была занята позиция: военную систему не менять, на новую не переходить, совершенствовать имеющуюся систему кадровой армии, основанную на всеобщей воинской обязанности и экстерриториальном принципе прохождения службы (модель «интернациональной казарменной армии»). Об этом впервые сказал генерал армии А. Д. Лизичев на встрече с коммунистами Таманской дивизии: «Другое дело — совершенствование существующей системы военного строительства. Работа в этом плане предстоит огромная»¹. Чуть позже в статье «Какие Вооруженные Силы нужны Советскому Союзу» Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев обосновывает по сути тот же тезис: нам нужна крупная (3 млн. 760 тыс.), сильная, современная армия, основанная на всеобщей воинской обязанности, позволяющая иметь большие резервы на случай агрессии, сохраняющая патийное руководство и политорганы². Естественно, что такая позиция изначально не позволяла проводить существенных изменений в армии ни в прогрессивную, ни в регрессивную стороны.

Изменилась ли ситуация после публикации проекта Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду, где было сказано о необходимости вести дело к военной реформе? На мой взгляд, существенно не изменилась. Излагая замысел военной реформы, министр обороны СССР Д. Т. Язов говорит о преобразовании военной системы на основе новой военной доктрины, замене количественных экстенсивных путей решения задач обороны страны, боеготовности войск и их подготовки интенсивными, качественными, о всесторонней и глубокой демократиза-

¹ *Красная звезда*, 3 февраля 1989 г.

² См.: *Огонек*, 1989, № 50.

ции воинской жизни, улучшении социального обеспечения военнослужащих. Все это звучит неопределенно и неконкретно, как, впрочем, и принцип оптимизации состава, технической оснащенности, организационной структуры Вооруженных Сил, обучения и воспитания личного состава. Однако очень ясно вновь заявлено о сочетании «кадровой организации со всеобщей воинской обязанностью», экстерриториальности комплектования. Хотя при этом принцип единоначалия предполагается реализовывать не на партийной, как было раньше, а на «демократической, правовой основе»¹.

Трудно отрицать позитивный момент такого медленного, частичного преобразования Вооруженных Сил СССР. Оно позволяет в определенной степени стабилизировать армию на переходном этапе развития общества, когда многие его структуры приходят в движение. В то же время подобная консервативная позиция не учитывает быстро меняющуюся политическую и национальную ситуацию, необходимость скорейшего разрешения внутренних армейских проблем, катастрофического падение авторитета армии в обществе. В этом кроются определенные опасности для армии.

Нельзя топтаться на месте в военном строительстве, отставать от перестройки в обществе, когда в общественной жизни происходят системные изменения и ведется активный поиск новых форм и принципов организации. Армия и военное руководство попадают под огонь критики как консервативные силы, вина за многие проблемы общества возлагается на них. Причем проблемы эти нередко начинают решаться за счет армии. В обществе распространяются слухи о возможности государственных переворотов с участием армии. В результате давление на армию усиливается. Далее. Существующая военная система срослась с административно-командной структурой. Она отомрет или существенно видоизменится с демонстрацией последней. Поэтому ее совершенствование на старой основе — сизифов труд. Кроме того, данная установка не дает возможности использовать военную разрядку и сокращения в интересах повышения качества армии, перехода ее на новые формы организации. Наконец, частичные преобразования военной системы не способны по настоящему решить общие проблемы армейской жизни. Эффективность деятельности личного состава в старых структурах по крайней мере не повышается. Совершенствование сопровождается процессом разложения армии — дисциплина падает, уровень жизни военнослужащих снижается, учащаются отказы от воинской службы и т.д. И это все на фоне ухудшения политической обстановки в стране.

Каков же выход из сложившейся ситуации? Последовательно, конкретно и ускоренно проводить курс на военную реформу. Четко обозначить стратегические ориентиры, исходя из потребностей разрядки и общественного развития. Перейти на новую систему, избегая крайностей военного строительства. Последнее означает отказ от по-

¹ Правда, 23 февраля 1990 г.

пытках заменить существующую кадровую армию на противоположную ей по принципу комплектования и характеру службы профессиональную или милиционную модели Вооруженных Сил. Но при этом крайностью надо признать и позицию, отстаивающую необходимость сохранения старой военной системы. В наших условиях она дискредитировала себя как элемент административно-командной системы, инструмент авторитарного политического режима. От нее также надо отказываться. Искать комбинацию форм организации и принципов комплектования, которые максимально адекватно отразили бы естественные тенденции как общественного, так и военного развития.

Современный переходный период будет носить длительный характер. В международном плане он включает в себя переход от конфронтации государств к сотрудничеству, от «холодной войны» к мирному периоду, от односторонней военной безопасности к всеобъемлющей системе безопасности. Перестройка внутри страны будет представлять собой серию реформ и в конечном итоге выльется в политику постоянного обновления общества, творческого формообразования. Господство застывших форм уйдет в прошлое. В этих условиях военная реформа станет перманентной. Ориентация на нее — составная часть военной политики Советского государства. Поэтому сегодня нам нужен не общий закон об обороне, фиксирующий статистические нормы и положения, а военная реформа, законодательно закрепляемая на определенных этапах своего развития. Возможно, и в форме закона об обороне (или еще шире — закона о национальной безопасности). В любом случае этапы, специфика и направленность военного строительства, особенности взаимосвязи военной организации МО СССР с военными организациями КГБ, МВД, гражданской обороны должны быть ясно и конкретно оговорены и сформулированы в правовой форме.

Военная реформа необходима для: а) создания благоприятных международных условий, снижения уровня военной опасности; б) осуществления глубокой реформы Организации Варшавского Договора с учетом того, что многие страны — участницы ОВД уже приступили к осуществлению реформ; в) ускорения экономических и политических реформ в СССР, обеспечения необратимости преобразований в общественной жизни; г) создания сильной оборонительной армии, поддерживаемой народом; д) укрепления доверия между армией и обществом, правительством и народом; е) создания единой (внешней и внутренней, государственной и общественной) системы безопасности СССР; ж) оптимизации вооруженных организаций страны, причем уже как официальных так и «неформальных»; з) устранения коренных причин, порождающих пороки и хронические болезни существующей военной системы. В результате военная реформа не только приведет к созданию безопасной, рациональной и эффективной военной системы, но и позволит решить ряд международных и внутренних проблем. А это в свою очередь повысит авторитет нашей армии в обществе.

Исторический и зарубежный опыт показывает, что центральным звеном военной реформы является переход на новые принципы комп-

лектования и формы организации вооруженных сил. Такой переход необходим и в наших условиях. Почему?

1. Военная система, существующая у нас, базируется на всеобщей воинской обязанности, казарменности, экстерриториальности службы. При значительном количестве призывного контингента воинская обязанность соединена со значительным сроком службы и регулярностью. Хотим мы этого или нет, но при такой системе общество милитаризируется уже в мирное время. Существование массовой регулярной армии оправдывается военной опасностью и готовностью к ведению большой войны, в том числе и оборонительной. Военный ученый В. Серебрянников совсем недавно так и утверждал: «Современная война требует именно массовых армий»¹. Но если военная опасность отсутствует или постоянно снижается, а большая война все более осознается как преступная, население начинает неодобрительно относиться к существованию такой армии. В этом случае лучше изменить систему, чем заниматься поисками противника, или задействовать армию внутри государства для решения различных экономических и политических задач. В результате снижаются ее боеготовность и моральный дух.

В случае плохой поготовки к войне кадровая армия может явиться резервуаром, где уничтожаются постоянно призываемые из запаса людские ресурсы страны (что и произошло в начальный период Великой Отечественной войны). А если ввести коэффициент на разрушительную мощь современного оружия? Подготовленные в мирное время людские и материальные ресурсы в случае серьезной войны будут уничтожены в короткое время. Для локальной же войны массовая регулярная армия просто не нужна. Тем более, когда в ее составе имеются мощные стратегические ракетные силы. Такую армию трудно совместить с официальной установкой нашей военной доктрины на предотвращение войны.

2. Именно в наших условиях воинская служба на основе всеобщей воинской обязанности оказалась связанной с массой проблем. Она привела к созданию в рамках военной системы мощной «профессиональной армии» офицеров и прапорщиков. Они тратят свое боевое время на управление, обучение, контролирование личного состава, несут ответственность за него, выполняют многие его функции. И одновременно теряют свою собственную квалификацию, время на самообразование и отдых. Разве целесообразно иметь на каждого сержанта срочной службы офицера или прапорщика, а на каждого водителя-солдата — старшего машины в том же звании? Такой подход расточителен, а главное — он порождает взаимное недоверие.

Всеобщая воинская обязанность не дает возможности качественного отбора в армию. Призывники достаточно произвольно разбрасываются по военным организациям. Причем сейчас по сравнению с КГБ и МВД Министерству обороны достается отнюдь не лучший контингент. Образовалась система льгот и отсрочек, в связи с чем о всеобщности воинской службы можно говорить с большой долей натяжки. Коли-

¹ См.: Армия. Какой ей быть? — *Красная звезда*, 12 февраля 1989 г.

чество военных специальностей измеряется сотнями. Массово готовить молодых людей по каждой из них, даже при наличии ДОСААФ, становится все сложнее¹.

При всеобщем призыве и разном уровне культуры казарменное прохождение службы в отрыве от родных мест и при значительном сроке действительной службы порождает много негативных явлений: хулиганство, «дедовщину», самовольные отлучки, дезертирство и т.д. Причем мы слабо используем опыт решения этих проблем в армиях других стран, где казарма не ведет к такому отрыву личного состава от общества, как в наших условиях.

3. По мере углубления перестройки всеобщая воинская обязанность потенциально, а подчас уже реально способствует возникновению ряда социально-политических проблем.

Падает популярность воинской службы среди молодежи и значительной части населения. Обязанность вновь превращается в повинность, набор в армию осуществляется принудительно. Наблюдаются попытки массового уклонения от службы. И это при понимании того, что кадровая военная система не может существовать без поддержки народа. Если положение не изменится, враждебность к армии будет расти, а авторитет ее в обществе падать. Фактически по этой причине американцы были вынуждены в 1983 г. перейти на принцип добровольного комплектования.

Обострение политической борьбы в обществе настоятельно требует ограничения сферы действия принципа всеобщей воинской обязанности, способствующего проникновению в армию проблем общества. Не секрет, что в стране существуют силы, которые ведут борьбу за влияние в армии. В результате солдаты, хорошо обученные военному делу, становятся нередко «боевиками», участвующими в национальных конфликтах. Правда, пока благодаря офицерскому корпусу и системе политического влияния ситуация удерживается под контролем. Но надолго ли? В армии уже ведутся политические дискуссии. Приходит молодежь с различной, в том числе и с уголовно-экстремистской ориентацией. Расширяется контингент призывников из взрывоопасных регионов Закавказья, Средней Азии.

Массовая военная система, основанная на всеобщей воинской обязанности, связана в наших условиях с плохими материально-бытовыми условиями службы. Военнослужащие фактически относятся к социально неимущим слоям населения. Даже у офицерской семьи к концу службы нет ни солидных сбережений, ни квартиры. Естественно, они не могут быть довольны своим положением. А это значит, что в кризисной ситуации политическая надежность армии, ее стабилизирующая роль не могут быть очень прочными. Анализ нашего военного бюджета в этой связи вызывает удивление. При всех разговорах о так называемом человеческом факторе мы, оказывается, экономим на людях. На содержание армии и флота идет меньше денежных средств, чем на закупку техники и вооружения. Фактически ножницы между

¹ Кривошеев Г. О всеобщности воинской службы. — *Красная звезда*, 31 августа 1989 г. См. там же, 23 сентября.

этими статьями составляют 10 млрд. рублей. В США же на содержание личного состава армии и флота расходуется более 50% военного бюджета. В других развитых странах по-разному, но везде больше, чем на закупку военной техники. Тем самым обеспечиваются политическая надежность армии, ее стабильное и почитаемое положение в обществе. У нас же бедная армия, оснащенная современной техникой и вооружением, может в определенных условиях явиться дестабилизирующим фактором. Поэтому положение надо срочно менять.

Всеобщая воинская обязанность на основе экстерриториальности порождает и другие опасности. Эта система комплектования тормозит преодоление маргинальности нашего общества. Социальные связи, складывающиеся на гражданке, в армии рвутся. Личный состав постоянно перемешивается, что не способствует укреплению боевой мощи. Кроме того, интернациональная, экстерриториальная армия рассматривается отдельными представителями республик как орган центральной государственной власти, вмешивающийся в их дела. Безопасность в отдельных регионах действительно обеспечивают центральные войска, особенно в кризисных ситуациях. Отсюда — негативное отношение к армии, недоверие к ней, навешивание ярлыков «оккупанты» и других.

Означает ли сказанное, что надо полностью отказаться от принципа всеобщей воинской обязанности? Конечно, нет, но форму его реализации и сферу деятельности надо менять. Однозначно его можно использовать только в период военного времени или чрезвычайных обстоятельств. В мирный период и в условиях перестройки этот принцип, на мой взгляд, должен действовать только во вспомогательно-резервном компоненте армии, в котором срок службы будет сокращен до необходимого минимума. Этот компонент мог бы обладать определенной самостоятельностью, значительной интегрированностью в общество, иметь черты народной армии — простой по устройству, но приспособленной к решению оборонительных задач во взаимодействии с регулярными войсками в случае захвата противником территории и продвижения в глубь страны. Для подготовки такой массовой, фактически нерегулярной армии требуется мало времени. В ней можно предусмотреть действительную одногодичную экстерриториальную службу, территориальную службу по месту жительства (с привлечением на подготовку и сборы в общей сложности не более года), альтернативную неказарменную трудовую службу.

Резервная армия предназначена для всеобщей обороны страны. Она привязана к конкретным территориям, местам жительства и не будет представлять собой ясно обозначенной цели для новейших систем оружия. В мирное время представители этого компонента вооруженных сил выполняют в основном второстепенные для боевой армии задачи: готовят резервистов на случай войны на своей территории; занимаются гражданской обороной, несут гарнизонную и караульную службу; участвуют конституционно в охране общественного порядка в случае необходимости. Реализация последней задачи позволит не расширять войска МВД.

Другого выхода у нас нет. Сразу перейти на милиционную систему мы не можем по политическим и национальным причинам. Сократить срок службы в два раза — значит сделать всю нашу армию резервной. Перейти на кадрово-милиционную модель образца 20-х годов? Но это уже пройденный этап. В общей военной системе надо создавать специализированную резервную армию, по возможности территориального типа. Ориентация на вспомогательные задачи позволит не превращать эту милиционную по сути армию в средство политической борьбы.

Организованный резерв милиционного типа обходится в несколько раз дешевле, чем регулярная армия. На примере США видно, что он, включая национальную гвардию, готовится по той же программе, на основе того же вооружения и боевой техники, что и боевые части. На случай войны это позволяет развернуть многомиллионную обученную армию. Резерв в виде территориальных войск имеется во многих странах мира. В мирное время он включается в рамки существующих военных систем, постепенно вытесняя регулярные части до определенной меры. В сухопутных войсках США, Великобритании он уже превышает 50% их численности. США предполагают и дальше сокращать регулярные части, причем значительно (армейских дивизий — с 18 до 12)¹. Сокращаемые регулярные части бундесвера планируется частично заменить резервом «особой готовности». Китай фактически заменил свою слабую милицию на организованный резерв.

Можно с уверенностью утверждать, что если в составе Вооруженных Сил СССР будет создана специальная с коротким сроком службы полусказарменная армия, то многие проблемы будут сняты и начнется постепенный отход от постоянной армии к смешанной модели вооруженных сил. Многие задачи военной реформы будут решены дифференцированно. Будет реализована, причем последовательно, оборонительная тенденция в развитии армии мирного времени.

Естественно, вспомогательно-резервной армии будет недостаточно для обеспечения обороны и безопасности страны. Поэтому в составе Вооруженных Сил СССР целесообразно специально выделить и оформить профессиональный компонент, который охватывал бы все технически насыщенные виды и рода войск. Эта относительно самостоятельная армия комплектовалась бы добровольно, на основе серьезного отбора и содержалась бы по штатам военного времени. Предназначение ее — боевое, прежде всего для отражения внезапной агрессии. Она могла бы более эффективно, чем регулярная массовая армия, предотвращать внутренние и внешние войны, существенно ограничивать военные действия. Профессиональная вооруженная борьба при современных системах военной техники и оружия будет менее кровавой, чем столкновения вооруженных наций. Профессиональная армия, где личный состав действует в хороших условиях, получает приличную заработную плату, неохотно ввязывается в длительные разрушительные войны. Для ограниченных вооруженных конфликтов она пригодна в качестве самостоятельной силы. Для широкомасштабной оборони-

¹ Правда, 20 ноября 1989 г.

тельской войны она нуждается во всенародной поддержке. Ее-то и обеспечивает резервная армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской обязанности.

Перевести всю армию на профессиональную основу — соблазнительная цель, да и общественность поддержит эту идею. В этом случае пришлось бы, идя по пути США и Великобритании, вводить ту же смешанную систему: регулярно-резервную с осуществлением службы по контракту в обеих частях. Этого не могут себе позволить даже западноевропейские союзники США, обладающие немалым экономическим потенциалом. Они предпочитают иметь полупрофессиональные армии: примерно половина военнослужащих идет в них по контракту, а половина на основе Закона о всеобщей воинской повинности при незначительном сроке службы (ФРГ — 15 месяцев, Франция — 12). Нам же в условиях перестройки, в период выхода из общественного кризиса американский вариант явно не по силам. Потребовалось бы существенное сокращение численности армии (регулярных сил — фактически до одного миллиона). Это ослабило бы нашу военную систему. Большие проблемы в этой связи могут возникнуть с кадровым составом старой военной организации, что также нежелательно.

Таким образом, старую военную систему можно реорганизовать. Разграничить функции, определить новые структуры, упразднить громоздкую систему управления и подготовить основу для создания смешанной военной системы, основные параметры которой были обозначены на предыдущих страницах. Важно при этом избежать механического соединения профессиональной армии и армии старого типа, что предлагает, например, В. Макаревский в статье «Профессия — солдат?»¹. Это только усложнит вооруженные силы, создаст дополнительные проблемы.

Первоначально профессиональный компонент Вооруженных Сил СССР целесообразно, очевидно, строить по модели японской профессиональной армии (высокая — до 60% — насыщенность командным составом). Это требуется для того, чтобы сокращение кадрового состава не происходило резко и неподготовленно. Вспомогательно-резервная армия пока будет, вероятно, экстерриториальной. Постепенно в ней усилятся территориальные компоненты, милиционные формирования. При этом следует учесть, что в процессе обновления федерации повышается стремление республик иметь как бы «свои» части, предназначенные для обеспечения суверенитета, территориальной целостности и общественного порядка в случае необходимости. Если это стремление и право не реализовать в более безопасной территориальной форме, то в республиках начнут создаваться национальные армии. А это уже будет опасно и для общества, и для армии. Время внедрения и форма территориальных частей будут определяться конкретной национально-политической обстановкой в стране. Они же явятся связующим звеном между профессиональной армией и самим обществом.

Территориально-милиционные части составят основу мобилиза-

¹ См.: *Новое время*, 1989, № 46.

ционного развертывания армии для защиты территории страны в оборонительной войне. В то же время в республиках они также станут оперативными силами поддержания внутреннего порядка. Это позволит оставить в административной милиции и войсках МВД только минимальную профессиональную часть. В этом случае масштабные акции по обеспечению внутренней безопасности можно будет проводить армейскими резервными частями, имеющими двойное подчинение. Вряд ли против своих молодых граждан будут допущены такие же акты насилия, как против военнослужащих в Армении, Нагорном Карабахе, Грузии, Фергане и других местах.

В конечном же итоге наша страна будет, очевидно, иметь полностью профессиональную армию. По мере снижения военной угрозы ее резервно-милиционный компонент станет формироваться только добровольно, а также постепенно расширяться. Однако на этот процесс окажет значительное влияние успех или неуспех перестройки, материализация концепции безъядерного мира, степень приспособления новых форм вооруженной организации к национальной специфике страны.

* * *

Безопасность армии в переходный период в значительной степени зависит от политического статуса армии, ее места в политической системе развивающегося общества. Когда общество переживает кризисы, обновляется, создает новые экономические и политические структуры, армия не может оставаться вне политики, т.е. выполнять только функцию защиты отечества от внешней военной угрозы. Она не может не влиять на политику и в то же время должна избегать прямого вмешательства в политическую жизнь общества, особенно на стороне крайних сил, ведущих политическую борьбу.

Армия и общество не станут безопаснее, если политические страсти в конфронтационной форме проникнут в армейскую систему и приведут к ее разложению. Авторитет и безопасность армии не повышаются оттого, что ее представители косвенно тормозят демонтаж административно-командной системы, не осуществляя радикальной военной реформы, или когда они, как в период застоя, безоговорочно поддерживают любой правительственный курс, даже если он приносит вред армии или обществу.

В трудные времена, переживаемые страной и армией, важно сохранить армию как стабилизирующую силу, которая не используется для разрешения противоречий между правительством и народом. Армию надо иметь сильную, дисциплинированную, демократически ориентированную, уверенную в себе и умеющую постоять за свое достоинство и честь, умело и сдержанно действующую в политической борьбе. Одно только наличие мощной организованной военной силы, без ее прямого использования, может сдерживать экстремистские силы от попыток захвата власти.

Старая инструментальная роль армии в политике партии и госу-

дарства не содействует повышению ее безопасности в современных условиях. Почему?

1. Нельзя стабилизировать общественно-политические процессы, опираясь на старую военную систему и пассивный личный состав. Ситуация меняется слишком быстро, а система давно уже лишилась способности к политическому творчеству, самостоятельности мышления, позволяющим без указания сверху с честью выходить из сложных положений. Армия в этом случае постоянно будет подставляться под огонь критики как консервативная сила.

2. На Западе армия активной роли в политике, как правило, не играет. Но там за все политические ошибки с участием армии отвечает правительство. У нас длительное время обществом и армией руководила партия, которая ответственности за свои действия перед народом до последнего времени не несла. Соответственно все моральные и материальные издержки ложились на армию. В обыденном сознании она оказывалась во всем виноватой. Если партия и дальше будет отставать от перестройки, демократических преобразований, то армия может оказаться в незавидной роли инструмента консервативной силы.

3. Негативное отношение к облику армии формировалось в связи с безгласным выполнением Министерством обороны СССР репрессивных функций против населения при помощи регулярных частей. В нашей истории такие случаи неоднократно происходили. Сейчас армия участвует в разрешении межнациональных конфликтов, в осуществлении чрезвычайного положения в некоторых местностях СССР. В ряде органов массовой информации эти акции преподносятся как антинародные. Появляются резкие оценки армии, призывы радикально реформировать ее в профессиональном направлении.

Пока ситуация в стране остается сложной и неопределенной, армия должна сама четко обозначать свою демократическую прогрессивную позицию по перестроечным вопросам. Иначе возникнет опасность: в случае резкого сбрасывания политической формы недовольство масс может быть обращено на армию, как это было в ГДР в конце 1989 г.

Демократизация предоставляет возможность поднять роль армии как субъекта политики, а также начать переход от жесткого партийного контроля к гражданско-парламентскому. Только в этом случае мы можем обеспечить выживание армии в ее новом виде. Относительно самостоятельная роль армии в политической жизни общества предполагает: а) превращение армии в элемент гражданского общества, способный самостоятельно выражать свои интересы и вырабатывать собственную позицию по перестройке общества и его военной сферы; б) четкое определение социальных и военных функций армии в переходный период, формы ее участия в политических процессах страны, а также их законодательное закрепление; в) заинтересованность армии

в самосовершенствовании, консолидации всех научных и практических сил, способных представить и воплотить в жизнь концепцию военной реформы; г) прогнозирование последствий принимаемых решений с использованием армии; д) переход от партийного контроля над армией к гражданскому и самоконтролю. Последнее — на основе понимания, что развитие ситуации ведет к многопартийности.

Нам сегодня нужна сильная, постоянно совершенствующаяся на основе военной реформы, имеющая свою гражданскую позицию и пользующаяся общественной поддержкой армия. Армия, которая умеет постоять за прогрессивные преобразования и за себя в сложной ситуации перестройки. Если мы и дальше основную энергию будем направлять на решение частных вопросов и взаимную полемику, то дело безопасности общества и армии только проиграет от этого.

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРМИИ: МИРОВОЙ ОПЫТ

Дискуссия по вопросам проведения военной реформы в СССР, поднимавшаяся в средствах массовой информации снизу и явно не поощрявшаяся руководством Министерства обороны, достигла стен парламента. Сначала на втором Съезде народных депутатов СССР был рассмотрен проект концепции такой реформы, подписанный двадцатью депутатами — военнослужащими в звании от старшего лейтенанта до полковника. Затем 4 января 1990 г. последовало создание при Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности временной комиссии подкомитета по Вооруженным Силам для подготовки проекта программы военной реформы. С начала февраля 1990 г. комиссия приступила к регулярным слушаниям экспертов.

В основу работы комиссии положен проект концепции военной реформы, представленный на втором Съезде народных депутатов двадцатью депутатами-военнослужащими. Главной идеей проекта является переход на кадровую, регулярную армию, комплектуемую на добровольной профессиональной основе с подготовкой резерва по территориальному принципу. Переход на профессиональную армию предлагается осуществить поэтапно, начиная со стратегических ракетно-ядерных и десантных сил и кончая сухопутными войсками и войсками ПВО. С целью подготовки резервов для такой армии намечается использовать формы территориально-милиционной системы, развернутой на базе учебных подразделений ДОСААФ.

Нетрудно заметить, что представленный проект военной реформы вступает в конфронтацию с прямо противоположной точкой зрения, которой придерживается высшее советское военное руководство. Вот как выглядит эта точка зрения в вопросе перевода Советской Армии на профессиональную добровольную основу.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Язов в интервью корреспонденту «Правительственного вестника» заявил: «Наша регулярная кадровая армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской обязанности (сужу по анализу учебной и боевой практики), не только не уступает армиям, формируемым на принципе добровольности, но по ряду параметров превосходит их... Целесообразно ли полностью переводить комплектование армии и флота на добровольную

основу? Ясно, что рассматривать и решать это надо с учетом конкретных социально-экономических условий в стране и военно-политической обстановки в мире, на основе тщательных и всесторонних научных проработок. Иной подход попросту неприемлем: ведь речь идет о святой святых — обороне страны. Так вот, если иметь в виду все эти факторы, в настоящее время и в ближайшей перспективе система комплектования Вооруженных Сил на принципе добровольности вряд ли приемлема. И прежде всего потому, что она неспособна удовлетворить тем требованиям, о которых вы упомянули: эффективности, надежности, экономичности. В Министерство обороны проведены соответствующие расчеты, которые убедительно подтвердили это»¹.

Какие же главные недостатки видят советские военачальники в добровольной профессиональной армии? Их можно насчитать уже несколько.

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил, генерал армии М. Моисеев видит главный недостаток профессиональной армии в непомерно высокой, по его мнению, стоимости ее содержания. По его оценке, такая армия обойдется нашей стране в 5—8 раз дороже ныне существующей.

Несколько отлична точка зрения Маршала Советского Союза С. Ахромеева, который главным недостатком профессиональной армии считает ее неспособность подготовить достаточное количество резервистов на случай войны. Он пишет: «Нужно учитывать, что армия мирного времени в любом государстве всегда в 2,5—3 раза меньше, чем в военное время. Значит, подготовленные резервы нужны нам немалые. А резервы на случай агрессии может готовить только армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской обязанности, где систематически меняется личный состав срочной службы. В наемной армии солдат, младший командир служит 10—15 лет без замены. Здесь подготовка военных специалистов в запас невозможна. Вот в чем главная причина, почему в СССР нельзя иметь наемную армию. Военно-политическая и геостратегическая обстановка не позволяет нам пойти по этому пути»².

Маршал С. Ахромеев считает, что переход США и Великобритании на профессиональную армию объясняется лишь исключительно благоприятным геостратегическим положением обеих стран, в связи с чем он рассматривает существование в этих двух странах профессиональных армий отклонением от общего правила мирового военного строительства. Таким общим правилом маршал считает формирование вооруженных сил на основе принципа всеобщей воинской обязанности. По его словам, «этот принцип принят во всех крупных не только социалистических, но и капиталистических государствах мира (в ФРГ, Франции, Италии, Испании, Турции и др.), кроме США и Великобритании. У них особое положение. США отделены от Европы и Азии океанами. Никакой военной опасности для них на границах нет.

¹ *Правительственный вестник*, № 6, февраль 1990 г., с. 9.

² *Огонек*, № 50, декабрь 1989 г., с. 7.

Великобритания находится в тылу блока НАТО, ее отделяет от Европы Ла-Манш. Они ясно понимают: внезапная агрессия с суши против них невозможна. Необходимые резервы на военное время они могут успеть подготовить под прикрытием своих союзников с началом войны»¹.

Другие военачальники видят главный недостаток идеи перехода на профессиональную армию в том, что такой переход, по их мнению, нанесет непоправимый морально-нравственный урон советским воинам. Маршал Д. Язов говорит: «Все ли можно мерить рублем? Ведь готовность служить в армии «по найму» ставится (хотим мы этого или нет) в прямую зависимость от размеров вознаграждения. Моральные стимулы вытесняются материальными, коллективистские связи — корпоративными, обесценивается непреложный закон войскового братства, которым испокон веку была сильна наша армия: «Сам погибай, а товарища выручай»»².

Еще прямее выражается генерал-лейтенант В. Серебрянников: «Прежде всего отметим, что переход на профессиональную армию, даже при сокращении ее численности, потребует резкого увеличения расходов на ее содержание... Но финансовые соображения — не самое главное. Наибольший урон мы понесем в морально-политическом плане: исчезнет равная ответственность граждан за дело защиты Родины и равное практическое участие их в этом деле, сужение связей армии с народом и т.д. Словом, с какой стороны ни посмотри, а плюсов у этой новации не заметишь»³.

Полное неприятие встречают у руководства Министерства обороны и подавляющей части генералитета и идея использования в советском военном строительстве принципа территориально-милиционного комплектования вооруженных сил, несмотря на то, что этот принцип уже использовался в СССР в 1924—1939 гг.

Территориально-милиционная система объявляется безнадежно архаичной и несовместимой с современной армией. Ссылаясь на то, что еще Ф. Энгельс подчеркивал превосходство регулярной армии над милиционной, генерал-лейтенант В. Серебрянников пишет: «Если милиция изжила себя в то давнее время, можно ли делать на нее ставку теперь... когда существенно изменились формы и способы ведения боевых действий? Переход на милиционную систему означал бы немедленную утрату военно-стратегического паритета. Мы резко ослабили бы себя, поставили в заведомо невыгодное положение, дали соблазн любителям военных авантюр. Ведь милиционным формированиям совершенно не под силу овладение и эффективное применение сложнейших современных видов оружия... Что даст, например, перевод на милиционную организацию современной мотострелковой дивизии? Да то лишь, что она практически перестанет существовать как боевая сила»⁴.

Для министра Д. Язова вопрос с переходом как на добровольный,

¹ *Огонек*, № 50, декабрь 1989 г., с. 7.

² *Правительственный вестник*, № 6, февраль 1990 г., с. 9.

³ *Красная звезда*, 12 февраля 1989 г.

⁴ Там же.

так и на территориально-милиционный принцип формирования армии абсолютно ясен. Он заявляет: «Убежден, призывы к немедленному отказу от всеобщей воинской обязанности, как и предложения перейти на милиционную систему или растащить армию по национальным квартирам, не учитывают сегодняшние реальные возможности страны, не отвечают потребностям ее обороны. Первый Съезд народных депутатов СССР однозначно высказался за то, чтобы наши Вооруженные Силы развивались в соответствии с действующими принципами их формирования. Думаю, это мудрое, государственное решение»¹.

Таким образом, позиции и высшего генералитета, и двадцати депутатов-офицеров сформулированы с предельной четкостью. Жесткая бескомпромиссность позиций той и другой стороны очевидна.

Думаю, в подобной ситуации самое время обратиться к зарубежному опыту военного строительства. Это тем более полезно, что в мире существуют и милиционные, и кадрово-призывные, и профессиональные добровольные армии. Начнем с последних.

Профессиональные армии

Вопреки мнению маршала С. Ахромеева, профессиональные армии представляют собой не столь уж редкое явление в современном мире. В настоящее время полностью профессиональные армии имеют свыше пятидесяти государств, включая такие достаточно крупные страны, как Япония, Индия, Пакистан, Канада, Австралия, Нигерия и Филиппины. И отнюдь не все они ограждены от потенциальных противников океанами или территорией союзников. Японию отделяет от Советского Союза полоска воды шириной в несколько десятков километров, а стабильно враждующие между собой Индия и Пакистан имеют несколько тысяч километров совместной сухопутной границы.

Наиболее мощной и многочисленной профессиональной армией располагают США. Комплектование вооруженных сил на добровольной основе — давняя американская традиция, берущая начало еще с конца XVIII в. Впервые обязательную военную службу США ввели в годы первой мировой войны, по завершении которой опять перешли к добровольному комплектованию армии.

Вторично закон о воинской повинности был принят в США в августе 1940 г., незадолго до их вступления во вторую мировую войну. И вновь, как и предыдущий, был отменен вскоре после окончания войны (в марте 1947 г.). Однако на этот раз ненадолго. Уже в июне 1948 г. США приняли новый закон о воинской повинности, предусматривавший двухлетний срок обязательной службы в регулярных войсках и пятилетний — в резерве. Закон этот просуществовал ровно 25 лет, вплоть до 1 июля 1973 г., когда США вновь вернулись к добровольному принципу комплектования вооруженных сил.

На добровольную действительную службу по существующему за-

¹ *Правительственный вестник*, № 6, февраль 1990 г., с. 9.

конодательству принимаются годные по состоянию здоровья и умственному развитию граждане США — мужчины и женщины в возрасте с 17 (женщины с 18) до 35 лет (в сухопутных войсках — с 17 до 34 лет, ВВС — 17—27 лет, ВМС — 17—35 лет, в корпусе морской пехоты — 17—28 лет). Лица в возрасте до 18 лет должны иметь письменное разрешение родителей или опекунов. Отбор кандидатов проводится круглый год в вербовочных пунктах, расположенных на территории всех штатов. Вербовка осуществляется специально подготовленными сержантами-вербовщиками.

Все кандидаты подвергаются тестированию с целью выявления их общеобразовательного уровня, наклонностей и способностей, возможности и целесообразности использования по избранной ими специальности. По результатам тестирования кандидаты распределяются по соответствующим военно-учетным специальностям.

Тестирование проводится по 100-балльной шкале, подразделяющей кандидатов на пять категорий в зависимости от уровня их умственного развития: 1-ю категорию (набравшие 93—100 баллов), 2-ю (65—92 балла), 3-ю (31—64 балла), 4-ю (10—30 баллов), 5-ю (0—9 баллов). Кандидаты 5-й категории на военную службу не принимаются.

Отобранные добровольцы подписывают контракт и принимают присягу. День подписания контракта и принятия присяги считается днем зачисления на военную службу.

Срок контракта — от трех (для женщин — двух) до шести лет. По истечении контракта (или даже до его завершения) срок его действия может быть продлен.

Как правило, добровольцам предоставляется право выбора воинской части и места службы.

После принятия присяги новобранцы направляются в учебные центры видов вооруженных сил для прохождения начальной подготовки и подготовки по специальности. Продолжительность начальной подготовки составляет: в сухопутных войсках и ВМС — семь недель, в ВВС — шесть недель, в корпусе морской пехоты — десять недель.

По завершении подготовки по специальности новобранцы переводятся в войска для прохождения дальнейшей службы.

Ежегодно в регулярные войска США призывается в среднем около 300 тыс. добровольцев (в 1989 финансовом году — 292,2 тыс., в том числе в сухопутные войска — 119,9 тыс., ВМС — 94,3 тыс., ВВС — 43,8 тыс., корпус морской пехоты — 34,3 тыс. чел.).

Резерв американских вооруженных сил, как и регулярные войска, комплектуется на добровольной основе. Все резервисты получают денежное содержание. Основанием для его выплаты служит контракт, заключаемый резервистом с министерством обороны.

Рядовой и сержантский состав резерва пополняется за счет военно-служащих регулярных войск, досрочно уволенных с действительной службы и обязанных по условиям контракта дослужить срок службы в резерве, бывших военнослужащих, изъявивших желание служить в резерве, а также лиц, ранее не проходивших воинскую службу и завербовавшихся по контракту. Резервисты без опыта военной службы

после подписания контракта направляются на сборы в один из учебных центров регулярных войск, где они наравне с новобранцами проходят курс начальной военной подготовки и обучения по специальности. По завершении такой подготовки резервисты привлекаются к боевой подготовке по месту жительства в составе подразделений и частей резерва, к которым они постоянно приписаны.

Офицерский состав резерва комплектуется из бывших кадровых офицеров, выпускников курсов общевоинской подготовки офицеров резерва при гражданских вузах, а также из выпускников офицерских школ, набирающих своих слушателей из резервистов рядового и сержантского состава.

Срок пребывания в резерве зависит от вида вооруженных сил. Так, резервисты сухопутных войск заключают первоначальный контракт до шести лет с последующим продлением (по желанию) каждые три года. В резерв сухопутных войск вербуются граждане США в возрасте до 59 лет, если они раньше проходили военную службу, и 35 лет, если они ее не проходили.

Каждый год для службы в резерве вооруженных сил США зачисляется свыше 200 тыс. человек (в 1989 году — 211,9 тыс., в том числе в резерв сухопутных войск — 146,5 тыс., ВВС — 30,2 тыс., ВМС — 23,7 тыс., корпуса морской пехоты — 12,0 тыс. чел.).

Надо отметить, что при соблюдении единства в главном — полностью добровольном характере службы — профессиональные армии различных стран могут значительно отличаться друг от друга по способам комплектования (территориальный, экстерриториальный), возрастным характеристикам личного состава, масштабам и степени интенсивности подготовки, пропорциям между регулярными и резервными компонентами вооруженных сил и т.д.

Пример содержания численно небольшой и молодой по возрастному составу армии с ограниченными резервами дает Япония. Там на службу в армию принимаются лица мужского и женского пола в возрасте от 18 до 25 лет. Срок службы по первичному контракту в сухопутных войсках два года, в ВВС и ВМС, а также для технических специальностей сухопутных войск — три года. По истечении первичного контракта срок его действия может продлеваться. В регулярные войска призывается ежегодно около 29 тыс. чел.

В отличие от США, практикующих призыв в резерв добровольцев, ранее не проходивших военную службу, Япония комплектует резерв своей армии только за счет лиц, прошедших службу в регулярных войсках. Служба в резерве оплачивается в виде ежемесячных денежных выплат резервисту. Из общего числа ежегодно увольняемых военно-служащих (примерно 20 тыс. чел.) в резерв зачисляются 8—9 тыс. чел., остальные военную переподготовку не проходят.

Минимальный срок службы в резерве — 3 года. Контракт по желанию резервиста может быть продлен. Предельный возраст для рядового состава — 37 лет, унтер-офицеров — 43, офицеров — 54 года.

Переподготовка резервистов осуществляется в период учебных сборов. Законом о «силах самообороны» предусматривается возмож-

ность проведения одного-двух сборов в год, при этом общая их продолжительность не должна превышать 20 суток. На практике в течение последних 15 лет сборы ограничивались пятью сутками в год. Резервисты, уволившись из вооруженных сил не более года назад, в течение первого года пребывания в резерве проходят однодневные сборы.

Общая численность резерва японских «сил самообороны» — менее 50 тыс. чел., в том числе в сухопутных войсках (резерв существует с 1954 г.) — 46 тыс. чел., ВМС (создан в 1970 г.) — 1,1 тыс. чел., ВВС (организован в 1986 г.) — 0,8 тыс. чел.

Таким образом, численность резерва японской армии не превышает 20% численности регулярных войск (247 тыс. в 1989 г.) при населении страны 124 млн. чел.

Рассмотрим теперь, как мировой опыт соотносится с основными доводами, выдвигаемыми советским военным руководством против добровольного принципа комплектования вооруженных сил. Прежде всего он не подтверждает оценок советских военачальников в отношении непомерно высокой, по их мнению, стоимости содержания таких армий по сравнению с армиями, построенными на основе воинской обязанности.

Не будем ссылаться на пример Японии, которая тратит на содержание своей компактной профессиональной армии меньшую долю национального дохода, чем какая-либо другая страна в мире. Возьмем для примера американскую армию, сопоставимую по численности с советской. Если в 1956 г., т.е. в период существования в США всеобщей воинской обязанности, доля расходов на личный состав (включая кадровых военнослужащих, резервистов, гражданских служащих министерства обороны и пенсионеров-военных достигала 52% американского военного бюджета, то в настоящее время (1990-й финансовый год) она равна 46,2% (135,1 млрд. из 292,1 млрд. долл.). Проведенные Пентагоном в последние годы расчеты показывают, что возвращение США к обязательному призыву на военную службу привело бы к увеличению ежегодных расходов на оборону на 2,5 млрд. долл.

Имеются и другие данные, показывающие, что перевод армии на профессиональную основу не связан с какими-то чрезмерными затратами даже при сохранении прежнего числа военнослужащих. Так, по подсчетам стокгольмского института СИПРИ, введение полностью добровольных профессиональных армий в странах Западной Европы при сохранении их нынешней численности привело бы к увеличению доли военных расходов в валовом национальном продукте этих стран в следующих размерах: ФРГ, Франции, Бельгии и Нидерландов — на 0,4%, Италии — 0,7, Турции — 1,4, Греции — на 1,7%. Увеличение, как видим, предвидится, но не в 5—8 раз.

Следующий довод (главный, по мнению маршала С. Ахромеева) — неспособность добровольной армии обеспечить необходимое количество обученных резервистов на случай войны, так как длительные сроки службы солдат и младших командиров в профессиональной армии (10—15 лет) исключают подготовку военных специалистов в запас.

Действительно, большинство государств с профессиональными ар-

миями не располагает большими резервными контингентами, а некоторые не имеют их совсем (Люксембург, Бирма). И все же аргументы маршала С. Ахромеева отнюдь не доказывают несовместимость профессиональной армии с подготовкой эффективных резервов и развертыванием в случае необходимости массовой, хорошо обученной армии. Для этого достаточно обратиться к опыту США.

Начнем с того, что средний срок службы (т.е. со всеми продлениями) рядового и сержантского состава американской армии составляет 6,2 года, а не 10—15 лет, и никто не мешает американскому правительству сократить его в случае нужды как путем уменьшения сроков найма по контракту, так и путем введения ограничений на его продление. Тем самым будет автоматически обеспечен (при прочих равных условиях) рост числа обученных резервистов.

Кроме того, сам по себе срок службы солдат-профессионалов не является абсолютным ограничителем численности подготовленных резервистов, ибо в США резерв комплектуется не только за счет бывших военнослужащих регулярной армии, но и путем вербовки добровольцев, не проходивших военной службы¹. При желании США всегда в состоянии расширить вербовку таких добровольцев, увеличив ассигнования на эти цели. Но даже в современных условиях, при наличии установленных конгрессом бюджетных ограничений на количество нанимаемых по контракту резервистов, американские резервы никак не назовешь малочисленными.

Официально численность резервов вооруженных сил США составляет 2,4 млн. чел., т.е. больше численности регулярных войск (2,1 млн. чел.), однако ввиду добровольного характера службы в организованном резерве фактическое число американцев, прошедших военную службу, намного больше, но дело даже не во внушительности американского резервного контингента, а в его высоком качестве.

При подготовке резервов американцы идут по своему, нетрадиционному пути. В основе их подхода лежит принятая в 1973 г. (одновременно с переходом на профессиональную армию) концепция «единных сил», предусматривающая формирование резервов в качестве равноправного с регулярными войсками и во многом организационно самостоятельного компонента общих вооруженных сил США.

Около половины всех резервистов приходится на так называемый организованный резерв, построенный по аналогии с регулярными войсками и полностью оснащенный современной боевой техникой, мало в чем уступающей технике регулярной армии. Общая численность организованного резерва устанавливается конгрессом США. Уровень его укомплектованности в мирное время достигает в среднем 90—95%. Около 15% всей численности приходится на постоянный состав, состоящий из командного и инструкторско-преподавательского состава, а также специалистов по материально-техническому обеспечению и обслуживанию техники.

О роли организованного резерва позволяет судить хотя бы тот

¹ Доля резервистов, прежде не служивших в армии, в настоящее время составляет около половины численности организованного резерва.

факт, что на его долю приходится 10 из 28 дивизий, имеющих в составе сухопутных войск США, 20 из 28 отдельных бригад сухопутных войск, одна из четырех дивизий морской пехоты, 42 из 117 эскадрилий тактической авиации и т.д. Его личный состав проходит интенсивную и систематическую подготовку. Так, программа подготовки резервистов сухопутных войск предусматривает ежегодное проведение 48 четырехчасовых занятий (как правило, по субботам или воскресеньям) в учебных центрах и летние трехнедельные лагерные сборы, на которых отрабатываются вопросы слаженности частей и подразделений в составе бригад и дивизий. Части и соединения организованного резерва принимают также участие в командно-штабных и войсковых учениях, проводимых совместно с регулярной армией. Привлекаются резервные формирования и к несению боевой службы и боевого дежурства. Так, почти вся противовоздушная оборона территории США обеспечивается организованным резервом. Из общего числа 13 эскадрилий истребителей-перехватчиков, предназначенных для обеспечения ПВО континентальной части США, 11 укомплектованы личным составом организованного резерва. О качестве подготовки американских резервов можно судить в какой-то мере по тому, что на протяжении последних лет пилоты-резервисты неизменно побеждают пилотов регулярных ВВС США в официальных турнирах по летному мастерству.

Высокой боеготовностью, конкретностью и продуманностью планируемого использования отличаются и остальные компоненты американских резервов. Примерно 450 тыс. человек входят в особый «индивидуальный боеготовый резерв», состоящий из бывших кадровых военнослужащих, недавно закончивших службу (каждый военнослужащий регулярных войск, подписавший контракт о поступлении на службу в регулярной армии, обязан сверх срока основного контракта отслужить еще два года в «индивидуальном боеготовом резерве»). Он предназначается для доукомплектования в случае необходимости формирований регулярной армии и организованного резерва и для восполнения потерь в ходе боевых действий.

Остальные 800 тыс. американских резервистов представляют собой военнослужащих запаса, получающих пенсию от министерства обороны и пригодных по состоянию здоровья для службы в армии. Примерно 200 тыс. из них (так называемые «резервисты с повесткой в кармане») предназначены для замены в случае мобилизации тех наиболее подготовленных военнослужащих учебных и обеспечивающих частей и подразделений на территории США, которые по планам мобилизационного развертывания намечаются для первоочередной переброски за океан.

Доказательством того, что подготовке резервов в США уделяется отнюдь не меньше внимания, чем в странах с кадрово-призывными армиями, может служить, в частности, сравнительный уровень расходов на содержание резервов. В США на эти цели затрачивается 6% всего военного бюджета. В то же время Франция с ее призывной армией тратит, например, на содержание резервов сухопутных войск менее 0,5% от всех расходов на содержание регулярных сухопутных

войск. По ВВС и ВМС соответствующая цифра еще ниже и не превышает 0,1%¹.

Следует подчеркнуть также, что, введя добровольно-контрактную систему комплектования как регулярной армии, так и резервов, США оставили открытой дверь для перехода в случае необходимости на принудительный способ комплектования вооруженных сил. С этой целью в США действует закон «О системе выборочной военной службы», в соответствии с которым министерство обороны проводит регистрацию всех американцев обоих полов, достигших 18 лет. Для обеспечения подготовки этого потенциального призывного контингента учебные центры армии США содержатся по штатам, превышающим потребности подготовки личного состава профессиональной армии мирного времени. Считается, что эти дополнительные «мощности» достаточны для выпуска первой партии в 200 тыс. подготовленных призывников уже спустя 90-120 суток после начала мобилизации.

Вообще же исторический опыт показывает, что развертывание массовой, хорошо обученной призывной армии на базе профессиональных вооруженных сил больших трудностей не представляет. Гитлеру после прихода к власти досталась армия численностью всего 115 тыс. чел. (100 тыс. в сухопутных войсках и 15 тыс. в ВМС), к тому же полностью лишенная по условиям Версальского договора танков, авиации и тяжелой артиллерии. Но это была целиком профессиональная армия, от рядового до генерала. И хотя воинская повинность была введена в Германии лишь 16 марта 1935 г., уже несколько лет спустя Германия имела первоклассную массовую армию.

Наконец, третий, «главный» довод против профессиональной армии — ее отрыв от народа. Тенденция к обособлению профессиональных армий от общества, бесспорно, существует, особенно в государствах с сильными традициями тоталитаризма. Но вряд ли наличие такой тенденции может рассматриваться в качестве решающего довода против профессиональной армии.

Во-первых, добровольное поступление на военную службу не обязательно мотивируется только стремлением будущего военнослужащего заработать себе на жизнь. Это еще и реализация почетного права гражданина-патриота на защиту своей страны.

Во-вторых, переход на добровольный способ комплектования может даже способствовать сближению армии и населения, особенно в тех случаях, когда в обществе сильны антиармейские настроения, а обязательная военная служба непопулярна у всей или части молодежи.

В-третьих, тенденция к обособлению профессиональной армии от народа может быть нейтрализована сознательными действиями как общества в целом, так и самого руководства вооруженных сил. Пример продуманной, целенаправленной политики на максимальное развитие контактов профессиональной армии с населением дает Япония.

Прежде всего японское военно-политическое руководство прилагает большие усилия по привлечению общественности к возможно бо-

¹ *Defense national*, May, 1989, p. 173.

лее широкому обсуждению военных проблем. С этой целью издается ежегодная «Белая книга» по вопросам обороны, предоставляющая гражданскому населению систематическую обобщенную информацию о состоянии вооруженных сил страны, а также содержится специальный разветвленный аппарат по связи с общественностью во всех основных звеньях вооруженных сил.

Особенно большое внимание уделяется поддержанию контактов военнослужащих с населением в местах дислокации армейских частей. Для этого используются не только такие общепринятые формы, как приглашение гражданского населения на различные юбилеи и праздники отдельных частей и гарнизонов. Командование большинства гарнизонов, в том числе и небольших, как правило, дважды в месяц устраивает «дни открытых дверей». Традиционными являются демонстрации различной военной техники, катание населения на танках и бронетранспортерах, приглашение посетителей для прогулок в море на боевых кораблях, для полетов в самолетах или вертолетах. Нередко местные жители приглашаются на маневры и учения «сил самообороны».

Для приобщения гражданского населения к армейской жизни желающим предлагается провести несколько суток в воинской части, где их переодевают в военную форму и дают возможность вести жизнь по распорядку дня военнослужащих. Для учащихся старших классов создаются военизированные лагеря, программа пребывания в которых предусматривает жизнь по военному образцу.

Увольнению военнослужащих из армии по истечении срока контракта придается максимально публичный характер. Родственники и знакомые увольняемых приглашаются на церемонию проводов из армии.

В Японии налажен учет контактов военнослужащих с населением. В среднем за год гарнизоны японской армии посещают почти 4 млн. человек, а около 20 млн. японцев (16% населения страны) имеют в той или иной форме непосредственные контакты с военнослужащими. Учитывая, что японская армия не превышает 250 тыс. человек, это означает 80 контактов в год на одного военнослужащего.

Милиционные и кадрово-милиционные армии

Прямой противоположностью чисто профессиональным армиям являются милиционные и кадрово-милиционные армии.

Для милиционных армий характерно отсутствие кадровых воинских формирований и практически полное замещение командных должностей офицерами, для которых военная служба не является основной профессией. В чистом виде милиционная армия существует только в одной стране — Швейцарии.

В этом государстве военнообязанным считается все мужское население в возрасте от 20 до 50 лет, пригодное по состоянию здоровья к несению военной службы. В армию призывается 91—92% мужского населения — больше, чем в какой-либо другой стране, кроме, возможно, Израиля. В Швейцарии отсутствует институт альтернативной

службы (общенациональные референдумы 1977 и 1984 гг. отклонили попытки введения такой службы). Это не значит, что в этой стране классической буржуазной демократии нет убежденных «отказников» от военной службы. Они есть, но их число невелико (около 500 в год) и каждый из них обязан по закону вплоть до достижения пятидесятилетнего возраста уплачивать ежегодно 3% от всех своих доходов. Кроме того, отказ от военной службы карается тюремным заключением от 3 суток до 3 лет.

Швейцария при населении 6,5 млн. человек способна отмобилизовать и разместить на оборонительных рубежах в течение 48 часов 650 тыс. вооруженных и обученных бойцов. Стрелковое оружие, боеприпасы и обмундирование резервисты хранят дома.

Кадровый состав швейцарской армии насчитывает всего около 3500 чел. К нему относятся только офицеры и унтер-офицеры инструкторского состава учебных центров. Что касается частей и соединений швейцарской армии, то кадровыми военнослужащими являются только командиры дивизий и выше.

В стране существует допризывная физическая и стрелковая подготовка. Физическая подготовка молодежи проводится в школах под руководством и по плану военного министерства, стрелковая подготовка (с 16 до 19 лет) — добровольными стрелковыми союзами.

Основная военная подготовка призывников осуществляется в школах для новобранцев (так называемые рекрутские школы) и путем повторных войсковых сборов.

После прохождения в возрасте 20 лет рекрутской школы продолжительностью 119 суток военнообязанные зачисляются в резерв первой очереди (аусцуг). В его составе они находятся до достижения ими 32 лет. За этот период они проходят 8 сборов боевой подготовки в составе частей и подразделений, развертываемых в учебных целях по штатам военного времени. Продолжительность каждого сбора — 20 суток, т.е. всего 160 суток.

В возрасте 43—50 лет военнообязанный состоит в резерве третьей очереди (ландштурме). В течение этого периода его боевая подготовка ограничивается двумя сборами (13 суток).

Таким образом, рядовой состав призывается на военную службу общей продолжительностью 330 суток. Унтер-офицеры служат 511 суток, офицеры — 906 суток.

Ежегодно призывается примерно 36 тыс. новобранцев (два раза в год по 18 тыс.), а подготовку на военных сборах проходят 438,5 тыс. призывников.

Помимо регулярных учебных сборов, каждый военнообязанный швейцарец обязан регулярно проходить внестроевую стрелковую подготовку (до достижения 42 лет). В те годы, когда не проходят сборы, он обязан представлять на инспекцию хранящееся у него оружие и амуницию. В случае выезда за границу на продолжительный срок он обязан подать рапорт своему территориальному руководству и сдать личное оружие и другое снаряжение на централизованное хранение.

Несмотря на то что в чистом виде милиционная армия существует

только в Швейцарии, принципы милиционной системы комплектования используются в строительстве вооруженных сил многих государств, а в целом ряде стран милиционные формирования являются прямым дополнением кадровых армий в рамках единой системы обороны государства.

Наиболее широко милиционные принципы комплектования используются в кадрово-милиционных армиях. Главной особенностью таких армий является содержание в мирное время небольших кадровых вооруженных сил с непродолжительными сроками обязательной военной службы в сочетании с поддержанием в высокой степени мобилизационной готовности многочисленных обученных резервов. Кроме того, в странах с кадрово-милиционными армиями, помимо регулярной армии и ее резервов, обычно создаются в качестве самостоятельного компонента вооруженных сил и чисто милиционные формирования, комплектуемые, как правило, на добровольной основе. Типичный пример кадрово-милиционной армии дает Дания.

Регулярные датские вооруженные силы невелики и составляют 31,6 тыс. человек (17 тыс. в сухопутных войсках, 7,7 тыс. — в ВМС и 6,9 тыс. — в ВВС), в том числе 9,2 тыс. призывников. Остальной контингент состоит из кадровых военнослужащих, в том числе из добровольцев рядового и унтер-офицерского состава, набираемых по контракту.

Призывной возраст — 19 лет. Набор добровольцев может производиться с 17 лет. Срок службы солдат-призывников дифференцирован и составляет от 9 до 12 месяцев (для бронетанковых и мотопехотных войск — 12 месяцев, артиллерии — 10, войск связи и инженерных войск — 9 месяцев). Унтер-офицеры — призывники служат 24 месяца (по отдельным специальностям — до 27 месяцев). Добровольцы заключают контракты на два года (при службе в боевых частях) и более (для военнослужащих в штабах, обеспечивающих и специальных подразделениях) с возможностью неоднократного продления.

Свойственная кадрово-милиционной армии решающая роль, отводимая обученным резервам, особенно четко прослеживается на примере датских сухопутных войск. В случае мобилизации их численность по сравнению с периодом мирного времени возрастает более чем вчетверо (с 17 тыс. до 72 тыс. чел.).

Основное предназначение регулярных войск — подготовка резервов и обеспечение мобилизационного развертывания. На долю боеготовых частей сухопутных войск мирного времени приходится лишь половина их общей численности (8,5 тыс. чел.) Еще 4,6 тыс. служат в органах управления, военно-учебных заведениях и войсках ООН, а оставшиеся 4 тыс. обеспечивают деятельность 19 учебно-мобилизационных полков (8 пехотных, 2 бронетанковых, 3 артиллерийских, 2 инженерных, 2 связи, 2 транспортных), представляющих собой учебные центры по подготовке и переподготовке военнослужащих различных специальностей для регулярных войск и резервов.

В учебно-мобилизационных полках проводится обучение только рядового состава. Подготовка младших командиров (унтер-офицеров) осуществляется в школах и учебных центрах родов войск. Обучением

офицеров занимаются офицерская школа в Копенгагене, школы офицеров резерва и заочная офицерская школа.

Переподготовка резервистов, как и начальная подготовка военнослужащих, организуется на базе учебно-мобилизационных полков. За время нахождения в резерве военнообязанные проходят несколько учебных сборов общей продолжительностью до 48 суток. Помимо сухопутных войск значительными резервами располагают также ВВС (12,8 тыс. резервистов против 6,9 тыс. военнослужащих регулярных ВВС) и ВМС (7,6 тыс. чел. в резерве, 7,7 тыс. в регулярных войсках).

Чисто милиционным компонентом датских вооруженных сил является «хемерн» — вооруженная добровольная организация, построенная по территориальному принципу. В нее зачисляются добровольцы от 16 до 50 лет. В основном это бывшие военнослужащие, выбывшие из резерва по возрасту или состоянию здоровья, а также лица, освобожденные по какой-либо причине от срочной военной службы. Командный состав «хемерна» комплектуется за счет офицеров-отставников датской армии, а также за счет выпускников собственной командной школы.

Организационно «хемерн» состоит из рот и отдельных взводов. В нем имеются подразделения самого различного состава — пехотные, противотанковые, инженерные, разведывательно-диверсионные, подразделения охраны военных объектов и т.д.

Личный состав «хемерна» обучается, как правило, в свободное от работы время. Однако в тех случаях, когда его бойцы привлекаются на учения и сборы с отрывом от трудовой деятельности, они получают денежную компенсацию за счет бюджета министерства обороны. Продолжительность обучения составляет от 24 до 100 часов в год, в зависимости от имеющейся военной подготовки.

«Хемерн» — организация массовая. Ее численность составляет 75 тыс. человек и более чем вдвое превышает численность регулярной армии. В соответствии со структурой всех вооруженных сил «хемерн» подразделяется на «хемерн» сухопутных войск, ВВС и ВМС. Их численность: сухопутных войск — 58,4 тыс., ВВС — 11,7 тыс., ВМС — 4,9 тыс. человек. Все эти компоненты входят в «хемерн» вооруженных сил, во главе которого стоит инспектор. В оперативном отношении подразделения «хемерна» находятся в подчинении командующих соответствующими военными округами. В случае войны на «хемерн» возлагается задача охраны военных объектов и важнейших гражданских учреждений, борьбы с десантами и разведывательно-диверсионными группами противника, ведения разведки и боевых действий в тылу вторгшегося на датскую территорию противника.

Личное оружие и боеприпасы бойцы «хемерна» хранят дома или на работе, а коллективное оружие — в местах сбора по тревоге. Подобный способ хранения вооружения позволяет развертывать подразделения «хемерна» по тревоге всего за несколько часов.

Таким образом, в случае мобилизации маленькая Дания (население — 5,1 млн. чел.) способна в сжатые сроки выставить, включая регулярные войска, резервы и «хемерн» в размере около 200 тыс. обученных и вооруженных бойцов.

Еще большее количество войск по отношению к собственному населению могут выставить другие страны, придерживающиеся кадрово-милиционной системы комплектования вооруженных сил. Так, Норвегия (население — 4,2 млн. чел.) при численности регулярной армии 34 тыс. способна в случае необходимости отмобилизовать в течение 24—72 часов армию в 400 тыс. чел. (в том числе 285 тыс. резервистов регулярной армии и 85 тыс. бойцов милиционной местной гвардии), не считая 60 тыс. резервистов второй очереди.

Швеция (население — 6,4 млн. чел., регулярная армия — 64,5 тыс. чел.) способна в течение 2-3 суток поставить под ружье 850 тыс. чел., включая 125 тыс. добровольцев территориальной гвардии. Последние способны занять отведенные им по мобилизационному плану позиции в течение одного часа с небольшим.

Следует отметить, что число стран с кадрово-милиционными армиями продолжает возрастать. В частности, в середине 70-х годов на кадрово-милиционную систему комплектования перешла Австрия. Не считают территориально-милиционный принцип устаревшим и страны с профессиональными армиями. Они успешно исползуют его для подготовки резервов. Наглядное свидетельство — национальная гвардия США, один из двух компонентов организованного резерва американских вооруженных сил (второй компонент — резервы сухопутных войск, ВМС, ВВС и корпуса морской пехоты). Ей присущи все атрибуты милиционной организации. Во-первых, национальные гвардейцы занимаются военной подготовкой в свободное от работы время; во-вторых, они занимаются военным делом по месту жительства; в-третьих, их вооружение хранится в районах проживания и обучения личного состава.

Национальная гвардия занимает необычное место в системе вооруженных сил США. С одной стороны, это войска штатов (ее формирования создаются во всех пятидесяти штатах), подчиненные губернаторам штатов и используемые ими для поддержания общественного порядка, ликвидации последствий стихийных бедствий и решения других задач. Непосредственное руководство национальной гвардией (набор добровольцев, планирование боевой подготовки, выдвижение по службе) осуществляют генерал-адъютанты штатов через подчиненные им штабы. С другой стороны, национальная гвардия — боевой резерв вооруженных сил США, объединяющий в своем составе значительную часть военной мощи сухопутных войск и ВВС США (военно-морских сил в составе национальной гвардии нет). В частности, в состав национальной гвардии входят 10 дивизий (2 бронетанковых, 2 механизированных, 6 пехотных), 20 отдельных бригад (5 бронетанковых, 6 механизированных, 9 пехотных), 50 отдельных дивизионов полевой артиллерии и другие. В соответствии с концепцией «единых сил» считается необходимым доведение боеспособности национальной гвардии до уровня регулярных войск в отношении укомплектованности личным составом, оснащения оружием и техникой, качества занятий по боевой подготовке.

Для координации вопросов боевой подготовки, материально-технического обеспечения и других между властями штатов и федераль-

ным правительством создан специальный орган — бюро национальной гвардии, начальник которого назначается президентом США с согласия конгресса не более чем на два срока (8 лет). Передача войск национальной гвардии в состав регулярной армии может происходить по указанию президента или конгресса только при объявлении в стране чрезвычайного положения и мобилизации.

О том, что Пентагон и американское руководство в целом не разделяют мнения советских военачальников об архаичности территориально-милиционной системы комплектования, свидетельствует хотя бы рост численности национальной гвардии в течение последних десяти лет на сто тысяч человек (с 462,9 тыс. в 1980 г. до 563,5 тыс. в 1990 г., в том числе в сухопутных войсках с 366,6 тыс. до 447,3 тыс. и в ВВС с 96,3 тыс. до 116,2 тыс. чел.) Похоже, что довольны этой системой и сами национальные гвардейцы. Во всяком случае, в последние годы по истечении срока службы в национальной гвардии в среднем 83,5% из них возобновляли контракты, а это почти вдвое выше, чем в регулярных войсках.

Не подтверждается и утверждение советских военных руководителей о том, что милиционная система и сложная современная боевая техника несовместимы. Пилоты национальной гвардии вполне успешно летают на тех же новейших истребителях «Ф-16» и «Ф-15», что и их коллеги в регулярных ВВС, а бронетанковые части национальной гвардии без особого труда освоили танки «Абрамс». Да и швейцарские солдаты-милиционеры доказали, что совсем необязательно проводить два-три года без отпуска в казарме, чтобы научиться водить новейшие танки «Леопард-2» (правительство Швейцарии закупило их 380 штук) или запускать точно такие же зенитные ракеты «Рапира», которые состоят на вооружении английской профессиональной армии.

Как видим, территориально-милиционный принцип комплектования пока что демонстрирует свою способность к выживанию, и при том не только в рамках профессиональных (принят он и в Великобритании, и в Канаде) или кадрово-милиционных армий. Прижился он и в кадрово-призывных вооруженных силах.

Кадрово-призывные армии

Эти армии занимают промежуточное положение между профессиональными и кадрово-милиционными. Их объединяющим признаком является использование принципа обязательной воинской обязанности со сравнительно продолжительными (более года) сроками службы призывников.

В отличие от профессиональных кадрово-призывные армии имеют больше подготовленных резервов и большую общую численность по отношению к числу жителей страны. По сравнению с кадрово-милиционными армиями они содержат в мирное время более многочисленные регулярные войска, но имеют меньше резервов. Как правило, подготовка их резервистов отличается от профессиональных и кадрово-милиционных армий меньшей интенсивностью и регулярностью.

Кадрово-призывные армии имеют более половины стран НАТО, в том числе ФРГ, Франция, Италия, Испания, Турция, а также многие другие страны мира, например Бразилия, Аргентина, Индонезия, Южная Корея, Сирия. Сроки обязательной службы в таких армиях — от 12 месяцев в Италии и Испании до 30–36 месяцев в Египте или Южной Корее и до трех–четырёх лет в Китае. Имеются заметные различия и в применении принципа обязательности военной службы — от всеобщей до выборочной и даже до службы, определяемой лотереей.

Типичной кадрово-призывной армией являются западногерманские вооруженные силы (бундесвер). В соответствии с законом о воинской повинности 1956 г. военнообязанными в мирное время являются все граждане ФРГ мужского пола в возрасте 18–45 лет (рядовой состав) и до 60 лет (офицеры и унтер-офицеры), а в военное время все лица мужского пола в возрасте до 60 лет.

Все граждане ФРГ мужского пола в возрасте от 18 до 28 лет должны проходить срочную военную службу. Ее продолжительность — 15 месяцев. Призыв осуществляется ежеквартально. Ежегодно призывается около 180 тыс. чел., что составляет 45–50% от всего призывного контингента. Военнообязанные, отказывающиеся от несения военной службы, привлекаются к альтернативной службе продолжительностью 20 месяцев (в психиатрических больницах, клиниках, домах для престарелых и т.д.).

Больше половины (55%) общей численности регулярной армии (495 тыс. чел.) комплектуется на добровольной основе. Все добровольцы делятся на две категории — военнослужащие по контракту (контракты заключаются на срок от 2 до 15 лет) и кадровые (служащие до установленного законом предельного возраста). По истечении срока контракта подписавшие его военнослужащие получают выходное пособие. Кадровые военные по достижении установленного возраста приобретают право на пенсию.

Военнослужащими по контракту могут быть и рядовые, и унтер-офицеры, и офицеры. Отбор производится как из допризывников, решивших подписать контракт о добровольной службе в бундесвере вместо отбывания воинской повинности, так и из военнослужащих срочной службы. Кадровый состав бундесвера состоит по принятой в ФРГ классификации только из офицеров и унтер-офицеров от фельдфебеля и выше.

Военнообязанные, отслужившие действительную службу, зачисляются в резерв. Все резервисты делятся на несколько категорий готовности, в соответствии с которыми они могут быть вновь призваны в вооруженные силы.

Все завершившие срочную службу или службу по контракту зачисляются в резерв постоянной готовности, в котором они остаются приписанными к своим частям в течение 12 месяцев после демобилизации. В течение этого времени они могут быть призваны на службу из запаса приказом министра обороны, т.е. без объявления в стране мобилизации.

По истечении указанного срока резервисты переводятся в состав

резерва первой очереди, предназначенного для доукомплектования бундесвера до штатов военного времени. Для этой цели планируется призвать 762 тыс. резервистов, в том числе 40 тыс. офицеров, 196 тыс. унтер-офицеров и 526 тыс. рядовых.

Остальные резервисты зачисляются в резерв второй очереди и так называемый общий резерв. Эти две последние категории резерва предназначены для восполнения возможных потерь войск в ходе боевых действий и для возможного формирования дополнительных частей и соединений бундесвера.

Обучение резервистов осуществляется путем проведения учебных сборов, в ходе мобилизационных учений, а также во время мобилизационных сборов по тревоге. Продолжительность сборов — 2-4 недели, мобилизационных учений — до 12 суток, мобилизационных сборов по тревоге — до 3 суток.

Знакомство с кадрово-призывными армиями показывает, что они имеют немало общего как с профессиональными, так и с кадрово-милиционными армиями. С профессиональными их сближает большая насыщенность военнослужащими-профессионалами. Так, в вооруженных силах Италии доля профессионалов составляет 30%, Франции — 44, Нидерландов — 52, ФРГ и Бразилии — 55%. Еще выше уровень профессионализации ВВС и ВМС стран с кадрово-призывными армиями. Например, ВВС и ВМС Италии укомплектованы профессионалами соответственно на 60 и 47%, Франции — на 62 и 70, ФРГ — на 65 и 73, Нидерландов — на 74 и 92, Бразилии — на 100 и 96%. При этом основная часть профессиональных военнослужащих этих стран — солдаты и сержанты.

Высок уровень профессионализации и вооруженных сил Китая, сочетающих длительный срок призывной (по выборочному принципу) службы в кадровой армии с многочисленными резервными милиционными формированиями. При общей численности китайской армии в 3 млн. человек лишь 44% этого числа составляют военнослужащие-призывники. Весь остальной личный состав (в основном технические специалисты) набирается на добровольной основе на срок от 8 до 12 лет.

Сближают кадрово-призывные армии с профессиональными и сравнительно высокие денежные выплаты военнослужащим-призывникам в период прохождения ими срочной службы. Так, западногерманские призывники получают 11,5 марок в день (для рядового состава), выплаты к рождественским праздникам (до 500 марок), денежную компенсацию в период отпусков взамен продовольственного пайка, а также денежное пособие при увольнении в запас — до 2500 (для женатых до 2800) марок.

Еще выше денежное довольствие голландской армии, в которой рядовым солдатам срочной службы установлено денежное содержание в размере 60% от оклада солдат-профессионалов.

С милиционными и кадрово-милиционными армиями кадрово-призывные вооруженные силы сближают обязательный характер призыва на военную службу и широкое использование территориального принципа комплектования.

Территориальный принцип комплектования

Ни один из принципов комплектования Вооруженных Сил СССР не отстаивается советским военным руководством столь бескомпромиссно, как принцип экстерриториальности, предполагающий отказ военнотружущему в праве служить в том административно-территориальном районе страны (области, республике), где он проживал до призыва в армию. «И воинская обязанность, и экстерриториальный принцип комплектования — это не прихоть командно-бюрократического аппарата, а объективная необходимость», — говорил на Втором Съезде народных депутатов СССР генерал армии М. Моисеев. Всякие же попытки отступления от этого принципа и перехода к противоположному, территориальному принципу комплектования генерал охарактеризовал как «абсурдные с военной точки зрения»¹.

Между тем подобным абсурдным с точки зрения начальника советского Генштаба делом занимается в той или иной форме большинство государств мира. Рассмотрим этот принцип на примере Швейцарии, Дании, ФРГ и США, представляющих все основные типы современных армий с точки зрения принципов их комплектования.

Что касается Швейцарии с ее милиционной армией, то здесь территориальный принцип господствует безраздельно. Все военнообязанные без исключения проходят военную службу на территории своих кантонов. Более того, при формировании частей и подразделений помимо места жительства призывника учитывается и его языковая принадлежность (в Швейцарии четыре государственных языка), а все обучение в армии ведется, как правило, на языке военнообязанного.

Территориальный принцип является преобладающим и в датских вооруженных силах. Помимо «хемверна», построенного целиком на территориально-милиционной основе, в датской армии имеется другой полностью территориальный компонент — войска местной обороны, входящие в состав регулярных сухопутных войск. Эти войска сведены в подразделения батальонного масштаба (пехотные батальоны, артиллерийские дивизионы и другие) и комплектуются исключительно из военнообязанных тех военных округов, где они дислоцируются. При проведении мобилизации их развертывание за счет резервистов планируется осуществлять в течение одних-двух суток. Датское военное руководство считает, что благодаря сжатым срокам отмобилизования и хорошим знаниям территории местные войска совместно с «хемверном» смогут сыграть важную роль в ходе войны.

Типичным для кадрово-призывных армий является применение территориального принципа комплектования в ФРГ. Здесь его использование осуществляется в двух основных формах.

Во-первых, руководство бундесвера стремится обеспечить максимальную приближенность места службы призывников к месту их жительства. Так, 70% солдат бундесвера служат на удалении менее 70 км от дома, а еще 12% — менее 200 км.

¹ Правда, 18 декабря 1989 г.

Во-вторых, часть бундесвера целиком построена по территориальному принципу. Это территориальные войска, образующие самостоятельный компонент сухопутных сил.

Организационная структура территориальных войск полностью соответствует административному делению страны и включает территориальные командования, военные округа, областные и районные штабы территориальной обороны. Всего в ФРГ имеется три территориальных командования («Шлезвиг-Гольштейн», «Север» и «Юг»), в составе которых имеется 6 военных округов, 29 областных и 80 районных штабов.

К боевым формированиям территориальных войск относятся бригады, полки и роты войск «хайматшц» ("защита родины"), а также отдельные взводы охраны объектов. На их вооружении состоят 700 танков, 600 орудий и минометов, 550 единиц противотанковых средств.

Территориальные войска ФРГ носят отчетливо выраженный милиционный характер. Это проявляется не только в их территориально-административном построении, но и в их укомплектованности. В мирное время в строю находится лишь незначительная часть (10%) от общей численности территориальных войск (60 тыс.). При мобилизации планируется увеличение их численности до 600 тыс.

На территориальные войска в случае войны возлагается обеспечение свободы действий объединенных вооруженных сил НАТО на территории Западной Германии, охрана государственных, военных и промышленных объектов, материально-техническое обеспечение войск союзников. Предусматривается также прямое участие территориальных войск в военных действиях как совместно с полевыми войсками ФРГ, так и самостоятельно.

Аналогичные по составу и предназначению территориально-милиционные войска имеются и во многих других странах с кадрово-призывными армиями. Так, Нидерланды планируют выставить в случае мобилизации 70 тыс. солдат территориальных войск, Бельгия — 80 тыс. и т.д.

Что касается стран с профессиональными армиями, то в них территориальный принцип комплектования безраздельно господствует в сфере подготовки резервов. В связи с внесенным на Втором Съезде народных депутатов СССР предложением двадцати депутатов-офицеров о переводе подготовки резервов будущей профессиональной армии СССР на территориальную основу опыт этих стран представляет особый интерес.

Рассмотрим пример подготовки организованного резерва сухопутных войск США. Весь его личный состав сведен в 6600 подразделений звена «взвод-рота» (3400 в национальной гвардии и 3200 в резерве сухопутных войск) в соответствии с местожительством резервистов. Размещены эти подразделения во всех американских штатах. Все они организационно входят в более крупные формирования (батальоны, полки, дивизии), также рассредоточенные по территории всей страны. Территория, на которой находятся подразделения того или иного фор-

мирования, может быть весьма обширной. Так, подразделения одного из пехотных батальонов в штате Оклахома разбросаны на площади в десять тысяч квадратных километров. Отдельные бригады и бронекавалерийские полки дислоцируются на территории одного штата, а дивизия может иметь свои части в нескольких штатах. Так, 35-я механизированная дивизия национальной гвардии размещена на территории пяти штатов.

Для всех резервистов определены пункты сбора личного состава и мобилизационные пункты.

Пункты сбора предназначены для сбора по тревоге личного состава подразделений до батальона включительно. Здесь же по субботам или воскресеньям проводятся еженедельные занятия с резервистами по боевой подготовке. В пунктах сбора личного состава находятся также штабы подразделений и хранится штатное стрелковое оружие резервистов.

На мобилизационных пунктах проводятся завершающие мероприятия по боевой подготовке, а также сбору по тревоге подразделений, частей и соединений. Здесь идет отработка слаженности резервных формирований, а также их подготовка к переброске на театры военных действий. На территории мобилизационных пунктов находятся тяжелое вооружение и техника резервных частей и соединений, которые выдаются личному составу в период мобилизационного развертывания или во время учений и маневров.

Применяется территориальный принцип комплектования и в регулярных профессиональных армиях. Например, в английской армии традиционно используется так называемый территориально-полковой метод комплектования, в соответствии с которым полки регулярной армии комплектуются с учетом регионального деления страны. Так что географические названия английских полков (Йоркширский, ланкаширский и т.д.) — не только дань традиции, но и прямое отражение территориального принципа их комплектования.

С 1981 г. начато внедрение аналогичной системы комплектования и в регулярные сухопутные войска США, носившие до этого практически полностью экстерриториальный характер (военнослужащий мог влиять на место своей службы только при заключении контракта по найму). Суть этой системы заключается в том, что военнослужащие из одного региона страны проходят весь период службы, начиная с учебного центра, в одном и том же подразделении (роте, батарее), входящем в состав соответствующего полка.

Перевод американцами значительной части своих вооруженных сил на территориальную систему комплектования объясняется не только влиянием английского примера, но и использованием опыта второй мировой войны. Изучая причины поразившей их стойкости немецких войск, оказывавших упорное сопротивление противнику даже в условиях полного превосходства последнего в танках и авиации, американцы пришли к выводу, что секрет этой стойкости заключается прежде всего в том, что немецкая армия была сверху донизу построена по территориальному принципу, придававшему ей повышенную, по

сравнению с экстерриториальной армией США, спайку, особенно в нижнем звене (взвод-рота-батальон).

О том, что американское военное руководство признает важность «локального патриотизма» в поддержании высокого морально-психологического настроения солдата, свидетельствует и тот факт, что американские военнослужащие голосуют во время выборов не в местах своего расквартирования, а там, где они были призваны на службу.

В стороне от мирового опыта

Помимо культа экстерриториальности, можно привести еще немало примеров, показывающих, что Советская Армия стоит вне магистральных путей развития мирового военного строительства. Однако ограничимся рассмотрением проблем комплектования вооруженных сил. Возьмем вопрос о профессионализации армии. Наше военное руководство утверждает, что советские Вооруженные Силы в значительной своей части профессиональны ввиду наличия у них многочисленного офицерского корпуса. Действительно, нетрудно подсчитать, что число офицеров в Советской Армии приближается к миллиону. Нельзя отрицать и того факта, что наши офицеры являются профессионалами. Но профессионализм этот крайне однобокий, а наличие большого числа офицеров в армии еще не доказательство высокого уровня ее профессионализации, ибо в наших Вооруженных Силах отсутствует стальной хребет любой современной армии — профессиональный младший командный состав, а попросту сержанты-профессионалы. Этот факт не перестает изумлять зарубежных военных специалистов. Вот что пишет один из них, Том Клэнси: «Советская Армия — это первая в современной истории армия, которая пытается жить без сержантов. Правда, у нее есть «сержанты», однако то, что они называют «сержантами», представляет собой обычных призывников, отобранных в сержантскую школу вскоре после призыва. Спустя несколько месяцев они возвращаются в свои части, но, как и все остальные призывники, демобилизуются по истечении двух лет службы. Вряд ли необходимо кому-либо доказывать, что за два года сержанта не подготовишь. На это требуется по крайней мере лет пять. Все армии, если они чего-либо стоят, держатся на сержантах. Это вам скажет любой профессиональный офицер. Так было во все времена, начиная с галльских походов легионов Цезаря. И несмотря на это, у Советского Союза сержантов в подлинном значении этого слова нет»¹.

О том, что количество офицеров в армии не обязательно адекватно степени ее профессионализма, свидетельствует и опыт Великой Отечественной войны. Так, к 22 июня 1941 г. в Красной Армии насчитывалось 680 тыс. офицеров, а в течение только первого месяца войны было призвано еще 650 тыс. В то же время во всем гитлеровском вермахте (а не только на советско-германском фронте) насчитывалось к 1 декабря

¹ *Policy Review*, Winter 1988, pp. 28—29.

1941 г. всего 148 тыс. офицеров, из которых лишь 23 тыс. являлись кадровыми, а остальные были призваны из запаса или подготовлены на краткосрочных курсах. Думаю, нет необходимости напоминать, на каких рубежах находился вермахт 1 декабря 1941 г. с его горсткой кадровых офицеров, но с многочисленным унтер-офицерским корпусом, прошедшим долгую и основательную школу подготовки в профессиональном рейхсвере.

Подведем итоги. Автор сознательно воздерживается от выдачи конкретных рекомендаций по использованию в нашей предстоящей военной реформе зарубежного опыта комплектования вооруженных сил. Ведь применение каждого из рассмотренных выше способов и принципов комплектования определялось в каждой стране сложившимися конкретными условиями развития государственных, политических и общественных структур, а также уровнями и формами возможных угроз национальной безопасности. Поэтому, на мой взгляд, принятие окончательного решения в пользу той или иной модели комплектования Вооруженных Сил СССР следует отложить до разработки четкого перспективного прогноза развития Советского Союза, прежде всего характера его государственного и общественного устройства. Нуждаются в переоценке и все традиционные компоненты безопасности нашего пока реально существующего унитарного государства. Принятию решения должна также предшествовать разработка конкретной, а не декларативной, как до сих пор, советской военной доктрины.

Значит ли это, что нам следует и впредь практически полностью игнорировать зарубежный опыт военного строительства? Разумеется, нет. Существуют такие его принципы и стороны, которые давно уже носят аксиоматичный характер, приняты во всех правовых государствах (независимо от существующих в этих государствах моделях комплектования армии) и не требуют проведения каких-то долгих прогнозных исследований и разработок доктринальных положений. Важнейшим из этих принципов является, на мой взгляд, принцип полного политического и гражданского контроля за деятельностью вооруженных сил, проявляющийся и во всеобъемлющем законодательном регулировании подобной деятельности, и в гласности и открытости всех данных по вооруженным силам (за исключением оговоренных парламентом), и, наконец, в осуществлении прямого гражданского руководства военными ведомствами. Убежден, что до тех пор, пока на все ключевые посты нашего Министерства обороны (за исключением связанных с непосредственным руководством войсками) не будут назначены гражданские лица с реальной должностной властью, делегированной им парламентом и высшими исполнительными органами, никакая серьезная военная реформа в СССР не состоится.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА И ЭКОНОМИКА

Революционные преобразования, происходящие в нашем обществе, не могли миновать Вооруженные Силы. Тем не менее лишь к концу пятого года перестройки впервые было официально заявлено в проекте Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, что «необходимо вести дело к военной реформе — на основе новой оборонительной доктрины и принципа разумной достаточности»¹. Естественно, что реформа должна охватить всю военную систему: военно-политическое руководство, структуру военного управления и собственно Вооруженные Силы.

Необходимость военной реформы обусловлена противоречием между тем состоянием военной системы, в котором она оказалась в конце 80-х годов, и требованиями к ней. Ситуация обострилась вследствие накопления признаков кризиса в экономике и других сферах деятельности. Основные причины такого обострения: избыточность численности Вооруженных Сил в контексте нового политического мышления, несовершенство военно-хозяйственного механизма и, пожалуй, главное — перепроизводство вооружения вследствие монополизации управления военно-технической политикой, отсутствия гласности при обсуждении программ создания образцов и систем оружия, недостаточного контроля за установлением цен на опытно-конструкторские разработки и серийное производство военной техники.

Вполне логично, что военная реформа должна сопровождаться коренными преобразованиями в военной экономике. Основной принцип военно-экономической реформы можно сформулировать следующим образом: обеспечить разумную оборонительную достаточность при минимальных затратах ресурсов.

Есть мнение, которое наиболее четко сформулировано в проекте концепции военной реформы семнадцати народных депутатов СССР², что главной идеей реформы является переход на регулярную профессиональную армию меньшей численности, комплектуемую на добровольной основе. Эта позиция отражает главным образом чисто военный аспект, характеризующий «качество» личного состава Вооруженных Сил, его способность выполнять боевые задачи в экстремальных

¹ *Правда*, 1990, 13 февраля.

² См: *Комсомольская правда*, 11 февраля 1990 г.

условиях с максимальной эффективностью. Военно-экономическая реформа не может ограничиваться только войсковой сферой деятельности. Она должна пронизать всю систему военно-экономических отношений.

Рассматривая стратегию создания и в последующем реализации программы военной реформы, следует основное внимание уделить оптимизации наиболее ресурсоемкого направления расходов на создание боевого потенциала Вооруженных Сил — разработки и производства вооружения и военной техники, — поглощающего в настоящее время более 60% бюджетных ассигнований на оборону.

На пути достижения существенного снижения расходов, непосредственно находящихся в сфере интересов промышленных министерств, целесообразно прежде всего упорядочить организационные структуры верхнего эшелона управления государством и процедуру принятия решений о производстве и разработке вооружений. Ведь только в Совете Министров СССР функционирует два органа — Государственная комиссия по военно-промышленным вопросам и отдел оборонных отраслей и административных органов Управления делами. Кроме того, в Госплане СССР есть соответствующий отдел. Все они занимаются координацией деятельности министерств, производящих военную продукцию. Не является ли это обстоятельство наряду с другими решающим в перепроизводстве вооружения? Оно не приводит к необходимости создания специализированных производственных мощностей для уничтожения оружия, переплавки большого количества бронетанковой техники и т.д. Можем ли мы быть уверенными, что ежегодные ассигнования только на серийные закупки, объем которых превышает 30 млрд. руб., не являются завышенными?

Изложенное свидетельствует о несовершенстве системы оперативного-стратегического и военно-экономического обоснования перспектив развития военной техники, а также процедуры экспертизы и утверждения военных программ и бюджета. Представляется не только целесообразным, но и необходимым законодательно установить порядок формирования потребности в ассигнованиях на разработку и производство вооружения — от прогнозирования и анализа военной угрозы до постатейного рассмотрения в Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности бюджета не только военного ведомства, но и оборонных министерств, а также всех иных ведомств, учреждений и организаций, принимающих участие в создании материальной базы Вооруженных Сил.

Есть ряд мер, которые можно и нужно осуществлять, не дожидаясь разработки комплексной программы военной-экономической реформы. Отметим лишь некоторые направления.

Огромная роль в оптимизации расходов на создание военной техники принадлежит механизму определения не только объемов производства, но и общественно необходимых цен на изделия, образцы и комплексы вооружения. В этом механизме к числу главных элементов относятся органы контроля за ценами на опытные разработки и серийное производство в лице военных представительств в конструкторских

бюро и на заводах оборонной промышленности. Ведь снижение стоимости работ, выполняемых промышленностью, только на 2% даст ежегодную экономию почти в миллиард рублей. Реальна ли такая экономия даже без снижения физических объемов работ? Вполне. Этому мешают по меньшей мере три обстоятельства.

Первое — общая запущенность теории и практики ценообразования в нашей стране, в том числе на военную продукцию. Затратный способ формирования цен при отсутствии рынка и конкуренции производителей, при диктате промышленности никак не создает стимула для снижения цен на научно-техническую продукцию и производство вооружения. Коренная реформа ценообразования на военную продукцию сулит многомиллиардную экономию.

Второе обстоятельство — зависимость представителей заказчика от руководства предприятий. Начнем с того, что коммунисты военного представительства стоят на партийном учете в парткоме завода; значительную часть материальных услуг, таких, например, как квартиры, военные представители получают от предприятия. Вот в этих условиях предлагается проявлять принципиальность в контроле над качеством продукции и при проверке калькуляционных материалов.

Третье обстоятельство — военные представительства и промышленные предприятия при контроле цен на военную продукцию поставлены в далеко не равные условия. На предприятии подготовкой материалов для установления цен занимается большой и квалифицированный коллектив службы главного экономиста. Кто же им противостоит со стороны заказчика и занимается проверкой огромного материала по всем статьям калькуляций для всей номенклатуры производимой продукции? В лучшем случае военпред — экономист, имеющий гражданское образование и проходящий службу в кадрах Вооруженных Сил. Но им может быть и просто инженер, факультативно выполняющий обязанности экономиста.

Даже в этих условиях работникам военных представительств удастся выявлять необоснованные завышения в проектах оптовых цен, что дает многомиллионный эффект, значительно превышающий расходы на их содержание.

Следовательно, важными мерами по оздоровлению экономики является создание условий полной независимости военных представителей, существенное повышение уровня военно-экономической подготовки представителей заказчика, а возможно, и увеличение их численности, поскольку содержание квалифицированных специалистов по ценообразованию весьма рентабельно.

Обратимся к сути военно-экономической реформы в Вооруженных Силах. Раньше уже отмечалось, что главным звеном военной реформы в этой сфере считается переход к формированию армии добровольцами, иначе говоря, к полной профессионализации армейских и флотских частей и соединений. Вокруг этого предложения разгорелись страсти, которые связаны в основном с получением ответа на вопрос: дороже или дешевле обойдется нам профессиональная армия и, если дороже, то насколько и за счет чего?

В печати идет оживленная дискуссия, в ходе которой даются оценки, имеющие, как правило, заданную направленность. Так, есть мнения¹, что затраты, связанные с профессионализацией армии, не превысят их нынешних размеров. По мнению других², расходы по статье «Содержание армии и флота» по сравнению с 1990 г. «возрастут примерно до 60 млрд. руб.», т.е. потребуются дополнительные ассигнования не менее чем в 40 млрд. руб.

Расхождения весьма существенные. Они объясняются различием в подходах к оценке размера эффекта, получаемого при полной профессионализации армии. Противники этого направления военной реформы определяют расходы, исходя из сохранения численности личного состава Вооруженных Сил, и, как правило, не раскрывают тех исходных предпосылок по размерам выплат денежного довольствия, которые приняты при расчетах. В результате получаются ошеломляющие цифры дополнительных расходов, не компенсируемых ничем, в том числе ростом уровня профессиональной подготовки личного состава. В этом случае десятки миллиардов рублей выглядят как бросовые, ничем не оправданные, а предложения о профессионализации и на этой основе о сокращении армии рассматриваются как рассчитанные на внешний эффект.

Представляется наиболее обоснованным и целесообразным при оценке военно-экономического эффекта от полной или частичной профессионализации Вооруженных Сил исходить из следующих предпосылок: во-первых, учитывать как позитивные, так и негативные последствия; во-вторых, рассматривать не один, а несколько вариантов; в-третьих, определять и прямые и косвенные затраты. Такой подход позволяет достаточно объективно рассмотреть этот важный экономический вопрос.

К позитивным последствиям профессионализации армии следует отнести: увеличение размера национального дохода вследствие сокращения численности Вооруженных Сил, уменьшение затрат на устранение поломок и аварий из-за недостаточной обученности личного состава, сокращение затрат на подготовку офицерских кадров и содержание учебных центров, выгоды от высвобождения значительных земельных площадей. Кроме того, многомиллиардный результат должно дать сокращение серийного производства вооружения и военной техники, замена гражданскими лицами военнослужащих.

К негативным последствиям относится увеличение денежного довольствия, расходов на вещевое и продовольственное обеспечение, затрат на строительство и содержание жилья для профессионалов. Кроме того, поскольку в силу кажущейся дешевизны рабочей силы в настоящее время, несмотря на запреты (частичные или полные), военнослужащие срочной службы интенсивно используются на строительстве хозяйственным способом, работах по оказанию помощи промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, строительным организа-

¹ См.: *Экономика и жизнь*, 1990, № 1.

² См.: *Правда*, 22 февраля 1990.

циям потребуется соответствующая компенсация, что в условиях хозяйственного расчета должно быть учтено в виде определенных сумм для оплаты выполняемых работ или найма рабочих.

Формируя варианты проведения военной реформы, следует рассмотреть возможность создания полностью или частично профессиональной армии. Так, при частичной профессионализации только сержанты переходят в новое качество, а солдаты остаются в существующем состоянии и при нынешней оплате их труда. Другой вариант или группа вариантов предполагает переход на профессиональную основу всего личного состава с соответствующей оплатой.

Варианты могут также предусматривать различные суммы выплат денежного довольствия различным категориям, а также разные нормы расходов на продовольственное, вещевое и квартирное довольствие.

Показатели прямого эффекта должны учитывать расходы, непосредственно связанные с личным составом Вооруженных Сил, включая, кроме упомянутого ранее, расходы на политико-просветительное, медицинское и транспортное обеспечение.

Основная составляющая экономического эффекта перехода к профессиональной армии зависит главным образом от численности личного состава Вооруженных Сил и размеров денежного довольствия. Результаты расчетов для ряда вариантов представлены в таблице.

Таблица

Варианты размеров денежного довольствия, руб. в год	Увеличение расходов по сравнению с 1990 г. для численности, тыс. человек					
	3877		2800		2500	
	K1	K2	K1	K2	K1	K2

Полупрофессиональная армия

1. Денежное довольствие (д.д.) офицеров, прапорщиков и рядовых — на уровне 1990 г., сержантов — по норме сверхсрочнослужащих	1,15	1,3	0,85	0,9	0,75	0,8
2. Д.д. сержантов — 300 руб. в месяц, прапорщиков — в 1,4, офицеров — в 2,3 раза выше	1,65	2,1	1,25	1,5	1,1	1,4
3. Д.д. сержантов — 400 руб. в месяц	2,1	2,8	1,55	2,0	1,35	1,8

Профессиональная армия

4. Как вариант 1, но д.д. солдат — 2000 руб. в год	1,55	1,9	1,15	1,4	1,0	1,2
5. Как вариант 2, но д.д. солдат — 85% д.д. сержантов	2,25	3,1	1,65	2,3	1,45	2,0
6. Как вариант 3, но д.д. солдат — 85% д.д. сержантов	2,85	4,2	2,15	3,0	1,85	2,7

Коэффициент K_1 характеризует, во сколько раз затраты на содержание личного состава по каждому варианту превышают затраты 1990 г. (10 млрд. руб.), коэффициент K_2 характеризует увеличение затрат только на денежное довольствие (5,8 млрд. руб.).

Анализ таблицы показывает:

1. При уменьшении численности личного состава и повышении окладов и денежного довольствия только сержантам до уровня нынешних сверхсрочнослужащих суммарные расходы снижаются на 15—25%, а собственно выплаты денежного довольствия — на 10—20%.

2. Наиболее дорогостоящий вариант — сохранение численности личного состава при одновременном увеличении денежного довольствия офицеров и прапорщиков более чем в 2 раза, а сержантов и солдат — почти на 1,5 порядка. Это приводит к удорожанию содержания личного состава в 2,8—2,9 раза, а выплат денежного довольствия — в 4,2 раза.

3. Есть еще один, «нейтральный» вариант: сохранение денежного довольствия офицеров и прапорщиков на уровне 1990 г., повышение уровня оплаты солдат и сержантов до уровня 2000—2300 руб. в год соответственно при одновременном сокращении армии до 2,5 млн. человек.

Ограничение оценки экономического эффекта только затратами на содержание личного состава будет ненаучным, а потому необъективным. Произведем оценку позитивных и негативных моментов для варианта 5 при численности 2,8 млн. человек, где суммарные расходы на содержание личного состава достигают 15,8—16,8 млрд. руб., превышая 1990 г. на 5,8—6,8 млрд. руб.

Сопутствующий данному варианту негативный эффект: строительство жилья. Полагая, что строительство квартиры обойдется в 15 тыс. руб., а женатых среди мужчин данного возраста — около 40%, длительность контрактной службы составит 5—6 лет, среднегодовые капитальные вложения составят около 2 млрд. руб.

Если полагать, что в настоящее время военнослужащих срочной службы 2 млн. человек, их отвлечение на хозяйственные работы составляет 15%, а замена потребует привлечения гражданских лиц с годовой оплатой 3 тыс. руб., то затраты на компенсацию отвлечения военнослужащих составят около 1 млрд. руб.

Таким образом, общий негативный эффект составит 9—10 млрд. руб.

Рассмотрим позитивный эффект. Если исходить из того, что за счет отвлечения в Вооруженные Силы каждого человека общество недополучает 4,8 тыс. руб. (по оценке проф. И. И. Юдина), то уменьшение численности с 3877 тыс. до 2800 тыс. человек даст эффект 5,2 млрд. руб.

Исходя из того, что обучение офицера в военном училище обходится в 40—50 тыс. руб., сокращение выпуска, например, на 15 тыс. человек позволит получить экономию 750 млн. руб. С учетом соответствующего сокращения затрат на обучение в военных академиях экономия может составить 1 млрд. руб.

Если считать, что при сокращении численности армии почти на 25% расходы на закупки вооружения удастся уменьшить хотя бы на 10—15% по сравнению с 1990 г., то суммарный позитивный эффект будет не ниже 9—11 млрд. руб.

Разумеется, такого рода подсчет является лишь ориентировочным. Переход на рельсы профессионализации — явление многоплановое, имеющее не только экономические, но и национальные, социальные, демографические и иные аспекты. Тем не менее объективный экономический анализ, пусть даже ориентировочный, дает возможность избежать грубых ошибок, выявить наиболее существенные факторы влияния на принимаемое решение.

Нельзя не упомянуть, что, кроме тех факторов, которые рассмотрены и существенно влияют на экономическую эффективность перехода к профессиональной армии, есть ряд других, требующих научных проработок. К ним относятся следующие.

Одной из существенных проблем является измерение боевого потенциала Вооруженных Сил с учетом качественного роста его личного состава. Эта проблема является первичной, поскольку ее решение позволяет научно обосновать требуемую численность личного состава Вооруженных Сил с учетом динамики угрозы государству. Решение может быть найдено путем моделирования боевых действий, реагирующего на уровень «человеческого материала», его профессиональную подготовку и моральное состояние. Другой способ — нахождение аналогий или корреляционных связей численности Вооруженных Сил по данным зарубежных государств.

Здесь примыкает слабо методически разработанная задача оценки воинского труда. Сама по себе проблема оценки любого труда разработана слабо, а воинского, с его спецификой и при почти полном отсутствии интереса у научных работников, находится лишь в стадии постановки. Отсюда — неясность с ответами на вопросы о размерах денежного довольствия военнослужащих, доплатах и надбавках за количество, качество, опасность воинского труда и пенсиях.

Другая военно-экономическая проблема военной реформы: что должна представлять собой учебная база профессиональной армии и какой будет система подготовки личного состава? Подготовка личного состава в учебных центрах может уступить место базам обучения, близким по составу и методам подготовки к военным училищам.

Упомянем такие серьезные проблемы, как конверсия военного производства, решение судьбы промышленного и строительного производства Вооруженных Сил, создание структурных звеньев для проведения работ, ныне выполняемых хозяйственным способом.

Наиболее важной проблемой военно-экономической реформы представляется коренная реконструкция системы экономических отношений в Вооруженных Силах. Даже при наличии каких-то элементов хозяйственного расчета в звеньях народного хозяйства мы вполне справедливо сетуем на отчуждение производителя от средств труда и его результата. В войсковом звене, обладающем многомиллиардными материальными ценностями, военнослужащие практически не имеют

никакого представления ни о стоимости вооружений, ни о том, во что обходится проведение различных мероприятий боевой учебы. Объясняется это прежде всего отсутствием стоимостного учета в войсках. В свою очередь «оседание» информации о затратах на создание вооружения в верхнем звене — в заказывающих управлениях — оправдывалось режимом секретности и дороговизной организации учета. И еще: господствовало и до сих пор бытует суждение: «А зачем всем знать стоимость оружия? Тем более, что за него уже заплачено». Это желание спрятать фактические данные о затратах на вооружение ничем не объяснимо, а вред от него очевиден. Все решения в области боевого применения войск, организации боевой подготовки, обслуживания военной техники принимаются без учета стоимостного фактора. При таком подходе к эффективности затрат на оборону, когда солдаты и командиры не чувствуют себя хозяевами огромных ценностей, мы будем топтаться на месте, попутно в буквальном смысле втаптывая в грязь миллионные ценности.

Результатом административной системы в экономике, особенно в войсковой сфере, является доминирование запретительных и регламентирующих форм деятельности, что порождает соответствующие документы. В них до сих пор можно встретить «глубокую» экономическую мысль, достойную старшины роты, о том, что причины расточительства кроются прежде всего в низкой исполнительской дисциплине многих должностных лиц. В новых условиях система военно-экономических отношений должна базироваться на коллективном и личном интересе в повышении эффективности использования ресурсов при активном применении методов военно-экономической оптимизации, стимулировании реального анализа различных путей и способов выполнения задач и выбора из них наиболее экономически целесообразного.

На пути таких преобразований декларациями не обойтись, необходимо продумать комплекс мер по экономической учебе всех без исключения военных кадров, разработать систему мер стимулирования реальной экономии ресурсов, провести реформу в области учета материальных ценностей, создать методики военно-экономического обоснования решений командиров и начальников, пересмотреть запреты и ограничения на использование экономической информации с последующим переходом к новым информационным технологиям и военно-экономической информатике.

Для разработки способов решения рассмотренных и других сопутствующих военной реформе экономических проблем нужны целевая экспертиза и создание комплексной программы осуществления военно-экономической реформы силами независимого коллектива ученых и практических работников под эгидой Верховного Совета. Для начала необходимо гласное обсуждение сущности, содержания проблем и путей реализации военно-экономической реформы.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Как и многие другие общественные институты, Вооруженные Силы СССР находятся в фокусе общенародного внимания, причем оценки их состояния даются в основном критические. Критике, и, безусловно, справедливой, подвергаются второстепенные (хотя и очень важные) стороны жизни и деятельности войск. В тени остается главная, определяющая позиция функционального предназначения советских Вооруженных Сил, а именно состояние их боевой и мобилизационной готовности, боеспособности, то есть способность обеспечить безопасность страны в условиях реальной расстановки сил на международной арене. Мы утверждаем, что сегодня в стране отсутствует система серьезного научного и гласного анализа проблем безопасности нашего общества, в том числе и военно-политической безопасности.

Внимательное изучение всей доступной нам открытой информации о военных приготовлениях НАТО в Европе за 1989 г. позволяет сделать следующий вывод. Советскую общественность убеждают в том, что мировой империализм переродился из дьявола в ангела и единственной угрозой делу мира остались плохо подготовленные, низкооплачиваемые, но все еще опасные советские армии. В то же время советским людям не дают ясного представления о главном: насколько вероятно угроза войны, об источниках военной опасности для СССР (их география, количественный и качественный состав, прогноз развития военно-политической обстановки). Кроме того, оказываются размытыми мировоззренческие, философские основы таких понятий, как «политика», «война», «вооруженное насилие». Обществом овладели иррациональные, трансцендентальные взгляды и идеи не только в области медицины, но и по вопросам войны и мира. В шумном «освобождении» от марксистских «шор», в «уничтожении догм» утрачивается реалистический взгляд на историю, на политику как концентрированное выражение экономики.

Раньше экономика была непосредственно связана с военной силой, принуждением. Эту взаимосвязь подробно проанализировали в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс. Объектами вооруженного соперничества как между народами, так и их отдельными частями в течение всей истории человечества выступали вещественные, материальные богатства: земля (территории), денежные и материальные средства, взима-

емые в виде либо одномоментных поставок (репараций), либо регулярных платежей (дань).

Иная обстановка сложилась в наше время. Новое мышление в военной области исходит из двух конкретных исторических обстоятельств.

Первое. Развитие вооруженных сил в мире достигло порогового значения, за которым дальнейшая гонка вооружений приводит к обратному результату, то есть снижению национальной безопасности и безопасности человечества в целом.

Второе. В результате научно-технического прогресса произошла смена приоритетов в оценке богатств, которыми располагают человеческие сообщества. Сегодня не территория, не население, не ресурсы олицетворяют и обеспечивают высокий жизненный уровень народа, а моральный, интеллектуальный и технологический потенциал. А эти ценности не могут завоевываться средствами прямого вооруженного насилия. Более того, даже малые, бедные ресурсами, но более развитые страны получили возможность, не прибегая к насилию, эксплуатировать население и ресурсы более отсталых стран.

Таким образом, в настоящее время вряд ли существует оправданный экономический интерес для развязывания войн. В то же время нельзя полностью сбрасывать со счетов идеологическое противоборство, исторически сложившиеся межнациональные противоречия, а также влияние блоковых интересов.

Отметим, что в последние годы появляются новые дестабилизирующие факторы, которые могут рассматриваться как потенциальная угроза для безопасности СССР. Таких факторов, на наш взгляд, пять.

1. Осуществление политической и экономической реформ позволит нашей стране преодолеть технологическое отставание и активно интегрироваться в мировую систему хозяйства. Это в свою очередь поставит в повестку дня реальное экономическое соперничество, конкурентную борьбу, появление нашей собственности и имущественных интересов во многих регионах земного шара. Парадокс заключается в том, что, чем более восприимчивыми будут наши экономика и политика к новым идеям и открытиям мировой цивилизации, тем все более станет снижаться порог гарантированной безопасности. Рискнем поддержать прогноз о том, что с достижением конвертируемости рубля наша экономика и общество станут объектами экономической и политической экспансии, сдержать которую только политическими и экономическими методами, без существенного военного могущества будет невозможно.

2. Другим важным дестабилизирующим фактором в мире является все более ужесточающаяся конфронтация между развитыми капиталистическими странами и странами «третьего мира». Многие специалисты замечают, что вектор военно-политической напряженности все более отклоняется в направлении Север—Юг. Непредсказуемый характер могут принять конфликты в Африке, Юго-Восточной Азии, Латинской и Центральной Америке. Эти регионы перенасыщены самыми современными системами оружия; при этом их политические, эконо-

мические и национальные структуры неразвиты, во многих странах находятся в процессе формирования, а правящие круги ряда государств не обладают необходимой политической ответственностью в проведении внутренней и внешней политики. «Третий мир» играет все более весомую роль в расстановке военно-политических сил и интересов. И поскольку этот процесс носит глобальный характер, то трудно предположить, чтобы нашей стране удалось остаться от него в стороне. Современные Вооруженные Силы могли бы стать важным стабилизирующим фактором в мире.

3. Серьезную обеспокоенность мировой общественности вызывают преступные наднациональные образования, обладающие огромными финансовыми, политическими и организационными возможностями для своей антигуманной деятельности. Наркобизнес, международный терроризм, морское пиратство имеют собственные вооруженные формирования, обнаруживают настойчивое стремление к расширению сфер своей деятельности, приобретению и использованию самого современного оружия, включая авиацию, флот, ракетные средства. Рост этой грозной преступной силы заставляет всерьез задуматься о надежном обеспечении не только международных коммуникаций, но и безопасности собственной страны.

4. Известные процессы, происходящие в странах Восточной Европы, нередко оживляют территориальные претензии, проблемы пересмотра границ, сложившихся в результате второй мировой войны в Европе. Эти явления позволили поднять голову реваншистским силам и в некоторых других странах.

Опыт истории учит, что в вопросах о спорных территориях наряду с политическими средствами важная роль принадлежит надежной обороне приграничных районов. С этой целью необходимо иметь, на наш взгляд, ограниченные по количеству, но полностью укомплектованные боеготовые соединения, развернутые в оборонительные приграничные группировки. Их состав и дислокация будут нуждаться в постоянном уточнении в зависимости от военной-политической обстановки в этих районах.

5. В последнее время усилилось внимание мировой общественности к экономическому освоению Мирового океана, полярных областей, космического пространства, то есть сфер, принадлежащих всему человечеству. По прогнозам ученых, в связи с оскудением минеральных и биологических ресурсов суши этот процесс будет стремительно нарастать. Уже сегодня вопреки широкообещательным декларациям развитые капиталистические государства начинают монополизировать хозяйственное освоение этого общечеловеческого достояния. Одновременно форсированными темпами идет наращивание соответствующего военного потенциала, обеспечивающего достижение этой цели.

Так, США рассматривают военное проникновение в космос, отказываются обсуждать вопрос о сокращении военно-морских флотов, создали силы быстрого реагирования. Во Франции, в Канаде и ФРГ активно идет строительство атомных подводных и надводных кораблей; Италия и Испания строят авианосный флот. Стремительно наращива-

ют свои ВМС Япония, Австралия, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Тайвань. Огромные средства вкладываются в оборудование океанских театров военных действий. Создается вторая (после Атлантической) Тихоокеанская линия противостояния СССР, формируется материальная база Арктического океанского ТВД. Поэтому без достаточных вооруженных сил в этих регионах мы окажемся в положении «случайного прохожего в сених». А как происходит передел уже поделенного мира, человечеству слишком хорошо известно.

Таким образом, в мировом общественно-политическом и экономическом процессе сталкиваются и диалектически взаимодействуют две основные тенденции.

Первая: разрядка международной напряженности, утверждение нового политического мышления, снижение уровней вооруженного противостояния государств с различным социальным строем. Эта тенденция дает шанс всему человечеству, предоставляет нашей стране возможность резко снизить уровень военных расходов, сократить Вооруженные Силы, провести конверсию военных отраслей промышленности.

Вторая: выход на мировую политическую арену новых общественно-экономических и военных сил, появление новых противоречий между ними, отдельными странами и межнациональными образованиями. Происходит перенесение военного противостояния в новые сферы и перевод в новое качество. И если некоторые из этих процессов уже заявили о себе кровавыми событиями, другие дают лишь первые ростки.

Мы считаем, что серьезная реалистическая, экономическая и военная политика должна учитывать все связи современного мира, отслеживать обе эти тенденции, динамику их взаимодействия в каждый конкретный момент и на этой основе вырабатывать и осуществлять политические решения, дающие надежную гарантию обеспечения безопасности нашего общества. Однако, анализируя сегодня решения, принимаемые по военным вопросам, можно сделать вывод, что сейчас в полной мере учитывается лишь первая тенденция. Предпринимаемое сегодня сокращение численности войск и вооружений, конверсия оборонных предприятий представляют собой простое арифметическое вычитание из боевого состава Вооруженных Сил СССР боеготовых и боеспособных структурных элементов (ракетных войск, ВВС, танковых дивизий, групп войск, снижение выпуска передовой военной техники. Громоздкие, забюрократизированные, отторгающие все новое, органы управления остались без изменений. Обещанное улучшение качественных параметров взамен снижения количества войск не обеспечивается ни улучшением оргштатной структуры, ни разработкой и поставкой новых надежных комплексов вооружения, средств разведки и управления, ни профессиональной подготовкой военных специалистов. В жизни войск наметился устойчивый процесс снижения качества и первого, и второго, и третьего.

Поэтому сегодня перед нами встала неотложная задача осуществления военной реформы как комплекса научно обоснованных, полити-

ческих, экономических, правовых и организационных мер по приведению наших Вооруженных Сил в качественно новое состояние, соответствующее реалиям внутреннего и международного положения СССР. В этой связи необходимо прежде всего разработать концепцию безопасности СССР.

Общеизвестно, что задачу обеспечения надежной обороны страны нельзя рассматривать изолированно от решения общих, основополагающих проблем в политике, экономике, науке, международных отношениях, образовании, здравоохранении, культуре и т.д. Но помимо этого, она — составная часть более узкой и специальной сферы жизни общества — общественной или национальной безопасности (термин «национальная» для многонационального государства не совсем удачен, поэтому нам ближе «общественная безопасность»). Нужно признать, что в мире накоплен достаточно убедительный опыт решения задач обеспечения общественной безопасности как постоянно действующего комплекса преодоления кризисных ситуаций. Однако в нашей стране пока ничего подобного нет и, насколько нам известно, не существует даже теоретических прикидок. Правда, недавно мы узнали из печати о создании Государственной комиссии Совета Министров по чрезвычайным ситуациям. Но ни в правовом, ни в методическом, ни в организационном отношении этот орган не конституирован.

Общественная безопасность понимается нами как система государственно-правовых и организационных институтов, обеспечивающих благоприятные условия для устойчивого, безопасного и эффективного функционирования и прогрессивного развития как общества в целом, так и всех его составных частей. В конкретной исторической ситуации это — всестороннее обеспечение мирного труда советского народа, осуществляющего революционные преобразования общества. Главной задачей такой системы является предотвращение кризисных ситуаций, а при их возникновении — преодоление с наименьшими потерями.

Система безопасности должна:

— обеспечить сбор и обобщение информации в области политики и экономики, в сферах социальной, военной, экологической (включая сейсмическую), национальных отношений и демографии, науки и трудовой производительности деятельности населения, финансовой, правоохранительной и др., а также прогнозирование ситуации на основе всестороннего анализа обстановки;

— обеспечить выдачу информации, выводов и вариантов конструктивных предложений правительству, отражающих объективное состояние конкретной ситуации в мире, в стране, в данном регионе;

— принять предупредительные меры, обеспечивающие стабильность развития общества, и локализовать развитие нежелательных тенденций;

— иметь возможность (то есть силы и средства) для немедленного оперативного вмешательства с целью устранения потенциальной или реальной опасности в любой сфере жизни общества;

— обеспечивать широкое информирование общества о состоянии

дел, прогнозах, принимаемых решениях и ходе их реализации, анализ последствий предпринимаемых шагов, гласный отчет перед народом должностных лиц, осуществляющих организацию и выполнение принятых решений.

Все элементы этой системы в том или ином виде существуют и сейчас, но они замыкаются на ведомства и ЦК КПСС, а не на государственную структуру; их взаимодействие не отлажено, поэтому каждая чрезвычайная ситуация в любой сфере жизни общества заставляет наше правительство, народ и страну врасплох, после чего начинается процесс длительной, неэффективной и дорогостоящей ее ликвидации. О примерах говорить больно и обидно — они у всех перед глазами.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразно создать конституционную структуру, обеспечивающую выполнение перечисленных функций. В систему национальной (общественной) безопасности могут войти: Верховный Совет, правительство страны, чрезвычайный орган — Совет Обороны во главе с президентом, министерства — обороны, иностранных дел, внутренних дел, Комитет государственной безопасности, комитеты и органы экологического и сейсмического контроля, партийные и др. Но при этом система безопасности должна иметь свои штатные органы, занимающиеся исключительно комплексом вопросов безопасности.

Мы считаем, что при Верховном Совете СССР должны быть сформированы:

- комитет общественной (национальной) безопасности;
- главное управление информации, обеспечивающее Верховный Совет СССР, его комитеты и рабочие группы объективной, всесторонней, независимой информацией, лишенной неизбежной ведомственной тенденциозности;
- центр стратегических исследований при Верховном Совете СССР на базе Академии наук СССР, а также комитеты, институты и центры изучения стратегических, перспективных проблем общественной безопасности, составления долгосрочных прогнозов. Эта система должна опираться на ведомственные и альтернативные источники информации, разрабатывать на конкурсной основе различные концептуальные и методологические проблемы международных отношений, внутреннего положения в СССР. Их научные рекомендации и экспертиза могли бы исключить принятие решений и проектов, содержащих в себе возможность крупных конфликтов и катастроф. Их задача — оперативная разработка планов и методик ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, обобщение и внедрение мирового опыта;
- постоянно действующий центр управления общественной безопасностью страны. Сюда должна стекаться и анализироваться полная информация из всех ведомств и источников разведки. Военная, политическая, научная, экономическая, дипломатическая, социальная, экологическая и другие сферы должны быть представлены в этом органе соответствующими дежурными силами и средствами. Этот работающий круглосуточно центр должен обрабатывать и представлять предельно объективную документированную информацию, ее анализ и

прогноз для принятия государственных решений. Выводы и предложения по предотвращению кризисов должны докладываться политическому руководству страны. С возникновением чрезвычайных, критических ситуаций центр берет управление дежурными силами и средствами на себя, а остальным арсеналом средств руководит правительство через соответствующие штабы и подразделения ряда министерств;

— дежурные или специальные силы и средства, предназначенные для краткосрочных действий по пресечению опасного развития событий. К ним относятся элементы глобального компонента Вооруженных Сил, войска гражданской обороны, Министерства внутренних дел, группы ликвидации последствий индустриальных катастроф, сводные отряды для оказания помощи в районах экологических бедствий. Все они должны быть обеспечены правовыми документами, научными методиками, материальными средствами (современным транспортом, независимыми каналами связи и управления и др.), а также располагать необходимой инфраструктурой (учебно-материальной базой для подготовки личного состава, жилыми городками, сетью материально-бытового и медицинского обеспечения). Опираясь на существующую организационную и материально-техническую базу, все элементы системы должны быть централизованы, иметь соответствующую республиканскую, территориальную структуру, им необходимо придать большую целеустремленность, организационное и правовое оформление.

Предложенная нами система национальной безопасности позволит высшему политическому руководству страны при принятии ответственных военно-политических решений опираться на более полную, научно обоснованную и объективную картину событий, иметь мандат доверия народа и в короткие сроки путем ввода в действие мощных сил и средств активно влиять на развитие событий в благоприятном для страны направлении.

Из нашего предложения вытекает также необходимость включения в Конституцию СССР главы «Организация общественной безопасности СССР». Конкретные вопросы функционирования Совета Обороны и в целом системы общественной безопасности могут быть изложены в пакете специальных законов — об общественной безопасности, о Совете Обороны, об обороне, о воинской обязанности в мирное и военное время (при чрезвычайных обстоятельствах), о порядке прохождения службы в Вооруженных Силах и др.

Теперь о еще одном аспекте военной реформы. Суть предлагаемой концепции заключается в изменении структуры Вооруженных Сил СССР и приведении их в состояние, обеспечивающее укрепление безопасности страны.

В интересах надежного обеспечения безопасности Вооруженные Силы должны включать несколько структурных компонентов.

Первый компонент — силы, средства и группировки, несущие боевое дежурство и отвечающие за немедленный отпор агрессору, а также оперативно реагирующие на резкие изменения военно-политической обстановки. Они могут включать в свой состав ракетные войска

стратегического назначения, океанский военно-морской флот, войска противокосмической обороны, стратегическую авиацию, войска ПВО страны. Кроме того, в этот компонент должны входить силы немедленных действий, то есть боеготовые, мобильные соединения (типа десантно-штурмовых, десантных дивизий морской пехоты), обладающие способностью быстро перебрасываться в любую часть континента, земного шара и эффективно решать вопросы защиты наших государственных интересов и обеспечивать выполнение других задач, которые могут быть поставлены перед ними высшим военно-политическим руководством страны или Организацией Объединенных Наций. Эти специально созданные соединения должны быть абсолютно автономны, мобильны, прекрасно обучены и укомплектованы всем необходимым для немедленных действий. Им следует иметь собственную систему средств доставки, в том числе морским и воздушным путем, к району действий, автономную систему материального, технического и боевого обеспечения. Для руководства этими силами необходимо создать соответствующее командование.

Второй компонент — штабы, боевые соединения и части, подразделения и части, подразделения боевого, технического и тылового обеспечения, которые содержатся в мирное время в боевом составе. Эти группировки, предназначенные для немедленного выполнения задач по планам первых оборонительных операций, создадут возможности для разрешения конфликтов политическими средствами. На наш взгляд, их состав в каждой армии приграничного округа может быть различным в зависимости от местных условий и может включать по одной дивизии или корпусу бригадного состава с необходимым набором частей и подразделений, обеспечивающих его управление, жизнь, быт и действия. В эти группировки должны войти также контингенты Вооруженных Сил СССР, временно находящиеся на территории союзных стран, а также часть авиации и флота.

Третий компонент — территориальные войска гражданской обороны, учебные центры, соединения и части, объединяемые на базе прежних военных округов, а также военные комиссариаты всех уровней. На войска этого компонента возлагается проведение мероприятий по обеспечению общественной безопасности, ликвидация последствий стихийных бедствий, подготовка театра военных действий путем совершенствования его инфраструктуры, обучение резервов.

Вопросы формирования, дислокации, назначения высших военных руководителей, материально-технического обеспечения должны согласовываться с правительствами союзных республик. С учетом сказанного система военного управления предлагаемой структуры Вооруженных Сил СССР может иметь следующий вид.

Управление и командование войсками и силами первого компонента осуществляется центром — министром обороны, соответствующими командованиями. Войсками и силами второго компонента руководит Главное командование на театрах военных действий. Они же несут полную ответственность за обеспечение и ход боевой подготовки, всестороннее материально-техническое обеспечение подчиненных

войск. При этом промежуточная командная инстанция — управление военных округов (фронтов) — ликвидируется, переходя в новое качество, с другими функциями. Войсками третьего компонента управляет командование подготовки резервов, созданное на базе существующего Главного командования сухопутных войск, которому подчиняются территориальные военные округа в границах союзных республик и крупных экономических районов РСФСР.

На наш взгляд, принципиально новым моментом станет способность войск первого и второго компонентов вести успешные боевые действия по отражению внешней агрессии составом мирного времени с незначительными мобилизационными элементами. В то же время охрана мест заключения, промышленных зон, особо важных объектов будет осуществляться специальными военизированными формированиями, комплектуемыми по найму за счет бюджета, и решением республик, территориальных властей и руководителей промышленных зон.

Вооруженные Силы СССР являются одним из важнейших элементов Советского государства, а значит, и системы общественной безопасности страны. Поэтому нам представляется необходимым более подробно остановиться на принципиальных основах их строительства.

Мы считаем, что советская военная наука в силу своей идеологичности и закрытости недостаточно полно и точно отражает реалии современного мира. Потенциальные источники военной опасности серьезно не исследуются. Военная доктрина медленно наполняется конкретным, принципиально новым содержанием и представляет собой пока что только набор благих пожеланий. Взгляды на начало и возможный ход современных войн, содержащиеся в официальных доктринальных документах, опираются на опыт второй мировой войны и лишь до известной степени его модернизируют. В науке до сих пор фигурируют такие понятия и категории, как массовая мобилизация, перегруппировка многомиллионных войск к линии соприкосновения сторон и т.д. Модель событий совсем еще недавно предполагала, что многомиллионные отмобилизованные армии должны будут в течение всей войны двигать эту линию через территорию противника до победы, а потом удерживать захваченную территорию, осуществляя, видимо, в той или иной форме оккупационный режим.

Однако современные средства ведения вооруженной борьбы, и прежде всего ракетно-космические, океанские ВМС, стратегические ВВС, ВДВ, аэромобильные компоненты сухопутных войск, высокоточное оружие, диктуют иной вариант. Эти средства способны (мы ведем речь в данном случае об абстрактных возможностях) нанесением мощных ударов с разных направлений на всю глубину территории государства или коалиции причинить противнику неприемлемый политический, экономический и военный ущерб, сломить волю народа и армии к сопротивлению и в короткие сроки решить политические цели войны, не прибегая к использованию массовых армий.

Как известно, сейчас наша оборонительная военная доктрина не предусматривает захвата чужих территорий. В таком случае возника-

ет естественный вопрос: куда и зачем двигать нам отобюрокразированные многомиллионные армии?

Если дать честный ответ, то существующая сегодня всеобъемлющая громоздкая и дорогостоящая мобилизационная система теряет цель и смысл своего существования. Тем более, что ее наличие подрывает доверие мировой общественности к искренности нашей оборонительной доктрины.

Немаловажен и такой аспект проблемы. Преувеличение роли и значения мобилизационного фактора уже сегодня привело боевые соединения и части сухопутных войск в самое жалкое состояние. Лишенные основной части личного состава, они попросту задыхаются в клубке бытовых проблем, не способны к организации боевой подготовки, нормальной жизнедеятельности. Эта урезанная, нежизненная структура служит одной из основных причин падения престижа и авторитета военной службы в глазах народа, разочарования многих офицеров в службе, нездоровой морально-нравственной обстановки в воинских коллективах. А при возникновении чрезвычайных ситуаций начинаются длительные и мучительные процессы призыва и ускоренной подготовки контингентов из запаса (что встречает резкий протест общественности) либо перемещения того скудного по численности кадрового личного состава, который чаще всего несет караульную службу.

Выход из сложившейся ситуации мы видим прежде всего в новой системе комплектования Вооруженных Сил СССР. Их необходимо рассматривать как кадровую, профессиональную армию, комплектуемую по найму в добровольном порядке, а также на основе всеобщей воинской обязанности. Для первого и второго компонентов сохраняется принцип экстерриториальности.

На наш взгляд, было бы целесообразно, чтобы весь офицерский корпус, прапорщики, сержанты, основные специалисты, служащие всех компонентов поступали на службу только в добровольном порядке по конкурсу на основе контракта с четко оговоренными условиями и взаимными обязательствами. При этом рядовой состав первого и второго компонентов может комплектоваться также по найму или быть призван для несения срочной службы на 18 месяцев (из них 3 месяца — обязательный курс общей подготовки солдата в специальных центрах, 15 месяцев — служба в части с обязательным 14-дневным отпуском). Оплата службы призываемого контингента должна осуществляться в размерах, соизмеримых с зарплатой служащих по найму с учетом уровня личной подготовки.

В целом система комплектования Вооруженных Сил и Закон о воинской обязанности должны предусматривать для гражданина СССР возможность выбора из пяти вариантов, что реально обеспечит альтернативность службы:

- по договору в частях первого или второго компонентов Вооруженных Сил;
- в частях второго компонента в течение 18 месяцев по призыву;
- в частях третьего компонента по призыву в своем регионе, овладение оружием и боевой техникой в течение 20 месяцев;

— в частях третьего компонента в составе формирований общественной безопасности — служба, не связанная с владением оружием и боевой техникой. Этот контингент, находясь и работая дома, периодически призывается на учебные сборы, а также для действий, связанных с ликвидацией стихийных бедствий, в общей сложности в течение 24 месяцев;

— в резерве формирований третьего компонента с периодическим прохождением сборов и переподготовки общей продолжительностью не более 3 лет за все время нахождения в резерве (до достижения 50-летнего возраста).

Подготовка офицерского состава высококвалифицированными специалистами должна осуществляться на курсах, в военных училищах и академиях. По окончании гражданского высшего учебного заведения желающие работать в армии также могут получить офицерское звание после заключения контракта и учебы на соответствующих курсах. Контракты могут заключаться и в ходе учебы в вузе.

На наш взгляд, заслуживает всяческой поддержки обучение подростков в специализированных (с военным уклоном) лицеях и суворовских училищах. В целом же военная подготовка населения и массовое военное обучение в школах, ПТУ и вузах должны быть заменены хорошо поставленной физической подготовкой, умением действовать в условиях стихийных бедствий, в походах, ориентироваться на местности, водить машины и т.д. И все это — на хорошей современной технической базе и здоровой соревновательной основе, воспитывающей настоящих коллективистов, сильных и добрых людей.

Представляется целесообразным значительное увеличение возможностей для службы в Вооруженных Силах женщин. Мы считаем, что единственным обстоятельством, освобождающим гражданина СССР от воинской обязанности, может быть только врожденный дефект или болезнь, так как перед государством все равны.

Далее. Военное строительство должно происходить с учетом внешних условий и внутренних возможностей. Армия при этом рассматривается как динамично и диалектически развивающаяся и саморегулирующаяся система, открытая для общественного и парламентского контроля. Она должна создаваться и совершенствоваться в рамках советской оборонительной доктрины, наших законов, уважения международных соглашений и обязательств СССР. Это дело всего народа, всех республик, всех общественных сил и групп, мощный консолидирующий фактор нашей советской социалистической федерации.

Высшее военно-политическое руководство должно ежегодно представлять в Верховный Совет СССР отчет советскому народу (типа «Белой книги»), содержащий анализ военно-политической обстановки в мире и в отдельных регионах с долгосрочными прогнозами ее развития. В отчет включается развернутая информация об основных проблемах обороны, подготовки и развития Вооруженных Сил, эффективности выполнения военного бюджета и планов перевооружения, а также программа на следующий год. Отчет подлежит утверждению Съездом народных депутатов СССР.

Вопрос о партийном руководстве военным строительством следует, по нашему мнению, рассматривать в контексте двух процессов, идущих в стране: формирования правового государства и разделения функций партийных и государственных органов. За правящей партией, по-видимому, должна оставаться возможность определения генеральной линии военного строительства и формирования военно-политического аспекта военной доктрины. Военно-технические, организационные, финансовые, кадровые вопросы и оперативное управление осуществляются только через государственные органы и органы военного управления. Единоначалие в армии утверждается на правовой, конституционной основе с неременным обеспечением демократических прав и свобод военнослужащих, учетом морально-этической стороны военной службы.

Не может остаться неизменным институт политорганов, который следует поставить под контроль армейской общественности. В воспитательной работе основной упор необходимо сделать на удовлетворение политических, экономических и культурных запросов военнослужащих, воспитание уважения к законам, обычаям и традициям народов в районах дислокации войск. Корпус политработников должен состоять из профессионально подготовленных, безупречных в этическом и нравственном отношении людей. В его ядро войдут кадры военных социологов, психологов, педагогов, обществоведов, способных обеспечить точное знание, учет и гармонизацию интересов социальных групп воинов различных национальностей и религий в каждом воинском коллективе.

Предполагается, что Вооруженные Силы СССР будут заниматься исключительно вопросами совершенствования боевой готовности, собственных структур и органов. Необходимо категорически запретить и исключить привлечение армии к проведению мероприятий, не связанных с ее прямыми функциями. На практике это означает: не участвовать в уборке урожая, в строительстве разного рода дорог и сооружений, прямо не связанных с функционированием армии; не привлекаться для разгрузки грузов, кроме идущих в ее адрес; не иметь плана по сдаче металлолома, мяса и т.д. Одновременно следует предоставить командованию частей и соединений экономическую и финансовую самостоятельность для решения хозяйственных проблем войск.

Для повышения качества управления войсками в соединениях, объединениях, гарнизонах целесообразно иметь штатные органы прокуратуры и трибунала, военной милиции, госбезопасности, службы социологических и психологических исследований, подчиненных или находящихся в ведении старшего командования.

Что мы выиграем в результате проведения военной реформы?

При сокращении численности Вооруженных Сил повысится их качество, то есть способность надежно защищать жизненные интересы СССР от военной угрозы. Снизится уровень реального противостояния ОВД и НАТО, наши Вооруженные Силы обретут однозначно оборонительный характер. Оборонительная военная доктрина получит мате-

риальное воплощение, что повысит доверие к нам мирового сообщества и откроет перед нами длительную перспективу расширения наших экономических интересов.

После значительных дополнительных расходов, связанных с проведением реформы, произойдет удешевление содержания Вооруженных Сил. Прекратится бессмысленное и расточительное отвлечение от производительного труда огромных масс людей под видом военной деятельности.

В результате создания и успешной подготовки формирований третьего компонента заметно повысится уровень общественной безопасности, большие контингенты населения получают необходимые практические знания и навыки для жизни в нашем индустриальном и экологически небезопасном мире.

Несомненно, укрепится общественный престиж Вооруженных Сил, одной из самых благородных и патриотических сфер жизни общества — военной службы, создадутся благоприятные условия для решения межнациональных проблем.

В заключение хотелось бы предложить набросок основных первоочередных мер по программе военной реформы.

1. Формирование рабочего органа — Временного комитета по проведению военной реформы, подчиняющегося только Верховному Совету СССР. Отбор членов комитета с помощью специалистов всех сфер общественных и государственных структур. Представителей Вооруженных Сил в комитете — не более одной трети. Комитет в сжатые сроки разрабатывает и представляет в Верховный Совет концепцию и план проведения военной реформы. После их принятия с возможными доработками проводится всенародное обсуждение и затем утверждение Верховным Советом, Съездом народных депутатов.

2. Разработка пакета документов по вопросам обеспечения общественной безопасности на основе выработанной концепции. Необходимо принять меры по ускорению этого процесса, преодолению старых взглядов и подходов. Закон СССР об обороне должен быть одобрен законодательными органами союзных республик и руководящими органами общественных организаций.

3. Создание высших структур общественной безопасности и органов управления всеми тремя компонентами, а также формирование (параллельно с сокращением Вооруженных Сил) соединений, частей, группировок всех компонентов. Максимальное использование существующих боеготовых элементов и решительное отсечение лишних, дублирующих и неэффективных структур. Завершение этой работы к 1993—1995 гг.

4. Реформа военно-учебных заведений. Выявление истинной потребности Вооруженных Сил в офицерских кадрах — текущей и на длительную перспективу. Переподготовка офицеров с учетом потребностей войск всех трех компонентов. Принятие мер по сохранению в кадрах армии перспективных, одаренных офицеров.

5. Разработка на конкурсной основе программы первоочередных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созда-

нию новейших образцов и систем оружия. Обеспечение этой программы промышленной базой, сырьем, материалами и финансированием.

6. Осуществление социальной программы — глубоко продуманной системы социальных гарантий для офицеров и прапорщиков, увольняемых с военной службы в связи с проведением военной реформы. Создание благоприятных условий для включения молодых, энергичных, образованных людей в экономическую жизнь страны. Для этого высвобождаемые Министерством обороны СССР земельные участки, транспорт, производственные и служебные помещения, средства связи, ремонтное и обеспечивающее оборудование, запасы материальных средств передавать создаваемым производственным объединениям, кооперативам уволенных офицеров и прапорщиков. Передачу проводить на безвозмездной, арендной основе или за плату на льготных условиях. Обеспечить бесплатное профессиональное обучение бывших военнослужащих, выдачу кредитов деньгами, сырьем и материалами. Предоставить налоговые льготы (в том числе освободить от налогов на пять лет). Подобные меры практиковались во многих странах при сокращении армий после второй мировой войны. Они позволили снять многие острые социальные проблемы и значительно оживить экономику активными элементами.

На наш взгляд, весь предлагаемый комплекс мероприятий мог бы быть полностью завершен к 2000 г.

Несмотря на существующие трудности, мы обязаны осуществить военную реформу именно сейчас, используя сложившуюся в мире и стране благоприятную ситуацию. Сегодня мы имеем исторический шанс создать действительно современные Вооруженные Силы. Надо только действовать решительно и смело, не теряя драгоценного времени. Действовать гласно и с учетом альтернативных мнений.

ПОЛИТОРГАНЫ В СВЕТЕ ГЛАСНОСТИ

В науке принято высказываться лишь от своего имени. Но с некоторых пор по такой, доселе запретной в армии теме, как военная реформа, можно опираться на общественное мнение.

В январе 1990 г. по инициативе журнала «Международная жизнь» состоялась «Независимая общественная экспертиза состояния военной опасности и деятельности Вооруженных Сил СССР». Одна из многочисленных экспертных групп, в которую входил автор, работала под девизом «Военная реформа».

Мы убедились, что в отношении к этой проблеме четко прослеживается расхождение общественного и государственного подходов. Это выразилось в том, что на протяжении последних двух лет были организованы буквально идеологический террор и преследование лиц, высказывавшихся о возможности и необходимости военной реформы. На них оказывалось тотальное административное давление, запрещалось любое обсуждение этой темы — как устное, так и в средствах массовой информации. Партийно-политические структуры и должностные лица подвергали разгромной критике тех, кто «вдалбливает в головы военнослужащих идеи военной реформы». В свою очередь и среди военнослужащих, прежде всего кадровых, продолжалось расслоение по этому вопросу¹. На членов экспертизы произвело впечатление выступление капитана, прибывшего из отдаленного гарнизона с «портфелем наказов» сослуживцев. Он сказал: «Если военная реформа не состоится в ближайшее время, мы потеряем армию. Будет некем командовать, да и некому».

Независимая общественная экспертиза пришла к определенным выводам.

Первый: военная реформа — настоятельная необходимость.

Второй: военная реформа — сложное явление, включающее прежде всего реформу военной политики, в том числе изменение политических целей и задач применения военной силы как в своей стране, так и

¹ Имеется в виду «противостояние депутатского офицерского корпуса и депутатов генералов», отмеченное Н. И. Рыжковым (см.: Я верю в эту программу. — *Красная Звезда*, 24 декабря 1989). В этом отношении любопытно письмо фронтовой связистки Л. Н. Знаменкиной: «Генералы, выступающие на съезде, по-моему, не вполне владеют ситуацией в армии. Кризис в ней вызван отнюдь не выступлениями в прессе. Молодой офицер, сказавший правдивые слова о положении в наших Вооруженных Силах, заслужил награду за смелость. Я бы вручила ему свою фронтовую медаль «За отвагу» (Предложения съезду. Прямой телефон. — *Вечерняя Москва*, 23 декабря 1989).

за рубежом. Это, далее, реформа структуры, управляющей военной областью. И наконец, реформа самой армии, в том числе системы подготовки военных кадров, политорганов и партийно-политической работы. Реформированию подлежат и два основополагающих принципа строительства Вооруженных Сил — единоначалия и демократическо-го централизма.

Представляется необходимым в этой связи создать и обсудить альтернативные модели Вооруженных Сил. Мы предложили нашим законодателям следующую последовательность действий. Сначала — выработка концепции военной реформы, затем подготовка Закона об обороне и только после этого — принятие подзаконных актов в виде уставов.

Эксперты пришли к единодушному выводу: армия должна быть профессиональной, но комплектоваться на смешанном принципе в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности¹.

При подготовке военной реформы следует прежде всего определить степень реальной военной опасности для нашей страны и сценарий возможных военных действий при реализации оборонного характера нашей военной доктрины. Необходимо создать модель уровня оборонной достаточности, о котором много говорится, но никто до сих пор не объяснил, каков он в действительности; модель реализации тех потенциалов, которые входят в понятие «оборонная достаточность», а также унифицировать, связать в единый пакет и решать параллельно проблемы перестройки в стране и реформы в армии. Сегодня проявляется тенденция рассматривать их отдельно, а это блокирует и перестройку, и военную реформу.

И наконец, надо предложить правительственным органам обеспечить законодателю и общественности информационную базу. Причем также на уровне «разумной достаточности». Монополист информационной сферы в военной области известен. Соккрытие им информации дает возможность кому не лень обвинять общественность в некомпетентности.

В то же время было бы ошибкой общественности попытаться наметить реальную программу военной реформы. Мы видим свою задачу в другом: подтолкнуть законодателей на создание логически временной схемы реформы без ее конкретного наполнения. И потребовать от правительства представить конкретный проект наполнения этой схемы.

Для осуществления военной реформы необходимо еще одно условие: отделение военно-политической части военной структуры от стратегической, исполнительной. Что имеется в виду? Министерство обороны и Генеральный штаб должны быть разделены и самостоятельно решать свои задачи. Министерство обороны — это политический, планирующий и предписывающий орган. Генеральный штаб — оперативно-стратегический, исполнительный орган. Сейчас все это смешано воедино.

Было бы неверно утверждать, что в высших эшелонах власти военная реформа отвергается всеми. По моим наблюдениям, в 1989 г. около

¹ Похоже, что с принятием Верховным Советом решений по внутренним войскам МВД реформа начала развиваться по этой логике.

двух десятков высших командиров в разной форме высказались в пользу реформы. Пожалуй, раньше других осознал ее неизбежность генерал армии (а в ту пору — генерал-полковник и первый заместитель начальника Генерального штаба) доктор военных наук В. Лобов. Осенью 1988 г. он пригласил к себе группу радикально настроенных ученых (полковников В. Данилова, Ю. Мамонтова, В. Ковалевского, подполковника А. Савинкина, майора М. Смагина и автора этих строк) и в деликатной форме поделился своими взглядами на военную реформу в стране. В последующем В. Н. Лобов неоднократно высказывался в пользу реформы в прессе¹.

Признание необходимости военной реформы — одно из кардинальных решений февральского (1990) Пленума ЦК КПСС. Не возникает сомнения: в ходе реформы не могут остаться неизменными политические отделы — руководящие органы КПСС в Вооруженных Силах. Претерпев вместе с партией под влиянием сталинизма антилевинские деформации, они вместе с ней многие десятилетия пребывали в состоянии стагнации, став частью партийно-государственной системы власти. Столь же неподвижными, инертными оказались многие организационно-политические принципы, на которых строились важнейшие армейские институты и их деятельность.

Реформа политической системы общества, по замыслу ее авторов, должна создать эффективный механизм, который обеспечивал бы ее своевременное самообновление с учетом меняющихся условий. Было бы наивным полагать, что эти изменения в обществе не коснутся политических институтов его Вооруженных Сил.

Дискуссия на Пленуме ЦК подтвердила: пассивность многих коммунистов и первичных парторганизаций во многом объясняется тем, что современная партийная структура основана на жесткой передаче команд «сверху вниз» и очень мало приспособлена для реализации воли партийных масс «снизу вверх». Для армейских политорганов этот вывод не менее актуален. Автор видит возможность повышения роли армейских партийных организаций и решения объективно существующих противоречий в реализации принципа демократического централизма прежде всего в треугольнике: командир — политработник — выборный партийный орган. Эти взгляды столь же радикальны, сколь и не новы².

Главный тормоз на пути нового — догматизм и консерватизм мышления. Апологеты традиционализма, встречаясь с новым в трактовке и применении принципов и норм партийной жизни, опираются на «несокрушимый» аргумент: нормы и принципы — это исторически сложившиеся категории. Они забывают при этом, что история вариативна, но воплощает в жизнь единственный вариант, и не всегда оптимальный. Его осуществление не накладывает запрета на дальнейшее

¹ См.: *Правда*, 17 декабря 1988; *Московские новости*, 1988, № 51, 18 декабря.

² См.: В. Д у д н и к, В. С к л я р о в. Внутрипартийной жизни обновление. — *Вестник границы*, 1988, № 7; В. Д у д н и к. К ленинскому пониманию демократического централизма. — *Коммунист Вооруженных Сил*, 1989, № 1; Авторитет политработника. О перестройке партийно-политической работы в армии. — *Политическое образование*, 1989, № 10.

осмысливание правильности и целесообразности именно такого варианта. Кроме того, любой принцип или норма в новых условиях изменяет и способ, и форму своего проявления. Стремление не замечать этого, а тем более противиться этому означает проявление воинственного догматизма и консерватизма. А они несовместимы с идеологией и практикой перестройки, практическими потребностями нашего общества.

Конечно, для прорастания нового требуется время. И такое время уже настает. Однако повивальная бабка нового не только время, но и беспощадная критика всего того, что стало тормозом развития. Логика перестроечных факторов взывает к смелости и правде.

Как в их зеркале смотрится перестройка политорганов и системы партийно-политической работы?

Перестройка политработы в Вооруженных Силах в рамках существующих идеологических догм и застывших организационных форм свелась к давно знакомым, но бесплодным фразам-заклинаниям типа «глубоко осмыслить», «всемерно поддержать», «изменить отношение», «смелее выдвигать», «усилить внимание». Получили хождение псевдоперестроечные формулы: «начни с себя» или «если видишь — критикуй, критикуя — предлагай, предлагая — выполняй». Эти формулы не содержали конструктивности и радикализма, а если и давали какую-то прибавку в партполитработе, то за счет так называемой активизации человеческого фактора, то есть перенапряжения людей, экстенсивных методов, против чего изначально и направлена перестройка.

Кое-кто, в основном те, от кого непосредственно зависит наполнение перестройки реальными программами, продолжает, опираясь прежде всего на свой служебный авторитет, решительно оспаривать мнения рядовых военнослужащих об иллюзорности достижений перестройки в армии. Но можно ли оспорить мнение такого независимого и авторитетного посредника, как народный депутат СССР Е. Гаер, которая подтверждает, что в социальном плане перестройка ничего армии, по крайней мере на Дальнем Востоке, не принесла. «Терпеть такое положение невозможно. Жилье плохое или вовсе его нет, школы переполнены. Отсутствует нормальное торговое обслуживание»¹.

Анализ выступлений генералов и офицеров на Всеармейском офицерском собрании подтверждает мнение Евдокии Гаер. Правда, и здесь кое-кто требовал списать категоричность такого мнения на «максимализм», «некомпетентность» и т.д. В этом случае резонно задать вопрос: разве перестройка задумана для рапорта и отчета вроде графы о проценте классных специалистов? Или она проводится для военнослужащих и о ее достижениях можно говорить лишь тогда, когда рядовой солдат подтвердит: перестройку вижу и ощущаю? В этом случае не нужны будут призывы о поддержке перестройки — она последует немедленно и будет тем мощнее, чем ощутимее плоды перестройки.

Анализируя уроки рабочих выступлений лето 1989 г., доктора исторических наук Л. Гордон и Э. Клопов² приходят к выводу: пере-

¹ Принципы и варианты. — *Красная Звезда*, 19 декабря 1989.

² См.: Уроки Воркуты; «Рабочее движение: издержки и приобретения». — *Известия*, 11 и 18 января 1990.

стройке не только необходимо, но и возможно опереться на поддержку широких слоев трудящихся. Этот вывод подтвердили и «революции областного масштаба» в Чернигове, Тюмени, Волгограде, Донецке и других местах.

Думается, подобную роль сыграло в Вооруженных Силах выступление офицеров и генералов в журнале «Огонек» (1990, № 1), против безапелляционного по форме и авторитарного по существу открытого письма Маршала Советского Союза С. Ахромеева главному редактору журнала «Огонек» В. Коротичу «Какие вооруженные силы нужны Советскому Союзу?»¹. С тех же позиций следует рассматривать гласное дезавуирование офицерами и прапорщиками некоторых положений доклада на Всеармейском офицерском собрании генерала армии А. Лизичева².

Все эти явления не случайны. Впервые оказалось нарушенным и формально-догматическое единодушие на бюро Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Произошло это 20 января 1990 г. при обсуждении доклада А. Лизичева об итогах пребывания в Прибалтийском военном округе в составе рабочей группы Генерального секретаря ЦК КПСС. По почину начальника управления организационно-партийной работы генерал-лейтенанта В. Лукиных, которого поддержали главный редактор «Красной Звезды» народный депутат СССР генерал-лейтенант А. Панов и член Военного совета РВС генерал-полковник В. Родин, впервые были подняты вопросы о недостатках в воспитании руководящего состава Министерства обороны, о необходимости видеть и говорить правду, о непозволительности давления министра обороны на прессу, в том числе при обсуждении военной реформы.

«Идеологическая зашоренность, догматизм и нетерпимость к иным взглядам и идеям», о которых говорится в первом разделе Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, были и еще долго будут оставаться аппаратным оружием в непримиримой борьбе против радикализма и реформаторства в перестройке. Сужу об этом не понаслышке.

Мы теперь знаем из интервью Э. Шеварднадзе³, что признание многопартийности, к которому мы пришли с исторической неизбежностью еще два года назад, было блокировано в политическом руководстве партии. Поэтому провозглашенный на XIX партконференции «социалистический плюрализм» сразу же приобрел форму «разрешительного плюрализма». В этих условиях в политических отделах армии усилилась функция контроля за лояльностью в отношении существующей политической системы. И это несмотря на резолюцию конференции «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны».

В середине 1988 г. автор имел неосторожность в аналитическом

¹ См.: *Огонек*, 1989, № 50.

² См.: *Огонек*, 1990, № 3.

³ См.: *Известия*, 19 февраля 1990.

материале сформулировать тезис об утрате КПСС своего авторитета и позиций в обществе и в политической системе страны. Это было тотчас расценено как политическая диверсия, и автору пришлось долго оправдываться в коридорах политической власти. История повторилась, когда в «Московском Церковном вестнике» в октябре 1989 г. было опубликовано интервью двух военных ученых «Священник и армия» (кстати, корреспондент этой газеты, бравшая интервью, Елена Булычева — член КПСС). Мысль, проводимая авторами, была проста: проблема есть, она сложна, поэтому нужна ее серьезная проработка и социологами, и политиками, и самими верующими. Руководители многих политорганов отреагировали хотя и с опозданием, но однозначно: политработники зовут попов в казарму. Началось массированное административно-идеологическое давление на них.

Подобное «научное» преследование в сочетании с политическим давлением со стороны политорганов постигло ученых, которые набрались смелости два года назад публично высказаться в пользу военной реформы, в том числе на страницах «Московских новостей».

Трудно объяснить и даже понять резко отрицательную позицию политорганов в отношении организаций, ставящих своей целью социальную защиту офицеров и членов их семей. Теперь мы знаем, что организации типа «военных профсоюзов» существуют в большинстве высокоразвитых стран. Неясно, почему непатриотично иметь их в государстве, которое лишь недавно объявлялось общепатриотным, но войны которого оказались социально беззащитными. И почему подобные инициативы не понравились политическим отделам?

Все это не что иное, как применение в современных условиях сталинского механизма ликвидации инакомыслия в партии и стране: теоретический спор переводится в идеологическую сферу, а затем в область принятия политических решений, реализуемых государственно-репрессивными средствами (пресловутые «оргвыводы»). Видимо, не случайно в представлении многих обывателей политические отделы (а они у нас есть не только в Советской Армии) выполняют функции не только политического руководства, но и политической опричнины¹. Подобные суждения, к сожалению, имеют под собой и историческую почву, что требует специального рассмотрения и гласного осуждения. Пока же привычка властвовать и подавлять уживается с призывом овладевать политическими методами руководства.

Недавно по ходу лекции, посвященной политическим методам руководства в деятельности политорганов и партполитаппарата, молодой начальник политотдела подполковник В. Терентьев перебил педагога: «Что вы здесь теоретизируете? Скажите мне конкретно, как поднять авторитет политоргана, и я употреблю всю данную мне власть, чтобы это сделать!» Начальник политотдела не самый заблуждающийся-

¹ См.: Урок дает истории. М., 1989, с. 256—258; А. Гусейнов, В. Межуев, В. Толстых. Аппарат, партия, власть. — *Московские новости*, 1990, № 5, 4 февраля. В нашей академии политотдел вместо парткома был создан в 1937 г. именно в целях выкорчевывания «врагов народа». Среди других кафедр партийно-политической работы была выкорчевана полностью, и более двух лет предмет не преподавался.

ся. Приходилось встречать «перестройщиков» с подобными заносами рангом много выше. Опасность состоит в том, что В. Терентьев — представитель уже новой генерации начальников политических органов, так сказать, дитя перестройки. Но если этой новой генерацией, которой принадлежит будущее, воспринимается старая болезнь, то есть тому и причина?

Мне, например, совершенно непонятно, каким образом можно совместить общественный диалог и консолидацию с призывом к «решительному отпору». Недавно довелось участвовать в совещании идеологических работников политорганов. Не было в выступлениях дефицита на обвинения (заочных оппонентов) в экстремизме, политическом карьеризме, амбициозности и некомпетентности, на призывы к «наступлению» и «разгрому». Налицо большой напор слов, а не созидательных идей, попытка вбить клин, разделить всех на «наших» и «не наших». Но забыли в запале «идеологические бойцы», что перестройка совершается для всех, что она требует консолидации сил, течений и групп во имя обновления всего общества.

И вот что еще важнее: ни один из этих идеологических громовержцев не вышел после этого к «неформалам» и не ввязался с ними... нет, не в бой, а в диспут, в доказательный спор, интеллектуальное состязание. Потому что для этого надо хотя бы знать, как зовут братьев Карамазовых и прочитав «Записки из мертвого дома», надо не только клеймить популизм, но и знать, как он возник, почему был хорош в прошлом и не подходит для нас; надо понимать, что такое охлократия и какие опасности она нам несет. Тем более, что в словарях, доступных партийному активисту, этих мудреных терминов попросту нет.

Думаю, не надо бояться именно «ввязываться», вопреки команде этого не делать. Я знаю нескольких офицеров, которые по своей инициативе вступили в публичный диспут с неформалами, не скрывая ни имени своего, ни общественного статуса, а потом еще больше времени потратили в своих политотделах, отвечая на вопрос: «Как вы туда попали? Кто вас послал?»

Убежден: не наличие множества политических течений порождает сегодня напряженность в обществе, а лишь подобное отношение к ним. Митинговый напор не может отождествляться с силовым давлением, как пытается нас кое-кто уверить в последнее время. Если сегодняшний «неформал» обладает лишь возможностью политической критики, к тому же санкционированной, то реальная политическая власть может все: от политического прессинга до отлучения от должности. Список жертв аппаратной солидарности растет в армии с каждым днем.

На исходе пятый год перестройки, и все требовательнее звучит вопрос: каковы реальные сдвиги в партработе? Вопрос этот расшифровывается просто: каковы созидательные программы, как идет их реализация?

Социологические опросы, систематически проводимые учеными Военно-политической академии им. В. И. Ленина, показывают: 76,5% коммунистов реальных плодов перестройки не ощущают. По мнению более 41% опрошенных, политотделы не владеют приемами и метода-

ми политического руководства, почти 47% начальников политорганов считают, что во взаимоотношениях «политотдел—первичка» преобладает командно—назидательный тон, а 39% секретарей парторганизаций назвали работу своих политорганов «бессистемной».

Нынешние политотделы невосприимчивы к политическим методам руководства, организационно не откликаются на многонациональность, вне сферы их структур и влияния — «неформаль», верующие. По своему статусу они органы КПСС в Вооруженных Силах. А как им быть в условиях многопартийности, которая становится фактом?

Уже не раз высказывалось мнение: главная номенклатурная привилегия — не отвечать перед нижестоящими. Судьба и карьера начальников политорганов до последнего времени зависели от мнения «низов» не более, чем содержание общевоинских уставов — от предложений тех, кому надлежит их выполнять. Переориентировать их от «заглядывания вверх» на ответственный взгляд «вниз» — одна из задач перестройки. Как ее решить?

В прошлом году низовые (и только они!) политорганы в порядке «демократизации» были поставлены перед необходимостью отчитаться перед коммунистами с получением оценки. В итоге около двух десятков их начальников получили «неуд» и были вынуждены «подать прошение об отставке». Анализ показал: часть из них — откровенно слабые работники. В результате скрытых от партийных масс аппаратных комбинаций они попали не в свои сани и покинули бы их в ходе перестройки и без отчетов. Другим же выпала незавидная и печальная участь «козлов отпущения».

Вряд ли необходимо, да и невозможно, делать реестр ставших достоянием гласности случаев, когда инициатива первичной партийной организации натывается на стену неприятия как командиров, так и политорганов и оказывается подавленной. Сегодня «Красная звезда» пишет об этом почти ежедневно. Но остается нерешенной проблема: как ликвидировать однонаправленность вниз пресловутой «боевитости» политорганов и сделать ее равнонаправленной — против всякой неправды, несправедливости, любого неравноправия, чванства, чинушества и пр.?

Действительно, так ли уж боевиты политорганы, как мы это без устали декларируем? В аттестационных комиссиях их мнение лишь «учитывается», при назначении на должность — то же, в жилищных вопросах: их голос опять же совещательный. Еще более призрачной становится эта «боевитость», когда надо в сложном конфликте защитить сторону подчиненную. Сошлюсь лишь на один пример.

В совершенно благополучном политотделе вынуждены были не раз вникать в конфликт командира подполковника В. Овчаренко и его заместителя по политчасти майора В. Кирпичанского. Конфликт возник по принципиальным вопросам, на такой заведомо слабый политработник не пойдет. Финал «боевитости» политотдела: В. Овчаренко с двумя партвысказываниями продолжал командовать частью, В. Кирпичанского перевели на почетную, но несамостоятельную работу. Нашли-таки и у него грешок, а политотдел не сумел защитить своего работника.

А вот пример несколько иного рода. Офицеры, которым довелось изучать стиль работы политического управления Прикарпатского военного округа, отмечают: его начальник генерал-лейтенант Ю. Панкратов очень «ласков» к властям предрержащим и жесток к своим подчиненным. Зная Юрия Ивановича много лет по совместной работе, могу предположить, что в таком утверждении немалая доля истины. К сожалению, подобная однобокая «боевитость» политоргана встречается не так уже редко.

Но разве партийная боевитость может быть однонаправленной? Политорган — полпред партии в армии, и при его плохой работе страдает прежде всего организация дела. Недисциплинированный солдат — это в первую очередь результат плохой воспитательной работы командира и политработника; необученное подразделение — это зеркальное отражение командира и его штаба, не наладивших боевую подготовку; подразделения и части с низким уровнем боеготовности — это опять-таки показатель слабой работы органов управления. Именно сюда прежде всего должен быть направлен вектор боевитости политоргана.

Бытует устойчивое мнение, что нового качества в работе политорганов можно было бы достичь путем внедрения тех или иных форм выборности их состава. Не отвергая такой подход, оппоненты, тем не менее, считают его малоприемлемым, так как он якобы поставит под вопрос главный принцип военного строительства — единоначалие¹. Однако представляется неубедительным, почему основной заботой политических органов должно быть самочувствие единоначальников, а не суверенные интересы первичных партийных организаций. Факты же повседневной жизни говорят о том, что в армии, как и в стране, недостаток демократического контроля создает условия для перерастания единоначалия в неограниченное своеволие и наносит истинному единоначалию трудно поправимый урон. К тому же в настоящее время в армии нет четкой границы между административным централизмом (единоначалием) и политическим демократизмом (системой партполитработы). Это противоречит и генеральной идее реформы политической системы, которая заключается в разделении двух властей: советской (командира) и партийной (политоргана). Уже в силу этих причин взаимоотношения в треугольнике «командир — политработник — выборный партийный орган» нуждаются в радикализации. Каждый из них должен на высоком профессиональном уровне делать свое дело. Специальный анализ показал: пока замполит части своими прямыми функциональными обязанностями занимается 20—30% служебного времени, остальное уходит у него на согласование, дублирование, участие в мероприятиях, совместное «подтягивание» других участков.

Сейчас в прессе появилось немало критических высказываний в адрес конкретных деяний Мехлиса. Какова природа его неудач? Вовпервых, увлечение множеством военно-технических, организацион-

¹ См.: Политработа и мощь армии. — *Правда*, 1 февраля 1990.

ных вопросов сказывалось на ослаблении руководства политработой как самостоятельной системой деятельности. Во-вторых, ошибки, совершенные им из-за недостаточной специальной квалификации, накладывались в виде негативных оценок на весь партполитаппарат и систему партполитработы. Зачем же нам повторять ошибки прошлого в новых условиях?

Несомненно, чтобы успешно проводить перестройку в армии, политорганы не могут оставаться неизменными, неподвижными. Но и не надо в очередной раз бросаться в крайности. После февральского (1990) Пленума ЦК КПСС объявлен очередной аврал: даешь программы перестройки политорганов! И вчерашние гонители даже мысли о реформе уже готовы отказать и от партийно-политической работы (во многих вузах и учебных программах ее уже нет), и от самих политорганов, вновь готовы наделать в спешке глупостей вроде увольнения из армии всех студентов.

А ведь конструктивные идеи и были, и есть. Но в условиях «разрешительной» психологии безответным остался напечатанный в «Правде» еще 23 ноября 1989 г. призыв двух политработников провести дискуссию в Вооруженных Силах о новой модели политорганов, которые в сегодняшнем виде не отвечают возросшим требованиям¹.

Нам не следует забывать о собственном историческом опыте перестройки, которой подвергались политорганы на протяжении всей истории советских Вооруженных Сил в силу тех или иных причин: постоянно менялись их структура, содержание деятельности и даже круг полномочий и основы взаимоотношений с другими управляющими структурами. Как показывает анализ, в годы Великой Отечественной войны эта перестройка проводилась в зависимости от: а) оперативно-политической обстановки, б) состояния морального духа войск, в) возможностей страны и армии. Но правомерно поставить вопрос: всегда ли она была оправданна? Наша литература все события по перестройке деятельности политорганов и парторганизаций бездоказательно объясняет усилением роли партии и расширением фронта партийного влияния в войсках. Но, например, как вписать в эту схему преобразование политорганов в органы политической пропаганды или неоднократное введение и отмену института комиссаров, политработников подразделений и т.д.?

Новое прочтение многих страниц истории, которое сейчас ведется, должно охватить и этот круг вопросов и уберечь от скоропалительности и ошибок.

Мы уже знакомы с печальным современным опытом разрушения политорганов в Венгрии и Чехословакии. Но есть и опыт ГДР — их целесообразной трансформации в органы государственно-гражданской работы по проведению в армии политики правительства. Он стал возможным благодаря заблаговременной разработке программ реорганизации вооруженных сил².

¹ См.: Токарев В., Цыганков В.. Может, обсудим? — *Правда*, 23 ноября 1989.

² См.: Помнить о своем долге. — *Красная звезда*, 4 февраля 1990.

Убежден, что политорганы в армии необходимы. Политическое руководство воинскими коллективами — часть управления ими. В любой армии для этой цели созданы специальные структуры и выделяются необходимые средства. В СССР на содержание партийно-политического аппарата ежегодно расходуется около 62 млн. руб. В США на эти же цели, но обозначаемые другими символами, соответствующими их системе духовных ценностей, ежегодно ассигнуется почти 156 млн. долл.

Без органов политического руководства армий не было, нет, да и быть не может. Другое дело — какими они должны быть в новой политической ситуации. Полагаю, это проблема уже не только военного ведомства и даже не внутривнутрипартийная. В новых условиях она приобрела ранг общенациональной, и пора ее как таковую и обсудить.

Партийная общественность армии в достаточно резкой форме высказывала и высказывает мнение о том, что на шестом году перестройки пора провести очередное совещание секретарей партийных организаций, а еще лучше — Всеармейскую партийную конференцию. За последние два года мне не встретился ни один начальник политоргана, который не поддерживал бы эту идею. Этого требует сама жизнь и перестройка, которая, по оценке ЦК КПСС, отстает в армии от общих темпов. Более того, ведутся массированные нападки на институт политорганов, в том числе с трибуны Верховного Совета СССР.

В этом находят свое отражение процессы, идущие в обществе в целом, и общество заинтересованно смотрит на армию, на ее руководящие, в том числе и политические, структуры. Этот заинтересованный взгляд, не всегда деликатный по форме и компетентный по существу, оправдан: мы — его армия, армия народа. А народ хочет и имеет право знать, что сегодня в армии не так, как надо, и что надо сделать, чтобы это поправить.

Всеармейский партийный форум, с открытым разговором о ходе и перспективах перестройки, необходим. Только он может на демократической основе выработать рекомендации о реформе политических структур в советских Вооруженных Силах. Только гласное обсуждение предложений и мнений может уберечь нас от скоропалительных и ошибочных решений, помочь нам сделать верные выводы из справедливой критики и недовольства своего народа.

**Говорят народные
депутаты
СССР**

СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Беседа с председателем Комитета Верховного Совета СССР по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, ректором Московского авиационного института, академиком Ю. А. Рыжовым

— Юрий Алексеевич, Ваши парламентские обязанности сложны и многообразны. Трудно представить, что ученого и политика, отвечающего за «перестройку» интеллекта нации и при этом руководящего крупным институтом, остается время на что-либо еще. И вдруг в «Московских новостях» (1990, № 7), а затем в «Новом времени» (1990, № 10) появляются Ваши статьи, которые стали событием в нашей политологической науке. В них Вы утверждаете, что Советский Союз, накопивший колоссальный запас военной мощи, оказался крайне уязвим со стороны внутренней угрозы, которую создают ему политический, национальный, экономический и экологический кризисы, ему грозит духовный застой и интеллектуальная отставание общества. Значит ли это, что в данном противоречии Вы видите первопричину тех проблем, с которыми столкнулся и возглавляемый Вами комитет?

— В своей парламентской деятельности при попытке решить частные проблемы мы постоянно упираемся в глобальные. Поэтому многие члены нашего комитета разделяют мою давно сформировавшуюся «веру» в то, что, не определив приоритетов в деле создания и защиты гражданского общества, мы не сможем успешно решить ни одну из проблем, входящих в компетенцию комитета. Хочу еще раз подчеркнуть, что «вера» эта основывается на ценностях гражданского общества, приближение к которому у нас еще только началось. Реальность же, в которой мы живем, определяется условиями не просто военной экономики, но именно экономики военного времени. Военное время — это когда все сводится только к тому, чтобы производить оружие и воевать. В этих условиях все, чего требовали военные, без обсуждения отдавалось им и только остатки — народу, которому оставалось молиться: «Лишь бы не было войны».

Раньше угрозы мы ждали из-за рубежа. В наши дни в эти слова вкладывается уже иной смысл: лишь бы не было гражданской войны. Сегодня угроза для безопасности страны, а следовательно, и для каждого ее гражданина таится внутри ее границ. И главная опасность — это унылая перспектива безнадежной экономической и технической отсталости, социальной деградации, разрушения общественных и национальных связей.

Если теперь мы попытаемся воспользоваться привычными концепциями национальной безопасности, то обнаружим их полную бессмысленность. Можно даже утверждать, что концепция национальной безопасности в современных условиях у нас начисто отсутствует. Из чего она складывалась традиционно? Необходимость иметь количество (а лучше и качество) вооружения такое же, как и у вероятного противника. Плюс к этому Комитет государственной безопасности для охраны секретов, разоблачения происков все тех же врагов и защиты правящих верхов. Сегодня же вопрос национальной безопасности — это уже вопрос и военный, и экономический, и экологический, и политический, и устойчивости культуры, и прорывов в науке.

Нынешнее кризисное состояние советского общества позволяет утверждать, что в современных условиях безопасность СССР определяется прежде всего нашей способностью решить неотложные внутренние политико-правовые, национально-государственные, социально-экономические, экологические и гуманитарные проблемы. Добиться этого простым переклещением сил и средств из военной сферы оказалось невозможно. Об этом со всей очевидностью свидетельствует первый опыт конверсии. Когда депутаты вклинились в ее проблемы, то все поначалу не выглядело особенно сложным. Представлялось: все сводится к тому, чтобы огромные ресурсы — материальные, научные, людские, финансовые — направить на выпуск мирной продукции. Однако при внимательном рассмотрении ситуации обнаружили, что существует системообразующий момент, с которого надо начинать. Это концепция национальной безопасности.

Только сформулировав эту концепцию, можно переходить к более конкретным вещам. Например: что такое разумная достаточность для организации обороны страны? Тут ведь из разного разума можно исходить. Или что такое военная безопасность? В США, скажем, под ней понимаются не объемы вооружений, не количество солдат в армии, а динамика смены военной техники, реализация достижений информационной революции.

У нас же военная безопасность сводилась и сводится только к наращиванию боевых мускулов. Этому способствовала структура власти в стране. Было время, когда один и тот же человек — маршал Устинов — являлся заказчиком военной техники как министр обороны, и он же был подрядчиком как глава военно-промышленного комплекса, который производил эту технику.

Финансирование нужд военного ведомства было совершенно безудержным: военные ни в чем не знали отказа. Прощамповывались бозоговорочно любые, даже самые сумасбродные и разорительные военные проекты. Для их реализации не жалели ни материальных ценностей, ни сырья, ни денег.

Что происходит сейчас, когда мы взяли курс на конверсию? У нас в первую очередь сокращают ассигнования на науку (то есть перекрывают кислород «мозгу»), которая обеспечивает поддержку военно-промышленному комплексу, и почти не трогают финансирование производства (иначе говоря, наращивают те же «мускулы»). И получается,

что одной рукой мы уничтожаем вооружение (и будем делать это во все больших количествах), а другой — продолжаем производить это традиционное вооружение. Уничтожаем ракеты — и производим ракеты, разрезаем автогенем танки — и штампуют новые. То есть по-прежнему мы заставляем с надрывом работать нашу экономику, по-прежнему переводим сырье, людские ресурсы, деньги.

Кроме того, оборонная промышленность, являющаяся сегодня в силу накопленного интеллектуального потенциала и квалификации рабочих едва ли не единственным фактором, позволяющим нам относиться себя к странам развитым, по приказу сверху и без учета ее специфики загружается выпуском пусть и нужной стране, но относительно несложной гражданской продукции. Вместо перевода высвобождающихся мощностей предприятий военно-промышленного комплекса (который всегда был и остается «государством в государстве») в гражданское подчинение процесс идет обратный: гражданские отрасли подчиняют ВПК. А на оборонных заводах увеличивается всегда существовавший выпуск мирной продукции. Такой подход к конверсии грозит нам утратой и без того весьма скромных позиций в наукоемких отраслях без существенного улучшения положения на потребительском рынке. И в тоже самое время Совет Министров СССР в ответ на предложения депутатов Верховного Совета «счел нецелесообразным» (?) обсуждение правительственной программы конверсии на Верховном Совете СССР.

Уже в этом году, видимо, удастся на переговорах в Вене договориться о сокращении вооружений в Европе. Потолок по отдельным категориям оружия, который согласован, позволяет сделать вывод, что потребность в основных традиционных видах вооружений в ближайшее время сократится в 2—3 раза. А это судьбы огромных предприятий, сложившихся вокруг них инфраструктур, целых городов.

По сравнению с 1989-м в 1990 г. доля бюджета, идущая на военные закупки, то есть на производство серийной, освоенной техники, возросла с 42 до 44% (в американском военном бюджете на закупки приходится 28% его общего объема). Вызывает особую тревогу и тот факт, что в нынешнем финансовом году доля расходов на оборонные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки сократилась в нашем военном бюджете, по оценкам, примерно на 9%.

Нельзя не отметить, что расходы на содержание личного состава Вооруженных Сил у нас составляют меньше 10% оборонного бюджета, на эксплуатацию и содержание боевой техники — около 18%, в то время как у американцев на эти цели расходуется более половины всех военных ассигнований — соответственно 27 и 29%. Таким образом, приоритет в нашем бюджете отдается военному валу, закупкам огромного количества вооружений, как будто количество оружия само по себе и есть гарант нашей безопасности. То есть кризис, вызванный репероизводством вооружений, еще более углубляется.

Мы по-прежнему не знаем, как распределяются средства военного бюджета между министерствами, каковы наши крупнейшие военные программы и как они согласуются с принципами оборонной достаточ-

ности. Наш парламентский комитет — единственный, который не согласился с проектом бюджета на 1990 г., представленным правительством. Когда мы рассмотрели статьи проекта, у нас возникли сомнения в реальности тех цифр, которые в нем были представлены. Военные расходы там определены в 70 с лишним миллиардов. А по расчетам наших экспертов, эта цифра составляет порядка 200 млрд. руб.¹ В рамках наших старых представлений о безопасности, которая в конечном итоге свелась к сверхбезопасности, мы подошли к положению, когда она попросту разрушает экономику страны.

— *В чем, на Ваш взгляд, должна заключаться современная концепция обеспечения безопасности Советского Союза? Будет ли она иметь общие черты с комплексным подходом, существующим в развитых капиталистических государствах? Например, в Японии в основе общегосударственной стратегии лежит концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности», предполагающая, судя по программным документам японского правительства, государственные усилия, охватывающие внешние отношения, экономику, военное дело и другие сферы деятельности, предпринимаемые для обеспечения национальной безопасности от всевозможных угроз.*

— Современное понимание безопасности страны (национальной безопасности), присущее большинству развитых государств мира, в том числе и Японии, включает надежное предоставление гражданам необходимых условий для жизни, развития и саморазвития, гарантии их гражданских прав и социальной защищенности, обеспечение политической стабильности общества и государства и устойчивый прогресс социально-экономического развития страны. Поэтому политические, экономические, научно-технические, экологические и социальные аспекты безопасности страны представляют собой важнейшие ее компоненты, которые по мере ослабления угрозы войны выходят на первый план.

Например, самое пристальное внимание в Соединенных Штатах уделяется информации, которая считается одним из решающих факторов владения современным миром. Поэтому американцы создают колоссальные банки данных. Обусловлено это тем, что сегодня передний край борьбы за научно-технический прогресс лежит в сфере электроники и основанных на ней средствах коммуникации, хранения и обработки информации, а следовательно, и управления, обеспечения научных исследований, получения с их помощью высокоэффективных результатов. Из этих научных исследований могут возникнуть новые физические принципы решения как глобальных, так и частных проблем человечества, включая экологические, энергетические, транспортные и др. Таким образом, в настоящее время безопасность госу-

¹ Выступая на Урале, М. С. Горбачев оценил наш военный бюджет в 18%, что ближе к нашей оценке, чем официальная цифра. Что же тогда означают расписанные до рубля 70,9 млрд. руб. в военном бюджете 1990 г.? Куда ушли остальные десятки миллиардов рублей?

дарства становится качеством, во многом зависящим от информации (способности ее получать, обрабатывать и передавать), которая выступает как комплексный системообразующий фактор успешного развития и процветания этого государства. Отсюда (хотя это далеко не единственная причина) и необходимость комплексного подхода к обеспечению безопасности.

К сожалению, нашим сегодняшним подходам к анализу вопросов безопасности явно недостает системности. Это либо импульсивная реакция, нацеленная на латание дыр, либо ведомственное стягивание на себя ветхого одеяла. Например, Конституция СССР определяет государственную безопасность как важнейшую функцию государства, но из этого не следует, что данную сферу, как это пытаются делать сейчас, нужно отдать на откуп Министерству обороны и КГБ. Наоборот, нынешнее положение нашей страны убедительно доказывает, сколь пагубно влияет на ее развитие отсутствие целостной концепции безопасности, механизмов и структур, определяющих масштаб и характер существующих угроз, четкого определения приоритетов и последовательности решаемых задач. В частности, в документе «О реформе системы безопасности страны», подготовленном группой, состоящей из народных депутатов и экспертов (далее я буду часто использовать его), подчеркивается, что необходимо разработать такую концепцию, которая охватывала бы внутренние и внешние аспекты безопасности страны, рассматривая их в целостной системе взаимосвязанных факторов, направленной на защиту общенациональных интересов. Новая концепция безопасности страны должна включать следующие ключевые понятия:

- определение жизненно важных интересов, целей и приоритетов страны;
- оценка характера реальных и потенциальных угроз жизненным интересам;
- определение ресурсов и средств, необходимых для защиты этих интересов;
- разработка стратегии обеспечения безопасности страны;
- создание нового политико-правового механизма для реализации такой стратегии.

Следует подчеркнуть, что определение приоритетности интересов по степени их важности необходимо делать не только в рамках одной сферы (что важнее: диалог с Соединенными Штатами или партнерство с Западной Европой?), но и в различных плоскостях (что важнее: оказание помощи какому-то зарубежному государству или недопущение экологической гибели Волги?).

Новая политическая ситуация дает прямое основание считать обеспечение безопасности страны прежде всего реализацией прав гражданского общества, а не только государственной функцией.

Угроза безопасности — это перспектива такого развития событий, которое будет создавать опасность для самого существования Со-

ветского Союза, его независимости и выживания как социально-экономической и политической общности.

В документе «О реформе системы безопасности страны» угрозы безопасности СССР разделяются на несколько групп.

В сфере политической многие процессы приняли непредсказуемый характер. Многие органы государственной власти фактически прекратили осуществление своих функций. Массовый характер приняли нарушения законности и правопорядка. Возникла опасность насильственного разращения возникших противоречий. Реальной становится опасность распада СССР.

Из-за отсутствия эффективного механизма гармонизации интересов народов СССР произошло резкое обострение межнациональных отношений и конфронтации на национальной почве. Фактически союзные (тем более автономные) республики не участвуют в формировании политики федерации, в том числе в сфере обеспечения безопасности страны. В этих условиях национальные проблемы приобретают деструктивный характер.

Трагические события в Армении и Азербайджане, в ряде других областей страны продемонстрировали, сколь не подготовлены мы для разрешения подобных кризисов. Уже сегодня в стране насчитываются сотни тысяч беженцев, а у правительства нет ни чрезвычайной программы по оказанию им помощи, ни специальных финансовых и материальных фондов для решения этой проблемы.

Можно предвидеть, что у этой проблемы в ближайшее время появятся новые измерения. Нелишне напомнить, что события в Закавказье переросли в прямой вооруженный конфликт именно тогда, когда критического уровня достигла концентрация беженцев.

В сфере экономической основная угроза безопасности Советского Союза заключается в перспективе необратимого технологического отставания, скатывания на задворки мирового экономического развития, социального регресса и дезинтеграции общества. Советский Союз давно перешагнул безопасные границы научно-технической зависимости от Запада, и дальнейшее продвижение по пути импорта передовых технологий за счет кредитов и сырьевого экспорта равносильно постепенному технологическому самоубийству: нарастают объемы экспорта необработанного сырья, неуставленного импортного оборудования; за исключением военно-космической сферы, подорван (или так и не создан) потенциал и механизм реализации научно-технических нововведений, снижается качество жизни населения.

Главная угроза экономической безопасности СССР исходит сегодня от централизованной командно-бюрократической системы хозяйствования, в том числе в сфере внешнеэкономических связей, а также от обособленности и несовместимости экономики страны с мировым хозяйством. Предпринятые до сих пор реформы не предотвратили ухудшения положения.

Определяющее значение для обеспечения военной и экономической безопасности страны, как уже отмечалось, имеет научно-технический прогресс. Способность делать научные открытия и осваивать

высокие технологии выступает сегодня индикатором экономического здоровья страны как ключевого элемента национального могущества и необходимой предпосылки прямого укрепления обороны за счет технических достижений.

С экономической угрозой неразрывно связана как бы ее обратная сторона — экологическая угроза, то есть разрушение среды обитания общества в результате неконтролируемого и непродуманного развития экономики и техники. Эта опасность возрастает из-за отсутствия общесоюзной экологической политики и крайне недостаточного экономического и технологического обеспечения мероприятий по защите окружающей среды.

В сфере военной благодаря советским инициативам существенно ослабла угроза ядерной войны между Советским Союзом и США, хотя эта опасность будет сохраняться, пока не ликвидировано ядерное оружие. В обозримой перспективе маловероятной стала опасность военного вторжения, то есть большой обычной войны, равной по масштабам мировым войнам. Чтобы убедиться в этом, коротко проанализируем поводы, которые в соответствии с традиционными взглядами могут привести к военной агрессии против нашей страны.

1. «Ликвидировать пример для подражания, угрожающий капиталистическому строю» — с правомерностью мессианства нашего образа жизни разобрались не только на Западе, но наконец и многие у нас дома. Более того, в стремлении вернуться на цивилизованные пути общественного развития мы все чаще будем вынуждены изучать, приспособлять к себе и заимствовать достижения государств и наций, живущих, по нашим меркам, в условиях «развитого капитализма».

2. «Захватить территорию, национальные богатства и природные ресурсы» — сегодня мы и так готовы отдать за бесценок почти все, что можем продать. Торговля, концессии, совместные предприятия — все это гораздо проще и дешевле для «потенциального противника» с точки зрения получения от нас ресурсов, необходимых для его экономического развития, чем введение дорогостоящей и чреватой глобальным конфликтом войны, с последующим в случае гипотетической победы расходом немалых средств для создания на захваченной территории необходимой инфраструктуры.

3. «Влияние на страны «третьего мира»» — оно сходит на нет в силу все того же неудохновляющего примера и, что особенно заметно в последнее время, сокращения советской экономической помощи этим странам, которая в прежние времена носила фактически безвозмездный характер. Остается подрывная работа, но против нее возможны эффективные контрмеры — борьба агентурная, агитационная и т. д., — так что никакой войны и не нужно.

4. «Упреждение агрессии» — при дефиците демократии в СССР этот повод может обсуждаться и быть предметом спекуляций как советского, так и, например, американского военно-промышленного комплекса.

Добавлю, что сегодня кажется маловероятным и создание коалиции против СССР крупнейших держав — участниц системы междуна-

родных отношений, хотя опасность вовлечения нашей страны в военный конфликт в результате эскалации взрывоопасных региональных кризисных ситуаций все еще сохраняется. Более вероятным и желательным представляется наше сближение с развитыми демократическими странами в целях:

- предотвращения акций нецивилизованных и недемократических режимов, имеющих или способных создать современное оружие массового уничтожения (ядерное, химическое, биологическое и др.);

- контроля за некомпетентным использованием мирных химических, ядерных, биологических и других производств и установок в мире;

- борьбы с международным терроризмом, в частности с его акциями в отношении атомных электростанций, химических, биологических и других предприятий, способными вызвать экологические катастрофы;

- борьбы с глобальным наркобизнесом.

Важно отметить, что в нынешних условиях ставка на количественные факторы в обеспечении военной безопасности нашей страны приводит к результатам, прямо противоположным желаемым, а чрезмерный упор на военные методы и средства обеспечения безопасности ведет к милитаризации общественной жизни, способствует укреплению атмосферы «осажденной крепости», которая тормозит развитие демократии и гласности.

К сожалению, политические установки на оборонительную достаточность, на переход от количественных к качественным факторам в обеспечении обороноспособности почти не находят отражения в практических подходах к военному строительству. По-прежнему наш оборонный бюджет поглощает значительно большую долю ВВП, чем у большинства развитых стран, что уже привело к перенапряжению сил общества. Происходящие же ныне изменения структуры оборонного бюджета находятся в вопиющем противоречии с провозглашенной переориентацией на качественные факторы в обеспечении военной составляющей безопасности нашей страны на основе принципа разумной достаточности.

Все это с необходимостью ставит вопрос о разработке общей стратегии безопасности страны, которая должна объединять все другие государственные стратегии: внешнеполитическую, экономическую, научно-техническую, экологическую, военную и т.д. Их взаимодействие должно обеспечиваться механизмом принятия решений на самом высоком государственном уровне с неременным использованием прогностических методов.

Действующая ныне система обеспечения безопасности страны не базируется на понимании национальных интересов страны (в силу отсутствия такого понимания сегодня) и не отвечает требованиям времени. Необходимо скорейшее проведение ее реформы. Опоздание чревато тем, что через какой-то срок уже никакие законы не обеспечат ни экономической, ни политической, ни военной стабильности.

Реформа системы безопасности страны должна получить четкое

правовое обеспечение. Верховный Совет СССР мог бы подготовить основы законодательства Союза ССР и союзных республик о безопасности. Только после их принятия (либо в пакете с ними) можно, если окажется целесообразным, рассматривать законы об обороне, о государственной безопасности, о КГБ, о советской милиции, о государственной тайне и др. Некоторые из этих законопроектов планируются уже на III и IV сессии Верховного Совета. Нельзя выносить их даже на первое чтение, пока они не проверены на соответствие общей концепции безопасности.

Основы законодательства о безопасности окажутся прямо или косвенно связаны почти со всеми как действующими, так и проектируемыми законами. Следовательно, в этой масштабной работе должны принять участие все комиссии палат и комитеты Верховного Совета СССР. Целесообразно образовать для этого временный комитет.

Принципиально новых решений требует и государственное строительство в сфере безопасности страны. Прежде всего необходимо создать полноценные структуры в Верховном Совете СССР, способные систематически и квалифицированно заниматься этой комплексной проблемой, иметь необходимые полномочия, информационное обеспечение.

— Какие проблемы в контексте «комплексности» безопасности должна решать военная реформа?

— Военная реформа должна радикально затронуть все стороны военного строительства, начиная с формирования его политических основ и кончая принципами комплектования Вооруженных Сил и механизма военных закупок. При этом необходимо учитывать социально-экономические аспекты процессов разоружения и сокращения Вооруженных Сил, возможного перехода армии и флота на профессиональную основу. Вскоре возвратится на Родину значительная часть наших войск, находившихся за пределами советской территории. Вместе с членами семей это сотни тысяч людей. Нельзя допустить, чтобы они оказались неустроенными, без жилья и работы. К сожалению, у нас и сегодня не обеспечена социальная защищенность военнослужащих и членов их семей, что подтвердилось, в частности, событиями в Закавказье.

— Формирование в нашей стране правового государства предполагает новое, существенным образом отличающееся от нынешнего положение Вооруженных Сил в структуре политической власти. Как свидетельствует опыт государств с развитыми традициями демократии, такое положение характеризуется системой «гражданского контроля». В чем ее суть и какие изменения по линии «общество—государство—Вооруженные Силы» должны произойти, если система гражданского контроля будет признана приемлемой и для нас?

— Гражданский контроль, существующий в развитых демократи-

ческих государствах, представляет собой, если следовать определениям западных политологов, такую систему общественного устройства, при которой основные принципы демократического гражданского общества занимают приоритетное место по отношению к принципам военного дела. Переход к такой системе с учетом нашей отечественной специфики должен начаться с назначения на пост министра обороны гражданского лица. Ведь этот человек должен быть прежде всего политиком, а не знатоком военного искусства.

Нонсенсом, требующим скорейшего устранения, если мы не только на словах стремимся к правовому государству, предполагающему действенный контроль законодательной власти за исполнительными органами, является положение, сложившееся сегодня в Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности. Здесь я вполне солидарен с мнением академика Г. Арбатова о том, что «нет другого парламента в мире, в котором добрую половину такого комитета составляли бы представители руководства военного ведомства и военной промышленности. Как нет и другого парламента, в котором вообще заседало бы такое количество генералов (одних заместителей министра обороны 14 из 15) и руководителей крупнейших военно-промышленных фирм»¹.

— *Предполагая необходимость перехода к гражданским началам национальной безопасности, нужно без идеологических шор разобратсья и в том, какие «начала» мы имеем в настоящее время. Ведь нельзя не видеть того, что военнослужащие все чаще оказываются вовлеченными в политические процессы, идущие в нашей стране. Что это: закономерное повышение роли Вооруженных Сил как гаранта стабильности общества или продолжение насилия, о котором как о первородном грехе Советского государства говорил на III внеочередном Съезде народных депутатов историк Ю. Афанасьев?*

— Деятельность Вооруженных Сил в любом государстве является продолжением политики этого государства, и наша страна здесь не исключение. Тотальное «огосударствление» общества, осуществленное во времена сталинизма и не преодоленное поныне, привело к тому, что широкий подход к обеспечению безопасности общества и страны был сведен к понятию безопасности созданных государственных институтов, которые можно защитить от внешней угрозы только военной силой и от внутренних посягательств — репрессивными органами. Поэтому известные факты использования Вооруженных Сил против мирного населения есть продолжение насилия агонизирующей власти партократии. В то же время применение армии в репрессивных целях еще больше усиливает ее внутренний развал, проявляющийся в низком уровне дисциплины, в коррупции, социальной дезинтеграции военнослужащих, противостоянии неоправданно многочисленного генералитета основной массе офицерского корпуса.

¹ *Огонек*, 1990, № 17, с. 10.

— Вместе с тем, как свидетельствуют события в Сумгаите, Тбилиси, Баку, сами конфликтные ситуации, в разрешении которых участвуют военнослужащие, также становятся продолжением политики, а если быть точнее, продолжением ошибок и рефлексии государственной власти, особенно ее местных органов. Но как только проливается кровь, отвечать за нее приходится военным. (Почему действовали слишком решительно? Почему медлили? Почему привлекли десантников? Почему — резервистов?..) Иногда возникает ощущение, что консервативные силы сознательно «подставляют» вместо себя военных, испытывают их терпение. Что Вы думаете об этом?

— Защита армией дискредитировавших себя сил безнравственна, и из этого следует исходить при анализе всех тех ситуаций (за исключением случаев стихийных бедствий, аварий и т.п.), когда армия используется не по назначению. Вооруженные Силы и КГБ предназначены только для выполнения функции внешней защиты. Поэтому, на мой взгляд, неправомечно, например, то, что КГБ оставил за собой борьбу с организованной преступностью. Необходимые для этой цели кадры и средства нужно передать в МВД, иначе опять возникает возможность присвоения КГБ функций тайной полиции под предлогом борьбы с организованной преступностью.

Что касается гипотетического стремления консервативных сил вызвать выступление народа против армии и расчистить таким способом путь к военному правлению, то этот путь абсолютно бесперспективен. Военное правление в нашей стране обречено на провал из-за отсутствия свободного экономического рынка, из-за государственного монополизма. Армия, придя к власти, никого не накормит. Кто же тогда будет кормить ее?

— Появление института многопартийности ставит вопрос о статусе политических органов в Вооруженных Силах. Дискуссия, разгоревшаяся вокруг данной проблемы, свидетельствует о том, что большинство ее участников придерживается двух противоположных точек зрения. Одни выступают за осуществление деполитизации армии и флота, ликвидацию политорганов и переход к единоначалию в Вооруженных Силах, но не на партийной, а на правовой основе. Другие считают, что армия не может быть вне политики, следовательно, в Вооруженных Силах должны быть специальные органы, представляющие Советскую власть. Основу их деятельности составят: воспитательная работа, социально-правовая защита военнослужащих, связь с местными органами власти и т.д. Разделяете ли Вы мнение одной из сторон?

— Я разделяю первую точку зрения. Что касается непосредственно связанного с ней вопроса о том, может ли личный состав Вооруженных Сил состоять в партиях и различных общественных организациях, создавать их в воинских частях, то здесь необходимо внимательно изучить мировой опыт. Хотя я высказался бы, может быть по-дилетант-

ски, за скорейшую и полную деполитизацию и департизацию Вооруженных Сил, равно как и КГБ, МВД, правоохранительных органов, суда и прокуратуры.

— *Проблема гласности в Вооруженных Силах. Все понимают, что Министерство обороны никогда не будет зданием с настезь распахнутыми окнами. Вместе с тем не считаете ли Вы необходимым ввести в практику Верховного Совета СССР заслушивание ежегодного отчета министра обороны о деятельности Вооруженных Сил, исполнении бюджета МО СССР, а также обоснования запроса о выделении средств на военные расходы? Как Вы относитесь к выпуску «Белой книги по проблемам обороны» и созданию специального центра военно-политической информации?*

— Гласность в делах военного ведомства — это всего лишь часть вопроса более общего. У нас множество организаций печется о секретности, но, как это часто бывает, у семи нянек дитя остается без глаза. И что самое страшное, мы тратим огромные деньги на обеспечение секретности и ничего при этом не достигаем.

Современный этап научно-технического развития и адекватные ему производительные силы связаны с информационными технологиями и информатизацией общества. Если учесть, что свыше 50 % валового национального продукта развитой страны непосредственно связано с производством, распространением и переработкой информации, то очевидно, что сложившееся в СССР бесхозяйственное отношение к своим информационным ресурсам, неоправданные режимно-секретные ограничения или информационное бескультурье выступают факторами ослабления государственной мощи. Неоправданная секретность наносит, по имеющимся оценкам, ущерб в 30—40 млрд. руб. в год, что составляет величину, близкую к госбюджету СССР на образование или здравоохранение. Это означает, что по объемам вовлекаемых в оборот информационных ресурсов и производимых затрат режимно-секретная деятельность представляет собой целую отрасль, которая развивается без продуманной стратегии, импульсивно и хаотично.

У нас затруднено общение между учеными, специалистами. Идет дублирование прикладных исследований без конкуренции, потому что все прикрыто секретностью. Один из самых страшных моментов — прикрывается халтура, идет разбазаривание денег.

Совет Министров СССР принял 15 ноября 1989 г. постановление, где, в частности, говорится: «Поручить ВАК... образовать специализированный совет... предоставив ему право присуждать ученые степени доктора и кандидата технических наук без защиты диссертационных работ, представления научных докладов и без сдачи кандидатских экзаменов. Состав этого совета утверждается высшей аттестационной комиссией по представлению министерства... Разрешить президиуму ВАК... утверждать присуждение ученых степеней по представлению указанного совета».

Невозможно даже вообразить, что на пятом году перестройки мог появиться тайком от народа, научной общественности такой документ. Мы знаем, какие в прошлом были масштабы злоупотреблений в системе ВАК. И вот теперь степени будут раздаваться практически без экспертизы, так как не предусмотрено даже прохождение через экспертные советы ВАК. А присуждение степени будет вестись этим специализированным советом по многим десяткам специальностей. Такого размаха не знали и в период застоя! Причем тайного в темах и разработках, представляемых этому закрытому специализированному совету, ничего нет.

Отсутствие независимой экспертизы — это страшная болезнь нашего общества. Оно тоталитарно. Мы все работники одного и того же хозяина. Поэтому собрать академиков ли, профессоров на независимую экспертизу по крупному проекту практически не представляется возможным. Все они слуги отрасли. Были попытки по важнейшим вопросам советской военной техники собрать независимую экспертизу. Она проявляла свои гражданские качества на первом заседании, а на втором уже каждый демонстрировал верность ведомству.

Присходящий косметический ремонт режимно-секретной системы не в состоянии обеспечивать истинные потребности безопасности. Нынешняя практика организации охраны секретов противоречит не только политике гласности, но и праву интеллектуальной собственности и сложившимся на мировом рынке традициям обмена знаниями и наукоемкими товарами.

Все это не может не сказываться на деятельности парламентариев, которые по интересующим их вопросам нередко получают мизерную информацию, зачастую далекую от действительности. В полной мере это относится и к информации, которую нам предоставляет военное ведомство. Поэтому давно назрели вопросы создания и «Белой книги по вопросам обороны», и центра военно-политической информации. При этом нужны независимые издания и независимые эксперты. Но смогут ли они быть независимыми в условиях нынешнего режима секретности, который пока никто не собирается кардинально реформировать? Думаю, что не смогут.

— Процесс десталинизации, проходя через драматический, кризисный этап развития, вынужден преодолевать «сдерживание» со стороны части населения, искренне верящей в эффективность «железной руки». Не вызывает ли у Вас опасения возможность установления в стране военной диктатуры? Что нужно сделать, чтобы эта гипотеза не подтвердилась практикой ни сегодня, ни завтра?

— Опасность такая, безусловно, существует, хотя, повторяюсь, путь этот для нашей страны совершенно бесперспективен. Что может ее предотвратить? Прежде всего, полная гласность в освещении нашего прошлого и настоящего, формирование на этой основе исторического сознания народа. Во-вторых, поляризация армии, в первую очередь

ее офицерского корпуса. В-третьих, открытая для обсуждения в армии и обществе подготовка военной реформы. Лично у меня вызывает моральное неприятие корыстное стремление ряда военных руководителей представить любую критику персонально в их адрес как «очернительство» всех Вооруженных Сил. Вызывают тревогу факты расправы с инакомыслящими офицерами со стороны армейского командования — о них все чаще сообщает печать. Мне думается, что подобные факты в период подготовки и проведения военной реформы должны постоянно находиться в поле зрения законодателей, причастных к радикальному преобразованию военной сферы.

— И последний вопрос, касающийся истории взаимоотношений армии и общества, складывавшихся на заре нашего государства, и имеющий непосредственное отношение к проблеме воспитания исторического сознания. Сегодня много говорится о пользе согласия (консенсуса) для нынешнего дня. Нельзя ли с позиций согласия посмотреть и на историю гражданской войны, не искать в ней только новых героев — «белых» — и не развенчивать только старых героев — «красных», а отныне и навсегда относиться к этой войне как к великой беде, постигшей наш народ?

— Согласен с Вашим подходом и очень надеюсь, что трагедия эта никогда больше не повторится.

Беседу вел Андрей Черкасенко

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — РАДИКАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

*Беседа с народным депутатом СССР, вице-президентом
АН СССР, академиком В. Н. Кудрявцевым*

— Владимир Николаевич, в Вашем интервью «Красной звезде» 14 сентября 1988 г. едва ли не впервые на страницах печати прозвучало упоминание о военной реформе. Касаясь истории вопроса, а именно реформы Красной Армии 1924—1925 гг., Вы особо подчеркнули огромную роль в ее проведении действовавшего при Реввоенсовете крупного законодательного отдела, а также военно-законодательного совещания, в состав которого входили видные государственные деятели и военачальники. Создание подобных организационно-правовых структур, судя по опыту 20-х годов, является обязательным условием успешного проведения военной реформы. Но сегодня, когда наше общество вновь находится на пороге военной реформы и ему приходится решать типологически сходные задачи, такого органа пока не создано ни на правительственном, ни на парламентском уровнях.

— К сожалению, такова реальность, хотя она и имеет свое объяснение. Заключается оно в сложившейся в застойные годы ведомственно-анонимной практике подготовки законодательных актов. Военная реформа здесь не исключение, скорее наоборот. Как только радикальные преобразования советских Вооруженных Сил, всей системы обеспечения государственной безопасности стали на повестку дня нашего общественного развития и были осознаны руководством страны, за дело взялись не только независимые эксперты, но и Министерство обороны, в недрах которого, насколько я знаю, сегодня активно готовится закон об обороне, о правовом статусе военнослужащих и другие законопроекты. Однако то, что министерство само готовит закон об обороне, на мой взгляд, ненормально, поскольку он касается всего общества и носит общегражданский характер, затрагивая права и обязанности всех граждан нашей страны. Конечно, военное ведомство должно участвовать в его разработке, но в рамках вневедомственной комиссии по военной реформе при Верховном Совете СССР. Иначе существует опасность, что основные перспективы проведения военной реформы будут искажены.

Что касается комиссии Верховного Совета СССР по выработке концепции военной реформы и контроля за ее реализацией, то такую комиссию необходимо иметь как можно скорее. Я уже давно выступаю за то, чтобы при комитетах и комиссиях Верховного Совета создава-

лись экспертные группы, состоящие не только из депутатов. Например, при Комитете по законодательству уже образуются рабочие группы по конкретным законопроектам. Аналогичный и, повторяю, независимый характер должна носить и комиссия по военной реформе.

— *Военная реформа сегодня — это прежде всего концепция. Какой Вы ее себе представляете?*

— Военную реформу я вижу как комплекс мероприятий, определенных действий, комплекс достаточно сложный. Его основой и одновременно главной движущей силой является новая военная доктрина нашего государства. Поскольку в настоящее время разрабатывается единственно верная в ядерную эпоху оборонительная военная доктрина, основанная на принципе разумной достаточности, то в результате военной реформы должна появиться армия, соответствующая этой доктрине. Если же говорить о существующих гранях концепции военной реформы, то это прежде всего экономическая грань, ограничивающая военный бюджет и военное производство рамками разумной достаточности; социально-политическая грань, трактующая роль и место Вооруженных Сил в политической системе советского общества, положение и социальную защищенность военнослужащего в обществе; правовая грань, законодательно регулирующая внешние и внутренние отношения в Вооруженных Силах, и, наконец, техническая грань, определяющая качество и количество вооружений и боевой техники, необходимых для эффективного сдерживания и устранения военной угрозы.

— *Проведение военной реформы — относительно длительный процесс, который потребует привлечения к анализу изменяющихся отношений внутри армии и вне ее огромного числа ученых, профессионально разбирающихся в военно-политических проблемах. Иными словами, необходимо кадровое обеспечение военной реформы, особенно ее правового аспекта. В то же время приходится констатировать, что в нашей стране хронически не хватает как юристов, так и центров независимой гражданской экспертизы военной политики. Весьма символично в этом плане расположение небольшого особняка Института государства и права (ИГП) АН СССР, который Вы долгие годы возглавляли. Невольно бросается в глаза, что он окружен многоэтажными зданиями военного ведомства, в которых разместились Министерство обороны, Генеральный штаб, Главное политическое управление. Численность любого управления этих военных организаций, по-видимому, может составить конкуренцию штату сотрудников ИГП, так же как и числу сотрудников Министерства юстиции СССР. Кстати, подобная пропорция сохраняется и в нашем парламенте, где всего 62 депутата-юриста, но 83 депутата-военнослужащих...*

— Вы даже слишком много юристов насчитали в парламенте. Такая цифра получается, если считать по должностям. В этом случае сюда включают, например, представителей МВД и КГБ, хотя не все из них имеют юридическое образование. По моим подсчетам, юристов-профессионалов, то есть тех, кто может квалифицированно предлагать

законы, в Совете Союза 9 человек и в Совете Национальностей — 11. С этим, конечно, связаны определенные трудности в работе Верховного Совета, вызывающие справедливые нарекания со стороны избирателей.

— *Как Вы считаете, не следует ли создать в Институте государства и права сектор военно-правовых исследований?*

— Идея, безусловно, заслуживает внимания, но боюсь, что на данном этапе там нет подходящих кадров. В институте работают несколько бывших военнослужащих, но они уже в возрасте и проблемы современных Вооруженных Сил знают недостаточно хорошо. Сужу по себе, хотя в армии я прослужил более двадцати лет. Поэтому создавать научное подразделение по военно-правовой проблематике на базе старшего поколения, которое будет лишь вспоминать ушедшие годы своей военной молодости, было бы делом искусственным. Думаю, что солидное научно-исследовательское юридическое подразделение могло бы возникнуть на базе Военного института МО СССР, готовящего профессиональных военных юристов.

Но вопрос можно поставить и в более общем виде, а именно: не пришло ли время создать открытый центр военно-политических исследований? Очевидно, такой центр сегодня необходим. Мне, конечно, трудно судить о возможностях той или иной военной академии, но в качестве наиболее предпочтительного места для основания центра я бы назвал Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. Существенным ее отличием, на мой взгляд, является наличие здесь молодых гуманитариев, а на молодых ученых следует делать особую ставку, если мы хотим разорвать порочный круг стереотипов, мешающих адекватному пониманию как развития общественных процессов, так и существенных изменений, которые претерпевают в настоящее время Вооруженные Силы во внутренней и внешней политике нашего государства.

Конечно, создаваемый центр не должен носить замкнутый характер, и к его работе обязательно должны привлекаться коллективы и отдельные ученые академических институтов, в том числе Института государства и права. В определенном смысле и советскую ассоциацию «Армия и общество», в состав которой вошли многие философы, политологи, юристы и экономисты из числа прогрессивно мыслящих военных ученых, преподавателей и адъюнктов ВПА, можно рассматривать как прообраз подобного центра.

Особо хотелось бы остановиться на такой проблеме, как подготовка военных юристов. В качестве выпускника бывшей Военно-юридической академии могу подтвердить, что она готовила высококвалифицированных юристов. Там были собраны наиболее авторитетные научно-педагогические кадры. Сейчас же уровень подготовки военных юристов снизился, его надо поднимать, и в этом направлении определенные шаги уже сделаны. Мне также приходилось выступать в поддержку результатов эксперимента по усилению юридической службы, проведенного в Московском военном округе. Речь тогда шла о введении должности юрисконсульта на уровне объединений и соединений.

Насколько мне известно, решение об этом принято. Однако хорошая идея в определенном смысле оказалась дискредитированной. Думаю, люди военные поймут, что я имею в виду: должность юрисконсульта соединения по штату сделали капитанской, в то время как, например, начальник физической подготовки и начальник медслужбы соединения — подполковники.

— *В дискуссиях, развернувшихся сегодня вокруг военной реформы, речь чаще всего идет о принципах комплектования армии и флота. Как Вы относитесь к идее перехода Вооруженных Сил на профессиональную основу?*

— С того времени, как я расстался с Вооруженными Силами, прошло уже немало лет, и отвечать на вопрос о профессиональной армии профессионально мне довольно трудно. Здесь важно быть специалистом и иметь компетентное суждение о весьма большом количестве факторов, имеющих отношение к армейской действительности. Но сама идея мне кажется привлекательной. В идеале богатая, процветающая страна может иметь мощные, хотя и малочисленные вооруженные силы, состоящие из высокооплачиваемых профессионалов... Впрочем, когда я ознакомился с соображениями генерала армии М. Моисеева и некоторых других, то увидел, что здесь есть много сложностей. Причем носят они не только экономический, но и психологический характер. Может быть, даже больше психологический, потому что данные о том, что полностью профессиональная армия будет стоить в 5—8 раз дороже, приводятся военными руководителями довольно часто, а вот серьезных экономических выкладок, подтверждающих эти расчеты или опровергающих их, встречать пока не доводилось.

Споря сегодня о проблемах профессиональной армии, нельзя забывать и об аномальных явлениях, связанных, например, с деятельностью военно-строительных отрядов в гражданских министерствах и ведомствах...

— *Военно-строительные отряды как атавизм вооруженных сил сталинского типа?*

— Это только часть вопроса, ибо при всеобщей воинской обязанности в государстве с населением, достигающим 300 млн. человек, возникает довольно большой контингент призывников. Но если все эти призывники не нужны в войсках — я имею в виду боевые части, — то возникает необходимость в альтернативной службе.

— *Можно ли назвать службу в военно-строительных отрядах альтернативной службой в полном смысле этого слова? Ведь существует Женевская конвенция 1930 г., запрещающая принудительный труд. Советский Союз ратифицировал эту конвенцию в 1956 г., но выполняется ли она?*

— Что касается военно-строительных отрядов в гражданских министерствах и ведомствах, то я согласен, что их наличие противоречит международно-правовым нормам. Об этом сейчас много говорят и пишут. Я хочу сказать, что альтернативная служба может быть организована совершенно иначе, и не только в интересах военного ведомства. Примеры этого можно найти во многих цивилизованных государствах

мира, где лица, изъявившие желание по своим пацифистским или религиозно-этическим убеждениям проходить гражданскую службу (которая, кстати, более продолжительна, чем военная), работают в госпиталях, в коммунальных службах, привлекаются для ликвидации последствий стихийных бедствий и т.д. Напомню, что есть итоговый документ Венской встречи, подписанный в январе 1989 г., есть резолюция комиссии ООН по правам человека. В них содержатся рекомендации государствам обеспечивать в своих законах и при их применении полное и эффективное осуществление свободы мысли, свободы совести, религии и убеждений, а также не подвергать наказанию лиц, отказавшихся от военной службы по соображениям совести.

— *Одна из серьезнейших проблем, которую призвана решить военная реформа, обусловлена необходимостью пересмотра нынешнего социально-правового статуса военнослужащего. Как могло произойти, что люди военные, прежде всего офицеры, отдавая все свои силы и здоровье делу защиты Отечества, посвящая этой, вне всяких сомнений, великой и жертвенной цели свою жизнь, сами оказались социально не защищенными?*

— Это, конечно, неестественно и ненормально. Тем более в таком государстве, как наше, которое всегда относилось к армии с глубоким уважением и почтением. Подобное отношение было традиционным для дореволюционного времени, сохранялось оно и в советский период вплоть до конца Великой Отечественной войны и некоторое время после нее. Упадок интереса к воинской службе и снижение уважения к армии — результат последних десятилетий. Объяснить это можно следующими причинами.

С одной стороны, население стало негативно относиться к армии, потому что армия — непроизводительная сила, она не дает видимого эффекта, зато отнимает ощутимые средства. Даже тот факт, что на улицах наших особенно крупных городов едва ли не круглые сутки можно встретить огромное количество военнослужащих (хотя мне непонятно, почему солдаты не могут ходить в увольнение в гражданской одежде), скорее раздражает население, чем способствует росту его симпатий к военной форме. С другой стороны, те трудности, которые затронули все общество, — я имею в виду жилье, медицинское обслуживание и питание — распространились и на армию. При этом положение офицера также стало ухудшаться.

Но есть еще один фактор — нравственный. К сожалению, мораль оказалась деформирована не только в гражданском обществе, но и в армии — как у личного состава срочной службы, так и у представителей офицерского корпуса. Иначе просто трудно объяснить ту же «дедовщину». Определенные социально ущербные формы поведения привносятся и закрепляются в армии люди, приходящие в нее из гражданского общества. Многих из этих недостатков, безусловно, можно будет избежать, имея меньшую по численности и добровольную армию.

— *Говоря о нравственности в Вооруженных Силах, Вы подразумеваете отношения, складывающиеся внутри армии, а также между армией и народом. Но ведь есть еще и государство, атрибутом кото-*

рого являются Вооруженные Силы. Сегодня тысячи военнослужащих находятся в Закавказье. Об их пребывании в Армении и Азербайджане сказаны и написаны тысячи слов, — слов самых разных. Может быть, эта разность во мнениях и является причиной того, что далеко не сразу были названы имена тех солдат и офицеров, которые погибли здесь, сохраняя верность присяге и выполняя приказ. Где и как похоронены они? Что будет с семьями этих «неизвестных» рядовых, лейтенантов, майоров, чья жизнь оборвалась мирной зимой 1989 г.?

В Японии души погибших воинов, по преданию, поселяются в синтоистском храме Ясукуни. Каждый, кто приходит сюда, может поклониться выполненному солдатскому долгу независимо от того, на войне ли в составе бывшей императорской армии или на учениях нынешних «сил самообороны» погиб японский солдат. Звездно-полосатым флагом покрывает Америка тела своих сыновей, сохранивших верность военной присяге, и в последний путь их нередко провожает первая леди США — супруга президента.

Мы же, разрушив и осквернив храмы, построенные во славу победы русского оружия, и все еще не убрав с полей сражения останки героев Великой Отечественной, втянулись в стыдливую процедуру негласной раздачи цинковых гробов, продолжающуюся до сих пор. Да и где гарантии, что родственники погибших и военнослужащие, получившие увечье в Закавказье, не услышат завтра от какого-нибудь чиновника так знакомое многим афганцам: «А я вас куда не посылал!»? Может быть, с этих гарантий, с прав, которое цивилизованное общество гарантирует своим павшим и живым защитникам, и следует начать военную реформу?

— Вы, безусловно, правы, я полностью разделяю сказанное Вами. В комплексе взаимоотношений между армией и обществом есть и отношение к армии со стороны официальных органов. Но здесь следует сразу оговориться: проблема эта касается не только военнослужащих, но и общества в целом. К сожалению, в данном случае речь идет не о нравственных нормах, а скорее об их отсутствии в официальной морали. Возьмите, к примеру, несчастные случаи с людьми гражданскими. Разбился самолет «Аэрофлота». Погибли люди. Но ведь имен погибших мы не называем. Почему не назвать имена, не отдать последний долг памяти? Как ни прискорбно говорить об этом, но таких примеров немало. Погибали наши специалисты и советники в развивающихся странах, попадали в плен, но их имена также оставались неизвестными. О чем это говорит? О том, что сформировавшееся в нашей стране отношение к личности как к «винтику» государственной машины остается еще далеко не изжитым. Поэтому начинать надо с возрождения гуманизма, уважения к Человеку, к его жизни и смерти. Только при этом условии может измениться и отношение к военнослужащим.

Право и мораль неразделимы. Возможно, это прозвучит странно в устах профессионального юриста, но одними лишь умными и хорошими законами нашу страну не перестроить. В первую очередь необходимо думать о культуре, об общей культуре населения, ее развитии. Ко-

нечно, можно издать указ о бережном отношении к кладбищам, в том числе и к могилам военнослужащих, но можно ли изменить только этим указом накопившееся в обществе, в государстве равнодушие к человеческой жизни, принимающее попросту варварские, нецивилизованные формы? Военнослужащие являются лишь одним из примеров такого отношения, хотя и более зримым, так как речь идет о людях, по долгу службы жертвующих своей жизнью.

К нашему стыду, в капиталистических странах отношение к военным, к воинской службе нередко оказывается много уважительнее. Мне пришлось видеть в Вашингтоне памятник американцам, погибшим во Вьетнаме. Что меня поразило, так это то, что на нем были выбиты все без исключения имена погибших солдат и офицеров, причем никто не выделен по чинам, заслугам или полученным наградам.

Или другой пример отношения к армии и военной службе. В Швейцарии, которая имеет очень небольшие вооруженные силы, каждый гражданин должен регулярно проходить военные сборы. Эта обязанность распространяется на всех, включая членов правительства. Несколько лет назад подошла очередь премьер-министра, и он прямо из своего кресла, без всяких отсрочек отправился в казарму, где в звании рядового под командованием капрала вместе со всеми проходил в течение нескольких недель военные сборы, ничуть не унизив этим личного достоинства.

— *В наши дни для решения проблем социальной защищенности военнослужащих создаются различные неформальные движения и организации: союз социальной защиты военнослужащих «Щит», Комитет солдатских матерей и т.д. В армиях государств Восточной Европы появляются военные профсоюзы. Как Вы смотрите на возможность образования военных профсоюзов и в наших Вооруженных Силах?*

— На мой взгляд, при правильной организации жизни, быта и деятельности армии потребность в создании дополнительных общественных формирований не возникает. Если мы имеем хорошо организованную интендантскую службу, всесторонне продуманную заботу о семьях военнослужащих, надежно налаженную юридическую службу и т.д., то в этих условиях военный профсоюз мне представляется нонсенсом. Другое дело, когда в социальной сфере Вооруженных Сил образуется вакуум... Что касается государств—членов НАТО, в армиях которых, насколько мне известно, также существуют военные профсоюзы, то там в вооруженных силах служат в основном добровольцы, а следовательно, правовые отношения требуют иного регулирования, чем, например, в странах со всеобщей воинской обязанностью. К тому же профсоюзы в данном случае выступают и как форма общественно-политической организации военнослужащих, так как последние в большинстве капиталистических государств отделены от политической жизни, не могут состоять в партиях или быть избранными в парламент.

— *Это чрезвычайно интересное обстоятельство. Применима ли подобная практика «деполитизации» вооруженных сил к нам?*

— На мой взгляд, это было бы правильным решением. Сегодня наше общество находится на переходном этапе. Мы отходим от командно-административной системы с руководящей ролью одной партии и вступаем в многопартийность. Конечно, при однопартийной системе в принадлежности военнотружущих к одной политической организации ничего страшного нет. Но в условиях политического плюрализма в Вооруженных Силах, ориентированных на какую-то одну политическую организацию, могут возникнуть серьезные трудности — так же как и в правоохранительных органах. Мне кажется, в конечном счете мы придем к такому положению, когда политическая деятельность в Вооруженных Силах будет если не запрещена, то ограничена.

— *В то же время полностью деполитизировать армию, видимо, нельзя...*

— Конечно, запретить человеку иметь те или иные политические убеждения или пристрастия никто не вправе. Но с другой стороны, можно ли допустить появление в армии организаций разных партий? Я считаю, что нельзя. Ибо в противном случае появятся ячейки народного фронта, кадетов, КПСС и т.д., и каждая из них будет проводить партийные собрания и выбирать комиссаров?! Над этой проблемой необходимо думать, — думать очень серьезно, не откладывая решение в долгий ящик, потому что сдержать проявление этих процессов армия не сможет. В армию они придут из общества с призывным контингентом, члены которого наверняка будут привязаны к тем или иным политическим группировкам. И если эти процессы не начать регулировать уже сегодня, то завтра может быть поздно.

— *Опыт перестройки, вернее, уже история перестройки, наглядно показывает, что многие политические решения принимаются постфактум. Но Вооруженные Силы не тот институт, с которым можно безнаказанно экспериментировать и подолгу ждать, как на него повлияют те или иные происходящие в обществе политические процессы.*

— Безусловно. Прогноз и упреждающее решение в таком деле необходимы. Более того, возможность возникновения в армии различных, даже противоборствующих политических группировок может стать реальностью уже в ближайшее время. Причем не только в итоге раскола в мировоззрении офицерского корпуса, чего, конечно, ни в коем случае нельзя допустить, но и как результат призыва новых контингентов молодых людей. В этом случае армия, а затем и общество могут лишиться стабильности.

*Беседу вели Анатолий Пчелинцев
и Андрей Черкасенко*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

*Беседа с народным депутатом СССР, президентом
Советской ассоциации политических наук,
членом-корреспондентом АН СССР
Г. Х. Шахназаровым*

— *Георгий Хосроевич, еще недавно политология не признавалась у нас областью научного знания, причислялась к лженаукам и рассматривалась как одна из форм буржуазной апологетики. При этом в лженауках политология ходила гораздо дольше, чем ее сестры по несчастью — генетика, кибернетика, криминология и социология. Что изменилось в этой области за годы перестройки?*

— Вы правы, политология как наука у нас действительно долгие годы не признавалась. Табу на изучение политической системы общества, политической власти, политических отношений и механизмов, места политики в культуре, человеческой цивилизации держалось не только в период культа, но и гораздо позже — в течение всего времени, которое мы сегодня называем застойным. Табу это, впрочем, было своеобразным: писалось и печаталось многое, но работы носили в основном пропагандистский, схоластический характер. В них было больше идеологии, чем науки. И, обсуждая проблемы, ученые старались не выходить за рамки категорий и подходов 20—30-х, в лучшем случае 50-х годов.

Между тем за рубежом политология оформилась после войны в самостоятельную, быстро развивающуюся научную дисциплину. Сейчас только в США работает 30 тыс. специалистов-политологов. У нас же под словом «политолог» долгие годы понимали антисоветчика, противника всего прогрессивного. Не мудрено, что в теоретической разработке политических проблем наша наука сильно отстала.

После апреля 1985 г. ситуация, бесспорно, изменилась в лучшую сторону. Политология была официально признана самостоятельной отраслью отечественной науки, за ее развитие присуждаются ученые степени кандидата и доктора политических наук. В некоторых вузах страны появились кафедры политологии, политической психологии. При Институте государства и права АН СССР создан пусть небольшой, но самостоятельный Центр политологических исследований. В 1989 г. впервые на стажировку в США направлена группа молодых советских политологов. В ближайшее время начнет выходить политологический журнал. На повестке дня создание Института социальных и политологических исследований. А главное, в последнее время в области политологии появился ряд интересных и глубоких теоретических исследований.

Как видим, определенный прогресс есть. И все же очевидно, что уровень политологических исследований у нас пока существенно ниже, чем в развитых западных странах, да и профессиональных политологов у нас явно не хватает.

— *На какой базе будет создаваться Институт социальных и политологических исследований? Предполагается ли проводить в нем исследования по военно-политическим проблемам?*

— Такой институт будет создан на базе Института международного рабочего движения АН СССР. Очевидно, целесообразно иметь там секцию военно-политических исследований. Помимо этого, я думаю, необходимо создать специальное политологическое научное подразделение в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. По-видимому, можно пойти по пути некоторых цивилизованных стран, где при крупных институтах, университетах, военно-учебных заведениях существуют сравнительно небольшие центры стратегических и военно-политических исследований, что-то вроде наших научно-исследовательских лабораторий.

— *Какое место в политической науке занимает сегодня изучение проблем взаимоотношения армии и общества и есть ли необходимость выделения этой проблематики в самостоятельную научную и учебную дисциплину — военную политологию?*

— Это очень важные, актуальные проблемы, и мы так или иначе подходили к их изучению. Но мы изучали, как правило, какие-то отдельные аспекты, например военные конфликты, соотношение военных сил и т.п. Политология не брала на себя то, чем она должна заниматься: положением армии в политической системе, проблемами обеспечения безопасности общества политическими средствами, определением перспектив военного строительства с учетом политической обстановки в мире.

Военная доктрина в наше время уже не может быть сугубо военной, она в большей степени становится доктриной военно-политической. Еще Александр Македонский перед походом учитывал соотношение политических сил на своем пути, знал, с кем вступить в союз, а с кем — в сражение. Как видим, политика всегда была частью военного дела, так же как военное дело было частью политики. Когда-нибудь политика освободится от военной силы. Мы на это надеемся и к этому стремимся. Пока же говорить об этом рано, хотя в современном мире роль политических средств в обеспечении безопасности увеличивается. Однако коль скоро военные средства существуют, необходимо сделать так, чтобы они также служили безопасности и сохранению мира без их применения. Это один из самых существенных вопросов политической науки и практики.

Что касается военно-политической науки, то она требует внимания и активного развития. Сегодня в этой области мало авторитетных специалистов. Когда осенью 1988 г. мы выезжали в Вашингтон на конгресс по глобальным проблемам человечества, то у нас возникли серьезные проблемы с комплектованием советской делегации именно из-за недостатка высококлассных специалистов в сфере военной политологии.

В любой науке, как известно, чем выше уровень обобщения, тем достовернее прогноз. Чтобы такой прогноз в политической науке был эффективным, требуется комплексный анализ и комплексное изучение целого ряда аспектов — экономических, психологических, военных, религиозных и т.д. И я не сторонник искусственного разделения изучаемых явлений на части, тем более что сейчас трудно отделить военные проблемы от мирных. Но всему есть предел. Можно и нужно профессионально изучать отдельные аспекты общих проблем, в том числе проблем обеспечения безопасности, с тем чтобы, соединив их, получить целостную картину явления. Поэтому военная политология должна стать частью, с одной стороны, политической науки, а с другой — военной.

Думаю, что политологию необходимо преподавать и в военно-учебных заведениях. Военнослужащие должны обладать глубокими политическими знаниями и высокой политической культурой. В некоторых военных вузах, как мне известно, этот вопрос сейчас прорабатывается. Но здесь таится реальная опасность того, что кафедры, скажем, научного коммунизма или марксистско-ленинской философии начнут переименовываться в политологические, а содержание учебных программ либо не поменяется вовсе, либо поменяется, но несущественно. Этого следует избежать.

В функциональном плане, на мой взгляд, целесообразно на научных политологических конференциях для удобства работы создавать военно-политические секции, а в Советской ассоциации политических наук — иметь соответствующую подсекцию.

— *Какие направления исследований в области военной политологии Вы считаете наиболее актуальными?*

— Таких направлений много. Назову лишь некоторые. Это место и роль Вооруженных Сил в политической системе, функции армии, механизм принятия военно-политических решений, военная доктрина и национальная безопасность, проблемы демократизации армии и гласности, взаимоотношения партий и армии, полномочия союзных республик в области обеспечения обороны и др. Массу проблем предстоит не то что решить — просто поставить. Все они требуют, во-первых, серьезного научного осмысления и, во-вторых, надлежащего правового регулирования.

— *Еще десять лет назад Вы ставили вопрос о необходимости деидеологизации общественных отношений. Этот же вопрос Вы поднимаете и в своих последних работах. Следует ли его понимать так, что в Вооруженных Силах не должно быть места идеологии?*

— Я считаю, что мы не сумеем преодолеть кризис, если не проведем деидеологизацию общества. Одним из главных источников всех наших бед явилось глубокое заблуждение, будто новое общество можно строить по чертежу, как обычное архитектурное сооружение. При таком подходе любой шаг в экономике, политике или духовной сфере допустим лишь при условии его соответствия социалистическому идеалу. Таким образом, его принимают за истину, не проверив на практике. Целью становится не польза, а абстрактная идея. Деидеологизация

не имеет ничего общего с отречением от содержания марксистско-ленинской теории. Напротив, само это учение надо очистить от «идеологизмов», которые противоречат его творческому духу, превращают из науки в догму и утопию, в вариант Священного писания. Таким образом, идеологии необходимо отвести то место, которое она заслуживает. Если хотите, это коренная проблема всего общественного развития.

Когда то или иное общественное явление занимают отведенное ей природой место в обществе, оно играет позитивную роль. Ведь при разумном подходе идеология несет в себе большой патриотический заряд, вдохновляет людей на трудовые и ратные подвиги. С другой стороны, всякий перекося приводит к издержкам и колоссальным отрицательным последствиям.

Идеологии Вооруженных Сил должна быть присуща высокая исполнительность личного состава, преданность своему народу, готовность к выполнению приказа, к самопожертвованию во имя защиты Родины.

— С этим трудно не согласиться. Но идеология бывает государственной и партийной, идеологические установки и цели у разных партий могут быть противоположными. Не внесет ли это в условиях политического плюрализма и многопартийности раздор в среду военнослужащих, не станет ли армия ареной политической и идеологической борьбы, что весьма и весьма опасно? Мировой опыт военного строительства, да и отечественный дореволюционный опыт говорят о том, что партиям и политическим движениям не место в армии.

— В этом действительно кроется опасность. Но думаю, нам нельзя не учитывать объективных условий, содержания новой редакции статьи 6 Конституции СССР. Как бы КПСС ни критиковали, она была инициатором перестройки и остается стабилизирующей силой в обществе. Сейчас нередко можно слышать разговоры о необходимости департизации Вооруженных Сил. По-моему, так ставить вопрос преждевременно. В армии большой отряд коммунистов, единомышленников по политическим взглядам и убеждениям.

— Да, в армии около 75% офицеров — члены КПСС. Но 25% — не коммунисты. Среди прапорщиков, мичманов и военнослужащих срочной службы процент коммунистов значительно ниже. Следовательно, многие военнослужащие, исходя из принципа их полноправия как граждан СССР, вправе вступать в любые партии (что, кстати, уже и делается). Вот где, на наш взгляд, кроются истоки нестабильности армии, выступающей инструментом государственной власти. Армия должна выражать интересы всего народа, а не отдельных политических партий; она должна быть выше политических амбиций и притязаний.

Страны Восточной Европы, как и весь цивилизованный мир, департизировали свои вооруженные силы, и никакие партии там не вправе вмешиваться в деятельность армии — она подчиняется только высшим органам государственной власти. Думается, что мы также «созрели» для этого.

— Отчасти с Вами согласен. В перспективе, возможно недалекой, мы к этому тоже придем. Но именно сейчас поступать так преждевременно. Эти вопросы, как я уже говорил, требуют глубокого осмысления и сравнительного анализа.

— *В числе проблем, которые требуют научного анализа, Вы назвали вопрос о функциях армии. Вооруженные Силы традиционно участвуют в уборке урожая, в ликвидации последствий стихийных бедствий и крупных аварий. За четыре года через Чернобыль прошло более 340 тыс. военнослужащих и воинов запаса. Только в 1989 г. на уборке урожая работало 75 530 военнослужащих и 37 тыс. автомобилей. С помощью армии в Нечерноземье построено 600 км дорог и т.д. Разумеется, делается это не от хорошей жизни, и все мы относимся к этому в целом с пониманием. Хотя, безусловно, здесь есть над чем задуматься и не со всем можно согласиться.*

Но вот в различных регионах страны возникли конфликты на межнациональной почве, и опять армия оказалась в эпицентре событий. В этом вопросе многие граждане отказались от роли пассивных наблюдателей. Достаточно вспомнить многотысячные митинги против призыва военнообязанных запаса в Ставропольском крае. Как Вы оцениваете подобную ситуацию?

— Не все здесь так просто, как кажется на первый взгляд. Представьте себе, сколько еще было бы жертв и пролитой крови, не приди на помощь армия. Конечно, лучше бы иметь для подобных ситуаций специально подготовленные внутренние войска, но их в нужный момент не всегда хватало и не было поблизости. Поэтому задействование армии — временная и вынужденная мера, и, как Вы заметили, не от хорошей жизни.

В подобных ситуациях неуместны спекуляции. В Литве, например, в средствах массовой информации подняли шум по поводу того, что военные ворвались в больницу и забирают больных граждан. Таков наглядный пример дезинформации: ведь из больницы вытаскивали вполне здоровых скрывающихся там дезертиров, по сути дела — уголовных преступников. Скажите, какая власть и какая армия в мире будет спокойно взирать на то, как из вооруженных сил дезертируют военнослужащие? Что бы там ни говорили, но эти ребята принимали присягу, и ее надо выполнять.

С другой стороны, здесь требуется диалог между центром и республиками. Возможно, какую-то часть вопросов в области военного строительства необходимо передать союзным республикам, как предусматривалось по Конституции до 1977 г. Но, повторяю, нужен диалог, обоюдное решение. А без этого создалась взрывоопасная ситуация в регионе, которая неизвестно чем может кончиться.

Думаю, Закон об обороне СССР определит задачи Вооруженных Сил, других воинских формирований, а также компетенцию высших органов государственной власти и управления Союза ССР и союзных республик в области обеспечения обороны и поставит точки над *i* по многим возникающим вопросам.

— *У Вас не создалось мнения, что центр нередко опаздывает? К*

примеру, в Латвии 1 марта 1990 г. принят Закон об альтернативной (трудоустройственной) службе, соответствующий нормам международного права и в то же время противоречащий общесоюзному законодательству, которое не успевает перестраиваться и не всегда соответствует международно-правовым документам.

— Такие факты, к сожалению, имеются. Высшие законодательные органы страны должны более оперативно принимать необходимые законы. Приведу другой пример. В русской армии единственного в семье сына в армию служить не призывали. И это было справедливо: он — наследник, продолжатель рода, помощник родителям по хозяйству. Сейчас такой нормы в Законе о всеобщей воинской обязанности не содержится. Это, по-моему, неправильно. Я не имею в виду военное время. Меня, единственного сына у родителей, мобилизовали во время войны, и я служил пять лет, из них два года на фронте командовал батареей. Но это была война. В мирное же время, на мой взгляд, призывать в армию единственного сына не следует.

Еще один пример. Если в семье два сына и один из них в мирное время погибает при выполнении воинского долга, то гуманно ли призывать на военную службу второго сына? По законодательству некоторых стран, в подобных случаях второй сын освобождается от призыва. Все эти вопросы нам надо решать.

— *Упомянутые частные вопросы вытекают из общего — не хватает призывников. В этой связи как Вы относитесь к более профессиональным, но меньшим по численности Вооруженным Силам?*

— Положительно отношусь. Не берусь судить, какая именно по объему армия нам нужна, это дело специалистов. Но военная реформа назрела, и одно из ее направлений — углубление профессионализации военнослужащих.

На меня сильное впечатление произвел факт, опубликованный в печати, — в Афганистане наши потери были в десять раз ниже среди хорошо подготовленных военнослужащих, чем среди новичков. Вот Вам ответ на Ваш вопрос.

— *Еще совсем недавно высказывания некоторых военных ученых и народных депутатов о необходимости военной реформы рассматривались чуть ли не как инакомыслие. Сейчас о ней дружно заговорили. Однако есть основания опасаться того, что военная реформа будет подменена Законом об обороне и некоторыми другими законодательными актами (например, новой редакцией общевоинских уставов). Исторический опыт свидетельствует также о том, что для проведения военных реформ требуются прежде всего квалифицированные кадры, и не в последнюю очередь юридические. Но до сих пор не предпринимается усилий по кадровому обеспечению реформы, нет соответствующих структур. Каково Ваше мнение по затронутой проблеме?*

— Мне импонирует Ваша озабоченность судьбой военной реформы. Хочу Вас успокоить. Мы еще всерьез не брались за военную реформу, пока что прорабатываются самые предварительные ее контуры. И безусловно, военная реформа не может ограничиться принятием Зако-

на обороне, ее сфера значительно шире. Даже если ее не поддержат некоторые военные и другие лица, военная реформа будет непременно проведена, поскольку она является интегральной частью всего процесса перестройки, в частности конверсии, и если кто-то захочет застопорить военную реформу, то, уверяю Вас, общество этого не допустит. Это сегодня понимают многие.

— *Итак, военная реформа объективно неизбежна. Можно ли в таком случае рассматривать ее как одно из направлений десталинизации, демократизации общества?*

— Я не согласен с термином «десталинизация». Он ненаучен и субъективен. К Сталину можно привязать что угодно, и когда говорят о десталинизации, то многие пожилые люди, фронтовики оскорбляются. Все-таки мы при Сталине войну выиграли. А вот говорить о военной реформе как о преодолении элементов, не свойственных социализму, видимо, можно.

Взять, к примеру, демократизацию армии. Она, безусловно, нужна, особенно на уровне начальник — подчиненный. Ведь сегодня единоначалие возвели чуть ли не в культ. Единоначалие в армии необходимо, оно присуще всем армиям мира, обойтись без него армия не может. Но нужны надежные правовые гарантии, исключающие вседозволенность начальников, их произвол, беззаконие по отношению к подчиненным. Нужны нормальные, цивилизованные отношения между военнослужащими.

Именно на этой почве многие военнослужащие испытывают сегодня огромную неудовлетворенность службой. Об этом нетрудно судить по многочисленным публикациям в печати. Вспоминаю, что у нас в артучилище во время войны был старшина-самодур. Он замордовал несколько человек, двое курсантов покончили жизнь самоубийством. Служака, он считал, что своим нечеловеческим отношением к нам, семнадцатилетним мальчишкам, готовит нас к фронту. Ему доставляло удовольствие по несколько раз за ночь устраивать подъемы, заставлять делать многочисленные приседания, бегать. Его ненавидели. Попытки жаловаться на него не помогали. Нам отвечали: бросьте, это вам на пользу пойдет, на фронте еще благодарить его будете за то, что так муштровал. Но вот сколько лет прошло, а благодарности к нему не испытываю.

В то же время армию нельзя превращать в сходку митингующих людей. В армии нужна железная дисциплина. И демократия там не означает, что военнослужащий может не выполнить приказ командира.

Сейчас возрождаются Офицерские собрания. Они были и в русской армии, и во время Великой Отечественной войны и оправдали себя. Следует хорошенько продумать проблемы, связанные с возрождением этой традиции, и военная наука должна сказать здесь свое веское слово.

Некоторые офицеры вышли сейчас на политическую арену. Я имею в виду прежде всего народных депутатов разных уровней. Некоторым из них общество доверило возглавить городские и районные Советы народных депутатов, как, например, в Солнцевском районе

г. Москвы. Раньше такого я что-то не припомню. Этот аспект их деятельности также требует научного осмысления. В политике чины и звания ничего не стоят, здесь требуются другие измерения и качества. И многие народные депутаты, в том числе молодые представители Вооруженных Сил, такими способностями обладают.

— *Мы говорим о возрождении лучших традиций русской армии, кодекса чести офицеров. Но как этого добиться?*

— Надо прежде всего создать социальную базу, проявив заботу о военнослужащих. Если офицерам негде жить, если возникают общества бездомных офицеров, объявляются голодовки, значит, армия серьезно больна. Хороших слов и призывов мало, нужны серьезные меры не только правового характера, но и социальной защиты военнослужащих.

Сейчас идет сокращение армии — следует позаботиться об увольняемых в запас. Ведь у многих, что называется, ни кола ни двора. В то же время многие их гражданские сверстники имеют квартиры, дачи, машины, положение в обществе. А у военных за плечами полигоны, несколько гарнизонов, а то и болезни в придачу. Думаю, что нужна продуманная «человеческая конверсия», она даже более важна, чем промышленная. Если люди в военной форме отчаются, то можно ожидать взрыва.

— *В Новой редакции Конституции СССР нет упоминания о Совете Оборона СССР. Кто выполняет функции этого органа теперь?*

— Президентский совет.

— *Но достаточно ли в таком совете одного военного человека — министра обороны?*

— Видимо, достаточно. При решении отдельных сугубо военных вопросов всегда можно привлечь военных экспертов, специалистов в области военной политики.

Завершая нашу беседу, хочу подчеркнуть, что политическая наука в долгу перед обществом, ей еще предстоит внести свой вклад в обеспечение его безопасности. Мы, разумеется, затронули лишь небольшую часть проблем, которые требуют научного и практического решения.

*Беседу вели Анатолий Пчелинцев
и Андрей Черкасенко*

АРМИЯ НУЖДАЕТСЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Беседа с народными депутатами СССР полковником Александром Цалко и подполковником Василием Ерохиным

— *Нарастающие кризисные явления, особенно в области национальных отношений, все чаще ставят вопрос о правовом регулировании использования Вооруженных Сил в так называемых чрезвычайных обстоятельствах внутри страны. Значит ли это, что на смену «не признанным» в брежневской конституции внутренним функциям армии придут чрезвычайные функции конституции периода перестройки?*

А. Цалко. Законом о правовом режиме чрезвычайного положения предусматривается применение Вооруженных Сил при объявлении чрезвычайного положения. Это означает, что такие функции в предназначении армии включены законодательно. Против этого решения я выступал на сессии Верховного Совета 1 марта 1990 г. Почему? Армия к выполнению таких функций не готова, что и подтверждается характером ее действий в уже имевших место ситуациях.

Ее подготовка к таким действиям не предусматривалась ранее планами оперативной и боевой подготовки войск. Личный состав оказался в правовом, моральном, физическом и психологическом планах неготовым к подобным действиям. Использование в населенных пунктах частей и подразделей, предназначенных и подготовленных для боя с технически хорошо оснащенным противником, зачастую напоминает поведение «слона в посудной лавке». Только вместо посуды страдают ни в чем не повинные люди.

Факты применения армейских подразделений и частей внутри страны должны остаться в прошлом досадными вынужденными мерами, но ни в коем случае не должны становиться обычной практикой. При этом я не только не исключаю, а считаю необходимым применение войск для ликвидации последствий аварий и стихийных бедствий.

В. Ерохин. Безусловно, оказание помощи населению при стихийных бедствиях, авариях, катастрофах — такое проявление внутренней функции Вооруженных Сил вряд ли у кого-нибудь вызовет протест или негодование. Если же речь идет о разгоне демонстраций, митингов, предотвращении или прекращении беспорядков, то для этого существуют специальные части и подразделения МВД, и использование армии в этих целях я также считаю недопустимым. Основной задачей армии должна быть защита территориальной целостности и суверенитета государства.

Вместе с тем осложнившаяся внутривнутриполитическая обстановка, появление сил откровенно фашистского толка не исключают возникновения такой ситуации, когда речь пойдет о судьбах государства и общества. В этом случае армия не может и не вправе оставаться в стороне. Однако, как оговорено в упомянутом законе, такую ситуацию необходимо определять как чрезвычайную, а решение о применении армии должно приниматься Верховным Советом или Президентом СССР. Важно, чтобы данная ситуация имела четкое правовое определение, которое ни в коем случае не допускало бы двойного или даже расширенного толкования.

— *Военная реформа стоит на повестке дня нашего государства. По всей видимости, центральным вопросом обсуждения проектов этой реформы будет вопрос о принципе комплектования Вооруженных Сил: всеобщая воинская обязанность (допускающая или не допускающая альтернативную гражданскую службу), кадрово-милиционная система или полностью профессиональная (добровольческая армия). Какой принцип Вы считаете наиболее приемлемым для Советской Армии будущего?*

А. Цалко. Да, это действительно один из главных и наиболее сложных вопросов военной реформы. Ответ на него, вытекающий из ныне действующих конституционных принципов защиты социалистического Отечества, устарел. В Конституции взаимосвязано два понятия — защита Отечества и воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР. При этом первое (ст. 62) — священный долг каждого гражданина СССР, а второе (ст. 63) — почетная обязанность советских граждан.

В условиях сокращения Вооруженных Сил — а мы неизбежно идем к этому — к почетной обязанности будет привлекаться все меньшее число граждан призывного возраста. Возникнут вопросы: сколько, кого, для чего и руководствуясь какими критериями призывать?

Принцип всеобщей воинской обязанности работать не будет. Он уже сейчас не работает — студенты вузов не призываются. Реализация этого принципа не позволит сократить армию, войдет в противоречие с политикой и международными обязательствами государства.

Ныне изменилось само понятие Вооруженных Сил, из них выведены пограничные, внутренние и железнодорожные войска. Следуя букве закона, призыв граждан в пограничные и внутренние войска приказом министра обороны — акт незаконный, о чем говорилось на Втором Съезде народных депутатов СССР.

Проектом военной реформы, разработанным группой народных депутатов СССР — офицеров в содружестве с военными учеными, предполагается комплектование Вооруженных Сил на профессиональной добровольной основе. При этом не отвергаются принципы ни священного долга, ни почетной обязанности. Реализация их может осуществляться через систему альтернативной гражданской службы и территориально-милиционную систему подготовки населения к защите Отечества.

В. Ерохин. Если попытаться кратко изложить разделяемый мною

подход к этой проблеме, то следует сказать, что Советская Армия и Военно-Морской Флот в будущем будут кадровыми, профессиональными, при добровольном способе комплектования, интернациональными по составу и сохраняющими принцип всеобщей воинской обязанности на военное время. Элементы кадрово-милиционной системы будут присутствовать в переходный период, а затем будут распространены на части подготовки резерва. Альтернативная служба, видимо, также нужна только в переходный период.

— *Обострившиеся в последние годы проблемы социальной защищенности военнослужащих и членов их семей могут стать не только тормозом на пути военной реформы, но и причиной серьезной социальной напряженности. Есть ли в связи с этим необходимость комплексного рассмотрения этого вопроса как накануне, так и в ходе осуществления военной реформы?*

В. Ерохин. Военнослужащий наших Вооруженных Сил лишен многих прав гражданина СССР, не защищен от грубости, клеветы, использования в качестве дешевой рабочей силы, причем независимо от звания и воинской профессии. Где, в какой армии мира можно увидеть военного летчика первого класса — аса в небе, красящего после полетов забор или укладывающего асфальт, или старшего офицера, подметающего территорию военного городка, собирающего металлолом? В какой армии мира возможно такое, чтобы, утром обвинив летчика в том, что он довел до самоубийства подчиненного, вечером отправить его в ночной полет, не принимая и не желая слушать никаких его объяснений? Это только те случаи, очевидцем которых мне довелось быть самому. Думаю, что любой офицер, прослуживший в армии несколько лет, может привести примеры подобного обращения с ним или его сослуживцами.

Именно такое бесправное положение угнетает больше всего, гораздо больше, чем бытовая неустроенность. Она становится причиной апатии и равнодушия среди офицеров. Сегодня эти настроения достигли критической точки. Не видеть этого, закрывать на это глаза преступно.

Переход к профессиональной армии в ходе осуществления военной реформы позволит исключить использование военнослужащих для решения вопросов, не связанных с боевой подготовкой. Кроме того, в ходе реформы предусматривается создание таких условий, которые позволили бы максимально реализовать потенциал личности, защитить ее в правовом отношении, гуманизировать внутриармейские отношения. Но целый ряд мер необходимо принять, не дожидаясь начала осуществления реформы. Уже сегодня подготовлены предложения о внесении изменений и поправок в Закон о всеобщей воинской обязанности, гарантирующие военнослужащему срочной службы право на отпуск, а офицеру — право на беспрепятственное увольнение из рядов Вооруженных Сил по рапорту через пять лет службы в офицерской должности. Готовится закон о правовом статусе военнослужащего.

А. Цалко. Я глубоко убежден, что проблемы не только социальной, но и правовой, моральной, нравственной защищенности военно-

служащих, проблемы гуманизации армии должны решаться как приоритетные. С них должны начинаться все изменения положения личности военнослужащих как в армии, так и в обществе. Иначе мы пойдем к реализации других направлений военной реформы (организационных, технических, управленческих и т.д.), потеряв большое количество думающих, знающих себе цену офицеров и прапорщиков — профессиональных военных и авторитет армии в обществе.

— *Одним из основных принципов нашего военного строительства практически с первых лет Советской власти был принцип партийного руководства. Будет ли сохраняться этот принцип в условиях многопартийности? Какие изменения должны произойти в Вооруженных Силах в случае его отмены?*

А. Цалко. Будет ли сохраняться? Видимо, будет — до тех пор, пока другие партии не станут реальной политической силой. Но было бы лучше, если бы у нас хватило предусмотрительности заменить его принципом государственного руководства.

Что для этого необходимо? Подбор и расстановку руководящих кадров армии должен осуществлять не ЦК КПСС, а Комитет Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности (его подкомитет по Вооруженным Силам). Критериями должны стать не служба в партийных аппаратах тех или иных уровней, не родственные и влиятельные связи, а личные деловые и моральные качества. Надо шире реализовывать принципы конкурентности, альтернативности — одно это позволит существенно обновить «верхушку», сделать ее менее консервативной, более прогрессивной.

Осуществление принципа партийного руководства Вооруженными Силами на практике означает, что они остаются бесконтрольными. Ни в партии, ни в правительстве нет механизма контроля за деятельностью армии. Все отдано на откуп членам и кандидатам в члены ЦК — военнослужащим. Все тем же командующим округами и флотами, заместителям министра обороны.

Главная инспекция Министерства обороны входит в его состав и подчинена заместителю министра. Может ли она находить и устранять недостатки в деятельности руководящих органов своего министерства? Конечно, нет. Для этого необходимо создать независимый, вневедомственный контролирующий орган, ибо сегодня документы, направленные в любые инстанции, но затрагивающие те или иные сферы деятельности Министерства обороны, окажутся на столе у должностных лиц этого же министерства.

Из принципа партийного руководства армией вытекает необходимость в ней политорганов. В нынешнем виде они себя давно изжили — громоздкая и малоэффективная структура, занимающаяся всем и ничем конкретно, обеспечивающая «партийную основу» единоначалия. Через политорганы КПСС за счет государственного бюджета осуществляется руководство деятельностью партийными организациями. Полагаю, что партии следует это делать за свой счет.

Роль и место политорганов обязательно должны измениться. Армии нужны органы, занимающиеся вопросами правового, патриотиче-

ского и нравственного воспитания, проблемами правовой и социальной защищенности военнослужащих, но не подменяющие всех и вся.

В. Ерохин. На мой взгляд, многопартийность в нашем обществе уже реальность, поэтому ни о каком принципе партийного руководства говорить не приходится. Иначе необходимо признать за каждой партией право иметь в Вооруженных Силах свои партийные организации и политорганы. Можете себе представить, во что превратятся армия и флот в случае реализации этого права. Что же касается изменений, то они должны быть следующими:

— единоначалие на партийной основе заменено единоначалием на правовой основе;

— политорганы реорганизованы, скорее всего, в несколько служб (юридическая, социологическая, психологическая, по связи с общественностью). Они утратили свои надзирающие и наказующие функции и проводят в армии политику не отдельной партии, а государства;

— деятельность всех партий в Вооруженных Силах запрещена.

— *Какими процедурами контроля за деятельностью высших органов военной администрации обладает или, на Ваш взгляд, должен обладать Верховный Совет СССР?*

А. Цалко. На сегодняшний день приходится констатировать, что практически никаких возможностей контролировать деятельность высших военных органов Верховный Совет не имеет. Для осуществления их парламентского контроля нужно установить контроль за постатейным расходованием средств, отпускаемых на оборону, за расстановкой руководящих кадров и их деятельностью. Что касается контроля за профессиональной деятельностью военных, то он должен осуществляться профессионалами, подчиненными исполнительной власти.

В. Ерохин. Добавлю, что такими процедурами контроля могут быть: ежегодный отчет Министерства обороны Съезду или Верховному Совету СССР; ежегодные доклады специально созданных аналитических групп по различным вопросам, затрагивающим оборону и государственную безопасность (уровень реальной военной опасности, состояние боевой готовности войск, техническая оснащенность, состояние дисциплины, преступность, употребление наркотиков и алкоголя среди военнослужащих и др.); парламентские слушания по вопросам военного бюджета, военных и военно-технических программ.

— *Более года назад на состоявшемся в редакции журнала «Век XX и мир» «круглом столе» по проблемам взаимоотношений армии и общества прозвучал непростой и уже ставший знаменитым вопрос: «На чьей стороне будет армия, если перестройку захотят ликвидировать вооруженным путем?» Остается ли этот вопрос актуальным и сегодня?*

А. Цалко. Актуальность его заметно снизилась и продолжает снижаться. Открытые выступления против перестройки были невозможны благодаря ее популярности. Но под прикрытием лозунга о «защите принципов социализма» вероятность таких действий, на мой взгляд, существовала.

В. Ерохин. Разделяю мнение своего коллеги, хотя и считаю, что

говорить об абсолютной неактуальности этого вопроса преждевременно. Приведу пример: в январе этого года наш полк был передислоцирован в Азербайджан, в район чрезвычайного положения. Для информирования личного состава к нам прибыл представитель вышестоящего штаба в чине полковника. Во время беседы с офицерами из его уст мы услышали следующее заявление: «Вы прибыли сюда воевать. Кому не нравится — партбилет на стол, рапорт — и вон из армии!»

Потом оказалось, что вышестоящий штаб тут ни при чем, что это была личная инициатива полковника и его собственное понимание сложившейся обстановки.

Но меня лично это не успокаивает.

Беседу вел Андрей Черкасенко

ДЕПУТАТЫ-ОФИЦЕРЫ — ЗА КАРДИНАЛЬНУЮ ВОЕННУЮ РЕФОРМУ

*Беседа с народным депутатом СССР, майором
В. Н. Лопатиным*

— Владимир Николаевич, надеюсь, что не погрешу против истины, если скажу, что о единстве армии и народа чаще всего говорят накануне войны. Когда же враг разбит или угроза войны из реальной превращается в гипотетическую, в этом единстве обнаруживаются всевозможные противоречия. Спектр их велик и включает в себя как многозначительный вопрос «Сколько стоит армия?», так и падение престижа воинской службы и даже нежелание девушек выходить замуж за храбрых офицеров. Рано или поздно, но эти противоречия приходится разрешать, и лучшим средством здесь, как свидетельствует история, становится военная реформа. За годы после окончания второй мировой войны через военную реформу прошли вооруженные силы большинства развитых государств мира. Наконец наступил и наш черед. Тем не менее что, на Ваш взгляд, послужило причиной столь долгой, растянувшейся на перестроечное пятилетие отсрочки не только самой военной реформы, но даже и постановки вопроса о ее проведении?

— Для того чтобы поставить вопрос о любом общественном преобразовании, прежде всего необходимо его теоретически осмыслить. Чем же была занята у нас та сила, которая, по идее, должна была сыграть авангардную роль и в этой сфере социальной жизни? Та сила, которая сосредоточила в своих руках все институты, способные разрабатывать, анализировать и прогнозировать ситуацию, вырабатывать соответствующие рекомендации. Та сила, имя которой КПСС, а точнее, ее аппарат, а еще точнее — занимающиеся проблемами армии и флота отделы ЦК КПСС. Коротко можно ответить так: эта сила призвала к перестройке. Народ призыв поддержал и спросил: «Что делать?» Ему ответили, что нужны радикальные реформы, в том числе и политическая.

Казалось бы, что, начав разрабатывать концепцию политической реформы, а следовательно, и реформы институтов государственной власти, партия вскоре поставит вопрос и о военной реформе. Но этого не произошло. Более того, первые робкие попытки армейской ответственности сказать вслух о накопившихся в наших Вооруженных Силах проблемах были встречены в штывы со стороны руководства Министерства обороны, что, видимо, нашло определенную поддержку у ряда представителей партийных верхов. Почему так произошло?

Первоначальная концепция политической реформы, главный ее смысл сводились к возврату к ленинским идеям строительства социалистического общества. При этом подразумевалось, что ставшие к тому времени очевидными для всех деформации социализма затрагивают не природу, не сущность, а лишь отдельные элементы сложившейся в нашей стране политической системы. В результате мы стали, казалось бы, последовательно осуществлять переход к подлинно ленинскому пониманию народовластия, провозгласили лозунг «Вся власть Советам!», а через пять лет перестройки вновь, в который уж раз после 1917 г., обнаружили, что снова идем не туда. Неожиданное прозрение, наступившее на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС, привело к скорому принятию на III внеочередном Съезде народных депутатов СССР Закона «Об учреждении поста Президента СССР».

В результате мы стали свидетелями начала отсчета нового этапа истории СССР, предполагающего возврат не столько к ленинским идеям, сколько к тем традиционным устоям развития мирового сообщества, упорное игнорирование которых красной нитью проходит через всю семидесятилетнюю историю нашего государства как формы политического устройства победившего пролетариата. Сегодня мы говорим о необходимости иметь сильную президентскую власть и сильный противовес и дополнение к ней в лице парламента. Это противоречит основным положениям ленинских работ (так как в парламенте он видел орудие диктатуры буржуазии), но соответствует главному принципу, используемому В. И. Лениным, — диалектике. Все это свидетельствует о том, что до последнего времени главные ориентиры политической реформы предполагали косметический ремонт отдельных государственных институтов, не позволяли вывести их на новый качественный уровень, хотя такая цель предусматривалась. Вот почему очень многие важные вопросы, в том числе и вопросы военной реформы, спустя пять лет перестройки оказались практически не готовы для рассмотрения обществом. Но в настоящее время их ставит сама жизнь.

Сегодня целый комплекс противоречий заставляет говорить в полный голос о важности скорейших кардинальных преобразований в военной сфере. Это противоречия между: глубокими структурными преобразованиями в обществе и отставанием подобных преобразований в Вооруженных Силах; растущей самостоятельностью республик и отсутствием у них права совместного решения вопросов обороны, безопасности и военного строительства; изначальным предназначением армии и ее использованием для выполнения не свойственных ей функций как орудия социального насилия и дешевой рабочей силы; высокой общенациональной значимостью армии для страны и падением ее престижа в связи с неблагоприятным состоянием материального, социально-бытового обеспечения военнослужащих и членов их семей (что вызывает снижение интереса к службе среди офицерского состава, массовое стремление порвать со своей профессией), а также из-за негативных процессов в самих Вооруженных Силах (процветание протекционизма и военного бюрократизма, гибель и увечья личного состава в мирное время, распространение неуставных взаимоотношений

между военнослужащими); целями воспитания в процессе воинской службы и подготовки к ней воина-гражданина и сложившимся в армии механизмом подавления личности, консерватизмом системы партийно-политической работы, обучением и воспитанием личного состава, ведущими к отставанию его боевой подготовки от уровня армий ведущих стран мира.

Однако зададимся вновь вопросом о том, насколько эти противоречия осмысливаются «наверху». А «наверху» у нас по-прежнему, с одной стороны, власть ограниченного числа партийных функционеров, оторвавшихся от значительного числа рядовых коммунистов и предпочитающих ориентироваться на ту информацию, которую ей сообщает военная элита, а с другой — сама эта элита подобрана таким образом, что будет говорить и делать то, что отвечает интересам партийного руководства и что, кстати говоря, не противоречит ее собственным интересам и привилегиям, но во многом не совпадает с интересами основной массы военнослужащих. Получается замкнутый круг, вырваться из которого, то есть создать условия для серьезных преобразований советских Вооруженных Сил, возможно только в том случае, если военная реформа начнется с радикального преобразования органов, формирующих военную политику.

— *На последней проблеме хотелось бы остановиться более подробно. В начале 1990 г. подкомитетом по Вооруженным Силам Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности создана специальная комиссия для разработки концепции военной реформы, у которой, насколько мне известно, есть еще и неофициальное название по имени ее руководителя — «комиссия Лопатина». Как возник этот орган, каков его статус и как он работает?*

— Я бы назвал его комиссией подвижников военной реформы, так как работаем мы на хозрасчете своего собственного энтузиазма и едины в своей вере в то, что жить так, как живут сегодня наши армия и флот, больше нельзя. Краткая история такова. После I Съезда народных депутатов многие депутаты-военнослужащие, равно как и избиратели, пославшие их на Съезд, остались неудовлетворенными ходом обсуждения в высшем законодательном органе страны проблем Вооруженных Сил. В очередной раз была предпринята попытка ограничиться парадным отчетом военного руководства, в котором положение дел в Вооруженных Силах было представлено чуть ли не блестящим. Но соглашаться с этим значило бы пойти против своей совести. Те, кто пойти на это не захотел, предприняли первую попытку объединения военных депутатов для совместного — подчеркну: совместного — с органами военной администрации рассмотрения противоречий наших Вооруженных Сил, разработки предложений по их преодолению с последующим обсуждением в Верховном Совете или на очередном Съезде народных депутатов.

Первоначально мы хотели объединить усилия всех 83 депутатов-военнослужащих (49 адмиралов и генералов, 1 курсанта, 2 служащих СА, 31 офицера). Но если бы я, в то время капитан, подошел к

маршалу или генералу и сказал: «Давайте объединяться», — то это, наверное, было бы не совсем правильно понято. Вот почему роль организатора мы предложили тому, кто по своей должности главного политработника Вооруженных Сил и по своему депутатскому статусу мог сделать это лучше всех. Однако только 20 октября 1989 г., после неоднократных, в том числе и моих, телефонных переговоров с генералом армии А. Д. Лизичевым такое объединение состоялось, получив формальное название «Военный клуб депутатов». Но уже первая наша встреча, проходившая в Центральном Доме Советской Армии, показала, что военное руководство намерено таким способом лишь «демократизировать» наше дальнейшее бездействие как депутатов. В качестве основного условия подобной консолидации нам, по существу, было предложено делать лишь то, что согласуется с точкой зрения генералов. Всякое инакомыслие, естественно, не поощрялось.

Вот почему, когда до начала II Съезда оставалось полтора месяца, те из военных депутатов, кто жаждал практических дел, попытались организовать и создали небольшую группу. Первоначально нас было только шесть человек, но мы совместно с военными учеными, среди которых философы, социологи, экономисты и политологи, подготовили первый вариант концепции военной реформы. Фактически это не было самой концепцией реформы. Наша задача состояла в том, чтобы таким способом приоткрыть дверь реформе, сделать заявку, и на II Съезде нам это удалось.

В результате решением подкомитета по Вооруженным Силам 4 января 1990 г. была создана комиссия для разработки концепции военной реформы на основе официального документа II Съезда народных депутатов. В ее состав вошло 8 человек: 3 депутата и 5 ученых-экспертов. К концу марта работа комиссии в основном была завершена и проект был подготовлен, если можно так сказать, «в первом чтении». При его подготовке мы встретили огромную заинтересованность, соперничество и сопричастность многих военных и гражданских ученых. У нас не было ни средств для финансирования этой работы, ни каких-то дополнительных стимулов (а для представителей военной науки это было сопряжено с риском быть уволенными в запас), кроме объединившего всех нас желания найти выход из того лабиринта проблем, в котором оказались сегодня наши Вооруженные Силы и все общество.

— *Бывая на Калинина, 27, в здании, где находится комитеты и комиссии Верховного Совета СССР, мне приходилось видеть, что в работе вашей комиссии принимало участие довольно большое число специалистов. Но с идеями и предложениями о проведении военной реформы приходили сюда и посланцы из войск...*

— Совершенно верно. Ученым и специалистам приглашения поступали от нас, а со стороны армейской общественности инициатива была проявлена самостоятельно и буквально на следующий день после того, как наша комиссия приступила к работе. В разработке концепции военной реформы приняли участие ведущие специалисты в области военно-политической проблематики из семи институтов АН СССР, трех военных академий, четырех военных институтов. Бы-

ли использованы материалы и доклады независимой общественной экспертизы, проходившей в январе этого года в Подмосковье, представителей Ассоциации содействия ООН, теоретиков и практиков военного строительства непосредственно из войск, групп поддержки военной реформы, возникших практически по всей стране, предложения, поступившие как от отдельных военнослужащих, так и от целых воинских коллективов. В ходе пятимесячной работы проблемы и наработки реформы обсуждались на встречах народных депутатов СССР — офицеров в частях всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Такой подход мы считаем единственно верным, гарантирующим от ошибочных решений, подготовленных в тиши кабинетов.

Почему возникла такая активность? Да потому, что вопросы о том, что будет с нашей армией, с кем будет она в той или иной ситуации, станет ли гарантом демократических преобразований или, напротив, остановит их, сегодня волнуют все общество. Особенно беспокоят они тех, кто носит военную форму. И в этом члены нашей комиссии еще раз смогли убедиться, когда к нам начали приходить ходоки, которых делегировали целые воинские части. Они прибывали из гарнизонов, расположенных в группах войск за рубежом, передавали постановления офицерских собраний, собраний личного состава, в которых содержалась поддержка нашей деятельности, предлагались полезные идеи, дополнения для разработки и проведения военной реформы.

— *Как видно из ваших слов, в том, что комиссия работала самостоятельно и независимо от военного ведомства, нет ничего странного, ведь степень радикальности любой реформы (закона) во многом определяется уровнем независимости разрабатывающих ее экспертов. Однако эта проблема имеет и другую сторону: практики всегда снисходительно относятся к теоретикам, считая, и нередко небезосновательно, что знание теории без практических навыков ведет к схоластике во взглядах на те или иные преобразования. Не является ли это одной из главных причин тех трений, которые возникли в ходе разработки концепции военной реформы между комиссией и Министерством обороны?*

— Теоретически с Вами можно согласиться. К тому же никто из моих коллег никогда не ставил и не ставит под сомнение необходимость тесного сотрудничества, а если нужно, и компромиссов, с руководством и аппаратом военной администрации. Однако для того, чтобы иметь реальное представление о возможности такого сотрудничества, думаю, будет полезным рассказать о том, как складывались наши отношения с нынешним военным руководством.

Перед тем как выносить предварительный проект своих предложений по военной реформе на обсуждение II Съезда, мы хотели услышать мнение о нем участников Всеармейского офицерского собрания, проведение которого было намечено на первую декаду декабря 1989 г. Поэтому мы заблаговременно подали заявку А. Д. Лизичеву с предложением собрать военный клуб депутатов 7 декабря (в печати сообщалось, что Всеармейское офицерское собрание состоится 8—9 декабря), с тем чтобы предварительно обсудить наш проект со всеми народными

депутатами от Вооруженных Сил. Каково же было наше удивление, когда депутатский клуб не состоялся, а 7 числа началось Всеармейское офицерское собрание. Вот почему мы, лишенные возможности обсудить наш проект со всеми депутатами-военнослужащими, сумели показать его лишь небольшой части депутатов-офицеров. Семнадцать человек из них поставили под ним свои подписи, отсюда первоначальное его название — «Проект семнадцати».

Во время проведения вышеупомянутого мероприятия никому из «семнадцати» слово предоставлено не было. Оставалось единственная возможность рассказать о наших взглядах на военную реформу (само это слово в то время носило характер нездоровой сенсационности) после официальной части собрания, на встрече его участников с депутатами. К сожалению, журнал «Коммунист Вооруженных Сил», единственный напечатавший мое выступление во время этой встречи, «пересмыслил» его до неузнаваемости.

Тогда же состоялась и наша первая проверка на прочность. По завершении встречи депутатам, поставившим подпись под проектом, со стороны ряда депутатов-генералов, этого не сделавших, была устроена настоящая обструкция с угрозами — вплоть до увольнения из рядов Вооруженных Сил. Наслушались мы всяких оскорблений. Впервые столкнувшись с грубостью и невоспитанностью в таких массовых масштабах, я подумал: какая сосредоточена безграничная власть и в каких безнравственных руках! Примечательно, что этот, как выразились бы летчики, «разбор полетов» происходил в культурном центре Советской Армии, на сцене ее театра. Министра не было, он не депутат. Был А. Д. Лизичев. Не все выдержали проверку — один из офицеров, выступая, от своей подписи отказался.

Вскоре пришло время и для других подобных проверок. Остановлюсь только на одной из них. Чтобы не зависеть от влияния консервативно настроенных генералов и получить организационную самостоятельность, было решено разработать проект положения и устава нашей офицерской депутатской группы. Документ был подготовлен и попал к А. Д. Лизичеву, который фактически обвинил нас в сепаратизме.

После этого непосредственно на II Съезде военная депутатская группа в полном составе собралась еще раз. Выступая на ее заседании и обращаясь в основном к старшим чинам, я сказал, что ни к какому расколу мы не стремимся, но консолидироваться на беспринципной основе, когда права одних не уважаются другими, не имеет смысла. В конечном счете независимая военная группа депутатов была создана. Мы открыли ее для офицеров запаса, для воинов-афганцев. Сегодня она реально существует и набирает силу. Члены группы выступают активными участниками и пропагандистами концепции военной реформы.

Безусловно, признание необходимости радикальных преобразований в Вооруженных Силах, а тем более первые шаги на пути к этим преобразованиям были бы невозможны, если бы во время работы II Съезда представители нашей группы не были приняты и вниматель-

но заслушаны Н. И. Рыжковым, если бы мы не получили поддержку политического и государственного руководства страны.

В целом можно сказать, что сегодня достигнут подлинный прорыв по вопросам военной реформы. Во-первых, о проблемах армии наконец начали говорить правду на всех уровнях и вслух. Во-вторых, существует проект концепции военной реформы. Сейчас после его проработки в упомянутой выше комиссии идет его изучение в комитетах и комиссиях Верховного Совета СССР. В-третьих, с идеей военной реформы формально согласилось и военное руководство. Это, хотя и вынужденное, согласие с его стороны сегодня также элемент положительный. Правда, есть опасность того, что, приняв эту идею, оно задушит ее в своих объятиях и по-прежнему будет ограничиваться латанием дыр и ремонтом фасада.

Комиссия МО СССР, созданная в соответствии с Постановлением ЦК КПСС, в настоящее время готовит свой альтернативный проект концепции «развития Вооруженных Сил до 2000 г.» (а не военной реформы, включающей в себя экономический, политический и другие аспекты). В то же время Министерство обороны не отказалось от попыток вынести на Верховный Совет проекты Закона об обороне и уставов, не изложив при этом программы военной реформы. Ведь вначале нужно определиться концептуально. Как говорит наш Президент, прежде чем строить мост, следует решить, будем мы его строить вдоль или поперек.

— Так или иначе концепция военной реформы разрабатывается и в основном уже подготовлена. В связи с этим объективно возникает новый вопрос: какие механизмы будут внедрять эту концепцию в жизнь и созданы ли такие механизмы?

— Вопрос этот крайне важен. Можно создать хорошую концепцию, но без института реформаторов — тех, кто кровно заинтересован в проведении реформы в жизнь и облечен соответствующими полномочиями, — дело дальше разговоров не пойдет. Вот почему на III внеочередном Съезде народных депутатов СССР наша группа предприняла очередной шаг, чтобы обратить внимание депутатов, руководителей государства и правительства на необходимость принятия первоочередных мер. В распространенном в качестве официального документа Съезда тексте обращения предусматривалось упразднение Совета Оборона и создание при Президенте СССР совещательного органа для выработки на основе данных парламентского информационного центра рекомендаций по обеспечению безопасности государства. Речь идет не об органе, дублирующем президентский совет, а об аналитической группе, владеющей информацией не только о военной опасности, но и об обеспечении безопасности личности, государства, общества в сферах экономики, экологии, национальных и религиозных отношений, информационно-психологической и др.

Далее в обращении предлагалось определить статус Комитета по вопросам обороны и государственной безопасности, его полномочия контроля за деятельностью военной администрации, изменить его структуру и состав. Почему мы считаем это необходимым?

Сразу после I Съезда народных депутатов я заинтересовался тем, как формируются комитеты Верховного Совета СССР. Мне указали на следующие принципы «подбора и расстановки кадров»: добровольность участия, равное представительство народных депутатов и членов Верховного Совета, представительство всех республик и, наконец, компетентность. Проанализировав состав упомянутого комитета, я пришел к выводу, что есть еще один принцип, о котором предпочитают не упоминать, но который подразумевается, — принцип угодности данного состава комитета для тех, за кем он должен осуществлять контроль. Посудите сами: разве можно было предполагать возможность действенного контроля за военно-промышленным комплексом со стороны председателя комитета, если тот одновременно являлся генеральным директором и главным конструктором НПО «Прибор и автоматика» — одного из ведущих объединений оборонного комплекса, — подчиненным заместителю председателя Совета Министров СССР по оборонному комплексу? Разве можно ожидать действенного парламентского контроля за Министерством обороны со стороны, например, т. Шабанова, являющегося заместителем министра обороны по вооружению?

Мы выступаем за обновление комитета, чтобы в нем заседали люди, заинтересованные в проведении военной реформы, в установлении жесткого законодательного контроля за деятельностью военной администрации.

Следующая мера, которую мы предлагаем, — это смена военного руководства и разделение функций Министерства обороны и Генерального штаба с превращением первого в орган административного управления во главе с гражданским лицом — политиком.

Все средства военного бюджета, в том числе из десятка министерств ВПК, необходимо передать Министерству обороны. Только в этом случае возможно будет определить подлинные затраты на оборону и разумно регулировать их использование. Особенно остро этот вопрос стоит сегодня, когда необходимо отыскать средства для финансирования программы по обустройству военнослужащих. К армии «бомжей в военной форме», которую в настоящее время составляют 180 тыс. семей офицеров и прапорщиков, скоро прибавится еще примерно 100 тыс. семей военнослужащих из ликвидируемых зарубежных групп советских войск. Руководители военного ведомства видят выход прежде всего в том, чтобы обязать местные Советы решить эту проблему. Но это всего лишь благое пожелание и попытка нового противопоставления армии обществу, так как у местных Советов даже в льготной очереди ветераны, инвалиды войны, «аварийщики» стоят десятилетиями. Необходима чрезвычайная государственная программа, средства на которую можно изыскать за счет сокращения закупок боевой техники, которую мы то производим в непотребно большом количестве, то уничтожаем, расходуя на это миллионы народных денег.

Мерой первоочередного значения, на наш взгляд, является исключение деятельности политических партий в Вооруженных Силах, переход от партийного руководства к государственному на правовой ос-

нове, что предполагает реорганизацию политорганов, изменение структуры и сокращение численности института политработников.

Что ждет нынешних политработников? Сегодня их около 100 тыс. Всем этим людям, имеющим социальный опыт, знания и навыки работы с личным составом, после соответствующей аттестации надо дать возможность профессионально переориентироваться для работы в войсках в качестве юристов, социологов, психологов, офицеров по работе с семьями военнослужащих и по связи с общественностью.

Принципиально следует решить вопрос о членстве военнослужащих в различных общественных организациях. В условиях демократизации советского общества политические права военнослужащих должны быть защищены, и им, на наш взгляд, должно быть разрешено участвовать в политических партиях, но только во внеслужебное время и по территориальному принципу. Одновременно из анкет военнослужащих навсегда следует исключить графу «партийность».

— *Перечисленные выше меры должны содействовать успешному продолжению разработки военной реформы и переходу к ее осуществлению. Считаете ли Вы, что Закон о военной реформе будет принят и если да, то в какой мере в нем будут учтены замечания и предложения, а может быть, даже и альтернативный проект, которые подготовит Министерство обороны?*

— Этапы дальнейшей работы по подготовке и организации военной реформы предполагают ее рассмотрение в комитетах и комиссиях Верховного Совета СССР с последующим обсуждением на сессии. В том случае, если Министерство обороны представит альтернативный проект или отдельные предложения, обсуждаться будут оба варианта. Обсуждение проекта (или проектов) на сессии Верховного Совета может завершиться принятием постановления о военной реформе, в котором будет предусмотрено создание комиссии по ее проведению. Одним из направлений деятельности этой комиссии будет разработка программы военной реформы, а также более детальная проработка перечня основных правовых актов, пакета документов, которые позволят реализовать эту программу. Сюда входят закон об обороне, закон о правовом статусе военнослужащего, положение о порядке прохождения службы, новые общевойсковые уставы и др. Только впоследствии, проведя глубокую работу с участием научных кругов, общественности, органов законодательной, исполнительной и судебной власти, можно будет вести речь о принятии закона о военной реформе.

— *По всей видимости, эффективность этой работы будет во многом зависеть от появления определенных исследовательских структур, способных поставить объективную информацию о военной угрозе, военно-политической обстановке в мире и стране. Насколько объективна и достоверна информация, которую Вы получаете в настоящее время? Будет ли она достаточна в условиях военной реформы?*

— Размышлять о достаточности информации можно лишь тогда, когда такая информация есть и она доступна. В нашем же случае информация разрознена по различным ведомствам и подчиненным им

институтам, нередко засекречена. Поэтому крайне необходимо в ближайшее время создать парламентский центр, который бы обобщал и анализировал всю информацию, поступающую из различных государственных и общественных организаций по направлениям деятельности комитетов и комиссий Верховного Совета. Этот центр, назовем его центром оценок и стратегических прогнозов, позволил бы депутатам освободиться от диктата, который мы ощущаем со стороны монопольных держателей информации, намеренно создающих ее дефицит. Появление такого центра стало бы серьезной гарантией того, что на формирование внешней и внутренней политики государства не будут оказывать влияние чьи-либо личные, местнические, эгоистические интересы.

Однако всю работу по организации независимой информационной структуры применительно к проблемам военной реформы следует вести в рамках создания комплексной системы безопасности СССР. Существующее до сих пор у нас понимание безопасности, по сути дела, сводится к обеспечению безопасности военной. В условиях «холодной войны» такое понимание во многом, хотя и не полностью, соответствовало действительности. Но сегодня положение коренным образом изменилось. Безопасность нашего государства предусматривает защиту от целой системы угроз: экономической, национальной, демографической, военной и т.д. Поэтому политика обеспечения государственной безопасности должна исходить из прогноза, определяющего приоритетность той или иной угрозы.

Военная политика является лишь частью общей системы безопасности страны, связанной с противодействием военной угрозе. Место военной угрозы в системе угроз со всеми вытекающими отсюда последствиями должно определяться Съездом народных депутатов, Президентом СССР, Верховным Советом СССР на основе рекомендаций Президентского совета, комитетов и комиссий Верховного Совета СССР и оценок вышеназванного парламентского центра. Сейчас предпринимаются первые шаги в этом направлении. 27 апреля 1990 г. распоряжением Председателя Верховного Совета СССР по согласованию с Президентом СССР была создана рабочая комиссия для проработки вопросов, связанных с совершенствованием системы безопасности страны.

Исходным условием формирования военной политики в современных условиях, когда, с одной стороны, реально обозначилась тенденция к снижению военной опасности извне, с другой — сама эта политика превращается в один из компонентов системы безопасности, становится осознание или переосмысление роли вооруженных сил как средства ненасильственной политики. Казалось бы, армия воплощает в себе идею насилия в чистом виде, однако в современных условиях политическое, правовое и психологическое закрепление за армиями цивилизованных стран мира функции сдерживания во внешней политике и гаранта стабильности общества во внутренней политике ведет к расширению возможности использования армии в ненасильственных целях.

— Как Вы совершенно правильно заметили, мы сталкиваемся с парадоксальным явлением, когда армии существуют не для того, чтобы начать войну, а для того, чтобы ее предотвратить. На этот парадокс политологи и Запада и Востока обратили внимание сравнительно недавно, так как в условиях конфронтации каждая из сторон считала собственные вооруженные силы субъектом мира, а армию противостоящей стороны — потенциальным агрессором. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась: новое политическое мышление показало пути построения глобальной системы ненасильственных международных отношений. Место и роль военных в этой системе еще далеко не определены. Однако уже сегодня можно сказать, что в современном мире армии должны существовать для того, чтобы продолжать политику мира военными средствами сдерживания войны.

— Безусловно. И, исходя из этого, следует превратить нашу армию по способу комплектования и принципам строительства, по структуре и функциям из армии ведения войны в средство ее предотвращения. Именно в этом и заключается один из основных аспектов военной реформы. Поэтому неверно, как полагают некоторые, ставить знак равенства между военной реформой и реорганизацией Вооруженных Сил, хотя последняя имеет принципиальное значение. Что здесь предполагается сделать?

Проект концепции военной реформы предусматривает поэтапный переход к профессиональным Вооруженным Силам, меньшим по численности, но лучшего качества, которые являются добровольными по способу комплектования, смешанными по принципу строительства, интернациональными по составу.

Переход к профессиональной армии возможно осуществить в течение 4—5 лет в следующей последовательности: перевод на положение профессионалов сержантского состава и технических специалистов из числа военнослужащих срочной службы; полный перевод на профессиональную основу наиболее престижных и технически оснащенных видов вооруженных сил и родов войск. В переходный период будет использоваться смешанный способ комплектования Вооруженных Сил, предусматривающий сочетание добровольного вступления в армию на основе контракта (до 5 лет) и призыва граждан для прохождения службы по территориальному принципу для сухопутных войск и профессионального резерва, а также введение альтернативной службы.

Вместе с тем реорганизация Вооруженных Сил еще не станет реформой, если, повторюсь, параллельно не будет пересмотрена концепция обеспечения общенациональной безопасности страны.

Особую важность приобретает реорганизация механизма выработки и осуществления военной политики, которая позволила бы и в этой сфере общественных отношений перейти от тоталитаризма к демократическому обществу. Как известно, структура такого общества предполагает четкое разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Соответствующим образом должны быть ориентированы и механизмы военной политики. Оптимизацию военной полити-

ки можно осуществить путем условного разделения уровней руководства и управления на политический, административный, собственно военный и создания системы взаимодействия между ними при определении зоны ответственности каждого.

Во главе системы взаимодействия перечисленных структур и уровней управления будет находиться Президент СССР в качестве Верховного главнокомандующего, действия которого по использованию Вооруженных Сил будут регулироваться законом. Эффективность и гибкость этой системы должны обеспечиваться за счет программно-целевого метода разработки важнейших проблем военной политики и военного строительства.

На политическом уровне в формировании военной политики до принятия решения должны принимать участие на равной основе все политические партии и общественные организации, органы государственной власти и общество в целом при максимальной открытости и гласности на уровне международных информационных стандартов без ущерба для безопасности страны. Примат политического руководства будет достигаться через осуществление Президентом СССР конституционных функций в сфере обороны и усиление власти законодательных органов (Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР, его комитетов и комиссий) путем предоставления им исключительных прав и полномочий в принятии решений по принципиальным вопросам военной политики и оборонного строительства.

На административном уровне Министерство обороны совместно с другими органами исполнительной власти и общественностью будет участвовать в разработке военной политики, подготовке предложений и рекомендаций для их рассмотрения в законодательных органах, в том числе оценивать военно-политическую обстановку и степень военной угрозы; готовить военно-техническое обоснование реализации политических решений; планировать и заказывать НИОКР, производство и закупки вооружений и техники; определять расходы на личный состав, его боевую подготовку, техническое, тыловое, пенсионное обеспечение в объемах, установленных статьями военного бюджета.

На военном уровне — Генеральный штаб как самостоятельный орган совместно с другими органами боевого управления должен осуществлять реализацию военно-политических и военно-технических решений через стратегическое и оперативно-тактическое планирование, организовывать учебно-боевую и боевую деятельность Вооруженных Сил СССР.

Наряду с этим важным звеном формирования военной политики является передача решения вопросов обороны, Вооруженных Сил, государственной безопасности в совместное ведение Союза ССР и входящих в него республик, что предполагает:

право каждой республики делегировать необходимые полномочия центру на договорной основе, учитывающей особенности развития республик;

обязанность каждой республики обеспечивать минимум затрат, гарантирующих безопасность страны в целом;

создание в структуре Вооруженных Сил страны национально-территориальных формирований сухопутных войск и профессионального резерва на территории каждой республики, подчиненных в административном порядке центральному и местному руководству, а в оперативно-стратегическом — только центру, и др.

Необходимыми условиями реализации этих задач могут стать законодательное закрепление прав и обязанностей республик, входящих в Союз ССР, в общесоюзном договоре, в соглашениях между отдельными республиками, а также воссоздание института уполномоченных военного ведомства при правительствах союзных республик и обеспечение их представительства в Министерстве обороны.

— *Естественно, что точкой отсчета любой реформы, в том числе и военной, является детальное выяснение того, что, собственно говоря, необходимо реформировать. Однако если задать вопрос об этом политологу, экономисту, социологу и военачальнику, то ответы могут оказаться самыми разными. И в этом нет ничего удивительного. Военная реформа должна вообрать в себя разнообразие требующих изменения отдельных явлений армейской действительности, чтобы качественно изменить эту действительность в целом. Исключением здесь могут быть только права человека — критерий любого общественного преобразования. Какие проблемы в области прав человека существуют, по Вашему мнению, в советских Вооруженных Силах и как эти проблемы должны решаться в ходе военной реформы?*

— Права человека определяются в первую очередь положением личности в структуре общественных отношений. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, следует говорить о проблемах гуманизации и демократизации внутриармейских отношений.

Гуманизация предполагает отказ от взгляда на военнослужащего как на потенциального нарушителя. Сегодня консервативно-замкнутый характер внутриармейских порядков и казарменный уклад жизни обуславливают существование в армии системы подавления личности. Разрушить эту систему можно, лишь сняв излишние запреты, приведя в соответствие права военнослужащего с правами гражданина СССР. Например, в вооруженных силах многих стран мира является естественным, когда военнослужащий срочной службы на ночь уходит в увольнение, а в течение года ему предоставляется отпуск. Совершенно естественным в ряде армий является и то, что вопрос о привлечении военнослужащих к ответственности решается в судебном порядке. У нас же этот вопрос относится к компетенции командиров. В принципе с таким положением можно согласиться, но только при условии создания надежных правовых гарантий законности привлечения военнослужащих к дисциплинарной и материальной ответственности, исключаях возможный произвол со стороны отдельных командиров, а также при установлении широкого гражданского контроля в этой области.

Как свидетельствуют социологи, советская молодежь, в том числе студенты, считает, что самовоспитание занимает едва ли не последнее

место среди факторов воспитания. Одним из мощных рычагов формирования подобного иждивенческого подхода является армия, где за любой проступок подчиненного ответственность несет командир. Поэтому нередко не по своей воле командир вынужден «ломать» своих подчиненных, держать их в постоянном напряжении. Получается не воспитание, а подавление. От такого подхода нужно отказываться.

Следующее условие гуманизации положения личности в армии — повышение заинтересованности военнослужащих в качественном выполнении своих обязанностей. Мы долгое время пытались строить государственные институты, в том числе и армию, на энтузиазме, забывая о материальных стимулах. А недавно в Генштабе был сделан расчет стоимости профессиональной армии, исходя из оплаты воинского труда офицера в сумме 1200 руб. в месяц, прапорщика (мичмана) — 700 руб., солдата — до 500 руб. Те же военачальники, выступая против перехода у нас на профессиональную армию, нередко приводят данные о том, что примерно одна треть личного состава советских Вооруженных Сил и без того является профессионалами. Но почему же в таком случае «профессионалы» непрофессиональной армии получают во много раз меньше, чем им платили бы в армии профессиональной?

Отсутствие личной материальной заинтересованности и становится причиной апатии, особенно среди молодых советских офицеров и сержантов. Между тем на вопрос, почему у нас столь массовый уход из армии молодых офицеров, А. Д. Лизичев как-то ответил, что не та, дескать, пошла молодежь, боится трудностей. Но дело, конечно, не в трудностях, которых офицеру всегда будет хватать с избытком, а в уровне интереса к службе. Интерес же в наших условиях, нравится кому-то это или нет, определяется в первую очередь материальной стороной. Именно с этого была начата военная реформа в 1924—1925 гг., когда оплата труда рядового состава была увеличена в 4 раза, командира взвода — в 3,4, командира полка — в 2,5, командира дивизии — в 2,2 раза.

Второй аспект вопроса о положении личности военнослужащего в армии — это демократизация. Сегодня вместо демократизации отношений внутри армии происходит демократизация институтов. Например, недавно возрождена традиция Офицерских собраний. Однако при этом из нее оказалась выхолощенной революционная суть, так как собрание не может самостоятельно избрать своего председателя. Им по должности становится командир части. Хорошо, если командир пользуется авторитетом, а если нет? И смогут ли офицеры даже на этом собрании противопоставить свое мнение командиру, будучи зависимыми от него практически по всем вопросам — получения жилья, продвижения по службе, предоставления работы жене, места в детском саду для ребенка и т.д.?

В то же время попытки создать в Вооруженных Силах органы социальной защиты военнослужащих не встречают поддержки со стороны военных руководителей. Но в большинстве стран мира считается нормальным, когда у военнослужащих есть свои собственные организации по типу профсоюзов, стоящие на страже их прав. В предложен-

ном комиссией проекте концепции военной реформы военнослужащим гарантируется возможность создавать такие организации и союзы. Кроме того, в целях преодоления внеслужебной зависимости военнослужащего предусматривается при заключении с ним контракта заранее оговорить проблемы жилья, трудоустройства членов семьи, социально-бытового и культурного обеспечения.

— *Вам часто приходится бывать в войсках, встречаться с представителями армейских коллективов. Как относятся офицеры к перестройке, чего ждут от нее?*

— Если верить Министру Обороны СССР тов. Язову Д. Т. («Красная звезда» от 3 июня 1990 г.), то военная реформа уже 5 лет как «переведена из плоскости теории в плоскость практической политики». Следуя его логике, можно сделать вывод: рост преступности и непрофессионализма в армии за эти годы, гибель ежегодно до 4 тыс. военнослужащих, более 6 тыс. случаев дезертирства и уклонений от службы, десятки тысяч молодых офицеров, желающих уйти из армии, падение интереса к службе среди солдат и сержантов, выпускников школ и ПТУ — все это результат проведения реформы.

Называя меры по реализации основных направлений военной реформы (часть из которых перекликается с нашим проектом), Д. Т. Язов в статье с аналогичным названием предлагает сохранить в прежнем виде главные принципы сегодняшнего военного строительства: монополию ВПК и его диктат по отношению к армии; прямое партийное руководство; всеобщую воинскую обязанность и лишение республик права участия в решении этих вопросов. Вместе с ними остаются и основные причины углубления кризиса.

Вот почему, по-видимому, проводимую Министерством обороны СССР работу по перестройке в армии при таких печальных последствиях и сохранении причин, приведших к ним, назвать военной реформой нельзя. Поступить так — значит выдать желаемое за действительное.

Офицеры, по крайней мере многие из тех, с кем довелось встречаться мне и моим коллегам — депутатам, ждут военной реформы, которая наконец начнет перестройку в Вооруженных Силах (настоящую, а не на словах). Именно с реформой они связывают свое будущее пребывание в рядах армии и флота. Отставание же процессов перестройки в Вооруженных Силах от общего развития страны становится причиной напряженности как в армии, так и вокруг нее. Помимо того, такое отставание, инициируемое консервативными силами, уже сегодня несет угрозу стабильности демократических преобразований в нашем обществе. Поэтому, выступая в воинских частях, демократически мыслящие депутаты-военнослужащие основное внимание уделяют разъяснению личному составу необходимости создания механизма, который не позволил бы использовать армию против народа. Понимание этого мы встречаем у большинства представителей офицерского корпуса.

Беседа вел Андрей Черкасенко

ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

- Д. Волкогонов,* народный депутат РСФСР, генерал-полковник, доктор философских и исторических наук, начальник Института военной истории Министерства обороны СССР
- Н. Чалдымов,* генерал-майор, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры Военно-политической академии им. В. И. Ленина, президент Советской ассоциации «Армия и общество»
- Б. Каневский,* доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны СССР
- Дж. Эберли,* адмирал, директор Королевского института международных отношений (Великобритания)
- Р. Хэтнетт,* заместитель директора Института Мошера при Техасском университете по исследованиям проблем обороны (США)
- Г. Хагена,* бригадный генерал в отставке (ФРГ)
- А. Кокошин,* член-корреспондент Академии наук СССР, заместитель директора Института США и Канады АН СССР
- Ч. Москос,* профессор социологии Северо-Западного университета (США), руководитель межвузовского семинара по изучению проблем армии и общества
- В. Козин,* кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Дипломатической академии МИД СССР
- С. Благоволин,* доктор экономических наук, заведующий отделом ИМЭМО АН СССР
- Д. Иванов,* публицист

- Д. Банерджи*, бригадный генерал, Институт оборонных исследований и анализа (Индия)
- В. Гидиринский*, доктор философских наук, профессор Военно-политической академии им. В. И. Ленина
- Г. Силласте*, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой социологии Академии общественных наук при ЦК КПСС
- С. Юшенков*, депутат Верховного Совета РСФСР, подполковник, кандидат философских наук
- о. Владислав (В. Цыпин)*, доцент Московской духовной академии, протоиерей
- А. Пчелинцев*, подполковник юстиции, кандидат юридических наук, старший преподаватель Военного института Министерства обороны СССР (г. Москва)
- А. Беблер*, профессор Люблянского университета им. Э. Карделя (Югославия)
- Ю. Мамонтов*, полковник, доктор философских наук, профессор Военно-политической академии им. В. И. Ленина
- А. Панкин*, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Международная жизнь»
- М. Кирбасова*, председатель Комитета солдатских матерей (г. Москва)
- Н. Червов*, генерал-полковник, начальник управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР
- В. Потапов*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИНИОН АН СССР
- В. Мартыненко*, полковник, кандидат экономических наук, старший преподаватель Военно-политической академии им. В. И. Ленина
- В. Ковалевский*, полковник, доктор философских наук, профессор Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского
- А. Савинкин*, подполковник, кандидат философских наук, преподаватель Военно-политической академии им. В. И. Ленина
- В. Шлыков*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО АН СССР

- С. Викулов,* доктор экономических наук, профессор
- В. Владимиров,* генерал-майор
- С. Посохов,* полковник
- В. Дудник,* генерал-майор, кандидат педагогических наук, начальник кафедры партийно-политической работы Военно-политической академии им. В. И. Ленина
- Ю. Рыжов,* председатель Комитета Верховного Совета СССР по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, академик, ректор Московского авиационного института
- В. Кудрявцев,* народный депутат СССР, академик, вице-президент АН СССР
- Г. Шахназаров,* народный депутат СССР, член-корреспондент АН СССР, президент Советской ассоциации политических наук
- А. Цалко,* народный депутат СССР, полковник
- В. Ерохин,* народный депутат СССР, подполковник
- В. Лопатин,* народный депутат СССР, заместитель председателя Государственного комитета РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с МО СССР и КГБ СССР, майор
- А. Черкасенко,* старший референт Советской ассоциации «Армия и общество»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. Велихов.</i> Предисловие	5
--	---

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Д. Волкогонов.</i> Судьбы войны и мира (советский опыт)	11
<i>Н. Чалдымов.</i> Новое мышление в военной политике	19
<i>Б. Каневский.</i> Оборонная политика: особенности, структура и функции	29
<i>Дж. Эберли.</i> Изменение взглядов на применение военной силы	42
<i>Р. Хэтчетт.</i> США: две точки зрения	49
<i>Г. Хагена.</i> Размышления над концепцией НАТО	60

АРМИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>А. Кокошин.</i> Новые приоритеты	71
<i>Ч. Москос.</i> Вооруженные силы в «обществе отрицания войны»	78
<i>В. Козин.</i> Оборонная достаточность или ядерное сдерживание?	84
<i>С. Благоволин.</i> Военная мощь: какая, зачем?	98
<i>Д. Иванов.</i> Безопасность Европы и Советская Армия	116
<i>Д. Банерджи.</i> Новые подходы к безопасности в АТР	128

ОБРАЗ АРМИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

<i>В. Гидиринский.</i> Старые догмы и идеологическое обновление	143
<i>Г. Силласте.</i> Межнациональные конфликты и армия	157
<i>С. Юшенков.</i> Армия глазами неформалов	173
<i>о. Владислав (В. Цыпин).</i> Церковь и армия	184
<i>А. Пчелинцев.</i> Армия и религия: от конфронтации к диалогу	194

<i>А. Беблер.</i> Восточная Европа: проблема отказа от военной службы	205
<i>Ю. Мамонтов.</i> Общественная ценность армии	213
<i>А. Панкин.</i> Грани военной опасности: опыт общественной экспертизы	220
<i>Беседа с М. Кирбасовой.</i> «Мы защищаем права сыновей»	229

РАЗОРУЖЕНИЕ И КОНВЕРСИЯ

<i>Н. Червов.</i> Советский Союз и вопросам разоружения	239
<i>В. Потапов.</i> Конверсия и общество	257
<i>В. Мартыненко.</i> Приоритеты конверсии	273

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

<i>В. Ковалевский.</i> Перед военной реформой	289
<i>А. Савинкин.</i> Армия в переходный период	306
<i>В. Шлыков.</i> Принципы формирования армии: мировой опыт . . .	319
<i>С. Викулов.</i> Военная реформа и экономика	342
<i>В. Владимиров, С. Посохов.</i> О некоторых проблемах национальной безопасности СССР	350
<i>В. Дудник.</i> Политорганы в свете гласности	364

ГОВОРЯТ НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ СССР

<i>Ю. Рыжов.</i> Стратегия безопасности страны	377
<i>В. Кудрявцев.</i> На повестке дня — радикальные преобразования .	391
<i>Г. Шахназаров.</i> Политическая наука и безопасность общества . .	399
<i>А. Цалко, В. Ерохин.</i> Армия нуждается в перестройке.	407
<i>В. Лопатин.</i> Депутаты-офицеры — за кардинальную военную реформу	413

ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА	428
--------------------------------------	-----

Художник Ю. Н. Егоров. Технический редактор Л. Н. Шупейко. Корректоры М. А. Таги-Заде, О. Е. Косова.

ИБ № 18901

Сдано в набор 02.07.90 г. Подписано в печать 27.09.90 г. Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Пресс-Роман". Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0. Усл. кр.-отт. 54,0. Уч.-изд. л. 29,36. Тираж 9800 экз. Заказ №1289. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 47826. Издание подготовлено на микроЭВМ с помощью программы "Вентура Паблицер". Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17. Можайский полиграфкомбинат В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

